This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЕМЕЙСТВОМЪ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 12

ДЕКАБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И И. ТИВЛИНА
1864

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
65913B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1940 L

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 25 января 1865 года.

Digitized by Google

ГЛУХАЯ УЛИЦА

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Грозный мракъ сурово царитъ надъ уснувшимъ городомъ. Карлики-дома притаились за безконечными заборами, и какъ какіе-то сказочные гиганты сторожатъ ихъ тоскливо шумящія тѣни деревъ, простирая надъ ними свои безчисленныя руки. Слабый, трепетный лучъ свѣта, пробиваясь сквозь щель не плотно притвореннаго ставня, въ этомъ угрюмо-таинственномъ мракѣ наполняетъ душу одинокаго бездомнаго странника тоскою и отчаяніемъ. Какъ громадный гробъ фантастически вырастаетъ все выше и выше мертвый домъ; чей-то вой и зловѣщій хохотъ носится въ пустынномъ саду, словно сотни мертвецовъ сошлись на праздникъ смерти... Кровь застываетъ въ жилахъ среди этого пустыннаго мрака!..

И стоитъ онъ за порогомъ родимаго дома, неподвижно устремивъ взоръ въ непроницаемую даль... Куда-же идти?.. Какъ Вѣчный Жидъ будешь ходить ты изъ одного мѣста въ другое и нигдѣ не найдешь пристанища, и никогда не будешь ты знать покоя!.. Повсюду будетъ преслѣдовать тебя мысль, что ты — воръ! Грозный голосъ отца вѣчно будетъ звучать у тебя въ ушахъ... «Вонъ! вонъ изъ моего дома!..» И плачемъ и стономъ вторитъ вѣтеръ этимъ страшнымъ словамъ... «Сашенька! Сашенька!..» тихо рыдаетъ убитая горемъ старушка. «Сашенька, гдѣ ты?» проносится послѣдній призывъ, послѣдняя мольба, съ

Digitized by Google

невѣдомой силою вырвавшаяся изъ груди, какъ будто тысячи струнъ порвались разомъ... «Гдѣ ты, гдѣ ты?..» все дальше и дальше уходитъ умоляющій голосъ. «Вонъ изъ моего дома!» снова проносится грозный голосъ: «Вонъ!» и снова мольба и слезы...

Вернись-же скорѣе назадъ; бросься на колѣни передъ отцомъ, покайся ему со всею искренностью, плачь передъ нимъ и моли его! Добръ твой отецъ — онъ проститъ тебя! Вернись-же скорѣе! «Никогда! никогда! никогда!» Никогда не унизится онъ, и молить и плакать не станетъ. Довольно тяготѣла надъ нимъ тяжолая отцовская рука. И опять идти и склониться передъ грозной отцовской волей? Опять переносить покорно брань и побои? Лучше умереть съ голода.

И вотъ среди мрака безмолвныхъ и пустынныхъ улицъ медленно движется чья-то тѣнь. Безъ цѣли и безъ мысли идетъ онъ все дальше и дальше отъ родного дома, а мракъ вокругъ него становится все угрюмѣе и ужаснѣе; холодный дождь все порывистѣе хлещетъ ему въ лицо и пронизываетъ его до костей, и какъ какой-то злобный демонъ то захохочетъ, то заплачетъ вѣтеръ. И припоминаются ему давно минувшіе годы... Образъ матери съ кроткимъ взглядомъ и болѣзненной, но все-таки нѣжной улыбкой возстаетъ передъ нимъ... О, какъ любила она его! о, какъ любила! Какъ добра была она! — И сквозь завыванья вѣтра слышатся чьи-то рыданья... О, вернись-же, и плачь и моли!.. И опять у воротъ двухъ-этажнаго дома стоитъ чья-то тѣнь, подходитъ къ затвореннымъ ставнями окнамъ небольшого флигеля и къ чему-то прислушивается... но тамъ все тихо...

А ему ужь слышится грозный отцовскій голосъ и видится грозно поднятая отцовская рука. И снова безцѣльно удаляется онъ отъ родного жилища. — Смири-же скорѣе свою гордыню! Нѣтъ, онъ никогда не смирится, никогда! Будь что будетъ, а онъ не вернется домой.

Но куда-же зашолъ онъ? Ни одного жилья не видно кругомъ, не слышно ни единаго звука, кромѣ злобнаго завыванья вѣтра; только тамъ гдѣ-то вдали свѣтится одинокій огонекъ, словно блестящій волчій глазъ. Страшно! Сердце замираетъ отъ ужаса... «Вонъ! Вонъ изъ моего дома!» непрерывно звучитъ въ ушахъ. И-и-и-у-у! заливается вѣтеръ, проносясь по широкому полю. Что дѣлать, и куда идти?.. Узкая, полная непроницаемаго

Digitized by Google

мрака улица, и по ней какъ будто преслѣдуемая невидимыми врагами быстро бѣгущая тѣнь, уносимая вѣтромъ... Но вотъ громада-домъ сталъ на пути; яркіе огни свѣтятъ сквозь безчисленныя окна... Пасть чудовища разверзается съ насмѣшливымъ визгомъ, поглощая въ себя неосторожныхъ путниковъ. Уходи отсюда, уходи! Но ужь пасть раскрылась и поглотила бездомнаго странника.

— Пріятелю, встрѣчаетъ молодого Кречетова Николашка Отпѣтый. — Наши подштанники — вамъ на утиральники, наши порточки — вамъ на платочки.

— Здравствуй, отвѣтилъ Александръ врагу Глухой улицы, съ такимъ видомъ, какъ будто не онъ, а кто-то другой говорилъ за него.

— Откуда Богъ несетъ? любопытствуетъ Николашка.

— Водки-бы мнѣ выпить, отвѣчаетъ Александръ.

— Вотъ она, прикладывайся, говоритъ Отпѣтый, пристально вглядываясь въ состояніе своего пріятеля. — Да гдѣ это тебя черти носили? добавляетъ бывшій врагъ Глухой улицы, а тѣмъ паче глухоулицкихъ собакъ.

— Такъ...

— Чего такъ?..

— Я еще выпью.

— Пей. На это отъ меня тебѣ запрета нѣтъ. Я для тебя, знаешь, не жалѣю, потому — другъ. Ну, а коли другъ, пей за двухъ. Это все едино: что рожь, что мякина. Ты теперь этого не можешь понять?

— Нѣтъ.

— Рекомендую тебѣ, говорилъ Николашка молодому Кречетову, указывая на весьма потасканную фрину трехъ этажнаго дома въ яростно-малиновомъ платьѣ, — дама изъ города Амстердама, по имени Дарья Антиповна, увѣряющая будто зовутъ ее Лизою. Четырьмъ языкамъ обучалась.

— Очень радъ...

— А вотъ это, продолжалъ Николашка, намекая на таинственно-сумрачнаго господина, облеченнаго въ синій сюртукъ, непремѣнно-бы восхитившій своею древностью антикварія, — господинъ Сковродинъ. Служилъ у купца Непотребнаго, а теперь въ проходномъ ряду пыльею торгуетъ.

Digitized by Google

— Очень радъ...

— Кто это? шопотомъ спросилъ у Отпѣтаго синій сюртукъ, указывая глазами на Александра.

Отвѣтъ Никалашки слышалъ только тотъ, кто имѣлъ возможность привести своею одеждой въ восторгъ антикварія.

— Какой-же въ немъ толкъ? замѣтилъ таинственно-сумрачный господинъ.

Отвѣтъ Николашки былъ по прежнему тихъ.

— Гм! ладно! согласился синій сюртукъ и обратился къ дамѣ изъ города Амстердама съ предложеніемъ такого сорта: — Мамзель, чтожь ты такъ сидишь: ты-бы выпила.

— Пугни мадерой, замогильнымъ голосомъ отвѣчала мамзель.

— Ишь, чего закотѣла, съ хохотомъ возразилъ Николашка. — А ты водку трескай. Еще молода, въ Сансоніи не была, мадеру-то пить. Знаешь-ли какъ она пахнетъ-то?..

— Это можетъ ты не знаешь, а я всякое вино пивала; потому — когда я у маменьки съ тятенькой жила, у насъ свои лошади были.

— А кто у тебя отецъ былъ? Чай, либо бутошникъ, либо трубочистъ.

— Совсѣмъ даже напротивъ. Тятенька мой въ купцахъ состоялъ.

— Торговалъ кирпичомъ и остался ни причемъ... Знаемъ! глумился Николашка Отпѣтый. Кречетовъ оставался совершенно безучастнымъ къ разговору и пилъ рюмку за рюмкой. Синій сюртукъ тоже безмолвствовалъ и тоже наливалъ себя водкой.

Дама изъ города Амстердама обратилась къ Кречетову и сказала тѣмъ-же могильнымъ шопотомъ, отъ котораго по тѣлу пробѣгаетъ невольная дрожь:

— Мусьё, парле ву франсе?

Александръ, оторванный этимъ вопросомъ отъ своихъ невеселыхъ мыслей, невольно вздрогнулъ.

— Что-съ? спросилъ онъ.

— Же ву занъ при; ке-се-ке-се мадера, завлекала его мамзель.

— Извольте, уныло отвѣтилъ Александръ, повидимому совершенно не понимая чего отъ него требуютъ.

Digitized by Google

— Же ву мерси! произнесъ могильный шопотъ.

— Ты, смотри, грохочетъ Николашка, — не отбей у меня.

— Что ты говоришь? спросилъ Александръ.

— Карета, братецъ ты мой, на двухъ колесахъ проѣхала.

— А!

Принесли мадеру.

— За ваше здоровье, мусье, снова раздается голосъ мамзели. — Чтожъ вы сами не пьете?

— Выпью.

— Эй! крикнулъ Николашка.

— Что вамъ угодно? произнесъ въ мгновеніе ока неизвѣстно откуда появившійся узникъ знаменитаго города.

— Торбаниста сюда!

— Сейчасъ-съ предоставимъ.

Появляется торбанистъ.

— Изображай! приказываетъ ему Отпѣтый.

«Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
«Изъ подъ липова коренья!..
«Охъ, калина!
«Охъ, малина!»

изображаетъ торбанистъ.

— А ты — Спирю, требуетъ Николашка. — Мамзель, танцуй!

Но и сей веселый танецъ не можетъ развлечь Александра; онъ какъ-то безчувственно наливаетъ рюмку за рюмкой и все ниже опускаетъ голову.

— Молодой человѣкъ, соблазняетъ его гробовой шопотъ мамзели, — прикажите еще мадеры подать.

— Извольте.

— Ты, смотри, не влюбись въ него, съ хохотомъ говоритъ мамзели Отпѣтый.

— Они очень даже любви достойны, отвѣчаетъ мамзель.

Николашка грохочетъ снова; на сцену появляются двѣ новыя мамзели: Александръ съ раскраснѣвшимся лицомъ отхватываетъ трепака; публика рукоплещетъ.

А на улицѣ по прежнему льетъ неустанный дождь и бушуетъ вѣтеръ.

Digitized by Google

ГЛАВА II

Въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ московскихъ ресторановъ, составляющихъ совершенную противоположность съ знаменитыми городами въ родѣ Амстердама, Вѣны или Берлина, въ нумерѣ, занимаемомъ удрученной годами Луизой, происходило весьма изящное пьянство. Тутъ былъ уже знакомый читателямъ джентльменъ Брусковъ; сіялъ дивными бакенами прансъ Ужасай-Свѣтозаровъ, и безмолвствовалъ еще юный, но уже совершенно круглый балбесъ, пріобрѣтшій свои тускло-голубые глаза отъ двухнедѣльнаго теленка. Тутъ была и сама удрученная годами Луиза и еще два чахлыя исчадія города Парижа,—двѣ еще юныя, но уже до мозга костей развратившіяся камзели, нахально выставлявшія на продажу свои бѣлыя, но безстыжія плечи и груди.

Время было ужь позднее. Свѣчи догорали, и даже привычныя къ истребленію всяческихъ яствъ и напитковъ ненасытныя утробы джентльменовъ начинали переполняться, а ихъ головы отуманивались и никли, вслѣдствіе чего прелести собесѣдницъ возвышались все болѣе и болѣе.

«*Mon père est à Paris,*
«*Ma mère est à Versaille!..*

увѣряла джентльменовъ удрученная годами Луиза.

— Луиза, на чистомъ парижскомъ нарѣчіи замѣтилъ прансъ Ужасай-Свѣтозаровъ, — ты начинаешь повторяться.

— Да, да, подтвердилъ юноша съ глазами, заимствованными у двухнедѣльнаго теленка. — Спой, знаешь, эту: *Au bruit d'une fade musique!..*

— Мой другъ, замѣтилъ прансъ, — не мой ради нашего спокойствія. Быть можетъ ты и рожденъ пѣвцомъ, но твой голосъ напоминаетъ кошачьи концерты.

Глаза, заимствованные у двухнедѣльнаго теленка, запылали и по лицу ихъ обладателя разлилась яркая краска.

— *Mais*... намѣревались возразить глаза двухнедѣльнаго теленка.

Ярко блещущіе бакены тотчасъ-же перебили:

Digitized by Google

— Мы знаемъ, сказали они, — Тамберликъ приходилъ въ восторгъ отъ твоего голоса, а Кальцолари предлагалъ уступить тебѣ свое мѣсто.

— *Tu penses?..*

— Думаю, братецъ, думаю, что ты вралъ; но ты не долженъ выходить изъ себя, потому что это смѣшно. Луиза, перестань!.. ты намъ уши прожужжала.

— *Qu'as-tu dit, monstre?*

— Скучно ужь очень, вотъ что я говорю.

— *Et qu'est-ce que cela me fait? je chante pour moi-même.* Не хочешь — не слушай. — И она снова запѣла: — *Mon père...*

— И какъ тебѣ врать не совѣстно! сказалъ прэнсъ Ужасай-Свѣтозаровъ.

— *Quoi?* грозно произнесла Луиза.

— Я говорю, что у тебя отца не было.

— Ахъ ты *julik!* воскликнула удрученная годами пѣвица. — У меня не было отца? *Mon père était un brave grenadier du grand Empereur!..* Да! Онъ былъ въ Россіи и билъ русскихъ какъ собакъ. *Tu comprends ça? a?*

— Браво! браво! захлопали джентльмены, не исключая и потомка магистратской четы, до того времени неучаствовавшаго въ разговорѣ, по тому поводу, что только что удостоившая древнюю столицу своимъ посѣщеніемъ мамзель Флора поглощала все его вниманіе.

— Луиза, клянусь, — ты прелестна! воскликнулъ Ужасай-Свѣтозаровъ.

— *Eh bien,* я это знаю, отвѣтила Луиза.

— *Eh bien,* ты должна подарить меня поцалуемъ.

— Фи! точно медвѣдь! *Un cosaque! un barbare!*

— *Oui, Oui,* подтвердила мамзель Флора, — *les russes sont des barbares! Mais que faire: ils sont riches!* со вздохомъ добавила она.

— Были, возразила Луиза. — *Aprésent ils sont pauvres comme les chiens!*

— Что?.. это оскорбленіе? замѣтилъ потомокъ магистратской четы. — Князь, обратился онъ къ Ужасай-Свѣтозарову, — я требую сатисфакціи, и она будетъ заключаться въ томъ, что каждый заплатитъ только за то, что имъ съѣдено. Ты согласенъ?

— Твоя идея, *mon ami,* превосходна! отвѣтилъ князь.

Digitized by Google

— Да, да, подтвердили пріобрѣтенные у двухнедѣльнаго теленка тускло-голубые глаза.

— Петька, воскликнула Луиза удрученная годами, — ты — свинья! Ты думаешь у меня нѣтъ денегъ? Смотри! — и она вытащила цѣлый пукъ ассигнацій.

— Увы, со вздохомъ замѣтилъ потомокъ магистратской четы, — это остатки моего благороднаго друга Сипунова.

— Гдѣ онъ? полюбопытствовала Луиза.

— Онъ живъ. Ты хочешь его видѣть?

— Развѣ онъ получилъ наслѣдство?

— Увы, онъ по прежнему бѣденъ.

— Что-же я стану съ нимъ дѣлать?

— Вы будете глядѣть другъ на друга и вздыхать.

— Фи! я не люблю сантиментальности. А онъ былъ милъ. Я его любила.

— Право? А мнѣ всегда казалось, что ты больше любишь устрицы.

— Ахъ, Петька, какъ ты сегодня глупъ!

Столь-же остроумный разговоръ продолжался еще нѣсколько времени и былъ прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ восклицаніемъ третьей мамзели, обладавшей пышной грудью.

— *Ah, regardez! il dort,* ужаснулась она, указывая на своего собесѣдника.

Раздался хохотъ; глаза двухнедѣльнаго теленка раскрылись; понявъ всю безнравственность и гнусность своего поступка, преступникъ началъ-было оправдываться, но его оправданія не были приняты въ уваженіе, и долго не смолкалъ хохотъ.

— Кстати, Петя, спросилъ принцъ Ужасай-Свѣтозаровъ, обращаясь къ потомку магистратской четы, — скажи, кто былъ съ тобою въ тотъ разъ, когда мы встрѣтились?

— Когда?

— Хорошо не помню. Кажется это было дня четыре назадъ. Ихъ было двѣ съ тобой: одна очень молоденькая, другая-же стара, какъ смертный грѣхъ.

— А! знаю! Такъ... мѣщаночки. Тебѣ понравилась?

— Которая?

— Конечно молодая.

— Да, она недурна! Я никакъ не подумалъ-бы, что она

Digitized by Google

мѣщанка. Въ ней есть что-то породистое. *Elle a du chic.* Но за то старуха совсѣмъ неприлична.

— Это тетка.

— Въ такомъ случаѣ простительно. Но гдѣ ты нашолъ такое сокровище?

— *Je prends mon bien où je le trouve.*

— Правило знатное. Однако, разскажи какъ ты досталъ?

— Длинная, *mon ami,* исторія.

— Тѣмъ лучше.

— Вотъ видишь-ли, я зналъ ее еще ребенкомъ. *Nous étions enfants tous les deux!..* Ты понимаешь, какъ дѣти, мы шалили...

— Съ поцалуями?

— Конечно. Ну потомъ очень долго не видались и встрѣтились совершенно случайно. Представь себѣ мое изумленіе, когда, вмѣсто маленькой дѣвочки, я встрѣтилъ такую красавицу. Согласись, было-бы неразсчотливо не воспользоваться подобнымъ случаемъ.

— Еще-бы! Я тебя понимаю.

— Сначала я ее не узналъ. Но съ ней была тетка...

— Та самая, которую я видѣлъ?

— Та самая!

— Я начинаю ее уважать.

— Ну, меня пригласили бывать. Я конечно согласился. Дѣвчонка влюбилась въ меня по уши. Но ты себѣ представь, что̀ я долженъ былъ вытерпѣть! Квартира грязная: какія-то двѣ три комнаты... подаютъ чай въ какихъ-то черепкахъ!.. Ужасъ!

— Это, *mon cher,* ничего. Я это даже люблю иногда. Эти мѣщаночки, что ни говори, имѣютъ свое достоинство!.. Свѣжесть.

— Да! но онѣ скоро надоѣдаютъ. И что всего смѣшнѣе: — она думаетъ, что я на ней женюсь.

— А ты?

— Помилуй, князь, за кого-же ты меня принимаешь!

— Такъ она тебѣ надоѣла?

— Почти.

— Уступи мнѣ.

— Съ удовольствіемъ. Но не даромъ.

— Объявляй условія.

— Дюжина шампанскаго.

— И ты уступишь?

— Уступлю.

Digitized by Google

— *Parole d'honneur?*

— *Parole d'honneur.*

— Когда-же ты меня познакомишь?

— Когда хочешь. Но предупреждаю, тебѣ будетъ нѣсколько трудно. Во-первыхъ, она до сихъ поръ влюблена въ меня безъ памяти, а во-вторыхъ, она имѣетъ необыкновенно странныя понятія...

— То есть?

— Ну, понимаешь, эта щепетильность...

— Ѳ! пустяки! Онѣ всѣ сначала жмутся... Но есть отличный способъ — деньги...

— Попробуй.

— По рукамъ.

Читатель вѣроятно догадался, что предметомъ этого постыднаго торга была Наденька Кречетова? Читатель совершенно правъ.

ГЛАВА III

Потомокъ магистратской четы былъ, какъ извѣстно, мальчуганъ краснощокій и быстроглазый, и едва-ли не эти качества способствовали его метаморфозѣ въ изящнѣйшаго джентльмена и Ловласа.

Вскорѣ послѣ переѣзда отъ Кречетовыхъ, когда ему шолъ ужь пятнадцатый годъ, судьба столкнула его съ другимъ мальчуганомъ, съ потомкомъ древняго боярскаго рода Сипуновыхъ, родоначальникомъ котораго былъ одинъ дьякъ Ивана Васильевича III. Этотъ потомокъ принадлежалъ весьма пышной и «агасантной» барынѣ, ровно уже тридцать пять лѣтъ наслаждавшейся жизнію и около пяти зимъ потерявшей супруга. Барыня эта и магистратская чета жили на одномъ дворѣ того каменнаго дома, который составлялъ собственность г. Крининцаго, и на этомъ самомъ дворѣ произошло первое знакомство юныхъ потомковъ двухъ совершенно противоположныхъ расъ. Знакомство это началось съ вражды; оно началось съ соперничества, главной виною котораго была весьма шустрая черноглазая дѣвочка, съ густыми прядями каштановыхъ волосъ и соблазнительно пунцовыми губками — великая кокетка изъ французской породы.

Digitized by Google

Двѣ аллеи и бесѣдка изъ акацій, нѣсколько кустовъ сирени и серебристый тополь, стоявшій на самой серединѣ того пространства, которое, будучи обнесено рѣшотчатымъ деревяннымъ заборомъ, имѣло претензію на названіе сада, — въ лѣтніе вечера все-таки доставляли обитателямъ каменнаго дома прохладу и т. п., о чемъ милліонъ разъ съ восторгомъ разсказывали намъ лирическіе и эпическіе поэты, что когда-то восторгало и меня, быть можетъ только потому, что подъ сводомъ столѣтнихъ липовыхъ аллей сіяли золотистые волосы и голубые глаза, и звучала дивная музыка нѣжныхъ рѣчей. Теперь эта музыка звучитъ для другого и другому свѣтятъ эти глаза, — и меня уже не манятъ липовыя аллеи своимъ таинственнымъ полусвѣтомъ...

Маленькая кокетка Жюли обыкновенно вечеромъ являлась въ этотъ свѣтлый благовонный садъ, и быстро мелькало ея голубое платье среди темнѣющихъ сиреневыхъ кустовъ и акацій. Молодые отпрыски противоположныхъ расъ одинъ передъ другимъ стремились заявить Рѣзвому Смѣху свое благоговѣніе, и этотъ Смѣхъ съ замѣчательной ловкостью водилъ ихъ обоихъ за носъ. Впрочемъ съ виду казалось, что маленькая кокетка отдаетъ большее предпочтеніе потомку древняго боярскаго рода Сипуновыхъ, но уже давно извѣстно, что сердце, а въ особенности женское, есть кладязь съ лежащимъ на днѣ его крокодиломъ,— и еслибъ кто могъ спуститься въ крохотное сердчишко Рѣзваго Смѣха, тотъ увидѣлъ-бы, что нѣсколько неуклюжій и далеко не столь благовоспитанный мальчуганъ съ быстрыми глазами, предназначенный природою для воспроизведенія магистратскихъ традицій, гораздо дороже этому сердцу. Его безмолвное поклоненіе, его безпредѣльная преданность и готовность лѣзть на дерево, съ опасностью жизни, для своей царицы не могли не покорить все-таки нѣжнаго и благодарнаго сердца маленькой кокетки. Но она ни за что, ни за что не показала-бы виду, не дала-бы замѣтить этого предпочтенія. О! она была величайшая кокетка, самовластная и даже надменная, деспотически требовавшая отъ своихъ поклонниковъ безропотной покорности. Я приведу примѣръ.

Въ одному углу свѣтлаго и благовоннаго, — я говорю благовоннаго потому, что левкои и резеда благоухали въ немъ въ это время, — сада стояла старая и высокая рябина. Лѣто шло къ концу; тяжелые грозды краснѣли. Голубое платье мелькало

Digitized by Google

среди потемнѣвшихъ сиреневыхъ кустовъ; за нимъ слѣдомъ увивались неизмѣнно вѣрные жрецы Рѣзваго Смѣха. Совершенно неожиданно маленькой кокеткѣ пришла въ голову капризная мысль, и она остановилась у рябины.

— Ахъ, восхитительно улыбаясь, воскликнула маленькая кокетка, — какъ это красиво! Я-бы очень желала имѣть.

— Что вы желаете? съ изяществомъ спросилъ потомокъ древняго боярскаго рода.

— Вотъ эту вѣтку, отвѣтилъ ему Рѣзвый Смѣхъ, указывая крохотнымъ пальчикомъ на тяжолый покраснѣвшій гроздъ рябины, висѣвшій почти у самой вершины дерева.

— Я сейчасъ прикажу Степану...

Но быстроглазый мальчуганъ уже лѣзъ на дерево, и хотя онъ изображалъ собою не совсѣмъ красивую картину, но такъ какъ онъ жертвовалъ въ нѣкоторомъ родѣ своею жизнію, то въ глазахъ Рѣзваго Смѣха получилъ значеніе почти героя. И что такое была для него въ эту минуту жизнь, когда онъ жертвовалъ ею для своей царицы? Развѣ мы сами не готовы были, хоть разъ въ жизни, жертвовать тысячью жизнями за одно ласковое слово, за одинъ нѣжный взглядъ? Развѣ мы не чувствовали въ себѣ необъятныхъ силъ въ ту минуту, когда на насъ глядѣли милые намъ глаза? Развѣ мы не совершали великихъ подвиговъ во имя любви? О, помню я, какія высокія стремленія, какой порывъ наполнялъ мою грудь, когда... Но то было давно, давно, давно! Тревожить прошлаго я не стану и, смиривъ лирическій пылъ, буду продолжать свой разсказъ, остановившійся на томъ самомъ мѣстѣ, когда одинъ изъ жрецовъ Рѣзваго Смѣха, исполняя желаніе своей повелительницы, устремился на дерево за вѣткой рябины. Онъ ее сорвалъ и спустился на землю.

— Извольте-съ, — робко, съ раскраснѣвшимся лицомъ проговорилъ быстроглазый мальчуганъ, подавая своей царицѣ съ опасностью жизни сорванную для нея вѣтку.

— *Merci*, произнесла маленькая кокетка и подарила своего вѣрнаго рыцаря такой розовой, восхитительной улыбкой, отъ которой не разъ у меня и у васъ, я думаю, читатели, сладостно билось и замирало сердце.

Потомокъ древняго боярскаго рода бросилъ грозный и даже свирѣпый взглядъ на своего счастливаго соперника, но тотъ не

Digitized by Google

замѣтилъ этого взгляда, весь переполненный счастьемъ, доставленнымъ ему розовой улыбкой Рѣзваго Смѣка.

— Я вамъ очень, очень благодарна! повторила маленькая царица очень небольшихъ героевъ.

— Хотите, я вамъ принесу камелій? спросилъ потомокъ Иванки Сипуна, бывшаго при Иванѣ III Васильевичѣ дьякомъ, полный непримиримой ненависти къ болѣе смѣлому рыцарю. — Къ вамъ онѣ очень пойдутъ.

Маленькая царица бросила на него такой взглядъ, который ясно говорилъ, что желала-бы она знать, что́ къ ней можетъ нейти, и отвѣтила, пожимая плечами:

— Камелій? Это цвѣтокъ?

— Цвѣтокъ. Это очень красивые цвѣты. Они бываютъ бѣлые и пунцовые.

— Нѣтъ, я вамъ очень благодарна. — И маленькая кокетка снова осчастливила своего юнаго, но безстрашнаго поклонника ласковой улыбкой, неоставлявшей ни малѣйшаго сомнѣнія, что вѣтка, сорванная имъ съ опасностью жизни, дороже для нея самыхъ прекрасныхъ цвѣтковъ.

Потомокъ боярскаго рода еще сильнѣе возненавидѣлъ своего соперника.

— Я недавно былъ у графа Лучинина, совершенно не кстати, но съ необыкновеннымъ достоинствомъ замѣтилъ онъ. — Его сестра удивительная красавица! было дабавлено имъ, не безъ желанія уязвить маленькую кокетку, осмѣлившуюся отказаться отъ его подарка.

— Право? съ злодѣйски-лукавой улыбкой спросилъ Рѣзвый Смѣхъ, тряхнувъ кудрями, какъ будто желая сказать: «А я все-таки лучше!» и все-таки съ свойственнымъ женщинамъ лукавствомъ прибавилъ вздыхая: — Ахъ, какъ-бы я желала быть такой-же хорошенькой!

— Вы лучше всѣхъ! порѣшилъ потомокъ магистратской четы.

— Ахъ, неправда! неправда!

— Вы лучше всѣхъ! повторилъ вѣрный рыцарь и грозно взглянулъ на своего соперника, какъ-будто вызывая его на грозный и смертный поединокъ пѣшимъ и коннымъ боемъ, подобно тому, какъ на древнихъ турнирахъ ломали рыцари тяжолыя копья въ честь избранницъ рыцарскаго сердца, часто ли-

Digitized by Google

шаясь при этомъ не только жизни, но даже половины зубовъ, которые не могли быть замѣнены вставными, такъ какъ Вагенгейма тогда, судя по историческимъ даннымъ, еще не существовало.

Маленькая красавица лукаво взглянула на потомка древняго боярскаго рода и чему-то весело засмѣялась. Стрѣла не попала въ цѣль, и стрѣлокъ, чувствуя свое пораженіе, со стыдомъ удалился съ поля битвы, клянясь въ душѣ отмстить своему противнику, но не смѣя принять вызова, такъ какъ не могло быть сомнѣнія, что побѣда останется не за нимъ.

Такія сцены случались нерѣдко, но маленькая кокетка никогда не доводила дѣла до окончательнаго разрыва. Встрѣчаясь на другой день съ обиженнымъ, она снова обольщала его ласковыми улыбками и лукавыми взглядами, и тотъ, снова робкій и покорный, ложился у ея ногъ, какъ усмиренный левъ, будучи не въ силахъ порвать свои цвѣточныя цѣпи. И никто и никогда-бы не узналъ кто болѣе дорогъ ея крохотному сердцу: изящный-ли потомокъ древняго боярскаго рода, или неловкій, но смѣлый рыцарь, происходившій отъ магистратской четы, еслибъ не произошло одного обстоятельства.

Наступала осень; жолтыя листья уже летѣли по воздуху; маленькая царица небольшихъ рыцарей уѣзжала съ своими родными изъ каменнаго дома. Между облетѣвшихъ сиреневыхъ кустовъ мелькаетъ голубое платье; оба вѣрныхъ рыцаря идутъ слѣдомъ, опустивъ голову?

— Мы съ вами ужь не увидимся? говоритъ потомокъ древняго боярскаго рода.

— Да, мы завтра очень рано уѣдемъ, отвѣчаетъ маленькая царица.

— Какъ это скучно!

— Развѣ вы не бываете больше у графа Лучинина?

Потомокъ древняго боярскаго рода краснѣетъ; другой рыцарь безмолвствуетъ.

— Но все-таки я буду очень скучать, возражаетъ послѣдній отпрыскъ могучаго родового дерева Сипуновыхъ.

— О чемъ? лукавитъ маленькая кокетка.

— Объ васъ, мечтательно, но любезно отвѣчаетъ принадлежность агасантной барыни.

— *Monsieur Woldemar!* доносится въ садъ чей-то голосъ.

Digitized by Google

— *Plaît-il?* вопрошаетъ Вольдемаръ.

— *Venez plus vite!*

— *Tout-à-l'heure!* Прощайте, *mademoiselle Julie!* Я сейчасъ вернусь. — И онъ скрывается.

— Ахъ, какой противный! восклицаетъ царица, едва скрылся одинъ изъ рыцарей. Оставшійся рыцарь весьма чувствительно вздыхаетъ.

— А вы, *Pierre*, будете скучать? кротко улыбаясь, говоритъ повелительница.

— Ахъ-съ! очень!

— И плакать будете?

— Буду.

— Вы меня очень любите?

— Люблю-съ.

— И я васъ тоже люблю. О-очень люблю. Я видѣла, вы думали, что мнѣ онъ нравится.

— Думалъ.

— Какой вы недогадливый! Я его терпѣть не могу. Онъ какой-то недоступный!.. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ было смѣшно, когда вы лицо такое сердитое дѣлали!.. — И она показала какое онъ дѣлалъ лицо.

Вѣрный рыцарь разцвѣлъ и даже улыбнулся.

— Вы хотите меня поцаловать? быстро спрашиваетъ Рѣзвый Смѣхъ и въ тоже время отвертываетъ свою головку.

— Ахъ, Юленька!

— Ну, цалуйте-же скорѣй!.. Пустите, пустите! увидятъ. Прощайте... Смотрите, помните обо-мнѣ, поспѣшно говорила царица.

— Всегда, отвѣчалъ преданный рыцарь.

— А вы помните когда вы сорвали мнѣ вѣтку?

— Помню.

— Я ее берегу. Ахъ, какъ я тогда васъ любила! Я-бы непремѣнно поцаловала васъ тогда, только этотъ противный Володька былъ тутъ. Какъ онъ злился! А эта вѣтка у меня. Я всегда буду ее беречь!.. Пустите...

— Поцалуй-те меня еще разъ.

— Ахъ, какой недовольный! Ну, скорѣй! Прощайте!.. — И она мгновенно исчезла.

Счастливый и въ тоже время печальный рыцарь долго смо-

Digitized by Google

трѣлъ во-слѣдъ своей царицѣ. Первое жизненное горе сжало еще чистое сердце ребенка; онъ не вынесъ его и зарыдалъ; онъ ушолъ въ самую глубь сада и плакалъ тамъ, долго плакалъ.

О, милое, милое дѣтство! О, первый свѣжій порывъ молодого чувства! у кого сильнѣе не забьется сердце при воспоминаніи о васъ? Чье сердце можетъ до того зачерствѣть, чтобъ не забиться слаще, когда изъ тьмы прошлаго вдругъ возстанетъ дорогой знакомый образъ во всей его дѣвственной прелести, когда заблещутъ ясные глаза и разцвѣтетъ нѣжная улыбка? О, какъ жалокъ и презрѣненъ тотъ, кого хотя на мигъ не извлекутъ изъ грязи и тины мелочныхъ страстей и позорныхъ желаній эти вновь засіявшіе глаза, эта вновь разцвѣтшая улыбка, кто хотя на мигъ не станетъ чище и выше жизненнаго болота при воспоминаніи о томъ, какъ дѣтскія уста прошептали ему люблю. Кто можетъ съ насмѣшкой или съ презрѣніемъ отнестись къ дѣтству, къ его слезамъ, къ его грёзамъ и порывамъ — у того нѣтъ чувства; тотъ... но опять лиризмъ. Будь строже къ самому себѣ, авторъ,— будь строже! Не увлекайся тѣмъ, что̀ тебя можетъ увлечь, и безстрастно изображай шумно несущуюся мимо тебя жизнь. Я долженъ быть и буду безстрастнымъ на сколько это для меня возможно.

И такъ, маленькая царица небольшихъ героевъ исчезла изъ каменнаго дома. Куда и зачѣмъ? — едва-ли это необходимо знать читателямъ. Она на минуту только вошла въ романъ, быть можетъ даже только какъ контрастъ съ тѣми лицами и событіями, которыя до сихъ поръ были мной изображаемы. Она появилась нежданно и такъ-же неожиданно скрылась, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, и никогда уже не появится больше. Къ чему?

Маленькая царица исчезла изъ каменнаго дома; но на другой-же день вѣрные ея рыцари встрѣтились снова въ саду; они были печальны, но причины къ прежней враждѣ уже не существовало; потомокъ древняго боярскаго рода первый съ истинно-джентльменской вѣжливостью подошолъ къ своему сопернику и сказалъ:

— Хотите мириться?

Противники и до-того времени заклятые враги подали другъ другу руку. Примиреніе совершилось полное, но конечно только потому, что одинъ не зналъ того, что̀ было извѣстно другому, иначе... но къ чему предположенія и т. п.?

Digitized by Google

— Пойдемте ко мнѣ, пригласилъ своего бывшаго врага послѣдній отпрыскъ родословнаго дерева Сипуновыхъ.

И они пошли.

ГЛАВА IV

Потомокъ древняго боярскаго рода Сипуновыхъ воспитывался подъ непосредственнымъ надзоромъ monsieur Жоржа де-Курси, чистокровнаго, парижскаго парикмахера съ бородой *à la Louis Napoléon*, греческимъ профилемъ и невыносимо горделивымъ взглядомъ, отличавшагося нахальной и даже безсмысленной красотой. Конечно, я могъ-бы распространиться объ воспитаніи потомка древняго рода, я могъ-бы, пользуясь моими глубокими познаніями въ современной педагогикѣ, указать на важность изученія естественныхъ наукъ въ дѣлѣ образованія и коснуться мимоходомъ другихъ современныхъ вопросовъ, но я нахожу это излишнимъ, потому болѣе, что сей потомокъ древняго рода есть подобіе тѣхъ аксессуаровъ, которые употребляются въ историческихъ портретахъ высшихъ людей. Сами по себѣ, взятые отдѣльно, эти аксессуары ничего не выражаютъ, но безъ нихъ характеръ великаго человѣка былъ-бы не со всѣмъ понятенъ. Точно также была-бы не понятна та метаморфоза, которая произошла въ быстроглазомъ мальчуганѣ, если-бъ я упустилъ изъ виду то время его жизни, въ которое совершилось сближеніе двухъ преданныхъ маленькой царицѣ рыцарей.

Maman послѣдняго отпрыска родословнаго дерева Сипуновыхъ была, какъ уже сказано, дама пышная и весьма агасантная, обладавшая самыми аристократическими манерами и неутомимой жаждою наслажденій. Изъ этой комбинаціи я предоставляю самому читателю выводить все, что ему заблагоразсудится. Я даже думаю, что ему очень не трудно будетъ догадаться, что̀ именно заключалось въ этой комбинаціи; ибо какъ скоро сходится безсмысленно-прекрасный парижанинъ и агасантная русская барыня съ пламенными чувствами, случается то, что̀ неминуемо должно случиться: страстныя лобзанья и *quelques milles francs par an*... дѣло извѣстное!

Всѣ эти барыни съ пламенными чувствами и роскошнымъ тѣломъ весьма падки до красивыхъ формъ, и ставить имъ этого

Digitized by Google

въ вину никакъ невозможно; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ филантропія изумительна. Онѣ призираютъ сирыхъ и неимущихъ; онѣ покровительствуютъ нашимъ талантамъ, и онѣ-же поддерживаютъ торговлю косметическими товарами.

Лизавета Дмитріевна происходила изъ знатной и старинной фамиліи; полька-трамблянъ и *temer-vous droite* были главными основами ея воспитанія; кодексъ нравственныхъ правилъ, которыя были ей преподаваемы, былъ тѣмъ самымъ кодексомъ, какимъ руководствовалась французская аристократія при дворѣ Людовика XV; шестнадцати лѣтъ ее вывезли въ свѣтъ; осмнадцати выдали замужъ за пятидесятилѣтняго старца, красившаго волосы и вставлявшаго зубы; черезъ два года послѣ свадьбы она измѣнила прическу своего супруга, а еще черезъ годъ подарила ему наслѣдника, вышедшаго, по народному выраженію, ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца. Мужъ умеръ, оставивъ ей и сыну немалое количество десятинъ въ одной изъ нашихъ хлѣбородныхъ губерній; сдѣлавшись совершенно свободной и независимой, Лизавета Дмитріевна отправилась въ милый Парижъ, презентовала оному около половины своихъ черноземныхъ нивъ и вернулась назадъ, пріобрѣтя для своего сына наставника въ лицѣ прекраснаго Жоржа дё-Курси. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ; жизнь Лизаветы Дмитріевны протекала безпечально, какъ протекаетъ она у всѣхъ подобныхъ ей барынь съ пламенными чувствами и роскошнымъ тѣломъ: она любила и была любима. Жажда наслажденій, единственная жажда, какую когда-либо она чувствовала, — утолялась въ достаточной степени. Чего-же бы еще могла она желать? Она была вполнѣ довольна и счастлива, хотя количество наслѣдственныхъ нивъ съ каждымъ годомъ уменьшалось скоропостижнѣе.

Когда потомокъ магистратской четы былъ представленъ агасантной барынѣ ея сыномъ, — Лизавета Дмитріевна окинула его внимательнымъ взглядомъ и сразу нашла его похожимъ на медвѣжонка, но все-таки на милаго медвѣжонка; она ласково улыбнулась ему, благосклонно кивнула головой и сказала, что очень рада. Бывшіе враги удалились въ комнату, въ которой выросталъ молодой отпрыскъ родословнаго дерева Сипуновыхъ. Съ этого дня быстроглазый мальчуганъ началъ чуть-ли не каждый день посѣщать своего новаго пріятеля.

Digitized by Google

Потомокъ древняго рода Сипуновыхъ былъ во многомъ гораздо развитѣе и опытнѣе своего товарища. Онъ съ большимъ знаніемъ дѣла объяснялъ ему почему горничная Дарья лучше горничной Акулины и т. п., и посвящалъ потомка магистратской четы въ таинства амурныхъ похожденій, показывая ему стащенныя какимъ-то образомъ у своего воспитателя весьма забористыя французскія гравюры.

Разговоры двухъ юныхъ отпрысковъ совершенно противоположныхъ расъ постоянно вращались на такихъ темахъ, о которыхъ можно прочесть весьма любопытныя свѣденія и у Пиго-Лебреня и у Бокаччіо. Воспитатель юнаго потомка сипуновскаго древняго рода весьма любилъ эти пикантныя произведенія, а его воспитанникъ весьма искусно пріобрѣталъ ихъ посредствомъ контрабанды. Его еще неопытный пріятель не могъ понимать всѣхъ тонкихъ красотъ французскаго подлинника, но потомокъ древняго боярскаго рода не даромъ изучалъ этотъ языкъ подъ руководствомъ чистокровнаго парижанина и могъ до тонкости объяснить весь букетъ сихъ воспламеняющихъ разсказовъ...

Такъ прошло года два или три. Въ эти три года не произошло никакихъ достопримѣчательныхъ событій. И магистратская чета и агасантная барыня жили все въ томъ-же каменномъ домѣ; ихъ потомки видались по прежнему часто.

Очень небольшіе рыцари маленькой царицы превратились уже въ юношей съ румяными щеками и легкимъ пухомъ надъ верхней губой. Потомокъ магистратской четы на этотъ разъ перещеголялъ потомка боярскаго рода; болѣе грубая пища дала болѣе питательныхъ соковъ, и демократическая сила выразилась во всей полнотѣ развитіемъ демократическихъ мускуловъ.

Жоржъ де-Курси уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ покинулъ Россію и агасантная барыня съ особенной любезностью принимала молодой отпрыскъ стариннаго подъячества, весьма многознаменательно заигрывая съ нимъ, конечно самымъ невиннымъ образомъ. Весьма часто случалось, что Лизавета Дмитріевна обращалась къ юному демократу и съ томной улыбкой говорила ему:

— *Monsieur Pierre*, вамъ не будетъ скучно, если я васъ попрошу почитать мнѣ.

Конечно ему будетъ скучно, но онъ тотчасъ садится и чи-

Digitized by Google

таетъ, а Лизавета Дмитріевна пожираетъ своего чтеца ненасытными взорами; таинственный полусвѣтъ и тонкій ароматъ разлиты въ комнатѣ....

— Вы устали? спрашиваетъ Лизавета Дмитріевна у прекраснаго и стыдливаго юноши.

— Ничего-съ, отвѣчаетъ юноша, хотя въ умѣ помыслилъ совсѣмъ другое.

— Все равно; положите книгу и давайте говорить. — И Лизавета Дмитріевна весьма заботливо разспрашиваетъ своего юнаго собесѣдника о его надеждахъ на будущее, о томъ, что̀ онъ намѣренъ съ собою дѣлать и т. п.

Въ таинственномъ полусвѣтѣ гостиной, окруженная облаками кружевъ, Лизавета Дмитріевна казалась еще достаточно привлекательной. Полулежа на диванѣ, она обыкновенно заставляла юношу садиться съ ней рядомъ, и это близкое сосѣдство съ прекрасной женщиной, пышная грудь которой сіяла бѣлизной, и которая такъ нѣжно ему улыбалась, приводили еще не совсѣмъ опытнаго въ амурныхъ похожденіяхъ будущаго Ловласа въ немалое смущеніе и окрашивали яркимъ румянцемъ молодыя щоки. Это смущеніе, происходившее вслѣдствіе неопытности, не могло не быть пріятно для агасантной барыни, но оно продолжалось по ея мнѣнію слишкомъ долго, ея терпѣніе истощалось; и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближалась она съ трепетавшимъ юношей. Онъ не совсѣмъ ясно понималъ, что тутъ что-то не даромъ, что Лизавета Дмитріевна чего-то отъ него хочетъ... но чего именно? Самъ потомокъ древняго рода Сипуновыхъ вывелъ своего пріятеля изъ этого недоумѣнія, объявивъ, что его, Владиміра Сипунова, маменька неравнодушна къ нему — Брускову...

Хотя это разъясненіе было не совсѣмъ неожиданно для потомка магистратской четы, тѣмъ не менѣе онъ вспыхнулъ и пробормоталъ:

— Ахъ, полно!.. Что за глупости!

— Ты, *mon cher*, матушки моей еще не знаешь, возразилъ на это послѣдній отпрыскъ стариннаго родословнаго дерева Сипуновыхъ; — она, братъ, до такихъ какъ ты охотница. Мусье-то Жоржъ, ты думаешь, почему у насъ жилъ?.. Понялъ? А впрочемъ ты не стѣсняйся, добавилъ онъ, — для меня это все равно.

Digitized by Google

— Ахъ, пожалуста, перестань! былъ отвѣтъ.

— О, скромность! Ну, а чтожь, думаешь ты поступать въ университетъ?

— Не знаю. Кажется нѣтъ.

— Это отчего?

— Отецъ не хочетъ. Говоритъ: служить пора.

— Какая глупость!

— Конечно глупость. Денегъ ему жалко.

— Погоди, я это дѣло устрою.

— Какимъ образомъ?

— Сказалъ — устрою. У меня идея есть.

— Хорошо-бы было.

Дня черезъ два Лизавета Дмитріевна послала просить магистратскаго человѣка къ себѣ. Облачившись въ мундирный фракъ, магистратскій человѣкъ поспѣшилъ исполнить это желаніе. Лизавета Дмитріевна прежде всего извинилась передъ старымъ московскимъ подъячимъ за то, что онъ ею потревоженъ, и пригласила садиться. Магистратскій человѣкъ съ большою опаскою присѣлъ на кончикъ эфемернаго стула.

— У меня есть къ вамъ просьба, — Антонъ Антонычъ, кажется? проговорила барыня.

— Антонъ Антонычъ, подтвердилъ магистратскій человѣкъ, привставъ со стула.

— Скажите, почему вы не хотите, чтобъ вашъ сынъ поступилъ въ университетъ?

— Состояніе мое этого не позволяетъ. Жалованье я получаю малое, доходы въ настоящее время сократились, ибо во всемъ новые порядки завелись...

— Но вѣдь это такая пустая сумма! Всего пятьдесятъ рублей въ годъ.

— Точно-съ, пятьдесятъ рублей сумма не большая, но находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, и притомъ-же будучи обнадеженъ самимъ начальствомъ, имѣю я намѣреніе помѣстить его на службу, дабы имѣть хотя малую помощь.

— Извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши семейныя дѣла, но вашъ сынъ очень друженъ съ Владиміромъ, и мнѣ было-бы очень пріятно, еслибъ они вмѣстѣ продолжали свое образованіе. Сколько мнѣ кажется, эта помощь не можетъ быть значитель-

Digitized by Google

ной? А лишая вашего сына университетскаго образованія, вы портите его служебную карьеру.

— Средствъ-съ не имѣю...

— Ну объ средствахъ нечего вамъ безпокоиться. Если вы позволите, я приму эти расходы на себя.

Предложеніе это заставило магистратскаго человѣка вытаращить глаза, и въ тоже время онъ отлично понималъ, что не даромъ барыня такъ разщедрилась. Разговоръ конечно кончился тѣмъ, что магистратскій человѣкъ изъявилъ свое согласіе, прибавивъ впрочемъ, что ему съ женой посовѣтоваться нужно.

— Барыня-то та проситъ, чтобъ я Петра въ университетъ отдалъ, объяснилъ магистратскій человѣкъ подругѣ своей жизни, по возвращеніи домой.

— А ей какая нужда? сурово спросила магистратская дама.

— Стало быть нужда. Говоритъ, чтобъ вмѣстѣ съ ея сыномъ учился, да это она вретъ.

— Откуда намъ денегъ взять. И то не мало на него потратили.

— Сама платить будетъ. Я говорю, намъ жена.

— Коли будетъ платить, — отдавай. А одежа какъ?

— Объ одежѣ я не говорилъ.

— Дуракъ.

— Что ты лаешься!

Ругань продолжалась, но кончилась тѣмъ, что потомокъ магистратской четы поступилъ въ университетъ.

Въ тотъ самый день, когда онъ надѣлъ въ первый разъ мундиръ съ синимъ воротникомъ и золотыми пуговицами, Лизавета Дмитріевна дождалась наконецъ того, чего она давно ожидала.

Потомокъ магистратской четы слушалъ лекціи юридическаго факультета, на который попалъ онъ единственно вслѣдствіе протекціи агасантной барыни. Въ то время вообще на всѣхъ факультетахъ, исключая медицинскаго, могло быть только опредѣленное число студентовъ, и потому на нихъ поступали только тѣ, у кого ворожила бабушка. Особенно юридическій факультетъ отличался аристократическимъ характеромъ. Студенты, слушавшіе лекціи по римскому праву, занимались, большею частію, прогулками по бульварамъ и отличались щикарнѣйшими мундирами. Вначалѣ на потомка магистратской четы

Digitized by Google

его товарищи смотрѣли какъ на *parvenu*, но мало по малу они примирились съ его происхожденіемъ, и онъ былъ принятъ въ ихъ кружокъ почти на равныхъ правахъ.

Понятно, что онъ почти не боролся съ наплывомъ новыхъ понятій и міровоззрѣній, царившихъ среди юныхъ представителей нашей аристократіи, тѣмъ болѣе, что почва была уже нѣсколько подготовлена для воспринятія этихъ тенденцій, исходившихъ изъ того-же самаго убѣжденія, изъ котораго исходили тенденціи Саввы Саввича, увѣрявшаго, что такъ-какъ жизнь коротка, то жуировать ею необходимо. Не даромъ и не безслѣдно прошло для юноши изученіе Бокаччіо и Пиго-Лебреня, не даромъ Лизавета Дмитріевна на единѣ нѣжно называла его Пьеромъ, — не даромъ!

Въ то время въ *alma mater* уже начиналось царство двухъ направленій; одно, если можно такъ выразиться, было цинически-аристократическое, другое — демократически-циническое. Въ первомъ цинизмъ былъ, такъ сказать, прикрытъ благородными манерами, въ послѣднемъ — онъ выражался откровеннымъ пьянствомъ и буйствомъ. Что̀ было лучше — я не берусь рѣшать. Но во всякомъ случаѣ, демократическое направленіе было гораздо жизненнѣе, хотя въ немъ было нѣчто фаталистическое. Демократы все еще надѣялись, вѣрили и любили; для нихъ все еще было много святого въ жизни, и если они растрачивали свои силы на разгульныя попойки и безсонныя ночи, то и въ этой тратѣ силъ сказывалось только какое-то отчаяніе, словно они преднамѣренно растлѣвали самихъ себя. Но, Боже, какой мертвечиной несло отъ того кружка, въ который попалъ потомокъ магистратской четы. И вотъ, мало-по-малу въ душѣ юноши замирали послѣдніе проблески искренности, преданности и любви; холодный, презрительно-насмѣшливый хохотъ убивалъ инстинктивное чувство правды; становились не только непонятны, но даже смѣшны чужія страданія и слезы. Самоуслажденіе выдвигалось на первый планъ. Понятія о чести стали необыкновенно сбивчивы. Любовь,—какъ величайшее благо жизни, какъ самое святое и великое чувство,—потеряла всякое значеніе и обратилась въ чревоугодіе, — и т. д. и т. д...

Потомку магистратской четы былъ уже двадцать одинъ годъ; онъ уже перешолъ на четвертый курсъ когда одинъ за другимъ умерли его родители, оставивъ ему около пятидесяти тысячъ

Digitized by Google

рублей. Это неожиданное наслѣдство дало возможность развиться джентльменскимъ наклонностямъ во всемъ ихъ великолѣпіи: онъ завелъ себѣ рысака и пріобрѣлъ, потихоньку отъ Лизаветы Дмитріевны, жрицу Терпсихоры. Такимъ образомъ изъ прежняго глухоулицкаго подростка, изъ неуклюжаго, но вѣрнаго рыцаря небольшой царицы, совершенно случайно, развился тотъ изящнѣйшій джентльменъ, которому было суждено нарушить спокойное теченіе глухоулицкой жизни и внести въ жизнь той маленькой дѣвочки, съ которой въ дѣтствѣ онъ игрывалъ подъ старой березой, — позоръ и гибель. Странно иногда шутитъ судьба! Часто въ жизни случаются такія метаморфозы, которыя удивительнѣе и неожиданнѣе всѣхъ метаморфозъ Овидія!..

Окончивъ курсъ, потомокъ магистратской четы, благодаря заботливости агасантной барыни, съ которой онъ все еще продолжалъ *амуръ*, получилъ сразу весьма видное мѣсто; и хотя Лизавета Дмитріевна вскорѣ послѣ своего послѣдняго филантропическаго поступка скончалась, но изящнѣйшій джентльменъ продолжалъ быстро возвышаться, — говоря возвышеннымъ слогомъ, — по лѣстницѣ чиновъ. И почему-же-бы не возвышаться ему? Развѣ на свѣтѣ была одна только Лизавета Дмитріевна? Развѣ наше отечество такъ бѣдно агасантными барынями съ пламеннымъ воображеніемъ и наклонностью къ филантропіи? Кто можетъ это сказать? Вглядись, о читатель! въ окружающую тебя жизнь, и что-же ты увидишь?

— Мало-ли что́ я могу увидѣть, отвѣчаетъ читатель, — всякихъ гадостей я могу насмотрѣться.

Я наконецъ понятъ. Но мнѣ все-таки грустно, что многіе могутъ подумать, будто я намѣренно раскапываю нашу грязь, будто я презираю изображаемую мною жизнь! Да, я презираю, но не ту, которая несется по Глухой сторонѣ...

ГЛАВА V

— Дама васъ, Петръ Антонычъ, спрашиваетъ, почтительно доложилъ Брускову горделивый доместикъ.

— Какая дама?

— Фамилію свою онѣ не говорятъ, а просто приказали доложить, что имъ очень желательно васъ видѣть.

Digitized by Google

— Бывала она прежде?

— Не могу знать.

— Дуракъ! Проси въ гостиную, да дай одѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ джентльменъ Брусковъ стоялъ передъ Наденькой Кречетовой. Нѣчто въ родѣ изумленія изобразилось на лицѣ потомка магистратской четы.

— Надя! почти вскрикнулъ онъ.—Вотъ ужь никакъ не могъ-бы подумать. Какъ это ты?.. Зачѣмъ?

— Ты здоровъ? нѣсколько дрожавшимъ голосомъ спросила Наденька.

— Что за вопросъ! Конечно здоровъ.

— Ты не обманываешь меня?

— Конечно нѣтъ.

— Слава Богу! А ужь я думала — ты заболѣлъ. Богъ знаетъ чего только въ голову мнѣ не приходило въ это время. Я какъ помѣшаная была... Думаю: вѣрно испугать меня не хочетъ, — потому и не пишетъ...

— Я писать не люблю. Да почему-же тебѣ такъ казалось, что я долженъ быть боленъ?

— Да вѣдь ты цѣлыхъ двѣ недѣли у насъ не былъ.

— Вотъ что! Неужели такъ давно? Мнѣ казалось, гораздо меньше.

— Двѣ недѣли. Я каждый день считала...

Брусковъ самодовольно улыбнулся, но почти тотчасъ-же между его бровей легла морщина, при воспоминаніи о томъ, почему онъ не былъ. Наденька довѣрчивымъ и любящимъ взглядомъ смотрѣла ему въ лицо.

— Чтожь ты не скажешь почему ты у насъ не былъ? спрашивала она, тихо проводя рукою по его густымъ шелковистымъ волосамъ.

— Я теперь совсѣмъ не стану бывать, отрѣзалъ потомокъ магистратской четы.

— Не станешь бывать?

— Не стану.

— Ты на насъ сердишься?

— На тебя — нѣтъ.

— Такъ отчего-же?

— А оттого, что вовсе не желаю быть убитымъ. Я еще пожить хочу.

Digitized by Google

— Что ты говоришь? Кто тебя хочетъ убить?

— Братецъ твой.

— Александръ?

— Кому-же другому, конечно онъ.

— Ты шутишь.

— Я очень серьозно говорю.

— Но что-же это? Что такое случилось?.. блѣднѣя, спрашивала Наденька.

— А то, хладнокровно повидимому отвѣчалъ потомокъ магистратской четы, небрежно развалившись на диванѣ, — что въ одно прекрасное утро онъ ворвался ко мнѣ какъ сумасшедшій, наговорилъ мнѣ тысячу дерзостей, и даже осмѣлился мнѣ грозить... что онъ меня ударитъ. Ну, я съ бѣшенымъ вовсе не желаю встрѣчаться. Мнѣ еще жизнь не надоѣла.

— Но за что-же? за что?

— Спроси у него.

— Господи! Чтожь это такое!.. Петя, вѣдь ты не думаешь, чтобъ я была виновата?.. Скажи, вѣдь ты не думаешь этого? Я тебѣ всѣмъ святымъ клянусь!..

— Я и не виню тебя. Это было-бы ужь слишкомъ, еслибъ ты подучила его... Но согласись, что для меня совсѣмъ непріятно участвовать на кулачныхъ бояхъ. Конечно, если-бы я могъ предвидѣть подобный скандалъ, я-бы приказалъ не принимать его, но могъ-ли я подозрѣвать? Я былъ съ нимъ всегда вѣжливъ... я его третировалъ почти какъ равнаго... И вдругъ...

— Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? чуть не плача, твердила Наденька, ломая руки.

— Посовѣтуй ему быть осторожнѣе, потому что если я въ этотъ разъ простилъ ему, такъ единственно ради тебя, ну а въ другой разъ онъ можетъ поплатиться!..

— Ахъ, у меня въ умѣ теперь все перепуталось... Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?.. Онъ тебѣ ничего не говорилъ?.. Онъ не подозрѣваетъ?..

— Успокойся; не тревожься такъ. Ты, все равно, можешь у меня бывать. Такъ даже лучше будетъ: намъ будетъ свободнѣе...

— Ахъ, я не объ томъ. Мнѣ все кажется, что ты отъ меня что-то скрываешь.

— Что-же я могу отъ тебя скрывать, и къ чему?..

Digitized by Google

— Онъ вѣрно все узналъ?

— Что?

— Все, тихо повторила Наденька, краснѣя и боязливо глядя въ лицо своего любовника.

— Ну, если хочешь, — онъ дѣйствительно что-то подозрѣваетъ, спокойно закуривая сигару, отвѣтилъ потомокъ магистратской четы, — но не *все*, добавилъ онъ, подчеркивая послѣднее слово, и быстро окинувъ глазами молодую дѣвушку.

Наденька покраснѣла еще болѣе.

— Ты не обманываешь меня? едва слышно спросила она.

— Къ чему-же я стану тебя обманывать? пожимая плечами, отвѣтилъ потомокъ магистратской четы, изящно отряхивая съ сигары пепелъ. — Для меня подобное открытіе тоже не могло-бы быть пріятнымъ, добавилъ онъ, — и я всего-бы скорѣе сказалъ тебѣ.

— Дай Богъ! проговорила Наденька. — Я не за себя боюсь. Я за тебя все вытерплю...

На устахъ джентльмена вновь появилась самодовольная усмѣшка.

— Но намъ все-таки нужно остерегаться, поучительно замѣтилъ онъ, — мнѣ вовсе не хочется попасть въ исторію.

Наденька не совсѣмъ поняла смыслъ этихъ произнесенныхъ словъ, но ее какъ-будто что-то кольнуло; наступило непродолжительное молчаніе, во время котораго Брусновъ занимался наблюденіемъ за извивами струекъ табачнаго дыма, какъ-будто тяготясь присутствіемъ молодой дѣвушки, которая была для него уже не столь привлекательна, какъ прежде; Наденька инстинктивно чувствовала эту перемѣну, но она была полна глубокой вѣры въ любимаго человѣка, и ни на минуту не сомнѣвалась въ его правдивости; для нея онъ былъ идеаломъ честности и т. п., но она конечно ошибалась, потому что человѣку свойственно ошибаться. Въ жизни очень часто случается, что подлецъ слыветъ за честнѣйшаго человѣка. Это безъ всякаго сомнѣнія довольно поношенная истина, но за то она завѣщана намъ отъ предковъ, а предки наши были гораздо сильнѣе насъ, уже потому, что рефлексія ихъ не заѣдала, и ихъ идеалъ жизни гораздо тверже нашего идеала стоялъ на ногахъ... Но не въ томъ дѣло. Я уже говорилъ, что Наденька ни на минуту не усумнилась въ правдивости того, кто былъ избранъ ея серд-

Digitized by Google

цемъ, — и быть можетъ это было къ лучшему; жизнь коротка и счастливыхъ дней въ ней не много, такъ отчего-же и не обмануть себя, отчего-же не пожить хотя нѣсколько лишнихъ часовъ даже призрачнымъ счастіемъ?.. Не безпокойтесь, слезы еще успѣютъ отуманить глаза и провести по лицу преждевременныя морщины. Отъ нихъ никто не уйдетъ. Конечно еслибы Наденька знала, что этотъ человѣкъ не только не стоитъ любви, а даже не стоитъ презрѣнія, — быть можетъ ея жизнь протеклабы иначе и, вышедши замужъ за какого-нибудь глухоулицкаго обитателя, она была-бы совершенно счастлива и народила-бы кучу дѣтей, но... судьба играетъ людьми и т. д. — Устремивъ на любимаго человѣка любящій и тревожный взглядъ, Наденька ждала отъ него хоть одного ласковаго слова, но Брусковъ продолжалъ безмолвствовать и курить драгоцѣнную сигару.

— Я тебѣ наскучила? робко спросила Наденька.

— Что за идея! возразилъ онъ. — Я просто задумался.

— О чемъ-же ты думалъ, мой милый?..

— Такъ, о пустякахъ.

— А мнѣ знаешь что̀ въ голову пришло...

— Какая-нибудь идиллія?..

— Нѣтъ, не идиллія. Я вдругъ подумала: что̀ со мной будетъ, если ты меня разлюбишь?..

— Что-же съ тобой будетъ?

— Ахъ, я боюсь и подумать.

— Ну, представь, что я тебя разлюбилъ ужь.

— Ахъ не шути такъ! Вѣдь ты это шутя сказалъ?

— Конечно шутя.

— А у меня и то сердце замерло.

— Экзальтація! А я такъ думаю, что ты тогда просто полюбишь другого. Это въ порядкѣ вещей... Кинжалы и ядъ употребляются только въ романахъ, а въ жизни они смѣшны.

— Ахъ, не говори такъ. Какъ я могу полюбить другого...

— Очень просто: полюбишь и все тутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого никогда не будетъ. Вѣдь и ты меня никогда не разлюбишь?

— Ну, я за себя не ручаюсь, улыбаясь отвѣтилъ потомокъ магистратской четы.

Въ это время въ передней раздался звонокъ.

Digitized by Google

— Ахъ, вскрикнула Наденька и поблѣднѣла, — къ тебѣ кто-то пришолъ!..

— Ну такъ чтожъ? чего ты испугалась? Я быть можетъ еще не велю и принимать. Во всякомъ случаѣ ты у меня безопасна.

— Князь Ужасай-Свѣтозаровъ, доложилъ горделивый доместикъ.

— Проси, поспѣшно отвѣтилъ потомокъ магистратской четы, и лицо его просвѣтлѣло, озарившись весьма презрѣнной улыбкой.

— Петя, какже это?.. Я уйду!.. прошептала Наденька, совершенно не зная что ей дѣлать.

— Полно! что за вздоръ! возразилъ Брусковъ. — Это одинъ очень хорошій мой пріятель, съ которымъ у меня нѣтъ тайнъ.

Испуганно открыла Наденька свои большіе глаза, какъ будто не понявъ этихъ словъ, и хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту дверь отворилась и яростно-вороные бакены показались на порогѣ комнаты; Наденька поспѣшно надѣла шляпку и спустила вуаль.

— Здравствуй, князь, поспѣшилъ на встрѣчу воронымъ бакенамъ потомокъ магистратской четы.

— *Bonjour, mon cher,* отвѣтилъ принсъ, въ тоже время изящно раскланиваясь съ Наденькой.

— Позволь тебѣ рекомендовать Надежду Игнатьевну Кречетову.

— Очень радъ. Я давно искалъ случая познакомиться съ вами.

Наденька молчала и сидѣла неподвижно; на глазахъ уже навертывались слезы; яркій румянецъ заливалъ щоки; сердце билось съ удвоенною силой; князь сѣлъ напротивъ нея и, такъ сказать, пожиралъ ее глазами; потомокъ магистратской четы, какъ будто не замѣчая волненія молодой дѣвушки, обратился къ яростно-воронымъ бакенамъ.

— Князь, сказалъ онъ, — разувѣрь *mademoiselle Nadine,* что ты не волкъ. Она готовилась ужь бѣжать, едва ты вошолъ.

— Чѣмъ я могу васъ разувѣрить въ этомъ невыгодномъ для меня мнѣніи? съ наиизящнѣйшей улыбкой спросили яростно-вороные бакены.

Наденька растерялась окончательно и не нашлась ничего

Digitized by Google

отвѣтить; только взглядъ, брошенный ею на Брускова, имѣлъ необыкновенно тоскливое выраженіе.

— Позвольте мнѣ повторить мой вопросъ, снова изящно улыбнулся принсъ Ужасай-Свѣтозаровъ, весьма близко наклоняясь къ молодой дѣвушкѣ.

Наденька невольно отодвинулась.

— Какія прекрасныя у васъ губки! усладился Ужасай-Свѣтозаровъ.

Наденька вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла; потомокъ магистратской четы притворился неслыхавшимъ этого восклицанія и вышелъ изъ комнаты.

— И такихъ прелестныхъ глазъ я ни у кого не видалъ, увѣрялъ Свѣтозаровъ, все ближе и ближе подвигаясь къ молодой дѣвушкѣ и намѣреваясь взять ее за руку.

Наденька встала со стула.

— Я думала, дрожавшимъ голосомъ сказала она, — что я здѣсь безопасна отъ оскорбленій.

— *Pardon*, отвѣтилъ князь; — но я не думалъ васъ оскорбить. Я отдалъ только невольную дань вашей красотѣ. Я слабый смертный.

Наденька направилась къ двери.

— Куда вы такъ спѣшите? остановилъ ее Брусковъ, въ это время вернувшійся въ комнату.

— Мнѣ пора домой, отвѣтила Наденька голосомъ, въ которомъ слышались рыданья.

— Успѣете еще, удерживалъ ее Брусковъ.

— Нѣтъ... мнѣ пора...

— Моя карета къ вашимъ услугамъ, предложилъ ей принсъ Ужасай-Свѣтозаровъ, но Наденька ничего не отвѣтила и вышла.

— Э, братъ! да она съ душкомъ! замѣтилъ князь по уходѣ молодой дѣвушки.

— Я тебѣ говорилъ, отвѣтилъ, потомокъ магистратской четы.

— Ничего! Я теперь знаю какъ взяться за дѣло.

А Наденька тихо шла по темнѣвшимъ улицамъ; по молодымъ щекамъ катились крупныя слезы; тысячи невеселыхъ мыслей роились въ головѣ...

Digitized by Google

ГЛАВА VI

Рогова медленно поправлялась послѣ болѣзни, но ее мучило сильное безпокойство объ Александрѣ, который дня четыре ужь не былъ у нея. Эти четыре дня были проведены имъ въ обществѣ Николашки Отпѣтаго, въ безпутствѣ и развратѣ. Какъ ни старался онъ казаться равнодушнымъ къ отцовскому гнѣву, но изгнаніе изъ родительскаго дома не могло не затронуть самыхъ чувствительныхъ струнъ молодого сердца. Тоска и раскаяніе были тѣмъ сильнѣе, что вся вина этого изгнанія падала на него самого. Наступилъ пятый день. Всѣ деньги, какія у него были, Александръ пропилъ съ Отпѣтымъ, а легче не стало ни на-волосъ; ибо ничто не можетъ заставить забыть того, о чемъ хочется забыть. И вспомнилъ наконецъ Александръ о той, о комъ прежде всего слѣдовало-бы ему вспомнить, — о той, которая такъ нѣжно любила его и первая указала ему новый путь жизни. Что̀ должна она теперь о немъ думать?.. Онъ собрался уходить, со стыдомъ и боязнію помышляя о томъ, что̀ онъ долженъ будетъ сказать своей подругѣ въ оправданіе своего отсутствія, когда онъ увидитъ ее.

— Ты это куда? любопытствовалъ Николашка. — Али по родителѣ соскучился?

— Не вѣкъ-же мнѣ здѣсь оставаться, сухо отвѣтилъ Александръ.

— Что-жь, не хорошо что-ли здѣсь?

— Очень ужь хорошо.

— Ты, милашка, приходи, шипѣлъ гробовой голосъ.

О, какое отвращеніе почувствовалъ въ эту минуту Александръ и къ самому себѣ и ко всему его окружающему! И какъ желалъ онъ въ эту минуту, чтобъ ничего этого не было, чтобъ возможно было вернуть прошлое! Но —

«Что прошло — невозвратимо;
«Небо къ намъ неумолимо...»

а ужь если неумолимо небо, значитъ, что уничто̀жить разъ совершившееся — невозможно.

— Я тебя, милашка, безпремѣнно буду ждать.

Digitized by Google

— Ты, мамзель, не сокрушайся, совѣтывалъ Отпѣтый; — потому — я доподлинно знаю, — любовь онъ къ тебѣ питать по гробъ жизни будетъ. Къ такой красавицѣ да любви не питать — какой-же онъ послѣ этого человѣкъ? Самый безчувственный человѣкъ! — Правильно я говорю?.. продолжалъ глумиться Николашка надъ своимъ пріятелемъ.

— Отстань ты отъ меня! рѣзко отвѣтилъ Александръ и поспѣшно ушолъ, ни съ кѣмъ не простившись, какъ будто боясь оглянуться назадъ.

Николашка проводилъ его хохотомъ.

Александръ какъ-то нерѣшительно шолъ къ своей подругѣ, и чѣмъ ближе подходилъ къ дому своей возлюбленной, тѣмъ тише становился его шагъ. Но вотъ ужь наконецъ онъ у воротъ, вотъ вошолъ на крыльцо и робко отворилъ дверь. Встрѣчаетъ его Аксинья и укоризненно покачиваетъ головой.

— Что это вы съ барышней дѣлаете? Не стыдно-ли вамъ? говоритъ она.

— Сердится она, Аксиньюшка? боязливо спрашивалъ Александръ.

— Гдѣ ей сердиться! Плачетъ все.

— Аксюша, кто тамъ? донесся изъ сосѣдней горницы слабый голосъ больной.

— Александръ Игнатьичъ пришолъ, отвѣчаетъ Аксинья.

— Саша! радостно воскликнула больная, приподымаясь съ подушекъ, когда Александръ, смущенный и робкій, подошолъ къ ея постели. — Саша, милый ты мой! Сколько времени ты у меня не былъ!.. вся облитая радостью, съ полными слезъ глазами, несвязно говорила Соничка, обнимая и цалуя своего возлюбленнаго. — Милый ты мой, какъ я давно тебя не видала!..

— Ахъ, Соня! еслибъ ты знала все, не такъ-бы ты меня встрѣтила, отвѣтилъ Александръ, почувствовавъ великій приливъ раскаянья.

— Какъ-же бы иначе я могла тебя встрѣтить, дорогой ты мой? Вѣрно ужь не твоя вина, что ты у меня столько времени не былъ.

— То-то и есть, что моя..

— Твоя?.. Ну, пусть и твоя будетъ. Теперь ты со мной опять, — съ меня и довольно; а кто старое помянетъ тому глазъ вонъ. Кто Богу не грѣшенъ.

Digitized by Google

— Лучше-бы ужь ты изругала меня какъ ни на есть хуже, легче-бы мнѣ было. Добра ты ужь очень ко мнѣ, да я-то доброты твоей не стою. Подлецъ я.

— Что ты сегодня мрачный такой? Пилъ ты опять?

— Пилъ.

— Ну за это вотъ стоило-бы тебѣ уши надрать...

— Мнѣ не уши надрать, а избить меня надо. Гдѣ я былъ, такъ и сказать совѣстно.

— Гдѣ?

— Не могу я тебѣ сказать: языкъ не поворачивается.

— И не говори. Ничего я не хочу знать. — И блѣдною, слабою рукой она ласково проводила по волосамъ Александра, и нѣжный взглядъ голубыхъ глазъ былъ пристально устремленъ въ лицо юноши; по этому лицу, какъ по раскрытой книгѣ, Соничка привыкла распознавать самыя сокровенныя мысли и не могла отъ нея укрыться та тайная печаль, которая заставила Кречетова искать, какъ и всякаго русскаго человѣка, утѣшенія въ винѣ; Соничка поняла наконецъ, что на сердцѣ ея друга лежитъ какое-то горе. — Саша, проговорила она, — что съ тобой случилось?..

— Ничего.

— Неправда. Я по лицу вижу. Ты меня обманываешь.

Александръ молчалъ.

— Саша, что-же случилось?.. Не мучь ты меня.

— Отецъ меня выгналъ...

— Какъ выгналъ?

Александръ промолчалъ снова, только еще ниже наклонилъ голову.

— Что-жь это такое? какже это?.. Отецъ выгналъ... Я ничего не понимаю... испуганно твердила Соничка, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ.

— Ты не пугайся! утѣшалъ ее Александръ. — Зачѣмъ я сказалъ! почти прошепталъ онъ.

— Отецъ выгналъ... повторяла молодая дѣвушка, какъ будто въ какомъ-то забытьи. — Что-же теперь?... Что ты будешь дѣлать?... какъ жить?...

— Къ мѣсту пойду... Я ужь давно хотѣлъ, удерживая слезы, отвѣтилъ Александръ.

Digitized by Google

— Изъ родной семьи! воскликнула Сонечка. — Подумалъ-ли ты объ этомъ?

По щекамъ Александра медленно текли слезы.

— Саша, что̀ ты сдѣлалъ?.. За что онъ тебя выгналъ? спрашивала его возлюбленная.

Отвѣта не было никакого.

— Да говори-же скорѣй! Можетъ еще можно какъ-нибудь пособить...

— Никакъ пособить нельзя. Прогналъ онъ меня, какъ собаку: не пойду я къ нему кланяться. Лучше Христа ради буду просить.

— Ахъ, Саша, Саша, зачѣмъ ты такія слова говоришь! Ну если и обидѣлъ тебя отецъ, такъ вѣдь онъ отецъ, не чужой. Можетъ быть ты и самъ виноватъ... Отецъ въ горячности что-нибудь сказалъ тебѣ, а ты не стерпѣлъ... Почемъ ты знаешь: можетъ онъ теперь самъ раскаявается.. Я помню: онъ всегда тебя любилъ.

— Любилъ онъ меня! Кромѣ колотушекъ я ничего и не видывалъ отъ него. Ты еще не знаешь, что̀ я отъ него вытерпѣлъ!

— Знаю я, Саша, все знаю. А все таки лучше ужь отъ отца терпѣть, чѣмъ по чужимъ людямъ мыкаться. Я-бы, кажется, все теперь отдала, чтобъ семью имѣть. Ничто семьи не замѣнитъ, Саша, — вѣрь мнѣ.

Александръ и самъ понималъ, что возлюбленная его права, только трудно было ему гордость свою смирить; идти и покориться отцу казалось ему слишкомъ унизительно. И сидѣлъ онъ, уткнувшись лицомъ въ ладони, а слезы такъ и накипали въ груди, такъ и стремились излиться быстрымъ потокомъ изъ глазъ. И въ отвѣтъ на ласковое упрашиванье Роговой онъ какъ-то глухо отвѣтилъ:

— Какъ я пойду къ нему... онъ опять меня выгонитъ.

— Ахъ, Саша, зачѣмъ ты такъ дурно объ отцѣ своемъ думаешь. Это грѣхъ, Саша! Развѣ онъ такой человѣкъ. Онъ не только сына, а и чужого никогда не обидитъ. Такихъ людей, какъ отецъ твой, немного, очень немного. Не мнѣ конечно судить васъ, да и не знаю я, что̀ такое у тебя съ нимъ вышло, но если ты любишь меня и хочешь утѣшить — ступай, помирись съ отцомъ... До тѣхъ поръ я спокойна не буду.

Александръ молчалъ.

Digitized by Google

— Я вѣдь знаю, продолжала Рогова, — что тебѣ нелегко, а ты подумай каково теперь твоимъ домашнимъ. Я по себѣ сужу. Я-бы, кажется, сама къ отцу твоему пошла, еслибъ могла. Да силъ-то у меня нѣтъ. Саша, голубчикъ, помирись съ отцомъ.

— Я пойду... Только я для тебя это дѣлаю.

— Зачѣмъ для меня. Ты для себя это сдѣлай. Ты подумай, какъ ты родныхъ своихъ утѣшишь: какъ они рады будутъ! Вѣдь они теперь, чай, совсѣмъ измучились. Ахъ, голубчикъ ты мой! какой ты хорошій, что послушалъ меня!..

— А если онъ меня прогонитъ опять?..

— Не можетъ этого быть! Давай я тебя перекрещу. Ну прощай.. Только смотри поскорѣй приходи ко мнѣ, а то я соскучусь. Мнѣ только и радости когда ты придешь.

— Прощай.

— Приходи-же, смотри.

— Приду я.

Александръ ушолъ; но онъ отправился не прямо домой, какъ обѣщалъ Соничкѣ, а сначала рѣшился зайти къ Гнилому Стряпчему и отъ него узнать, что̀ происходитъ у нихъ на-дому, такъ какъ былъ почти увѣренъ, что объ его приключеніи извѣстно не только жильцу Аннушки-табашницы, а даже всей Глухой улицѣ, отъ прозорливаго ока которой укрыться, какъ извѣстно, ничто не могло.

ГЛАВА VII

Извѣстно читателямъ, что съ того дня, какъ Игнатій Андреичъ выгналъ своего сына изъ родного дома, пять уже разъ всходило и заходило солнце. Первый порывъ гнѣва давно утихъ въ душѣ грознаго старика, смѣнившись заботой о судьбѣ любимаго, но непокорнаго сына; тоска грызла Игнатья Андреича словно ржа желѣзо. Онъ все ждалъ, что сынъ придетъ и поклонится ему, и еслибъ это ожиданіе исполнилось, — Игнатій Андреичъ даже словомъ не намекнулъ-бы на то, что̀ произошло между ними, даже пальцемъ сына не тронулъ-бы. Но сынъ все не приходитъ, а отецъ все надѣется—вотъ придетъ, вотъ придетъ... Да ужь живъ-ли онъ, полно? Яку ужь не подадь-ли?.. Нѣтъ, еще подождетъ онъ день... И какъ туча хмурится строгое лицо

Digitized by Google

грознаго старика... Ходитъ онъ по комнатамъ да покряхиваетъ, порою заглядывая въ опустѣлую сыновнюю комнату, какъ будто ожидая найти тамъ своего первенца, а комната все пуста, и за столомъ только трое сидятъ: самъ онъ, да дочь, да свояченица, но кому-то всякій разъ ставится четвертый приборъ, словно гостя какого ждутъ... И ни разу не спросилъ Игнатій Андреичъ для кого этотъ приборъ приготовленъ; ни разу не было упомянуто имя изгнанника, только на четвертый ужь день онъ, сдвинувъ свои густыя брови, строго сказалъ кухаркѣ одно только слово:

— Сними!

И вотъ ужь второй день лишняго прибора на столѣ не является... Не вытерпѣлъ наконецъ Игнатій Андреичъ и запилъ, потому — очень ужь непереносно было ему такое сыновнее непокорство! Онъ-ли не любилъ сына! онъ-ли о немъ не заботился! Вотъ и благодарность! Вотъ и утѣшеніе! Вспомянуть развѣ старое! Можетъ, какъ выпьетъ-то, — легче станетъ?.. Эхъ, Игнатій Андреичъ, что ты себя словно малолѣтка обманываешь! Али не знаешь какъ пѣсня поется?

«Думу чорную не залить виномъ!
«Горя тяжкаго не заподчивать!»

Въ томъ-то вся и штука, что заподчивать горя нельзя! Все оно проклятое на-верхъ, словно масло на воду, всплываетъ... Такъ-то любезный другъ!..

По Глухой улицѣ на другое-же утро разнеслось извѣстіе, что Кречетовъ сына изъ дома выгналъ, и она, конечно съ варіантами и по своему, разсуждала объ этомъ событіи; оно не могло не взволновать глухой стороны, потому что касалось самыхъ глубокихъ основъ ея быта.

— Говорятъ, онъ отцу-то такое слово сказалъ — и выговорить страшно! ужасалась глухоулицкая древность при встрѣчѣ съ своей сверстницей. — Вотъ они нынче дѣтки-то каковы! Послѣднія времена приходятъ. Въ писаніи такъ и сказано: возстанетъ, говоритъ, сынъ на отца, братъ на брата, и будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

— Скрежета-то какъ словно не слышно? глумятся Николашки Отпѣтые, которыхъ на Глухой улицѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше разводится, вслѣдствіе того, что тенденціи

Digitized by Google

Кузнецкаго моста и Ножовой линіи съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе укореняются на глухоулицкой почвѣ...

— Ты, молокососъ, что еще выдумалъ! Али на тебя управы нѣтъ? грозится глухоулицкая древность. — Да я тебя въ бараній рогъ сверну!...

А Николашки Отпѣтые только посвистываютъ насмѣшливо на эту грозную рѣчь.

А что сталось съ Варварой Петровной въ эти дни, — того и описать невозможно. Какъ помѣшанная ходила она, исхудала совсѣмъ; глаза отъ слезъ потускнѣли; сонъ пропалъ; разъ десять на дню бѣгала она къ Гнилому Стряпчему, чтобъ узнать не заходилъ-ли къ нему изгнанникъ, — и чуть въ комнату кто стукнетъ или скрипнетъ дверь, — ужь бѣжитъ она поглядѣть не Сашенька-ли пришолъ, а его все нѣтъ.... а его все нѣтъ.... Только Наденька оставалась по видимому равнодушной къ участи брата: своего собственнаго горя было у нея много, а извѣстно, что своя рубашка ближе къ тѣлу, что своя печаль навязчивѣе...

Опять осенній вечеръ, и въ угрюмой комнатѣ съ лежанкой тускло мерцаетъ сальная свѣча; Игнатій Андреичъ выпилъ въ этотъ вечеръ достаточно и сильнѣе обыкновеннаго грызетъ его тоска объ непокорствѣ сына; лежитъ онъ, облокотившись головой на руку, на лиловыхъ всадникахъ и зеленыхъ лошадяхъ, украшающихъ просторную лежанку и думаетъ крѣпкую думу. Наденька сидитъ возлѣ него; а Варвара Петровна удалилась въ самый темный уголъ и потихоньку всхлипываетъ.

— Одна ты теперь, Надя, у меня осталась, плачется Игнатій Андреичъ. — Одно ты теперь у меня утѣшеніе. Сынъ бросилъ меня на старости лѣтъ... Ну, Богъ съ нимъ! Передъ Господомъ-Богомъ буду я отвѣчать. Онъ насъ разсудитъ: кто передъ кѣмъ виноватъ.

— Поздно ужь теперь Лазаремъ-то притворяться? разражается упреками Варвара Петровна. — Прежде-бы объ этомъ подумалъ ты, какъ выгонялъ-то его.

— А ты мнѣ скажи: кто долженъ покориться: я ему, или онъ мнѣ? Покориться ему стыдно? А отцу не стыдно покориться? Я вѣдь сѣдъ ужь. Старъ я, чтобъ кланяться-то! Да и то-бы я ему поклонился, — прости, дескать, Александръ Игнатьичъ, меня стараго дурака, — еслибъ зналъ гдѣ онъ. Пусть онъ вернется.

Digitized by Google

— Вернуться-то ему — не велика радость. Вернется, такъ опять кромѣ брани да побоевъ отъ тебя не дождешься! всхлипываетъ Варвара Петровна.

— Дура ты, вотъ что!

— Пусть дура, по-крайности я никого не замучила.

— А я кого замучилъ? кого я замучилъ? Строгъ я былъ, такъ вѣдь для его-же пользы. Вѣдь я чего хотѣлъ? чтобъ всѣ мнѣ завидывали, что у меня сынъ такой. Да вѣдь когда я билъ-то его, такъ мнѣ самому больнѣе было. Я-бы пальцемъ не хотѣлъ его тронуть. Самъ онъ себя до этого доводилъ. Самъ онъ, сукинъ сынъ, раздражалъ меня! все больше и больше печалится отецъ.

— Онъ, папаша, вернется, утѣшаетъ Наденька.

— Когда онъ вернется?.. Когда ѣсть ему нечего будетъ.

— Онъ, папаша, боится...

— А зачѣмъ онъ боится меня! Зачѣмъ онъ никогда не приласкается ко мнѣ? Развѣ я звѣрь?.. Вѣдь вы, охъ, какъ больны моему сердцу. Старъ вѣдь я. Весь вѣкъ я для васъ однихъ только и трудился, хрипъ свой гнулъ, — не грѣхъ-бы ему было и помочь мнѣ. Я вѣдь не многаго отъ него требовалъ, а что въ силахъ. Когда я обижалъ его по-напрасну! Ну скажите, обижалъ я его?..

— Нѣтъ, папаша, ластится дочь.

— Зачѣмъ-же онъ отъ меня бѣгаетъ? Дѣти вы мои, за что вы отца своего такъ обижаете?.. За что онъ не-милъ-то вамъ? За что вы меня не любите-то, — скажите.

— Развѣ мы, папаша, не любимъ васъ! воскликнула Наденька.

— Я не про тебя говорю. Я твою любовь вижу. А Сашка не любитъ меня, жаловался Игнатій Андреичъ, дошедшій до крайней грани чувствительности, что́ могло съ нимъ случиться только въ моментъ самаго сильнаго опьяненія, не потому чтобы душа его была неспособна къ нѣжности, а потому что, какъ извѣстно, онъ высказываться не любилъ. И ужь конечно въ этой сдерживаемой нѣжности было гораздо болѣе силы, чѣмъ во всѣхъ словоизверженіяхъ слезливыхъ героевъ слезливыхъ драмъ: чѣмъ сильнѣе чувствуетъ человѣкъ, тѣмъ меньше онъ говоритъ — это истина старая и неопровержимая. На этой истинѣ

Digitized by Google

авторъ съ самаго начала предположилъ закончить сцену печали Игнатья Андреича, ибо все хорошо въ мѣру и во-время.

Раздавленное лицо, принадлежавшее поварихѣ Кречетовыхъ, замѣчательной необычайною выпуклостью груди, показалось на порогѣ комнаты и таинственно поманило Варвару Петровну; — и разъ поманило, и два поманило, а Варвара Петровна ни однимъ движеніемъ не высказала, что приглашеніе раздавленнаго лица ею замѣчено. Наконецъ нѣчто похожее на рыканіе львицы вырвалось изъ чрезъ мѣру выдавшейся груди; рыканіе это было глухо, но однако можно было разобрать, что оно заключало въ себѣ два слова: Варвара и Петровна...

— Ну, что тебѣ нужно?.. съ неудовольствіемъ откликнулась старшая дочь портного Петра Егорова, устремляя на раздавленное лицо весьма суровый взглядъ.

— Выдьте ко мнѣ.

Варвара Петровна послушалась таинственнаго призыва и вышла изъ комнаты. Надо полагать, что сообщонное Варварѣ Петровнѣ раздавленнымъ лицомъ извѣстіе было необыкновенно важно, ибо старшая дочь когда-то бывшаго портного Петра Егорова во мгновеніе ока накинула на плечи какую-то кацавѣйку и бѣгомъ направилась по Глухой улицѣ къ квартирѣ Гнилого Стряпчаго.

Тамъ сидѣлъ Александръ.

— Сашенька! голубчикъ ты мой! и плакала и обнимала Варвара Петровна своего любимца, захлебываясь отъ радости. И у Александра невольно навертывались на глазахъ признательныя слезы: не каменное вѣдь сердце у него было, — жила постоянно въ немъ крѣпкая привязанность къ родной семьѣ и къ родному дому.

И Гнилой Стряпчій, притаившись въ углу, по свойственной ему слабости характера, не могъ не сочувствовать этому полупечальному, полурадостному свиданію и тоже смаргивалъ слезы. Бѣдные люди, — люди забитые жизнью почему-то особенно любятъ рыдать.

— Ахъ, Сашенька, снова говорила Варвара Петровна, — какъ ты теперь утѣшилъ меня — я и сказать не могу! Чего только мнѣ въ это время въ голову не приходило!.. Вижу я сонъ, будто мы въ большомъ домѣ опять живемъ и сестра покойница жива; вечеръ у насъ; а ты будто нарядный такой; подходитъ ко мнѣ по-

Digitized by Google

койница Маша и говоритъ: «Я, говоритъ, сестрица, за Сашей пришла: очень мнѣ безъ него скучно!..» Смотрю — а ты и пропалъ ужь и сестра пропала... Такъ-то сердце у меня заныло!.. Думаю: ужь не умеръ-ли онъ!.. Врагъ-то человѣческій силенъ вѣдь...

Александръ безмолвно слушалъ этотъ прерывистый и дышащій неизмѣримой любовью разсказъ; разсказъ кончился, а блудный сынъ все еще сидѣлъ, опустивъ голову, быть можетъ въ первый разъ во всю свою жизнь смущонный этой безконечной любовью, быть можетъ впервые искренно раскаяваясь въ своихъ дерзкихъ и жестокихъ проступкахъ,—быть можетъ впервые онъ устыдился своего себялюбія и созналъ себя виноватымъ передъ семьей. Невольно припоминая всю свою жизнь съ самаго младенчества, онъ видѣлъ, какъ еще въ дѣтствѣ за лучезарную любовь матери онъ платилъ ей постоянными огорченіями; проходили годы, матери не стало, но любовь по прежнему окружаетъ его нѣжной заботливостью, а какъ и чѣмъ платитъ онъ за нее?.. Или такъ должно быть, чтобъ онъ, какъ языческій богъ, безмолвно и безстрастно принималъ жертвоприношенія?.. Или эта неизсякаемая любовь не стоитъ даже и благодарности?.. Онъ виноватъ, а все-таки гордость покориться мѣшаетъ: ему и хочется вернуться въ отцовскій домъ, и какъ будто боится онъ унизить себя передъ отцомъ. Ну какъ да отецъ, въ силу своего права, снова бить его захочетъ?..

А Варвара Петровна говоритъ:

— Ты, Сашенька, отца не бойся. Самому ему хочется, чтобъ ты домой вернулся. Онъ теперь такъ обрадуется, что ты пришолъ!.. Пойдемъ, голубчикъ мой!..

— Вы ступайте домой, отвѣчаетъ Александръ,—я приду потомъ.

— Отчего-же ты вмѣстѣ не хочешь?..

— Я тоже посовѣтывалъ-бы вамъ порознь идти, вмѣшался Гнилой Стряпчій; — а то Игнатій Андреичъ можетъ подумать, что вы Александра Игнатьича уговорили прощенья просить. Чего добраго — еще разсердится.

— И то, и то, согласилась Варвара Петровна. — Такъ ты, Сашенька, придешь?

— Приду.

— Ты поскорѣй.

Digitized by Google

— Я слѣдомъ за вами.

Варвара Петровна ушла, еще разъ напомнивъ своему любимцу, чтобъ онъ не опаздывалъ.

Прошло послѣ ея ухода около четверти часа, а Александръ все медлилъ; нѣсколько разъ онъ за картузъ брался; помнетъ, помнетъ въ рукахъ — и опять положитъ.

— Не пойду я, не то про себя, не то Гнилому Стряпчему говоритъ Александръ, будучи не въ силахъ побѣдить свою нерѣшительность и невольный страхъ, въ которомъ и самому себѣ не хочется признаться,—страхъ грознаго отцовскаго голоса и строгихъ отцовскихъ бровей.

— Полноте, Александръ Игнатьичъ, усовѣщиваетъ его Гнилой Стряпчій,—не робѣйте! Богъ дастъ все хорошо кончится... Что-же хорошаго такъ-то жить?

— Ну, послушаюсь васъ. Будь что будетъ. Пойду.

— Ступайте, ступайте-ка съ Богомъ.

— Прощайте.

— Желаю вамъ успѣхъ получить.

И вотъ, какъ въ тотъ день, когда выгналъ его изъ родного дома отецъ, стоитъ Александръ у затворенныхъ ставнями оконъ небольшого флигеля и прислушивается къ чему-то, но тамъ тихо, и огня не видать. Идти-ли ужь полно? Не вернуться-ли лучше назадъ теперь, а завтра поутру придти? Эхъ, была не была — повидалася. Не убьетъ-же отецъ... Вотъ онъ быстро прошолъ черезъ дворъ, отворилъ дверь въ сѣни и снова остановился.

— Въ застольной они всѣ, рычитъ вышедшее къ нему на встрѣчу раздавленное лицо.

Ничѣмъ непобѣдимый страхъ сжимаетъ молодое сердце, когда потомокъ доѣзжачаго Кречета взялся дрожащей рукой за дверную скобу, и когда скрипнула дверь, и изъ столовой пронесся столь знакомый голосъ, спросившій:

— Кто тамъ?

Отступать было поздно.

Александръ вошолъ въ комнату, не смѣя прямо взглянуть на отца. Игнатій Андреичъ приподнялся на лежаннѣ; на нѣсколько мгновеній въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Сынъ, какъ будто прикованный, стоялъ у самой двери. Отецъ ждалъ что́ скажетъ сынъ.

Digitized by Google

— Здравствуйте, Александръ Игнатьичъ, проговорилъ грозный старикъ. — Давненько мы съ вами не видались.

— Простите меня, папаша; я виноватъ, со слезами въ голосѣ отвѣчалъ Александръ.

— Сынъ мой, за что ты меня такъ обидѣлъ! воскликнулъ Игнатій Андреичъ. — Ты думаешь легко мнѣ въ это время было? а?

— Простите, папаша! повторилъ блудный сынъ, вернувшійся въ родительскій домъ, покорно падая ему въ ноги и цалуя отцовскую руку.

И онъ былъ прощонъ. И былъ этотъ день возврата — днемъ веселья и радости. Не мало въ тотъ день слезъ было пролито, но то были отрадныя слезы!.. И никто не подозрѣвалъ какъ близка страшная буря, которой суждено разрушить... Что́ именно суждено разрушить этой бурѣ, — о томъ я покамѣстъ умолчу...

ГЛАВА VIII

По уходѣ Кречетова Сонинка долго сидѣла задумавшись на кровати. Мысли ея не могли быть веселыми мыслями, ибо причиной ихъ зарожденія было то самое изгнаніе изъ роднаго дома, о которомъ только разсказалъ ей ея другъ. Она никакъ не могла догадаться, почему именно Игнатій Андреичъ выгналъ изъ дому своего любимаго сына,—что́ до такой степени прогнѣвило отца, до какой онъ никогда еще не раздражался и т. д. Настоящей причины этого разрыва она не могла и подозрѣвать; ей и въ голову не могло придти, что вся эта каша заварилась изъ-за тѣхъ пятидесяти рублей, которые были истрачены для нея Александромъ. Можно смѣло сказать, что открытіе этой печальной истины гибельно-бы подѣйствовало на ея нѣжный, воспріимчивый организмъ, только что начинавшій укрѣпляться послѣ трудной и довольно продолжительной болѣзни. Она свято берегла и лелѣяла послѣднюю свою вѣру въ правдивость и любовь Александра; все, чѣмъ еще красна была для нея жизнь, — все, что поддерживало ее и противодѣйствовало началамъ зла, омрачившаго ея молодость, — что заставляло ее надѣяться и ждать лучшихъ дней,—заключалось въ этой увѣренности и въ этой любви. Тѣмъ дороже былъ для нея Александръ, что она избавила его отъ

Digitized by Google

окончательнаго паденія въ бездну, что она спасла его изъ того омута, въ которомъ вырастаютъ Амстердамы и кишатъ Николашки Отпѣтые. Она указала ему новую дорогу, новую цѣль жизни, и ей онъ былъ обязанъ развитіемъ въ немъ всѣхъ добрыхъ началъ, которыя-было уже совсѣмъ заснули и заглохли. Не блестящую и широкую дѣятельность, не полную славы и блеска будущность раскрывала она передъ потомкомъ Кречета; не заносилась она на самый верхъ неприступной горы; не предрекала она ему никакихъ высокихъ почестей, — нѣтъ, иныя картины рисовала она ему, — мирныя, незатѣйливыя картины довольства и счастья, освѣщонныя тихимъ свѣтомъ кроткой, но вѣчной любви. Она не лгала,—ибо не въ ея натурѣ было лгать,— когда говорила, что онъ послѣдняя и самая сильная, самая глубокая любовь; и какъ ни сдерживала себя, но иногда все-таки невольно поддавалась наивнымъ и пламеннымъ мечтамъ своего друга относительно ихъ будущаго, — о томъ, какъ они станутъ мужемъ и женой и т. д. И отчего-же она не могла мечтать? Ужь не потому-ли что она принадлежала къ числу «погибшихъ, но милыхъ созданій»? Не потому-ли, что когда-то, повѣривъ постыднымъ и лживымъ рѣчамъ развратника, она отдала ему свое сердце, а онъ разбилъ это благородное сердце и посмѣялся надъ вѣрой? Или потому, что теперь вся поэзія жизни осмѣяна пошлымъ смѣхомъ?.. Жалокъ и презрѣнъ этотъ смѣхъ, и безсиленъ онъ передъ требованіями самой жизни. Жизнь ни въ какія рамки не втискаешь. Это вѣрно. О, мечтай-же, и вѣрь, и люби, и надѣйся, пока и мечты, и любовь, и надежда, и вѣра — живы и ясны въ душѣ твоей! Да, Соничка глубоко вѣрила въ перерожденіе своего любовника и часто говорила ему:

— Саша, мой милый, будь всегда честенъ и правдивъ. Въ сознаніи правды заключается счастье.

И онъ отвѣчалъ;

— Да, я буду. Я буду честенъ для того, чтобъ ты не разлюбила меня.

И она улыбалась ему, и говорила снова:

— Зачѣмъ ты не любишь семью? Семья великое и святое слово. Все-бы я кажется отдала, чтобъ вернуть то время, когда и матушка и отецъ были живы. Я только тогда поняла, что́ такое семейная любовь и родной домъ, когда ихъ у меня не стало...

Digitized by Google

— Какова семья, возражалъ Александръ. — Пожила-бы ты на моемъ мѣстѣ.

— Чѣмъ-же тебѣ дурно жить?

— Отца ты моего не знаешь, — не то-бы ты сказала.

— И отца твоего знаю я. Онъ хорошій человѣкъ. Ну, а если онъ и не правъ иногда бываетъ, такъ неужели ты не можешь извинить старику отцу? Ты только одно вспомни: какъ онъ росъ, какъ онъ былъ воспитанъ... Не его вина, что онъ грубъ... Ну, а тетка твоя?..

— Да я чтожь, Соня... Я вѣдь тоже тетушку люблю...

— Ты и отца долженъ любить.

— Какъ мнѣ любить его, когда я каждую минуту только и думаю о томъ, какъ-бы онъ не избилъ меня... Я и подступиться-то къ нему боюсь.

— А ты попробуй... Ты приласкайся къ нему. Старые люди любятъ, чтобъ къ нимъ ласкались... Ты развѣ не знаешь, что они какъ маленькія дѣти... Ты припомни-ка, кого ты въ дѣтствѣ больше любилъ? Вѣрно тѣхъ, кто тебя ласкалъ больше. Такъ и отецъ твой. Онъ теперь вѣрно думаетъ, что ты его не любишь, ну онъ и сердится. Я помню, мнѣ нянька всегда твердила, что ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ.

— Не умѣю я ласкаться-то.

— Это не такъ трудно, какъ ты думаешь. Захотѣть только стоитъ. Ты попробуй.

— Я попробую. Толку только, я знаю, никакого изъ этого не выйдетъ.

— Выйдетъ ужь. Повѣрь мнѣ. Ты это на себя наговариваешь только. А вѣдь ты у меня хорошій мальчикъ. Я за то-то и люблю тебя, что ты добръ.

И такъ нѣжно и кротко улыбались въ эту минуту розовыя уста, такъ ласково звучалъ молодой голосъ, что невольно умилялось молодое сердце, и Александръ, какъ извѣстно, старался по возможности слѣдовать этимъ наставленіямъ.

И долго сидитъ она задумавшись и безпокоясь о томъ, чѣмъ вся эта исторія кончится: проститъ-ли Игнатій Андреичъ сына, или снова выгонитъ его на улицу?

Въ прихожей раздаются голоса:

— Кого вамъ нужно? спрашиваетъ Аксинья.

Digitized by Google

— Здѣсь госпожа Рогова живетъ? слышится мужской голосъ.

— Да вы отъ кого?

— Мы сами отъ себя.

— Ихъ никакъ видѣть невозможно: больны они.

— Ничего. Для насъ выздоровѣетъ.

Соничка прислушивается внимательно къ этому разговору, и звукъ мужскаго голоса заставилъ ее невольно вздрогнуть. Дверь въ спальню отворилась и въ комнату вошолъ собственной своей особой самъ потомственный почотный гражданинъ — Дмитрій Семенычъ Роговъ, со всѣмъ нахальствомъ новоиспеченнаго богача. Соничка съ какимъ-то ужасомъ привстала съ подушекъ и вскрикнула, широко раскрывъ свои блестящіе глаза:

— Братъ!

— Онъ-съ самый. Не ждали?

Соничка предчувствовала что-то недоброе и не могла выговорить ни слова.

— А я къ вамъ по дѣлу пришолъ.

— Никакихъ дѣлъ у меня съ вами нѣтъ, съ трудомъ проговорила сестра, у которой вся, столько лѣтъ накоплявшаяся злоба сразу прихлынула къ сердцу. — Наши счоты съ вами давно покончены, добавила она. — Ступайте отсюда вонъ!

— Что это вы такъ грозно поговариваете? Словно какъ не къ лицу вамъ? а?

— Что вамъ здѣсь нужно?..

— То мнѣ здѣсь нужно: скажите-ка мнѣ какими вы дѣлами занимаетесь?

— Всякими.

— А какъ ты можешь меня страмить? Ты на меня теперь передъ всѣми мараль кладешь. Такъ ты думаешь, я на твое безпутство сквозь пальцы смотрѣть буду? Ты будешь себѣ любовниковъ заводить, а я стану молчать? Ну, это матушка шалишь! Я не посмотрю, что ты сестра мнѣ...

— Какая я тебѣ сестра. Что ты все врешь.

— Какая-бы ты тамъ ни была, а безпутничать я тебѣ не позволю. У меня семья есть. Мнѣ теперь по городу пройти нельзя. Всѣ на меня пальцами указываютъ.

— Какже не указывать: такихъ подлецовъ, я думаю, не много.

Digitized by Google

— Послушай, Сонька, — ты лучше не ругайся.

— Ты вотъ теперь меня безпутной называешь...

— Какже потаскухъ называть-то?

— А кто виноватъ, что я такой стала? — братъ. Кто меня ограбилъ? — братъ. Такъ я тебѣ вотъ что скажу: на смѣхъ я тебѣ еще больше распутничать стану.

— Ну, это мы поглядимъ.

— Помнишь-ли ты, какъ я у тебя въ ногахъ валялась? А ты что тогда мнѣ сказалъ.

— Охота мнѣ помнить. Тамъ чтобы я ни сказалъ — дѣло прошлое.

— А! это дѣло прошлое! Такъ зачѣмъ-же ты теперь пришолъ ко мнѣ? Зачѣмъ тебѣ меня понадобилось? Въ другой разъ грабить ужь нечего.

— Вы, Софья Семеновна, бобовъ-то не разводите. Я вамъ дѣло говорю, а не шутки шучу. Я и такъ ужь долго ваши безчинства переносилъ.

— Какой терпѣливый!..

— Извѣстно терпѣливый. Кабы тятенька съ маменькой живы были...

— Ты объ матери не смѣй говорить! Наша мать была святая. Еслибъ она могла знать чѣмъ ты сталъ, она и въ гробу-бы не успокоилась.

— Чѣмъ-же-съ это я такое сталъ?

— Подлецомъ!..

— Такъ-съ. А все чай почестнѣе васъ.

— Ты-то честнѣе?..

— Я-то.

— Лучше-бы ты про свою честность молчалъ.

— Не передъ вами-ли?

— А то передъ кѣмъ-же? Кто Кречетова ограбилъ? У сестры кто послѣднее укралъ?..

— Это мы слышали. А поди-ка вору-то на сто тысячъ вѣрятъ, а честную-то дѣвушку потаскухой зовутъ. Мнѣ-то руки всѣ жмутъ, а отъ тебя сторонятся. Такъ я тебѣ вотъ что въ послѣд[illegible] говорю: перестань безпутничать. Не страми меня. Ху[illegible]

[illegible] хорошо.

Digitized by Google

— Да чортъ тебя побери, что тебѣ хорошо, — мнѣ-то скверно. Вѣдь ты, какая ни на есть, — сестра мнѣ. Вѣдь на меня стыдъ-то ложится. Мнѣ въ лицо говорятъ...

— А мнѣ какое дѣло, пускай говорятъ.

— Я вижу съ тобой добромъ-то не сговоришь. Слушай-же ты, шлюха паскудная, говори мнѣ: хочешь ты безпутства свои бросить, али нѣтъ?

— А кчему мнѣ бросать?

— Я тебѣ толкомъ говорю, брось ты все это и выходи замужъ.

— Кто-жъ меня теперь возьметъ?

— Не твое это дѣло. Я жениха подыщу такого, который ни зачѣмъ не погонится.

— Вотъ спасибо, добрый братецъ. Ну а какъ онъ узнаетъ, что я и по трактирамъ хаживала и любовниковъ не мало имѣла?.. Вѣдь ему пожалуй и не понравится?

— Сказалъ: тебѣ до этого дѣла нѣтъ. Деньгами расплачусь, только чтобъ страму-то этого не было...

— Такъ ужь я лучше такъ останусь. Не мнѣ страмъ-то, а тебѣ. И еслибъ ты зналъ, какъ я этому рада!

— Чтожь — ты надо мной смѣяться вздумала?

— Конечно смѣяться. Не ужь-то ты только-что догадался? Я тебя все-таки умнѣе считала, а ты ужь совсѣмъ дуракъ.

— Коли такъ, помни ты, шлюха, я денегъ не пожалѣю, а ужь упеку тебя?

— Куда-же это нельзя-ли узнать?

— А вотъ узнаешь, какъ жолтый билетъ дадутъ.

Соничка страшно поблѣднѣла, услыхавъ эту постыдную угрозу.

— И ты это сдѣлаешь? спросила она.

— Сдѣлаю.

— Дѣлай.

— Послѣднее это твое слово?

— Послѣднее.

— Ладно. Не хотѣла ты меня слушать — узнаешь кузькину мать.

И Дмитрій Семенычъ, пригрозивъ сестрѣ кулакомъ, вышелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

ГЛАВА IX

Въ то время, когда описанныя авторомъ происшествія происходили на Глухой улицѣ, въ жизни архинѣмецкой четы произошли тоже весьма значительныя перемѣны.

Ревнуя о приращеніи зильбера и гольда, Генрихъ Францъ Эзелькорнъ совершенно забылъ о той пословицѣ, которая говоритъ, что и коту не все масляница, а бываетъ и великій постъ. Скряжничая и дрожа надъ каждой копѣйкой, рижскій гражданинъ наконецъ дошолъ до того убѣжденія, что такъ какъ русскій человѣкъ совсѣмъ глюнъ, то чѣмъ ты его ни накорми, онъ все стрескаетъ. Убѣдившись въ этой весьма сомнительной истинѣ, гражданинъ города Риги сталъ кормить своихъ покупателей чѣмъ ни попало. Разсчотъ оказался ошибочнымъ. За свои собственныя деньги русскіе дураки требовали свѣжихъ пеклеванныхъ, и когда это требованье ихъ не удовлетворялось, — они обращались къ сосѣднему рижскому гражданину, быть можетъ подобно Генриху Эзелькорну хранившему въ нѣмецкой душѣ тѣже стремленія и обладавшему тѣми-же самыми воззрѣніями, питавшему тѣ-же самыя надежды относительно послѣдующихъ годовъ, но на первое время, подчиняясь подъ благосостояніе своего собрата, ублаготворявшему русскихъ дураковъ самыми бѣлоснѣжнѣйшими розанами и т. п. Вмѣсто того чтобъ уничтожить своего соперника его-же оружіемъ, вмѣсто того чтобъ поразить бѣлоснѣжнѣйшіе розаны еще болѣе бѣлоснѣжными, — гражданинъ города Риги, Генрихъ Францъ Эзелькорнъ, съумѣлъ только обозлиться на своего болѣе практическаго согражданина. Нѣмецкое сердце переполнилось негодованіемъ; рыхлая утроба заколыхалась отъ наплыва благородныхъ чувствъ; Анна Петровна вполнѣ своему супругу сочувствовала.

— Онъ подлецъ есть! разражался Генрихъ Эзелькорнъ, когда упоминали при немъ фамилію его болѣе счастливаго конкурента. — Развѣ можно такъ торговать. Такъ торговать не можно. Какой у него будетъ барышъ? а? Я васъ спроситъ: какой будетъ барышъ?

— Барыша никакого не будетъ, это намъ очень хорошо извѣ-

Digitized by Google

стно, подтверждала Анна Петровна, подобно своему супругу сильно озлобленная противъ новаго хлѣбопека.

— Ха! Что онъ думаетъ? Можно такой хлѣбъ за такую цѣну испечь? Я не могу испечь, а онъ можетъ испечь? Пусть испечетъ, пусть! Посмотримъ, какъ онъ испечетъ.

— Года не проторгуетъ, увѣряла супруга рижскаго гражданина, запуская въ ротъ указательный палецъ правой руки, предварительно запущенный въ табакерку.

Нѣмецъ разражался снова.

— Онъ скотина, обзывалъ рижскій гражданинъ своего счастливаго конкурента и согражданина. — А когда онъ скотъ, я на него плевать захотѣлъ. Онъ думай, я не понимай чего онъ хочетъ? Я очень хорошо его понимай. Люше чѣмъ всякій другой я его понимай. Да! Я пятнадцать лѣтъ самъ хозяйствомъ занимайся! да! Онъ хочетъ меня подъ брухо колѣнкой. Погоди! Онъ самъ скорѣй кувырнетъ.

Особеннаго логическаго смысла въ этихъ нѣмецкихъ жалобахъ не было; послѣдовательностью онѣ не отличались; но за то каждому сразу могло быть понятно, что рижскій гражданинъ глубоко и сильно оскорбленъ своимъ единоплеменникомъ. И именно потому, что оскорбленіе нанесено тоже рижскимъ гражданиномъ, — было такъ трудно перенести оное Генриху Эзелькорну. Нанеси это оскорбленіе, устрой этотъ подкопъ какой-нибудь Ѳома Сидоровъ, — нѣмецъ не принялъ-бы его такъ близко къ сердцу, потому — извѣстно — русскій человѣкъ свинья есть. Отъ него добраго не дождешься. Ну и плюнулъ-бы нѣмецъ на русскую свинью, и пошолъ-бы искать другого пристанища для продажи бѣлыхъ и пеклеванныхъ, а тутъ братъ на брата, такъ сказать, возсталъ; тутъ кровь заговорила, и быть можетъ въ первый разъ во всю свою жизнь рижскій гражданинъ утратилъ свое хладнокровіе, быть можетъ впервые отъ созданія міра нѣмецъ нѣмца во всеуслышеніе всяческими позорными именами обзывалъ.

Но какъ ни ругалъ Генрихъ Францъ Эзелькорнъ своего счастливаго конкурента, какъ ни старался увѣрить онъ потребителей, что сосѣдъ его свинья и т. д., — потребители оставались глухи къ этимъ увѣреніямъ; и въ то время, когда новый хлѣбопекъ расторговывался все сильнѣе и сильнѣе, когда онъ, какъ говорится, въ гору все лѣзъ, — торговля Генриха Эзелькорна

Digitized by Google

упадала все больше и больше; и какъ ни старался онъ сократить свои расходы, а все чаще и чаще началъ похаживать онъ въ воспитательный домъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ вынимая обратно оттудова приберегавшуюся на чорный день копѣйку, въ своей слѣпой злобѣ совершенно забывъ, что дѣло еще возможно поправить, стоитъ только превзойти своего конкурента бѣлоснѣжностью розанчиковъ. Годъ такъ прошолъ, другой, третій, и наступило наконецъ такое время, что и купецъ Монаховъ пересталъ патоку въ долгъ отпускать. Какъ ни упрямился рижскій гражданинъ, а пришлось наконецъ покориться судьбѣ.

— Я, Анна Петровна, думаю пекарня мѣнять, объявилъ въ одно прекрасное утро гражданинъ города Риги скаредной подругѣ своей скаредной жизни.

— Какъ вы, Андрей Иванычъ, хотите, отвѣчала Анна Петровна, по обыкновенію во всемъ соглашавшаяся со своимъ германизаторомъ.

— Да, я такъ думаю. Здѣсь торговля совсѣмъ плохо идетъ.

— На что хуже. Вчера на цѣлковый не продали, сокрушалась жена.

— Это все та свинья для насъ дѣлай, хмурился рижскій гражданинъ, по примѣру своей супруги набивая полонъ ротъ тѣмъ поганымъ зельемъ, за употребленіе котораго въ древней Руси рѣзали носы и которое въ настоящее время производилъ одинъ изъ блюстителей порядка, проживавшій въ сосѣдней будкѣ, близкій пріятель всѣмъ судомойкамъ и поварихамъ близлежащихъ мѣстъ.

Анна Петровна и въ этомъ случаѣ была совершенно согласна съ супругомъ, и будь въ ея власти — на мѣстѣ разказнила-бы она того, кто сдѣлалъ подрывъ ихъ торговлѣ.

И такъ было рѣшено, что переѣхать изъ сосѣдства новаго хлѣбопека необходимо, и необходимо немедленно. Но рѣшеніе это было легче высказать, нежели исполнить. Исполненію мѣшало самое ничтожное обстоятельство: на переѣздку и на новое обзаведеніе требовалось нѣкоторое количество любезнаго сердцу металла, а металла въ наличности не оказывалось. Это тонкое соображеніе, не безъ многознаменательнаго сжиманія бровей, было высказано Аннѣ Петровнѣ гражданиномъ города Риги въ такихъ выраженіяхъ:

Digitized by Google

— Какъ вы думаете, Анна Петровна, на какой путь мы будемъ переѣзжать?

Именно объ этомъ-то Анна Петровна и не подумала и соображеніе это совершенно ее огорошило, и огорошило столь сильно, что она была принуждена весьма безсмысленно захлопать глазами и поникнуть головой.

— Надо будетъ доставать деньги, глубокоумствовалъ рижскій гражданинъ.

Анну Петровну прошибла слеза.

— Ахъ, Андрей Иванычъ, вздыхала она, — гдѣ вы теперь достанете. Теперь народъ совсѣмъ не такой сталъ, — даже радуется когда къ другому бѣда придетъ, а нѣтъ чтобы пособить.

— Доставать можно. Отчего не можно доставать?

— Не повѣрятъ.

— Мнѣ не повѣрятъ? Хотѣлъ-бы я посмотрѣть, кто мнѣ не повѣритъ. Ха! Я не какой-нибудь русскій свинья. Мене вся Рига знаетъ. Пускай идутъ у-въ Рига. Когда я пятнадцать лѣтъ хозяйствовалъ и никогда долженъ не былъ!

— А я знаете что, Андрей Иванычъ, вамъ посовѣтую?

— Что вы, Анна Петровна, мнѣ посовѣтуете?

— Попросите-ка вы у братца Игнатья Андреича.

— Гм! и физіономія нѣмца стала еще глубокомысленнѣе.

— Право! Ему кажется не грѣхъ-бы родственникамъ помочь. Онъ теперь поправился.

Нѣмецъ еще болѣе нахмурился и снова гымкнулъ. Вскорѣ воспослѣдовало окончательное рѣшеніе по этому вопросу и совѣтъ Анны Петровны былъ принятъ. Архинѣмецкая чета отправилась къ Кречетовымъ объяснить свое горестное положеніе.

Эхъ, нѣмецъ! позабылъ ты, братъ, въ тотъ день, когда ложки подъ залогъ оставилъ, русскую пословицу: «не плюй ты въ колодезь, — придется водицы испить.»

Архинѣмецкая чета пріѣхала къ Кречетовымъ на другой день послѣ того достопамятнаго вечера, когда блудный сынъ возвратился въ отцовскій домъ. Вся семья была въ сборѣ. Рижскій гражданинъ, какъ человѣкъ крайне предусмотрительный, захватилъ съ собою въ подарокъ, по примѣру давно минувшихъ годовъ, въ весьма достаточномъ количествѣ различнаго сорта

Digitized by Google

печеній. Анна Петровна украсила свое лицо самой родственной улыбкой.

— Здравствуйте братецъ, здравствуйте сестрица, здравствуй Наденька, и т. д., лебезила подруга жизни гражданина города Риги.

— А, нѣмецъ, здорово! встрѣтилъ своего свояка Игнатій Андреичъ. — Ви бифинденъ зи зихъ! такъ что-ли по вашему?

— Какъ ваше здоровье сестрица? продолжала лебезить Анна Петровна около старшей сестры.

— Слава Богу. Какъ вы поживаете?

— Плохо, сестрица. Дѣла наши совсѣмъ худо идутъ.

— Богъ дастъ, поправятся.

— Мы, сестрица, даже не знаемъ что намъ и дѣлать. Переѣзжать думаемъ, а денегъ, какъ есть, ни копѣйки въ домѣ нѣтъ. На цѣлковый въ день продаемъ — сами посудите.

— Дождались таки. И скряжничество не помогло.

— Ахъ, сестрица, когда-же мы скряжничали. Вы насъ даже обижаете этимъ.

— Я вамъ это не въ укоръ говорю. Пусть насъ съ вами Господь разсудитъ. А могу сказать, такой скаредности я отродясь не видывала. Когда сестра померла, такъ двадцати рублей пожалѣли дать... Это родные называются.

— Да у насъ, сестрица, ей Богу, тогда денегъ не было.

— А подъ ложки нашлись?..

Анна Петровна вспыхнула и не могла ничего отвѣтить въ свое оправданіе.

— Эхъ, Анна! укоряла сестру Варвара Петровна, — грѣшно такъ съ родными поступать. У насъ тогда можетъ сколько дней крошки хлѣба во рту не было.

— Одинъ разъ, сестрица, случилось... А то мы всегда.

— Знаю я, какъ всегда-то вы. Какъ въ богатствѣ-то мы жили, такъ отъ васъ отбоя не было, а какъ бѣда пришла, такъ вы и глазъ не показывали. Нехорошо, Анна, нехорошо! Ты-бы хоть то́ вспомнила: какъ отецъ нашъ умеръ, — на чьихъ вы рукахъ остались?

Анна Петровна прослезилась.

— Я не знаю, сестрица, за что вы меня всегда обижаете. Развѣ моя воля!

Digitized by Google

— Не обижаю я тебя, а больно мнѣ видѣть, что у меня сестра такая. Не зла я тебѣ желаю.

Слезы у Анны Петровны полились еще сильнѣе.

А въ это время рижскій гражданинъ сидѣлъ съ Игнатьемъ Андреичемъ въ его такъ называемомъ кабинетѣ, хотя комната эта на кабинетъ весьма мало походила, и между ними происходилъ разговоръ такого рода:

— Ну, нѣмецъ, говори: какое у тебя дѣло? благодушествовалъ Игнатій Андреичъ. — Въ яму что-ли засадить кого хочешь? Засадимъ.

— Я къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбой.

— Какая просьба, послушаемъ.

— Денегъ мнѣ очень нужно.

— Вотъ что. Денегъ кому не нужно. Это ужь такая вещь, — всякой на нее зарится. Для чего-же тебѣ деньги нужны?

— Квартиру мѣнять я хочу.

— А на этой чтожь? не хорошо стало?

— Совсѣмъ плохо. Торговли совсѣмъ нѣтъ.

— Это дѣло скверное. Сколько-же тебѣ надо?

— Триста рублей.

— Что больно много?

— Печка новая надо строить.

— Такъ.

— Я васъ буду очень просить. Выручите меня.

— У самого-то у меня, нѣмецъ, денегъ нѣтъ. Ну, да ладно. Уладимъ какъ-нибудь. Когда-же тебѣ нужно.

— Мнѣ очень скоро нужно.

— А какъ примѣрно скоро? Я вѣдь не самъ работаю деньги-то.

— У васъ, Игнатій Андреичъ, знакомство большое.

— Это точно. Да вишь дѣло-то какое: всѣ теперь съ деньгами-то жмутся.

— Пожалуста, Игнатій Андреичъ, я вамъ благодаренъ буду.

— Сказалъ, что устрою. Ну, а скоро-ли — другое дѣло. Потерпи, нѣмецъ.

— Ужь дѣлать нечего...

Таковы были результаты поѣздки архинѣмецкой четы къ Кре-

Digitized by Google

четовымъ, — результаты, могу сказать, совершенно противоположные тѣмъ, какіе могли-бы получиться, если-бъ Игнатій Андреичъ въ столь-же трудныхъ обстоятельствахъ задумалъ-бы обратиться съ просьбой о вспомоществованіи къ рижскому гражданину.

ГЛАВА X

Давно уже Глухая улица, слѣдя своими зоркими неусыпными глазами за Наденькой Кречетовой, какъ слѣдила она за всѣмъ, что́ пороисходило въ ея заколдованныхъ отъ иноплеменнаго нашествія предѣлахъ, — какъ слѣдила она за разореніемъ Игнатья Андреича и паденіемъ почотнаго гражданина Семена Дмитріевича Рогова, за развитіемъ молодыхъ подростковъ и гибелью широковѣтвистыхъ дубовъ, — давно, говорю я, замѣтила глухая сторона, слѣдя своими аргусовскими глазами за Наденькой, какую-то тайну въ поступкахъ молодой дѣвушки. Посѣщенія небольшого флигеля потомкомъ магистратской четы отъ глухой стороны не могли укрыться, какъ не могли укрыться отъ ея бдительности таинственныя прогулки Наденьки въ роговскомъ саду. Съ свойственной только глухимъ улицамъ прозорливостью та изъ нихъ, которая мною описывается, смекнула, что тутъ что-то неладно, что тутъ что-то кроется. Любопытство ея было сильно возбуждено. Сначала носились слухи, что высокій и красивый господинъ, посѣщающій Кречетовыхъ, скоро пойдетъ въ Божій храмъ съ Наденькой, и разольется подъ старинными сводами «Исайя ликуй», но вдругъ господинъ этотъ исчезъ, и иной слухъ, совершенно противоположный первому, пронесся изъ конца въ конецъ глухой стороны. Слухъ этотъ былъ крайне неблагопріятенъ для Наденьки, и Глухая улица многозначительно покачивала головами, а мѣщанка Ефимова, встрѣчаясь на пути съ почтеннѣйшей Акулиной Саввишной, первымъ долгомъ считала таинственно улыбнуться.

— На рынокъ вы? спрашиваетъ мѣщанка Ефимова у своей сосѣдки, съ намѣреніемъ оттягивая ту минуту, когда она приведетъ въ восторгъ своей неожиданной новостью особу, извѣстную всей Глухой улицѣ подъ именемъ Саввишны.

— На рынокъ.

Digitized by Google

— Говорятъ, нонече молоко по четыре копѣйки за пару продаютъ.

— Отъ кого вы это слышали?

— Жиличка наша сказывала.

— Какъ-же это, я куфарку посылала, — она по шести дала.

— А вы вѣрьте больше. Развѣ можно на этотъ народъ полагаться!

— Нельзя, никакъ нельзя, да что ужь дѣлать-то.

— А вы другую наймите.

— Ахъ, мать моя, сколько ужь я ихъ перемѣнила, и счоту нѣтъ, и все одна другой хуже.

— Есть у меня одна прекрасная женщина на примѣтѣ. У Кречетовыхъ прежде жила. Прислать вамъ?

— Пришлите.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Завтра-же къ вамъ пришлю, потому — я знаю — жить у васъ очень даже прекрасно, и она женщина прекрасная.

— Ну, а кушанья она всякія умѣетъ готовить?

— Всякія.

— То-то. Намъ нужно, чтобъ она всякія кушанья умѣла готовить.

На этомъ интересномъ мѣстѣ разговоръ на самое короткое время прекращается.

— Вы Кречетовыхъ давно не видали? все ближе и ближе подвигаясь къ цѣли весьма окольною дорогой, спрашиваетъ мѣщанка Ефимова.

— Да ужь съ мѣсяцъ ихъ не видала. Въ церкви только недавно Варвару Петровну встрѣтила.

— Чтой-то, слышала я, у нихъ не совсѣмъ благополучно.

— Что-же такое?

— Да дочка-то, говорятъ, у нихъ съ прибылью.

— Что вы? Ктожь вамъ сказывалъ?

— Кто это говорилъ мнѣ, — дай Богъ память? Да должно быть куфарка ихъ сказывала? Наведись на рынкѣ я ее встрѣтила, такъ она мнѣ и говорила.

— Вотъ бѣда-то! Съ кѣмъ-же это она?

— А помните, баринъ-то къ нимъ одинъ ходилъ.

— Черноволосый-то.

— Онъ самый.

Digitized by Google

— Какъ-же тогда говорили, что онъ жениться хочетъ.

— Мало-ли что народъ болтаетъ.

— Какъ-же они съ нимъ знакомство-то свели?

— Жилъ онъ, вишь, мать моя, допрежь того съ отцомъ съ матерью. Чай помните, чиновникъ съ женой у нихъ жилъ.

— Запамятовала что-то.

— Что вы! Еще они въ тотъ самый годъ отъ Кречетовыхъ съѣхали, какъ Самосуева умерла.

— Помню теперь, помню. Лысый онъ былъ чиновникъ-то и носъ красный...

— Ну вотъ, ну вотъ!

— Такъ неужто съ нимъ?

— И, Богъ съ вами! Съ сыномъ-то съ ихнимъ, про котораго говорили, что жениться-то хочетъ.

— Вотъ что!

— Да.

— Какже это она такъ забыться могла?

— Дѣвка на возрастѣ. Извѣстно, въ голову-то всякая дурь лѣзетъ. Замужъ давно-бы пора было отдать... Ну, и не соблюла себя.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! Чтожь теперь отецъ-то съ ней сдѣлаетъ?

— Не знаетъ еще отецъ-то.

— А какъ узнаетъ. Такое дѣло скрыть невозможно.

— Извѣстно, по головкѣ чай не погладитъ. А и то сказать: дѣло сдѣлано.

— Все чай изобьетъ.

— Конечно поучить слѣдуетъ.

— Гдѣ-жъ это она? Варвара-то Петровна какже не усмотрѣла?

— Эхъ, матушка! Кто на такія дѣла себя предназначилъ, такъ тутъ хоть въ четыре глаза смотри — не усмотришь. Мало что-ли мѣстъ-то?

— Образованной-то барышнѣ кажется ужь и стыдно-бы.

— Образованность-то, полагаю.я, всему и причина.

— И то.

— Въ Бога образованные-то не вѣруютъ, въ церковь не ходятъ, вотъ Онъ и наказуетъ ихъ всякими горестями.

— Можетъ еще онъ женится.

Digitized by Google

— Была ему охота жениться. Извѣстно, мущины отъ нашей сестры одного только добиваются.

— Слаба наша сестра.

— Не всякая тоже. Когда я молода была, такъ меня даже графъ одинъ уговаривалъ, чтобъ, значитъ, я съ нимъ въ любви состояла. Фатеру, говоритъ, тебѣ богатѣющую найму, ну и все такое... одначе я была не согласна.

— У кого характеръ какой, а другая не можетъ.

— Нѣтъ, это не потому, а какъ кто воспитанъ. У меня родители, царство имъ небесное, строгіе были; бывало чуть что́ не такъ, — сейчасъ за косу; ну и я за-всегда имъ благодарна, потому — кто обо мнѣ теперь можетъ сказать...

— Это конечно ужь.

И вотъ вскорѣ на Глухой улицѣ ни для кого, исключая Игнатья Андреича и Варвары Петровны, не было уже тайной, что у Наденьки есть любовникъ и что она беременна.

Николашка Отпѣтый, встрѣтившись однажды днемъ съ молодымъ Кречетовымъ, улыбнулся съ свойственной только ему язвительностью и спросилъ своего пріятеля:

— Какъ, Александръ Игнатьичъ, ваши домашніе поживаютъ?

— Съ какой стати вздумалось тебѣ спрашивать объ этомъ? удивленный вопросомъ, возразилъ Александръ.

— Такъ-съ, желательно было-бы знать, попріятельски.

— Всѣ Славу Богу.

— Слава Богу — лучше всего, а я слышалъ будто́ сестрица ваша не совсѣмъ въ порядкѣ.

— Сестра тоже здорова.

— Радуюсь. А тутъ слухъ прошолъ, яко-бы Надежда Игнатьевна на послѣдяхъ ходитъ.

— Что? спросилъ Александръ, все еще не совсѣмъ понимая о чемъ толкуетъ Отпѣтый.

— Говорятъ, баринъ какой-то племянникомъ тебя наградить желаетъ.

— Послушай, Николка, ты говори да не заговаривайся, а то неровёнъ часъ...

— Чтожь такое будетъ?..

— А то будетъ, что я тебѣ рожу всю разобью.

— Ну, братъ, еще руки у тебя не доросли.

Digitized by Google

— А вотъ увидишь.

— Это слѣпой что-ли сказалъ?

— Кто-бы ни сказалъ, а ты про сестру мою врать не смѣй.

— Да что ты ершишься-то. Не я одинъ говорю, всѣ говорятъ...

— Чтó говорятъ?.. грозно нахмуривъ брови и сверкая глазами, спрашивалъ Александръ.

— Извѣстно чтò: любовникъ у сестры твоей есть.

— Врешь ты, подлецъ! крикнулъ Александръ, хватая Николашку за горло.

— Что ты, съ ума что-ли сошолъ... Я вѣдь и караулъ закричу; теперь день вѣдь... Велика важность, что сестра... (тутъ нѣсколько точекъ необходимо, ибо остальныя слова Отпѣтаго совершенно непечатны.)

— Врешь! еще громче крикнулъ Александръ.

— Чтожь ты дерешься...

— Говори: кто тебѣ сказалъ, а то какъ собаку изобью!

— Что ты ко мнѣ присталъ. Отстань.

— Говори!..

— Ну кто сказалъ... всѣ говорятъ.

— Слушай, Николка, если ты совралъ — живому тебѣ не быть, — помни.

— А мнѣ что врать. Плевать я на васъ всѣхъ хотѣлъ. Да что ты меня держишь, — пусти, говорятъ, не то караулъ закричу. Ишь налетѣлъ какой прыткій!

Александръ отпустилъ своего пріятеля и врага глухоулицкихъ собакъ.

Почувствовавъ себя на свободѣ, Николашка отряхнулся какъ только что вылѣзшій изъ воды пудель, и на его истасканномъ лицѣ снова появилась язвительная усмѣшка. Отойдя на весьма почтительное разстояніе отъ Александра, онъ снялъ картузъ, расшаркался и проговорилъ:

— Съ племянничкомъ имѣемъ васъ честь проздравить. На крестины-то, смотри, пригласи. — И весьма быстрыми шагами направился къ городу Амстердаму, напѣвая весьма громко: «когда была молода, тогда была рѣзва» и т. д.

Эти ядовитыя слова какъ-то невнятно донеслись до слуха Александра; онъ такъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ, сообщен-

Digitized by Google

нымъ ему Николашкой, какъ ошеломляетъ здоровый ударъ дубины, нанесенный привычной рукой какого-нибудь ночного промыслителя. «Неужели это правда?.. Неужели сестра его погибла?.. И кто-же погубилъ ее? Всѣ говорятъ? Но вѣдь можетъ быть это ложь?.. Развѣ всѣ не могутъ солгать?.. А если правда?.. Что тогда ему дѣлать? Что сдѣлаетъ онъ съ этимъ человѣкомъ, который во второй разъ...» и страшный гнѣвъ, неумолимая жажда мести закипаетъ въ молодомъ сердцѣ, кровь какъ огонь по жиламъ течетъ, въ глазахъ туманъ... «Сестра и *та*, которая для него дороже жизни, — погублены однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ!..» Страшись Петръ Антонычъ — расплата ужь близится. Ты видно не знаешь Глухой улицы, ты видно не знаешь ея суровыхъ и строгихъ нравовъ, если все считаешь за шутку: съ ней опасно шутить! Безнаказанно съ нею шутить никто не можетъ...

Быстро мелькали въ умѣ Александра грозныя мысли о судьбѣ сестры, и о *ней*, и о томъ человѣкѣ, который погубилъ двѣ самыя дорогія для молодого отпрыска могучаго дуба жизни. И все сильнѣе закипала злоба... Еслибъ въ эту минуту встрѣтился съ молодымъ Кречетовымъ потомокъ магистратской четы — читать-бы ему отходную, ибо ничего драгоцѣннѣе и святѣе семьи нѣтъ и не можетъ быть для Глухой улицы, и оскорбить семью она никому не позволитъ. Пусть люди европейской цивилизаціи насмѣхаются надъ крѣпостью семейныхъ началъ, пусть говорятъ они, что въ ней, кромѣ деспотизма, нѣтъ ничего, — близорукіе! ничего не видятъ и не понимаютъ они, и не могутъ понять сколько великаго и прекраснаго хранятъ въ себѣ эти начала; для нихъ непонятна та простая и быть можетъ строгая, но за то всеобъемлющая и всепрощающая любовь немудрыхъ и простосердечныхъ людей, которую можетъ понять только тотъ, кто на себѣ испыталъ ее. И Богъ съ ними — съ этими людьми! Но отчего-же они до сихъ поръ не прозрѣютъ? Къ чему они такъ свысока относятся къ этому незнаемому для нихъ міру? Почему они не хотятъ съ нимъ слиться?.. и т. д. и т. д. Нѣтъ этимъ вопросамъ конца!

Нѣсколько минутъ по уходѣ Николашки Отпѣтаго, — этого заклятаго врага Глухой улицы, — молодой Кречетовъ стоялъ совершенно неподвижно, потомъ поспѣшно направился къ дому. Отецъ уѣхалъ въ городъ; Варвара Петровна тоже куда-то

Digitized by Google

ушла; дома была только Наденька, — блѣдная и убитая горемъ...

— Надя, что было у тебя съ Брусковымъ? безъ всякаго подготовленія спросилъ ее братъ.

Наденька при этомъ неожиданномъ вопросѣ вся вспыхнула; Александръ повторилъ вопросъ, внимательно глядя на сестру и строго нахмуривая брови.

— По какому праву ты у меня спрашиваешь... Я тебѣ отвѣчать не обязана.

— Нѣтъ, обязана. Я хочу знать, что̀ у тебя съ нимъ было?

— Что могло у меня быть?

— Говорятъ, ты его любовница. Правда это?

— А еслибъ и правда, тебѣ какое дѣло.

— Мнѣ такое дѣло, что я не хочу, чтобъ на насъ всѣ пальцами показывали.

— Не на тебя станутъ указывать, — на меня.

— Говори-же ты мнѣ: правда-ли что̀ говорятъ?

Голосъ брата поразилъ молодую дѣвушку; мысль о томъ, что бѣда ея всѣмъ уже извѣстна, что и отецъ эту бѣду можетъ узнать, невыносимою болью сжала ея сердце; снова страшная блѣдность разлилась по лицу; но голосъ ея былъ твердъ, когда она отвѣтила брату:

— Кто тебѣ сказалъ эту клевету?

— Кто-бы ни сказалъ — все равно. Ты мнѣ прямо должна отвѣтить: есть у тебя любовникъ или нѣтъ?

— Александръ, ты меня не смѣешь оскорблять: я отцу скажу.

— Я тебя не оскорбляю; объ этомъ всѣ говорятъ.

— Объ чемъ?

— Что ты съ Брусковымъ живешь. Правда это или нѣтъ?

— Конечно нѣтъ.

— Правду ты говоришь?

— Правду.

— Поклянись покойницей матерью.

— Не стану я мать тревожить. Развѣ такъ ты не можешь мнѣ повѣрить.

— Смотри, Надя, рано-ли поздно-ли я узнаю.

— Ничего ты не можешь узнать, потому что ничего нѣтъ.

Digitized by Google

— А если есть?

— А если есть, — я буду отвѣчать.

Въ это время Варвара Петровна вернулась домой, и разговоръ прекратился.

Страшное сомнѣніе все сильнѣй и сильнѣй росло въ умѣ Александра.

Наденька цѣлый день была крайне печальна и озабочена.

ГЛАВА XI

Помню я, почти еще въ дѣтствѣ, купаясь однажды въ останкинскихъ прудахъ, называющихся почему-то Каменкой, я начиналъ тонуть; я уже захлебывался и пускалъ, какъ говорится, пузыри, но одна благодѣтельная рука спасла меня отъ неминучей смерти: я былъ вытащенъ на берегъ и очень скоро очнулся. Первымъ моимъ ощущеніемъ была невыносимая головная боль, страшный шумъ въ ушахъ и совершенное непониманье того, гдѣ я и что́ со мной дѣлается; дышать мнѣ было необыкновенно трудно, и всѣ предметы, находившіеся у меня передъ глазами, какъ-то странно и быстро вертѣлись, — словно плясали.

Если сравнить это впечатлѣніе съ тѣмъ, которое испытывала Наденька, услыхавъ отъ брата открытіе своей тайны, — между ними найдется большая аналогія. Конечно, для многихъ будетъ весьма странно то обстоятельство, какимъ образомъ я могъ открыть, что́ именно ощущала въ эти минуты молодая дѣвушка; но предположите, что я могъ слышать изъ устъ другой женщины, съ точно такими-же задатками характера, разсказъ о точно такомъ-же событіи, и если я могъ его слышать, то могъ и прибѣгнуть къ сравненію. Конечно я могъ. И молодая дѣвушка дѣйствительно, въ первыя минуты послѣ объясненія съ братомъ, испытывала тоже самое, что́ испытываетъ человѣкъ, только что вытащенный почти замертво изъ воды. Она не могла дать себѣ отчота въ томъ, что такое случилось, но смутно чувствовала, что случилось нѣчто ужасное. Варвара Петровна разсказывала ей весьма забавный анекдотъ о томъ, какъ какой-то пьяный шлепнулся въ лужу, но молодая дѣвушка не поняла изъ этого разсказа ни единаго слова; въ умѣ у ней все перепуталось, и надъ этой путаницей грозно царила одна только мысль: «Что ей те-

Digitized by Google

перь дѣлать? Что съ нею будетъ, если узнаетъ отецъ? А онъ долженъ скоро узнать».

— Что это нынче, Надя, съ тобой? съ неудовольствіемъ проговорила Варвара Петровна, замѣтившая наконецъ, что племянница ее совсѣмъ не слушаетъ.

— Голова у меня что-то болитъ...

— А ты уксусомъ намочи, а то горчишникъ поставь.

— И такъ пройдетъ.

— Ну, какъ знаешь. А коли очень болитъ, — ступай лягъ.

— Я лягу, отвѣтила Наденька, поспѣшно хватаясь за этотъ совѣтъ, чтобъ остаться одной и наединѣ пораздумать о своей печали.

И долго лежала она на своей кровати, уткнувшись лицомъ въ подушку, чтобъ заглушить рыданья, съ неудержимою силой рвавшіяся изъ наболѣвшей груди. Въ дому все было тихо, какъ будто мертвый сонъ слетѣлъ на него. «Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?» шептала Наденька, и какъ грозный призракъ какой выросталъ передъ нею гнѣвный отецъ. О, какъ невыносимо-тоскливо ноетъ сердце!.. Голова горитъ, какое-то изнеможеніе овладѣваетъ всѣми членами, какое-то оцѣпененіе. Ей кажется, будто она уже умираетъ; знакомый голосъ отца раздается въ сосѣдней комнатѣ...

— А Надежда гдѣ? спрашиваетъ суровый старикъ.

Наденька вся вздрагиваетъ и трепещетъ и вся превращается въ слухъ: ей чудится въ этомъ отцовскомъ вопросѣ сдержанный гнѣвъ; ей кажется, что отецъ все уже знаетъ и готовится проклясть дочь, опозорившую отцовскія сѣдины...

— Уснула она, отвѣчаетъ Варвара Петровна.

— Что такъ рано?

— Голова у ней болитъ.

— А! Ну, пусть спитъ. А Сашка дома?

— Дома.

И снова все умолкаетъ. Всѣмъ сердцемъ молится Надя, чтобъ грозная туча мимо прошла, но она близится, близится! «Что-же ей дѣлать? Что ей дѣлать?..» Вся безвыходность ея положенія впервые стала для нея такъ осязательна. У нея осталась одна только слабая надежда, — надежда на того, кто разбилъ ея жизнь. До сихъ поръ она не намекала ему на брачныя узы, она все ждала... И неужели?.. Неужели онъ только смѣялся

Digitized by Google

надъ ней?.. не можетъ этого быть! Онъ правдивъ и честенъ. И развѣ она не пожертвовала для него всѣмъ?.. Развѣ онъ не знаетъ какъ она любитъ его?.. Развѣ не увѣрялъ онъ ее въ своей любви? Но въ послѣднее время онъ сталъ какъ-то холоденъ... Онъ избѣгаетъ ее. Онъ какъ-будто не хочетъ ее видѣть. И горькимъ заглушоннымъ воплемъ вырывается безотрадный вопросъ: «Боже! неужели правды нѣтъ на землѣ? И если и онъ обманетъ ее? — ну, тогда одинъ конецъ! Стыда своего она не перенесетъ! Она пойдетъ къ нему завтра и все — все разскажетъ... и если...» Варвара Петровна подходитъ къ ея постели и наклоняется надъ изголовьемъ.

— Прошла у тебя голова? тихо спрашиваетъ тетка.

Она молчитъ.

— Уснула, шепчетъ Варвара Петровна, благословляя свою племянницу, и отходитъ прочь.

О, еслибъ знала она, что это за сонъ!

Наступаетъ ночь; весь домъ засыпаетъ, а для нея нѣтъ сна; безотрадныя жгучія слезы тихо струятся по блѣднымъ щекамъ, страшныя мысли тѣснятся въ мозгу... одинокая лампада горитъ передъ образами; все тихо; Наденька къ чему-то прислушивается; всѣ спятъ; и долго, и жарко молится она Матери всѣхъ скорбящихъ...

Какая страшная ночь! Какія страшныя сомнѣнья?.. Неужели онъ разлюбилъ ее?..

Да, онъ разлюбилъ. Онъ даже никогда и не любилъ. Бѣдное, довѣрчивое сердце, зачѣмъ такъ беззавѣтно отдалось ты этому человѣку? онъ не пойметъ тебя и не оцѣнитъ! Онъ нагло и дерзко посмѣется надъ тобой. Ему ужь не въ первый разъ. Ты затрудняешься рѣшить, почему ты не могла его увидать?.. Я разскажу тебѣ почему это такъ случилось, — я разскажу.

Читатели еще не знаютъ, что Наденька въ послѣднее время четыре раза приходила къ потомку магистратской четы и каждый разъ невыразимо-благородной наружности доместикъ, на вопросъ молодой дѣвушки:

— Петръ Антонычъ дома

съ наглою вѣжливостью отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ.

Наконецъ Наденька рѣшилась написать письмо. Вотъ въ чемъ оно заключалось:

Digitized by Google

«Мой дорогой и добрый другъ! Мой милый! Вѣдь ты повѣ-«ришь мнѣ, что я всѣмъ сердцемъ желаю тебя видѣть? Не прав-«да-ли, ты повѣришь? Я такъ давно тебя не видала. Ахъ, какъ «давно! Скажи: вѣдь ты не сердишься на меня? Я ничѣмъ не «оскорбила тебя? Я не могу припомнить. Но если ты чѣмъ-ни-«будь недоволенъ мной, — прости! Ты знаешь, я не могла опе-«чалить тебя съ намѣреніемъ. Ахъ, какъ мнѣ нужно тебя ви-«дѣть!.. Мой милый, удѣли мнѣ нѣсколько минутъ. Я буду пос-«лѣ завтра. Не правда-ли, ты будешь дома? Я приду. Прощай. «будь здоровъ. Твоя N.»

Былъ при этомъ письмѣ постъ-скриптумъ, въ которомъ повторялись тѣже кроткія, покорныя просьбы о томъ, чтобъ онъ простилъ ее и т. д.; но ни постъ-скриптумъ, ни самое письмо не произвели на потомка магистратской четы никакого впечатлѣнія, исключая того, которое выразилось въ самодовольно-нахальной улыбкѣ: эта великая любовь была для него непонятна, и онъ мало цѣнилъ ее, ибо для него любовь была чѣмъ-то въ родѣ свѣжей устрицы, или страсбурскаго пирога...

Молодая дѣвушка, такъ беззавѣтно отдавшаяся любимому человѣку, давно уже успѣла потомку магистратской четы наскучить, и если еще онъ дѣлилъ съ нею любовь, такъ единственно вслѣдствіе того мелкаго самолюбьишка, которое составляло главную основу его характера. И кому-бы не было пріятно быть любимымъ такъ, какъ онъ былъ любимъ? Хотя изящнѣйшему джентельмену не разъ приходила на умъ мысль такого содержанія: «Какъ-бы это развязаться?.. Вѣдь отъ этихъ мѣщанъ всякой гадости очень возможно ожидать!..» и т. д.

Въ послѣднее время потомка магистратской четы всего сильнѣе занимала мысль о преуспѣяніи въ почестяхъ гражданскаго служенія отечеству; не смотря на всю сухость и безсердечность своей натуры, не смотря на совершенное отсутствіе въ немъ поэтическаго элемента, онъ иногда былъ способенъ даже замечтаться до сладострастнаго ржанія, — и тогда онъ видѣлъ себя великимъ администраторомъ, грудь котораго вся увѣшана Станиславами и Владимірами; ему слышался раболѣпный шопотъ мелкаго чиновничества, ему видѣлись покорно согнутыя спины этихъ тружениковъ, когда онъ, — гордый и величественный, — величаво проходилъ мимо заплеванныхъ чернилами столовъ, надъ которыми непрерывно скрипѣли перья.... Онъ входитъ,

Digitized by Google

скрипъ умолкаетъ, а взамѣнъ его раздается какой-то невнятный гулъ — Ваше —ство! Ваше —ство!... Картины нелишонныя пріятности, и потомокъ магистратской четы употреблялъ всѣ усилія, чтобъ картины эти осуществились, чтобъ онѣ стали, такъ сказать, осязаемыми.

И годы шли .. и мечты мало-по-малу переходили въ дѣйствительность...

Не бѣдна наша Русь, уже сказано мною нѣсколько ранѣе, дамами съ сильными тенденціями! Не мало на Руси у насъ такихъ, которыя всю свою жизнь посвящаютъ на откапыванье удовлетворителей ихъ страстныхъ желаній, вознаграждая оныхъ за сіе самоотверженіе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и замѣчательно теплыми мѣстами, и никто не былъ въ семъ отношеніи счастливѣе и конечно достойнѣе потомка магистратской четы. Спеціально посвятивъ себя изученію великаго искусства плѣненія неустойчивыхъ сердецъ, онъ довелъ это искусство до совершенства, — до того, что всѣ безъ исключенія дамы съ волнующимися чувствами чуть не лѣзли за него въ драку и постоянно называли его *бельомомъ*, отъ каковаго слова, по увѣренію нѣкоторыхъ нашихъ филологовъ, происходитъ русское названіе самца собачьяго семейства, — названіе, почему-то считающееся неприличнымъ.

Быть можетъ многіе моралисты найдутъ спеціальность джентльмена Брускова позорной, отвратительной, но я могу ихъ увѣрить, что изящнѣйшій джентельменъ находилъ ее весьма выгодной; и тутъ наконецъ я могу объяснить почему въ послѣднее время Наденька не могла никогда застать его дома: единственной причиной постоянно однообразнаго отвѣта горделиваго доместика была одна изъ этихъ дамъ-искательницъ сильныхъ ощущеній, какимъ-то образомъ пронюхавшая, что тотъ, за увѣренія котораго въ безпредѣльной любви она доматываетъ послѣднія черноземныя нивы, въ томъ-же самомъ увѣряетъ другую.

Эта благодѣтельница изящнѣйшаго джентльмена принадлежала къ консервативной партіи и никогда не читала «Русскаго Слова», а потому никакъ не хотѣла понять, что потомокъ магистратской четы поступаетъ совершенно раціонально. По этому поводу произошла трогательная сцена ревности и отчаянія, въ которой роль самого Отелло изображала дама; Дездемона спасла

Digitized by Google

себя клятвами, что она ни въ чемъ неповинна; Отелло повѣрилъ, ибо измѣнщица была такъ прекрасна! Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство заставило потомка магистратской четы весьма сильно призадуматься. «Гм! промычалъ этотъ потомокъ, — если она узнаетъ, — чортъ знаетъ что̀ можетъ выдти... Да и наскучило кстати мнѣ. Надо бросить.» И вслѣдствіе этого размышленія отданъ былъ горделивому доместику наистрожайшій приказъ не принимать Наденьку, — и она не была, какъ извѣстно, принимаема.

Наконецъ настойчивыя посѣщенія молодой дѣвушки и въ особенности ея послѣднее письмо довели потомка магистратской четы до желанія, какъ можно скорѣе и сразу покончить всякія сношенія съ Наденькой, и было имъ сказано горделивому доместику:

— Когда эта госпожа, которая принесла письмо, придетъ опять, — прими. Слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣтствовалъ горделивый доместикъ.

Наденька пришла.

Сцена происходила въ кабинетѣ Петра Антоныча.

Петръ Антонычъ сидѣлъ, небрежно развалившись, на диванѣ, когда вошла Наденька.

— Bonjour! пропустилъ онъ сквозь зубы въ отвѣтъ на привѣтствіе молодой дѣвушки.

Наденька была сильно взволнована; на ней, какъ говорится, лица не было; она знала, что въ эту минуту должна рѣшиться ея судьба. Тяжело и трудно дышала она; какое-то ужасное предчувствіе сжимало холодомъ сердце; колѣни у ней подгибались; слезы застилали глаза и нѣсколько минутъ она не могла выговорить ни слова; потомокъ магистратской четы, предчувствуя объясненіе, тоже молчалъ и съ изящной небрежностью игралъ кистью бархатнаго халата. Положеніе обоихъ дѣйствующихъ лицъ было крайне неловкое; это тяжолое молчаніе было прервано джентльменомъ Брусковымъ.

— Ты мнѣ писала, что имѣешь что-то мнѣ сказать? съ непередаваемымъ достоинствомъ спросилъ потомокъ магистратской четы молодую дѣвушку, продолжая свое занятіе, долженствовавшее изображать привычку къ свѣтскому обращенію.

Суровымъ холодомъ повѣяли эти слова на изстрадавшееся

Digitized by Google

сердце молодой дѣвушки, и въ отвѣтъ полились изъ глазъ неудержимыя слезы.

— Ахъ, Петя! могла только прорыдать Наденька.

— Что съ тобой? какъ будто изумился потомокъ магистратской четы.

— За что ты разлюбилъ меня? Чѣмъ я передъ тобой виновата?

Изящнѣйшій джентльменъ только пожалъ плечами.

— Перестань пожалуста ребячиться, почти презрительно замѣтилъ онъ.

— Ребячиться?..

— Конечно ребячиться.

— Петя, Петя, что ты говоришь!

— Тоже самое, что сказалъ-бы тебѣ всякой другой на моемъ мѣстѣ. Развѣ не ребячество твое письмо?

— Письмо?

— Ну да, письмо. У меня бездна дѣлъ; я цѣлый день занятъ; не могу-же я сидѣть цѣлый вѣкъ дома. А ты выдумываешь какіе-то небывалые страхи... Наконецъ я бросаю дѣла, чтобъ узнать, что такое случилось, а ты только хнычешь. Какже это не ребячество?

— О, какъ ты жестокъ!

— Что за слова! Точно изъ трагедіи. Ужь не хочешь-ли ты, чтобъ я изобразилъ нѣжнаго любовника, чтобъ я на колѣни сталъ? Уволь, ради Бога, отъ подобной роли: она не по мнѣ. Я вѣдь не мальчишка.

Наденька сидѣла совсѣмъ какъ убитая, все яснѣе и яснѣе выступала для нея наружу истина, что тотъ, кому она всѣмъ пожертвовала, — больше ее не любитъ.

— Что-же тебѣ отъ меня нужно? спрашивалъ потомокъ магистратской четы. — Что такое случилось?

— Петя, неужели у тебя нѣтъ для меня ни одного добраго слова? Неужели я не стою того, чтобъ ты пожалѣлъ меня?

— Рѣшительно не могу ничего понять.

— О, Боже, Боже!

— Ахъ, оставь эти мѣщанскія привычки. Быть можетъ все это очень трогательно, но въ тоже время все это очень смѣшно.

Наденька гордо откинула голову и строго взглянула въ лицо своему любовнику: всѣ болѣе или менѣе свирѣпые инстинкты

Digitized by Google

кречетовскаго рода сразу проснулись въ ней; плотно сдвинулись тонкія брови и ярко сверкнули глаза.

— На самомъ дѣлѣ, проговорила она, — мнѣ смѣшно унижаться. Но не тебѣ говорить эти слова, не тебѣ! И если я виновата, неужели ты правъ?

— Не мастеръ я разгадывать загадки. Говори яснѣе. Въ чемъ я виноватъ?

— О, ни въ чемъ, ни въ чемъ! Я только хочу тебѣ сказать, что вчера я едва не умерла отъ стыда и боязни...

— Это тоже изъ трагедіи?

— Да, изъ трагедіи... О, какъ я наказана! какъ я наказана! Нѣтъ, вѣдь ты не можешь-же быть такимъ дурнымъ человѣкомъ, какимъ ты хочешь казаться, — это было-бы слишкомъ жестоко!

Потомокъ магистратской четы между тѣмъ насвистывалъ какую-то арію.

Наденька положила ему на плечи руки и долгимъ пристальнымъ взглядомъ смотрѣла ему въ лицо; и взглядъ этотъ полонъ былъ мольбы и тоски...

— Петя?..

— Ну что?

— Ты знаешь, скоро все должно открыться?

— Что открыться должно?

— *Все*...

— Чтожь ты сама что-ли на лобное мѣсто всѣмъ разсказывать пойдешь.

— У насъ скоро будетъ ребенокъ.

Потомокъ магистратской четы нахмурился.

— Гм! промычалъ онъ. — Это не совсѣмъ пріятно, но ты могла этого ожидать съ самаго начала, только напрасно ты раньше не предупредила меня: можно-бы было посовѣтоваться съ докторомъ, кстати-же у меня есть одинъ очень близкій знакомый...

Наденька не могла понять на что намекалъ ей изящнѣйшій джентельменъ; она продолжала смотрѣть ему въ глаза и почти шептала:

— Петя, ты исполнишь свое обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?

— Ты могъ забыть?

Digitized by Google

— Гдѣ-жь мнѣ все помнить. Ты кажется думаешь, что у меня только пустяки на-умѣ.

Наденька вспыхнула.

— Я ничего не думаю, начала она говорить. — Я только знаю, что если ты честный человѣкъ, ты долженъ исполнить то, въ чемъ ты мнѣ клялся. Да, ты долженъ. Я твоя жена передъ Богомъ, — ты долженъ признать меня своей женой передъ людьми.

— Вотъ что! какъ будто про себя замѣтилъ изящнѣйшій джентльменъ. — Ну, а если я не исполню, тогда что?

— Ты это шутишь?.. Я не могу повѣрить, что ты...

— Чтожь ты не договариваешь?

— Нѣтъ, я не могу этого думать! не могу! Ты знаешь, что я для тебя всѣмъ пожертвовала. Вѣдь ты призывалъ въ свидѣтели Бога!.. И за что-же ты хочешь меня погубить?.. Развѣ я мало любила тебя?.. Развѣ другая можетъ тебя такъ любить?

— Все это очень трогательныя слова, но я не вижу въ нихъ смысла. Ты говоришь, что ты мнѣ жертвовала. Чѣмъ? Тѣмъ-же, чѣмъ жертвуютъ сотни другихъ женщинъ. И развѣ мы не одинаково наслаждались? Развѣ я не любилъ тебя?..

— О, что ты говоришь! что ты говоришь!

— Ты говоришь, что ты меня любишь; но развѣ истинная любовь требуетъ платы?

— Мой милый, не мучь меня... Ты знаешь, что я не платы требую!.. Видитъ Богъ, еслибъ я была одна, еслибъ я была свободна, — я не напомнила-бы тебѣ этого обѣщанія... Но ты знаешь, у меня есть отецъ; онъ старъ; это открытіе убьетъ его. Когда вчера братъ сказалъ мнѣ, что онъ догадывается, — я не знаю что со мной сдѣлалось. Не дай Богъ никому пережить такой ночи, какую пережила я! Не дай Богъ! Что-же со мной будетъ, если узнаетъ отецъ, если все откроется? Но ты вѣдь исполнишь свое обѣщаніе? Я знаю, ты честенъ и добръ.

— Я не могу его исполнить.

— Не можешь?..

— Послушай, Надя, будь разсудительна. Пойми, что ты не можешь войти въ то общество, въ которомъ я живу, что не могу я изъ пустого увлеченія жертвовать своей будущностью. Мнѣ непріятно, я очень сожалѣю, но...

Наденька не дала ему договорить; гордая и прекрасная, съ

Digitized by Google

гнѣвными взорами и пылающимъ лицомъ стояла она передъ тѣмъ, кто разбилъ ея сердце, и быстрымъ потокомъ лилась ея обличительная рѣчь.

— А! такъ это было пустое увлеченіе, — говорила она. — Разбить чужую жизнь на вашемъ языкѣ называется пустымъ увлеченіемъ? А! я могла жертвовать, а ты не можешь? И я любила этого человѣка! И я отдала ему всю свою жизнь? И этого человѣка я считала образцомъ честности и правдивости?... Знаешь-ли кто ты?..

— Пожалуста безъ трагедіи! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что я этого не люблю.

— Пустое увлеченіе, говоришь ты? А помнишь-ли ты, что было говорено тобою, когда ты искалъ моей любви? Помнишь?

— Вѣроятно тоже самое, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ.

— Замолчи! замолчи! Не святотатствуй.

И послѣднія силы, вызванныя яркимъ порывомъ гнѣва, оставили Наденьку; она зарыдала такими слезами, отъ которыхъ разрывается сердце, и упала на колѣни.

— О, милый! воскликнула Наденька, — не будь такъ жестокъ! Неужели ты хочешь, чтобы я погибла? Неужели ты хочешь моей смерти?.. Вѣдь я люблю тебя! люблю!.. какимъ-то замирающимъ стономъ пронеслось послѣднее слово.

Въ эту минуту поднялась портьера и на порогѣ комнаты показалось пышное платье и дряхло-румяное лицо знакомой барыни.

— Ахъ! какъ это мило! воскликнула она. — Извините, я вамъ помѣшала можетъ, *monsieur* Брусковъ?..

На изящнѣйшаго джентльмена это неожиданное появленіе произвело точно такое-же впечатлѣніе, какъ будто на него неожиданно вылили ведро холодной воды, онъ какъ будто окаменѣлъ и стоялъ безсмысленно вытаращивъ глаза.

— *Adieu!* желаю вамъ всякаго удовольствія! насмѣшливо проговорило румяно-дряхлое лицо, облеченное въ наипышнѣйшее платье, и величественно скрылось.

Нѣсколько минутъ потомокъ магистратской четы пребывалъ въ столбнякѣ, но вдругъ онъ схватилъ Наденьку за руку и въ какомъ-то изступленіи вскрикнулъ:

— Вонъ отсюда, мерзавка!

Digitized by Google

— Ахъ! раздалось въ комнатѣ. И то былъ тотъ, по выраженію Байрона, крикъ, который всего только разъ въ жизни можетъ вылетѣть изъ человѣческой груди...

ГЛАВА XII

Въ городѣ Амстердамѣ, кромѣ уже болѣе или менѣе извѣстныхъ читателямъ каморокъ и билліардной, служившей пристанищемъ отставнымъ мелкотравчатымъ господамъ, существовалъ еще подвальный этажъ, куда они скрывались въ болѣе позднее время ночи, и куда свѣжему человѣку войти было совершенно невозможно, ибо воздухъ былъ наполненъ такими ароматами, какихъ не продавалъ даже Мусатовъ.

Весь этотъ этажъ состоялъ изъ одной комнаты въ видѣ погреба — громадной и низкой, съ подземными крохотными окнами, почти непропускавшими свѣта, съ какими-то необыкновенно мрачными стѣнами и сводами и съ такимъ количествомъ грязи на каменномъ полу, которое ясно показывало, что именно здѣсь-то и есть центральное вмѣстилище этого вещества, что именно отсюдова и разносится эта грязь по всему Амстердаму. Посѣщавшіе этотъ этажъ сначала должны были спускаться въ какую-то трущобу, потомъ пролѣзать въ необычайно узкое отверстіе, въ родѣ мышиной норки, и только тогда уже являлось ихъ глазамъ безчисленное количество столовъ, покрытыхъ половиками и т. п. Въ этой трущобѣ и днемъ и ночью царилъ какой-то таинственный сумракъ. Днемъ тутъ не бывало никого, но за то съ часу ночи и вплоть до ранняго утра громадно-сумрачная комната была переполнена посѣтителями. Сюда собирались всѣ тѣ, кто имѣлъ причины удаляться отъ полицейской наблюдательности, и происходили часто здѣсь такіе дебоши, о которыхъ никто не можетъ имѣть понятія, если самъ въ оныхъ не участвовалъ. Здѣсь присутствовали постоянно одни и тѣ-же лица, — сумрачныя или веселыя, но всегда таинственныя, всегда совѣщавшіяся о какихъ-то дѣлахъ. Здѣсь можно было почти навѣрно услыхать разговоръ такого сорта:

— Ты, Хромой, сегодня какъ?

— Что, братъ, — плохо! Всего одну трубку театральную.

Digitized by Google

— Я пальтишко досталъ, прахъ его побери. И пальтишко-то всего грошъ цѣна...

— За сколько спустилъ?

— За два трешника.

— Чего-жъ тебѣ. Какого еще рожна нужно. Мнѣ и одного не далъ... Угости.

— Больно ты лакомъ... и т. д.

Въ полумракѣ на ободранныхъ диванахъ, набитыхъ, судя по упругости, булыжникомъ, лежатъ цѣлыя толпы еще болѣе несчастныхъ пріобрѣтателей, захрапывая на всевозможные и даже невозможные манеры, и никому до нихъ нѣтъ дѣла, никто не обращаетъ на нихъ вниманія, какъ-будто такъ и должно быть, какъ-будто и этотъ подвалъ, и эти диваны существуютъ съ тою цѣлію, чтобъ успокоивать этихъ бездомныхъ странниковъ бурноволнуемаго житейскаго моря. Человѣкъ неопытный ни за что не догадался-бы какой профессіей занимается весь этотъ людъ; но бывалый и тертый калачъ сразу-бы понялъ, что всѣ посѣтители этого подвала, что всѣ бодрствующіе и спящіе сюртуки и чуйки принадлежатъ къ коммунистамъ, что и часы и бумажники отъ нихъ подальше укрывать слѣдуетъ. Еще труднѣе было-бы опредѣлить, къ какому классу общества принадлежала эта толпа людей, ибо тутъ по истинѣ царствовало смѣшеніе языковъ, ибо тутъ можно было встрѣтить и неимовѣрнѣйшіе усищи отставныхъ господъ, и крайне истасканныя лица бывшихъ прикащиковъ, замѣтныхъ по тому изяществу свѣтскихъ манеръ, которое наложила на нихъ «Ножовая линія», и личности совершенно неопредѣленнаго характера, — личности сосредоточенныя и угрюмыя; но не смотря на разнохарактерность постоянныхъ посѣтителей подвальнаго этажа города Амстердама, они всѣ были запечатлѣны чѣмъ-то особеннымъ, имъ только свойственнымъ, что́ ясно указывало на ихъ солидарность; на нихъ лежалъ одинъ общій тонъ, подобный тону рембрандтовскихъ картинъ... Въ этомъ громадномъ подвалѣ никогда не было слышно веселыхъ и разгульныхъ пѣсенъ, какое-то мрачное сосредоточенное и безграничное пьянство царило тамъ; рѣдко-рѣдко чей-нибудь хохотъ глухо проносился подъ нависшими сводами, но и въ немъ не было ничего веселаго, а напротивъ не то злобой, не то отчаяніемъ звучалъ онъ, что-то гробовое, мертвенное слышалось въ немъ. Всѣ эти посѣтители мрачнаго под-

Digitized by Google

вала давно разорвали всякія связи съ обществомъ; почти всѣ они совершили въ своей жизни не мало проступковъ и преступленій и жили въ постоянной враждѣ съ закономъ. Но и между ними была извѣстная градація, и между ними находились люди пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ; уваженіе это пріобрѣталось или физической силою, или ловкостью и изобрѣтательностью... Находились среди этихъ враждебныхъ общественному благосостоянію людей такіе артисты, которые въ замочную скважину проносили цѣлые сундуки, и изъ воды вѣчно сухи выходили... Полицейскія власти и сыщики, вслучаѣ какой-нибудь значительной пропажи, постоянно почти обращались за свѣдеціями къ посѣтителямъ этого подвала, отъ которыхъ всегда можно было узнать кто и какъ именно укралъ такія-то вещи; власти сквозь пальцы глядѣли на мелкія шалости этихъ артистовъ, которыхъ было весьма трудно уличить на мѣстѣ преступленія, и большинство которыхъ имѣло и законные виды, и внушительныя физіономіи. Дѣло въ томъ, что безъ помощи этихъ артистовъ множество преступленій осталось-бы неоткрытыми, и потому неудивительно, что если порою самъ сыщикъ заходилъ въ подвальный этажъ города Амстердама, то и тогда таинственныя личности, ни мало не стѣсняясь, продолжали разсказывать другъ другу свои дневныя похожденія, свои удачи и неудачи...

Николашка Отпѣтый и Володька Носъ, прозванный такъ за совершенно неестественные размѣры органа обонянія, были едвали не самыми почотными членами подвальнаго общества. Такой юркостью, такой изворотливостью и изобрѣтательностью не обладалъ положительно никто. Свою профессію они довели до такого совершенства, что даже самые старѣйшіе члены общества похитителей признавали ихъ первенство и склонялись передъ ихъ изумительною ловкостью.

Съ самаго ранняго дѣтства оставленный на произволъ судьбы, неполучившій рѣшительно никакого воспитанія, Николашка весь свой умъ, всѣ свои способности употребилъ на то, за что, по выраженію Либима Карпыча, «въ чужихъ земляхъ по талеру плотятъ, а у насъ по шеямъ колотятъ». Промотавъ въ весьма короткій срокъ доставшееся ему послѣ отца наслѣдство, привыкнувъ къ беззаботной и безпечной жизни, непріучонный къ труду, и въ тоже время принужденный собственными своими средствами добывать себѣ пропитаніе, онъ, ни мало не задумы-

Digitized by Google

ваясь, пошолъ по тому пути, который кончается широкой Владимірской дорогой. Съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ онъ уже успѣлъ такъ истрепаться и нравственно и физически, что представлялъ собою нѣчто позорное, нѣчто такое, отъ чего съ невольнымъ ужасомъ и содраганіемъ отвращается человѣкъ. Въ жизни для него не существовало ничего святого, ничего драгоцѣннаго, никакой привязанности. Все онъ готовъ былъ продать, надъ всѣмъ посмѣяться. Ни разу любовь не заронила въ его сердце честныхъ стремленій. Цинизмъ, словно зараза, рано проникъ въ его душу и въ самомъ зародышѣ умертвилъ въ немъ все, что было въ немъ добраго и хорошаго. Въ немъ была еще одна яркая, бросающаяся въ глаза черта: какая-то ненависть ко всѣмъ, кто былъ сильнѣе его, и совершенно безпредметная и безпричинная злоба, желаніе уязвить кого-нибудь ни за-што ни про-што, напакостить человѣку, хотя-бы этотъ человѣкъ не причинилъ ему ни малѣйшаго зла. Онъ даже завелъ себѣ любовницу — тщедушную и окончательно забитую женщину, незнавшую ни рода, ни племени, — съ спеціальною цѣлью бить ее каждый день до отвала, и едва-ли не эту несчастную онъ ненавидѣлъ болѣе всего.

— Шельма ты эдакая, ты чей хлѣбъ жрешь? спрашивалъ у несчастной жертвы своей ядовитой злобы Николашка, возвращаясь пьяный на свою квартиру, нанимаемую имъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ находился Амстердамъ.

— За что ты меня бьешь? плакалась несчастная жертва.

— За то и бью, что противна ты мнѣ какъ собака. Сказывай ты мнѣ, подлая, — хотѣла ты меня обокрасть?..

— Когда-жь это было?

— Сознавайся! приступалъ Николашка къ своей жертвѣ, какимъ ни на есть мастеромъ ехидствуя надъ нею и въ тоже время очень хорошо зная, что ничего подобнаго она никогда и въ умѣ не держала по той простой причинѣ, что красть было нечего.

— Ой! ой! Больно! Пусти Христа ради!.. молила она своего мучителя.

— Признавайся! — приставалъ Отпѣтый, ни мало не трогаясь мольбами.

— Ой! моченьки моей нѣтъ! Ты ужь лучше убей меня... За что ты меня мучишь?

— А! ты убѣжать отъ меня хотѣла! Врешь! Не убѣжишь! На днѣ морскомъ отыщу тебя, а ужь доканаю! прінскавъ новый

Digitized by Google

предлогъ для истязаній, ехидствовалъ Николашка. — Ты на меня въ кварталъ жаловаться ходила?.. Что взяла? а?

На самомъ дѣлѣ предметъ самой сильной Николашкиной ненависти однажды не вытерпѣла побой и нажаловалась на своего любовника; но Отпѣтый по обыкновенію вышелъ сухимъ изъ воды и отмстилъ своей жертвѣ такими побоями, отъ которыхъ та почти недѣлю пролежала въ постели и съ той поры ни разу не порывалась избавиться отъ своего мучителя, окончательно покорившись своей участи, вслѣдствіе самаго глубокаго убѣжденія, что нигдѣ и никогда она отъ него скрыться не можетъ.

Володька Носъ принадлежалъ къ совершенно иному типу. Обладая, подобно Отпѣтому, столь-же хитрымъ и изворотливымъ умомъ, онъ въ тоже время былъ необыкновенно добродушенъ и смиренъ. Совершивъ вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ товарищемъ какую нибудь кражу и пьянствуя съ нимъ-же въ мрачномъ подвалѣ города Амстердама, онъ почти постоянно чувствовалъ приливъ раскаянья, выражавшійся совершенно искренними слезами.

— Идетъ онъ, братцы мои, плакался Носъ, — пальто у него разстегнуто, а цѣпочка-то такъ и горитъ, такъ и горитъ, проклятая... Говорю я, позвольте, говорю, баринъ, васъ почистить; въ пуху вы замарались. «Спасибо, говоритъ, любезный. На вотъ тебѣ за труды». Двугривенный далъ... Ей Богу.

— Ха, ха, ха! грохочутъ слушатели. — Такъ двугривенный далъ?

— Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ.

— Ха, ха, ха! снова грохочутъ посѣтители подвала. — Такъ жалко тебѣ барина?

— Какие не жалко. Баринъ добрый. Теперь какъ онъ домой придетъ, — часовъ нѣтъ. На кого онъ долженъ подумать? А часы хорошіе...

— Извѣстно на тебя, подзуживаютъ отставные усищи и т. п.

— Это вы вѣрно говорите, что на меня... Несчастный я совсѣмъ человѣкъ!

— А ты часы-то назадъ-бы отдалъ.

— Продалъ я ихъ, окаянныхъ... И зачѣмъ только онъ пальто разстегнулъ!..

И опять раздается неистовый грохотъ.

Кромѣ этой слезливости и приливовъ раскаянья, Носъ отли-

Digitized by Google

чался еще доходившимъ до смѣшного пристрастіемъ къ романсамъ въ родѣ того, въ которомъ поется, что

«Говорятъ ты простудилась;
«Ты гуляла по ночамъ.
«Это вѣрно ты влюбилась;
«Право я не знаю самъ...» и т. д.

Голосишко у него былъ самый поскудный, имѣвшій весьма замѣчательное сходство съ трогательной жалобой барана на свою судьбу, но ничто не могло удержать его отъ дикаго воя, когда наступала пора вдохновенья, — ни даже язвительныя насмѣшки Николашки Отпѣтаго. Сердечно сокрушаясь о добромъ баринѣ, у котораго онъ похитилъ часы и цѣпочку, онъ въ тоже время спрашивалъ:

«Ты куда, мой другъ, стремишься?
«На тотъ погибельный Кавказъ!»

— Экъ его разбираетъ! язвилъ своего товарища Отпѣтый.— Былъ у насъ козелъ Васька, на что лучше уши дралъ, — одначе и тотъ съ тобой тягаться не могъ-бы. Пѣвецъ — одно слово.

— Пѣсня, братъ, очень занятная, возражалъ благодушно Носъ и продолжалъ:

«Ахъ, оттоль не возвратишься,
«Говоритъ мнѣ томный гласъ!» и т. д.

Мрачный подвалъ города Амстердама наконецъ привыкъ къ этому завыванью своего обычнаго посѣтителя и оставилъ его въ покоѣ...

И порядочно-таки долгое время благодушествовали Николашка Отпѣтый и Володька Носъ, проходясь на счотъ чужой собственности и расточая оную въ городѣ Амстердамѣ, но пословица русская не даромъ говоритъ, что если повадится кувшинъ по воду ходить, такъ придется ему голову сломить. Уповая на свою изворотливость и умѣнье хоронить концы, сподвижники совершили однажды такую штуку, которая привела въ негодованье всѣ городскія власти, при чемъ однимъ изъ блюстителей порядка дано было клятвенное обѣщаніе расшибиться въ лепешку, а ужь отыскать воровъ, хотя-бы они въ преисподнюю скрылись. Попались наконецъ молодчики; и попались въ такомъ скверномъ дѣлѣ и съ такими уликами, что впереди неминуемо ожидала ихъ прогулка въ ту страну, въ которую и воронъ ко-

Digitized by Google

стей не запашивалъ. Растворились острожныя двери и крѣпко захлопнулись за дорогими и давно желанными гостьми.

Носъ, не смотря на свою плаксивость, гораздо спокойнѣе и съ бо̀льшимъ достоинствомъ, чѣмъ Отпѣтый, перенесъ ударъ судьбы, увѣряя самихъ блюстителей благочинія, «что это еще вилами на водѣ писано, скоро-ли ему по Владимiркѣ-то прогуляться придется». Николашку главнымъ образомъ возмущала мысль о томъ, что теперь «шельма Аксютка» хотя на короткое время отъ его ласки избавилась.

— Какъ только я объ ней, проклятой, подумаю, говорилъ онъ своему товарищу въ несчастьи, — такъ все нутро у меня переворачиваетъ.

Въ отвѣтъ на это признаніе Носъ только задумчиво покачивалъ головой.

Отпѣтый утѣшалъ себя единственной только мыслью, что когда онъ высвободится, такъ за все свое терпѣнье надъ шельмой Аксюткой потѣшится.

Но едва-ли эта надежда его осуществится, ибо и пѣсня такая есть, въ которой поётся:

«Но на счастье прочно
«Всякъ надежду кинь!» и т. д.

Такъ-то, любезный человѣкъ!..

ГЛАВА XIII

— Да гдѣ Надежда? спрашивалъ Игнатій Андреичъ у Варвары Петровны, вернувшись вечеромъ домой изъ города.

— Къ дядѣ ушла.

— Чтожь, ночуетъ тамъ что-ли?

— Да должно быть, что ужь ночуетъ. Гдѣ-же ей теперь одной идти.

— Александра нѣтъ?

— Только что передъ вами ушолъ.

— Что по ночамъ-то шляется. Ужинать-бы пора.

— Я пожалуй велю подавать.

— Вели.

Сѣли старики за ужинъ.

Digitized by Google

Александръ въ это время сидѣлъ у Сонички. Она разсказывала своему другу о посѣщеніи брата, о его угрозахъ и т. д.

— Попробуй только онъ! говорилъ Александръ. — Я ему ребра всѣ переломаю.

— Ну, полно, Саша. Не стоитъ объ этомъ и говорить. Онъ и права никакого не имѣетъ. Ты мнѣ лучше разскажи, какъ ты съ отцомъ помирился. Правду я говорила?

— Правду.

— Вотъ видишь. Ты меня всегда слушай. Я худого тебѣ не пожелаю. Я вѣдь знаю, что отецъ твой добрый человѣкъ. За что-же ты съ нимъ поссорился-то?

— Да ни за что.

— Не можетъ этого быть.

— Отчего-же не можетъ быть? Я тебѣ правду говорю, — онъ ударить меня хотѣлъ...

— Ну, что-же?

— Ну, я ему и говорю: не троньте, папаша, хуже будетъ.

— Да за что-же онъ тебя хотѣлъ ударить?

— Поди, спроси у него за что онъ дерется. Руки у него всегда зудятъ. Разъ онъ меня за то отколотилъ, что я двѣ ошибки въ бумагѣ сдѣлалъ. Ты, говоритъ, только о томъ думаешь, какъ-бы пьянствовать, а объ дѣлѣ не заботишься. Ну, а въ этотъ разъ я не вытерпѣлъ: колотушки-то мнѣ ужь надоѣли. Чтожь, въ самомъ дѣлѣ — собака что-ли я ему достался...

— Ты мнѣ по правдѣ скажи: про меня онъ чего не узналъ-ли?

— Ахъ, ты какая мнительная! Ну сама ты посуди: ну, отъ кого онъ узнаетъ?

— Мало-ли что можетъ случиться. Мой-же братецъ любезный сказать могъ.

— Съ братомъ твоимъ онъ никогда и не видится. Ты развѣ не знаешь, что твой братъ съ нами сдѣлалъ?

— Что?

— Домъ-то нашъ у твоего отца въ залогѣ былъ.

— Я знаю.

— Ну, отецъ всѣ деньги по закладной заплатилъ, а расписокъ не бралъ. Такъ когда отецъ твой умеръ, Митька взялъ да и представилъ закладную ко взысканію. Такъ отецъ съ нимъ теперь и не кланяется... А ты говоришь, что онъ могъ сказать.

Digitized by Google

— Ну не онъ, такъ другіе; развѣ мало на свѣтѣ злыхъ людей.

— Некому было сказать; никто ничего не знаетъ.

— Дай Богъ! Только у меня предчувствіе какое-то есть, что изъ-за меня вся эта исторія вышла.

Александръ промолчалъ.

— Саша, спросила молодая дѣвушка, — ты съ сестрой говорилъ.

— Говорилъ.

— Ну что-же она?

— Говоритъ, неправда. Обидѣлась даже на меня.

— Обидѣлась?

— Да.

— Можетъ и на самомъ дѣлѣ все это — пустяки.

— Кто ихъ разберетъ. Только кажется мнѣ, тутъ что-то не ладно.

— Почему-же тебѣ такъ кажется? Развѣ ты что слышалъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что слышалъ.

— Отъ кого?

— Шустовъ мнѣ сказывалъ.

— Вотъ нашолъ кому вѣрить. Захотѣлъ ты отъ него правды дождаться!.. онъ, я думаю, только тѣмъ и живетъ, какъ совретъ на кого-нибудь. Съ перваго раза опротивѣлъ онъ мнѣ: взглядъ у него злой; сейчасъ видно — дрянь человѣкъ. И какъ ты могъ съ нимъ сойтись — я не понимаю. Такихъ людей бояться надо.

— Я и то теперь съ нимъ рѣдко когда видаюсь. Это онъ меня на улицѣ встрѣтилъ, какъ я къ тебѣ шолъ. Я его тогда-же пугнулъ, чтобъ онъ не болталъ пустяковъ.

— Такъ и слѣдовало. Ты долженъ былъ заступиться за сестру. Кто-жь за нее заступится, если не ты. Ты вѣдь у меня славный мальчикъ. А?

— Не знаю.

— Я-то знаю. Ахъ, Саша, какъ-бы мнѣ хотѣлось сестру твою повидать.

— Такъ что-же ты не придешь къ намъ; наши рады будутъ.

— Ишь что выдумалъ! Пойду я къ вамъ! Да съ чего ты это взялъ?

— Что-жь тутъ такого?..

Digitized by Google

— Совсѣмъ ты, Саша, какъ ребенокъ говоришь. Ты только о томъ подумай: какъ я твоимъ роднымъ на глаза покажусь? Не знаютъ, думаешь, они, какъ я жила-то?

— А почемъ имъ знать?

— Ты видно, Саша, пословицу позабылъ, что хорошая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Я вѣдь и по трактирамъ хаживала... Это я только вѣдь теперь поскромнѣй стала жить, какъ съ тобой познакомилась.

Александръ ничего не отвѣтилъ.

Ночь наступала; Кречетовъ уходилъ домой. Еще сентябрь на дворѣ стоялъ, а ужь заморозки были; ночь стояла такая темная, что, какъ говорится, ни зги не было видно; улицы спали; только ночные сторожа отъ времени до времени постукивали дубинами въ деревянные заборы, съ цѣлью предупредить ночныхъ искателей приключеній и чужого добра, что воровать здѣсь не совсѣмъ удобно; полусонный будочникъ покрикивалъ съ просонья свое неизмѣнное:

— Кто идетъ?

На что въ отвѣтъ обыкновенно слышалось:

— Обыватель.

И снова все замолкало.

Александръ поспѣшно шолъ домой, задумчиво опустивъ голову и не замѣчая, какъ темное небо все ярче и ярче окрашивалось въ красно-багровый цвѣтъ; но вотъ онъ подошолъ къ той площади, отъ которой на право тянулась Глухая улица, и остановился какъ вкопанный. Ярко-красными длинными и гибкими, словно змѣи, языками прорѣзывая плотную, низко нависшую надъ Глухой улицей тучу чорнаго дыма, все выше и выше подымалось пламя, какъ-бы стремясь досягнуть до самаго неба. Глухую улицу запрудили тысячи народа, и среди этого безчисленнаго множества любопытныхъ зрителей, съ громомъ и рѣзкими криками: «поди!» проносились взадъ и впередъ на быстрыхъ какъ вѣтеръ коняхъ пожарные въ яркоблещущихъ мѣдныхъ каскахъ; народный говоръ смѣшивался съ трескомъ горящихъ бревенъ и отчотливыми, какъ звукъ металла, криками брантмейстеровъ: «качай!» и т. п.

— Ишь какъ забираетъ, разсуждали зрители.

— Надо полагать, сосѣднему дому ни за что не устоять.

— Гдѣ устоять! Вѣтеръ какъ разъ на него.

Digitized by Google

— Ишь, ишь, крыша-то занимается ужъ.

— Чего-жь это они глядятъ. Щитами-бы накрыть его слѣдовало.

— А не знаете: давно загорѣлось?

— Не очень.

— А какъ охватило.

— Потому—дерево.

— А части-то давно пріѣхали?

— Сейчасъ только.

— А съ чего загорѣлось, не слышно?

— Да вишь впередъ-то никакъ пробраться нельзя.

— Охъ, батюшки вы мои! охъ, голубчики вы мои! плачется какая-то старуха.

— Что? что? приступаютъ къ ней зрители.

— Домишко у меня свой не подалеку есть...

— Гдѣ?.. гдѣ?..

— Въ сосѣдней улицѣ, милые вы мои, въ сосѣдней улицѣ...

— Ну, туда далеко, не перекинетъ.

— Охъ, перекинетъ!.. перекинетъ! Ишь головни-то какъ летятъ!.. Споручница, мати Божія, сохрани и помилуй!..

— Не бойся, бабушка; Богъ милостивъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать! что мнѣ дѣлать! Чѣмъ я на старости лѣтъ кормиться-то буду!..

— Смотри, смотри! замѣчаетъ кто-то въ толпѣ. — Пожарный-то куда залѣзъ. Какъ это его не ожгетъ. Въ самое какъ есть полымя!..

— Привычны они къ огню-то.

— А вотъ какъ намедвись въ Таганкѣ пожаръ былъ, — вотъ тамъ страсть! Двадцать постоялыхъ дворовъ выгорѣло.

— Что вы?

— Истинно. Лошадей что погорѣло — уму непостижимо.

— Какие это лошади-то? Ихъ-бы вывести.

— Поди справься со скотомъ. Ты его выведешь, онъ опять туда норовитъ. Одно слово — лошадь. Разве она человѣкъ? Человѣкъ — токъ пойметъ, а лошадь ничего этого понять не можетъ. Вотъ она и претъ въ огонь-то.

— И много погорѣло?

Digitized by Google

— Много. Сотни двѣ.

— Сотни двѣ?

— Да. И такой-то смрадъ былъ, даже стоять невозможно.

— Не знаете, чей домъ горитъ? съ невольною дрожью въ голосѣ спросилъ Александръ у какого-то господина въ шикознѣйшемъ пальто и съ стеклышкомъ въ глазу.

— Говорятъ, Кречетова.

Александръ какъ стрѣла бросился впередъ, расталкивая любопытныхъ и напутствуемый весьма нелюбезными пожеланіями. Горѣлъ на самомъ дѣлѣ отцовскій домъ...

Противъ самаго пожара толпа была еще гуще; ворота и заборъ были сломаны и на дворѣ толпились пожарные; горѣлъ тотъ самый флигель, въ которомъ жили они; огонь охватилъ его со всѣхъ сторонъ и перебрался ужь на сосѣдніе погреба и сараи... Изъ сосѣднихъ домовъ заботливые владѣльцы выбрасывали на улицу разную мебель: стулья, столы, зеркала,—все это конечно разлеталось въ дребезги, упадая на землю изъ второго этажа; тѣмъ не менѣе, владѣльцы были увѣрены, что они спасаютъ свое имущество. Крики и плачъ женщинъ и дѣтей, отрывистыя приказанія начальствующихъ лицъ, звонъ лопающихся стеколъ, грохотъ падающаго на земь желѣза, срываемаго баграми,—все это смѣшивалось въ какой-то неясный гулъ, а пламя росло все выше и выше... Александръ вбѣжалъ на дворъ, надѣясь отыскать тамъ отца или тетку, но весь дворъ былъ заваленъ дымившимися обгорѣлыми бревнами и застланъ ѣдкимъ дымомъ, среди котораго, словно тѣни, мелькали пожарные въ сѣрыхъ мундирахъ и мѣдныхъ каскахъ.

Онъ снова вышелъ на улицу, походившую на огнедышащую печь. Наконецъ на противоположномъ концѣ среди разнокалиберной мебели и домашней утвари ему удалось отыскать Варвару Петровну. Она сидѣла на грудѣ перинъ и подушекъ, какъ будто съ недоумѣніемъ устремивъ свой взглядъ на пожарище, и держала въ обѣихъ рукахъ лукошко съ нѣсколькими десятками яицъ. Пожаръ начался около одиннадцати часовъ, Богъ знаетъ отъ какой причины; въ домѣ всѣ уже спали, когда раздался потрясающій стукъ въ запертыя ворота и вслѣдъ за нимъ пронеслось страшное слово:

Digitized by Google

— Пожаръ!..

Варвара Петровна какъ вскочила съ постели въ одной рубашкѣ, такъ и выбѣжала на дворъ, и еслибъ не Игнатій Андреичъ, еще сохранившій присутствіе духа, она въ точно такомъ-же костюмѣ выбѣжала-бы на улицу; накинувъ въ попыхахъ какое-то платьишко, а поверхъ его кацавѣйку, Варвара Петровна бросилась въ чуланъ и схватила первое, что попалось ей подъ руки,—то было именно то лукошко яицъ, съ которымъ нашолъ ее Александръ сидящей на грудѣ перинъ и подушекъ. Повидимому для Варвары Петровны это лукошко было самою драгоцѣнною вещью, и спася его, она была увѣрена, что спасла все. Впрочемъ она нѣсколько разъ порывалась было участвовать въ спасеніи, но каждый разъ Игнатій Андреичъ усаживалъ ее однимъ словомъ:

— Сиди!

И она какъ-будто успокоивалась; по крайней мѣрѣ казалась спокойной. Неожиданность и ужасъ словно совершенно парализировали въ ней способность чувствовать. Она какъ-будто не могла еще дать себѣ отчота въ томъ, что такое съ ними случилось.

— Тетушка, гдѣ папаша? подойдя къ ней, спросилъ Александръ.

Варвара Петровна какъ будто очнулась отъ какого-то тяжолаго сна, вскочила на ноги, и совсѣмъ забывъ о лукошкѣ съ яйцами, бросилась на шею къ племяннику и зарыдала.

— Сашенька, голубчикъ! Что теперь съ нами будетъ?

— Полноте, тетушка; успокойтесь, уговаривалъ ее Алексадръ и снова повторилъ свой вопросъ объ отцѣ.

— Охъ, не знаю, ничего я не знаю!

— Игнатій Андреичъ сейчасъ тутъ былъ, объявила мѣщанка Ефимова.

— А не знаете куда онъ пошолъ?

— На пожаръ словно.

А Игнатій Андреичъ тутъ какъ тутъ, — угрюмый и сумрачный.

— Присмотри, говоритъ сыну, — за ящиками: бумаги въ нихъ.

Digitized by Google

— Хорошо-съ.

И опять уходитъ Игнатій Андреичъ посмотрѣть что сталось съ его гнѣздомъ.

— Кто это? спрашиваютъ другъ у друга посторонніе зрители.

— Самый тотъ, чей домъ горитъ.

— Бѣда! — эти пожары.

— Божеское попущенье. Въ наказанье за грѣхи Господь ихъ на людей посылаетъ.

— Почемъ знать? Можетъ онъ испытываетъ...

— Все бываетъ.

— А лихо забираетъ! восторгается какая-то синяя чуйка.

— Знатно, соглашается другая.

— И пожарные — молодцы. Какъ это только ихъ огонь не беретъ. Чудно!

— А вотъ какъ на той недѣли въ Кузнецкой пожаръ былъ,— бѣгалъ я туда, такъ пожарный-то стоялъ такъ-то на крышѣ, стропила-то подгорѣли, онъ и провалился.

— Ну, что-жь?

— Извѣстно спекся.

— Самая эта каторжная должность!

— На что хуже.

И все въ томъ-же тонѣ безъ конца длятся разговоры, зерномъ которыхъ служитъ критическій разборъ того, что происходитъ передъ глазами. Вся эта праздная толпа любопытныхъ зрителей собралась сюда съ единственной цѣлью поразвлечься необыкновеннымъ, хотя и нерѣдкимъ зрѣлищемъ, чтобъ было о чемъ на другой день потолковать. Въ числѣ этихъ любопытныхъ зрителей встрѣчаются такіе страстные любители пожаровъ, которые, гдѣ-бы ни находились, но услыхавъ о пожарѣ, стремятся на другой конецъ Москвы съ такою поспѣшностью, какъ будто тамъ ихъ ожидаетъ веселый пиръ. Эти любители обыкновенно принадлежатъ къ классу коммерсантовъ и мелкаго чиновничества, ихъ немного; большинство-же толпы любопытныхъ состоитъ изъ фабричныхъ и ремесленниковъ, — народа по преимуществу отпѣтаго... Только богобоязливые и простодушные жители глухихъ улицъ сочувствуютъ чужому несчастію, только они,

Digitized by Google

печально покачивая головами, печалятся о судьбѣ погорѣвшихъ; остальные главнымъ образомъ заботятся о томъ, загорится-ли сосѣдній домъ или не загорится...

Наконецъ пожаръ утихаетъ; любопытные зрители расходятся по домамъ; пожарные, съ почернѣвшими отъ копоти лицами, лѣниво докачиваютъ воду; вынесенныя на улицу вещи, по большей части пострадавшія при этомъ весьма сильно, снова вносятся въ дома ..

ГЛАВА XIV

Разсвѣло; сѣрый осенній день печально освѣтилъ печальную картину, — груды чорныхъ обгорѣвшихъ бревенъ, обломки различной домашней утвари и какой-то пустырь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли пять небольшихъ флигелей, отъ которыхъ остались только печи, изображавшія собою нѣчто въ родѣ жертвенниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ того времени, когда языческіе идолы назывались богами. Среди этого пустыря одиноко возвышался новый домъ, много лѣтъ стоявшій пустымъ; огонь пощадилъ его, и въ него теперь перебирались Кречетовы.

Древнія обитательницы Глухой стороны, уныло опустивъ головы, окружили мѣщанку Ефимову, повѣствующую о великомъ чудѣ, совершившемся во время пожара.

— Огонь-то прямо на мою хибарку такъ и пышетъ, такъ и пышетъ!.. Ноги у меня подносились.. Думаю: Его святая воля! Можетъ я чѣмъ Господа Бога прогнѣвила, что Онъ на меня такое наказаніе посылаетъ... И слышу я чей-то гласъ... вотъ какъ сейчасъ слышу: — «Раба, говоритъ, Авдотья, возьми ты икону Спорушницы и утолитъ огнь свою ярость!..» Что-жь вы думаете? Взяла я ее, матушку, со слезами, и вотъ такъ-то передъ огнемъ и держу... А вѣтеръ на ту сторону, на ту сторону...

И внимая этому разсказу о великомъ чудѣ, умиляется глухоулицкая древность и набожно крестится.

— Никто какъ Богъ! восклицаетъ она. — А чтожь это дочери-то Кречетовской на пожарѣ не видно было? Уѣхала она что-ли куда?

Digitized by Google

— Я даже ничего понять не могу, сознается мѣщанка Ефимова.

— Да правда-ли, что она съ бариномъ загуляла?

— Правда истинная.

Въ это время Варвара Петровна едва тащитъ въ домъ узелъ бѣлья.

— Дайте-ка я вамъ пособлю. Чай вы умаялись? предлагаетъ ей мѣщанка Ефимова.

— Спасибо вамъ! отвѣчаетъ Варвара Петровна, и ни съ того, ни съ сего разливается плачемъ.

— Не убивайте вы себя! утѣшаетъ ее глухоулицкая древность.—У Бога всего много: Онъ покараетъ, Онъ-же и помилуетъ. Конечно трудно это перенести, а все-таки роптать не годится...

Но Варвара Петровна рыдаетъ еще сильнѣе.

Между тѣмъ волненіе Глухой улицы мало-по-малу утихаетъ и жизнь снова возвращается въ свою обычную колею. Рѣдко случается, чтобъ чужое горе на долго заставило скорбѣть чужихъ людей, чтобъ оно на долго могло измѣнить теченіе ихъ жизни. Обитатели Глухой стороны еще болѣе другихъ способны проникаться чужою печалью и радоваться чужому счастью, но и для нихъ «своя рубашка ближе къ тѣлу.»

Перебрались Кречетовы въ домъ; время къ полудню ужь близилось...

— Да что-же это Надежда нейдетъ? не то изумлялся, не то гнѣвался Игнатій Андреичъ. — Сходи-ка ты, Александръ, къ дядѣ за ней.

Пошолъ Александръ.

Архинѣмецкая чета за обѣдъ садилась.

— Какъ вы поживаете? спрашивалъ Рижскій гражданинъ.

— Домъ у насъ въ нынѣшнюю ночь сгорѣлъ.

— Какъ сгорѣлъ? Совсѣмъ сгорѣлъ?

— Совсѣмъ.

— Ахъ, Боже мой!

— А Надя давно отъ васъ ушла?

— Какъ ушла?

— Да вѣдь она у васъ ночевала?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Она и не была у насъ.

— Не была? Не можетъ быть!

— Право-же не была.

— Что-жь это такое значитъ! Вчера она изъ дому ушла и сказала, что къ вамъ пойдетъ.

— Мы ее не видали.

Это неожиданное открытіе острой болью отозвалось въ сердцѣ брата. Какое-то темное, неопредѣленное подозрѣніе мелькнуло у него въ умѣ.

— Садись, пообѣдай съ нами, приглашала его тетка.

— Нѣтъ, прощайте...

— Куда-жь ты торопишься такъ?

Александръ только махнулъ рукой и вышелъ вонъ. Неотвязная мысль о таинственномъ исчезновеніи сестры, подобно грозному призраку, преслѣдовала его, и все сильнѣй и сильнѣе росло въ умѣ подозрѣніе, получавшее все болѣе и болѣе опредѣленную форму, и страшный гнѣвъ, и жажда мести овладѣвали сердцемъ. И шолъ онъ впередъ и впередъ, увлекаемый какою-то таинственной силой... Вотъ та мелководная рѣка, на берегахъ которой выросъ златоверхій городъ, смирившій буйную волю новгородскихъ повольниковъ и свергнувшій татарское иго; толпа народа собралась на берегу... Что такое тутъ случилось?

— Утопленицу, говорятъ, — вытащили.

Александръ съ перваго взгляда узналъ посинѣвшій трупъ; на нѣсколько мгновеній онъ какъ будто окаменѣлъ...

Ждалъ, ждалъ Игнатій Андреичъ сына и дочь, наконецъ не вытерпѣлъ — самъ къ архинѣмецкой четѣ отправился.

— Былъ у васъ Александръ? спрашивалъ онъ у нѣмцевъ.

— Былъ.

— Давно ушли они отъ васъ?

— Кто они?

— Какъ кто? Александръ съ Надеждой.

— Александръ давно ушолъ, а Наденька не бывала.

— Какъ не бывала?.. Что вы врете?

— Мы ее и въ глаза не видали.

— Господи помилуй!.. воскликнулъ Игнатій Андреичъ и безсильно опустилась его бѣдная голова...

Digitized by Google

Не долго оставалась для него тайной участь его дѣтей; въ эту ночь совершилось страшное кровавое дѣло; Глухая улица, въ лицѣ Александра, страшно отмстила потомку магистратской четы. Послѣдняго удара не могъ вынести и могучій дубъ, — и его силу сломила нежданная гроза. Въ одну ночь на десятокъ лѣтъ постарѣлъ онъ, и никто не узналъ-бы въ этомъ сгорбленномъ дряхломъ старикашкѣ того грознаго старика, одинъ взглядъ котораго заставлялъ дрожать въ былые годы и неробкихъ людей. Сталъ онъ словно малый ребенокъ. Помутился сильный и ясный умъ и одно только твердитъ онъ:

— Дѣточки мои милые, не оставьте вы вашего отца на старости лѣтъ! Сашенька, подойди-ка ты ко мнѣ! — И вдругъ какъ-то неистово вскрикивалъ: — Что? Что? Никому я дѣтей своихъ не отдамъ! Никому! — И снова безсильно упадалъ на постель.

Варвара Петровна, узнавъ обо всемъ случившемся, узнавъ о смерти Наденьки и о той участи, которая ожидаетъ Александра, не выронила ни одной слезинки; но это безмолвное горе, эта великая скорбь были ужаснѣе всякихъ воплей и стенаній; для такого горя нѣтъ никогда утѣшенья.

И вотъ умеръ Игнатій Андреичъ, умеръ одинокимъ, и чужая рука закрыла ему глаза, чужіе люди схоронили его на Даниловскомъ кладбищѣ, но и тамъ онъ лежалъ одинокимъ, только тощая рябина шумѣла надъ его бѣдной могилой.

— Что намъ съ сестрицей дѣлать? спрашивала Анна Петровна своего мужа.

— Возьмемъ мы ее къ себѣ, отвѣчалъ нѣмецъ.

— А я такъ думаю лучше ее въ богадѣльню пристроить. И ей-то будетъ гораздо спокойнѣе!..

— Какъ хотите.

Не долго прожила и Варвара Петровна, и столько страдавшее, и столько любившее сердце успокоилось наконецъ въ холодной могилѣ. И ея, и Игнатья Андреича могилы давно поросли высокой травой; никто не приходитъ на эти могилы, ибо и архинѣмецкая чета бѣжала изъ Москвы въ одинъ изъ далекихъ уѣздныхъ городовъ, и теперь Рижскій гражданинъ нажилъ себѣ тамъ домишко.

Digitized by Google

Софья Рогова еще разъ видѣлась съ Александромъ, передъ отправкою его въ арестанскія роты за убійство коллежскаго ассесора Петра Брускова. Въ одномъ изъ женскихъ монастырей живетъ одна монахиня, замѣчательная строгостью своей жизни, — то бывшая подруга дѣтства Надеиьки Кречетовой, а потомъ отверженная обществомъ женщина...

Гнилого Стряпчаго женила наконецъ на себѣ Аннушка табашница, и съ самаго перваго дня своей свадьбы пьетъ онъ мертвую чашу, за что жена бьетъ его чѣмъ ни попадя, увѣряя всѣхъ, что она самая несчастная женщина.

Потомственный почотный гражданинъ Дмитрій Семенычъ Роговъ продолжаетъ наживать милліоны и отращивать брюхо.

Не много лѣтъ прошло со времени послѣднихъ событій, а многое измѣнилось на Глухой улицѣ. На мѣстѣ крохотныхъ домовъ, зимою прячущихся подъ снѣговыми шапками, и безконечныхъ заборовъ, изъ-за которыхъ лѣзли березы, акаціи, тополь, выросли на ней каменныя громады съ зеркальными окнами; протянулись гранитные тротуары противъ этихъ домовъ, развелись богатѣйшіе сады, и появились на ней настоящіе франты и львы съ нахально-болтающимися стеклышками. Лѣтними вечерами не сходятся ужь глухоулицкіе обитатели, у воротъ лачужки мѣщанки Ефимовой, потолковать о судьбахъ грѣшнаго міра, да и сама мѣщанка Ефимова отдала душу Богу, а на мѣстѣ ея лачужки надменно сталъ каменный дворецъ; не слышно уже скрипа качелей на дворѣ дома купцовъ Шмелевыхъ, и не разносятся зимнею многозвѣздною ночью по Глухой улицѣ веселыя святочныя пѣсни. Не видать лѣтними вечерами на монастырѣ церкви Всѣхъ Святыхъ веселой дѣтской толпы, ихъ веселыхъ игръ и рѣзваго смѣха не слышно! Прорванъ наконецъ крѣпкій оплотъ, и новыя шумныя волны новой жизни неудержимо врываются и въ Глухую сторону. Только тамъ гдѣ-то на самомъ концѣ, на самой границѣ Глухой улицы еще хранятся старыя преданья, древніе обычаи и патріархальные нравы... Тамъ живетъ и святая вѣра и семейная любовь на ряду съ грубыми, быть можетъ, и рѣзкими чертами.

65913В

Digitized by Google

Недавно я проходилъ по этой Глухой сторонѣ и почти не узналъ ее. Какая-то боль сжала мое сердце, какая-то жалость... И не могъ я опредѣлить, чего именно жаль: моихъ-ли собственныхъ воспоминаній, — воспоминаній грустныхъ, но все-таки драгоцѣнныхъ и милыхъ, — или того покоя и мира, которые царили на Глухой улицѣ, — но на глазахъ у меня почему-то навертывались слезы.

Еще разъ прощайте бѣдные герои мои, дорогія и милыя мнѣ лица! Тѣ, которые въ холодныхъ могилахъ лежатъ, да почіютъ въ мирѣ, — а живые — да будутъ счастливы! До свиданья!

К. БАЖИКОВЪ

Digitized by Google

МОТИВЫ РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА [1]

Въ ряду различныхъ факторовъ, вліяющихъ на экономическій, соціальный и политическій строй обществъ, законодательство играетъ главную роль. Оно, строясь на раціональныхъ началахъ, служитъ источникомъ общественнаго блага, а формулируясь на началахъ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни и науки, порождаетъ общественныя язвы и тормазитъ прогрессъ. Вотъ почему если одна изъ вѣтвей законодательства устарѣла и требуетъ обновленія, то оно должно совершиться немедленно, во избѣжаніе тѣхъ золъ, на которыя мы указали.

Въ такомъ обновленіи особенно нуждается наше «*Уложеніе о наказаніяхъ*», потому что оно состоитъ изъ разнородныхъ, наслоенныхъ одна на другую системъ наказаній, изъ которыхъ многія не имѣютъ ни научнаго, ни практическаго значенія; вмѣсто постановки общихъ родовыхъ понятій, вдается въ казуистику, въ которой иногда путается и самъ законодатель; грѣшитъ противъ классификаціи преступленій; за одно и то-же преступленіе, въ двухъ редакціяхъ, опредѣляетъ различные виды наказаній; заключая фиктивныя преступленія, въ то-же время упускаетъ изъ виду тѣ дѣянія, которыя должны-бы подлежать репрессивнымъ мѣрамъ, и т. д.

Изложеннаго достаточно, чтобы понять, какъ сильно нуждается наше общество въ воспринятіи «Уложеніемъ о наказаніяхъ» новыхъ формъ, могущихъ уничтожить тотъ разладъ, который мо-

---

[1] Судебная реформа вызываетъ наши народныя силы къ участію въ юрисдикціи. Но какъ многіе изъ будущихъ дѣятелей незнакомы съ «Уложеніемъ о наказаніяхъ», то мы и взяли на себя трудъ изложить хотя главныя его основанія.

Digitized by Google

жетъ возродиться между законодательствомъ и новыми судами. Объяснимся. Мы знаемъ на практикѣ, что въ тѣхъ территоріяхъ, гдѣ судъ производится чрезъ присяжныхъ, тамъ послѣдніе, въ случаяхъ когда законъ не тождественъ съ ихъ личными, индивидуальными воззрѣніями и общественною совѣстію, не признаютъ дѣйствій подсудимыхъ преступными. Такимъ образомъ законодательство становится простымъ балластомъ, неимѣющимъ никакого значенія. А юрисдикція, созидаясь на произволѣ, а не на законѣ, теряетъ къ себѣ должное уваженіе.

Указавъ на общіе недостатки нашего уголовнаго кодекса, перейдемъ къ разсмотрѣнію его частностей.

I.

НАКАЗАНІЯ УГОЛОВНЫЯ.

(XV Т. Улож. о нак. г. II 19 ст.).

Къ наказаніямъ уголовнымъ относятся:

I. Смертная казнь.

II. Каторжныя работы въ одномъ изъ трехъ мѣстъ: въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ.

III. Ссылка на поселеніе въ Сибирь.

IV. Ссылка на поселеніе на Кавказъ.

Всѣ эти виды наказаній соединяются съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянiй.

Разсмотримъ каждый видъ въ отдѣльности.

1. Смертная казнь.

Въ періодъ зарожденія русской жизни смертная казнь вмѣнялась мстителями по мотивамъ народныхъ воззрѣній и въ формахъ, установленныхъ обычаемъ; потомъ право на казнь сдѣлалось прерогативою князя и вольныхъ общинъ — Новгорода и Пскова; далѣе, по мѣрѣ развитія власти велико-княжеской, народное вѣче утратило право на безусловную юрисдикцію: утвержденіе смертнаго приговора принадлежало уже князю и безъ его воли судьи не могли ни миловать, ни лишать жизни преступника. Кромѣ того, законодательная власть начала опредѣлять какъ случаи, въ которыхъ преступникъ долженъ подвергаться смертной казни, такъ и виды послѣдней.

Digitized by Google

Смертную казнь выразилъ положительный законъ въ первый разъ въ Уставной Двинской грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича, данной въ 1398; а до того времени вмѣненіе ея не было основано на положительномъ законѣ. Въ первые періоды нашей жизни казни употреблялись только въ особенно важныхъ случаяхъ и были рѣдки по не-симпатіи къ нимъ народа. Потомъ вліяніемъ духовенства онѣ увеличились. Такъ, когда при Владимірѣ св. умножились разбои, то духовенство настаивало казнить разбойниковъ (¹). Наконецъ, когда Россія начала слагаться въ одно неразрывное тѣло и верховная власть концентрировалась въ рукахъ московскихъ князей, то они, вслѣдствіе убѣжденія, что для внушенія къ себѣ уваженія и удержанія отъ преступленій необходимо возбудить въ народѣ страхъ, — расточали казни чаще... Въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донского казни совершались уже публично на древнемъ Кучковомъ полѣ. Въ особенности вмѣненіе ихъ начало развиваться во времена единовластія — при преемникахъ Донского; они, точнѣе опредѣливъ нѣкоторыя государственныя преступленія, строже преслѣдовали преступниковъ. Въ судебникахъ Іоанна III и Іоанна IV смертная казнь должна была вмѣняться въ 18 случаяхъ: за воровство, разбой, смертоубійство, ябедничество и за преступленія, тождественныя съ ними по тяжести, какъ-то за зажигательство и проч. Но при этомъ смертная казнь вмѣнялась не безусловно, а когда виновные, по воззрѣніямъ общины, были — *вѣдомые лихіе люди;* кромѣ *вѣдомыхъ людей* безусловно подлежали смертной казни: убійца своего господина, бунтовщикъ, измѣнникъ, церковный воръ, занимающійся похищеніемъ людей, — подметчикъ и проч. Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1634 г. назначилъ смертную казнь еще тѣмъ, кто держалъ у себя табакъ и имъ торговалъ. — Уложеніе царя Алексѣя Михайловича распространило смертную казнь на 36 случаевъ за преступленія: религіозныя, государственныя и тяжолыя соціальныя. Кромѣ того, до Уложенія назначеніе вида смертной казни предоставлялось суду или произволу государя; Уложеніе-же съ точностію опредѣляетъ видъ за каждое преступленіе. — При Петрѣ Великомъ случаи вмѣненія смертной казни увеличились; вмѣстѣ съ этимъ онъ внесъ въ нашу жизнь такіе виды казни, о которыхъ

(¹) «Ты поставленъ еси, говорили они ему, отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ» (т. е. точномъ изслѣдованіи вины ихъ). Софійск. Лѣт. 1. 996 (6504) въ полн. собр. Русск. лѣт. 1851 г. ч. V т. 5, стр. 123. Къ этимъ убѣжденіямъ духовенство прибѣгнуло, когда на вопросъ ихъ Владиміру: почему онъ не казнитъ разбойниковъ? — онъ отвѣчалъ: «Боюся грѣха.» Вообще князья и народъ этой эпохи смотрѣли на казнь, какъ на *грѣховное дѣло* и боялись его. *Авторъ.*

Digitized by Google

прежде Россія и не имѣла понятій. Такой порядокъ существовалъ до Елисаветы Петровны и только лишь при ней явилась мысли ограничить случаи вмѣненія казни. Такъ въ 1742 г. послѣдовало распоряженіе не подвергать казни несовершеннолѣтнихъ преступниковъ обоего пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; въ 1743 велѣно за преступленія смертоубійства наказывать не натуральною, а политическою смертью, именно: отсѣчь правую руку и, вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу; въ 1744 вмѣнено было Сенату въ обязанность — представлять о всѣхъ смертныхъ приговорахъ на утвержденіе императрицы, — и какъ въ это время былъ сильно возбужденъ вопросъ объ отмѣненіи смертной казни, то она *и избѣгала ея вмѣненія*. Такимъ образомъ, не уничтожая казнь de jure, Елисавета Петровна умѣла найти путь къ ограниченію ея употребленія.

По нынѣ дѣйствующимъ законамъ смертная казнь вмѣняется лишь за преступленія государственныя, карантинныя и военныя, и въ какихъ случаяхъ — видно изъ статей: 275—278, 283, 287—289, 360, 364, 1044—1048, 1060—1625, 1186, 7811, XV т. ул. о нак.

Смертная казнь отъ возрожденія до нашего времени имѣла различные виды. Такъ въ древней Россіи, кромѣ отсѣченія головы, разстрѣлянія и висѣлицы, были еще слѣдующіе виды: колесованіе, четвертованіе (1), разсѣченіе на части, разрѣзываніе по составамъ, перетираніе тонкими веревками, засѣканіе до смерти, сажаніе на колъ; подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ, заливали горло расплавленнымъ металломъ, пускали зимою подъ ледъ, свергали въ Волховъ, сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ и живыми окапывали въ землю (2).

Корнелій Бруинъ вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ наказаній: женщину, умертвившую своего мужа, съ завязанными назадъ руками, живую зарывали до самыхъ плечъ въ землю, которую вокругъ обтаптывали. Въ такомъ положеніи преступница оставалась до того момента, пока не умирала. Въ теченіе ея страданій окружали ее духовными лицами съ зажженными свѣчами, которые вмѣстѣ съ нею молились. Кромѣ того, при ней находилась стража, слѣдившая за тѣмъ, чтобы преступницѣ не давали ни пищи, ни питья; вмѣстѣ съ этимъ имъ дозволено было собирать страдалицѣ бросаемыя народомъ деньги, которыя употреблялись на покупку свѣ-

(1) Къ этому наказанію приговорили въ первый разъ Стеньку Разина. *Авторъ.*

(2) Указомъ 1689 г. окапываніе въ землю замѣнено отсѣченіемъ головы. *Авторъ.*

Digitized by Google

чей, зажигаемыхъ, въ церквахъ предъ иконами, за упокой души, а частію также и на покупку гроба. Можетъ быть даже, что стражи частицу изъ этого подаянія брали себѣ, или покупали на нихъ какую-нибудь пищу, которую тайкомъ давали преступницамъ (1).

Кромѣ изложенныхъ видовъ смертной казни, мы должны упомянуть еще объ одномъ, перенесенномъ на нашу почву изъ литовскаго статута: «А кто убьетъ до смерти отца или матерь, или кто хотя и сродича своего убьетъ, а тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло клещами рвати и потомъ посадите на него собаку, кура и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши, въ водѣ затопить (2).»

Въ настоящее время, по нашему законодательству, существуютъ только два вида смертной казни — это: вѣшаніе и разстрѣливаніе. Но этимъ видамъ пора, исчезнуть изъ нашего быта, потому что смертная казнь непоправима, когда, по совершеніи приговора, открывается невинность преступника, а такія ошибки всегда возможны даже при самомъ совершеннѣйшемъ устройствѣ суда. А возможность совершить несправедливость — сильнѣйшій двигатель къ уничтоженію смертной казни. И еслибы не было другихъ мотивовъ къ отрицанію этого наказанія, то мысль о томъ, что судъ по ошибкѣ можетъ приговорить къ казни невиннаго, служитъ достаточнымъ поводомъ къ уничтоженію смертной казни (3).

Смертная казнь de facto вмѣняется у насъ только въ особенныхъ случаяхъ и большею частью замѣняется каторжною работою (4). Стало быть, это наказаніе существуетъ въ нашемъ законодательствѣ больше какъ устрашительная мѣра; но устрашительная система, въ формѣ жестокихъ наказаній, несостоятельна, — что́ мы покажемъ далѣе.

---

(1) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, Успенскаго. 506 и 507 статьи.

(2) Архивъ г. Калачова, Т. II, книга 2.

(3) Я здѣсь не прибѣгаю къ указанію всѣхъ мотивовъ, обнаруживающихъ несостоятельность смертной казни, на томъ основаніи, что этотъ вопросъ былъ уже разносторонне разсмотрѣнъ мною въ статьѣ *«Смертная казнь»*, помѣщенной въ «Русскомъ Словѣ» за ноябрь и декабрь 1863 г. *Авторъ.*

(4) Смертная казнь, замѣнясь каторжною работою, сопровождается особенною обрядностью: осужденнаго возводятъ на эшафотъ, кладутъ его на плаху, или ставятъ подъ висѣлицею на публичной площади; при чемъ, если онъ дворянинъ, надъ нимъ переламывается шпага. Эта казнь называется *политическою смертью*. Но и отъ этой обрядности пора отрѣшиться. *Авторъ.*

Digitized by Google

2. Каторжныя работы.

До Петра Великаго каторжныя работы не были извѣстны нашему законодательству. Онъ перенесъ къ намъ первый этотъ видъ наказанія и названіе его, происходящее отъ морскихъ венеціанскихъ каторгъ, или галлеръ. Въ первый разъ это наказаніе обнаруживается у насъ въ указѣ 24 ноября 1699 г. Такимъ образомъ каторжныя работы въ заводахъ, рудникахъ и крѣпостяхъ являются продуктомъ новѣйшаго времени, которое, вмѣсто того, чтобы гуманизировать начала, на которыхъ созидались системы древнихъ наказаній, присоединило еще къ нимъ этотъ новый видъ. При этомъ каторжныя работы соединились съ такъ называемыми болящими и членовредительными наказаніями, какъ-то: съ сѣченіемъ, клейменіемъ и проч. Послѣднее позорное для человѣка бичеванье и истязанье продолжалось до того момента, пока наше гражданское развитіе не сознало необходимости освободиться отъ этихъ гнетущихъ его наростовъ. Вслѣдствіе этого законодатели сначала освободили отъ тѣлеснаго наказанія дворянъ, потомъ духовенство, далѣе лица съ особенными преимуществами, и наконецъ, 17-го апрѣля 1863 года, избавили отъ плетей и клейменія и остальную массу недѣлимыхъ нашей территоріи.

Эта реформа составляла жизненную потребность нашего быта, потому что плети и клейменіе, дополнительныя наказанія къ каторжнымъ работамъ, вмѣняемыя только для лицъ низшихъ сословъ, нарушали принципъ равенства всѣхъ недѣлимыхъ предъ закономъ; къ тому-же и миновалось уже то время, когда можно было къ низшему слою недѣлимыхъ относиться какъ неимѣющимъ понятій о человѣческой чести. Въ особенности возмущало человѣческое чувство и имѣло гибельныя послѣдствія — клейменіе: оно не только прямо нарушало принципъ человѣческаго достоинства, но шло въ разрѣзъ съ цѣлью наказанія — содѣйствовать исправленію преступника и примиренію его съ обществомъ; оно пораждало въ немъ безнадежность снова когда-нибудь сдѣлаться гражданиномъ, неотдѣляющимся отъ другихъ недѣлимыхъ позорными знаками и, убивая въ немъ въ самомъ зародышѣ желаніе исправиться, возбуждало отчаяніе и злобу къ тѣмъ, кто опозорилъ его на всю жизнь; наконецъ, клейменіе приносило вредъ еще въ томъ отношеніи, что человѣкъ заклейменный, по отбытіи каторжныхъ работъ, переходя на поселеніе, въ новой средѣ часто не отыскивалъ себѣ работы — источника къ существованію, вслѣдствіе общественнаго недовѣрія, являвшагося къ нему при видѣ клейма, говорящаго о его преступ-

Digitized by Google

ности. А результатъ этого бывалъ тотъ, что онъ, не найдя работы — средствъ къ честному пропитанію, прибѣгалъ къ совершенію новыхъ преступленій и такимъ образомъ становился вреднымъ звеномъ общества, нарушителемъ его покоя и безопасности.

Вотъ почему уничтоженіе плетей и клейменія вызвало у насъ сочувствіе, отразившееся такъ живо въ нашей журналистикѣ. Запоемъ-же этимъ наказаніямъ вѣчную память и составимъ имъ некрологъ.

Тѣлесныя наказанія являются въ русскихъ туземныхъ законахъ только съ судебника в. к. Іоанна III, и хотя до появленія его они и употреблялись на практикѣ, какъ видно изъ лѣтописей, но это было плодами или произвола князя, или греко-римскихъ законодательствъ, подъ вліяніемъ которыхъ духовные суды и вмѣняли ихъ. Въ древнѣйшей-же жизни нашей проглядываетъ полное отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Оно обнаруживается тѣмъ, что отъ начала Руси въ продолженіи первыхъ шести вѣковъ они вовсе не встрѣчаются въ памятникахъ туземныхъ законовъ; опредѣленіями строгихъ взысканій за личныя обиды, нанесенныя свободному славяноруссу какимъ-либо оскорбительнымъ для его личности дѣйствіемъ, какъ-то толчкомъ, ударомъ, поврежденіемъ усовъ, бороды, увѣчьемъ, за которыя въ древнѣйшей *Правдѣ* дозволялась месть или взамѣнъ ея полагалась денежная пеня; наконецъ, въ XIII вѣкѣ, при заключеніи торговаго договора между городами Любекомъ и Новгородомъ, любскіе уполномоченные, на основаніи полученной инструкціи, настаивали, чтобы воровъ наказывать розгами и клеймить въ щоку, но новгородцы на это не согласились и отстояли, чтобы виновный подлежалъ наказанію по законамъ своей родины (¹). Изъ изложеннаго открывается, что тѣлесныя наказанія не были плодами нашего народнаго духа, народныхъ воззрѣній: онѣ были занесены къ намъ извнѣ и привиты вліяніемъ: 1) духовенства, почерпнувшаго эту мудрость изъ греко-римскихъ законовъ, мотивы которыхъ сначала перешли къ намъ въ церковное право, а потомъ и въ свѣтское законодательство; 2) игомъ монгольскимъ и 3) западною Европою, по мѣрѣ расширенія нашихъ съ нею отношеній.

И такъ, въ первый разъ постановленіе о наказаніи кнутомъ выражаетъ Судебникъ в. к. Іоанна III, далѣе оно повторяется и развивается въ подробностяхъ въ Судебникѣ Іоанца IV, въ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа и наконецъ въ Уложеніи Алексѣя Михайловича.

(¹) Максимовичъ. Рѣчь объ уголовныхъ наказазаніяхъ въ Россіи, стр. 93, 94, 1853 г.

Digitized by Google

Наказаніе кнутомъ имѣло въ Россіи различный характеръ. Оно имѣнялось то отдѣльно, какъ самостоятельное наказаніе, то вмѣстѣ съ заключеніемъ тюремнымъ и денежными штрафами; кромѣ того, оно имѣло три вида: простой, жестокій и нещадный.

Наказаніе кнутомъ производилось публично: сначала у Приказа, а потомъ на торгу или въ рядахъ.

Торговую казнь описываетъ Олеарій въ слѣдующихъ чертахъ: виновный спускалъ съ себя одежду и сажался на спину помощника палача, обвивъ руки около шеи послѣдняго. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача, отчего подвергавшійся наказанію не могъ даже свободно шевелиться. Палачъ, стоя отъ преступника въ трехъ шагахъ, изо всей силы стегалъ его толстымъ, длиннымъ кнутомъ, такъ что послѣ каждаго удара кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рѣзали спину какъ-бы ножомъ. Иногда несчастный умиралъ подъ ударами палача, хотя послѣдній и не имѣлъ права превышать назначеннаго числа ударовъ: они зависѣли отъ судьи или недѣльщика, присутствовавшихъ при совершеніи казни и объявлявшихъ число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ; при исполненіи казни они обыкновенно кричали палачу: *полно* или *стой*. Кромѣ этой системы сѣченія, наказаніе кнутомъ производилось еще на козлѣ (на особеннаго рода скамейкѣ).

Потомъ кнутъ замѣнился плетью, состоящей изъ рукоятки и трехъ длинныхъ, тонкихъ, круглыхъ и гибкихъ, какъ змѣя, хвостовъ. Этотъ бичъ дѣйствовалъ до 17 апрѣля 1863 года.

Вотъ процедура исполненія наказанія плетьми и клейменія. Преступника выводили изъ мѣста, гдѣ онъ содержался во время слѣдствія и суда, садили его на дроги и везли на лобное мѣсто. Тамъ выставляли его на эшафотѣ у чорнаго столба, прочитывали ему опредѣленіе о наказаніи и подвергали увѣщанію священника; потомъ, оставивъ его для позора привязаннымъ къ столбу на 10 минутъ, приступали къ совершенію надъ нимъ казни. Для этого палачъ клалъ преступника на наклонную доску, привязывалъ его за ноги и за шею и, обнаживъ спину, сѣкъ плетью. Это орудіе, по гибкости своей, не рѣзало спины, какъ кнутъ, но за то отъ него спина пухла и вздымалась. Отъ двухъ, трехъ или четырехъ ударовъ преступникъ чувствовалъ такую сильную боль, что впадалъ въ безпамятство. Тогда ему подносили водки и, приведя въ чувство, продолжали казнь. По окончаніи наказанія, не смотря на то, что преступникъ и такъ достаточно выстрадалъ и находился почти въ без-

Digitized by Google

чувственномъ состояніи, фельдшеръ ставилъ клейма (1) машиной, состоящей изъ множества иголокъ, расположенныхъ на одной плоскости. Отъ сильнаго удара сверху машины — иголки проникали въ кожу преступника и оставляли на ней множество ранокъ, растираемыхъ потомъ порохомъ. Послѣ этой операціи, полуживого преступника клали на простую повозку и везли въ острожную больницу. Тамъ его лечили, и потомъ отправляли въ ссылку. Правда, нашъ народъ не только не сочувствовалъ этимъ операціямъ надъ преступникомъ, но, напротивъ, силился отклонить ихъ. Въ учрежденія, долженствующія приводить въ исполненіе приговоръ о наказаніи плетьми преступника, приходили лица совершенно незнакомыя съ нимъ и просили, чтобы власти имъ дозволили вступить съ послѣднимъ въ бракъ, предполагая этимъ избавить его отъ наказанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для бичеванія и клейменія человѣка нельзя было отыскать людей согласныхъ принять обязанность палача. А нѣкоторые, взявшись за это ремесло, отворачивались отъ него и убѣгали изъ острога, не смотря на матеріальныя выгоды, извлекаемыя изъ дѣятельности этой....

Теперь перейдемъ къ бывшему спутнику каторжныхъ работъ—къ клейменію; оно, по роду, принадлежало къ членовредительнымъ наказаніямъ, которыя выражались въ древнія времена отсѣченіемъ ушей, рукъ, ногъ, языка, выкалываніемъ, выжиганіемъ, вырѣзываніемъ глазъ и пр. Членовродительнымъ наказаніямъ подвергались лица, совершившія преступленія при содѣйствіи своихъ членовъ. Такъ за воровство отсѣкались руки; за богохуленіе, доносы и слова, оскорбительныя для государевой чести, отрѣзывались языкъ, носъ и уши; за изобличеніе въ четвертый разъ держанія и продажи табаку поролись ноздри, и т. д.

Наказанія эти явились на практикѣ безъ освѣщенія нормою закона. Такъ митрополитъ велѣлъ епископу Ѳеодорцѣ «*урѣзати языкъ, яко злодѣю и еретику и руку правую уняти и очи ему выняти, зане хулу измолви на св. Богородицю*», и послѣ сослалъ его на песій островъ. (2)

Членовредительныя наказанія, по предписанію закона, выразилъ въ первый разъ въ 1549 г. губной наказъ селамъ Кириловскаго монастыря (3), и губной наказъ 1586 г.; обширное-же примѣненіе дало имъ уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, составленное подъ влія-

---

(1) Клеймо изображало буквы К. А. и Т., величиною въ $1^1/_2$ вершка; изъ нихъ А ставилось на лбу, а К и Т на щекахъ.

(2) Лаврент. лѣтопись, 152 стр.

(3) А. Э. Т. 1, 224.

Digitized by Google

ніемъ литовскаго статута и градскихъ законовъ. Въ немъ они получили названіе *мучительнаго наругательства*. «Если кто-нибудь отсѣчетъ руку или ногу, или носъ или ухо, или губы отрѣжетъ, или глаза выколетъ и за такое его наругательство самому ему тоже учинити».

Нѣкоторые изъ этихъ наказаній, какъ-то отрѣзываніе ушей, дѣлались съ цѣлью полицейскою, а не уголовною, что видно изъ 19 ст. XXI главы Уложенія, въ которой велѣно такихъ преступниковъ кликать *бирючемъ*, что-бы нигдѣ не держали людей съ рѣзанными ушами. Къ этой же мѣрѣ слѣдуетъ отнести позднѣйшее пятнаніе или клейменіе, которому подвергались воры, и рваніе ноздрей, возродившееся при Елизаветѣ Петровнѣ и существовавшее въ Россіи до 1817 года ([4]).

Клейменіе опредѣлилъ положительный законъ въ 1691 году, назначивъ клеймить преступниковъ, освобожденныхъ отъ смертной казни, буквой В, вмѣсто того, чтобы рѣзать имъ уши и сѣчь пальцы... «для того, буде впредь изъ тѣхъ воровъ кто изъ ссылки сбѣжитъ и обявится на Москвѣ, было-бъ почему узнать». Въ 1845 году клейменіе измѣнило только свой видъ, т. е., вмѣсто постановки буквъ В. О. Р., стали выдавливать буквы К. А. Т. Значеніе-же оно имѣло то-же, какъ и до момента его совершеннаго отмѣненія закономъ 17 апрѣля 1863 года,—такъ, по крайней мѣрѣ, комментируетъ наше законодательство эту мѣру. Но только достигалась-ли вполнѣ цѣль закона? Нѣтъ, — многіе каторжные находили средства къ выведенію этихъ позорныхъ знаковъ. Такимъ образомъ клейменіе оставалось только на менѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ и имѣло дурныя послѣдствія, какъ мы пояснили уже выше.

Но обратимся къ анализу каторжныхъ работъ. Подъ этотъ видъ наказанія общественная совѣсть и наука уже подвели камуфлетъ и ждутъ момента уничтоженія его. И если, быть можетъ, находятъ, что нельзя тотчасъ разрушить до основанія каторжныя работы, такъ-какъ взамѣнъ ихъ еще не возведены у насъ новыя постройки, то до того времени, пока тюремное заключеніе и ссылка не организуются на разумныхъ началахъ и не сдѣлаются главными столбами уголовной юрисдикціи, необходимо: 1) совершенно уничтожить ихъ вмѣненіе для женщинъ беременныхъ или съ грудными дѣтьми, какъ наносящихъ имъ органическій вредъ, 2) выразить болѣе заботы о тѣхъ преступникахъ, которые, при настоящей системѣ карательныхъ мѣръ, не могутъ избѣгнуть каторги. Въ какомъ по-

([4]) Липовскій, изслѣдованіе улож. Царя Алек. Михайл. стр. 99.

Digitized by Google

ложенія находится теперь быть каторжныхъ — обнаруживаетъ слѣдующее:

По «*Уставу о ссыльныхъ*» каторжные перваго разряда, по поступленіи въ вѣдомство Нерчинскаго Горнаго Правленія и Казенныхъ Палатъ, раздѣляются на безсрочныхъ и срочныхъ, съ дѣленіемъ послѣднихъ также на классы. Въ первое время они всѣ подвергаются испытанію въ слѣдующемъ размѣрѣ: безсрочные—8 лѣтъ, срочные: *а*) отъ 15 до 20 лѣтъ — 4 года; *б*) отъ 12 до 15 лѣтъ — 2 года; *в*) отъ 6 до 8 лѣтъ—$1^1/_2$ года; *г*) отъ 4 до 6 лѣтъ—1 годъ (ст. 569). Въ эти сроки тѣ изъ преступниковъ, которые подаютъ надежду къ исправленію, перечисляются въ разрядъ исправляющихся (570). Каторжные этой категоріи содержатся безъ оковъ; впрочемъ, и до поступленія въ нее, административнымъ путемъ снимаютъ оковы, если преступникъ подаетъ надежду къ исправленію, но не ранѣе, какъ по прошествіи хотя $^2/_3$ нормы срока для перехода въ эту категорію (575). Здѣсь мы остановимся.

Съ безсрочностью каторжныхъ работъ мы не можемъ помириться, такъ какъ она, обрекая человѣка на вѣчное страданіе, становится для него хуже смертной казни. Кстому-же, пожизненность наказанія убиваетъ въ преступникѣ желаніе исправиться, — и такимъ образомъ цѣль закона — исправить его — не достигается.

Срочныя каторжныя работы хотя и имѣютъ свои градаціи—такъ maximum въ рудникахъ отъ 15 до 20 лѣтъ и minimum въ крѣпостяхъ отъ 4 до 6,—но эти сроки слишкомъ велики. Основываясь на статистическихъ данныхъ, мы видимъ, что средняя продолжительность жизни, даже при хорошей обстановкѣ, не болѣе 50 лѣтъ. Если возьмемъ среднюю цифру и допустимъ, что преступникъ вступаетъ въ каторжныя работы между 25 и 35 годами, то спрашивается: когда-же онъ выйдетъ оттуда, если 20 лѣтъ остальной своей жизни онъ долженъ провести тамъ? Поэтому достаточно, если maximum каторжныхъ работъ будетъ 5 лѣтъ, minimum — 1 годъ, такъ-какъ непродолжительность сроковъ этого наказанія благотворнѣе дѣйствуетъ на преступниковъ, какъ это мы увидимъ далѣе. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ допустить сокращеніе сроковъ административнымъ путемъ.

Безсрочные каторжные перваго разряда содержатся въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, прочіе-же каторжные, переходящіе въ разрядъ исправляющихся, лишь въ ножныхъ оковахъ. Женщины, ссылаемыя на заводы, вмѣсто безсрочныхъ работъ въ рудникахъ, также содержатся въ оковахъ ножныхъ и ручныхъ, но менѣе тяжолыхъ (556 ст. Уст. о Ссыл.). Кромѣ того, у арестантовъ изъ мужчинъ брѣется на-половину голова. Мы не понимаемъ всей раціональности

Digitized by Google

этихъ мѣръ. Если онѣ выражаютъ собою щельмованіе, имѣющее цѣлью — пристыдить преступника и этимъ нанести ему нравственную боль, то эта мѣра недостойна общества, желающаго относиться къ преступнику съ гуманностью. Комментаторы говорятъ, что къ кандаламъ прибѣгаютъ для того, чтобы они мѣшали преступнику бѣжать изъ каторги. Если это такъ, то развѣ цѣль достигается? Нѣтъ, подпилить оковы или сбить съ нихъ заклепку — дѣло небольшого труда и искусства, къ которому арестанты часто и прибѣгаютъ. Наконецъ, если допустить, что цѣль законодателя достигается и кандалы гарантируютъ отъ побѣга, то и тогда отъ нихъ слѣдуетъ избавить не только больныхъ, страдающихъ чахоткою и сухоткою, для которыхъ кандалы — пытка, но даже и здоровыхъ преступниковъ, такъ какъ они разрушительно дѣйствуютъ на организмъ, поражая раны и изсушая ноги. Поэтому гораздо полезнѣе устранять лучше причины дѣлающія побѣгъ необходимымъ. А одинъ изъ главныхъ мотивовъ побѣга — пожизненность или продолжительность каторжныхъ работъ. Онѣ-то и вызываютъ многихъ на побѣгъ, тогда какъ кратковременные сроки болѣе удерживаютъ арестантовъ отъ послѣдняго; стало быть, если допустить сокращеніе сроковъ каторжныхъ работъ не только законодательнымъ путемъ, но и административнымъ, какъ объ этомъ говорено выше, то арестантъ, зная, что за хорошее поведеніе срокъ бытности въ каторгѣ уменьшится, позаботится лучше объ исправленіи и добытіи свободы—путемъ честнымъ и прямымъ, чѣмъ побѣгомъ, за который, въ случаѣ поимки его, онъ можетъ поплатиться...

Да, дорога свобода для каждаго человѣка, а для арестантовъ въ особенности. Свобода—ихъ идеалъ, о которомъ они постоянно мечтаютъ и къ которому стремятся... «Какой-нибудь оборванный офицерскій деньщикъ — говоритъ Ѳ. М. Достоевскій — считается ими чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого, что онъ не бритый, безъ кандаловъ и конвоя» (1).

Въ каторгѣ, въ острогахъ всѣ преступники вмѣстѣ, исключая нѣкоторыхъ, которые содержатся въ особенныхъ отдѣленіяхъ. Поэтому желательно было-бы: 1) чтобы люди развитые были-бы отдѣлены отъ противуположныхъ слоевъ, смотрящихъ, вслѣдствіе исторической разъединенности, недовѣрчиво и непріязненно на тѣхъ, въ комъ они не видятъ своего человѣка, и чуждающихся братства съ ними; и 2) чтобы была введена строгая и системати-

(1) Ѳ. Достоевскій. «Записки изъ мертваго дома». «Время», май 1862 г. стр. 325.

Digitized by Google

ческая классификація преступленій, такъ-какъ соединенная жизнь всѣхъ преступниковъ вмѣстѣ, распространяя нравственную заразу, портитъ тѣхъ изъ нихъ, которые могли-бы еще быть полезными обществу.

На заводахъ арестанты исполняютъ тяжолыя и усиленныя работы. Результатомъ этого является то, что многіе изъ рабочихъ отъ тяжолаго труда, бывающаго часто для нихъ не по силамъ, надрываются или дѣлаются неспособными на къ чему. Кромѣ того, пища и вообще содержаніе ихъ весьма дурно.

На всѣ эти обстоятельства слѣдуетъ обратить серьозное вниманіе, такъ-какъ цѣль наказанія не должна быть та, чтобы разстроивать здоровье людей и заставлять страдать ихъ отъ тяжолой работы и дурной пищи, скорбутами и другими болѣзнями. И какъ эта система наказанія произошла вѣроятно отъ упущенія изъ виду законовъ механики и физіологіи, то отъ господствующаго порядка слѣдуетъ отрѣшиться, для чего не безполезно было-бы увеличить задѣльную плату арестантамъ, изъ которой одну часть затрачивать на улучшеніе ихъ матеріальнаго быта, а другую выдавать имъ на обзаведеніе—по выходѣ на поселеніе. Эта мѣра принесетъ хорошій плодъ не только тѣмъ, что не уронитъ человѣка въ экономическомъ отношеніи до степени животнаго, но и не породитъ въ немъ отвращенія къ принудательному и мало вознаграждаемому труду,—что является послѣдствіемъ настоящей системы.

Вообще улучшеніе матеріальныхъ потребностей каторжныхъ необходимо: если они будутъ питаться дурною пищею, жить въ скверныхъ помѣщеніяхъ, работать много и черезъ силу, то отъ этого нисколько не сдѣлаются лучше, такъ какъ это не только разрушаетъ здоровье преступниковъ, но и роняетъ ихъ морально, доводя систематически до состоянія близкаго къ животнымъ; дурной-же обстановкой ставить человѣка въ положеніе животнаго возможно было-бы только тогда, если-бы съ момента признанія его преступнымъ—положительный законъ могъ-бы поубавить въ немъ количество головнаго мозга, впечатлительность нервовъ и другія жизненныя его потребности.

Для улучшенія быта каторжныхъ полагаемъ также не излишнимъ: а) дозволить имъ вступленіе въ бракъ ранѣе нормы, опредѣленной закономъ (¹), потому что одно юридическое признаніе преступника гражданскимъ мертвецомъ не уничтожаетъ въ немъ общечеловѣческихъ потребностей—половыхъ желаній. Ктому-же бракъ

(¹) Срокъ для вступленія въ бракъ каторжнымъ безсрочнымъ простирается до 11 лѣтъ (557 ст. Уст. о ссыл.).

Digitized by Google

часто дѣлаетъ человѣка нравственнѣе. А вести преступника къ нравственному пути—обязанность общества и цѣль наказанія. б) Дозволить арестантамъ, перечисленнымъ въ разрядъ исправляющихся, вести переписку съ родными и вообще съ людьми имъ близкими, такъ какъ не находимъ вреда для общественной безопасности въ доставленіи имъ этого утѣшенія; кому-же наказаніе не должно вырывать съ корнемъ у преступника все, что для него свято и дорого, если онъ только желаетъ отрѣшиться отъ принципа мести, неразбирающаго средствъ для цѣлей. в) Дозволить арестантамъ, за хорошее поведеніе, заниматься тѣмъ, чѣмъ они занимались до совершенія преступленія, такъ какъ не видимъ разумной причины въ запрещеніи ученому, литератору, композитору и художнику читать, писать, сочинять, играть и рисовать. Мы, напротивъ, находимъ, что общество не должно отказывать преступнику въ его умственномъ, нравственномъ и художественномъ совершенствованіи, такъ какъ отъ этого стѣсненія только много тратится непроизводительныхъ могучихъ силъ безъ пользы, много погибаетъ здоровыхъ сѣмянъ безъ всхода, тогда какъ плодъ ихъ трудовъ могъ-бы принести обществу пользу.

Въ каторгѣ арестанты подвергаются за преступки тѣлесному наказанію. Эту мѣру нельзя не отрицать: она нарушаетъ общечеловѣческую честь, которая не подлежитъ наказанію, такъ какъ законъ не можетъ ни дать, ни отнять ее: она присуща человѣку съ момента его рожденія.

За побѣги каторжные подлежатъ, кромѣ клейменія, еще слѣдующей отвѣтственности:

1 разряда.

Безсрочные отъ 60 до 80 ударовъ плетьми, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытующихся отъ 10 до 12 лѣтъ.

2 разряда.

Срочные отъ 50 до 60 ударовъ плетьми, съ продолженіемъ работъ отъ 10 до 15 лѣтъ.

3 разряда.

Отъ 40 до 50 ударовъ плетьми и переводу въ рудники съ продолженіемъ срока работъ отъ 4 до 6 лѣтъ.

За побѣги второй, третій и т. д. прогрессивно увеличивается число ударовъ плетьми, содержаніе въ отрядѣ испытуемыхъ или срокъ работъ, и даже доходитъ до того, что приковываютъ каторжныхъ къ тележкѣ (116, 808, 849 XIV т. Св. Гр. Зак.). Всѣ эти мѣ-

Digitized by Google

ры мы находимъ слишкомъ жестокими, въ особенности наказаніе плетьми. И если законъ нашолъ ихъ суровыми въ примѣненіи къ однимъ случаямъ, то и должно уничтожить ихъ вмѣненіе и для каторжныхъ, потому что одно юридическое признаніе человѣка лишоннымъ правъ не можетъ служить легальнымъ мотивомъ къ жестокому обращенію съ нимъ. Ктому-же всѣ эти наказанія не достигаютъ цѣли: они не устрашаютъ и не сдерживаютъ отъ побѣговъ. Доказательствомъ этому служитъ то, что побѣги не уменьшаются, не смотря на сильныя карательныя мѣры. И оно понятно: каторга такъ тяжела, что арестантъ находитъ для себя лучшимъ подышать хоть нѣсколько времени другою атмосферою и поплатиться за это, чѣмъ оставаться постоянно въ ней.

Только при изложенныхъ выше условіяхъ и возможно нѣкоторое примиреніе съ каторжными работами, и то какъ съ мѣрою переходною до совершеннаго уничтоженія этой системы наказанія; но не иначе, потому что каторжныя работы составляютъ наносный пластъ на нашей почвѣ, чуждый русскаго духа, народныхъ требованій...

Въ заключеніе скажемъ, весьма полезно было-бы устроить для каторжныхъ колоніи и въ нихъ обучать арестантовъ земледѣльческимъ операціямъ и другимъ ремесламъ, знаніе которыхъ могло-бы принести имъ пользу по выходѣ на свободу — на поселеніи.

3. Ссылка на поселеніе.

Пробѣгая исторію нашего уголовнаго права, мы видимъ, что это наказаніе съ опредѣленіемъ мѣста ссылки выразилось только въ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ древній же періодъ — она была плодомъ абсолютнаго произвола высшей власти. Такъ великій князь Мстиславъ Владиміровичъ сослалъ, въ 1229 году, полотскихъ князей въ Грецію...

Ссылка древней Россіи заключалась въ изгнаніи виновнаго изъ мѣста жительства или изъ того мѣста, гдѣ онъ совершилъ преступленіе. Эта мѣра называлась *выбитіе вонъ* изъ города или волости; кромѣ того, въ древнемъ русскомъ правѣ до Іоанна IV ссылка смѣшивалась съ заключеніемъ: часто эти наказанія соединялись и выражались заключеніемъ преступника въ монастырѣ или отдаленномъ городѣ. Ссылка въ отдаленныя мѣста имѣла также значеніе *опалы* и мѣры переселенія, — какъ наказанія или для предупрежденія возмущенія въ областяхъ вновь присоединенныхъ. Ссылка, какъ опала, состояла въ томъ, что опальному поручалась какая нибудь служба или обязанность въ томъ мѣстѣ, въ которомъ велѣно было

Digitized by Google

ему жить. Къ ссылкѣ также относилось переселеніе жителей изъ одной области въ другую. Эта мѣра называлась *разводомъ* и встрѣчается при Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV, переселившимъ изъ Пскова въ 1569 г. до 50 семействъ, а изъ Новгорода — 150. Ссылка въ тѣсномъ смыслѣ начала утотребляться со временъ судебниковъ. А въ періодъ Уложенія Алексѣя Михайловича мѣстомъ ссылки уже служили украинскія города и Сибирь. Кромѣ этого, назначеніе города для ссыльнаго опредѣлялось уже не только волею государя, но и судомъ. Преступниковъ обыкновенно везли пристава, иногда заковывая ихъ въ желѣзо, чтобы *съ дороги не утекли*. Ссылка является въ Уложеніи пожизненной или временной и какъ наказаніе самостоятельное или въ соединеніи съ другими наказаніями. Такъ, напримѣръ, подъячій, изобличонный въ томъ, что во второй разъ не записалъ суднаго дѣла въ книгу, для сокрытія пошлинъ, ссылался въ украинскіе города на службу, въ какую пригодится (1). Также въ Сибирь на Лену ссылались тяглые посадскіе люди (2), а воровъ и разбойниковъ, наказавъ кнутомъ и отрѣзавъ имъ уши, сначала заключали въ тюрьму на срокъ отъ 2—4 лѣтъ, а потомъ уже ссылали въ украинскіе города или Сибирь.

Въ 1679 г. уничтожены дополнительныя наказанія для нѣкоторыхъ ссыльныхъ преступниковъ, а именно было велѣно: всѣхъ тѣхъ преступниковъ, которымъ слѣдуетъ по законамъ за ихъ преступленія отсѣкать руки и ноги, — не чиня имъ этой казни, ссылать въ Сибирь на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житье (3). Но при этомъ мы должны замѣтить, что съ ссылкою не соединялась гражданская смерть, употребляемая нынѣ подъ названіемъ лишенія всѣхъ правъ состоянія. Она имѣла послѣдствіемъ только лишеніе достоинства или званія и отобранія у служилыхъ людей ихъ помѣстій и вотчинъ, которыя раздавались другимъ (4).

Положеніе преступниковъ въ ссылкѣ также не было таково, какъ въ настоящее время: они хотя сначала и содержались въ тюрьмѣ или острогѣ, но потомъ ихъ опредѣляли въ службу или поселяли на пашню, давая *всякія угодья и ссуды на пропитанье*. Также вмѣнялось въ обязанность администраторамъ не только обращаться ласково и снисходительно съ хорошо ведущими себя преступниками, но ободрять ихъ и заботиться объ нихъ. Къ этимъ мѣрамъ прибѣгали для того, *чтобы къ благополучному состоянію людей* всѣхъ привесть,

---

(1) Улож. Г. X. стр. 126.
(2) Улож. Г. XIX ст. 13.
(3) П. С. З. 1. № 552, 1633.
(4) Богдановскій. О преступ. и наказ.

Digitized by Google

къ доброму и христіанскому благоугодному мірскому житію, и воровства всякія вначалѣ во всякомъ человѣкѣ истребить и т. д. (¹).

Эти мѣры законодателя показываютъ, что ссылкою имѣли уже въ виду исправить преступника, хотя форма наказанія далека была еще тѣхъ началъ, которыя дѣйствительно могли-бы дать плодотворные результаты.

Къ ссылкѣ при Петрѣ Великомъ присоединялся еще торжественный обрядъ, выражавшійся тѣмъ, что преступника клали на плаху, говорили: *смерть*, и потомъ, по наказаніи кнутомъ, сеылали уже въ Сибирь; кромѣ того, ссылка на поселеніе сопровождалась прекращеніемъ всѣхъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства или свойства.

Со временъ Екатерины II законодательство мало по малу начало гуманизировать область ссылки; въ особенности «Уставъ о ссыльныхъ» Александра I и законъ 17 апрѣля 1863 г., уничтожившій клейменія и плети, вмѣняемыя для тѣхъ, за которыми прежде законодательство не признавало человѣческихъ правъ.

Положенія, на которыхъ созидается ссылка на поселенія въ настоящій моментъ, имѣетъ и слѣдующій характеръ: по «Уставу о ссыльныхъ», ссыльно-поселенцы, по прибытіи въ Тобольскъ, причисляются къ одному изъ слѣдующихъ разрядовъ:

Въ первый разрядъ, во временные заводскіе работники, поступаютъ преступники, которые до 17 апрѣля 1863 г. подвергались наказанію плетьми.

Во-второй — въ ремесленники отдѣляются лучшіе, здоровые, крѣпкіе и молодые преступники, преимущественно знающіе мастерства.

Въ третій — въ цехъ слугъ назначаются люди дворовые и малоспособные въ работѣ.

Въ четвертый — на поселеніе отчисляются арестанты способные къ сельскимъ занятіямъ.

Въ пятый — въ неспособные отдѣляются арестанты, слабые, увѣчные и старые.

Вотъ общія законодательныя начала распредѣленія ссыльныхъ поселенцевъ. Посмотримъ на результаты ихъ практическаго примѣненія. Отчисленіе на заводы — мѣра довольно суровая, потому что на многихъ заводахъ пребываніе поселенцевъ, при очень скудномъ содержаніи, соединено съ тяжолыми работами и наказаніями за каждый неисполненный урокъ; уроки-же назначаются большіе: на каждаго человѣка полагается въ сутки выкопать и вывести 40 пудъ ру-

(¹) П. С. Т. III. № 1670.

Digitized by Google

ды, или разработать 200 пудъ золотаго песку; при этомъ работа производится подъ землею, въ душной атмосферѣ, и отъ восхода солнца до заката рабочимъ приходится бороться съ трудностями, представляемыми глинистымъ грунтомъ земли, какъ, напр., въ Шехтаманскомъ пріискѣ.

Далѣе пробѣгая «Уставъ о ссыльныхъ», мы встрѣчаемъ организацію труда ремесленниковъ и земледѣльцевъ въ слѣдующихъ формахъ:

Ссыльно-поселенцы, назначенные въ ремесленные работники, раздѣляются на отдѣленія, которыя имѣютъ опредѣленное назначеніе мастерства или работы. Такимъ образомъ составляются отдѣленія: 1) плотниковъ и столяровъ; 2) каменьщиковъ; 3) кузнецовъ и слесарей; 4) мѣднаго и серебрянаго дѣла; 5) кожевниковъ и шорниковъ; 6) маляровъ и 7) чорнорабочихъ.

Въ каждое отдѣленіе назначается мастеръ для управленія работами и надзора за рабочими, которыхъ полагается отъ 15 до 35 человѣкъ.

На покупку инструментовъ, постройку помѣщеній и другихъ обзаведеній для ремесленныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются указанныя отдѣленія, ассигнуются деньги казною. Дома эти, подъ управленіемъ смотрителей и бухгалтеровъ, имѣютъ свои конторы, состоящія изъ мастеровъ и старостъ, выбранныхъ изъ числа рабочихъ. Съ этими конторами заключаются условія на частныя, общественныя и казенныя работы.

Получаемая по условіямъ заработанная плата составляетъ сумму на содержаніе работниковъ и на расходы по заведеніямъ. Остатки изъ этихъ денегъ, за исключеніемъ означенныхъ расходовъ, составляютъ артельную сумму работниковъ.

Взявъ въ основаніе эти положенія, можно предположить, что приданіе жизненности этой организаціи труда должно-бы было принести хорошій плодъ.

И дѣйствительно, оно было-бы такъ, если-бы исполнители «Устава о ссыльныхъ» не могли отступить отъ его предписаній и, понявъ мысль и цѣль закона, выразили-бы болѣе заботы къ положенію ссыльныхъ и содѣйствовали-бы къ улучшенію ихъ экономическаго быта, а не къ разложенію его.

По «Уставу о ссыльныхъ», ссыльные поселенцы причисляются: одни къ деревнямъ старожиловъ, а другіе составляютъ новыя казенныя поселенія.

Digitized by Google

Въ деревняхъ старожиловъ поселенцы водворяются собственными трудами; для поощренія-же ихъ къ вступленію въ бракъ и къ осѣдлой жизни назначаются имъ отъ казны слѣдующія денежныя пособія: женщинѣ свободнаго состоянія, выходящей замужъ за поселенца, выдается 50 руб. сер., а мужчинѣ, вступившему въ первый бракъ съ ссыльною, — 15 руб. безвозвратно и столько же заимообразно въ десятилѣтнюю ссуду.

Поселенцамъ, долженствующимъ составить казенныя поселенія, отводится земля и выдаются всѣ инструменты и матеріалы для возведенія новыхъ построекъ; кромѣ того, въ мѣста поселенія доставляются для нихъ земледѣльческіе инструменты, лошади, хлѣбъ на посѣвъ и продовольствіе. По окончаніи построекъ и посѣвовъ, каждому поселенцу отводится домъ, земля, земледѣльческія орудія и домашнія вещи.

Все устройство поселеній должно быть кончено въ 2 года; по истеченіи этого времени назначается для всѣхъ поселенцевъ льготное время отъ податей и рекрутской повинности на 20 лѣтъ.

Изложенное показываетъ, что бытъ поселенцевъ не долженъ былъ-бы быть худымъ. Но къ такому выводу можно прійти только судя объ этомъ теоретически; на практикѣ-же тѣ изъ поселенцевъ, которые и желали-бы завести раціональное хозяйство, встрѣчаютъ преграды въ волостномъ начальствѣ: оно удѣляетъ имъ иногда такіе неудобные для хлѣбопашества участки, что трудъ поселенцевъ не только не вознаграждается, но даже не даетъ имъ возможности прокормить семью свою. Поэтому многіе изъ поселенцевъ бросаютъ земледѣльческія занятія и идутъ на работы на частные пріиски, хоть и этотъ трудъ представляетъ мало хорошаго: тамъ они должны работать иногда отъ 3 часовъ утра до 11 часовъ ночи и подвергаются всевозможнымъ стѣсненіямъ отъ хозяевъ-промышленниковъ и отъ ихъ управляющихъ, которые прежде мало того что обсчитывали рабочихъ и не выдавали имъ своевременно заработанной платы, но еще заставляли брать у себя разныя вещи за тройную цѣну.

Но таково положеніе только тѣхъ, кому еще физическія силы даютъ возможность добывать трудомъ насущный хлѣбъ; положеніе же старыхъ, увѣчныхъ и слабыхъ поселенцевъ еще безвыходнѣе: для многихъ изъ нихъ существуютъ только двѣ перспективы — борьба съ голодною смертью или нищенство, потому что хотя для нихъ и предназначается въ Тобольской губерніи Успенская богадѣльня, но она не для всѣхъ ихъ служитъ пріютомъ, какъ вслѣдствіе ограниченнаго комплекта могущихъ въ нее вступить, такъ и по другимъ причинамъ...

Вотъ краткій очеркъ быта ссыльныхъ преступниковъ. И если

Digitized by Google

къ нему еще добавить заключеніе въ тюрьму, арестанскія роты, переводъ въ каторгу, съ спутникомъ всѣхъ ихъ — плетьми, которыя предназначаются за побѣги, то картина осужденныхъ дорисуется. Не отрицая снова жестокости этихъ наказаній, такъ какъ объ этомъ мы говорили уже выше, скажемъ, что изложенный бытъ ссыльныхъ даетъ намъ право желать радикальныхъ реформъ въ системѣ наказанія — ссылки на поселеніе. И если изъ нея выдѣлить все негодное и построить ее на болѣе раціональныхъ началахъ, то результаты поселенія могутъ быть плодотворны. Въ пользу этой мысли говорятъ: юго-восточный берегъ Австраліи, Викторія и новый южный Валлисъ, которые изъ ссыльныхъ убійцъ и разбойниковъ образовали крѣпкія и здоровыя общества, имѣющія многолюдные города, хорошую торговлю, промышленность, университеты и проч. Тотъ-же фактъ повторился въ другихъ мѣстахъ и у насъ въ Новороссійскомъ краѣ, который въ 1820 г. наполнился бѣглыми преступниками и не только ими не приведенъ въ дурное положеніе, но напротивъ, какъ извѣстно, находится въ цвѣтущемъ состояніи. Эти факты служатъ живыми аргументами — до какой степени исправимъ человѣкъ, если этому способствуютъ обстоятельства. Имѣя-же такіе результаты, нельзя не убѣдиться, что ссылка на поселеніе или, другими словами, колонизація преступниками пустопорожнихъ мѣстъ, но годныхъ къ культурѣ, лучше даже тюремнаго заключенія, на какихъ-бы гуманныхъ началахъ оно ни организовалось. Правда, устройство хорошихъ колоній довольно трудно. Успѣхъ колонизаціи зависитъ отъ множества внѣшнихъ условій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ: 1) выборъ для поселенія хорошей мѣстности для культуры; 2) отправляя человѣка въ ссылку, нужно дать ему и матеріальныя средства къ тому, чтобы онъ могъ устроить свой экономическій бытъ на столько, чтобы не вынужденъ былъ, ради насущнаго хлѣба, нарушать общественное спокойствіе той среды, въ которую вступаетъ.

Пробѣгая статистику уголовныхъ преступленій, мы видимъ, что большинство изъ нихъ направлено противъ собственности. Такъ изъ отчета по Министерству Юстиціи за 1862 г. открывается, что изъ 83.449 человѣкъ, приговоренныхъ къ наказанію, оказались преступными противъ собственности:

	мужчинъ.	женщинъ.
За разбой.	70	4
За грабежъ	600	61
За воровство-кражу	21,350	3,293
За воровство-мошенничество . . .	2,794	416
Итого . .	24,814	3,774

Digitized by Google

Но здѣсь еще не упоминается о другихъ видахъ преступленій, имѣющихъ также характеръ преступленій противъ собственности, какъ-то о порубкѣ лѣсовъ, контрабандѣ, дѣланіи фальшивыхъ монетъ и проч. Кромѣ того, отчоты обнаруживаютъ, что по всѣмъ родамъ преступленій не подвергнуто наказанію и оставлено въ подозрѣніи 55.106 человѣкъ, а изъ нихъ, вѣроятно, большая часть была направлена противъ собственности; наконецъ, сколько преступленій совершенно не обнаружено. И потому можно смѣло утверждать, что изъ всѣхъ совершаемыхъ преступленій 90% направлены противъ собственности. А мотивы, вызывающіе на эти преступленія, — это, большею частью, дурное экономическое состояніе нарушителей собственности, на которую посягаютъ не только совершившіе преступленія въ первый разъ, но и рецидивы; а количество послѣднихъ весьма значительно: изъ статистическихъ данныхъ замѣтно, что на 26 человѣкъ наказанныхъ одинъ снова впадаетъ въ преступленіе.

Поэтому, что-бы ограничить число преступленій противъ собственности, — не лишнее устроить бытъ преступниковъ такъ, что-бы они не страдали отъ дурного экономическаго состоянія. Для этого не безполезно организовать ссылку на слѣдующихъ началахъ.

Всѣхъ приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе, по доставленіи на мѣсто ссылки, слѣдуетъ группировать на разряды земледѣльцевъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ; не способныхъ-же къ труду — немощныхъ и старыхъ преступниковъ — нѣтъ надобности и отправлять въ ссылку: они должны оставаться въ мѣстныхъ исправительныхъ богадѣльняхъ. Также отъ ссылки могутъ быть избавлены женщины беременныя или съ грудными дѣтьми, потому что въ періодъ слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія, уже не говоря о томъ, что на нихъ дурно вліяетъ тяжесть и другія неудобства дороги, многія изъ нихъ гибнутъ отъ недостатка пособій медика и акушерки.

Изъ группъ ссыльныхъ можетъ составляться община съ выборными и старостой изъ своей-же среды. Этой общинѣ должны отвести землю, удобную для культуры и для построекъ. Для обработки земли и возведенія построекъ для жилья, мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ отпускаются всѣ необходимыя орудія, инструменты и матеріалы. Кромѣ того, даются поселенцамъ зерна для посѣва и продовольствія до того времени, пока посѣвы не принесутъ плодъ для прокормленія... Однимъ словомъ, этой общинѣ изъ ссыльныхъ должны дать тѣ-же льготы и вспомоществованія, какія опредѣлены въ «Уставѣ о ссыльныхъ» для казенныхъ поселеній

Digitized by Google

Каждая группа рабочихъ общины должна формироваться не на тѣхъ началахъ, на которыя указываетъ «Уставъ о ссыльныхъ», а на однохарактерности труда и личномъ выборѣ его желающими членами общины.

Новый поселенецъ, вступающій въ общину, получаетъ отъ казны такое-же вспомоществованіе и льготы, какъ это полагается по закону для казенныхъ поселеній.

Община находится только подъ надзоромъ установленныхъ властей, которыя вмѣшиваются лишь въ ея уголовныя дѣла, извлекая виновныхъ изъ среды для юрисдикціи; гражданскія-же дѣла, возраждающіяся между членами обществъ, подлежатъ разбору мирнаго судьи, выбраннаго изъ членовъ этой-же общины.

Такъ-какъ община состоитъ изъ разнородныхъ рабочихъ группъ, то каждый членъ отдѣльной ассоціаціи, внося въ нее свой трудъ, а если есть, и капиталъ, пользуется выгодами согласно съ внесеннымъ капиталомъ, дѣятельностью и способностями.

Переходъ членовъ общины изъ одной ассоціаціи въ другую долженъ быть свободенъ во всякое время.

Также слѣдуетъ дозволить переходъ въ общинныя колоніи свободнымъ поселенцамъ, т. е. не-преступникамъ, если на пріемъ ихъ изъявляетъ согласіе община, потому что кто желаетъ оставить прежнюю среду, въ которой жилъ, тотъ, вѣроятно, не находитъ въ ней запроса на трудъ; а выселеніе такого человѣка изъ среды, въ которой онъ производилъ менѣе, чѣмъ потреблялъ богатствъ и производительныхъ силъ, — полезно.

Это переселеніе принесетъ также существенную пользу какъ колоніи, давъ ей рабочія руки и внося въ нее постоянно новыя званія и свѣжія силы, такъ и новымъ колонистамъ, могущимъ выработать здѣсь болѣе, вслѣдствіе того, что и запросъ на ихъ трудъ большій. Но при этомъ должно замѣтить, что свободные поселенцы, имѣющіе капиталы, должны вносить ихъ въ ту ассоціацію, въ которую вступаютъ, съ полученіемъ отъ нея дивиденда только тогда, когда сами работаютъ, потому что если капиталистъ принадлежитъ къ людямъ расточительнымъ и нелюбящимъ лично работать, то весь доходъ расточается имъ на содержаніе паразитовъ и на вознагражденіе дѣлаемыхъ ему личныхъ услугъ, а для колоніи такіе дѣятели вредны. Такъ-какъ изъ изложеннаго далѣе обнаружится, что мы не желали-бы совершеннаго отнятія имущества у уголовныхъ преступниковъ, то, по поступленіи ихъ въ колонію, достояніе ихъ должно обращаться въ общинную кассу на такихъ-же основаніяхъ, какъ указано выше.

Digitized by Google

Вотъ тѣ начала, на которыхъ, мы полагаемъ, могъ-бы сложиться экономическій бытъ ссыльныхъ. Эта система можетъ принести хорошіе плоды еще потому, что между поселенцами уничтожены всѣ сословныя перегородки и бездны, лежащія между богатымъ и бѣднякомъ, трудомъ и капиталомъ, дававшимъ возможность бездѣлности и лѣни жить потовыми трудами бѣдняка. При такой организаціи ссыльныхъ поселенцевъ можно надѣяться на исправленіе преступника и на то, что преступленія будутъ между ними совершаться рѣже, потому что здѣсь не могутъ имѣть мѣста побудительные къ нимъ мотивы, какъ-то: неравноправность, недостатокъ средствъ къ существованію, эксплуатація труда и другія болѣзни экономическія и соціальныя; здѣсь каждый членъ ассоціаціи, чувствуя себя звѣномъ всей общины — ея дѣятелемъ, на котораго смотритъ все общество, будетъ сдерживать свои дурныя наклонности, чтобы надъ ними не разразилось общественное презрѣніе, которое страшно для каждаго человѣка. Кому не извѣстно, что вліяніе общественной совѣсти на индивидуальную — громадно. А боязнь порицанія и стыда есть великій рычагъ въ дѣятельности человѣка. Она вліяетъ даже на испорченныя натуры, заставляя ихъ дѣлать то, чего требуетъ общественное мнѣніе, а не собственная совѣсть. И если мы видимъ, что въ нашихъ современныхъ обществахъ общественное мнѣніе не приносятъ хорошаго плода и недѣлныя идутъ въ разрѣзъ съ нимъ, то это потому, что общество все разбито на атомы, что каждый членъ его видитъ въ немъ не самого себя, а что-то отдѣльное, чуждое для него, что общество клеймитъ презрѣніемъ только тѣ дѣйствія, которыя явились преступными — въ извѣстной соціальной юридической формѣ. И то это презрѣніе не есть продуктъ всего общества, а только нѣкоторыхъ недѣлныхъ; народъ же, большею частью, смотритъ съ состраданіемъ даже на соціальныхъ преступниковъ, вслѣдствіе того, что неправосудіе судовъ, такъ долго тяготѣющее надъ судьбою народа, заставляетъ его предполагать, что не всѣ тѣ личности дѣйствительно преступны, которые осуждены формальнымъ судомъ.

Спутники уголовныхъ наказаній.

Преступленія, влекущія — смертную казнь, каторжныя работы и ссылку въ Сибирь или на Кавказъ, сопровождаются, какъ мы видѣли, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Этою мѣрою преступникъ, отсѣкаясь отъ среды, въ которой жилъ, теряетъ права политическія, сословныя, семейственныя и имущественныя.

Digitized by Google

1. Отнятіе правъ политическихъ и сословныхъ выражается лишеніемъ: чиновъ, орденовъ, званія и сословныхъ преимуществъ. Съ момента исполненія приговора для преступника начинается новое состояніе ссыльнаго. Возвращаться изъ Сибири ему запрещено даже по отбытіи срока работъ. Ему только предоставляется право по освобожденіи отъ послѣднихъ приписаться къ одному изъ податныхъ сословій, а за Кавказомъ даже и къ городскому обществу.

2. Отнятіе семейственныхъ правъ влечетъ за собою слѣдующіе результаты: хотя оно не расторгаетъ брака, но а) дозволяетъ невинному супругу просить о его расторженіи духовное начальство, если только это не противорѣчитъ догматамъ церкви (¹); б) безъ просьбы невиннаго супруга бракъ не расторгается, и если онъ желаетъ, то можетъ слѣдовать за осужденнымъ. Дѣти, прижитыя во время ссылки, считаются дѣтьми ссыльнаго и должны быть приписаны къ одному изъ податныхъ состояній. Власть родительскую теряетъ ссыльный только надъ дѣтьми, прижитыми до приговора надъ нимъ о наказаніи. Кромѣ того, разрываются права, основанныя на связяхъ родства или свойства.

3. Ограниченіе имущественныхъ правъ выражается тѣмъ, что все имущество ссыльнаго передается его наслѣдникамъ. Завѣщаніе, составленное имъ даже и до приговора, считается недѣйствительнымъ. Имущество, которое могло-бы достаться преступнику по праву наслѣдства, переходитъ не къ нему, а къ его наслѣдникамъ. Родные его могутъ присылать ему деньги только чрезъ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ, который передаетъ ихъ въ уѣздныя казначейства того округа, гдѣ ссыльный находится. Эта сумма выдается ему по отбытіи срока работъ, а до того момента она остается артельною. Каторжнымъ дозволяется строить дома на земляхъ, гдѣ они работаютъ, а по отбытіи срока работъ они могутъ покупать и недвижимую собственность. За смертію ссыльнаго имущество его поступаетъ къ находившимся при немъ супругу и дѣтямъ; если-же послѣднихъ нѣтъ, то къ первому. Если-же ссыльный былъ одинокъ или не оставилъ семейства, то имущество не переходитъ къ его роднымъ: оно поступаетъ въ общее достояніе ссыльныхъ той губерніи, въ которой онъ жилъ.

Отнесемся къ изложенному критически.

Законъ можетъ лишать преступника правъ политическихъ, выражающихся запрещеніемъ вступать въ государственную службу, отнятіемъ чиновъ, званій и орденовъ; но лишать человѣка его об-

(¹) Православная и протестанскія церкви разрѣшаютъ разводъ, а католическая нѣтъ, что весьма нерацiонально. Ленгеръ.

Digitized by Google

щечеловѣческой чести и уваженія, питаемыхъ къ нему обществомъ, не въ силахъ законъ такъ-же, какъ и дать ихъ: они являются помимо воли закона. Поэтому слѣдуетъ дозволить лицамъ, какъ отбывшимъ работы въ каторгѣ, такъ и сосланнымъ на поселеніе, быть избираемыми во всѣ общественныя должности. Это допущеніе мы полагаемъ необходимымъ потому, что общество само можетъ составить себѣ понятіе о томъ: способна-ли данная личность или нѣтъ на добросовѣстное выполненіе возлагаемыхъ на нея обязанностей; стало быть опека закона надъ общественною совѣстью здѣсь совершенно не нужна.

Не слѣдуетъ также лишать преступника права заниматься торговлею, такъ-какъ она можетъ доставить ему источникъ къ добытію средствъ къ жизни. А честный трудъ долженъ допускаться въ какой бы формѣ онъ ни выражался.

Также немыслимо — недопущеніе въ свидѣтели преступника, какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ, потому что отъ этого страждетъ общество—третье лицо, лишающееся судебнаго доказательства, а не преступникъ (1).

Ограниченія въ сферѣ семейственнаго права, дѣлаемыя нашимъ кодексомъ, мы признаемъ вполнѣ раціональными, такъ-какъ есть такія индивидуальныя преступленія, послѣ которыхъ человѣкъ, даже оставшійся на свободѣ, долженъ быть лишонъ отеческой власти и супружескаго вліянія. Относительно-же расторженія брака мы замѣтимъ слѣдующее: онъ долженъ быть допущенъ даже помимо религіозныхъ догматовъ, потому что супругъ съ дурными болѣзненными наклонностями и инстинктами есть зараза, отъ которой должно непремѣнно изолировать нравственно здоровую семью. Мы не можемъ также не остановиться на законѣ уничтожающемъ у преступника права, основанныя на связахъ родства или свойства. Какъ понимать этотъ законъ? Потеря правъ наслѣдственныхъ и семейственныхъ, если жена и дѣти не послѣдуютъ за ссыльнымъ, выражена въ особенномъ спеціальномъ законѣ; стало быть, изложенный законъ не есть повтореніе спеціальнаго закона, а скорѣе дополненіе къ нему, которое можно комментировать такъ: съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ ссыльнымъ разрываются всѣ родственныя и свойственныя отношенія. Но если принять такое толкованіе, которое нарушаетъ смыслъ этого закона, то значитъ — близкіе родственники или свойственники могутъ вступать въ брачный союзъ съ

(1) Этотъ вопросъ былъ разносторонне разсмотрѣнъ мною въ статьѣ: «по поводу законодательныхъ реформъ», «Юридическій Вѣстникъ» 1862 г., выпускъ XXV. *Авторъ.*

Digitized by Google

ссыльнымъ, такъ-какъ ихъ прежнія отношенія, запрещающія такой союзъ, — нарушены. Но намъ кажется, законъ можетъ разрушить только то, что́ онъ самъ основываетъ, такъ, напримѣръ, свойство. Кровное-же родство онъ безсиленъ уничтожить такъ-же, какъ и узаконить.

Мы находимъ несправедливымъ лишеніе преступника всего его имущества, которымъ онъ владѣлъ до приговора о его виновности, и отдачу послѣдняго законнымъ наслѣдникамъ или взятіе въ фискъ, если послѣднихъ не оказывается. И потому, полагаемъ, не лишая преступника правъ собственности на имущество, нужно только ограничить его въ правѣ владѣнія.

Это ограниченіе должно слагаться на слѣдущихъ началахъ. Законъ, опредѣливъ часть, доженствующую идти на содержаніе семейства преступника, если оно у него было, долженъ предоставить преступнику полное распоряженіе остальными частями. Это распоряженіе, по приведеніи надъ нимъ въ исполненіе судебнаго приговора, можетъ выражаться въ письменномъ актѣ, въ которомъ преступникъ опредѣляетъ: какъ о поступленіи съ имуществомъ, находящимся у него, такъ и съ тѣмъ, которое можетъ достаться ему по законному наслѣдству, — т. е. взять-ли его въ правительственную опеку, или передать въ собственность или временное владѣніе тѣмъ, кому онъ пожелаетъ. Такое безусловное распоряженіе имуществомъ должно принадлежать преступнику въ отношеніи его благопріобрѣтеннаго имущества и родового, если на послѣднее нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ; если-же таковые есть, онъ не имѣетъ права отчуждать его въ собственность другимъ лицамъ помимо законныхъ наслѣдниковъ; онъ можетъ только отдать имущество во временное владѣніе имъ или передать его въ правительственную опеку до отбытія имъ срока работъ въ каторгѣ или до смерти его. А потому, въ первомъ случаѣ — оно снова переходитъ къ нему, а во второмъ къ его наслѣдникамъ. Но и изложенное имущественное ограниченіе должно относиться только до преступниковъ ссылаемыхъ въ каторжныя работы; на ссыльныхъ-же поселенцевъ оно не можетъ распространяться; имъ должно быть предоставлено право распоряжаться имуществомъ какъ своею собственностью, т. е. отдать его въ опекунское управленіе или продать, для того чтобы изъ вырученныхъ денегъ ссыльно-поселенецъ могъ улучшить свой бытъ въ мѣстѣ ссылки.

Личное и безусловное распоряженіе имуществомъ должно быть предоставлено преступникамъ еще потому, что законъ о томъ, что уголовное наказаніе влечетъ потерю всего имущества въ пользу наслѣдниковъ, — даетъ возможность родственникамъ собственника

Digitized by Google

подставлять ему западню, въ которую попадая и подвергаясь уголовному наказанію, онъ лишается имущества въ пользу ихъ, — что́ и бываетъ на практикѣ. Кромѣ того, если нѣкоторыхъ собственниковъ-преступниковъ, неимѣющихъ законныхъ наслѣдниковъ, подвергаютъ уголовному наказанію, то въ обществѣ можетъ зараждаться мысль, что это наказаніе было не слѣдствіемъ дѣйствительной вины его, а желаніемъ власти захватить въ фискъ его имущество.

Общее заключеніе по уголовнымъ наказаніямъ.

Изъ анализа изложенныхъ уголовныхъ наказаній мы невольно приходимъ къ тому выводу, что они построены на принципахъ устрашенія и мести. Но устрашительное начало, въ той формѣ, въ какой оно выражается, — несостоятельно. Устрашительное вліяніе закона на общество можетъ быть достигнуто не принципомъ жестокости, проходящимъ чрезъ наше уголовное право, а такою организаціею суда и полиціи, чтобы преступленія не могли оставаться необнаруженными и безнаказанными, потому что посягающій на преступленіе страшится не жестокости уголовнаго права, а открытія его противузаконныхъ дѣяній. Этотъ фактъ подтверждается тѣмъ, что однѣ репрессивныя мѣры, безъ тѣхъ условій, на которыя мы указали, никогда и нигдѣ не уменьшали преступленій и не сдерживали отъ преступности. Поэтому мы полагаемъ не безполезнымъ уничтожить публичность наказаній, къ которымъ нынѣ прибѣгаютъ, съ цѣлью устрашенія для того, «чтобы другимъ повадно не было», какъ говоритъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Къ тому-же судебная реформа вноситъ и безъ того гласный элементъ въ приговоры юрисдикціи. Также не имѣетъ ни научнаго, ни практическаго значенія принципъ мести, обхватывающій всю систему нашихъ уголовныхъ наказаній и обнаруживающійся тѣмъ, что преступникъ, подвергаясь всѣмъ возможнымъ умственнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ лишеніямъ, приближается къ состоянію близкому животнаго. Не говоря уже о томъ, можетъ-ли общество относиться къ преступнику съ местью, замѣтимъ: развѣ цѣль наказанія — исправить преступника и примирить его съ обществомъ — можетъ быть достигнута мѣрами, скорѣе ожесточающими, чѣмъ примиряющими и исправляющими? — Нѣтъ. Стало быть, отъ тѣхъ основъ, на которыхъ созидаются наши уголовныя наказанія, слѣдуетъ отказаться.

Въ заключеніе скажемъ еще, что общественная польза не должна быть чужда и уголовнаго права. Между тѣмъ подвергнутыя разсмо-

Digitized by Google

трѣнію наказанія идутъ совершенно въ разрѣзъ ей. Такъ, напримѣръ, у насъ ежегодно ссылается въ каторгу и на поселеніе среднимъ числомъ около 5214 человѣкъ (¹). И если предположимъ, что каждый изъ нихъ вырабатываетъ теперь менѣе 100 рублями сер. въ годъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ выработалъ бы на свободѣ или при другихъ, лучшихъ экономическихъ условіяхъ, то теряется ежегодно народнаго богатства на 542,400 р. с. Кромѣ потери такой значительной суммы отъ дурной организаціи быта преступниковъ, общество дѣлаетъ еще непроизводительныя затраты на содержаніе громаднаго количества сторожей, военной силы и цѣлой арміи чиновниковъ для надзора за преступниками и удержанія ихъ отъ побѣговъ и пр. А это отражается на экономическомъ бытѣ народа, который сумму эту, взимаемую съ него путемъ налога, могъ бы употребить на свои матеріальныя нужды, которыхъ у него достаточно....

Изъ изложеннаго становится яснымъ, что уголовное право должно строиться на экономическихъ принципахъ столько же, сколько и на другихъ мѣрахъ, служащихъ къ исправленію преступника и къ огражденію общества отъ безопасности и вреда, пораждаемаго преступленіями.

О. ФИЛИППОВЪ.

(¹) Эта цифра выведена изъ отчотовъ Минис. Юстиціи съ 1851 по 1863 г.

Digitized by Google

ОДНА ИЗЪ НАСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ ДЛЯ МНОГОСТОРОННЯГО ИЗУЧЕНІЯ РОССІИ

(по поводу изданія Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ «Географическо-статистическаго Словаря Россійской Имперіи». Выпуски 1—6. Спб. 1862—64)

Предисловіе «Словаря» начинается стереотипною фразою, что «въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, ощущается настоятельная потребность въ самыхъ отчотливыхъ мѣстныхъ свѣденіяхъ о разнообразныхъ составныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества». Фраза эта заявлялась уже безчисленное количество разъ. Заявленія ея можно принять за фактъ, выказавшійся не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Можно-бы указать на многія учоно-литературныя явленія послѣдняго времени, которыя служатъ дѣломъ этого факта; можно-бы также указать и на многое множество журнальныхъ и газетныхъ толковъ на эту тему, звучащихъ лишь одними словами и словами... Но для нашей цѣли довольно быть увѣреннымъ, что вышеозначенная фраза — все-таки фактъ, котораго нельзя оспаривать.

Однимъ изъ капитальныхъ предпріятій для утоленія такой эпидемической жажды свѣденій о Россіи хочетъ послужить и «Географическо-статистическій словарь», остановившійся на 6-мъ выпускѣ, на буквѣ И. Мы нисколько не противъ этого почтеннаго предпріятія; даже встрѣтивъ въ немъ нѣкоторые недостатки и промахи, мы всетаки желаемъ ему подвигаться впередъ сколько успѣшнѣе относительно собственной его цѣли, столько-же и быстрѣе относительно имъ-же заявленныхъ сроковъ выхода въ свѣтъ послѣдующихъ выпусковъ. Мы только одного боимся на счотъ этого «Словаря», — и кажется боязнь наша имѣтъ основаніе: — мы боимся, что онъ не будетъ имѣть обширнаго круга читателей и займетъ лишь мѣсто на полкахъ казенныхъ библіотекъ да на столахъ спеціалистовъ. А по-

Digitized by Google

добная участь книжнаго труда не вполнѣ говоритъ за его плодотворность.

Дѣйствительно, мы желаемъ знать Россію, и кромѣ того мы убѣждены, что узнать ее возможно и не однимъ тѣмъ путемъ, какой выбранъ «Словаремъ» Географическаго Общества. У него, какъ у общества оффиціальнаго, имѣются свои пути и цѣли; у насъ-же, у нашего неоффиціальнаго русскаго общества, можетъ имѣться нѣсколько другой путь, другая цѣль. Остается опредѣлить — на чьей сторонѣ больше практичности, больше осуществимости въ рѣшеніи задуманной задачи.

Свѣденія о Россіи, собираемыя Географическимъ Обществомъ и вносимыя въ его «Словарь», заимствуются изъ путешествій, которыя предпринимаются или оффиціальными экспедиціями, или-же частными лицами, — изъ статистическихъ работъ и мѣстныхъ изслѣдованій,—изъ множества мелкихъ статей, разбросанныхъ въ громадной массѣ періодическихъ изданій. Географическое Общество задалось цѣлію — собрать всѣ эти разбросанныя свѣденія о Россіи въ *формѣ* наиболѣе доступной для изученія и справокъ. Въ силу этого и является въ свѣтъ «Географическо-статистическій словарь».— Нами имѣется въ виду другая *форма* свѣденій о Россіи; объ ней-то, объ этой формѣ, и будетъ наша настоящая рѣчь.

Мы начнемъ съ того, какъ намъ кажется, безспорнаго положенія, что свѣденія о какой-бы то ни было странѣ собираются главнымъ образомъ путешественниками, будутъ-ли они принадлежать къ составу такъ называемыхъ учоныхъ экспедицій, будутъ-ли они странствовать въ одиночку и на собственныя средства, будутъ-ли они изъ числа тѣхъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые по порученію или-же по собственной охотѣ дѣлятся съ публикой своими трудами и наблюденіями. Словомъ, для изученія края нужны люди бывалые, хотя-бы и неимѣющіе особыхъ мундировъ и особыхъ названій, — люди наблюдательные, способные доставить возможность и другимъ, даже и Географическому Обществу, узнать извѣстный край, извѣстную страну. Отсюда само-собою ясно, что если какое-либо общество хочетъ увеличить запасъ своихъ знаній о какой-либо странѣ, то оно должно стараться какъ можно болѣе облегчить возможность наблюдать, возможность дѣлаться человѣку бывалымъ, опытнымъ, себѣ и другимъ полезнымъ; значитъ, оно въ собственныхъ своихъ интересахъ должно принять близко къ сердцу интересы и такъ называемыхъ путешественниковъ.

Не бойтесь, однако: не о деньгахъ, не о пожертвованіяхъ идетъ здѣсь рѣчь; не въ нихъ однихъ вся суть дѣла. Оно, повторяемъ, заключается между прочимъ и въ *формѣ* собранныхъ уже о странѣ

Digitized by Google

свѣдѣній, формѣ — наиболѣе доступной для изученія и справокъ, а потому и наиболѣе плодотворной. Географическое Общество видитъ такую форму въ издаваемомъ имъ «Словарѣ», мы-же смотримъ на это дѣло нѣсколько иначе.

Кто разъѣзжалъ по Россіи, тотъ не разъ, безъ сомнѣнія, ощущалъ недостатокъ въ какомъ-бы то ни было руководителѣ; при всей своей пытливости онъ не находитъ подъ рукою нужныхъ справокъ, указаній, сопоставленій, объясненій — всего того, что могла-бы дать путешественнику хорошо составленная дорожная книга. Чрезъ этотъ недостатокъ онъ не мало теряетъ: одно у него мелькаетъ мимо глазъ, не обращая на себя должнаго вниманія; другое оставляетъ послѣ себя одни смутныя воспоминанія; многое остается необъясненнымъ и непонятнымъ. Такимъ образомъ наши разъѣзды по Россіи далеко не достигаютъ своей цѣли; пытливость наша остается постоянно неудовлетворенною; острота ея у многихъ чрезъ это значительно притупляется... Вотъ тутъ-то и сознается вполнѣ необходимость такой книги, матеріалъ которой представлялъ-бы собою форму наиболѣе годную для всякаго рода справокъ. Осуществленіемъ этой формы была-бы оказана намъ большая услуга: чрезъ нее можно-бы было избавить людей дорожныхъ отъ той неясности и неудовлетворенности путевыхъ впечатлѣній, отъ которой безполезно приходится терпѣть имъ. И главное — начать эту книгу; а путешественники навѣрное поведутъ ее дальше, улучшатъ матеріалъ ея новыми указаніями, объясненіями и сопоставленіями; но начать слѣдуетъ по возможности добросовѣстно, безъ заднихъ спекулятивныхъ видовъ, лишь въ чистомъ интересѣ самаго дѣла.

Но подобная книга (назовемъ-ли ее дорожною книгою, дорожникомъ, путеводителемъ по Россіи — все равно) должна быть предназначена не для однихъ, такъ сказать, присяжныхъ путешественниковъ, но и для туристовъ вообще, т. е. людей дорожныхъ, какевыбы ни были главныя цѣли ихъ разъѣздовъ, а также и для тѣхъ любознательныхъ домосѣдовъ, которые, любя покой или примиряясь съ нимъ по необходимости, пожелали-бы мысленно прослѣдить различные пути по Россіи. Сообразно такому широкому назначенію, дорожная книга должна послужить какъ можно исправнѣе для повѣрки собственныхъ наблюденій путешественника наблюденіями его предшественниковъ, для указаній на собственно ему предстоящую наблюдательную дѣятельность и для всякаго рода справокъ, облегчающихъ его наблюденія; въ интересахъ туриста она, кромѣ всего сказаннаго, будетъ въ себѣ заключать въ гораздо большихъ размѣрахъ весь тотъ матеріалъ, что обыкновенно вносится въ такъ называемые гиды, которыми такъ обильна литература западной Европы;

Digitized by Google

наконецъ, для изучающаго Россію заочно, для любознательнаго домосѣда, она должна быть книгою не сухихъ справокъ и отрывочныхъ указаній, а живо-составленнымъ и довольно систематически обработаннымъ трактатомъ о Россіи и разныхъ ея концахъ. Такое соединеніе, по-видимому, разнородныхъ цѣлей не должно пугать составителей подобной книги: оно только облегчитъ имъ главную задачу — разностороннее описаніе занимающей насъ страны. Но спѣшимъ при этомъ оговориться, что подъ описаніемъ какой-либо страны мы понимаетъ не одно лишь наглядное знакомство съ нею, легко удовлетворяемое массою встрѣчаемыхъ на пути предметовъ природы и общежитія: наше знакомство съ страною должно идти глубже этой наглядной стороны. Россія для русскаго не только мѣсто красотъ и богатствъ природы, полное удобствъ или же неудобствъ для ѣзды или путешествія, но и подвигъ для жизни — результатъ нашего прошлаго, арена для настоящей и будущей нашей дѣятельности, — продуктъ нашей природы и исторіи.

За матеріалами для подобной книги недостатка не будетъ. Само Русское Географическое Общество говоритъ, что наша географическая литература, «благодаря обилію ученыхъ экспедицій, путешествій, статистическихъ работъ и мѣстныхъ изслѣдованій, совершонныхъ въ особенности въ послѣднее тридцатилѣтіе, богата не только вообще географическими и статистическими матеріалами, но даже хорошими отдѣльными монографіями, до нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи относящимися. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ матеріаловъ разбросана въ безчисленномъ множествѣ малодоступныхъ для публики сочиненій и въ особенности въ массѣ періодическихъ изданій, такъ что пріисканіе всѣхъ печатныхъ источниковъ, относящихся для каждой отдѣльной мѣстности, становится затруднительнымъ не только для массы публики, но и для спеціалистовъ, что было не разъ ощущаемо всѣми принимавшими участіе въ новѣйшихъ ученыхъ экспедиціяхъ, въ разныя части Россіи направленныхъ». — Стало быть, скорѣе можно опасаться, что обиліе и разбросанность матеріаловъ для нашей дорожной книги не позволятъ воспользоваться ими вполнѣ.

Тѣмъ болѣе, что область этихъ матеріаловъ мы принимаемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Сюда относимъ мы не одни оффиціальные указанія и документы, не одни ученые трактаты и статьи научнаго содержанія, но и мимолетныя замѣтки туристовъ, и художественныя описанія поэтовъ, и нравоописательные очерки даровитыхъ повѣствователей; не говоримъ ужъ о народныхъ преданіяхъ, о памятникахъ искусствъ и народной поэзіи...

Раздвигать въ такой широкій кругъ матеріалы для дорожной

Digitized by Google

книги мы въ полномъ правѣ и черезъ это болѣе выиграемъ. Поэтъ-художникъ, даровитый повѣствователь, наблюдательный и остроумный туристъ — часто однимъ выраженіемъ, однимъ штрихомъ своего изобразительнаго пера вѣрнѣе очерчиваютъ картину природы или-же народнаго быта и больше говорятъ нашему воображенію, чѣмъ иной многорѣчивый, хотя и добросовѣстный ученый трактатъ о томъ-же предметѣ. Доказательствъ этого можно-бы привести множество... Что-же до народныхъ преданій и памятниковъ народной поэзіи, то и они — тѣ-же поэтическіе взгляды на окружающій насъ міръ, только ужъ взгляды не одного человѣка — поэта или наблюдателя, а цѣлаго племени, народа.

Отношеніе составителей дорожной книги къ этимъ обильнымъ матеріаламъ должно быть, по нашему мнѣнію, таково, что на первый разъ и на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить ихъ возможно-полную провѣрку, при чемъ, группируя ихъ въ отдѣльныя и разнообразныя картины, можно и не стѣсняться ихъ выраженіемъ, или словесной формой. Собственный опытъ, собственная наблюдательность составителей книги дадутъ критеріумъ, который предпочтетъ то или другое описаніе мѣстности, тотъ или другой штрихъ картины, или-же заставитъ видоизмѣнять имѣющійся подъ руками матеріалъ, сообразно замѣченнымъ въ немъ недомолвкамъ и промахамъ.

Высказавшись въ этихъ общихъ чертахъ о той дорожной книгѣ, которую желательно было-бы получить отъ Русскаго Географическаго Общества или-же отъ другихъ добросовѣстныхъ предпринимателей, мы считаемъ не лишнимъ подробнѣе остановиться на планѣ подобной книги, — тѣмъ болѣе, что для нея нельзя указать на какой-либо образецъ даже и въ заграничной литературѣ. Европейскіе путеводители, или гиды, рѣшительно не подходятъ подъ нашу настоящую цѣль. У насъ жизнь складывалась и складывается такимъ образомъ, что не могла народиться потребность на обиліе и разнообразіе гидовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нашей скудной городской жизни, на что сталъ-бы указывать гидъ? Гдѣ у насъ музеи, картинныя галлереи, всякаго рода городскія достопримѣчательности, описаніемъ которыхъ пришлось-бы наполнить подобный гидъ? Если безъ гидовъ обходятся даже наши столицы, то для остальныхъ городовъ Россіи тѣмъ болѣе не чувствуется въ нихъ потребности. Съ другой стороны, за границей запросъ на гиды вызванъ громаднымъ числомъ путешественниковъ; тамъ, помимо достиженія другихъ цѣлей, выгодно издавать гиды, какъ предметъ промышленной спекуляціи... У насъ-же гдѣ путешественники, въ заграничномъ смыслѣ этого слова? и могъ-ли на ихъ счотъ образоваться книжный про-

Digitized by Google

мыселъ?.. Правда, затѣвались-было и у насъ кое-какія попытки на манеръ заграничныхъ гидовъ; да предпринятыя на авось, онѣ едвали набили деньгами карманы предпринимателей... Словомъ, ни обилія путешественниковъ, ни обилія достопримѣчательностей (въ западно-европейскомъ значеніи этихъ словъ) у насъ нѣтъ, а потому нѣтъ и не можетъ быть у насъ чего-либо подобнаго, по качеству и по количеству, гидамъ западно-европейской литературы. Можно даже навѣрное сказать, что если-бы и появился у насъ даже и хорошій, добросовѣстно-составленный гидъ (все въ томъ-же заграничномъ смыслѣ этого слова), то онъ не удостоится вниманія со стороны нашихъ разъѣзжающихъ по Россіи людей, а помѣстится развѣ на столѣ какого-нибудь нашего археолога, какъ нѣчто годное только для его спеціальныхъ занятій. Скажемъ рѣшительно: намъ необходимы гиды, путеводители, въ новомъ, а не въ западно-европейскомъ родѣ, на которыхъ лежитъ толстый осадокъ рутины жизни и науки.

Но лучше всего объяснимся примѣрами.

Положимъ, что кто-либо изъ нашихъ непосѣдныхъ и пытливыхъ людей задался-бы мыслію—прослѣдить во-очію успѣхи нашей колонизаціи. Извѣстно, что мы не имѣемъ исторіи этой колонизаціи, хотя-бы она могла быть для насъ весьма поучительною, — мы голословно только споримъ, способенъ или-же неспособенъ къ колонизаціи русскій народъ. Къ тому-же, въ самомъ дѣлѣ, характеръ завѣдомыхъ намъ успѣховъ русскаго человѣка какъ колонизатора носитъ въ себѣ двойственность: то мы видимъ иниціативу нашей колонизаціи въ народѣ, то онъ является въ этомъ дѣлѣ страдательнымъ лицомъ; то съ ничтожными средствами онъ достигаетъ громадныхъ результатовъ, то, вооруженный значительными силами, онъ тратитъ ихъ непроизводительно или-же ради мнимыхъ выгодъ; съ одной стороны стоятъ древніе новгородцы, колонизаторы дальняго сѣвера, Строгоновъ, подвижники пермскаго края, Ермаки и Хабаровы, добывшіе Сибирь; съ другой... но именно эта другая сторона такъ еще молода, что надъ нею нужно производить наблюденія, а не произносить окончательный приговоръ. Рано еще восхищаться способностями русскаго человѣка какъ колонизатора, рано и отчаяваться въ томъ, что онъ утратилъ способность и сочувствіе къ колонизаціи. Нужны наблюденія, которыя-бы больше и больше разъясняли это дѣло. Изъ нихъ-то, изъ этихъ наблюденій, и составится со временемъ достовѣрная исторія нашей колонизаціи, а для появленія этой исторіи необходимо прослѣдить успѣхи или неудачи колонистовъ, шагъ за шагомъ, въ различныхъ мѣстностяхъ русскаго края, на

Digitized by Google

городахъ его, на станицахъ, на дорогахъ, на всей почвѣ колонизированныхъ его концовъ. Только этимъ медленнымъ путемъ, прежде чѣмъ дойдемъ до окончательныхъ выводовъ, мы ясно и точно можемъ оцѣнить всю колонизаторскую силу или-же всю слабость, потому что въ состояніи будемъ опредѣлить всѣ препятствія, противопоставляемыя колонизирующей силѣ природою и людьми-туземцами. — Что́-же можетъ для всего этого дать пытливому, непосѣдному человѣку по-заграничному составленный гидъ?.. Пойдемъ далѣе. Успѣхи дальнѣйшей нашей колонизаціи, каково-бы ни было ея прошлое, несомнѣнно требуютъ отъ насъ наибольшаго знакомства съ мѣстомъ предстоящихъ намъ успѣховъ или неудачъ на этомъ полѣ; такъ или иначе, но мы пришли въ соприкосновеніе съ инородцами и они дѣлаются нашими братьями по обществу, нашими согражданами по государству. И вотъ на насъ падаетъ обязанность разгадать вполнѣ весь общественный складъ инородческаго племени, т. е. изучить его организмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, и въ причинахъ этихъ проявленій отличить части его, полныя жизни, отъ частей, отжившихъ свое и поддерживаемыхъ лишь обстоятельствами, посторонними самому организму... Только изучивши до подробностей нравы и обычаи этого инородческаго племени, мы въ правѣ надѣяться на прочность сліянія его съ нами, на помощь отъ его свѣжихъ непочатыхъ еще политическою жизнію силъ, а также на то, что и оно въ свою очередь не встрѣтитъ въ насъ тѣхъ ярыхъ цивилизаторовъ, которымъ ни по чемъ никакая ломка въ общественномъ складѣ быта, выработаннаго вѣками, сложившагося совершенно при иныхъ отъ нашихъ обстоятельствахъ... Спрашиваемъ опять: чѣмъ можетъ услужить нашему спеціалисту-путешественнику, заинтересованному дѣломъ нашей колонизаціи, по-заграничному составленный гидъ? Есть-ли тамъ рубрики, которыя-бы наполнялись матеріалами, вполнѣ пригодными для такой спеціальной цѣли?..

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе общій. Предположимъ, что мы ѣдемъ по самымъ безлюднымъ нашимъ пространствамъ, отличающимся самою, такъ сказать, безпредметностью для наблюденій проѣзжаго, — мы ѣдемъ степью. Что въ ней для европейскаго гида? Гдѣ ея достопримѣчательности? Развѣ курганъ какой-нибудь, развѣ скиѳская каменная баба... Голь да просторъ — и только; пожалуй, можно прибавить, что и тутъ есть дороги, хоть и не всегда проѣзжія, а станціи вотъ такія-то... Вотъ и все. Такимъ манеромъ много-много десяткомъ строкъ вы очертили-бы для проѣзжаго весь его тяжолый, нѣсколько-дневный путь. И можно-ли надѣяться, что тоска проѣзжаго, тоска отъ безпредметности для его наблюде-

Digitized by Google

ній, разсѣется такимъ услужливымъ десятистрочнымъ заявленіемъ объ окружающей его степной глуши? Разшевелится-ль его мысль?.. Но ту-же степь можно оживить передъ пытливымъ проѣзжимъ тысячью предметовъ, вызывающихъ на размышленіе. Эта степь, однако-же, имѣетъ свою геологическую постановку и весьма любопытный свой геологическій составъ, обусловливающій тотъ или другой жизненный ея видъ; ея безлюдье кишитъ, однако-же, жизнью животной и растительной; ея большею частію тоскливый колоритъ представляетъ свои любопытныя метеорологическія явленія и красоты; наконецъ самое безлюдье ея имѣетъ свою исторію: тутъ проходили и кочевали многіе племена — и что было съ ними, прежде чѣмъ натерли здѣсь эти колонизаторскія дороги, съ ихъ станціями и станицами, съ ихъ мостками и гатями черезъ рѣчки и балки? И какъ распоряжаются тутъ сами колонисты? И что извлекаютъ изъ степей ихъ нужда и сметка?..

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какіе вопросы должно имѣть въ виду при составленіи русской дорожной книги. И хотя мы въ этихъ примѣрахъ коснулись, по-видимому, только окраинъ русской территоріи, но, кажется, не будетъ большой ошибки, если мы скажемъ, что и вся она для нашихъ немногихъ цивилизаторовъ такой-же незнакомый организмъ, какимъ безспорно оказываются въ нашихъ глазахъ ея инородческія окраины. *Представить на поставленные нами вопросы если не отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ данныя, необходимыя для уясненія этихъ вопросовъ*, — вотъ и будетъ для насъ хорошій дорожникъ, который окажется очень почтенною книгою: въ ея средствахъ — принести громадную научную пользу; она — необходимый матеріалъ для землевѣденія и обществовѣденія.

По нашимъ надобностямъ, по складу нашей жизни, русская дорожная книга, въ *ея цѣломъ* или-же въ *частяхъ*, и не должна быть иною. Нечего жалѣть, что на нашихъ путяхъ мало пищи для рутинныхъ гидовъ. Ихъ текстъ не содержитъ въ себѣ самаго важнаго матеріала дорожныхъ впечатлѣній; удовлетворяя праздному любопытству туристовъ, они оставляютъ на сметку путешественника объясненіе самыхъ насущныхъ явленій жизни; толкуя съ кропотливыми подробностями о какихъ-нибудь развалинахъ, о сомнительнаго достоинства произведеніяхъ искусства, они забываютъ настоящее и несомнѣнное — весь матеріалъ для антропологіи и естествознанія. Для этого въ любой гидъ нужно-бы вплести множество бѣлыхъ листовъ и наполнять ихъ замѣтками по мѣрѣ наблюдательныхъ средствъ каждаго проѣзжаго. Но не всѣ путешественники руководятся одинаковыми цѣлями: для однихъ пріятно исписывать бѣ-

Digitized by Google

лые листы дорожника собственными наблюденіями, для другихъ — пріятнѣе вовсе не встрѣчать бѣлыхъ листовъ, но за то встрѣчать побольше всякаго рода указаній и объясненій; первые поучаютъ, вторые сами поучаются; но все-же, и тѣ и другіе, равно останутся въ выигрышѣ, когда для своихъ спеціальныхъ цѣлей они найдутъ въ дорожной книгѣ какъ можно больше матеріаловъ. Эти-то матеріалы дорожной книги необходимо, по нашему мнѣнію, размѣстить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Кромѣ указаній путевыхъ, т. е. всего того, что вносится въ обыкновенные *дорожники*, какъ матеріала дѣйствительно нужнаго для каждаго проѣзжаго, желательно-бы было доставить путешественнику и такое удобство, что на какомъ пунктѣ проѣзжаемой мѣстности онъ ни остановилъ-бы свое вниманіе, — на все онъ долженъ встрѣтить въ дорожной книгѣ удовлетворительное объясненіе. Желательно, чтобы онъ вполнѣ въ ней указаніе на географическое положеніе и на географическія условія проѣзжаемой мѣстности, что вмѣстѣ составляетъ такъ называемый *характеръ страны*, ея природную физіономію. Въ опредѣленіи этой физіономіи дорожная книга можетъ заимствовать у поэтовъ-описателей такъ называемый *живописный элементъ*, вѣрно схваченный глазомъ поэта и художественно переданный его перомъ: это замѣнитъ карандашъ и кисть живописца... Но главнымъ образомъ эта физіономія опредѣляется *естественными богатствами* края — его флорой и фауной. — На мѣстность дѣйствуетъ человѣкъ, видоизмѣняя ее въ теченіе извѣстнаго времени, такъ или иначе по ней распредѣляясь, такъ или иначе пользуясь ея удобствами и неудобствами для всей своей многосторонней дѣятельности, такъ или иначе видоизмѣняясь и самъ подъ ея неотразимымъ вліяніемъ. Взаимнодѣйствіе съ одной стороны условій мѣстности, съ другой-же силъ человѣка составитъ въ дорожной книгѣ матеріалъ для *статистическихъ* и *физіологическихъ* изысканій надъ обществомъ. Кажется уже и этихъ отдѣловъ дорожной книги довольно для любознательности путешественника. Но если, независимо отъ отдѣльныхъ картинъ мѣстности и общественной жизни, онъ встрѣтитъ на пути какой-нибудь памятникъ искусства, какую-либо историческую достопримѣчательность, выдающуюся изъ круга обычной современной намъ жизни природы и общества, то въ дорожной книгѣ должны найтись и *археологическіе* объясненія. Кромѣ всего этого важно еще знать, въ какой мѣрѣ свѣдѣнія наши относительно проѣзжаемой мѣстности полны и вѣрны, насколько они могутъ быть приняты въ капиталъ положительныхъ знаній въ настоящемъ и насколько въ нихъ заключается данныхъ для пополненія этого капитала въ будущемъ:

Digitized by Google

все это должно быть показано въ обозрѣніи *литературы предмета*, т. е. въ перечнѣ и оцѣнкѣ тѣхъ сочиненій, которыя касались предметовъ дорожной книги.

И такъ, дорожная книга должна заключать въ себѣ свѣденія, 1) *дорожныя*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. указаніе станцій, ихъ разстояній, ихъ удобствъ; расписаніе путевыхъ издержекъ и условія ѣзды; 2) *географическія*, *оро-* и *гидрографическія*: широта и долгота мѣста, высота надъ уровнемъ океана, разстояніе отъ близьлежащихъ пунктовъ; орографія и гидрографія проѣзжаемой мѣстности; свойство почвы, ея относительная давность, условія для жизни — климатъ, естественныя произведенія и проч.; 3) *историческія*, захватывающія какъ можно древнѣе бытъ обитателей проѣзжаемой страны и объясняющія настоящее ихъ положеніе; историческіе памятники и вообще все то, что извѣстно подъ именемъ историческихъ достопримѣчательностей, встрѣчающихся на пути; 4) *этнографическія*, т. е. происхожденіе жителей, ихъ повѣрья, нравы, обычаи, ихъ характеръ, занятія и бытъ; 5) *статистическія*, относительно какъ цѣлой области, такъ и порознь о всѣхъ проѣзжаемыхъ городахъ, станицахъ, селеніяхъ, мѣстечкахъ и т. п.; 6) *библіографическія* — указаніе сочиненій и статей, въ томъ или другомъ отношеніи знакомящихъ съ проѣзжаемою мѣстностью, оцѣнка этихъ сочиненій... Всѣ эти свѣденія должны по большей части размѣститься въ дорожной книгѣ не отдѣльными рубриками, а по возможности слиться между собою, составивъ такимъ образомъ энциклопедію нашихъ знаній о Россіи, но не въ сухой формѣ словаря, а въ живомъ текстѣ путешествія...

Можно предвидѣть возраженія на такой широкій планъ дорожной книги. Но развѣ менѣе широкъ планъ и «Географическо-статистическаго словаря», если только не понимать подъ словами *географическій* и *статистическій* слишкомъ узкихъ терминовъ, далеко необнимающихъ собою всѣхъ сторонъ землевѣденія и обществовѣденія? Развѣ составители этого «Словаря» не заявили сами о громадности предпринятыхъ ими работъ? Развѣ работы эти по силамъ одного человѣка? — Также точно и мы не думаемъ, чтобы «дорожная книга» не представила для составителей ея массы справокъ и труда, чтобы на составленіе ея достаточно было силъ одного человѣка. Но въ этой кропотливой работѣ, въ этомъ трудномъ дѣлѣ подведеніе итоговъ нашимъ знаніямъ о Россіи, мы все-же предпочитаемъ форму «дорожной книги» формѣ «словаря», потому что видимъ въ первой больше жизни и практичности, во второй-же — больше сухости, мертвечины, безплодности. Дорожную книгу можно составлять по частямъ, и каждая ея часть — уже капиталъ,

Digitized by Google

приносящій свои проценты, умственные и матеріальные; части эти непремѣнно будутъ расходиться по рукамъ разъѣзжающихъ людей... Но такъ-ли дѣло идетъ съ «Словаремъ?» И онъ выходитъ выпусками: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ дошолъ до буквы К, и скоро-ли достигнетъ конца — намъ неизвѣстно, а между тѣмъ только въ цѣломъ своемъ составѣ онъ можетъ послужить годною для справокъ книгою. Что-же дѣлать съ настоящими его отдѣльными выпусками? Куда обратиться за справкой, если она начнется даже съ буквы К? Кто раскупаетъ эти отдѣльные выпуски, а слѣдовательно кого они и обогащаютъ запасомъ своихъ свѣдѣній о Россіи?

При той программѣ, какую мы назначаемъ для «дорожной книги», она должна явиться очень почтеннымъ трудомъ, за который не стыдно-бы приняться даже Русскому Географическому Обществу. Прибавьте къ ней *алфавитный указатель* — книга эта дастъ изъ себя и словарь для отдѣльныхъ справокъ, а между тѣмъ, кромѣ ихъ, она получаетъ еще большое научно-образовательное значеніе. Мы вышли изъ той мысли, что всякое общество, желающее увеличить запасъ свѣдѣній объ извѣстной странѣ, должно стараться какъ можно больше облегчить возможность наблюдать, возможность дѣлаться человѣку бывалымъ, опытнымъ, себѣ и другимъ полезнымъ, что оно въ собственныхъ своихъ интересахъ должно принять близко къ сердцу интересы и такъ-называемыхъ путешественниковъ. Этою мыслію и закончимъ. Пора вырвать изъ рукъ промышленниковъ составленіе гидовъ съ чисто-промышленными цѣлями, пора возвысить ихъ на степень книгъ научнаго достоинства, расширяющихъ знаніе, науку, слѣдовательно — благосостояніе народа. Такъ-называемыя «путешествія» перестаютъ уже считаться книгами легкаго содержанія, т. е. книгами, написанными для забавы и празднаго препровожденія времени; съ другой стороны и путешествія, quand-même, также признаются однимъ изъ могущественныхъ средствъ для самообразованія. Неужели-жъ при такомъ взглядѣ на дѣло путешествій, необходимое пособіе для нихъ гиды, или путеводители, должны оставаться съ прежнимъ, чисто промышленнымъ значеніемъ?.. Общественныя науки все больше и больше привлекаютъ на себя вниманіе: но въ чемъ-же главнымъ образомъ черпаютъ матеріалъ свой эти науки? Статистика, политическая экономія, физіологія общества — не въ данныхъ-ли, добытыхъ трудами путешественниковъ, находятъ множество указаній для своей разработки? А географія, со всѣми своими развѣтвленіями, а естественныя науки — кому обязаны громаднымъ запасомъ своего содержанія, какъ не путешествіямъ? Но напрасно даже и перечислять всѣ области знанія, обязанныя такъ много путешествіямъ пытливыхъ

Digitized by Google

людей... Извѣстенъ фактъ, что чѣмъ больше знаемъ, тѣмъ еще больше стремимся знать. Приложите этотъ фактъ къ путешествіямъ: если, безъ всякихъ путеводителей или же съ очень дурными, путешественники такъ производительно дѣйствуютъ на расширеніе нашихъ знаній, то насколько увеличится доставляемый ими научный матеріалъ, когда въ рукахъ ихъ окажутся хорошія дорожныя книги? На сколько увеличатся при этомъ условіи число самихъ полезныхъ путешественниковъ, большею частію теперь или вовсе непроизводительныхъ, или-же повторяющихъ зады?..

Всѣ эти соображенія, надѣемся, убѣдительны, чтобы оправдать даваемое нами значеніе и *русской дорожной книгѣ*, которая можетъ явиться на свѣтъ если не въ полномъ своемъ составѣ, то въ отдѣльныхъ частяхъ; понятна, надѣемся, и вся настоятельная потребность въ нихъ, какъ въ книгахъ большаго научнаго значенія...

Н. ВОРОНОВЪ.

1864 г.

Digitized by Google

НАШИ БРАКОНЬЕРЫ

ЛЕГЕНДА

I

Старый охотникъ

«Охотникъ по страсти» считаетъ за великое торжество— поймать какого-нибудь пламеннаго юношу на удочку своихъ розсказней о радостяхъ, волненіяхъ и наслажденіяхъ охоты, увлечь съ собой, посвятить въ таинства своего искусства, развить въ немъ врожденную, еще не имѣвшую случая обнаружиться кровожадную наклонность къ истребленію живыхъ существъ, и наконецъ зачислить его самого въ число ревнивыхъ и терпѣливыхъ охотниковъ. Испытывая подобное торжество, старый охотникъ, уже нѣсколько притупившійся къ повторяющимся охотничьимъ наслажденіямъ, снова чувствуетъ знакомое трепетное блаженство, напоминающее ему то золотое время, когда отъ волненія ружье тряслось въ его рукахъ, а сердце ходенемъ-ходило и высоко подымало молодую, здоровую грудь. Да, золотое, блаженное время! Кто изъ страстныхъ охотниковъ не вспоминаетъ его подчасъ съ самодовольно-грустной улыбкой, не сожалѣетъ объ утратѣ молодыхъ порывовъ, юношескихъ увлеченій и тѣсно связанныхъ съ ними ошибокъ?... Увы! опытность и привычка притупляютъ человѣка и кладутъ прозаическія клейма на многое, что оживляетъ и украшаетъ монотонное теченіе жизни....

Digitized by Google

Увлекая юношу въ охотничій міръ, старикъ въ своемъ ученикѣ вновь переживаетъ невозвратимое прошедшее,—и жажда такихъ торжествъ въ свою очередь дѣлается страстью, маніей, чуть не цѣлью жизни...

Именно торжество такого рода испытывалъ Евграфъ Никанорычъ Бутылкинъ, старѣйшій, опытнѣйшій и славнѣйшій нашъ В—кій охотникъ, весною 185... года. На его долю достался юноша—нѣкій Андрей Андреичъ Скородумовъ—страстный по натурѣ, болѣзненно-мечтательный, увлекающійся до крайности: словомъ, юноша былъ находка! Евграфъ Никанорычъ испытывалъ блаженство, которому нѣтъ выраженія: пятидесятилѣтній охотникъ помолодѣлъ, словно двадцать лѣтъ съ костей сбросилъ.

Бутылкинъ былъ владѣлецъ крошечнаго домика на самомъ краю губернскаго города и помѣщикъ 12-ти заложенныхъ въ приказѣ душъ,—и то, и другое, взятое вмѣстѣ, не могло достаточно удовлетворять его житейскія потребности, а потому онъ около четверти столѣтія состоялъ въ должности помощника архиваріуса губернскаго правленія, откуда и получалъ единственно за показъ своей личности, да развѣ за постоянство, около 200 р. сер. Итого—доходы Евграфа Никанорыча простирались до 300 р. сер.; при умѣренной жизни, при сдержанности житейскихъ наклонностей, при исключительной, но не разорительной страсти къ ружейной охотѣ, Евграфу Никанорычу доставало этихъ доходовъ, даже съ избыткомъ. Избытокъ расходовался на покупку разныхъ охотничьихъ прихотей: пороховницъ, дробовиковъ, пистонницъ, ягдташей,—такъ что у Бутылкина составилась цѣлая коллекція этихъ принадлежностей, хотя не отличающаяся ни разнообразіемъ, ни богатствомъ, но вполнѣ удовлетворявшая владѣльца. Что касается до ружейной части, здѣсь Евграфъ Никанорычъ былъ патріотомъ и считалъ себя совершенно обезпеченнымъ, обладая двухствольнымъ тульскимъ ружьемъ, о которомъ разсказывалъ чудеса.

Это ружье, братецъ ты мой (г-нъ Бутылкинъ имѣлъ способность и обыкновеніе съ каждымъ послѣ перваго-же свиданія быть на «ты»,—людей, которымъ ужъ никакъ нельзя говорить «ты», онъ дичился и обѣгалъ), чудомъ

Digitized by Google

только я пріобрѣлъ, истинно говорю—чудомъ... И во снѣ не снилось быть обладателемъ этакой диковинки... Вѣдь оно за сорокъ сажень—какъ пить дастъ... а какъ дробью-то бьетъ! какъ прикладисто!.. Ди-ко-ви-на!—а крѣпость какая: положи пять зарядовъ,—вынесетъ, смѣло пали!.. Даромъ, что русское издѣліе, да всякую иностранщину въ щель забьетъ (впрочемъ объ иностранныхъ-то ружьяхъ Евграфъ Никанорычъ и понятія пока не имѣлъ): это-то мнѣ, какъ человѣку русскому, пуще всего!.. Да что и толковать: сотенное ружье, генеральское ружье! Было оно, братецъ ты мой, привезено изъ Тулы покойному генералу Маршину... Самъ ты, я чай, знаешь,—покойникъ Ѳедоръ (нашъ герой имѣлъ обыкновеніе всѣхъ, даже и генераловъ, называть за глаза однимъ именемъ) любилъ таки попуделять,—онъ только изъ отвода въ поле попадалъ,—знатный былъ охотникъ!.. Вотъ онъ разъ весной, эдакъ въ первыхъ числахъ Іюня, и пошолъ потѣшиться за Терентьево. Мужички его не долюбливали и давненько на него зубы точили... Нашолся человѣкъ — далъ знать мужичкамъ,—не зѣвай-молъ, робятушки!.. Надо тебѣ сказать, братецъ ты мой, — у Ѳедора была тамъ, на Бычковѣ, лапушка, красавица писаная,—скажу тебѣ—не совру,—королевна!... вотъ онъ къ ней-то, соколъ къ соколёнѣ, и пробирался подъ видомъ охоты. Мужичонки терентьевскіе маха не дадутъ, на томъ стоятъ щельмы нерѣзаныя, — ракаліи мужики!.. Подослали ему на встрѣчу охотничка—и съ дичью. Обробѣлъ мой Ѳедоръ—онъ все купленую дичь за свою выдавалъ—«продай-молъ утокъ?»—«Изволь, говоритъ, баринъ, для-ча не продать!»—это-то ему и надо. Ну, купилъ Ѳедоръ пару тетеревей, чернышей матерѣющихъ, и съ торжествомъ тащится—пыхтитъ къ своей разлапушкѣ, какъ вдругъ его окружили: «держи, робята! до Петровокъ охотиться не велятъ, къ становому его!» Туда-сюда мой Ѳедоръ, и грозилъ и ласкался,—ничто не беретъ,—не на такихъ попалъ! нечего дѣлать, — простился вѣдь, братецъ ты мой, съ ружьецомъ!.. А мужички-то ко мнѣ,—свои люди, котораго ни возьми—все пріятель,—далъ имъ двадцатипятирублевенькую, и осталось ружьецо у меня... А тотъ, Ѳедоръ-отъ, братецъ ты мой, послѣ исправнику строго-на-строго наказалъ: хоть трес-

Digitized by Google

ни, чтобъ ружье было найдено, грабежъ это, говоритъ, дневной грабежъ!.. Искалъ-искалъ исправникъ, весь земскій судъ, голубчикъ, разослалъ,—недѣли двѣ всѣ дѣла въ судѣ стояли,—чуть съ мѣста, братецъ ты мой, не слетѣлъ... Такъ и отступился отъ ружья мой Ѳедоръ: сгинуло да пропало, словно въ морѣ утонуло!... Ужъ и ружье! умирать стану—велю съ собой въ гробъ положить! — такъ-таки и въ завѣщаньи обозначу: «парчи не покупать, а ружье въ боку положить!»

Но кромѣ этой знаменитости, у Евграфа Никанорыча симметрически висѣли на вѣтвистомъ, пожелтѣвшемъ отъ времени оленьемъ рогѣ: отмѣнно длинная фузея для гусей и утокъ, да старинная винтовка—безъ всякаго назначенія въ сущности, а по разсказамъ хозяина назначенная для медвѣдей; наконецъ штуки четыре кремневыхъ ружей, накупленныхъ по случаю, за дешовую цѣну. Порохъ и дробь всѣхъ возможныхъ номеровъ Евграфъ Никанорычъ запасалъ чуть не пудами. Любимая комната его представляла совершенный арсеналъ, гдѣ всевозможныхъ вооруженій хватило-бы для десяти охотниковъ; порохомъ, который тутъ хранился, можно-бы взорвать весь миніатюрный домикъ. Кстати о домикѣ. Помѣщеніе въ отелѣ г-на Бутылкина было весьма незатѣйливое; число комнатъ обозначить цифрой право затрудняюсь. На первомъ планѣ—что-то въ родѣ залы, съ диваномъ, креслами и стульями, обитыми кожей, съ картинами, изображающими какихъ-то некрасивыхъ генераловъ, съ гераніумами и китайскими розанами на оконцахъ; на второмъ планѣ — охотничій кабинетъ — арсеналъ, о которомъ мы уже говорили, а теперь прибавимъ только, что здѣсь изображенія разнокалиберныхъ собакъ, вырѣзанныя изъ «журнала коннозаводства», весьма успѣшно соперничали съ зальными портретами; въ третьихъ, довольно грязная спаленка съ кроватью, на которой лежалъ очень жосткій тюфякъ; въ четвертыхъ, комнатка, граничащая со спальней: въ ней очень удобно помѣщались три большія собаки Евграфа Никанорыча: супруги Касторъ и Діанка (странное бракосочетаніе!), оба французской породы, назначенные для воспроизведенія себѣ подобныхъ и для охоты за утками, да уже взрослое

Digitized by Google

чадо этой почтенной четы—слюнявый кобель Дундасъ (имя, такъ и вѣющее крымской компаніей), назначенный для охоты за красной дичью,—а въ дополненіе штукъ пять малолѣтнихъ (вѣрнѣе-бы *малоденныхъ*) произведеній той-же четы. Безъ щенковъ Евграфъ Никанорычъ не оставался почти никогда; собакъ онъ любилъ до страсти и вовсе не возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ комнатахъ его всегда присутствовалъ нѣкоторый ударяющій по носу запахъ псинкой. Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ субъектовъ, на дворѣ еще бѣгала дворняшка съ загнутымъ къ верху хвостомъ, по имени Шарикъ; но она рѣдко удостоивалась чести находиться въ апартаментахъ своего повелителя и сопровождала его только изрѣдка на охоту за бѣлкой;—но какъ предано было это животное хозяину, какъ заботливо, какъ чутко охраняло его владѣнія, и какъ безподобно исполняло свое дѣло въ лѣсу: безукоризненно выслѣживая и подлаивая вычистившуюся октябрскую бѣлку! верхочуткій Шарикъ не увлекался ни разу зигзагами *косого*, не метался изъ стороны въ сторону,— вѣрно, безошибочно, съ неподражаемымъ тактомъ велъ охотника...

Чтобы окончательно познакомить читателя съ нашимъ знаменитымъ охотникомъ, скажемъ, что не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, онъ не казался старикомъ по наружности; правда, кудрявая голова его нѣсколько серебрилась, а борода—если не прогулялась по ней въ продолженіи двухъ-трехъ дней бритва — представляла зрѣлище, совершенно подобное хорошей, блестящей свиной щетинѣ; но плотность тѣлосложенія, бѣглость и быстрота открытаго взгляда карихъ глазъ, бойкость рѣчи, развязность ухватокъ, — все это сильно молодило Евграфа Никанорыча: охотники и сослуживцы называли его «выбережкомъ», жеребцомъ, круглякомъ, кремнемъ, желѣзнякомъ и тому подобными названіями.

Digitized by Google

II

Новобранецъ

Обратимся къ юному сподвижнику,—новобранцу Бутылкина.

Андрюша Скородумовъ воспитывался въ какой-то столичной школѣ. Отличаясь богатой памятью и бойкимъ соображеніемъ, онъ въ наукахъ, говоря школьнымъ терминомъ, успѣвалъ, но никакъ не могъ ужиться съ дисциплиной форменнаго воспитанія. Когда отецъ его, — старый полковникъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма»,— умеръ и надъ Андрюшей не тяготѣло болѣе родительское наблюденіе, тогда (но не раньше) нашъ юноша далъ полную волю своему горячему характеру и при первомъ удобномъ случаѣ пустилъ подсвѣчникомъ въ нѣкоторую усатую физіономію. За такое геройство, восхитившее всѣхъ школьниковъ, но не согласное съ дисциплиной, Скородумова, еще по великой милости начальства, изгнали изъ училища. Андрюша торопливо скинулъ куртку, облекся въ чорный сюртукъ и, чувствуя себя уже далеко не ребенкомъ (ему стукнуло восемнадцать), началъ свое житейское поприще блистательно: завелъ интимную интрижку съ сосѣдкой, тридцати-лѣтней смазливой вдовицей, весьма лакомой для такихъ птенцовъ. Вдовица оказалась еще землячкой Андрея Андреича и собиралась на вѣки покинуть блестящій Петербургъ, гдѣ оставила бренный трупъ своего мужа—помощника смотрителя нѣкотораго зданія (престранная должность, неуступающая исправляющему должность заштатнаго члена). У Софьи Алексѣевны были денежки, а у Андрюши единственный чорный сюртукъ былъ сшитъ въ долгъ: слѣдовательно, кромѣ блаженства первой любви, нашъ юноша нашолъ у хорошенькой вдовы довольно зазорное удовольствіе кредита, возможность брать деньги взаймы безъ отдачи. Онъ даже скоро переселился на квартиру Софьи Алексѣевны, на полное ея иждивеніе.

— Поѣдемъ-ка въ В., сказала какъ-то вдовушка,—тамъ и жизнь дешевле, да и веселѣе, проще, спокойнѣе!...

Digitized by Google

— А у меня тамъ есть имѣньице,—подхватилъ Андрюша, уже давно замышлявшій перелетѣть въ наслѣдственную Скородумку, да до сихъ поръ коверъ-то самолетъ не попадался—Ѣдемъ, ѣдемъ! сказалъ онъ, краснѣя отъ радости ѣхать на чужой счотъ:—поселимся у меня въ деревнѣ, ты станешь хозяйничать, а я буду любить и любоваться тобой и твоимъ хозяйствомъ; будемъ ходить за грибами, за ягодами, купаться въ веселой Скородумкѣ, иногда и почитывать любопытныя книжки,—отецъ накопилъ ихъ сотню не одну... То-то будетъ весело... А мѣста-то, мѣста-то какія! просто прелесть!.. Лѣсъ, рѣка, горки, холмики—просто вѣдь Швейцарія въ нѣкоторомъ родѣ!..—Андрюша не шутя вѣрилъ въ полное и долговѣчное счастіе, планъ котораго начертилъ своей возлюбленной.—«Нужда меня не коснется,» разсуждалъ онъ,—«буду жить безъ заботъ, спокойно, на волѣ; женщина, которую люблю, всегда будетъ со мной,—чего еще болѣе?»

И вотъ наши пастушки помчались въ свою Швейцарію, гдѣ и поселились, довольные, счастливые...

Однако вмѣсто ознакомленія съ личностью Андрея Андреича, я разсказалъ читателю кое-что изъ его жизни,—но въ чемъ-же, какъ не въ жизни, и выражается человѣкъ?—Слѣдовательно говорить о личности Скородумова я считаю излишнимъ,—развѣ сказать слова два-три о наружности, хотя и тутъ догадливость читателя могла-бы избавить меня отъ большого грѣха—пустословія. Андрюша,—какъ быть слѣдуетъ,—высокій ростъ, лицо свѣжее, румяное, украшенное свѣтло-сѣрыми глазами и вьющимися бѣлокурыми волосами; въ манерахъ нѣкоторая пылкость, торопливость, въ голосѣ страстность и звуки серебра...

И такъ перейдемъ къ главной нити повѣствованія.

Могъ-ли думать Андрюша годъ тому назадъ, т. е. до пріѣздѣ въ Скородумку, что изъ пріятнаго, нѣжнаго плѣна Софьи Алексѣевны онъ попадетъ въ такой по видимому скучный, грубый плѣнъ Евграфа Никанорыча?—Конечно нѣтъ,—но тѣмъ не менѣе это случилось, и случилось такимъ образомъ.

Прошло около полугода, какъ поселился нашъ юноша въ своей Швейцаріи—полгода самаго лучшаго времени для

Digitized by Google

сельскихъ и любовныхъ наслажденій, т. е. весна и лѣто. Чорная осень пришла съ туманами, грязью и цѣлымъ потокомъ проливныхъ дождей: тутъ всякая идиллія будетъ сентябремъ смотрѣть!.. Подъ вліяніемъ погоды, хотя наши пастушки до сихъ поръ жили все еще душа въ душу, на ясное утро ихъ любви стали набѣгать тучки не тучки, а облачка маленькія—«бѣлокудрое руно», по выраженію затѣйливаго стихотворца; источникомъ ихъ была скука, все болѣе и болѣе одолѣвавшая Андрюшу, а результатомъ были размолвки, сцены и проч. Въ это самое время Евграфъ Никанорычъ охотился за дупелями и подъ самой Скородумкой нашолъ такое мѣстечко, что ай-люли! Но охотясь здѣсь, онъ не миновалъ встрѣчи съ хозяиномъ: они познакомились.

— Ну, мѣстечко-же у васъ, говорилъ Бутылкинъ, — просто, батюшка, умирай съ ружьемъ!.. И вѣдь что за дупели: комокъ жиру, просто такъ-таки одинъ комокъ жиру— и больше ничего, перо даже не держится,—взялъ, такъ отъ рукъ недѣлю будетъ жиромъ вонять!.. Валгалла у васъ подъ носомъ, а вы объ ней и понятія не имѣли. Да, братецъ ты мой, именно Валгалла!..

III

Бутылкинъ какъ ораторъ

Читатель совершенно пойметъ радость юноши при этомъ неожиданномъ знакомствѣ, которое началось, какъ подобаетъ, легкимъ разговоромъ объ охотѣ, разсказомъ Евграфа Никанорыча о знаменитомъ генеральскомъ ружьѣ, въ жару котораго старый охотникъ нежданно-негаданно свернулъ на «ты», наконецъ опытами въ стрѣльбѣ, при чемъ Бутылкинъ оказался мастеромъ первой руки и на вѣрняка билъ ласточекъ на лету. Юноша съ своей стороны почувствовалъ неограниченное уваженіе къ почтенному обладателю знаменитаго ружья, такъ отлично владѣвшему своимъ сокровищемъ; потащилъ его въ свой домъ; представилъ Софьѣ Алексѣевнѣ,

Digitized by Google

а эта угостила отличными наливками,—и вотъ новые знакомцы сдѣлались друзьями... Евграфъ Никанорычъ ночевалъ въ Скородумкѣ...

Проснувшись на другой день, друзья увидѣли довольно жалкую пелену молодого снѣга, изобильно выпавшаго ночью: увы! подходитъ зима,—и сердце Андрюши заныло при мысли о томъ, что будетъ онъ дѣлать зимою въ деревнѣ, да еще и въ разлукѣ съ новымъ другомъ своимъ.—Послушайте, Евграфъ Никанорычъ, сказалъ онъ,—какъ вы хотите, а насъ не забывайте; мы по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю будемъ посылать за вами лошадей...

— Да полно, Андрюша, неужели вы будете и зиму-то сидѣть въ Скородумкѣ? отвѣчалъ Бутылкинъ,—знаете что, Софья Алексѣевна, переѣзжайте-ка на зиму-то въ городъ! Что вамъ тутъ въ деревнѣ дѣлать,—скука!... Подбивай-ка, братецъ ты мой, Софью-то Алексѣевну, да маршъ, адьюшки, Скородумка! до ревуара-мадъ!

— А и въ самомъ дѣлѣ... какъ ты думаешь, Соня?—сказалъ Андрюша.

Переѣхали въ городъ. Здѣсь постояннымъ собесѣдникомъ Скородумова сдѣлался Бутылкинъ. Вдовушка, страстно влюбленная въ Андрюшу, не думала заводить знакомствъ. Жизнь пошла довольно уединенно среди наливокъ, въ огромномъ количествѣ вывезенныхъ изъ Скородумки, и бесѣдъ съ Евграфомъ Никанорычемъ. Розсказнямъ Бутылкина, конечно по части охоты исключительно (другого разговора у него и не было), конца не обрѣталось, и скучавшій прежде Андрюша кипѣлъ завистью къ многоиспытавшему охотнику, который между прочимъ, хлопая юношу по колѣну, восклицалъ:

— Знаешь что, братецъ ты мой, а изъ тебя будетъ охотникъ, да еще какой — первый сортъ охотникъ! Я вѣдь насквозь человѣка вижу, старый воробей!—Не правда-ли, Софья Алексѣевна,—посмотрите вы на него: такъ и кипитъ, такъ и кипитъ!

— Гдѣ ужъ мнѣ,—я и ружье-то въ рукахъ плохо держать умѣю!...

— Э, братъ, это пустое: научимъ!... Хочешь, я изъ тебя

Digitized by Google

сдѣлаю охотника? Мнѣ вѣдь дѣло не новое, не первинки... Только разъ сходить со мной на охоту—и баста!

— Сходимте-ка!

— Изволь, другъ любезный, вотъ погоди, дай веснѣ придти... Только вѣдь я тебя на первый разъ помучу, всѣ трудности охоты покажу,—конечно и въ царствіе небесное запустить глазокъ позволю, одинъ только глазокъ,—слышишь! но за то помучу... да вѣдь что эти муки! Вѣдь эти муки жгутъ, вотъ какъ крѣпкая водка или ромъ: жжетъ, а все-таки хватилъ-бы рюмочку!

— Такъ не хватить-ли?

— То есть какъ,—мукъ этихъ или рюмочку?

— Да сперва рюмочку, хоть наливки напримѣръ, а тамъ и мукъ, а тамъ опять наливочки...

— Гм... можно... это какъ у меня, братецъ ты мой, пріятель одинъ, чиновникъ, говаривалъ: рюмку красной, да бѣлой двѣ; рюмку бѣлой, да красной двѣ, — и такъ далѣе, до безконечности... Можно, можно!

— Куда-же мы весной двинемся, Евграфъ Никанорычъ?

— Куда,—а въ озера, самой то-есть ранней весной,—я ужъ самъ тамъ давненько не бывалъ, дупелишки совсѣмъ оттянули, надо стариной тряхнуть...

— Что-же это за озера?

— Какъ-бы тебѣ сказать, братецъ ты мой?.. Видишь, текла прежде рѣка такъ, а потомъ вздумала да и своротила вотъ эдакъ, по другому мѣсту пошла. А по старому-то ея слѣду и образовалось многое-множество озеринъ... Привольная сторонка!.. Есть мѣстечки, куда, окромѣ охотника, ни одинъ человѣкъ и ноги не заносилъ... Ужъ приволье! А дичи-то, дичи, особенно весной—и утки тутъ жируютъ, и тетерева, и дупеля, и бекасы, и зайцы, чего хочешь—того просишь!.. Привольная сторонка!...

— Весной теперича, какъ вешнія воды разбѣгутся во всѣ концы, выскочатъ изъ береговъ и рѣки, и ручьи, и озерины эти—все разольется и сольется во едино-единственно... Елищи громадныя, березы столѣтнія до половины такъ и купаются въ водѣ, а кустарничищки, ивнякъ или оляшнякъ утонулъ, и слѣду нѣтъ... На высокихъ-то

Digitized by Google

деревинахъ сидятъ-красуются краснобровые глухари, а внизу-то утки такъ и шныряютъ: стону, кряканья, гоготанья — не оберешься... До мая до самаго почитай—тутъ потопъ этотъ стоитъ; въ маѣ вода сольется, озерины установятся въ берегахъ, — а берега у нихъ, что ни годъ, то на новый ладъ: иное озерко въ прошломъ году было эдакое продолговатое, какъ плошка подъ кашей, а тутъ вдругъ круглое, словно тазъ, стало... И какая-же, братецъ ты мой, осока около нихъ произрастаетъ: по-поясъ, густѣющая, что и проходу нѣтъ, ноги заплетаются... Много и охотника бываетъ въ этихъ мѣстахъ: весной лебедей да гусей подстерегаютъ, тутъ утки манятъ,—но есть-же, братецъ ты мой, и такія мѣста, куда немногіе и изъ нашего брата заглядывали, — тутъ ужъ пустырь: попадешь, такъ и бродишь одинъ-одинёшенекъ, только пожни безмѣрныя тянутся кругомъ, а за ними лѣсъ синѣетъ, да развѣ *истопка* рыбачья попадется,—и та послѣ весны пустёшенька; и очагъ холоденъ... Больше всего народу въ озерахъ бываетъ осенью, послѣ *страды:* тогда мужички забираются на пожни осоку косить, цѣлыми семьями забираются, съ запасомъ всякой всячины, а между прочимъ иной прихватитъ и кремневое ружьишко: мужики, братецъ ты мой, шибко пристрастны къ этимъ крестьянамъ-самопаламъ. — «Опистонилъ-бы ты, головушка!»—говоришь иному: — «А для-ча, говоритъ, — оно у меня за пятьдесятъ, говоритъ, саженъ (а у нихъ, что шагъ, то и сажень) лупитъ, — опистонь, брось деньги, — такъ и ружье бросай, и стрѣлять не будетъ».—Вотъ и толкуй съ нимъ, съ тетеревомъ эдакимъ!... О сѣнокосѣ на пожняхъ и людно, братецъ ты мой, и шумно: говоръ, пѣсни, выстрѣлы,—косы бренчатъ, пожоги дымятся... И наставятъ около озеръ стоговъ на курьихъ ножкахъ, чтобы, братецъ ты мой, вешними водами ихъ не разметало; запахъ отъ сѣна бьетъ тебѣ въ носъ. Осоку выкосили, стоги сметали—баста! опустѣли пожни до весны,—развѣ охотникъ какой терпѣливый попадется: лебедей пролетныхъ, канашка, сторожитъ!... Ахъ, братецъ ты мой, скажу я тебѣ, какъ встрѣтилъ я лебедей-то на Гагарьемъ озерѣ, въ самой глуши, — штукъ въ сорокъ стадо сидѣло, голосили они—такъ за пять верстъ

Digitized by Google

стонъ стоялъ; просто, братецъ, я осовѣлъ даже, ружье изъ рукъ выпало,—и ротъ разинулъ, какъ недоумокъ какой,—а они это плаваютъ, шельмецы, да брызжутся, да въ кларнеты свои дудятъ; просто диковинная картина!

— Побродилъ таки я на своемъ вѣку по этимъ ложнямъ, около озеръ, за то ужъ и мѣста знаю; не хвастая скажу, едва-ли въ городѣ человѣкъ другой такой найдется... Много, братецъ, радостей и невзгодъ встрѣчалъ я здѣсь, среди этого простора... Славныя мѣста: и воздухъ-то свѣжѣе, и солнце-то привѣтливѣе, и грудь-то легче дышетъ, и силы-то словно обновляются, и что за сладкіе сны, братецъ ты мой, навѣваетъ шумъ пустой осоки!...

— Экъ вѣдь я заговорился... Поѣдемъ, поѣдемъ,—самъ увидишь; недѣлю пространствуемъ, живой рыбой питаться будемъ, щука-голубое перо тамъ вѣдь не въ диво; спать въ лодкѣ, а коли дождичекъ прыснетъ, такъ и подъ лодкой... Однако надоѣлъ я тебѣ...

А какое надоѣлъ, Андрюша и уши развѣсилъ и ротъ разинулъ...

— Только вы его очень-то далеко отъ меня не увозите, сказала Софья Алексѣевна; — пожалуй съ охотой и меня забудетъ!—при этомъ она вперила въ Андрюшу страстный влажный взглядъ.—Слышишь, Андрюша, а то не отпущу...

Андрюша обнялъ ея тридцати-лѣтній станъ и отвѣчалъ взглядомъ, отъ котораго Софью Алексѣевну такъ и передернуло, а въ голубыхъ глазахъ еще ярче засвѣтилось удовольствіе.

— У, какая горячая баба!—чуть не вымолвилъ простодушный Бутылкинъ, принимаясь за шапку...

IV

Дѣтство Бутылкина.

Да проститъ мнѣ добрый читатель, что преслѣдуя Бутылкина-охотника, я забылъ, оставилъ въ сторонѣ Бутыл-

Digitized by Google

вина-человѣка. Вина моя тѣмъ тяжелѣе, что герой повѣствованія является феноменомъ въ нѣкоторомъ родѣ, и феноменальность его оправдывается только прошедшимъ... Чувствую всю тяжесть вины своей и съ поклономъ спѣшу поправить ее: повинную голову и мечъ не сѣчотъ...

Евграфъ Никанорычъ не любилъ говорить о прошедшемъ, которое и оставалось для всѣхъ знавшихъ его (т. е. Евгр. Ник.) во мракѣ неизвѣстности. Если самого нашего героя спрашивали о чемъ нибудь изъ минувшаго, онъ или притворялся, что не слыхалъ вопроса, или отвѣчалъ совсѣмъ не на вопросъ, сворачивая на минувшія охотничьи похожденія. Ясно, что въ прошедшемъ его было много такого, отъ чего по сердцу кошки скребли, — и дѣйствительно было.

Евграфъ Никанорычъ родился, выросъ и воспитался въ одномъ изъ тѣхъ захолустьевъ, захлебнувшихся барами средней руки и мѣлкопомѣстными, гдѣ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ упрямо отстаивала себя и ускореннымъ пульсомъ билась жизнь «старозавѣтная», на—перекоръ общему настроенію массы: это былъ, если хотите, протестъ противъ новаго настроенія, хотя протестъ пассивный, глухой и тщетный. Евграфъ Никонорычъ могъ по праву назваться послѣднимъ изъ могиканъ этой жизни. Его появленіе на свѣтъ было достопамятной эпохой для обитателей сельца Клюквина, и въ тотъ-же самый день было отмѣчено отцомъ, *старымъ холостякомъ*, въ сильно устарѣвшемъ календарѣ: «лѣта отъ Р. Хр. 1805, 29 числа мѣсяца іюнія, въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, въ два часа и тридцать три минуты, Божіимъ соизволеніемъ, произошолъ на свѣтъ нервенецъ-сынъ, нареченный, въ честь дѣдушки его, Евграфомъ, а тѣломъ онъ здравъ и крѣпокъ». Нашъ герой былъ *незаконнорожденный*, потому что бракъ старика Бутылкина съ его матерью совершился послѣ его рожденія, хотя не смотря на это обстоятельство, Евграфъ Никанорычъ до конца жизни пользовался дворянскими правами. Старикъ Бутылкинъ, владѣлецъ семидесяти пяти душъ, считался богачомъ въ своемъ околодкѣ и пользовался общимъ уваженіемъ, хотя никогда на царской службѣ не состоялъ; уваженіе это не уменьшилось даже послѣ женитьбы сороколѣтняго помѣщика

Digitized by Google

на собственной дворовой дѣвкѣ — матери нашего героя, которая впрочемъ и до брака въ глазахъ крестьянъ была полной барыней.

Возрадовалось, возвеселилось Клюквино, когда родился барчонокъ, хотя родины праздновались довольно скромно. Первое—выбрали барчонку крестнаго и крестную *счастливыхъ:* несчастными назывались тѣ, у которыхъ крестники умирали, — всѣ такіе были на счету у матери. Второе — крестили его въ первое воскресенье въ приходской церкви, у Николы въ Подлѣсномъ; въ день крестинъ мать, вставшая съ постели на четвертый день послѣ родовъ и принявшая въ свои непокладныя руки бразды хозяйства, собственноручно настряпала пшеничниковъ съ морковью и рѣпой, нажарила рыбы, которую отецъ самъ наудилъ наканунѣ; маленькія комнатки вымыли, выскребли; когда барчонка привезли изъ церкви, крестьяне и бабы, даже сосѣдніе, дружелюбно сошлись заглянуть на новорожденнаго и поднести ему каждый по убожеству своему приношеніе, — кто полотенце, кто мотокъ нитокъ, кто десятокъ яицъ. Третье — барчонка сдали на руки нянькѣ Авдотьѣ, которую въ изобиліи снабдили рожками и коровьими титьками: не жалѣй-де молока, корми барчонка больше, пой по горло, чтобы выросъ здоровъ и дороденъ, какъ батюшка — кровь съ молокомъ, какъ матушка — хлѣбъ съ солью! пой ему пѣсни, сказывай сказки, да присказки, чтобы не задумался, а поднялся-бы добрый и веселый!... Авдотья ровно уродилась нянькой, откуда что берется... И водворился въ незатѣйливомъ Клюквинскомъ домикѣ тотъ безпорядокъ, который обнаруживаетъ обыкновенно въ простомъ русскомъ домѣ существованіе младенца: вездѣ разбросаны немудрыя игрушки, побрякушки, рожки, титьки; у печки сушатся простынки, да пеленки, да свивальники, только и слышно, что покеркываетъ боевой мальчишка, да скрипитъ очепъ, на которомъ навѣшена холщовая зыбка, да голоситъ неугомонная Авдотья: «баю, баюшки, баю! какъ выспишься — не куражишься», или

«Уточка — крякова-а-я!...
Гдѣ ты ночесь ночева-а-ла?

Digitized by Google

Тамъ-тамъ-тамъ на болотѣ...
Шли мужички съ топорами,
Вырубили по прутоцку,
Сдѣлали по гудочку...
Вы, гудки, не гудите,
Грашеньку не будите!...»

Вслѣдъ за первенцемъ въ Клюквинѣ родились: еще барчонокъ, по имени Кузя, да барышня Дуня: эти ужь послѣ брака.

И населилось сельцо Клюквино маленькимъ людомъ, который выросталъ и развивался дружно, обгоняя другъ друга, — и весело было рости ему въ этомъ привольѣ, среди лѣсовъ, еще свѣжихъ, густыхъ, не разрѣжонныхъ въ тѣ времена, среди полей и луговъ, среди пѣсенъ и сказокъ, компаніей вольной, беззаботной, недумающей о будущемъ, о радостяхъ и буряхъ его, безсознательно предоставляющей судьбѣ спутывать и распутывать ихъ жизни. А компанія составилась большая, потому что арава дворовыхъ ребятишекъ свободно вмѣшивалась въ кружокъ маленькихъ барчатъ. Евграфъ былъ любимцемъ родителей, какъ первенецъ, и отличался примѣрной бойкостью, а прочихъ дѣтей держалъ подъ своимъ вліяніемъ. Кузя росъ нѣжнѣе и слабѣе своего брата, которому было все ни по-чомъ, который не боялся ни холоду, ни грозы, ни коровы-бодуньи, ни Щоголя со щетинистой шерстью и зубами по лопатѣ,—все это придавало ему сильный авторитетъ. Бывало, въ зимнее утро проснутся дѣти ни свѣтъ, ни заря, еще солнышко не заглянуло въ маленькія окна; въ сосѣдней комнатѣ въ печи трещатъ сырыя дрова, и яркое полымя врывается въ дѣтскую, полную утренняго полу-мрака, ударяетъ въ грязно-бѣлую стѣну, покрытую паутинами и семьями клоповъ, и дрожа разбѣгается по темнымъ угламъ; холодно, дѣти укутываются набойчатыми одѣялами и согрѣваются дыханіемъ. Кузя поднимаетъ голову,—«лягъ!» кричитъ Евграша,—и голова меньшаго брата исчезаетъ въ одѣялѣ... «Открой глаза!»—и одѣяло сползаетъ... «Закрой глаза!» и Кузя закрываетъ глазёнки, хотя это ему вовсе не нравится. «Открой глаза!» — и глаза открываются, щурясь отъ пламени, ударяющаго въ

Digitized by Google

нихъ... И весь этотъ экзаменъ оканчивался обыкновенно тѣмъ, что Евграфъ вскочитъ съ постели, а Кузя смиренно лежитъ съ закрытыми глазами, пока не раздастся надъ нимъ голосъ «вставай!» — и Евграфъ не сдернетъ его за ноги на полъ. Вообще первенецъ любилъ потѣшиться надъ младшимъ братомъ. Потомъ онъ придумалъ дразнить Кузю, указывая на него пальцемъ и приговаривая на распѣвъ:

«Сидитъ баба на кочкѣ,
Оска-а-ля зубочки!»

Но плакать или кричать Кузя не смѣлъ, Боже сохрани! За Евграшу не только отецъ, но и мать заступится: ни на комъ изъ дѣтей не останавливались съ такою нѣжностью ея глаза, какъ на счастливомъ первенцѣ, никому съ такой умильной нѣжностью не распѣвала она:

«Зай-заенька, горностаенька,
Ушки долгонькія, ножки коротенькія!
Зайка въ сторону скочилъ,—
Много солоду купилъ;
Онъ въ другую-то скочилъ,—
Тамъ рѣка глубока,
Рѣка тиновата, рѣка рябиновата...
Что рябинушка частà,—
Цалуй молодца въ уста!»

и никого не чмокала въ уста такъ страстно, по десяти разъ подъ-рядъ.

V

Староста Θеоктистъ.

Не малое вліяніе имѣлъ на дѣтей, а на Евграфа особенно, постоянный баловень ихъ, клюквинскій староста Θеоктистъ, который жилъ при дворѣ, въ полномъ довѣріи у господъ.

Digitized by Google

Онъ былъ тогда мужикъ лѣтъ около пятидесяти; его бѣлокурые изъ-рыжа волосы и вострая бородка едва начинали серебриться; голубые глаза смотрѣли честно и весело; только корпусъ ужъ значительно нагнулся на сухощавый станъ своими широкими плечами, словно шелъ онъ за сохой по не вспаханому полю или съ серпомъ среди колосистой жницы. Дѣти вообще мужичковъ не боялись, и «бука», которымъ стращала ихъ нянька, въ ихъ воображеніи лишенъ былъ и сѣраго зипуна, и всклокоченной бороды; но къ Ѳеоктисту они чувствовали особое стремленіе. Только войдетъ бывало староста въ комнату,—они такъ и окружатъ его, а онъ-то возьметъ того да другого, поочередно, да и начнетъ, добродушно улыбаясь, вскидывать къ потолку: «тпрушки, потпрушки, нехля мама репушки,—всѣмъ по репушкѣ, Грашѣ—колотушку!»—Такая несправедливость относительно репушки заставляетъ Евграша плакать, и онъ очень серьозно требуетъ и себѣ, вмѣсто колотушки, отпустить репушку... «Ну, ну, ладно,—и тебѣ репушку!»

— Кому-же колотушку?

— А тому, кто Богу худо молиться будетъ, да тятьки съ мамкой слушаться не будетъ!

Вообще у Ѳеоктиста былъ огромный запасъ прибаутокъ, которыми онъ и забавлялъ дѣтей. Онъ научилъ дѣтей варить кашу на ладошкѣ: «серена-воровка, кашу варила, на дворъ спакала, дѣтей скликала: этому на ложкѣ, этому на мешкѣ, этому въ кострульнѣ, этому въ поваренкѣ,—ты, мальчикъ-пальчикъ (это обращеніе относилось къ большому пальцу), не волокъ, не малодь,—тебѣ нѣтъ кашки!» За этой рацеей начинались разспросы: «зачѣмъ ему нѣтъ кашки?»

— Какъ-же, баринокъ: вѣдь онъ не работалъ, а другіе-то работали!

— А ему ѣсть захочется?

— Полѣнился, такъ и голодомъ насидится.

— А онъ самъ возьметъ кашки?

— Какъ-бы не такъ! Не дадутъ, такъ ужъ своей рукой брать не приходится... а даромъ, кто тѣ дастъ?

— А если онъ возьметъ?

— Такъ Богъ камушкомъ убьетъ!... хоть тѣ и кашка...

Digitized by Google

Богъ-то велѣлъ работать, баринонъ, а чужое брать безъ спросу заказалъ...

— А?!

И послѣ этого у дѣтей страшной грозой стало это «Богъ камушкомъ убьетъ»; что рисовало ихъ воображеніе при этой угрозѣ — неизвѣстно, но пронюся ее, они тотчасъ прижикали.

Ѳеоктистъ научилъ ихъ распѣвать:

«Лѣнь-потягота,
Поди на болото,
Вырубн дубинку
На лѣнивую спинку!»

Онъ-же научилъ ихъ приговаривать подъ цвѣткомъ, именуемымъ «попъ» (ромашка): «попъ, попъ! выпусти собакъ: надо во рожь, въ золотой уздѣ; баринъ ѣдетъ, семь топчетъ!»

Особенное вниманіе старосты къ дѣтямъ началось, когда старая Авдотья стала отступаться отъ нихъ, сосредоточивая свою заботливость на барышнѣ, потому что ноги ея отказывались поспѣвать за ними: погружась въ пряжу да оученье нянекъ, она разговаривала себѣ съ прялицей да вертеномъ, Богъ вѣдаетъ о чемъ, и вертала на боевыхъ пятощекъ своихъ: «охъ, балуны, балуны, вотъ ужотко бука придетъ!» Но, увы! бука потерялъ свою устрашающую силу и, вздыхая, Авдотья покачивала головою: «ана вольница какая! и бука-то ихъ не беретъ! совсѣмъ страху нѣтъ!»

Въ тишинѣ деревенскаго поля, въ прокладѣ дѣвственнаго лѣса — раздолье для дѣтей! Сколько здоровья, сколько чистыхъ наслажденій!... Едва бывало пахнетъ оттепелью весенній вѣтерокъ, не отряхнулись еще отъ снѣгу вѣчно зеленѣющія ёлки; едва пробивается живая струя сквозь ледъ на рѣчкѣ Клюковкѣ, — а Евграфъ ужь день-деньской подъ открытымъ небомъ; Кузя не отстаетъ: бѣгаютъ, играютъ, дышатъ весеннимъ воздухомъ, пока сумерки не обхватятъ природу, и вечерній морозецъ не подернетъ слюдой со всѣхъ сторонъ шипящую, всюду блестящую воду. —

Выѣзжаютъ мужички, около великаго Николы, съ косу-

Digitized by Google

лями на зачинъ пашни; дѣти за ними. Съ любопытствомъ смотрятъ они на попа въ поношенной, мѣстами только блещущей ризѣ, который благословляетъ начало пашни, по заведенному искони обычаю. Крестъ ярко сіяетъ на солнушкѣ, которое такъ теплотворно голубитъ землю, что для внимательнаго глаза замѣтно, какъ влага, нацеляющая ее, поднимается легкимъ паромъ въ воздухѣ; голосъ старика дьячка, при всемъ его дребезжаніи, звучитъ весело въ раздольи поля; вдали, надъ яркой зеленью всходящей рожи, рѣетъ жаворонокъ, и серебряной розсыпью льется внизъ его первая пѣсня. Отецъ, въ бѣлицьемъ тулуччикѣ, творитъ широкое крестное знаменіе, а мать припала головой къ землѣ; сгрудились мужички и бабы, вздыхаютъ и крестятся. Дѣти жмутся другъ подлѣ друга и не нарушаютъ благоговѣйной тишины никакимъ невольнымъ дѣтскимъ крикомъ, даже притаяли дыханіе, устремивъ глаза на священника.

Молебенъ отпѣли. Отецъ при себѣ велѣлъ запахать первую полосу, а мать повела священника въ домъ—пить чай. Дѣти же такъ на цѣлый день и остаются съ мужичками. «Куая!» радушно кричитъ Ѳеоктистъ,—подь-на, садись на рыжку,—не бойся!—Меня, меня! отзывается Евграфъ.—«Да, все-бы тебя! эдакой бой какой! садись, коли хошь къ Митюхѣ на сивую кобылу».—Не хочу на кобылу!—А не хошь, такъ какъ хошь! Подь сюда, Куая! Но Куая робѣетъ, и только когда Ѳеоктистъ насильно его подымаетъ и усаживаетъ на толстоногаго, вертящаго хвостомъ рыжку, онъ, трясясь весь отъ страха, ощущаетъ неопредѣленное наслажденіе, оглядывается вокругъ и кажется ему, что онъ поднялся высоко-высоко надо всѣмъ,—онъ звонко хохочетъ, но голова пошла кругомъ: вертится сосновый лѣсъ, вертятся высокіе овины, вертятся лошадки, напряжонно вытягивающія шеи, вертится самъ онъ—и падаетъ съ рыжки. Паденіе совершается однако благополучно, при смѣхѣ Евграфа, который взобрался на другую лошадь и бодро погоняетъ ее криками и ударами ивовой вѣтки съ нераспустившимися листами.

Digitized by Google

VI

Отрочество.

Много удовольствія приносилъ Евграфу прилетъ птицъ. Отецъ любилъ поохотиться, причемъ вожатымъ его былъ, какъ знатокъ, все тотъ-же Ѳеоктистъ, а потому любо было ему смотрѣть на прилетъ пернатаго царства, которое валъ и приливаетъ въ наши края въ мартѣ. Выйдетъ бывало рано утромъ, въ своемъ бѣличьемъ тулупчикѣ, сядетъ на крылечко и кричитъ: «ребята, а ребята! гдѣ вы тоже запропастились? Евграфъ! глянь-ка, вонъ гуси летятъ!» А ребята въ это время бывало уплетаютъ за обѣ щеки ржаныя рогульки съ творогомъ или овсяной кругой, которыя заботливо изготовляетъ имъ мать. Услышавъ голосъ отца и вѣсть о гусяхъ, они со всѣхъ ногъ бросаются на крыльцо... «Эки сорванцы какіе! доѣшь, Евграша, еще пирожокъ осталось,— ахъ, балуны вы, балуны только, и съ отцомъ-то!» кричитъ, улыбаясь, мать и убираетъ покинутыя рогульки въ древній шкафъ, гдѣ вѣроятно процвѣтала столица и резиденція короля тараканьяго царства, судя по изобилію въ немъ почтеннаго племени суетливыхъ русаковъ.—Съ восторгомъ смотрѣлъ Евграфъ на медленный летъ гусей и журавлей, привѣтствуя дѣтскимъ крикомъ предвѣстниковъ весны; съ восторгомъ слушалъ и первую пѣснь жаворонка, и заунывный голосъ ивояги, и тетеревиный токъ. И вотъ—начинаются хитрыя выдумки для ловли пташекъ, какъ-бы заполучить пѣвунью синичку-московку, или красногрудаго снигиря, или неумолкаемаго чижика съ черной запанкой, или пугливаго зяблика: западни, силья, плашки, все шло въ ходъ при помощи Ѳеоктиста; птички сидѣли въ клѣткахъ, которыя вычищались ежедневно дѣтскими руками, клевали отборныя зерна и распѣвали на весь домъ.

Какъ загаралъ Евграфъ лѣтомъ! — бойко смотрѣли его глаза, а на пухлыхъ щекахъ, сквозь загаръ, ярко пробивался румянецъ молодой здоровой крови, изъ-за толстыхъ губъ красиво выглядывали бѣлые чистые зубы; широкая

Digitized by Google

грудь и могучія плечи развивались не по днямъ, а по часамъ: изъ всего обѣщалъ выйти, хотя не атлетъ, не геркулесъ, а рубокій крѣпышъ съ пудовыми кулаками и желѣзной грудью.

Кузя, напротивъ, тянулся какъ хмѣль, худой, гибкій, бѣдный; онъ отставалъ отъ брата во всемъ. Дуня, скромная, тихая, покорная, выростала какъ полевой цвѣтокъ, — бѣлокурая, съ блѣдно-голубыми глазками, она была вылитая мать.

Противоположность между братьями обнаруживалась и въ характерахъ: Евграфъ отличался открытымъ, бойкимъ, прямымъ характеромъ, а въ Кузѣ рано была замѣтна скрытность, сосредоточенность, хитрость и даже зависть; тотъ страстно любилъ природу и всѣ удовольствія, связанныя съ ней; любимой бесѣдой его были разговоры о разныхъ таинствахъ природы. Кузя въ первомъ дѣтствѣ не отставалъ отъ брата, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разъединялся съ нимъ, обнаруживая особенную любовь къ деньгамъ, которыя отецъ иногда дарилъ дѣтямъ,—даже къ незаконному пріобрѣтенію ихъ: увидитъ онъ гдѣ-нибудь на комодѣ завалявшуюся гривну, приберетъ и спрячетъ.

...Приходила зима съ морозами, вьюгами и длинными сумерками, — эти сумерки посвящались Евграфомъ для бесѣдъ съ Ѳеоктистомъ... Вотъ—таинственный полумракъ набѣжалъ въ комнаты, подернулъ окрестность; мать и отецъ сумерничаютъ; въ селѣ тишина ненарушимая, только вѣтеръ воетъ подъ окнами, да иногда Щоголь заливается звонкимъ лаемъ. Кузя прикурнулъ въ уголкѣ одинъ-одинёшенекъ, думаетъ о чемъ-то самъ съ собой; а Евграфъ ужъ забрался въ избу къ старостѣ и ведетъ съ нимъ интимную бесѣду.

— Истинно скажу тебѣ, баринокъ, не совру, говоритъ Ѳеоктистъ:—у Господа-Бога отъ всякой болѣсти супротивныя средствія есть, отъ всякой силы вражеской, — только пошарь, да погляди хорошенько округъ себя, только дознать умѣй, да принимайся съ благословенія Божія, а всякую нечистую силу одолѣть можно. Примѣрно сказать тебѣ: есть эдакая травка Божія, а имя ей *полетава;* выростаетъ она, эта травка-полетавка на камняхъ голыхъ, да на жеребячьемъ

Digitized by Google

навозѣ; только весной сойдетъ снѣгъ-снѣжинскій,—тотчасъ-же она, эта травка-полетавка, выказывается на свѣтъ на вольный,—тонкая-разтонкая, словно паутинка,—и все-то по ней точечки красненькія,—а ужъ какая въ ней сила, благодать Божія, такъ чудо да дивованіе несказанное!.. Прикладывай ты ее къ рукѣ-ли, къ ногѣ-ли, ко всякому больному мѣсту, отъ ушиба-ли, отъ обрѣза-ли,—будетъ пользительно! Какъ приложишь,—жилье-то и отсюдова поведетъ, и отсюдова поволочотъ,—тоска-маята такая одолѣетъ, что мѣста не найдешь... И продолжается эта мука времени около сутокъ,—да за то ужь черезъ сутки, какъ прорѣзная кровь покажется,—алая-разъалая, — всю боль твою какъ рукой сниметъ... Или хоша *царскіе кудерцы:* умойся-ка ими, такъ всѣмъ хорошъ будешь, и счастливъ, и удачливъ на все! Больно хорошо для нашего брата мужчины...

— А для женщины?

— Ну, ужъ для женщины негожо... для нихъ есть другая штука...

— Какая-же?

— Нѣтъ, баринокъ, много будешь знать, такъ скоро состарѣешься... Мало-ли что я-то знаю, много и видѣлъ на своемъ вѣку,—хоша-бы на счотъ охоты,—и тятенька-то твой съ мое не знаетъ: всѣ мѣста мнѣ вѣдомы; не то что всѣ рѣчки или ручейки, такъ мѣста-то на нихъ, кажинное мнѣ вѣдомо, — болотокъ-ли гдѣ, омутъ ли, бродъ какой, всѣ плёса, — все знаю! Лѣса тоже, пустоши! Со мной, баринокъ, не напутаешь,—куда хошь представлю!

Эти слова дѣйствительно оправдались, когда Евграфъ повыросъ и отецъ подарилъ ему маленькое одноствольное ружье.

VII

Ученье

Но прежде нежели вкусить эти сладкія наслажденія, Ев-

Digitized by Google

грамоту привелось, наконецъ, и Кузей, принятьсяъ за ученье; тогда ему уже стукнуло двѣнадцать лѣтъ. Выбрали легкій день, вторникъ, и порѣшили въ этотъ легкій день начать ученье; усердно кланяясь и на-право и на-лѣво, явился дьячекъ въ нанковомъ халатѣ, съ косичкой въ видѣ крысьяго хвостика. Дѣти усѣлись въ маленькой залѣ у стола и Пахомычъ дребезжащимъ голосомъ началъ азы да буки. Ученье шло туго, особенно у Евграша: ему не по губѣ приходилось сидѣнье за указкой. Онъ было придумалъ даже хитрость: подшибрилъ у нянькиъ тупыя ножницы и пребезобразно обстригъ свои прекрасныя, кудреватыя волосы.

— Ахъ, матушки свѣты, что это съ тобой, Евграша, сдѣлалось,—подь-ка сюда! закричала мать:—кто это тебя такъ окарнялъ, голубчикъ мой?

— Учитель, ножницами... всхлипывая отвѣчалъ Евграфъ.

— Ахъ, батюшки,—нянька, а нянька: каковъ этотъ Пахомычъ, посмотри, какъ ребенка-то обезобразилъ, — срамъ, просто срамъ!»

— Экой грѣхъ какой! подтвердила нянька,—прогнать его, безстыжаго, со двора долой, ну его къ ляду!

Однако по справкамъ оказалось, что Пахомычъ не виновенъ ни въ чемъ.

— Эдакой плутишка какой, сказала мать,—хорошо, что отецъ не знаетъ...

— Вы, матушка, ужь не говорите барину-то... замолвила нянька.

Чрезъ годъ Пахомычъ былъ замѣненъ другимъ учителемъ—кончившимъ курсъ семинаристомъ, который поселился въ Клюквинѣ и обучалъ дѣтей разнымъ наукамъ, даже латыни.

Къ этому времени относятся два несчастія, постигшія Клюквино. Первое: маленькая Дуня сильно простудилась и къ общему горю умерла; долго мать не могла забыть свою милую Дуню, долго плакала и тосковала, а тутъ еще новое горе постигло бѣдную женщину: Бутылкинъ всегда любилъ таки зашибать подъ-часъ, а подъ старость началъ пить горькую.

— Ой, согрѣшила я, грѣшная! жаловалась хозяйка, обра-

Digitized by Google

щался къ Авдотьѣ:—пьетъ, не переставая, другой день пьетъ, а въ рту маковой росинки не бывало! не ѣстъ вѣдь ничего—хоть-бы опружинился!

— Что-же дѣлать-то, матушка, отвѣчала Авдотья, — мы-бы составецъ какой ни на-есть спичкали,—не помогнетъ-ли; либо вино-бы нашептать, али въ надежку зелья зашить да подъ подушечку-то ему и положить...

— Ничто его не беретъ, мать моя, ничто не беретъ! Ветъ Ѳеоктистъ—на что ужъ дока—нѣтъ, вѣдь и тотъ рукой махнулъ, — не проберешь его, говоритъ, никакими составами и зельями,—одолѣлъ его бѣсъ неодолимый!

— Экой грѣхъ какой! разводила руками Авдотья,—ну, да слава Богу хоть во хмѣлю-то смирёнъ, пьянъ да умёнъ,—два угодья въ немъ!—утѣшала она свою барыню.

— Боюсь, Авдотьюшка, чтобы грѣха какого не вышло, Боже сохрани!

Разнесло Бутылкина отъ вина да пива, словно квру; щоки отвисли какъ брюла; чорные глаза запухли и тупо выглядывали какъ въ щолки; носъ представлялъ безобразный комокъ не то краснаго, не то синяго мяса; толстыя губы надулись какъ пiявицы, насосавшiяся крови; мясистыя руки отяжелѣли какъ гири, такъ что пальцы не могли произвольно двигаться; а чтобы положить одну ногу на другую, какъ кладетъ каждый изъ насъ,—до этого можно было достичь развѣ архимедовыми рычагами, да и то съ опасностью, что вдругъ эта туша, этотъ винный кубъ лопнетъ съ трескомъ.

Между тѣмъ сыновья росли да росли. Евграфъ весь предался природѣ да охотѣ и время проводилъ больше съ Ѳеоктистомъ, а Кузьма тѣсно сдружился съ менторомъ, сильно плутоватымъ парнемъ.

VIII.

Юность.

Евграфу стукнуло восемнадцать: опасный возрастъ, и безъ любви онъ, какъ извѣстно, рѣдко обходится,—не обо-

Digitized by Google

шелся и для нашего героя. Евграфъ страстно влюбился въ сосѣдку по деревнѣ, дородную, осанистую шестнадцати лѣтнюю барышню, именуемую Анисьей Константиновной. Любовь повела ему: подъ видомъ охоты онъ имѣлъ частыя свиданья съ сосѣдкой въ рощицѣ, именуемой Кулигой.

Евграфъ Никанорычъ рѣшился вступить въ законный бракъ; со стороны Бутылкиныхъ препятствій не оказалось. Но отецъ невѣсты противопоставилъ такой аргументъ: «погуляй-ка, Евграфъ, прежде въ городъ, поступи, чинъ получи, а тогда и милости просимъ, — за *безчиннаго* дочки не выдамъ!

Чего не дѣлаетъ любовь! Не задумываясь много, Евграфъ Никанорычъ выпросилъ благословеніе родительское, на вѣки нерушимое, оплакалъ милое Клюквино и, утѣшаясь сладкими надеждами, поѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ и опредѣлился писцомъ губернскаго правленія. Губернская жизнь мало искушала его; птенецъ старозавѣтной жизни, онъ дичился городскихъ жителей и началъ безпрестанно уходить изъ города для охотничьей потѣхи. Вѣсти изъ Клюквина приходили рѣдко, самому понавѣдаться туда, слишкомъ за сто верстъ, не удавалось, а время шло да шло—и срокъ на чинъ миновался, и желанный коллежскій регистраторъ пришолъ изъ Питера... О, радость! скорѣе въ Клюквино!...

Широкоплечимъ, коренастымъ мужчиной ѣхалъ Евграфъ Никанорычъ ни родину; выдался теплый осенній денекъ; проселокъ вился зигзагами то среди ярко-зеленѣющей озими, то среди щотки сжатаго ржаного поля, то мимо деревеньки со спитымъ уже отводомъ, куда безпрестанно въѣзжали телѣги, стогомъ наполненныя снопами, то пожелтѣвшимъ березовымъ перелѣскомъ. На озимь выбѣгалъ чуткій заяцъ: какъ колникъ, вставалъ на заднія лапки, прислушиваясь къ стуку телѣги, и вдругъ перебѣгалъ черезъ дорогу; стада дикихъ голубей со свистомъ проносились съ овсянаго поля на лѣсъ; хохлатые свиристели налетали на рябины, которыя красовались около удворинъ, наклонивъ вѣтви, отягченныя красными гроздьями сѣвернаго винограда... Вотъ знакомая мельница на Клюковкѣ... уже близко... вотъ и Кулига... Кулига!.. не мелькаетъ-ли между деревьями платьице Ани-

Digitized by Google

сы? не слышна-ли ея любимая пѣсенка?.. нѣтъ, все тихо... гдѣ-то дятелъ долбитъ дерево, а высоко въ небѣ кружитъ ястребъ; вотъ шмыгнула бѣлка, вотъ она мелькнула пушистымъ хвостомъ и чутко усѣлась между вѣтвями.... не зарядить-ли ружье, не побродить-ли по этому милому лѣсу?... Но телѣга прокатилась мимо...

Пріѣхали. Невеселую сцену засталъ Евграфъ дома,—не даромъ заяцъ перебѣжалъ дорогу: на столѣ лежали отецъ и мать, а священникъ и Пахомычъ служили панихиду, пѣли «со святыми упокой.» Старика кандрашка хватилъ, а мать нашего героя недолго пережила своего сожителя,—черезъ два дня умла за тѣмъ, кто изъ крѣпостной обратилъ ее силой своей любви въ барыню. Евграфъ плакалъ отъ всего сердца; при видѣ этихъ труповъ сердце его такъ заныло, ровно предчувствовало что-то недоброе въ будущемъ....

На этотъ разъ пословица, что «сердце вѣщунъ человѣка»,—оправдалась.

IX

Невзгоды

Не прошло недѣли послѣ похоронъ, какъ Евграфу Никаноровичу привелось имѣть самый тяжолый разговоръ съ братомъ, да еще при вмѣшательствѣ чужого третьяго лица,—семинариста, бывшаго ментора и друга Кузьмы. Не будемъ передавать подлиннаго разговора. Кузьма Никаноровичъ, при помощи ментора, доказывалъ брату, что онъ, какъ незаконнорожденный, не имѣетъ права ни на обладаніе Клюквинымъ, ни на имя отца; но что онъ, Кузьма, великодушно уступаетъ ему послѣднее, если только онъ, Евграфъ, безъ всякаго оффиціальнаго дѣла, отступится отъ перваго. Евграфа ошеломило: съ одной стороны остаться нищимъ, съ другой—допустить выставить на позоръ имя матери, если братъ начнетъ дѣло,—и можетъ быть все-таки ничего не вы-

Digitized by Google

играть: положеніе безвыходное. Евграфъ однакожъ думалъ недолго: онъ согласился на все и въ награду за совращеніе получилъ отъ Кузьмы двѣнадцать оброчныхъ душъ. Между тѣмъ любовь его не потухла и женитьбы своей на Анисѣ онъ не хотѣлъ откладывать, а потому посвятилъ заложить свое маленькое наслѣдство. Теперь препятствій уже не было, — надо было только переждать полугодовой трауръ.

Женившись, нашъ герой на-всегда простился съ Клювинымъ и, какъ чиновникъ, переселился въ губернскій городъ. Но увы!.. и въ семейномъ быту ему суждено было обмануться: Анфиса Константиновна не осчастливила дома Евграфа Никанорыча. Она всей душой стремилась къ городскимъ удовольствіямъ, къ нарядамъ и разнообразнымъ знакомствамъ, смотря съ презрѣніемъ на старозавѣтную жизнь, которая такъ нравилась ея мужу; а средства нашихъ молодыхъ были слишкомъ скудны. На второй годъ у Бутылкиныхъ родилась дочь. Маленькая Глафира значительно стѣснила и безъ того скудныя средства супруговъ; пошли недостатки, а Анфисѣ Константиновнѣ все больше да больше требовалось денегъ. Горько становилось под-часъ Евграфу Никанорычу, — и только на охотѣ, среди пòженъ, отдыхалъ онъ душой отъ домашнихъ передрягъ и огорченій. Но самое сильное огорченіе было еще впереди: въ одно прекрасное утро, когда герой нашъ сидѣлъ въ губернскомъ правленіи, жена его исчезла изъ дома своего сожителя, оставивъ на его произволъ Глашу и забравъ съ собой все, что можно было и что стоило забирать: она безъ церемоніи поселилась у какого-то франта, который въ свою очередь обманулъ ее и скоро уходилъ въ гробъ.

Наслажденія охоты, которымъ предался Евграфъ Никанорычъ, нѣсколько смягчили ударъ, страшно поразившій добраго, довѣрчиваго охотника. Черезъ годъ онъ успокоился и отогналъ отъ себя тяжолое воспоминаніе, словно вырвалъ изъ сердца вонъ. Только воспитаніе Глаши нѣсколько стѣсняло и затрудняло его, но къ счастію какая-то сердобольная родственница покойной жены изъявила желаніе взять дѣвочку къ себѣ на воспитаніе. Евграфъ Никанорычъ самъ отвезъ Глашу въ Ярославль, гдѣ имѣла жительство сердобольная

Digitized by Google

родственница, и возвратившись домой, поселилась одиноко въ заколоченномъ чиншевомъ домикѣ, удаляясь отъ людей, въ которыхъ болѣе не вѣрилъ, и всей душой предавшись одной, Довозъ и хозяйствомъ стала завѣдывать кухарка Ѳедора, старая, простая, деревенская женщина, пользовавшаяся полнымъ довѣріемъ своего барина.

Вотъ незатѣйливая исторія стараго охотника, вотъ обстоятельства, среди которыхъ сложился его характеръ, развились и окрѣпли его исключительныя наклонности.

Да проститъ меня читатель за длинный разсказъ: мы и не замѣтили, какъ весна нахлынула, загорѣлись сердца и у старика, и у новобранца: на охоту, скорѣе на охоту!

X

Съ отваломъ!..

Въ первыхъ числахъ мая изъ нашего города выѣхала легонькая лодочка съ четырьмя пассажирами. Хотя ни ружей, ни собакъ на ней не было замѣтно, но по костюмамъ двухъ главныхъ пассажировъ можно было догадываться, что это охотники. Такая догадка была-бы совершенно справедлива: главные пассажиры были не кто другіе, какъ Бутылкинъ и Скородумовъ. Въ веслахъ сидѣлъ кривой мѣщанинъ весьма почтенныхъ лѣтъ, по имени Корчага, а на кормѣ молодой парень съ плоскимъ, некрасивымъ лицомъ, изъ подгородной деревни Терентьева, по имени Бухтило.

Времени было около двѣнадцати часовъ; солнышко такъ хорошо припекало, что Корчага нашолъ необходимымъ скинуть свой синій зипунъ, тѣмъ болѣе, что и работа въ веслахъ отлично подогрѣвала его. Когда лодочка выѣхала за городъ, Евграфъ Никанорычъ поднялся съ мѣста и весело воскликнулъ:

— А что, Корчага, для-ради отвала не выпить-ли чубурышечку, — солнышко-то больно припекаетъ, — надо попрохладиться!

Digitized by Google

— Гм... отозвался Корчага: — не худо, — вашими бы устами, Евграфъ Никаноровичъ, да медъ пить.

— Медъ не медъ, а водку пить!

Старый охотникъ доставъ фляжку, прежде выпилъ самъ, произнесши въ видѣ остроты: «съ отвалемъ, Евграфъ Никаноровичъ, — покорно благодарю, — не стоитъ благодарности». Послѣ водка новобранцу, а наконецъ очередь дошла и до Корчаги: кривой мѣщанинъ подулъ на вино, перекрестился, выпилъ всю внѣшательность жестокаго стаканчика, поморщился и сплевнулъ въ сторону. — «Что? вѣрно перваго сорта попалъ?» подмигнулъ Евграфъ Никаноровичъ — и налилъ еще стаканчикъ, между тѣмъ какъ Бутылка снова смотрѣлъ на эту церемонію, дожидаясь своей очереди.

Заправившись водочкой, Корчага видимо повеселѣлъ и усердно принялся работать веслами.

— Эй, ты, парень! налегай, налегай, вѣдь не судно съ яйцами тащишь! воскликнулъ онъ и вдругъ затянулъ дребезжащимъ голосомъ:

«У Спа́-са звонятъ,
У Ни-ко́-лы звонятъ,
У стараго Егорья
Часы говорятъ...»

Пѣсня, хрипло звуча, какъ худо подстроенная струна, оборвалась и потерялась въ окрестномъ просторѣ.

Лодка была быстра и скоро достигла какой-то неуклюжей карбасы, тотчасъ же обратившій вниманіе Бутылкина.

— Эге! сказалъ Бутылкинъ: — видишь охотники, — вонъ изъ-подъ рогожки ружьишко выглядываетъ!»

— Охотники? — спросилъ громко Скородумовъ.

— Какіе охотники! неохотно отвѣчали съ карбаса: — за рыбой поѣхали, рядскіе, за рыбой!

— Охъ, ты, Смѣтанцъ Васька, — замѣтилъ Корчага: — за рыбой, говоришь, хитеръ ты, право, больно хитеръ. И Красивитъ-то за рыбой? На-ко ты! диковина право! Вы вотъ-бы ружья-то подальше убирали, — а то вы одно говорите, а они выглядываютъ, да свое мелютъ!

Digitized by Google

— Гдѣ, гдѣ ружья?—отвѣчали съ карбаса, осматриваясь.

— Да полно, робятушки, — мы вѣдь свои люди, — ружей не отберемъ, не за тѣмъ поѣхали... вмѣшался Бухтило.

— Скажите-ка лучше, куда вы путь держите, гдѣ охотка получше, далеко-ли пробираетесь? продолжалъ Скородумовъ.

— Да сами еще не знаемъ. Думаемъ въ Змѣйкины ворота пройти, да и назадъ.

— Врутъ! шопотомъ сказалъ Бутылкинъ: — отводятъ! знаемъ мы эти штуки! — Вѣдь правда, Корчага?

— На-вѣрняка врутъ: это наши вѣдь, мѣщане, — вонъ, артелью поѣхали... Говорятъ — въ Змѣйкины ворота, тамъ вѣрно тамъ и проходу нѣтъ, — нынѣ вѣдь вода небольшая, вѣрно въ Околицу ударятся... Это вѣдь тоже шкуты, утко-давы завзятные, стоитъ старика Бухтилы... Только этотъ на сказѣ, — ну да больше и занимается этимъ дѣломъ...

XI

Бухтило

— А что это за старикъ Бухтило? знаменитость какая-то... спросилъ Скородумовъ.

— Да, братецъ ты мой, — подлинно ужъ знаменитость... Вонъ отецъ будетъ этому молодцу-то. Онъ весной эта утокъ паръ по тысячѣ забираетъ...

— Какъ-же это такъ?

— Да вотъ такъ... Кое ружьемъ, кое собакой, а то и такъ, — только хватаетъ руками, или коломъ прошибетъ молодыхъ-то, горло перекусилъ да и за-поясъ... Гдѣ еще другіе охотники и за ружье не брались, а онъ въ лодку, а лодка вся снѣгомъ набита, взялъ собачонку и пошла у него травья, — только держись! — Этимъ живетъ, братецъ ты мой, и промысла другого у Бухтилы нѣтъ: мужичонка такой негодящій, просто никуда негожъ на взглядъ, а въ сво-

Digitized by Google

емъ дѣлѣ ходокъ,—собаку съѣлъ, мосьной закусилъ... Правда вѣдь, Васюха? Поди и теперь его ужъ дома нѣтъ?

— Нѣтъ, Евграфъ Никанорычъ, это точно, что нѣтъ.. Я ужъ какъ съ нимъ просился....

— Не беретъ?

— Куда тебѣ! — какимъ хошь, говоритъ, ремесломъ занимайся, — на все тебѣ мое благословенье, а объ этомъ и думать позабудь.... Ружье теперя, порохъ, дробь,—все приберетъ, да вѣдь какъ: этта мнѣ знакомый парень ружья-то давалъ, хотѣлось на Семидеревенщину сбѣгать, — тамотко слышенъ былъ тонъ тетеревиной, — всѣ вѣдь мышьи норки перешарилъ, — на пороху, ни дроби не могъ найти, хоть что хошь; такъ и бросилъ...

— Экой грѣхъ какой! а самъ-отъ вѣдь цѣлый вѣкъ въ озерахъ выжилъ!

— Ужъ самъ-то что и говорить! Ѣсть не давай,—только въ озеро пусти;—куда вѣдь заберется, въ такую даль, что и не отыщешь его,—только и работы, другой никакой не знавывалъ... Съ измалѣтства, говоритъ, привыкъ, такимъ и въ гробъ пойду; пропащій, говоритъ, человѣкъ, а дѣтей безпутными дѣлать не хочу...

— А тебя-то, поди, пуще разбираетъ?

— Какъ не разбирать, Евграфъ Никанорычъ, вѣдь вотъ онъ говоритъ, съ измалѣтства привыкъ, а я — не привыкъ что-ли? у рѣки родился, въ озерахъ, почитай, выросъ, вѣдь ровно что-то тянетъ къ нимъ, и радъ-бы забыть, да выбросить изъ головы моготы нѣтъ; тянетъ, словно на родину... Ружье, теперя, увидишь или выстрѣлъ услышишь,— сердце-то забьется такъ, что хоть руками его держи: выскочитъ, право слово, выскочитъ... Значитъ ужъ родился съ тѣмъ... Онъ ефтова во вниманье взять не хочетъ...

— Такъ ты какъ-же, тишкомъ, поди, пострѣливаешь?— спросилъ Скородумовъ.

— Случается, баринъ, нечего таить, правду вамъ говорить надо, вы не такой человѣкъ, не выдадите, сами по себѣ—я чай—знаете... Перехватишь гдѣ ни-на-есть ружьишко, порошку да дробцы, заберешься куда-нибудь подальше, да и отведешь душеньку... Я вѣдь все больше на скотъ ружьецо...

Digitized by Google

— Не изъ утюдавовъ, значитъ?

— Ни-ни... на счотъ ружьишка больше... Только все скверно дѣло; ружье-то рѣдко въ руки попадаетъ... Сплю и вижу, теперя, свое-бы нажить... ужъ я-бы его схоронилъ отъ отца-то, схоронилъ-бы... Такъ опять деньжонокъ нѣтъ...

— Не ся большимъ-же дѣло стало, голова! — замѣтилъ Корчага: за деньгамъ только... Я-бы самъ домишка давно зарылъ, да тоже все денегъ вотъ нѣту-ти, хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти...

— Экой ты, дядя, несуразный! Будь я, значитъ, свободный человѣкъ, не подначальное-бы дѣло мое,—нажилъ-бы горбъ-отъ некупленый! Нынѣ хотѣлъ побурлачить идти, ну нажилъ-бы рублишка три-четыре и на ружьишко перепало-бы,—такъ не пустилъ: «дома, говоритъ, живи, за землей некому смотрѣть; видишь, говоритъ, отецъ-отъ у тебя плохой крестьянинъ.»

— Плохо, братецъ ты мой, дѣло...

— Да ужъ такъ плохо, что и хуже не надо. Весна-то наступила, выйдешь на улицу: журавли, утки, гуси, всякая птица Божія летитъ, тетеревы-то токуетъ во всѣхъ сторонахъ, а ты тутъ за сохой ходи: просто все сердечушко выболѣло, вся душенька истосковалась... Эхъ, баринъ, плохое житьишко мнѣ волюшки нѣтъ!...

Бухтило вздохнулъ, а Евграфъ Никанорычъ погрузился въ сладкую дремоту.

Но Андрюша все время бодрствовалъ, изрѣдка вступая или въ разговоръ съ Корчагой, дѣятельность котораго въ ворлахъ скоро угомонилась, или съ Бухтиломъ, который разсказывалъ ему объ отцѣ,—знаменитомъ душителѣ утокъ (чиродыхъ и леньковъ), и все плакался на свою горемычную судьбу.

XII

Охотничьи впечатлѣнія

Болѣе всего нашъ юноша молчалъ и мечталъ про себя, весело озирая окрестность, хотя она не представляла ничего

Digitized by Google

особенно-интереснаго. Видѣлъ онъ, какъ одна рѣка, на которой стоитъ нашъ городъ, смѣнилась другой, болѣе широкой и сильно разлившейся; вообще количество воды впереди все росло, все расширялось; мѣстность видимо чѣмъ дальше, тѣмъ становилась низменнѣе, болотистѣе: деревья, кусты, рыболовныя затоны, рыбачьи истопки,—все купалось въ водѣ; лодка держалась около берега, то есть не истиннаго, а воднаго, временнаго, вдоль по которому протянулось очень живописное *черноталье*.

Послѣ теплаго дня, наступилъ очень свѣжій вечеръ; солнце оставило послѣ себя яркую красную полосу; вѣтерокъ, днемъ волновавшій широкій разливъ воды, стихъ; поросли остролистной ивы и ольшняка, выглядывающіе изъ воды, стали неподвижно, словно окоченѣла на нихъ каждая вѣтка, замеръ каждый листокъ... Наши охотники были уже очень далеко отъ города и вокругъ нихъ всюду и всюдѣ свѣтлѣлъ разливъ; никакого человѣческаго голоса не было слышно кругомъ.

— Чу!... сказалъ Бухтило, навостривъ уши,—тетеревы токуютъ...

— Стой! не греби!—шопотомъ приказалъ Бутылкинъ, и началъ прислушиваться... на лодкѣ стало такъ тихо, что можно было отличать дыханіе каждаго изъ пассажировъ, и каждый изъ нихъ совершенно ясно различалъ глухое, шипящее клокотанье тетеревей. Впереди выдавался довольно высокій мысъ, по бокамъ обросшій чорнолѣсьемъ.—На этомъ мысу!—шопотомъ сказалъ Бутылкинъ,—мы тутъ переночуемъ, да шалаши на́-скоро устроимъ, а утромъ и попалимъ! Вишь, какъ задуваютъ, подлецы!... слышишь, Андрюша?

— Слышу! чуть слышно, задыхающимся голосомъ произнесъ Скородумовъ... Странное дѣло, клокотанье тетеревей какъ-то странно отозвалось въ немъ: сердце его забилось скоро-скоро, а руки судорожно сжали холодный стволъ ружья; это новоемѣстное безмолвіе, это отсутствіе всякаго живого образа, это безконечное приволье—какъ-то странно расположили его мирную душу, и смертельное желаніе убійства загорѣлось въ сердцѣ.

Digitized by Google

— Что, братецъ ты мой,—сказалъ Бутылкинъ,—царапнуть хочется? Постой, погоди, похлопаешь.

Привалили къ берегу. Становилось темно: охота была уже невозможна,—надо было только хорошенько объ утрѣ подумать.

— Ну, братъ, Андрюша, спать приходится въ лодкѣ, — чуръ не пенять, коли не понравится!

— Охотка не хлябай,—вернулъ Корчага.

— Ничего, отвѣчалъ Андрюша: понравится!..

— Молодецъ ты у меня будешь! А что, Корчага, не выпить ли ради привала,—холодненько стаетъ, согрѣться не мѣшаетъ, какъ ты объ этомъ думаешь?

— Это, баринъ, дѣло хорошее; даве прохладились, такъ теперя погрѣться-бы надо.

Выпили и улеглись. Работники скоро захрапѣли, но старикъ и новобранецъ долго понапрасну жмурили глаза, — сна не было: Бутылкину все старое мерещилось, тѣ первые охотничьи поѣздки, когда еще онъ былъ молодъ, свѣжъ тѣломъ и душою,—и чувствовалъ себя старый охотникъ очень хорошо. А Скородумовъ съ необъяснимымъ наслажденіемъ прислушивался къ разнообразнымъ голосамъ, звучащимъ около: вотъ музыкально, нѣжно трещитъ дупель на своемъ грязномъ, кочковатомъ токовищѣ; вотъ раздается рѣзкое «бя-бя» бекаса-барашка, и вдругъ страстное шипѣнье тетерева покрываетъ эти голоса, звучно раздаваясь въ тишинѣ пустыни. Волны прибивали къ лодкѣ и покачивали ее, а милліоны яркихъ звѣздочекъ смотрѣли въ глаза, мигая и искрясь въ неопредѣленной синевѣ неба...

Холодный утренній вѣтерокъ пробралъ нашихъ охотниковъ до костей и не далъ имъ заспаться. На востокѣ свѣтилась узенькая, предразсвѣтная полоска: пора, пора!

Скоро окрестная тишина отзывалась звучнымъ токомъ тетеревей, а потомъ еще болѣе звучными выстрѣлами. Охота была вполнѣ удачна: взявъ двѣ пары матёрыхъ косачей, наши герои попали на дупелиный токъ и, не смотря на всю скудость весенняго дупеля, не дали пощады аристократамъ болотнаго царства. Оставались еще утки да зайцы на *релкахъ*, то есть на мыскахъ, кругомъ залитыхъ водой и слѣ-

Digitized by Google

довательно безвыходныхъ для зайцевъ, какъ извѣстно, не способныхъ къ плаванію.

Удачи, какъ и несчастія, не приходятъ по одиночкѣ: къ полудню наши охотники, опять усѣвшіеся въ лодку, были и съ утками, да еще какими—крдковками перваго сорта, и съ отличными русаками. Желудки потребовали подкрѣпленія, а руки отдыха. По этому Евграфъ Никаноровичъ, какъ главнокомандующій, рѣшилъ двинуться въ маленькую рѣчку Безхвостую къ *затону* (рыбной ловлѣ), гдѣ можно найти вкусную уху изъ живой рыбы и вожделѣнный отдыхъ...

Какіе уморительные промахи, какія забавныя ошибки дѣлалъ Андрюша на охотѣ! Безъ всякаго разсчета, безъ всякихъ соображеній, онъ палилъ при каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ, сдѣлалъ несчотное число выстрѣловъ, болѣе нежели на половину пуделей, горячился, торопился и волновался. Бутылкинъ потѣшался, но ободрялъ его: «ого! да ты, братецъ ты мой, славный *пужало*, и будетъ изъ тебя добрый *палепало!* пужало,—братецъ ты мой, ничего, этого наканія не стыдись! вотъ *ахалемо* быть плохо; изъ этого, братецъ ты мой, ужъ никакого толку не выйдетъ....

XIII

Охотники разныхъ сортовъ

На высокомъ мѣстѣ, незаливаемомъ водою, стояла черная *истопка* съ незатѣйливымъ очагомъ безъ трубы, и квадратнымъ отверстіемъ вмѣсто двери. Тутъ помѣщался хозяинъ рыбной ловли, старикъ атлетическаго сложенія, и его работникъ, молодой, красивый парень. Около истопки были развѣшаны разнокалиберныя рыболовныя снасти и пылало нѣсколько яркихъ пожоговъ. «Эге!» сказалъ Бутылкинъ,—да тутъ ужъ есть гости! Онъ выскочилъ на берегъ. «Что, хозяинъ, рыбенка водится?»

— Какъ не водиться! Найдемъ щуку-голубое перо! милости прошаемъ!

Digitized by Google

Задымился еще пожогъ, закипѣлъ самоваръ... И собрались около истопки охотники всѣхъ сортовъ, процвѣтающихъ въ нашихъ краяхъ.

На первомъ планѣ вы видите шумный кружокъ охотниковъ-дилетантовъ, авантюрьеровъ, — у этихъ пиръ горой: вино рѣкой льется, а розсказни, анекдоты, всероссійское краснорѣчіе—моремъ. Дилетанты охотились, собственно говоря, мало: натянулись на рѣлку, гдѣ какъ угорѣлые метались, осажденные со всѣхъ сторонъ водою зайцы, — да тѣмъ и удовольствовались. За-то гребцы, одѣтые въ красныя рубашки и плаваны съ павлиньими перьями, выпившіе на полуштофу, лихо пропѣли: «Какъ по матушкѣ, по Невѣ рѣкѣ, подъ Васильевскимъ славнымъ островомъ»; за то холодное шампанское казалось особенно вкусно на лодкѣ, среди необозримаго приволья, бродило въ головѣ и выдывало веселые, соблазнительные разговоры.

Душой и хозяиномъ этого общества былъ господинъ средняго роста, довольно полный, но красиво сложенный, одѣтый въ темно-синее шолковистое мохнатое пальто; смуглое лицо его украшалось большими черными глазами, волосами до плечъ, нѣсколько вьющимися, и длинными гусарскими усами. Это былъ помѣщикъ трехъ-сотъ душъ Мѣщковъ, отставной гусаръ и великій жуиръ.

— Что тамъ за чудачины еще привалили? сказалъ онъ, хлопоча около жжонки, распространявшей кругомъ пріятный, соблазнительный запахъ.

— Гдѣ?—лѣниво спросилъ товарищъ Мѣшкова, тонкій, стройный молодой человѣкъ со щегольскими бакенами, съ золотыми очками на горбатомъ носу, лежа на великолѣпномъ коврѣ.

— Вонъ двое-то, какіе-то натѣзндеры...

— Знакомое лицо!—отозвался молодой человѣкъ.

— Полно! которое?

— Этотъ, что повыше и моложе... Кто-бы это могъ быть?—лицо знакомое, а вспомнить не могу... Грачовъ, вы не знаете, кто эти двое, вонъ что у самоварчика-то усѣлись наслаждаться чаепитіемъ?

Третій дилетантъ, преспокойно лежавшій навзничь, ли-

Digitized by Google

длинъ вверхъ, длинновязый, нѣсколько неопрятный, давненько небритый господинъ, поднялъ голову, кажется ужъ черезъ чуръ отяжелѣвшую, мутными сѣрыми глазами взглянулъ на нашихъ героевъ, старика и новобранца, и снова опрокинулся навничь, сказалъ: «Неужели не знаете? этотъ что постарше-то—знаменитость здѣшняя, первый охотникъ въ городѣ, нѣкій Бутылкинъ.»

— А другой?

— Другого не знаю... вѣрно ученикъ его, какой-то...

— Что же это за Бутылкинъ,—порядочный человѣкъ?

— Сволочь... чудачина страшный, какое-то дикое существо, и впрочемъ пьетъ, говорятъ, умѣетъ...

— Тебѣ не угодитъ?

— Не знаю... можетъ быть и переньетъ...

— Полно! ты что-то упалъ духомъ... Ты слышалъ, Чистяковъ, какъ это осрамилъ Егоровъ?

— Нѣтъ. А что такое?

— Какъ же, братецъ мой, разбилъ его на голову. Вѣдь Грачевъ у насъ хвастунъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, за то ужъ и сорвать надерзо вспомнитъ. Вообразилъ онъ, что такой петуха, подобнаго ему, въ городѣ нѣтъ, расхвастался, и Егоровъ и вызвалъ его на состязаніе. Дѣло было въ клубѣ, при свидѣтеляхъ. Пали они водку, и пошли пасовать, и ромъ тоякомъ. Натянулся нашъ Грачевъ, какъ змѣя, до положенія разъ, братецъ мой, то есть окончательнаго такъ безчувственнаго и домой увезли. А у Егорова какъ бы въ одномъ глазѣ,—у буфетчика еще разсчетъ спросилъ: оказалось одной водки на четыре рубля восемь гривенъ, то есть выходитъ—сорокъ восемь рюмокъ! Да какъ еще, подлецъ, утромъ, тѣмъ свѣтъ, пріѣхалъ навѣстить этого гуся. Что, не начнемъ ли снова? говоритъ, а чего, этотъ еще-еще душа въ тѣлѣ, въ растяжку лежитъ... Осрамилъ, просто опозорилъ! То-то онъ и духомъ-то упалъ!

— Плохо, плохо, господинъ Грачевъ! А еще московскій пятуха отодрали! Чистякаловъ (молодой человѣкъ) мнѣ какъ-то сказывалъ, что онъ всѣмъ интересуется, знаетъ этотъ новый охотникъ знаменитый Бутылкинъ, какое такое знаменіе, кто бы это могъ быть?

Digitized by Google

Чистагановъ задумался и вдругъ вокричалъ: «Ахъ, вѣдь это Скородумовъ, товарищъ по корпусу! большимъ пріятелемъ бывалъ когда-то,—хорошій малый!

— Такъ что-же, сказалъ Мѣшковъ, — не присовокупить ли ихъ сюда для компанства? чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше. Кстати поглядимъ поближе и на этого диковиннаго Бутылкина.

Такое вниманіе обратили на себя наши герои, смиренно бесѣдовавшіе около самовара и составлявшіе другой кружокъ «охотниковъ по страсти»; торопливо глотаютъ они свой чай, мѣняясь отрывочными фразами, а упорная дума далеко, далеко...

— Отдохнемъ маленько, братецъ ты мой,—говоритъ Бутылкинъ, — да вечеръ надо захватить опять на томъ-же мѣстѣ...

— Не лучше-ли подальше забраться?..

— Пожалуй... гдѣ эти пропадали,—надобно узнать,—поди, пощолкали тоже...

Послѣднія слова относились къ третьему кружку «охотниковъ-промышленниковъ», состоящему изъ артели мѣщанъ, которыхъ перегнали наши герои, выѣзжая изъ города. Это самый скрытный, самый замкнутый кружокъ. Охотники-промышленники бѣгаютъ отъ всѣхъ, иногда забираются чрезвычайно далеко. Собравшись въ числѣ пятнисти человѣкъ, большею частью мѣщанъ и дворовыхъ, между которыми иногда попадетъ и бѣдный чиновникъ,—охотники-промышленники составляютъ общину, со всѣми ея аттрибутами: кто-бы сколько ни настрѣлялъ,—все дѣлится поровну; на общій счотъ нанимается лодки, покупается порохъ, дробь и прочіе припасы, все на складчину, гривенника по три, по четыре съ рыла. Порой между ними встрѣтите страстнаго любителя охоты, поступившаго въ общину для выгоды, но во всякомъ случаѣ въ немъ страсть подчиняется разсчоту, невѣдомому для истаго «охотника по страсти.»

— Слушай, Васька,—говоритъ шопотомъ толстый, солидный мѣщанинъ, апетино уплетая хлѣбную кашицу;—коли такъ стрѣлять, нѣпочто и ѣздить, — пустое дѣло, шаль одна, да пороху переводъ; полтину наживешь, а рубль опустишь!

Digitized by Google

— Ну, полно-же, не сердись, дядя! отвѣчалъ молодой парень, къ которому относились эти слова,—погорячился, что будешь дѣлать! не волёнъ человѣкъ въ себѣ! Погорячился! Больше не стану, право слово не стану!.. Ни одинъ зарядъ даромъ не пропадетъ!

— То-то, ты говоришь-то завсегда ладно, да дѣлаешь-то неладно... Увидалъ птицу—и задрожалъ весь, руки трясутся, глазами ее съѣсть хочешь,—какая ужъ тутъ стрѣльба,—что ни наметъ—все мимо, да мимо... Нѣтъ, ты сообрази хорошенько, какъ разстоянье, поближе подъѣхать нельзя-ли, ружье-то осмотри, да и цѣлься, не торопясь, чтобы значитъ, на вѣрняка...

— Ну-ну, вы тутъ разсуждайте больше,—пропустимъ время, другіе все повыщелкаютъ.. Набивайте-ко пуздро-то, да пора ѣхать! отозвался третій, чорный какъ цыганъ, мускулистый собесѣдникъ, облизывая деревянную ложку.

XIV

Новыя знакомства

Между тѣмъ дилетанты рѣшились вступить въ знакомство и пригласить къ себѣ въ компанію нашихъ «охотниковъ по страсти».

— Здраствуйте, Скородумовъ! сказалъ молодой человѣкъ въ очкахъ, подходя къ Андрюшѣ.

— Чистагановъ!? вы-ли это?—вотъ встрѣча-то! какъ вы сюда попали?

— Да очень просто: я командированъ въ здѣшнюю губернію,—и вотъ съ друзьями отправился посмотрѣть на здѣшнюю охоту, посравнить съ нашей петербургской...»

— Да, вѣдь вы еще въ корпусѣ разсказывали о вашихъ охотничьихъ и любовныхъ похожденіяхъ.... впрочемъ послѣднія вы кажется предпочитали...

— Еще-бы!.... А знаете что? мы на васъ хотимъ нападеніе учинить: вашъ товарищъ считается знаменитѣйшимъ

Digitized by Google

здѣшнимъ патриархомъ,—мы хотимъ, чтобы вы насъ съ нимъ познакомили и присоединились къ нашей трапезѣ: надо-же хорошенько отдохнуть послѣ трудовъ, а вы съ господиномъ Бутылкинымъ вѣрно не понапрасну тратили время?...

— Да, у насъ есть таки кое-что, и все больше жертвы Евграфа Никанорыча, — я вѣдь, хоть и страстный, но еще молодой, начинающій охотникъ...

— Позвольте познакомиться съ вами: подпоручикъ Чистагановъ!

— Весьма пріятно-съ: Евграфъ Бутылкинъ!.. застѣнчиво отвѣчалъ нашъ герой.

— Мои товарищи, продолжалъ Чистагановъ,—непремѣнно хотятъ видѣть васъ въ своемъ кругу,—надѣюсь, вы будете такъ добры, не откажете намъ въ этомъ удовольствіи,—мы такъ много слышали о вашихъ охотничьихъ подвигахъ...

— Отъ чего-же-съ... съ моимъ удовольствіемъ...—отвѣчалъ старый охотникъ въ замѣшательствѣ.

— И такъ мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ! продолжалъ деликатничать Чистагановъ, прикладывая по военному два пальца къ своей щегольской фуражкѣ и удаляясь къ своему кружку.

— Что это за гусь? спросилъ Бутылкинъ у Андрюши.

— Товарищъ мой по корпусу... не знаю какъ теперь, а былъ великій фанфаронъ, франтъ, всегда напрыскаленый...

— То-то, я вижу, онъ тутъ что-то больно кокетничаетъ; лебезитъ, точно около дѣвки; кой прахъ ему нужно отъ меня?

— Ничего... побудемте недолго...

Они подошли къ кружку дилетантовъ, гдѣ и произошло общее ознакомленіе.

— Евграфъ Бутылкинъ! представлялся старый охотникъ.

— Гра—а—фъ!?—отозвался Грачовъ, все еще лежа навзничь.

— Евграфъ-съ! сказалъ нашъ герой, краснѣя.

— Ахъ, какъ пріятно познакомиться съ графомъ Бутылкинымъ! продолжалъ Грачовъ, протягивая руку и вызывая всеобщій смѣхъ.

Digitized by Google

— Садитесь-ка поближе, вотъ на коверъ, графъ Бутылкинъ, и вы, господинъ Скородумовъ, говоритъ Мѣшковъ: вотъ и жжонка готова! милости просимъ!

— Дѣло! отозвался Грачовъ, поднимаясь и поправляя свои растрепанные волосы: — не знаю какъ по вашему, а по моему мнѣнію охота безъ выпивки — дрянь-дѣло.... Не правда-ли, графъ Бутылкинъ?

— Отчасти-то есть... конечно... выпить можно...

— И должно... подхватилъ Чистагановъ: — вотъ мы съ Скородумовымъ по корпусному, старинку вспомнимъ, брудершафтъ будемъ пить, на «ты»...

— Ха-ха-ха! залился Грачовъ: — и онъ туда-же! ужъ лучше-бы молчалъ... Воды не спросить-ли? смотри, голова закружится, бакены полиняютъ... Эй, Прошка! принеси воды этому франтику!

Чистагановъ нѣсколько сконфузился...

— Ахъ, господинъ Грачовъ, вы что-то расхрабрились безъ шпоровъ, ха-ха-ха! сказалъ онъ, насильно стараясь смѣяться.

— Ты, братъ, не шути съ Чистагановымъ, вступился Мѣшковъ, — онъ гимнастикѣ, братъ, обучался, — семь пудъ одной рукой подниметъ, не разсердя его!

Но Грачовъ уже отвернулся, обхватилъ Бутылкина около шеи, говоря:

— Вотъ съ кѣмъ я выпью на «ты», такъ ужъ непремѣнно выпью, — это вѣдь графъ, шуточное-ли дѣло!

— Ну, какъ ваша охота? спросилъ Мѣшковъ, — мы по зайцамъ сильную пальбу затѣяли, что бѣда...

— Нашего-съ, кое-что и у насъ есть: тетеревей двѣ пары, дупелишекъ паръ шесть, да восемь зайцевъ...

— Полноте! да вы не по-нашему... У насъ впрочемъ вашъ этотъ (Мѣшковъ мотнулъ головой на Грачова) все пудреномъ только дичь разгоняетъ.

— Что и говорить!.. вы съ Чистагановымъ не пуделями!... Хоть-бы ужъ не говорилъ.... Вотъ, графъ, что я вамъ скажу: во-первыхъ, выпьемъ на «ты»....

Евграфъ Никанорычъ не отказался, хотя вообще пилъ мало, и стаканъ жжонки возъимѣлъ на него должное дѣйствіе.

Digitized by Google

— Во-вторыхъ, продолжалъ Грачовъ:—у этого мошенника, то есть не у Чистаганова, который стрѣляетъ изъ чужого ружья, также какъ и азъ многогрѣшный, а у Мѣшкова,—ружье въ триста цѣлковыхъ, такое, скажу тебѣ, графъ, ружье, что хоть не цѣлься,—само собой въ цѣль такъ-таки и попадетъ... Самъ ты знаешь,—руки много значатъ... И я это знаю, потому что стрѣливалъ изо всякихъ ружей... Была у меня винтовка—послѣ самого Наполеона, — одинъ негоціантъ въ Москву привезъ....

— Ну, пошолъ врать!..

— Врать!.. Пожалуй не вѣрь,—плевать я на тебя хотѣлъ... Выпить еще разъ, графъ,—какъ ты думаешь?

— Можно-съ...

— А вы, господинъ Скородумовъ,—извините, имени и отечества не знаю...

— Я ужъ выпилъ... А вотъ что, Евграфъ Никаноритъ, не пора-ли намъ въ путь?

— Полноте врать! что вы, Богъ съ вами, не отпущу я васъ: вы съ нами отправитесь по мнѣ въ усадьбу,—и всего версты три, на самомъ берегу... Неужели-же для перваго-то знакомства измѣните,—охота не уйдетъ! сказалъ Мѣшковъ.

— Какъ хочешь, Скородумовъ, а я тебя не отпущу: товарищи по корпусу, года два не видались, — нельзя! подхватилъ Чистагановъ.

— Какъ Евграфъ Никаноритъ хочетъ, — я въ его распоряженіи .. отвѣчалъ Скородумовъ.

Общія просьбы заставили Бутылкина согласиться; при томъ Мѣшковъ обѣщалъ показать свой превосходный охотничій кабинетъ,—да и въ головѣ стараго охотника поднялась такая революція послѣ жжонки, что имъ можно было располагать какъ угодно.

И такъ, подъ разудалыя пѣсни пѣгребцовъ, вся компанія двинулась въ Еляково—усадьбу Мѣшкова, куда и прибыла благополучно уже вечеромъ.

Digitized by Google

XV

У Мешкова

Усадьба стояла на самомъ берегу, на довольно живописномъ мѣстѣ; большой, украшенный колоннами домъ утонулъ въ зелени; мѣстность кругомъ была холмистая, волнообразная. Давно уже Евграфъ Никанорычъ не видалъ такихъ большихъ, свѣтлыхъ, щеголевато-отдѣланныхъ комнатъ и ощущалъ какой-то неопредѣленный страхъ, озираясь кругомъ, ступая на дорогіе ковры, садясь на мягкую, роскошную мебель. Но охотничій кабинетъ произвелъ на нашего героя совершенно подавляющее впечатлѣніе: увы! какъ бѣденъ, какъ ничтоженъ показался ему его жалкій арсеналъ передъ этой коллекціей охотничьихъ принадлежностей, и у кого-же на рукахъ эти сокровища?—у проваиа, кутилы, который не умѣетъ даже и пользоваться-то ими какъ должно. Евграфъ Никанорычъ хотя и былъ все время подъ карауломъ, но хорошо видѣлъ, что за птица отставной гусаръ Мѣшковъ и въ житейскомъ, и въ охотничьемъ отношеніи...

Особенно поразило нашего героя одно англійское ружье.— Господи! что это за ружье, просто изъ рукъ вонъ выпустить не хотѣлось; какою дрянью представлялось передъ этимъ сокровищемъ его собственное генеральское ружье тульскаго издѣлія,—а онъ еще довольствовался, восхищался, хвасталъ своею дрянью! Въ третій разъ Бутылкинъ почувствовалъ зависть, которая змѣей заползла въ его доброе сердце, не шутя грызла и сосала его. Все остальное въ усадьбѣ исчезало, терялось въ глазахъ стараго охотника передъ неоцѣненнымъ ружьемъ....

Между тѣмъ въ домѣ поднялся пиръ горой: попойка, шумъ, хоръ дѣвокъ, которыя довольно стройно, но монотонно затянули «Было холодно немножко»... Мѣшковъ подергивалъ плечами; Чистагановъ заигрывалъ съ дѣвками, а Грачовъ подсвистывалъ, подтягивалъ и даже подплясывалъ.

— Какъ-бы намъ выбраться отсюда? шепнулъ Андрюша подъ шумокъ своему камраду.

Digitized by Google

— Видѣлъ ты, братецъ ты мой, какое ружье у этого брандахлыста,—у... цѣлаго царства стоитъ! отвѣчалъ Бутылкинъ.

Въ разгарѣ веселья показалась жена Мѣшкова, худая, блѣдная женщина, съ тупымъ взглядомъ, совершенно молчаливая,—видимо загнанное, страждущее существо; хозяинъ съ гримасами отрекомендовалъ ей Евграфа Никанорыча, а Чистагановъ старался увѣрить ее, что это графъ, настоящій графъ, видимо потѣшаясь надъ несчастной женщиной. Она тупо глядѣла на Бутылкина, спросила совершенно не кстати, былъ-ли онъ въ Петербургѣ, и по приказанію супруга ушла, не дожидаясь отвѣта отъ сконфузившагося охотника.

Пиръ принималъ довольно безобразный видъ, какъ вдругъ появленіе новаго лица нѣсколько смутило главныхъ его двигателей. Явился почтенный господинъ, съ сѣдой головой и съ сѣдыми-же длинными усами; его открытая, какъ-то необыкновенно ясно улыбающаяся физіономія внушала невольное уваженіе.

— Здорово, Леонидъ Ефимычъ! Что, кутежъ у тебя тутъ? сказалъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ; гости, видно, были незнакомы ему:—продолжайте, господа,—я васъ не стѣсняю. Я на минутку, Леонидъ Ефимычъ, надо-бы о дѣльцѣ переговорить, или ужъ тебѣ сегодня не до того?

— А, Осипъ Иванычъ, вотъ батюшка обрадовали-то: всегда непремѣнно по дѣлу,—вы такъ ужъ не хотите завернуть... А мы празднуемъ первое поле: это все господа охотники.

— Какъ первое поле? до Петрова-то дня? Ахъ, господа, господа! а еще люди образованные... Какіе вы послѣ этого охотники,—не считаю я васъ за охотниковъ,—вы браконьеры, просто браконьеры...

— Спасибо, Осипъ Иванычъ, одолжили!

— Меня впрочемъ прошу исключить,—сказалъ Чистагановъ:—я говорилъ Мѣшкову, что нечестное дѣло до Петрова дня охотиться, что строгія правила спорта...

— Ну, ну, ну: мало-ли что говорилъ, а все-таки стрѣлялъ, значитъ и шабашъ: прервалъ его Мѣшковъ.

— Вамъ-бы, господа, продолжать гость,— надо распро-

Digitized by Google

странять въ низшихъ, необразованныхъ классахъ правила честной охоты, преслѣдовать-бы браконьерство, а вы что дѣлаете!—просто срамъ! Я всегда мечталъ, какъ-бы устроить общество для этой цѣли, въ видахъ сбереженія дичи, которая у насъ исчезаетъ съ года на годъ...

— А что, господа, не устроить-ли намъ такое общество: станемте-ка дружно, единодушно преслѣдовать браконьеровъ-охотниковъ до Петрова дня! воскликнулъ Мѣшковъ,—какъ вы думаете, Евграфъ Никаноровичъ? Это, Осипъ Иванычъ, нашъ знаменитѣйшій, опытнѣйшій охотникъ, г-нъ Бутылкинъ...

— Весьма пріятно познакомиться...

— Я готовъ... оно точно весьма пользительно будетъ... потому дичь истребляется... они изволили замѣтить весьма справедливо... отвѣчалъ Бутылкинъ.

— Такъ рѣшено что-ли, господа?

— Рѣшено, отвѣчали всѣ, а въ числѣ всѣхъ и Грачовъ, уже вовсе пьяный.

— Вотъ это хорошо! весело сказалъ гость, — теперь и выпить можно, есть случай весьма благовидный, а то набеззаконничали люди, да точно на радости пить выдумали..

— У насъ въ Петербургѣ, сказалъ Чистагановъ, стараясь обратить на себя вниманіе гостя,—ни одинъ охотникъ ружья въ руки не возьметъ до Петрова дня... Бѣда!... Я удивился простотѣ, даже дикости здѣшнихъ нравовъ... Вы тоже съ нами?

— Нѣтъ, я ужъ старъ для этого и здоровьемъ, и временемъ небогатъ... Вы молоды, свѣжи, вамъ и книги въ руки! отвѣчалъ Осипъ Иванычъ.

— Эй, человѣкъ! шампанскаго, крикнулъ между тѣмъ Мѣшковъ.

Подали шампанское, которое и полилось рѣкой, головы зашумѣли; трезвѣе всѣхъ оставались почтенный гость, не присутствовавшій на предварительной выпивкѣ, Чистагановъ, какъ-то искусно лавировавшій отъ излишняго подливанья въ его стаканъ и въ то-же время показывающій такой видъ, будто пьетъ не меньше другихъ, да Бутылкинъ, предъ которымъ все мелькало дивное ружье въ тысячѣ экземпляровъ, словно дразнило его.

Digitized by Google

Что касается до Андрюши, онъ весь разгорѣлся и размахивая руками говорилъ, что умретъ на охотѣ, что не охотиться — значитъ не жить.

Мысль, составить общество для преслѣдованія браконьеровъ, приводила въ особенный восторгъ Мѣшкова, который считался поэтомъ.

— Подстерегать, ловить и отдавать въ руки правосудія этихъ мошенниковъ, говорилъ онъ,—да это привесело... темныя ночи... луна... это поэзія вѣдь, просто поэзія, — я это въ стихахъ опишу.

XVI

Бесѣда и поэзія

Между тѣмъ почтенный гость, увидя, что толковать о дѣлѣ тутъ неумѣстно, распрощался, обѣщаясь заѣхать въ другой разъ.

Евграфу Никанорычу, непривыкшему къ шумному обществу, тоже сильно хотѣлось домой, но общая любезность, хотя весьма двусмысленная, удерживала его.

— Я очень радъ, говорилъ Чистагановъ,—что познакомился съ вами, г. Бутылкинъ, познакомился съ истиннымъ охотникомъ: у насъ въ Петербургѣ они не рѣдкость, но здѣсь у васъ... знаете, я вамъ скажу, это совершенная пустыня во всѣхъ отношеніяхъ... И что за охота бродить Богъ знаетъ по какимъ-то трущобамъ, лица человѣческаго не встрѣтишь... На охотѣ, знаете, пріятна не столько самая охота, сколько тамъ приключенія разныя, встрѣчи, — ну и женщины, непремѣнно женщины...

— Ну, такъ поохотился-бы ты за женщинами! прервалъ его Грачовъ,—наплюй на него, графъ, ты вѣдь до женщинъ кажется неохотникъ, нечего слушать его розказни! По моему такъ выпивка, выпивка — это подспорье въ охотѣ, большое подспорье...

Digitized by Google

— Ахъ, какой онъ чудакъ! не въ женщинахъ дѣло... выпивка! Чтожъ, я отъ выпивки не прочь, выпивка сама по себѣ... Но не въ выпивкѣ-же сила... Дѣло въ поэзіи: надо, чтобъ охота опоэтизирована была... А безъ женщинъ ужъ тутъ не обойтись, какъ хотите, господа... Ахъ, mon cher, скажу я тебѣ (онъ обратился къ Скородумову), какъ мы охотились, окончивъ выпускные экзамены...

— И вѣрно ничего не убили, вари держу что такъ! отвѣчалъ Андрюша.

— Хороша охота, отозвался Мѣшковъ, все за поэзіей гонялись... Нѣтъ, дружокъ, вотъ въ чемъ вся поэзія-то, скажу я тебѣ:—въ хорошей собакѣ... Видѣли-ли вы, Евграфъ Никанорычъ, моего пса, — постойте, я вамъ покажу: вотъ это такъ поэзія! Мѣшковъ велѣлъ привести собаку, и вскорѣ въ комнату вошолъ безподобный, кровный сетръ, съ шолковистой шерстью свѣтло-каштановаго цвѣта, съ удивительно умными глазами. Бутылкинъ пришолъ въ восторгъ, гладилъ и цаловалъ въ морду прелестнаго, граціознаго Дракона, который словно постигалъ, кто его гладитъ, и ласково смотрѣлъ на стараго охотника, помахивая пушистымъ хвостомъ.

— Чуть не украли его одинъ разъ у меня; вѣдь плакалъ-то я, батюшка, кровавыми слезами, даже стихи написалъ, до того умилился, да какіе стихи, — хоть сейчасъ въ любой журналъ отправляйте, — напечатаютъ, прославятъ, вотъ оно что значитъ поэзія!

— Какъ-бы прочесть это великое произведеніе? спросилъ Чистагановъ.

— Развѣ ты не читалъ?

— Не имѣлъ этого удовольствія.

— Если господа желаютъ, я самъ могу прочесть.

— Пожалуста, пожалуста!

Мѣшковъ прокашлялся, сдѣлалъ печальную физіономію и велегласно продеклямировалъ:

«Гдѣ мой товарищъ, любимецъ, — гдѣ онъ,
Другъ неизмѣнный, безцѣнный Драконъ!
Весело съ нимъ мы, по дружески жили,

Digitized by Google

Да злые люди друзей разлучили...
Бѣдный товарищъ, мы жили любя,
Да легковѣрность сгубила тебя!
Молодъ, неопытенъ рвался на волю,
Жаждою жизни и страсти сгаралъ,
И свою тихую, скромную долю
На неизвѣстное ты промѣнялъ!...
Скоро поймешь ты ошибку, — но поздно!...
Все ты извѣдаешь: злобу людей,
Силу и крѣпость ременныхъ плетей,
Стужу зимы безконечно морозной,
Зависть и зубы дворовыхъ собакъ, —
Скажешь печально: дуракъ я, дуракъ!
Если-же съ горя, да съ голоду, — битый, —
Снова отыщешь потерянный кровъ,
Дружнія будутъ объятья открыты,
Снова сойтись я съ тобою готовъ!...
Ты же, обманщикъ, расторгшій семейство,
Проклятъ да будешь, — и въ сердцѣ, пока
Будешь владѣть ты добычей злодѣйства, —
Пусть да гнѣздится злодѣйка-тоска!
Слезы отчаянья, совѣсти голосъ —
Сонъ пусть навѣютъ такой на тебя,
Чтобы вдругъ дыбомъ поднялся твой волосъ,
Чтобы ты проклялъ и жизнь, и себя!...

— Браво, браво, закричалъ Чистогаевъ, — да вы, братъ, не шутя поэтъ!

— Да, братъ, давно-бы тебѣ за собакъ принялся, давно-бы попалъ на пряникъ! отозвался Грачовъ.

— Безподобно! сказалъ Андрюша, — я вполнѣ понимаю ваше чувство; нельзя-ли записать? Только Евграфъ Никанорычъ не заложилъ словца своего къ общимъ похваламъ, увѣнчавшимъ поэта.

На другой день молча ѣхали домой Бутылкинъ и Скородумовъ; у Андрюши голова трещала и была совершенно пуста, а въ головѣ нашего героя гвоздемъ засѣла мысль о необычайномъ ружьѣ; съ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на свою двустволку, не продувалъ, не укладывалъ ее, какъ бывало: точно бѣсъ въ видѣ англійскаго ружья возмутилъ мирную, довольную душу стараго охотника.

Digitized by Google

XVII

Хандра

Грустно, невесело прошло лѣто; не порадовала Евграфа Никанорыча и осень: во снѣ и на яву грезилось чудное англійское ружье, да вѣдь такъ соблазнительно красовалось, что свое изъ рукъ вонъ выпадало. Къ собственному своему удивленію, старѣйшій, опытнѣйшій и славнѣйшій охотникъ нашего богоспасаемаго града въ эту несчастную осень сдѣлалъ болѣе тридцати пуделей по дупелямъ: диковина, которой едва-ли повѣрилъ-бы кто-нибудь, даже незнавшій Бутылкина лично, а только слыхавшій о немъ; мы съ читателемъ вѣримъ этому только какъ очевидцы.

Прежде бывало веселый и бодрый приходилъ Евграфъ Никанорычъ въ губернское правленіе.

— Ну, здравствуй, здравствуй, Евграфъ Никанорычъ, говорилъ совѣтникъ Терябчиковъ, подмахивая нечитанные журналы:—ну, что? какъ твоя охота?

— Ничего-съ... дупелишекъ таки поначикалъ...

— И порядочное количество?

— Паръ съ полтараста будетъ...

— Ого! удивлялся совѣтникъ,—славно, канальство! и подъ журналомъ вмѣсто своей фамиліи вдругъ бывало черкнетъ «канальство.»

А нынѣ срамъ сказать! Нашъ герей не насчитывалъ болѣе двадцати паръ убитыхъ имъ дупелей.

Правда, что и годъ выпалъ недупелиный, такъ сказать: съ іюня началась засуха, какой давно не бывало; на высокихъ мѣстахъ все повыгорѣло; ни грибовъ, ни ягодъ, ни сѣна хорошаго не видали; страшные лѣсные пожары то и дѣло свирѣпствовали въ разныхъ сторонахъ, такъ-что всюду распространился запахъ гари и синій стелющійся дымъ, сквозь который солнце казалось раскаленнымъ шаромъ; засуха не давала никакой возможности остановить движеніе пламени. Тщетно и природа, и люди просили небесной влаги; въ деревняхъ и городахъ служили молебны

Digitized by Google

всѣмъ чудотворцамъ,—нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сотворить чуда, пренебрегая мольбами грѣшниковъ... Какіе ужъ тутъ дупели! Мѣста, гдѣ прежде представлялись грязныя мочежины, гдѣ такъ любили бывало жировать болотные аристократы,—высохли, выгорѣли, и жирные долгоносики съ великимъ трудомъ могли отыскивать удобное, сколько нибудь комфортное помѣщеніе для себя среди нѣсколькихъ пустошей, куда палящіе лучи солнца проникали не слишкомъ свободно. Правда, что годъ выпалъ ужъ недунелиный; но отъ полтораста паръ только двадцать, но тридцать дуделей—это ужасно!... Однако Евграфъ Никанорычъ не сердился на себя: «анаѳемщина! что сдѣлаешь съ этой дрянью!» восклицалъ онъ, бросая на-земь генеральское ружье. Даже охотничій жаръ Андрюши Скородумова не разогрѣвалъ его, и не переживалъ старый охотникъ въ увлекающемся новобранцѣ своего прошедшаго, — нѣтъ, бѣговское ружье Мѣшкова все повернуло вверхъ дномъ...

Мрачный, задумчивый бродилъ Бутылкинъ; все ему стало противно, все раздражало и ни что не радовало его.

Зима наступила ранняя и въ концѣ октября проложила славный снѣговой, гладкій какъ шоссе, путь по всѣмъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ. И поѣхали по этому безподобному пути въ нашъ губернскій городъ многообразные по своему виду и содержанію обозы; везутъ мужички новый хлѣбъ на продажу; везутъ возы съ душистой осокой, накошенной *въ озерахъ*, везутъ красивые дормезы и неуклюжія, брянчащія брики помѣщиковъ, покидающихъ на зиму свои усадьбы; везутъ вмѣстительные дилижансы труппу странствующихъ актеровъ для потѣхи жителей нашего города; приливъ, приливъ къ городу со всѣхъ сторонъ...

Монотонно пошли дни нашего героя. Встанетъ онъ утромъ ранёшенько, напьется чаю, лицо такое невеселое, что даже Ѳекла замѣчать стала. «Что-молъ, сударь, нынѣ суровый сталъ такой, что ходишь невеселю, что смотришь не радостно? видно старость-нерадость подоспѣваетъ!» Отмалчивается Евграфъ Никанорычъ, а самъ думаетъ: «Ухъ, ты, жизнь, жизнь! ни чѣмъ-то ты не порадуешь, тянешься день за день, такъ что и дни-то опротивѣютъ; ничего впереди

Digitized by Google

эдакаго ободряющаго, развеселяющаго нѣтъ — скука!» Въ десять часовъ идетъ онъ въ губернское правленіе, гдѣ встрѣчаетъ все тѣ-же, заказныя точно, чиновничьи физіономіи, все тѣ-же форменные вицъ-мундиры, которые видитъ давнымъ-давно; слышитъ все однѣ и тѣ-же рѣчи... скука! Въ правленіи пробудетъ онъ часовъ до трехъ, — и домой, обѣдать. Обѣдается какъ-то плохо, апетита нѣтъ... За-то послѣобѣденные часы съ нѣкотораго времени стали самыми пріятными для него впродолженіи цѣлаго дня. Евграфъ Никанорычъ облекается въ засаленный халатъ, пять лѣтъ тому назадъ купленный за три рубля у татарина, закуриваетъ трубку, начиненную «жуковиной», вдѣваетъ на кожаный диванъ и предается мечтамъ. Странныя фантазіи приходили въ голову нашего героя, доказывающія сильную напряжонность воображенія. Вдругъ вообразится ему, что— вотъ Мѣшковъ сдѣлался боленъ, серьозно, смертельно боленъ, и чувствуетъ скорое приближеніе смерти, а потому хочетъ распорядиться своимъ имѣніемъ. Призываетъ онъ жену свою и наказываетъ ей... нѣтъ, жены совсѣмъ не призываетъ, это не въ его духѣ, — призываетъ Чистаганова... нѣтъ, и не Чистаганова, — этотъ не годится для такого порученія... призываетъ онъ Осипа Иваныча и говоритъ: Вотъ, Осипъ Иванычъ, такъ и такъ... я умираю и передаю вамъ послѣднюю волю свою... Мѣшковъ распредѣляетъ разныя вещи тому да другому, наконецъ доходитъ до чуднаго ружья; ружье, говоритъ, передайте вы одному охотнику, который одинъ можетъ оцѣнить его по достоинству и быть достойнымъ обладателемъ этого сокровища, не забудьте-же, такъ-таки самолично и передайте ему... Охотникъ этотъ Евграфъ Никанорычъ Булыкинъ: хотя я подтрунивалъ надъ нимъ во время моей жизни, но понималъ его вполнѣ, и теперь въ знакъ моего раскаянія и особеннаго уваженія прошу его принять отъ меня это ружье... Такъ и скажите ему, Осипъ Иванычъ... И вотъ Евграфъ Никаморычъ становится вдругъ обладателемъ сокровища!...

Иногда-же ему представлялось совсѣмъ другое: будто Мѣшковъ охотился весной, въ незаконное время, а терентьевскіе мужички подстерегли его, да и отняли ружье,

Digitized by Google

которое немедленно принесли къ Евграфу Никанорычу.... И опять-таки онъ обладатель сокровища.... То воображалось ему, что Мѣшковъ разорился и началъ продавать за безцѣнокъ свои вещи, а въ числѣ прочихъ и ружье, которое конечно и пріобрѣталось извѣстно кѣмъ... Результатъ былъ все одинъ и тотъ-же: обладаніе сокровищемъ.... Все это въ воображеніи было обставлено приличными подробностями и аксесуарами....

Такія фантазіи услаждали нашего героя до тѣхъ поръ, пока сонъ не омежалъ его вѣждей: трубка падала на полъ, носъ издавалъ звучный свистъ, а фантазіи замѣнялись сновидѣніями. Вечеромъ Евграфъ Никанорычъ прежде любилъ заниматься приведеніемъ въ достодолжную чистоту своего арсенала, при чемъ курнывалъ себѣ подъ носъ единственную пѣсенку о грибахъ, начинающуюся такъ: «Стоялъ грибъ, боровикъ, надо всѣми полковникъ;—онъ, подъ дубомъ стоючи, на всѣ грибы глядючи, повелѣлъ—приказалъ, грибы на́ войну сбиралъ...» Занимался, бывало, также разговорами съ Дундасомъ и прочими своими питомцами, или наконецъ чтеніемъ старинной, но *презанятной* (собственное выраженіе Евграфа Никанорыча) книжки «Охотникъ.» Теперь изъ всѣхъ этихъ занятій уцѣлѣло только послѣднее, но и то уступало мѣсто туманной, безпредметной задумчивости. Кромѣ того, онъ ходилъ иногда посидѣть, выпить рюмочку наливки, къ Скородумову, котораго дома заставалъ впрочемъ рѣдко, а потому бесѣдовалъ съ Софьей Алексѣевной, которая все сѣтовала на своего любезнаго, что онъ меньше любитъ ее, часто исчезаетъ изъ дома, неласково обходится и скучаетъ съ ней; что противный Чистагановъ развращаетъ Андрюшу, а ей говоритъ пошлыя любезности. Жалобы и сѣтованія апетитной вдовы были конечно справедливы: въ послѣднее время она до nec plus ultra надоѣла Андрею Андреичу, который только изъ деликатности не расходился съ ней и отъ скуки подружился съ Чистагановымъ. Новый пріятель тоскалъ Андрюшу въ театръ, клубъ и другія веселыя заведенія, не упуская случая доставить себѣ удовольствіе на счотъ товарища по корпусу; въ тоже время Чистагановъ успѣвалъ и ухаживать за Софьей Алексѣевной, дѣлая ей весьма пря-

Digitized by Google

мыя, откровенныя предложенія. Правда, что Скородумова не удовлетворяла и новая жизнь, оставляя пустоту въ его душѣ, но по крайней мѣрѣ разгоняла страшную домашнюю скуку.

XVIII

Въ людяхъ

Иногда и самъ Андрюша заходилъ вечеркомъ въ Бутылкину.

— Забылъ меня, братецъ ты мой! закружился, совсѣмъ закружился... ахъ, молодость, молодость! говорилъ Евграфъ Никанорычъ, встрѣчая гостя: — завеселился, — я раза два заходилъ, — гдѣ, и съ собаками не сыщешь!

— Ужъ веселье, что и говорить.... Полноте, Евграфъ Никанорычъ, — какое тутъ веселье, только голова трещитъ, а въ головѣ-то все пусто да пусто....

—Какъ-же не веселье! молодой человѣкъ, братецъ ты мой, — ну, извѣстное дѣло, такой и компаніи ищетъ, по себѣ.... Какъ бишь его, этотъ товарищъ-то по корпусу,—ну, ровня, одного поля ягода — извѣстное дѣло, «рыбакъ рыбака видитъ издалека», какъ не сойтись!

— Эхъ, Евграфъ Никанорычъ, со скуки сойдешься и не съ Чистагановымъ... Хоть-бы поохотиться, такъ и того теперь нѣтъ... ну, и мыкаешься, куда потащутъ, благо времени дѣвать не куда...

— Охота! какіе мы охотники! Шляешься съ самопаломъ какимъ-нибудь, — разъ попадешь, да пять разъ спугнешь,— что это за охота!»

— Ну, про васъ-то этого, кажется, грѣхъ сказать!

— Какой грѣхъ, коли правда... Какая тутъ охота!

— Вотъ ужо, весной, браконьеровъ будемъ ловить... Вчера я Мѣшкова видѣлъ: только-бы, говоритъ, весна,—тотчасъ-

Digitized by Google

же походъ аргонавтовъ устрою, арміей цѣлой, — и потомъ все въ стихахъ опишу...

— Посмотримъ... задумчиво отвѣчалъ Бутылкинъ.

— Все къ вамъ сбирается: Бутылкинъ, говоритъ, вожатымъ будетъ, — онъ, говоритъ, всѣ мѣста знаетъ, нравы тамъ, обычаи и все такое...

Дѣйствительно, въ первое-же воскресенье утромъ Мѣшковъ явился къ Евграфу Никанорычу: переселившись на зиму въ городъ, онъ просилъ нашего героя не забывать его, разсыпался въ любезностяхъ, впрочемъ довольно двусмысленныхъ, раза два-три совершенно подружески ударилъ по плечу и черезъ десять минутъ ускакалъ на своей лихой парѣ, запряженной въ пристяжку. Евграфъ Никанорычъ не привыкъ къ такимъ визитамъ, даже не понималъ ихъ, а фамильярность богатаго барина, не смотря на собственную наклонность къ безцеремонности, произвела на него непріятное впечатлѣніе: онъ безсознательно различалъ барскую, покровительственно-насмѣшливую фамильярность отъ простодушной, дружеской безцеремонности. Но при всемъ томъ нашъ герой не могъ утерпѣть, чтобы не заглянуть къ Мѣшкову: ему страсть хотѣлось увидѣть диное англійское ружье.

Передъ самымъ его визитомъ Мѣшковъ говорилъ Андрюшѣ: «Ну, батюшка, ужъ пріятель вашъ, этотъ Бутылкинъ, между нами сказать, просто свинья свиньей... я едва могъ просидѣть у него четверть часа, — грязь, комнатъ, и псиной-то, и кислой-то капустой воняетъ... хуже хлѣва... Ты не бывалъ, Чистопаковъ, — совѣтую завернуть, — точно въ звѣринецъ какой зайдешь...

— Спасибо. Это тебя неволя какая-то тащила къ нему...

—Какъ-же, братецъ! Вѣдь онъ намъ весной понадобится... безъ него что будемъ мы дѣлать? онъ всѣ эти трущобы знаетъ, какъ свои пять пальцевъ: путеводитель въ пустынѣ нѣкоторымъ образомъ будетъ...

— Такъ и видѣться съ нимъ слѣдуетъ въ пустыни, а не въ берлогѣ, гдѣ воняетъ псиной и кислой капустой...

Евграфъ Никанорычъ съ замирающимъ сердцемъ спросилъ у франтоватаго, ухарскаго лакея: — У себя баринъ? —

Digitized by Google

У себя, отвѣчалъ ухарь, не подымаясь съ мѣста при видѣ весьма неавантажной фигуры въ форменномъ сюртукѣ:—проходите въ залу...

Убранство комнатъ, довольно щеголеватое, съ большими претензіями на вкусъ, сильно возмутило стараго охотника: онъ вошолъ робкими шагами и недоумѣвалъ, — остаться-ли тутъ, или идти далѣе, туда, гдѣ слышались голоса, а голоса слышались еще черезъ комнату. Къ счастію Мѣшковъ самъ замѣтилъ его и пошолъ навстрѣчу:—А, любезнѣйшій графъ Бутылкинъ, милости просимъ, идите-ка къ намъ... онъ взялъ его подъ руку и ввелъ къ гостямъ. Чистагановъ легонько кивнулъ головою: онъ, видимо, здѣсь хотѣлъ держаться повыше, нежели на охотѣ...

— Ну что, скучаете, я думаю, безъ охоты? спросилъ Мѣшковъ.

— Да-съ, невесело... зимняя пора, знаете... нѣтъ-съ никакой охоты...

Андрюша тоже былъ смущонъ: ему не то чтобы стыдно было своего пріятеля, а какъ-то досадно, что вотъ эти люди могутъ тщиться и важничать, сколько душѣ угодно, надъ человѣкомъ, котораго онъ уважаетъ гораздо болѣе, нежели ихъ. Иногда ему хотѣлось-бы заступиться за Бутылкина, особенно когда говорили о его пріятелѣ за глаза, да къ сожалѣнію нашъ юноша рѣшительно не зналъ, какъ, съ которой стороны и какимъ путемъ это сдѣлать, потому что по своему развитію онъ не сознавалъ ясно и опредѣленно многаго, что чувствовалъ, во что вѣрилъ....

Къ великой скорби Евграфа Никанорыча оказалось, что чудесное ружье Мѣшкова обрѣтается въ деревнѣ, — и онъ почувствовалъ тогда нестерпимую скуку въ этой компаніи, а потому при первомъ удобномъ случаѣ поспѣшилъ на утекъ...

Digitized by Google

XIX

Дочь

Медленно и задумчиво шолъ онъ къ своему домику; при входѣ на дворъ его поразили двѣ вещи: во первыхъ настежъ отворенныя ворота; во вторыхъ крытая кибитка у крыльца. «Что бы это значило?» подумалъ онъ, подымаясь на крыльцо, какъ вдругъ юная, цвѣтущая особа женскаго пола выскочила ему навстрѣчу и бросилась въ его объятія.

— Здраствуйте, папочка!

— Глаша! вскричалъ Евграфъ Никанорычъ, обнимая дочь.

— Какъ у васъ тутъ гадко, папочка, грязно, — отъ собакъ душище, — просто ужасъ... При мнѣ ничего этого не будетъ, я у васъ чистоту, порядокъ заведу... залепетала Глаша.

А Бутылкинъ ничего не говорилъ, только разсматривалъ дочь, которую не видѣлъ почти двадцать лѣтъ, смотрѣлъ и дивился, и не вѣрилъ себѣ: барышня, совершенная барышня, — ну, вотъ точь-въ-точь какихъ онъ мелькомъ видалъ въ разныхъ хорошихъ домахъ, въ церквахъ, въ лавкахъ, на гуляньяхъ!

Дѣйствительно, Глафира Евграфовна имѣла внѣшность весьма порядочную: довольно красивое свѣженькое личико съ веселыми свѣтлосѣрыми глазками и прекрасной русой косой; граціозную манеру и вкусъ въ костюмѣ.

—Какъ-же ты, братецъ ты мой, здѣсь очутилась? спрашивалъ ее Евграфъ Никанорычъ.

Глаша расхохоталась серебристымъ смѣхомъ. — Ахъ, папочка, какой вы смѣшной, за чѣмъ вы говорите мнѣ «братецъ ты мой»—вѣдь я не мужчинка, я женскаго рода... Вотъ я вамъ все разскажу, по порядку: весной тетя захворала, — и я такъ обрадовалась, что можно было тогда...

— Чему-же тутъ радоваться? съ удивленіемъ спросилъ Бутылкинъ.

— Какъ-же чему! Ну ужъ объ тетѣ-то я конечно ужасно

Digitized by Google

жалѣла, о ней я много разъ потомъ плакала, а вѣдь когда она здорова была, покойница, тогда у насъ..

— Какъ, развѣ она умерла?.... царство небесное!

— Умерла, да... вотъ я вамъ все по порядку разскажу... Когда она бывала здорова-то, просто въ ежовыхъ рукавицахъ всѣхъ насъ держала: книгу какую-нибудь — эдакую, знаете, нескучную, Ледяной домъ или Три мушкатера читать станешь, — просто бѣда... а ужъ о любви, о мужчинахъ — просто и подумать не смѣй... все за-мужъ выдать за какого-то старбеня хотѣла... У меня, знаете-ли, была сосѣдка, барышня тоже, мы съ ней такъ дружны, такъ дружны были, просто до смерти дружны; видѣлись каждый день, — и тетя это знала, — ну, и ничего, только, говоритъ, романовъ не читайте, да о мужчинахъ не болтайте.. А мы съ ней все о мужчинахъ говорили: она, знаете, влюблена была въ офицера одного,—ахъ, какой онъ хорошенькой, — просто чудо, вы не повѣрите, папочка, какой хорошенькой!... А что, есть у васъ знакомые хорошенькіе?

— Есть... то есть одинъ, Скородумовъ... отвѣчалъ, смутившись, Евграфъ Никанорычъ; онъ впервые слышалъ такія рѣчи и рѣшительно затруднялся, что отвѣчать на нихъ.

— Такъ очень хорошенькой? и холостой?

— Да, то есть—нѣтъ... да, да, холостой...

— Ну, я непремѣнно влюблю его въ себя... да, о чемъже я говорила?.. да... объ Анетѣ.... ну, такъ я была съ ней очень дружна... Вдругъ къ ней и пріѣхалъ изъ Москвы братъ, студентъ, — что-же вы думаете?.. тетя, какъ узнала это, — вѣрите-ли, сейчасъ-же насъ разлучила, — такая жестокая!... А какъ она захвараетъ, бывало, — она таки частенько въ послѣдніе годы прихварывала, — тутъ ужъ мнѣ лафа, дѣлай что хочешь... Тутъ-то я ужъ и кутила. Этотъ студентъ, папаша, мнѣ и въ любви объяснялся, только онъ уѣхалъ скоро, — такое горе! ну, да впрочемъ и то сказать,—онъ мнѣ не очень нравился;—маленькой такой, худой, ни усовъ нѣтъ, ни стиховъ не сочиняетъ... А тотъ, въ котораго Анета влюблена, и съ усами—такіе славные чорные усы, — и стихи сочиняетъ... Какіе онъ стихи ей написалъ... постойте я вспомню:

Digitized by Google

Что за прелестная головка!
Какъ чудно обвилась, какъ ловко
Надъ нею черная коса!

— А и коса-то у нея привиленная...

Какой огонь подъ кожей смуглой,
Какъ изъ подъ брови полукруглой
Чернѣютъ бархатомъ глаза...

Не помню дальше... У васъ никто не сочиняетъ стиховъ?»

— Есть одинъ помѣщикъ... умѣетъ...

— О комъ-же онъ сочинилъ стихи? вѣрно онъ влюбленъ, папочка?»

— О собакѣ... собаку у него украсть хотѣли, — онъ и сочинилъ стихи...

— О собакѣ?!.. какой ужасъ! фи! Я его пристыжу, папочка... Ахъ, какъ я люблю стихи!.. Знаете, папочка, если я влюблюсь въ кого, такъ что-бы онъ непремѣнно стихи сочинялъ и усы носилъ...

— Ну, что-же тетка-то? — прервалъ Евграфъ Никанорычъ, утомленный этой болтовней.

— Ну, да... на чемъ-же я остановилась?.. да, весной она захворала, только ужъ на этотъ разъ серьозно, все лѣто немогла, наконецъ въ томъ мѣсяцѣ и померла... Ахъ, какая она добрая, папочка, — просто вы не повѣрите: всячески меня баловала, и денегъ двѣ тысячи на мое имя въ приказѣ положила, только, знаете, такъ, чтобы взять ихъ изъ Приказа было нельзя: проценты, говоритъ, каждый годъ можешь получать,—будетъ съ тебя, безъ хлѣба не будешь... такая добрая!..

— Дай ей Богъ царство небесное!—проговорилъ Евграфъ Никанорычъ со слезами на глазахъ...

— Умру, говоритъ, такъ поѣзжай къ отцу,—и денегъ, папочка, на дорогу дала, добрая такая!.. Ну, вотъ я и пріѣхала...

Digitized by Google

XX

Любовь

Пріѣздъ дочери все въ домѣ стараго охотника повернулъ вверхъ дномъ. Началась чистка, перестановка; собаки были изгнаны на дворъ, въ кануру; комнаты оклеены новыми, красивыми обоями, печи и потолки выбѣлены; мебель водворена; словомъ, домика узнать было нельзя. Евграфъ Никаноровичъ, безъ спору, все передалъ въ неограниченную власть дочери, даже самого себя: по ея командѣ, онъ чаще брилъ щетину, украшавшую его подбородокъ, чаще мѣнялъ манишки; за собой оставилъ онъ единственное право: лежать послѣ обѣда на кожаномъ диванѣ и фантазировать на ту-же любимую тему. Что сказать объ отношеніяхъ между отцомъ и дочерью? Воспитанники разныхъ сферъ, разныхъ обстоятельствъ, впродолженіи двадцати лѣтъ жившіе порознь другъ отъ друга, даже не думая другъ о другѣ, — едвали могли они понимать одинъ другого, имѣть тѣсную, прочную связь между собою,—и право, престранная прихоть судьбы—сближеніе двухъ такихъ личностей!..

Первымъ знакомствомъ Глафиры Евграфовны былъ Скородумовъ, который очень удивился перемѣнѣ въ домикѣ своего пріятеля, но понялъ все, когда познакомился съ его дочерью. Молодые люди сблизились;—бойкая, живая Глафира Евграфовна совсѣмъ затормошила застѣнчиваго юношу, еще неимѣвшаго случая сближаться съ женщинами, кромѣ своей Софьи Алексѣевны. Но общаго между апетитной вдовой и Глашей ничего не было: одна только сладострастно млѣла, глядя на своего возлюбленнаго—и смертельно надоѣла ему, а другая тормошила его, забавлялась имъ какъ кошка мышкой. Эта встрѣча, какъ справедливо догадывается читатель, не могла даромъ обойтись для юнаго друга Бутылкина: Андрюша влюбился и также млѣлъ подъ ея взглядами, какъ млѣла передъ нимъ Софья Алексѣевна; онъ бросилъ всѣ знакомства и сколько возможно чаще сталъ бывать у Бутылкиныхъ, предаваясь волненіямъ, надеждамъ и мечтамъ. Впро-

Digitized by Google

чемъ надежды-то были плохія,—можетъ быть Глаша и полюбила-бы его, кабы возможно было изолировать ее отъ всякаго общенія съ другими людьми, но къ сожалѣнію этого не было. Мѣшковъ скоро провѣдалъ, что къ старому охотнику пріѣхала хорошенькая дочка, а провѣдавши о такомъ обстоятельствѣ, немедленно навѣстилъ Бутылкина. Первое свиданіе отставнаго гусара съ бойкой дѣвушкой уже почти рѣшило дѣло: ловкость Мѣшкова по части волокитства, его молодечество, окрашенное, смягченное поэтическимъ оттѣнкомъ,—тотчасъ-же затронуло сердечко Глаши, уже сильно просившее любви, да какой еще любви!.. той, которую обыкновенно испытываютъ люди, долгое время жившіе подъ карантиномъ, подъ строгой опекой,—любви безъ границъ, безразсудно-свободной, съ жертвами и полнымъ упоеніемъ накопившейся страсти... Тутъ ужъ люди не всматриваются въ предметъ своей любви,—даже люди болѣе способные къ размышленію, болѣе развитые, нежели Глаша: только бы первое впечатлѣніе было сильное, могущественное, подавило-бы слабую волю... Первое впечатлѣніе Мѣшкова на Глашу было именно таково, въ противоположность впечатлѣнію застѣнчиваго Андрюши.

Посѣщенія Мѣшкова сдѣлались тоже нерѣдки, но отставной гусаръ старался угодить такъ, чтобы стараго охотника дома не было, и, оставаясь наединѣ съ Глашей, быстро двигалъ дѣло впередъ: молодая дѣвушка влюбилась страстно и, не скрывая своей любви, была готова на всевозможныя жертвы. Когда наступили святки, Мѣшковъ выдумалъ у себя въ домѣ маскерады, на которыхъ участвовала и Глаша; въ разгарѣ танцевъ она съ хозяиномъ незамѣтно ускользала въ уединенную комнатку...

Бѣдный Андрюша смутно догадывался объ отношеніяхъ его возлюбленной къ отставному гусару и совершенно упалъ духомъ. Софья Алексѣевна поняла, что между ней и имъ все кончено, и начала утѣшаться любезностями Чистаганова... Какъ обрадовался Скородумовъ, когда въ одинъ прекрасный вечеръ, возвратясь домой, онъ узналъ, что Софья Алексѣевна оставила его навсегда: онъ не полюбопытствовалъ даже узнать, куда она удалилась, не женировался ролью покину-

Digitized by Google

таго, чувствовалъ только, что онъ одинъ остался, не стѣненный присутствіемъ опротивѣвшей женщины, навязывавшейся къ нему съ своей приторной любовью. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ больше сидѣть дома, съ нетерпѣніемъ дожидаясь весны, чтобы размыкать свою болѣзненную хандру.

XXI

Весна

Наступилъ великій постъ, а съ нимъ вмѣстѣ у насъ обыкновенно приходитъ и весна... Полная весна открылась на страстной недѣлѣ, въ половинѣ апрѣля. И хорошъ, вдвойнѣ радостенъ былъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Небо было совершенно ясно, жаворонки заливались пѣснью, показались на поляхъ первые цвѣты бѣдной сѣверной флоры. Всюду на окнахъ закрасовались цвѣты фіоли, левкоя и олеандра... Утромъ все мужское населеніе города, какъ подобаетъ, было на визитахъ— это обычай, строго соблюдаемый у насъ; всѣ куда-то спѣшатъ, торопятся и рады, что ихъ никуда не впускаютъ. Чиновники въ треугольныхъ шляпахъ трясутся на извощикахъ, или просто бѣгаютъ на своей собственной парѣ; аристократы чинно красуются въ колясках на лежачихъ рессорахъ; моряк, пріѣхавшій въ отпускъ, рыскаетъ на вяткахъ, запряженныхъ въ пристяжку; священники гурьбой славятъ по приходу; даже промотавшійся фатъ, біографія котораго—долговая книга, на послѣдній цѣлковой нанимаетъ извощика и торопится развезти по городу свои визитныя карточки; даже сторожа всѣхъ мѣстъ и заведеній, гдѣ только существуетъ это почтенное сословіе, бѣгутъ съ поздравленіями и, возвращаясь домой, пишутъ *мыслете*. Безпрестанно видите вы на улицѣ знакомыхъ, троекратно лобызающихъ другъ друга, и пьяныхъ, распростертыхъ по тротуарамъ или въ канавахъ. На рынкѣ сбираются охотники биться яицами: это особаго рода промыселъ, увлекающій обыкновенно *аривушекъ* (работниковъ, при-

Digitized by Google

ходящихъ въ нашъ городъ цѣлыми *караванами* изъ разныхъ краевъ, для нагрузки судовъ), солдатъ, мѣщанъ и дворовыхъ людей, которые заблаговременно приготовляютъ крѣпкихъ битковъ, часто мошеннически наливаютъ ихъ воскомъ и обыгрываютъ всю свою братію навѣрную.

Мѣшковъ объѣздилъ тоже не малое число домовъ и наконецъ повернулъ въ глухой переулокъ и остановился у домика Евграфа Никанорыча.

Тамъ его ждало—дожидалось одно маленькое, полное любви сердечко... Въ новомъ бѣломъ платьицѣ, съ розой въ волосахъ, свѣженькая какъ первый весенній цвѣтокъ (только не leontodon taraxacum), Глаша нетерпѣливо ходила по маленькой, чисто прибранной залѣ; она тотчасъ-же замѣтила подъѣхавшаго гостя и встрѣтила его на крыльцѣ. Какъ радостно, съ какимъ удовольствіемъ они похристосовались! «Я ужъ ждала, ждала тебя, — ты не повѣришь, какъ мнѣ скучно было,— ужасъ! Ты ужъ вѣрно съ десяткомъ красавицъ перехристосовался!» залепетала Глаша.

— Такъ вотъ, сокрыла-же, ни съ кѣмъ не христосовался, ни съ однимъ человѣкомъ... Ты вѣрно по себѣ судишь: Скородумовъ ужъ былъ здѣсь навѣрно?

— Былъ...

— И христосовался съ тобой?

— Да, какъ бы не такъ! позволю я ему! и подумать-то не смѣетъ!

— Бѣдный, а онъ-то мнѣетъ!

Евграфъ Никанорычъ въ это время спалъ крѣпчайшимъ сномъ, вознаграждая безсонную ночь.

— Когда-же ты меня къ себѣ возьмешь? спрашивала Глаша, когда запасъ нѣжностей истощился.

— Скоро, милая, скоро.. Я нынче жену хочу оставить на лѣто въ городѣ, а тебя къ себѣ въ деревню увезу: знаешь, я хочу, чтобы ты была у меня полной хозяйкой...

— Ахъ, какъ это будетъ весело, просто прелесть... да когда-же, право?

— Скоро... у меня есть отличный планъ, препоэтическій: вотъ весной мы, то есть я, твой отецъ, Чистагановъ, Скородумовъ, Грачовъ—поѣдемъ преслѣдовать незаконныхъ

Digitized by Google

охотниковъ,—какъ скоро отъѣдемъ верстъ за десять,—я въ своей лодкѣ отстаю незамѣтно, да назадъ—и къ тебѣ: лошади будутъ готовы, и мы съ тобой маршъ ко мнѣ въ Еляково... Въ Еляковѣ будетъ назначенъ сборный пунктъ,—всѣ пріѣдутъ, а я, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣчу гостей шампанскимъ...

— Бѣдный отецъ! какъ онъ будетъ плакать: мнѣ право жаль его, онъ такой добрый; я думаю даже и не побранитъ меня: за-то я оставлю ему довѣренность на полученіе моихъ процентовъ...

— Ну, и будетъ съ него... онъ скоро утѣшится: только на охотѣ побываетъ, такъ все какъ съ гуся вода... Однако мнѣ пора: побываю еще на дняхъ: надо поскорѣе будетъ эту охоту устроить...

Дѣйствительно, на дняхъ въ домикѣ Бутылкина собралось цѣлое общество, то-есть всѣ знакомые читателю личности: шло совѣщаніе о походѣ аргонавтовъ, какъ выражался Мѣшковъ.

Глаша разливала чай и весело болтала съ гостями; Евграфъ Никанорычъ былъ какъ-то сконфуженъ; Скородумовъ хмурился; веселость молодой хозяйки щемила сердце влюбленнаго юноши; Чистагановъ важничалъ и говорилъ пошлости, воображая, что остритъ; Грачовъ усердно подпивалъ ромъ и по своему обыкновенію рѣзко смѣялся надъ всѣми; только Мѣшковъ усердно хлопоталъ о цѣли собранія, начертывая планы, собирая голоса и упрекая всѣхъ въ равнодушіи къ общеполезному дѣлу. Наконецъ рѣшили устроить походъ въ половинѣ мая, съ тѣмъ чтобы почить отъ трудовъ въ Еляковѣ; выпили шампанскаго, которое Мѣшковъ догадался захватить съ собой, и разошлись... Оставшись одна, Глаша отворила окно и задумчиво улыбаясь глядѣла на улицу; лицо ея горѣло и рдѣло отъ шампанскаго и отъ сердечнаго волненія, а мысли неслись далеко, далеко...

Наступила ночь, но улица еще не спала: раздавалось бряцанье гитары, на которой какой-то форменный сюртукъ, сидя на окнѣ, выражалъ свои нѣжныя чувства; у сосѣдняго дома дѣвушки-мѣщанки скакали на доскѣ, положенной поперегъ толстаго полѣна, и звучно хохотали; издали неслась и

Digitized by Google

переливалась звонкая, разудалая пѣсня подгулявшихъ мастеровыхъ.

XXII

Заговоръ

Вмѣсто половины мая походъ аргонавтовъ состоялся только въ началѣ іюня, но по увѣренію Евграфа Никанорыча это было самое лучшее время для преслѣдованія незаконной охоты, потому наши аргонавты не унывали... Уже въ городскихъ церквахъ звонили къ вечерни, когда маленькой флотъ выступилъ изъ города съ пѣснями и криками. Заходящее солнце золотило спокойное теченіе рѣки, уже солидной, скромно вошедшей въ свои берега, и далеко раздавалась по зарѣ заунывная пѣсня подгулявшихъ гребцовъ:

Какъ сулился императоръ
Свои арміи смотрѣть,
Обѣщался Александру
Къ Рождеству домой онъ быть.
Всѣ празднички на проходѣ,
Александра домой нѣтъ;
Его матушка родная
День-ото-дня ночь не спитъ,
Александра домой ждетъ!
Пойду-схожу я на башню,
Коей выше башни нѣтъ;
Что по питерской дорожкѣ
Тамъ не шумъ въ полѣ шумитъ,
По московской, по широкой,
Молодой курьеръ бѣжитъ,
Пойду-спрошу у курьера:
Ты куда скоро спѣшишь?
Бѣгу́, бѣгу́, несу, несу
Вѣсть нерадостную:
Александро—императоръ.

Digitized by Google

Въ Таганрогѣ жизнь скончалъ.
Что двѣнадцать генераловъ
На главахъ его несутъ;
Что двѣнадцать офицеровъ
Ворона-коня ведутъ;
Что четыре партіона
На рукахъ сѣдло несутъ;
Самою-то-ли царевну
Шестерней её везутъ.

Флотъ состоялъ изъ трехъ лодокъ: на одной помѣщался Мѣшковъ съ отборными пѣвцами, на другой Грачовъ и Чистагановъ, на третьей Бутылкинъ и Скородумовъ...

Евграфъ Никанорычъ не торопилъ своихъ гребцовъ, и лодочка его очень поотстала отъ другихъ, когда на правомъ берегу рѣки показалась большая деревня Терентьево, та самая, гдѣ жилъ знакомый читателю Бухтило.

Передъ самымъ проѣздомъ нашихъ аргонавтовъ, молодой Бухтило вошолъ покупаться въ вешней водѣ, — живо раздѣлся, перекрестился и разомъ съ головой окунулся въ рѣку.

— Ухъ, ухъ! Брр... холодно шельмовство! ворчалъ онъ самъ съ собой, пожимая плечами и обтирая съ лица ручьи воды; потомъ поднялъ вверхъ руки, размахнулся — и поплылъ, усердно работая руками и ногами. Въ это время увидѣлъ онъ маленькой флотъ; остановился, приложилъ руку къ глазамъ и началъ всматриваться въ нашихъ аргонавтовъ.

— Эге, никакъ охотники это, кажись баринъ изъ Еляново... онъ, онъ и взоболь... вишь, какъ дерутъ, во всѣ лопатки... и съ пѣсенниками... кутило-баринъ...

— Стой-ка, Андрюша, мнѣ тутъ въ Терентьевѣ-то кое кого увидѣть-бы надо... какой это парень купается-то, ровно Бухтило, плывите-ка, ребятушки, къ берегу... говорилъ Евграфъ Никанорычъ.

Лодочка привернула къ берегу и Бутылкинъ вышелъ. Бухтило тотчасъ узналъ его, выскочилъ на берегъ и скоро одѣлся.

— Евграфъ Никанорычъ, милости прошаемъ; мы ужъ вспоминали тебя: что-молъ за диковинка, не чуть нашего

Digitized by Google

барина, ни слуху, ни духу... завтракъ, говоримъ, батька, не жениться-ли задумалъ...

— Мнѣ тебя-то увидать и надо... отвѣчалъ Евграфъ Никанорычъ, отводя Бухтило въ сторонку: отецъ-то дома, или поди леньковъ мелушитъ?

— Гдѣ ужъ дома! развѣ бываетъ онъ коли дома! это мнѣ только заказываетъ—сиди у материна подола, да кисни...

— Надо-бы найти его... дѣло-то неладно, какъ-бы онъ да не попался; видѣлъ тутъ двѣ лодки проѣхали?

— Какъ не видѣть... охотнички надо быть потѣшиться захотѣли, никакъ еляковскій баринъ туто?..

— Какіе охотники, они охотниковъ ловить ѣдутъ; попадетъ другой, такъ не отдѣлается, въ земскій судъ представятъ!

— Ой-ли! чтобъ батька имъ не попался, — бѣды наживетъ!

— То-то я и говорю, надо-бы его найти... Да вотъ что: еляковскаго-то барина знаешь?

— Знаю, знаю, видалъ единова...

— Нельзя-ли его поймать, эдакъ съ дичью знаешь, да ружье у него и отнять... Я-бы тебѣ заплатилъ за это и ружье-бы схоронилъ...

Бухтило вытаращилъ глаза.

— Чтобы бѣды не нажить, Евграфъ Никанорычъ...

— Какая тутъ бѣда, — ужъ выручу... А ты-бы тогда и себѣ ружьишко нажилъ... Ему подѣломъ-бы: онъ всему этому дѣлу, чтобы и охотниковъ-то ловить, — онъ всему заводчикъ... Устрой-на эдакую штуку...

— Подумаю... постараюсь, баринъ... только ужъ не выдай смотри...

— Экъ хватилъ! точно не знаешь меня: кажется человѣкъ знакомый.

— Пора, Евграфъ Никанорычъ, мы ужъ очень отстали! вскричалъ Скоредумовъ съ лодки.

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрюша!

Черезъ нѣсколько времени лодочка пошла дальше и при усиленной дѣятельности гребцовъ догнала остальной флотъ.

Digitized by Google

«Широка ты, мать Расея, мать Расейская земля,
Про тебя-ли, мать Расея, далеко слава прошла...»

гремѣли пѣсенники на передовой ладьѣ...

XXIII

Ночлегъ

Къ вечеру начинало холодить; подулъ *сиверко*, обѣщающій добрую стужу, какъ это всегда у насъ бываетъ въ концѣ мая или началѣ іюня, подулъ и запрыгалъ между порослями остролистной ивы и ольшаника, съ обѣихъ сторонъ склонившагося надъ водой...

— Холодно, господа, ставетъ, закричалъ Мѣшковъ; — не не погрѣться-ли...

— Къ берегу привалить надо, да погрѣться толкомъ... отозвался Грачевъ.

— Вотъ ужо, баринъ, тутъ недалеко рыбаки живутъ, версты двѣ, больше не будетъ... сказалъ одинъ изъ гребцовъ.

— Ну, ладно.

Въ самомъ дѣлѣ скоро на берегу показался шалашъ, передъ которымъ приземистый мужичонко возился съ неводомъ. Флотилія привалила. На лугу разложили ковры, опрокинули походную палатку, разложили огонь.

— Постойте-ка, господа, надо спросить у рыбаковъ, дичинки нѣтъ-ли: какъ разъ да на браконьеровъ нападемъ! сказалъ Мѣшковъ.

— Значитъ, тѣмъ и походъ покончить можно-бы... отозвался Грачевъ.

— Послушай-ко, любезнѣйшій, обратился Мѣшковъ къ приземистому мужичку, хлопотавшему около невода:—нельзя-ли намъ рыбки добыть на ужинъ, да и дичинки нѣтъ-ли... поди вѣдь ружьишко есть съ собой?..

— Какое ружьишко, баринъ, нѣтути... мы ентимъ незанимаемся... нѣтъ... гдѣ намъ... а рыбка есть, насчотъ рыбки-то ужъ довольны будете...

*

Digitized by Google

При этомъ приземистый мужичонко такъ взглянулъ на Мѣшкова, что нельзя было не повѣрить ему.

— Ну, такъ рыбки давай...

— Насчотъ рыбки-то наше дѣло... а ефтимъ дѣломъ мы не занимаемся николи... ни-ни!

Дѣйствительно, черезъ четверть часа онъ принесъ нашимъ аргонавтамъ щуку и живыхъ налимовъ, все-таки повторяя: «Нѣтъ, господа бояре, съ ружьями мы не занимаемся,—ефто не наше дѣло... то ужъ всю деревню нашу обойди, ни у единаго мужичка ружья нѣтъ, право слово...

— А другіе рыбаки поди пострѣливаютъ? спросилъ Чистагановъ.

— Другіе-то можетъ быть... другіе ружья тоже имѣютъ... а мы нѣтъ, и заведенья этого ни у единаго мужичка не найдешь...

— Ты не слыхалъ эдакъ, другіе-то рыбаки пострѣливаютъ?

— Какъ не слыхать! извѣстно изъ ружья хлопнетъ иной шибко, далеко слыхать бываетъ, особливо-же теперича на зорѣ... словно громъ перекатится, кстѣ перекрестишься...

— Гдѣ-же, въ какомъ мѣстѣ пострѣливаютъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ... какъ не пострѣливать, много тоже стрѣлковъ есть... иной тѣмъ живетъ, или пристрастіе къ ружью значитъ получитъ... вотъ у насъ такъ ужъ нѣтъ, и ружей въ заводѣ ни у кого нѣтъ... Надо-бы иному и завести, пользительно было-бы: медвѣди да волки одолѣли... что съ ними сдѣлаешь безъ ружья... знаешь дѣло — звирь! У насъ лѣтось съ медвѣдемъ-то такая оказія учинилась, что ахъ-ти мнѣшеньки!.. А все отъ того, что ружья не было...

— Какая-же такая оказія?

— Вотъ вишь, у насъ за полямъ въ загородахъ сѣется овесъ... Такъ къ дядѣ Трофиму въ загороду и повадился похаживать гостенекъ, медвѣдь-овсяникъ значитъ, да и къ Макеему десяцкому перебрался. Десяцкій-то разъ и говоритъ робятамъ: «Послушай, робя, вѣдь овсяникъ шибко шалитъ, уважимъ-ко его.—Да какъ-молъ его уважить? — Велика, говоритъ, штуца, купить вина ведра полтора,—не великъ, говоритъ, изъянъ для деревни, — да и нальемъ въ

Digitized by Google

ушатъ: пусть онъ, окаянный, хлѣбнетъ горячаго до слезъ»... Ладно. Такъ и сдѣлали, по сказанному какъ по писанному. Вечеромъ, значитъ, вино въ ушатъ въ загороду къ Максиму поставили, а утромъ всѣ, ватагой, смотрѣть пошли, — Максимко и рогатину прихватилъ. Подошли къ загородѣ,—обробили, да не гдѣ возьмись мой Лыско,—ощетинился, озлился, да и прыгъ за огородъ, — мы за нимъ опрометью всѣ, съ гайгаканьемъ и бросились... А мидвѣть-то, какъ баранъ хорошій, развалился на полосѣ, почитай у самаго ушата и чуточку лапами подрыгиваетъ... Сутки трои спустя, сговорились ребята идти молъ спросить, гдѣ у десяцкаго мидвѣдь. Такъ вѣдь вотъ диковинка-то, робятушки: мидвѣдь-то проспался у гуменинниковъ, перегрызъ веревки, да еще и набѣдокурилъ вдоволь: зашолъ на повить къ Максиму, смотритъ на повитѣ рукомойка,—видно напостыло ему чорнымъ-то ходить, разсудилъ умыться,—воду всю изъ рукомойника-то выплескалъ, потомъ захватился за перекладину-то, на которой рукомойка-то висѣла, и сталъ качаться, — перекладина лопнула и мидвѣдь рухнулся въ кадцу, кадца покатилась по взъѣзду и мидвѣдь съ ней, прямо въ яму съ грезью... Выскочилъ онъ оттолева, какъ чудо какое морское, да по деревнѣ-то во всѣ лопатки, а тамъ учалъ улепетывать полемъ да въ лѣсъ, поди и теперича въ немъ гуляетъ...

— Ай-да медвѣдь! напился, нагостился, да и спасибо не сказалъ.

Насладившись всѣми удовольствіями походнаго отдыха, аргонавты рѣшились ночевать у словоохотливаго рыбака, съ тѣмъ чтобы чѣмъ свѣтъ подняться и двинуться въ дальнѣйшій походъ; и сошолъ на нихъ сонъ сладкій, сонъ богатырскій...

XXIV

Браконьеры

Раньше всѣхъ проснулся Мѣшковъ; онъ осторожно прислушался къ храпѣнью своихъ товарищей, взялъ ружье и

Digitized by Google

спустился къ лодкѣ: получившій заранѣе необходимыя приказанія, одинъ изъ гребцовъ былъ уже на мѣстѣ и сладостно дремалъ отраднымъ предразсвѣтнымъ сномъ; надъ рѣкой клубился туманъ; полный мѣсяцъ блѣкнулъ, потухая, а на востокѣ обозначилась палевая полоска свѣта. Скоро раздался осторожный плескъ веселъ, лодочка отчалила и быстро пошла по теченію, то есть обратно къ городу... Отъѣхавъ съ версту, Мѣшковъ взялъ свое ружье, наложилъ пистонъ и выстрѣлилъ на воздухъ. . Выстрѣлъ съ громомъ прокатился по окрестности; услышавъ его съ просонковъ, вскочилъ на ноги Евграфъ Никанорычъ:

— Эге, да ужъ бѣлый день! сказалъ онъ, протирая глаза,— эй, господа засони, пора! Я гдѣ-то выстрѣлъ заслышалъ: вѣрно тетеревей бьютъ...

— Гдѣ, гдѣ тетеревей бьютъ, отозвался Грачовъ:—вставайте, господа, вставайте,—на браконьеровъ напали!

Всѣ вскочили и спрашивали, гдѣ браконьеры.

— Гдѣ! извѣстно гдѣ: впереди должно быть, позади насъ стрѣлять не по-чему...

— Да гдѣ-же Мѣшковъ? хватился Чистагановъ.

— Гдѣ-же онъ въ самомъ дѣлѣ?

— Да видно онъ побойчѣе всѣхъ, поди ужъ тащитъ браконьера на арканѣ, пока мы тутъ спимъ! сказалъ Скородумовъ.

— Вы тутъ скорѣе, на помощь къ нему надо!

— Догонимъ его,—живѣе, господа, сбирайтесь...

Но напрасно они торопились: Мѣшковъ былъ уже далеко, и конечно былъ-бы еще дальше, если-бы одно непредвиденное обстоятельство не задержало его. Какъ ни быстро двигалась его лодочка, но ее перегналъ узенькій челнокъ съ грузомъ, плотно прикрытымъ рогожей; въ челнокѣ сидѣлъ пожилой, костлявой мужичонко, на-отмашъ чрезвычайно проворно работавшій длинными веслами... Мужичонко поглядѣлъ на Мѣшкова:—Уточекъ, баринъ, не надо-ли? спросилъ онъ. — Показывай, отвѣчалъ Мѣшковъ, пожалуй парочку возьму... Мужичонко откинулъ рогожку, взялъ сверху пару большихъ кряковыхъ селезней и, придержавъ лодку, подалъ Мѣшкову:—во, какіе кряковни,—любованные,—и всего четвертачокъ запросу...

Digitized by Google

— Нѣтъ, стой-ка, братъ, я тебѣ дамъ четвертачокъ, — держи его, мошенника, чтобы до Петрова дня не губилъ дичи!—отвѣчалъ Мѣшковъ, выхватывая у мужичонка весло.

— Что, братъ, попалъ! смѣясь замѣтилъ гребецъ,—ужъ лучше добромъ сдавайся, безъ весла-то недалеко уѣдешь!»

— Ладно, послѣ дождичка въ четвергъ, отвѣчалъ мужичонко;—только вамъ краковками-то и поживиться.... Онъ оттолкнулся другимъ веломъ, потомъ вынулъ шестъ, и началъ имъ стоя дѣйствовать, да такъ успѣшно, что черезъ полчаса исчезъ за туманомъ...

— Ну, чортъ съ нимъ! не до него мнѣ! сказалъ Мѣшковъ. Но едва проплылъ онъ верстъ пять, какъ навстрѣчу показалась большая лодка, полнешенька народу: она плыла прямо на мѣшковскую лодочку. Тутъ между прочими замѣтенъ былъ молодой Бухтило, и тотъ самый мужичонко, котораго Мѣшковъ хотѣлъ захватить; это былъ не кто другой, какъ Бухтило старикъ, знаменитый душитель утокъ, злѣйшій браконьеръ.

— Стой, баринъ, стой! закричалъ молодой Бухтило: ты что не по закону поступаешь? нѣшто прошли Петровки-то, что-ли? держите его, робята, къ становому, чтобы впередъ въ непоказанное время не охотился!

— Убирайтесь прочь! сердито закричалъ Мѣшковъ: — я ни одного выстрѣла не сдѣлалъ, вотъ я вамъ дамъ...

— Полно врать-то, другъ любезный, не глухіе, слышали...

— Да вѣдь я на воздухъ выстрѣлилъ, глупыя вы головы...

— На воздухъ! говори ладно сказки-то, слыхали мы... а утки-то зачѣмъ лежатъ,—небось купилъ скажешь...

Мѣшковъ посмотрѣлъ на того, кто говорилъ, — и тотчасъ узналъ того самаго мужичонка, который продавалъ ему этихъ утокъ.

— Ахъ ты, сукинъ сынъ, закричалъ онъ:—не самъ-ли ты подлецъ продавалъ мнѣ этихъ утокъ, — держите-ко, ребятушки, лучше его... гдѣ братъ твоя лодка-то, покажи-ка ее..

— Полно, любезный, сказки-то разсказывать... вмѣшался молодой Бухтило:— нечего пустое толковать, съ поличнымъ пойманъ... держите лодку, робята...

Digitized by Google

— Ахъ, вы мошенники, я вамъ дамъ знать себя, — все исправнику разскажу...

— Что же это, братцы, будетъ,—онъ-же еще ругается, отберемъ у него ружье, да и баста... что съ нимъ толковать-то: хоть и баринъ, да видно плутъ завзятый...»

Напрасно бѣсился Мѣшковъ; онъ долженъ былъ сознаться, что дѣло плохо, а время между тѣмъ было дорого,— ругаясь и трясясь отъ злобы, уступилъ онъ свое ружье и двинулся дальше...

За-то въ городѣ онъ былъ утѣшенъ. Глаша совсѣмъ собралась и ждала своего милаго, а когда онъ на лихой тройкѣ подкатилъ къ маленькому домику, выбѣжала къ нему счастливая и веселая...

— Что-же накажу я отцу? схватилась она, уже совсѣмъ собравшись садиться въ коляску.

— Не знаю, право... что хочешь...

— Накажу Ѳеклѣ... пусть всю правду скажетъ. Недолго размышляя, она такъ и сдѣлала, оставивъ Ѳеклу въ великомъ удивленіи...

XXV

Послѣдняя пирушка

Между тѣмъ наши искатели приключеній плыли да плыли: они гнались не столько за браконьерами, которые давали себя знать лишь отдаленными выстрѣлами, а на лицо никакъ не показывались, сколько за Мѣшковымъ. Вообще безъ главнаго затѣйщика, дѣло приняло весьма странный оборотъ. Грачовъ распоряжался безпрестанно раскупоркой бутылокъ и до того развеселился, что даже запѣлъ:

«Какъ за рѣченькою, да за широченькою
Жили мужички да все богатенькіе, торованенькіе...
Ахъ, шилды—будылды,
Начики—чикалды,

Digitized by Google

Шилды—почилды,
Булды—начилды!..

Золото гребли да все лопатами,
Чисто серебро да все ушатами...

Ахъ, шилды—будылды
Начики—чилды»...

Чистагановъ все время дремалъ... А Бутылкинъ и Скородумовъ шептались между собою:—что за глупость выдумали,—то-ли дѣло-бы поохотиться... ворчалъ Евграфъ Никаноръчъ;—какой дуракъ намъ въ руки дастся... Скука, больше ничего!

— Въ другой разъ мы ужъ одни поѣдемъ, да не ловить браконьеровъ, а поохотиться! отвѣчалъ Андрюша, потупляя глаза и задумываясь объ охотѣ или о чемъ другомъ—неизвѣстно...

Такъ доѣхали до Елякова; Чистагановъ повеселѣлъ и, встрѣтивъ хорошенькую горничную, обнялъ ее и потащилъ-было въ садъ...

— Ай-да, Чистагановъ! пришолъ, увидѣлъ побѣдилъ! весело сказалъ хозяинъ, встрѣчая гостей:—гдѣ это вы пропадали, господа,—а я чуть не поймалъ одного мошенника...

— Такъ не поймалъ таки?... ой ты, тюрикъ! отвѣчалъ Чистагановъ.

— А вы-то что-же, съ чѣмъ пріѣхали?

— Ахъ, братецъ ты мой, до того-ли намъ было, мы все тебя искали, да съ горя пробками щолкали... вмѣшалося Грачевъ...

— Такъ я и зналъ... что-же вы, графъ, не растолкали этихъ шалопаевъ...

— Гдѣ ихъ растолкать-съ,—они все къ Елякову, братецъ мой, поровили...

— Неужели такъ-таки ничего такого съ вами и не случилось?

— Да ровно ничего... зѣвая отвѣчалъ Чистагановъ.

— Выстрѣлы слышали—и больше ничего... отозвался Андрюша...

— Вы-бы за выстрѣлами-то и слѣдовали...

Digitized by Google

— Да, услѣдишь за ними: пальба со всѣхъ сторонъ, не знаешь куда сунуться... Да и признаться, на тебя крѣпко надѣялись...

— Вотъ пойдемте наверхъ, что тутъ стоять-то,—тамъ все разскажу: скверная исторія...

Какъ подобаетъ, подвиги надо было запить... Мѣшковъ разсказалъ свою встрѣчу и потерю ружья... Разсказъ его произвелъ на всѣхъ, кромѣ Бутылкина, дѣйствіе порохового взрыва.

— Каковы подлецы! вотъ мошенники-то! сказалъ Чистагановъ:—и ты тоже хорошъ, уступилъ этому подлому мужичью!

— Надо доѣхать ихъ, господа, — это ни на что непохоже! подхватилъ Грачовъ.

— Отомстить имъ, непремѣнно отомстить,—надо выручить ружье! поддерживалъ Скородумовъ.

Одинъ Бутылкинъ молчалъ; къ его сердцу подступила такая радость, что онъ покраснѣлъ; не зная что дѣлать отъ радости, онъ налилъ стаканъ хересу и выпилъ безъ отдыху.

— Ай-да, графъ Бутылкинъ! воскликнулъ Грачовъ,—мы тутъ горячимся безъ всякаго толку, а онъ подъ шумокъ свое дѣло дѣлаетъ! послѣдуемте-ка его примѣру, господа, да потомъ и подумаемъ что предпринять! правду-ли я говорю, графъ?

Бутылкинъ какъ-то странно засмѣялся:—Святая правда: что горячиться-то, братецъ ты мой... и Андрюша-то мой туда-же! полно, братецъ ты мой, вотъ выпей-ка лучше!

— Что-же, почтеннѣйшій хозяинъ, ты-бы намъ хоть нѣсольницъ сюда, что-ли! сказалъ Чистагановъ.

— Нѣтъ, братъ, полно: хочу положить конецъ всему этому разгулу, порядочнымъ человѣкомъ сдѣлаюсь...

— Хе-хе-хе! ну тамъ послѣ можешь полагать концы, а на этотъ разъ мы знать ничего не хотимъ...

— ...смотри-же, въ послѣдній разъ...

...чишь, Грачовъ, какой переворотъ съ Мѣшко-

...ся: это что-то подозрительно...

...и какихъ вліяній... того...

...вспыхнулъ.

Digitized by Google

Черезъ четверть часа въ залѣ устроился хоръ доморощенныхъ грацій, который и затянулъ заунывную пѣсню:

Отлетаетъ нашъ соколикъ
Въ чужедальнюю сторонку...

— Не столько хорошо, да больно уж жалостно! не передъ добромъ! замѣтилъ Грачовъ, безпрестанно наливая въ стаканъ, между тѣмъ какъ Чистагановъ заигрывалъ съ пѣвицами: — вы-бы что-нибудь повеселѣе дернули... а что же ты, графъ, не подтянешь,—уставилъ глаза, словно драконъ... тьфу, какъ вспомню дракона, такъ и лѣзетъ въ голову твоя собачья поэзія, Мѣшковъ; теперь тебѣ надо-бы погибшее ружье воспѣть... правда вѣдь, графъ?

— Точно слѣдовало-бы... отвѣчалъ смѣясь Бутылкинъ, тоже незабывавшій бутылочки и сильно развеселившійся.

— Резонно разсуждаешь, графъ, резонно... Умныя рѣчи пріятно и слышать. Только скверно, что не подтягиваешь... Спой-ка намъ пѣсенку,—поди, будетъ что нибудь поинтереснѣе этого жалостливаго визжанья-то...

— Хе-хе-хе, не знаю пѣсенъ-то, братецъ ты мой, одну только зналъ, да и ту никакъ забылъ...

— Полно врать, вспомнишь... поди самая что ни на есть огнепалительная, про дѣвчонокъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, братецъ ты мой...

— Такъ про что-же, братецъ ты мой?

— Пустая самая, пустяшная пѣсня... про грибы...

— Ха-ха-ха, про грибы, да это диковина, диковиннѣе самого тебя, братецъ ты мой,—спой, непремѣнно спой... Эй, господа, просите графа спѣть пѣсню про грибы... дѣвки, просите его, цалуйте, обмимайте...

Всѣ обступили нашего героя...

— Ну, что-же, расходился онъ—пожалуй и спою... ты, Андрюша, смотри, Глашѣ не сказывай, — она пожалуй на смѣхъ меня подыметъ, братецъ ты мой...

Digitized by Google

XXVI

Обида

Евграфъ Никанорычъ прокашлялся и запѣлъ съ уморительной интонаціей въ голосѣ и не менѣе уморительными гримасами:

Стоялъ грибъ—боровикъ,
Надо всѣми полковникъ;
Онъ подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи,
Повелѣлъ, приказалъ,
На войну грибы сзывалъ;
Отказалися опёнки:
У насъ ноги очень тонки,
Неповинны никому,
Не пойдемъ мы на войну!—
Отказалися маслушки:
Ужъ мы старыя старушки,
Неповинны никому,
Но пойдемъ мы на войну!—
Отвѣчали ему грузди:
У насъ между собой дружно,
Неповинны никому,
Не пойдемъ мы на войну!—
Отказалися бѣлянки:
Мы московскія дворянки,
Неповинны никому,
Не пойдемъ мы на войну!
Отказались мухоморы:
Ярославскіе мы воры,
Неповинны никому,
Не пойдемъ мы на войну!
Стоялъ грибъ и проч.
Повелѣлъ—приказалъ,—
Гдѣ вы рыжики, дружки?
Отвѣчали рыжики:
Мы военны мужики,
На войну идемъ!...

Взрывъ хохота послѣдовалъ за пѣсней...

Digitized by Google

— Качать его! вопричалъ Мѣшковъ:—дѣвки, берите грача на руки, качайте!

— Качать, качать! поддерживалъ Чистагановъ, который только что вернулся въ комнату; отсутствія его въ общей суматохѣ никто не замѣтилъ; онъ давно ужъ поглядывалъ на двери, и замѣтивъ, что общее вниманіе сосредоточилось на Бутылкинѣ, юркнулъ въ кабинетъ хозяина, посиѣлъ на столѣ и къ концу пѣсни вернулся какъ ни въ чемъ не бывало...

Вечеръ кончился шумно; гости и хозяинъ были совершенно пьяны и только передъ разсвѣтомъ улеглись спать... За-то съ какими тяжелыми головами проснулись аргонавты на другой день! но всѣхъ туманнѣе была голова у хозяина; съ нимъ случилось еще несчастье; встрѣтивъ Чистагана, онъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону:—знаешь, братецъ, какая у меня мерзость случилась?

— Что такое?

— Да вчера у меня въ кабинетѣ со стола бумажникъ съ деньгами пропалъ...

— Полно! и много денегъ было?

— Пять сотъ рублей...

— Знаешь, что я думаю: чистъ-ли на руку этотъ Бутылкинъ; онъ вчера, кажется, заглядывалъ тутъ въ кабинетъ...

И я признаться подумалъ это...

— Надо какъ-нибудь намекнуть ему объ этомъ.

— Да какъ намекнешь,—не признается...

— Почему знать, — увидитъ, что догадались, — можетъ быть гдѣ-нибудь и подложитъ, посовѣстится...

— Намекни-ка! Чистагановъ потолковалъ съ Грачовымъ:— ужъ это вѣрно его штуки, изъ людей нельзя,—каковъ гусь,— эка холопская морда! отвѣчалъ Грачовъ. Между тѣмъ, Евграфъ Никанорычъ, проснувшись съ тяжелой головой, съ прискорбіемъ вспоминалъ о вчерашнемъ своемъ шутовствѣ и, поздоровавшись съ хозяиномъ, тотчасъ-же заговорилъ о томъ, что пора домой...

— Вы что-то торопитесь, любезный графъ, насмѣшливо сказалъ Чистагановъ; а у хозяина тутъ горе случилось,—

Digitized by Google

бумажникъ съ деньгами пропалъ... онъ весь ужъ обыскивалъ всѣхъ... лежалъ бумажникъ въ кабинетѣ на столѣ—и вдругъ его не стало.

— Полноте, неужели... Очень жаль-съ... но мнѣ пора, давно ждетъ дома... отвѣчалъ Бутылкинъ, еще не догадываясь, что на него падаетъ обидное подозрѣніе;—не изъ прислуги кто-нибудь... это непріятная исторія...

Чистагановъ взялъ его рукою около шеи и шепнулъ на ухо:—не пошутили-ли вы, Евграфъ Никанорычъ?...

— Кто?! закричалъ во все горло нашъ герой:—вы, вы меня воромъ хотите сдѣлать?

Вся кровь его бросилась въ голову; онъ поблѣднѣлъ и затрясся...

— Что съ вами, Евграфъ Никанорычъ? сказалъ Скородумовъ, подходя къ своему пріятелю.

— Да вотъ, Андрюша, этотъ подлецъ меня воромъ хочетъ сдѣлать... говоритъ, что я деньги взялъ у хозяина...

— Что вы? сказалъ Скородумовъ.

— Полноте! изъ-за чего вы такъ взъѣлись? Никто васъ воромъ не назвалъ... отвѣчалъ Чистагановъ и сквозь зубы прибавилъ, обращаясь къ Мѣшкову:—вѣрно правда глазъ колетъ!

— Полноте, Евграфъ Никанорычъ! Чистагановъ думалъ, не пошутили-ли вы... въ кабинетъ никто не ходилъ... натурально ему пришло въ голову, что вы могли и пошутить... и стоитъ-ли такой шумъ подымать: какія-нибудь 500 руб. всего, не Богъ знаетъ что... Полноте, успокойтесь.

— Нѣтъ-съ, вы меня въ воровствѣ заподозрили... обыщите-же меня... или нѣтъ, я не позволю себя обыскивать... я продамъ послѣднее, себя продамъ, заплачу вамъ деньги, сколько-бы ихъ ни было!

— Полноте, забудьте все, Евграфъ Никанорычъ, садитесь-ка, вотъ выпьемъ,—уговаривалъ Мѣшковъ. Но Евграфъ Никанорычъ ничего не хотѣлъ слушать и опрометью выбѣжалъ на дворъ.

— Стыдно вамъ, господа, обидѣли человѣка, который навѣрно ни душой ни тѣломъ не виноватъ!.. заговорилъ Скородумовъ.

Мѣшковъ чувствовалъ справедливость словъ и молчалъ.

Digitized by Google

— Полноте, не виноватъ! отвѣчалъ Чистяковъ.—молоды вы еще, вѣры въ васъ слишкомъ много...

Послѣ этой исторіи бесѣда разстроилась, Чистяковъ первый началъ собираться домой, а за нимъ заторопились и всѣ...

Оставшись одинъ, Мѣшковъ призадумался: ему было стыдно самого себя, и чтобы разогнать мрачныя мысли, онъ скорѣе отправился въ красивый павильонъ, который стоялъ въ саду, весь закутанный въ зелень: тамъ его встрѣтила Глаша...

XXVII

Помѣшательство

Добравшись до первой деревни, Бутылкинъ нанялъ лошадь, чтобы доѣхать до города. Мрачно, темно было въ душѣ его:—меня воронъ сдѣлали, вотъ до чего я дожилъ, вотъ чего дождался отъ этихъ брандахлыстовъ, — и чортъ дернулъ меня, прости Господи, на старости лѣтъ связаться съ ними! Онъ готовъ былъ зарыдать и не замѣчалъ ничего вокругъ себя... Между тѣмъ весеннее небо быстро нахмурилось и прыснуло частымъ и крупнымъ дождикомъ. Пальто нашего героя промокло насквозь; вѣтерокъ, нежданно пахнувшій съ сѣвера, какъ это часто случается у насъ весной, продувалъ его до костей. Евграфъ Никанорычъ не обращалъ вниманія ни на дождь, ни на вѣтеръ, хотя нервическая дрожь пробирала тѣло, а зубы щолкали отъ холода.

— Эхъ, баринъ, какъ ты перезябъ! возьми-ко рогожку, закройся, потеплѣе будетъ! сказалъ извощикъ, ледащій старикашка въ изодранномъ полушубкѣ, не слишкомъ погонявшій свою пѣганку:—успѣемъ-ста доѣхать, да и баринъ-отъ смирённой, — не больно, знать, торопится... размышлялъ онъ и везъ Евграфа Никанорыча, словно возъ съ горшками.

На предложеніе извощика о рогожкѣ Евграфъ Никано-

Digitized by Google

рычъ, вздрогнувъ и вздохнувъ какъ-то не по-молодецки, только махнулъ рукой...

— Ну, какъ хочешь... и то сказать, не сахарный, не растаешь! отвѣчалъ извощикъ: — ну, ты, валявка, нешевелывайся! но валявка нисколько не прибавляла рыси...

А дрожь такъ и била Евграфа Никанорыча, такъ что онъ одеревенѣлъ, такъ сказать, потерялъ всякое сознаніе: въ немъ не стало никакихъ признаковъ духовной жизни, — ни сознанія гдѣ онъ, куда стремится, ни желанія поскорѣе пріѣхать домой, ни злобы, ни мечты о чемъ-либо...

Вотъ и городъ; телѣга гремитъ по разбитой каменной мостовой, неповоротливо сторонясь передъ встрѣчными каретами и дрожками съ опущенными фартуками; невесело смотрятъ улицы, церкви и дома подъ сѣткой мелкаго дождя, прохожіе хлопаютъ по лужамъ...

— Куда-же ѣхать-то, баринъ? спрашивалъ извощикъ, и не вдругъ понялъ его нашъ герой...

— Вишь, какъ передрогъ, голубчикъ, отурило ноне, — говорилъ, рогожкой закройся!

Кое-какъ Евграфъ Никанорычъ разсказалъ путь къ своему домику. Телѣга прокатилась мимо рынка, мимо десятка церквей, мимо березоваго бульвара, повернула въ сторону на какую-то кривую, еще никогда немощеную улицу; тамъ около кабачка, одиноко стоящаго и потому именуемаго «тычкомъ», опять повернула въ переулокъ и наконецъ стала у знакомаго намъ домика. Машинально вылѣзъ Евграфъ Никанорычъ изъ телѣги, машинально разсчитался съ извощикомъ, давъ ему четвертакъ на водку, и вошолъ въ комнату. Вошолъ, сѣлъ на диванъ и безсмысленно устремилъ свои глаза въ стѣну.

Вошла Ѳекла. — Самоварчикъ не согрѣть-ли, Евграфъ Никанорычъ? видишь, какъ перезябъ, родной! сказала она заискивающимъ голосомъ.

— Ладно, хорошо...

— Да вотъ, батюшка, приходилъ мужичокъ съ Терентьева, Буктило надо быть, ружье принесъ, — отдай, говоритъ, барину, это его ружье; я, говоритъ, забѣгу вдругорядь...

— Ружье, какое?! вскрикнулъ Евграфъ Никанорычъ, ста-

Digitized by Google

разъ прикоснуть что-то и проводя рукой по блѣдному лбу.

— Да вотъ еще барышня-то...

Но Евграфъ Никанорычъ вспомнилъ и не далъ договорить послѣдней вѣсти.

— Да! ружье... подай его скорѣй сюда, гдѣ оно... скорѣе-ка, старая дура!

— Тамотко... въ тебѣ на постель я его положила, отвѣчала удивленная кухарка и задумчиво побрела во-свояси.

Это было оно, то самое восхитительное, бюсовское ружье, которое сблизило Бутылкина съ Мышковымъ, которое всю зиму не выходило изъ головы стараго охотника,—наконецъ оно въ его рукахъ! какъ сжалъ онъ, какъ забилось его сердце! Въ этотъ мигъ были забыты всѣ огорченія, всѣ тревоги, всѣ обиды,—этотъ мигъ безраздѣльно принадлежалъ чудному ружью. Евграфъ Никаноръычъ точно во снѣ видѣлъ все это и едва вѣрилъ своему счастью; онъ вскидывалъ ружье на плечо, прицѣливался, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, подымалъ и опускалъ руки... Но полное счастье продолжалось не долго, — тяжелая мысль возмутила его: «однако, чтожъ это такое, — подумалъ нашъ герой: я и въ самомъ дѣлѣ выхожу воръ... значитъ они правы... да, и воръ, воръ, воръ...» — голова пошла кругомъ, ружье выпало изъ рукъ; Евграфъ Никаноръычъ отвернулся отъ сокровища, но не могъ утерпѣть, оглянулся—и снова схватилъ его: ну воръ, такъ и воръ... по крайней мѣрѣ не понапрасну названье это приму... пусть воромъ буду!» Онъ бережно взялъ ружье, спряталъ его въ чехолъ, гдѣ бывало хранилъ свою тульскую диковинку, и положилъ подъ тюфякъ... Въ это время Ѳекла возвѣстила, что самоваръ готовъ.

— Скажи Глафирѣ — пусть чаю дастъ... скороговоркою отвѣчалъ Бутылкинъ, торопливо закрывая одѣяломъ тюфякъ, словно въ страхѣ, чтобы да не отняли его сокровище. Но кухарка пропала, и подозрительно посмотрѣвъ на нее Евграфъ Никаноръычъ.

— Да вѣдь барышнинаго у насъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? гдѣ-же она?

— Пріѣхалъ вчера баринъ этотъ, какъ бишь его, Мышковъ

Digitized by Google

что-ли... съ нимъ они и уѣхали... клеветаться приходила,—я, говоритъ, за-мужъ вышла и больше не вернусь... Вѣрно, повѣнчались они съ барономъ-то этимъ что-ли... а сама-то плачетъ... такой грѣхъ...

Этого только не доставало... Какая-то тьма непроглядная охватила голову нашего героя... Страшенъ былъ его взглядъ, и Ѳекла сочла за необходимое убраться во свояси, оставивъ барина одного обдумывать свое положеніе.

Но обдумывать Евграфъ Никаноровичъ уже ничего не могъ,—въ головѣ его былъ совершенный хаосъ, среди котораго сохранилась одна мысль о драгоцѣнномъ ружьѣ, да подозрѣніе, что драгоцѣнность эта находится въ опасности... На цыпочкахъ вышелъ онъ изъ спальни, осмотрѣлъ всѣ углы, опять вернулся, досталъ ружье изъ подъ тюфяка, но уже не любовался имъ, а молча осматриваясь кругомъ, вышелъ изъ комнаты, пробрался въ темный чуланъ и положилъ на полку между разнымъ хламомъ, гдѣ дѣйствительно трудно было найти его. Потомъ Евграфъ Никаноровичъ торжественно вернулся въ залу и помѣстился около самовара. Ѳекла, выглянувшая изъ кухни, была весьма обрадована, увидавъ барина повидимому спокойнымъ и веселымъ; она не разсмотрѣла, какъ онъ, вмѣсто чая, опустилъ въ чайникъ нѣсколько кусковъ сахару, какъ упорно смотрѣлъ дикими глазами въ ту сторону, гдѣ находился чуланъ съ драгоцѣннымъ ружьемъ.

XXVIII

Бегство

Въ комнатѣ становилось темно; вечерній сумракъ обхватилъ окрестность, и длинныя фантастическія тѣни набѣгали въ комнату; безпокойство Бутылкина возрастало съ минуты на минуту; вздрагивая отъ каждаго шороха, подозрительно всматриваясь въ темные углы, чутко прислушиваясь, си-

Digitized by Google

дѣлъ онъ за потухшимъ самоваромъ, какъ на иголкахъ. Ѳекла вошла и стала убирать чай...—Что ты безпрестанно шляешься, чего высматриваешь? сказалъ онъ, устремивъ на нее посоловѣлые глаза.—Чего мнѣ высматривать-то у васъ, слава тебѣ господи, не первый годъ живу, — ничего не украла! сердито проговорила Ѳекла: вотъ вы спать-бы ложились; видишь, глаза-то какіе нехорошіе...

— Ну, ступай — проваливай, безъ тебя лягу... отвѣчалъ Бутылкинъ, думая про себя: «что она меня укладываетъ, какъ ребенка,—о, шельмы, ракаліи они всѣ!.. я давно замѣчалъ, что она плутовка... вѣрно догадалась... надо ухо востро держать... усни только — и прощай ружьецо... нѣтъ, здѣсь нельзя оставаться... надо уйти... постой-же, всѣ они блинъ съѣдятъ, я имъ покажу, покажу фигу!.. хе-хе-хе!» Онъ весело засмѣялся и заходилъ по комнатѣ.

Водворилась въ переулкѣ тишина; водворилась тишина и въ домикѣ, но не спалъ Евграфъ Никанорычъ: на цыпочкахъ подошолъ онъ къ кухнѣ, прислушался къ храпѣнью Ѳеклы, потомъ пошолъ въ свой кабинетъ, вооружился пороховницей и дробовикомъ; въ ягдташъ положилъ коровай хлѣба, на плечи закинулъ драгоцѣнное ружье, кликнулъ Дундаса и, робко оглядываясь кругомъ, вышелъ на улицу и вдругъ во всѣ лопатки пустился бѣжать къ сполью...

Щеголь отчаянно завылъ, проводивъ своего хозяина, такъ что даже Ѳекла проснулась и перекрестилась съ просонковъ...

А Евграфъ Никанорычъ бѣжалъ да бѣжалъ: онъ стремился въ пустыню, дальше отъ людей, — и вѣрный инстинктъ велъ его въ озера, къ поймамъ... Солнце застало его уже довольно далеко отъ города, а когда оно взошло на полдень, нашего героя окружала совершенная пустыня... Высокая, тучная осока волновалась и таинственно шумѣла; среди бархатнаго, зеленѣющаго ковра ея блестѣли небольшія озерка и струились рѣчки; на озеркахъ гуляли выводки утокъ, чутко прислушиваясь къ шуму, который производилъ Дундасъ, продираясь сквозь густую осоку,—и вдругъ они разбѣгались въ разныя стороны, совались въ берега и прятались въ чащѣ. Иногда Дундасъ выгонялъ изъ осоки долгоносаго дупеля или бекаса, который дѣлалъ реяя и, пролетѣвъ нѣсколь

Digitized by Google

ко сажень, камнемъ падалъ опять на землю... Евграфъ Никонарычъ выбралъ узенькую тропинку, которая зигзагами вилась среди осоки, то выходя на берегъ рѣки, то теряясь въ необозримомъ пространствѣ ложенъ, наконецъ метнулась въ кусты: издали потянуло холодомъ,—саженяхъ въ трехъстахъ виднѣлось довольно большое озерко, обросшее кругомъ кустарникомъ, а на берегу его, гдѣ мѣстность была повыше, стояла истопка. Къ ней-то направилъ свои шаги Бутылкинъ.

...Но для чего будемъ мы слѣдить за помѣшаннымъ? Дальше и дальше забирался онъ въ глушь, избѣгая встрѣчи съ людьми. Однажды только встрѣтился ему человѣкъ, какой-то заблудившійся охотникъ: какъ затрясся, какъ судорожно схватилъ свое ружье Евграфъ Никанорычъ!.. Эй, любезный!—закричалъ охотникъ издали: какъ выйти на устье Пельгимы? — Не отвѣчая ни слова, Бутылкинъ взвелъ курокъ и прицѣлился... грянулъ одинъ выстрѣлъ, раздался другой,—охотникъ застоналъ и упалъ въ осоку... И снова все тихо стало въ пустынѣ, — только щеголеватые турухтаны свистѣли, бѣгая по песочку у озера, да стая утокъ, солидно крякая, пронеслась по кривой линіи...

XXIX

Домашняя тревога

Ѳекла проснулась рано утромъ, сходила на рынокъ, затопила печь и стала обряжаться. Когда настолъ бѣлый день, ее удивила не мало совершенная тишина, царствующая въ домѣ; она вошла въ комнаты и, къ вящему своему удивленію, нашла пустоту. «Куда-бы онъ могъ удти ни свѣтъ, ни заря,—диковинка, правотко!» подумала она.

День прошелъ, а хозяинъ все-таки не возвратился. На другой день пришолъ Андрей Андреичъ; Ѳекла очень обрадовалась ему:—здраствуйте, батюшка Андрей Андреичъ, какой грѣхъ у насъ случился-то... пропалъ у меня баринъ, скакалъ да пропалъ, вотъ ужъ другія сутки...

Digitized by Google

— А барышня гдѣ?

— Барышни тоже нѣтъ, уѣхала, и не простившись съ тятенькой-то, съ этимъ усачомъ-то, какъ бишь его, Мѣшковъ что-ли...

— Какъ уѣхала?! вскрикнулъ Скородумовъ, поражонный въ самое сердце;—когда-же она уѣхала?

— Да вскорѣ, какъ вы на охоту-то отправились, въ тотъ-же день, батюшка.. На другой.. нѣтъ на третій, или точно на другой день,—ужъ я и не помню, пріѣхалъ Евграфъ-отъ Никанорычь, перезябъ такъ.... а тутъ безъ него Бухтило ружье принесъ, — какъ увидалъ онъ это ружье-то, просто такъ и обрадѣлъ, что и сказать нельзя... тутъ я ему и бухнула... ну, сначала-то онъ было и того, разклеился совсѣмъ, а потомъ и ничего... а на другой день и пропалъ....

— Вотъ они браконьеры-то!—воскликнулъ Андрюша.

— Что ты, батюшка, молвилъ?

— Нѣтъ, я такъ, ничего.... подождать надо... черезъ трое сутокъ не будетъ, такъ въ полицію придется объявить...

Прошло и трое сутокъ: Бутылкина не было. Объявили въ полицію, но пользы это принесло мало: помощникъ архиваріуса губернскаго правленія исчезъ, словно въ воду канулъ, словно сквозь землю провалился...

Странные слухи распространились между нашими охотниками...

— Знаете, что я вамъ скажу, говорилъ аптекарь Прямковъ, страстный охотникъ, своему знакомому:—въ озерахъ, тамъ около Гагарьяго озера, два трупа есть... Мы этта ѣздили туда и наткнулись, сперва на одного—охотникъ, должно быть изъ дворовыхъ, — ужъ разлагаться началъ, — мы прочь поскорѣе; прошли версты четыре, собаки завыли благимъ матомъ, глядь — опять, просто волосъ дыбомъ поднялся... Такъ и сгніютъ голубчики, тутъ вѣдь въ полицію никто не дастъ знать,—ужо осѣнокосъ начнется,—мужички еще подальше запрячутъ, а тамъ снѣжкомъ замететъ, — и слѣдъ пропадетъ...

— Неужели убиты?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ,я ужъ не смотрѣлъ, скорѣе но дальше, чтобы бѣды не нажить.. Все можетъ быть, — мо-

Digitized by Google

жетъ и Кондрашка хватилъ, — вѣдь всякіе ходятъ; иной и дома накатится, да еще и съ собой четверть возьметъ, долго-ли до грѣха!.. бываетъ тоже и это...

— Однако надо сторожнымъ быть: мѣста глухія, пожалуй, чего добраго, и укокошить не трудно; пропадешь, какъ собака, ни за́-што, ни прѐ-што, и трупа-то не отыщутъ...

— Пожалуй...

XXX

Ягодницы

Въ концѣ іюля на большой рыбной ловлѣ купца Шапошникова, которая устроена при стеченіи трехъ рѣкъ, верстахъ въ 30 отъ нашего города, изба была полнымъ-полна, — и все-то женскимъ людомъ: это собрались ягодницы, то есть городскія дѣвки, большею частью мѣщанки, составившія общину для сбора ягодъ—малины, смородины, морошки, которыми изобилуетъ тотъ край. Дѣвицы веселаго нрава, развязныхъ ухватокъ, безцеремонныя на́ слово; самый костюмъ ихъ чуждъ претензій на изысканность: кожаные штаны, необходимые при собираніи ягодъ по болотамъ, среди глухого чернолѣсья, коротенькія юпки изъ крѣпкой клѣтчатой крашенины, ситцевые шушуны съ ободранными рукавами, на головахъ дырявые платки. На рыбную ловлю онѣ пристали, чтобы пообѣдать, кутнуть передъ трудами. Сидя около стола, съ апетитомъ уплетали онѣ уху, подлѣ которой красовался и полуштофъ зелена-вина.

— Ну, правотко, возьмите, дѣвахи, меня съ собой! говорилъ имъ нашъ знакомый—молодой Бухтило, приставшій къ ягодницамъ у Терентьева, какъ слабый человѣкъ до женскаго пола.

— На кой намъ прахъ тебя! отвѣчала одна изъ ягодницъ, рябая и косая дѣвка, смотря по видимому совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Бухтило.

Digitized by Google

— Эхъ, дѣвушка! пригожусь, смотри!... пожалѣешь да поздно будетъ...

— Ибось не пожалѣемъ!

— Вотъ меня Анютка Бормота возьметъ! Я не къ тебѣ, косоглазая, и прошусь...

— Какъ-бы Анютка не взяла.... эка барышня, что за ней лакеи будутъ ходить!

— А почему-бы и не взяла? ты ложись со Степкой не таскалась? возьму, да и возьму! отозвалась Анютка Бормота.

— Бери пожалуй.. мнѣ что!... Только ужъ плохая работа, какъ у всякой провожатый будетъ... Полно вамъ, дѣвахи, лучше наберемъ ягодъ, да въ Еляково привернемъ, — баринъ знатный, потѣшимся,—есть тамъ этого добра...

— Дожидай, ладно! пустятъ тебя въ Еляково! нынѣ тамъ не тѣ порядки, и баринъ-отъ ужъ не тотъ сталъ, перемѣна большая... сказалъ Бухтило.

— А кой прахъ тамъ случился?

— Сударку какую-то привезъ,—она все вверхъ дномъ повернула... сократила его совсѣмъ: никакого, дѣвушки, веселья въ Еляковѣ не стало...

— Сказываютъ, Бутылкина, Еграфа Никанорыча дочка... бой—дѣвка, говорятъ!.. гдѣ-то самъ-отъ Еграфъ Никанорычъ,— болтаютъ, пропалъ безъ вѣсти...

— Пропалъ и то... добрый былъ баринъ...

Пообѣдавъ, ягодницы взяли объемистыя корзинки и отправились въ путь.

Бухтило не отсталъ-таки отъ нихъ, а тамъ—откуда ни возьмись, пристало къ нимъ еще нѣсколько молодцовъ. Скоро вся эта стая разсыпалась по чернолѣсью и звучное «ау!» со всѣхъ сторонъ раздавалось въ безмолвіи пустыни... Но Бухтило и Анютка Бормота не откликались на «ау!»—они хотѣли на время затаиться, а между тѣмъ «ау» раздавалось все дальше да дальше, наконецъ совсѣмъ потерялось, и отсталая ягодница, въ сопровожденіи своего кавалера, пустилась въ путь на удачу. Долго бродили они, громко аукаясь, но никто не отзывался на ихъ голоса. Время приближалось къ ночи, небо хмурилось, вдали погремливало... А мѣ-

Digitized by Google

сто было глухое, незнакомое, и Бормота не на шутку начала трусить... Вдругъ раздался заунывный вой собаки...—Собака!—сказала Бормота,—вѣрно люди близко, теперь выберемся.

— Охотникъ какой-нибудь, отозвался Бухтило:—на кой прахъ она такъ воетъ, подлая!

Они поспѣшили на голосъ собаки, которая не переставая жалобно и выла и визжала. Вотъ ужъ близко, вотъ ужъ она и видна: сидитъ въ осокѣ, вытянула морду и отчаянно воетъ... Но присутствія человѣка не замѣтно.

— Что ты, подлая, воешь? сказалъ Бухтило, подходя къ собакѣ,—и вдругъ глазамъ его представилося распростертый въ осокѣ человѣкъ.—Бухтило наклонился, чтобы потрогать незнакомца: оказалося совершенно холодный трупъ.—«Господи, да это Евграфъ Никанорычъ! вотъ тебѣ, бауська, и юрьевъ день!.. Анютка, что-же мы будемъ дѣлать-то?

Между тѣмъ собака ласкалась къ ягодницѣ и ея кавалеру: бѣдный Дундасъ, какъ онъ похудѣлъ!

— Не выведетъ-ли насъ собака-то? сказала Бормота, совсѣмъ унавшая духомъ. Бухтило приласкалъ собаку и далъ ей хлѣба, который она схватила съ жадностью. Когда Бухтило и Анютка пошли въ путь, Дундасъ весело завизжалъ и побѣжалъ впереди. Долго брели они за собакой среди густой осоки, наконецъ вышли къ рѣчкѣ: Бухтило тотчасъ-же узналъ мѣстность.

— Что-же мы теперь сдѣлаемъ съ собакой-то? чего добраго, съ ней бѣды наживешь,—скажутъ, гдѣ взялъ, пойдутъ спросы да распросы, пожалуй въ душегубствѣ заподозрятъ...

— Камень на шею, да въ воду, или въ петлю...

— А что ты думаешь, дѣваха, и то дѣло...

Бухтило снялъ поясъ, приласкалъ собаку и ласково надѣлъ ей на шею петлю...

Скоро раздался отчаянный визгъ, потомъ Дундасъ захрипѣлъ, глаза выкатились,—и не стало умнаго пса, какъ не стало его хозяина: оба словно въ воду канули...

Н. Бунаковъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ БУКЕЕВСКАЯ КИРГИЗСКАЯ ОРДА.

Значительная часть юго-восточной Россіи, по сухости и рѣзкимъ перемѣнамъ климата, по недостатку прѣсныхъ водъ, множеству песковъ и солонцовъ, степному характеру мѣстности, можетъ быть населена только кочевымъ народомъ, котораго средства къ жизни состоятъ преимущественно въ скотоводствѣ. Но по теперешнему состоянію скотоводства въ тѣхъ мѣстахъ, и частію и по мѣстнымъ условіямъ, тамъ кроется постоянный зародышъ чумы на рогатый скотъ, сибирской язвы и другихъ заразительныхъ болѣзней; выводятся тучи саранчи, опустошающей наши поля, сады и луга, а наконецъ тамъ главный притонъ конокрадовъ и вообще скотокрадовъ; слѣдовательно находится одно изъ главныхъ препятствій къ улучшенію породъ скота и къ правильному хозяйству осѣдлыхъ жителей на юго-востокѣ Россіи. Притомъ кочующіе здѣсь народы питали къ намъ скрытную вражду,—прямое послѣдствіе не только различія быта, языка и вѣроисповѣданія, но и вражды политической,—такъ какъ они состояли изъ племенъ, входившихъ нѣкогда въ составъ владѣній прежнихъ нашихъ властителей, хановъ Золотой Орды. Послѣ паденія этой Орды только кочевники на низовьяхъ рѣкъ Урала и Волги были къ намъ нѣсколько расположены; племена же, входившія въ составъ Казанскаго царства и Крымской Орды, питали къ намъ постоянную вражду, и часть ихъ, по мѣрѣ нашихъ успѣховъ, удалялась или въ лѣса Заволжскіе и Закамскіе, или въ горы Уральскія и Кавказскія, или же въ об-

Digitized by Google

ширныя степи, лежащія отъ нашихъ владѣній къ юго-западу отъ р. Дона.

Враждебное настроеніе къ намъ этихъ кочевыхъ племенъ выражалось набѣгами на наши владѣнія, грабежами, плѣненіемъ людей, угономъ скота. Мѣры противъ этого съ нашей стороны состояли въ устроеніи оборонительныхъ линій, въ поселеніи на нихъ военнаго сословія, для отраженія нападеній кочевниковъ, и въ посылкѣ отрядовъ для наказанія за грабежи. Но это было только возмездіе, мѣры паліативныя, которыя временно подавляли зло, но не искореняли его, и дѣлали только войну нескончаемою. Для окончательнаго прекращенія набѣговъ нужны были мѣры совершенно другого рода, мѣры административно-политическія или, говоря простымъ языкомъ, такого рода мѣры, которыя послужили бы къ ближайшему переходу за этими племенами, къ измѣненію наклонностей народа и къ пріисканію для этихъ племенъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ грабежа, то есть ихъ слѣдовало пріучать искать себѣ трудомъ пропитаніе, указавъ имъ средства для этого; словомъ—требовалось принять мѣры къ образованію и нравственному развитію народа; путь этотъ хотя и медленнѣе, но вѣрнѣе ведетъ къ цѣли и не требуетъ столькихъ матеріальныхъ пожертвованій, какъ долговременныя военныя дѣйствія.

Но и то надо сказать, не всѣ изъ этихъ племенъ одинаково способны къ принятію образованія и не вездѣ мѣры, принимаемыя нами съ этою цѣлью, имѣли желанный успѣхъ. И неудивительно, потому что измѣнить наклонности и привычки народа и, такъ сказать, нравственно перевоспитать его—составляло и составляетъ для всѣхъ образованныхъ народовъ самую трудную задачу администраціи. Намъ же, по множеству подвластныхъ намъ полудикихъ племенъ, разрѣшеніе этой задачи представляетъ еще болѣе трудностей, такъ какъ на долю нашу выпало обращать въ полезныхъ подданныхъ множество народовъ, различающихся съ нами языкомъ, образомъ жизни, вѣроисповѣданіемъ, историческими преданіями и условіями общественной ихъ жизни.

Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, нѣсколько тысячъ калмыковъ приняли христіанскую вѣру и были поселены въ Ставропольскомъ уѣздѣ (нынѣшней Самарской губерніи), по рѣкѣ Соку, на превосходныхъ черноземныхъ земляхъ, обильныхъ хорошими лугами, пастбищами и лѣсами. Для пріученія калмыковъ этихъ къ земледѣлію и для того чтобы научить ихъ

Digitized by Google

какъ строить дома и вести осѣдлое хозяйство, между ними поселено было, въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько русскихъ семействъ (*). Но какіе плоды принесли эти мѣры? Поселенные между калмыками крестьяне завели кабаки, пріучили калмыковъ къ пьянству и за водку начали сначала нанимать у нихъ земли для пастьбы своего скота и для покосовъ, а потомъ, когда мало по малу къ поселеннымъ русскимъ семействамъ прибавились другія семейства и изъ нихъ образовались цѣлыя села и слободы, то русскіе поселенцы окончательно завладѣли большими пространствами превосходныхъ калмыцкихъ земель. Между тѣмъ сами калмыки не пріучились къ земледѣлію, не сдѣлались осѣдлыми, и даже для запаса на зиму сѣна нанимали русскихъ крестьянъ косить его на оставшихся еще у нихъ лугахъ. Осѣдлость же калмыковъ ограничилась постройкою домовъ или, правильнѣе сказать, сараевъ, безъ потолка, съ окнами безъ стеколъ, затыкаемыхъ травой или задѣлываемыхъ натянутымъ пузыремъ,—съ очагомъ, и часто даже безъ трубы, а только съ отверстіемъ вверху для выхода дыма; да и въ этихъ домахъ калмыки жили только зимою, а съ началомъ весны отправлялись на кочевку.

Въ нравственно-религіозномъ отношеніи калмыки отъ насъ тоже мало хорошаго переняли. Въ 1836 году, въ проѣздъ чрезъ ихъ земли, мнѣ однажды встрѣтилось до 15-ти калмыцкихъ дѣвицъ, изъ которыхъ каждой было не менѣе 30-ти лѣтъ; онѣ ѣхали въ городъ Бузулукъ для бракосочетанія, и, какъ мнѣ сказали, по распоряженію начальства. На вопросъ мой: почему онѣ такъ поздно вы-

---

(*) 18 апрѣля 1737 года состоялся указъ о поселеніи по р. Соку новокрещенной калмыцкой княгини Анны Тайшиной съ крещоными калмыками; для чего построены были, на счотъ казны, кр. Ставрополь, три церкви, школа; назначенъ былъ для отправленія церковныхъ требъ архимандритъ и три священника; велѣно перевести на калмыцкій языкъ Новый Завѣтъ.

Указомъ отъ 15 января 1739 года запрещено было, для охраненія калмыковъ отъ пьянства, въ кр. Ставрополѣ учреждать казенный кабакъ; велѣно отмежевать калмыкамъ во владѣніе пашни, луга и лѣсъ; назначить солдатъ Ставропольскаго гарнизона для показанія имъ обработки земли и помощи въ земледѣльческихъ работахъ; но мѣра эта оказалась недостаточной, почему указомъ отъ 6 іюня 1740 года велѣно, для показанія калмыкамъ сельскаго хозяйства, поселить между калмыками 282 души крестьянъ Симбирской губерніи.

*

Digitized by Google

ходятъ замужъ, кто-то изъ провожатыхъ отвѣчалъ мнѣ: «Онѣ ужъ довольно нагулялись, пора и замужъ отдавать».

Какъ казачье войско, ставропольскіе калмыки были самые плохіе казаки. Численность калмыцкаго казачьяго войска постоянно уменьшалась, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ войско это было переведено на новую Оренбургскую линію.

Башкирцы болѣе 120 лѣтъ находятся подъ нашей властью, земли, которыми они владѣютъ, такъ-же превосходны какъ и бывшихъ ставропольскихъ калмыковъ; мы тоже много заботились объ улучшеніи ихъ быта, но также почти безъ успѣха. Башкирцы также продали значительную часть своихъ земель за угощеніе или за самую ничтожную плату, и по словамъ старожиловъ сдѣлались бѣднѣе прежняго. Въ бытѣ ихъ, какъ и въ бытѣ ставропольскихъ калмыковъ, не произошло значительныхъ перемѣнъ, хотя многіе изъ башкирцевъ участвовали съ нашими войсками въ походахъ и, вмѣстѣ съ Оренбургскими казаками, охраняли оренбургскую линію отъ набѣговъ киргизовъ. Препятствіемъ тому, что башкирцы отъ насъ долго ничего не заимствовали, не оставляли своего кочевого быта, и что мы мало имѣли вліянія на ихъ образованіе и домашній бытъ, я полагаю была не одна магометанская религія, но и вражда ихъ къ намъ, утвержденная вѣками.

Послѣ взятія нами Казани, при Іоаннѣ Грозномъ, отчаянныя толпы казанцевъ успѣли прорваться сквозь облегавшія Казань наши дружины и укрыться въ лѣса и горы Башкиріи. Послѣ разрушенія ихъ царства не могли они питать къ намъ дружелюбія и безъ сомнѣнія внушили и башкирцамъ свою ненависть и недовѣріе къ намъ (пѣсню о взятіи нами Казани башкирцы и теперь поютъ самымъ жалобнымъ напѣвомъ), которыя и продолжались болѣе двухъ вѣковъ, до совершеннаго покоренія нами башкирцевъ.

Третій кочевой народъ юго-восточной Россіи, киргизы, точно также еще недавно занимались грабежемъ, хищничествомъ и уводомъ отъ насъ въ плѣнъ людей, хотя они и считались болѣе 100 лѣтъ нашими подданными (*). Но во второй половинѣ прошлаго столѣтія возникли между племенами киргизовъ междоусобія и взаимные грабежи,

(*) Киргизъ-Кайсацкій ханъ Абулъ-Хаиръ, со всею его ордою, принятъ въ наше подданство 19 февраля 1731 года.

Digitized by Google

почему въ началѣ нынѣшняго вѣка миролюбивый киргизскій ханъ Букей, одинъ изъ потомковъ Абулхаиръ-Хана, опасаясь демократической партіи зауральскихъ киргизовъ, съ значительною частью султановъ и оставшимися ему подвластными киргизами, перешолъ въ 1800 году къ намъ на правую сторону р. Урала и началъ кочевать на отведенныхъ ему Самарскихъ степяхъ, между Ураломъ и Волгою. Такъ какъ киргизы эти перешли къ намъ добровольно и не питали къ намъ такой закоренѣлой вражды и такого недовѣрія какъ башкирцы, то при содѣйствіи другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ бытъ этого кочевого народа, менѣе чѣмъ въ полъ-вѣка, такъ здѣсь измѣнился, что народъ этотъ сталъ полуосѣдлымъ; началъ, безъ всякаго принужденія и даже вмѣшательства, заниматься торговлей, жать трудомъ, косить сѣно, строить зимовки (дома изъ глины, съ земляными огорожами для скота), понялъ пользу пріобрѣтенія земли въ собственность и во многомъ измѣнилъ прежній свой кочевой бытъ. Средства, содѣйствовавшія этому, заслуживаютъ нашего вниманія; поэтому я и счолъ не безполезнымъ описать, на сколько мнѣ извѣстно, какъ произошли помянутыя перемѣны въ бытѣ кочевниковъ этой Орды, названной Букеевской или Внутренней Ордой.

Измѣненія быта народа, особенно кочевого, совершаются медленно и обыкновенно происходятъ въ то время, когда народъ еще мало развитъ; поэтому слѣдить за ними, оцѣнить значеніе каждой причины и изслѣдовать ее трудно, такъ какъ причины такого рода измѣненій рѣдко оставляютъ письменные памятники и часто ускользаютъ отъ вниманія историковъ послѣдующихъ временъ, а отъ того многія событія въ исторіи нашей и другихъ народовъ и кажутся непонятными. Измѣненія эти обыкновенно подготовляются какими-либо внѣшними или внутренними переворотами, иногда отдаленными, и происходятъ или отъ внутренняго развитія, или отъ измѣненія экономическихъ средствъ къ жизни, или отъ внѣшняго вліянія.

Россія, съ самаго начала исторической своей жизни, уже имѣла столкновенія съ кочевыми народами, кочевавшими къ югу и юго-востоку отъ Кіева. Но какая была тогда въ Россіи политика, какія административныя мѣры принимали къ прекращенію грабежей этихъ кочевниковъ,—намъ хорошо неизвѣстно. Въ XIII вѣкѣ Россія была покорена однимъ изъ самыхъ сильныхъ кочевыхъ народовъ, монголо-татарами, и оставалась подъ игомъ его болѣе двухъ вѣковъ; а потомъ, по сверженіи этого ига, почти до Петра Великаго, наше вни-

Digitized by Google

маніе преимущественно было обращено на сосѣдніе къ намъ кочевые народы. Но какія причины способствовали къ освобожденію насъ отъ ига татаръ, какое вліяніе оно имѣло на наше государственное устройство, на наши нравы, наше внутреннее управленіе и внѣшнюю политику, почему это иго послужило къ возвышенію Москвы, къ соединенію разрозненныхъ частей Россіи, все это еще не вполнѣ разъяснено и изслѣдовано; и это происходитъ оттого, что мы еще мало ознакомились съ бытомъ сопредѣльныхъ съ нами кочевыхъ народовъ, съ обычаями и постановленіями бывшей Золотой Орды. Въ настоящее время, когда уже неотдѣлившіяся отъ общей массы или корня незначительныя кочевыя племена состоятъ въ нашемъ подданствѣ, а цѣлый народъ, кочующій на огромномъ пространствѣ, поступилъ въ составъ нашихъ подданныхъ, ознакомиться съ бытомъ кочевыхъ народовъ, съ условіями ихъ хозяйства, ихъ обычаями, будетъ нелишнимъ. Управляя около трехъ лѣтъ Внутренней Киргизской Ордой, я имѣлъ случай собрать нѣкоторыя свѣденія о ней, которыя въ настоящее время, надѣюсь, будутъ не безъ интереса для образованнаго міра, почему я и приступилъ къ напечатанію ихъ.

Послѣ бѣгства калмыковъ къ китайскимъ предѣламъ, въ 1771 году, степи между Ураломъ и Волгою лѣтъ 30 были почти пустыней и значились на старинныхъ картахъ подъ названіемъ Самарскихъ степей. На нихъ водились только дикія лошади (куланы), дикія козы (сайгаки), дикіе кабаны, волки, лисицы и проч. Неустройства, возникшія во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ Западной Киргизской Ордѣ, вражда народной партіи противъ хановъ потомства Нурали, взаимные грабежи, побудили миролюбиваго хана Букея искать, съ частію киргизовъ державшихъ его сторону и съ множествомъ султановъ (считающихъ себя, какъ и самъ Букей, потомками Чингисъ-Хана), безопасныхъ отъ грабежа мѣстъ для кочевокъ, особенно зимнихъ, между Ураломъ и Волгою, подъ защитою уральской линіи. Съ нимъ сначала кочевало здѣсь тысячи полторы кибитокъ, потомъ, лѣтъ черезъ пять, уже было до 5,000 кибитокъ, и число ихъ, не столько отъ естественнаго умноженія народа, сколько отъ прибытія новыхъ переселенцевъ изъ-за Урала, постоянно прибывало; такъ что въ 1845 году въ этой ордѣ считалось болѣе 30,000 кибитокъ или семействъ. Въ началѣ перехода киргизовъ изъ-за рѣки Урала обиліе пастбищъ, безопасность отъ грабежей (баранты), привольная жизнь, избавленіе отъ всякаго рода податей и повинностей привлекали сюда новыхъ

Digitized by Google

пришельцевъ. Правительство довольствовалось только выгодами, доставляемыми русскимъ подданнымъ отъ покупки скота, разводимаго киргизами на пустынныхъ до того мѣстахъ. Мѣста эти, оставаясь послѣ бѣгства калмыковъ въ 1771 году впустѣ, не приносили никакой выгоды Россіи; но когда они населились кочевымъ народомъ, занимавшимся скотоводствомъ, то учредилась мѣна товаровъ, полезная осѣдлымъ и кочевымъ народамъ. Мы сбывали послѣднимъ хлѣбъ, наши сукна, матеріи и другіе предметы, они продавали намъ скотъ, шерсть, шкуры и разные предметы скотоводства.

Почти одновременно съ перекочевкой киргизовъ въ Самарскія степи заволжская сторона начала населяться земледѣльцами, частію старообрядцами, частію бѣглыми, частію правильнымъ выселеніемъ народа, чрезъ раздачу или пожалованіе участковъ земли въ видѣ награды за службу чиновникамъ, которые, дѣлаясь помѣщиками, заселяли способныя для хлѣбопашества степи своими крестьянами или продавали свои участки разнымъ промышленникамъ. Отъ этихъ переселеній образовались новые уѣзды: Царевскій, Николаевскій, Ново-Узенскій. Въ тоже время уральскіе казаки предъявили свои права на степи, лежащія между рѣчками Большимъ и Малымъ Узенями, и на озера и камыши, лежащіе при устьяхъ этихъ рѣкъ и извѣстные подъ именемъ Камышъ-Самарскихъ озеръ; а владѣльцы каспійскихъ рыбныхъ ловель, на сѣверныхъ берегахъ этого моря, между восточными протоками р. Волги и западными р. Урала, графъ Кушелевъ-Безбородко и князь Юсуповъ или, правильнѣе сказать, ихъ управляющіе, не довольствуясь выгодами отъ рыболовства, объявили притязанія и на камыши этого пространства, лежащіе по берегу Каспійскаго моря, хотя имъ пожалованы были для рыболовства воды, а не камыши.

Отъ всѣхъ этихъ стѣсненій, отрѣзки лучшихъ земель, степи, назначенныя сначала для кочеванія киргизовъ Внутренней Орды, постепенно уменьшаясь, въ настоящее время занимаютъ всего до 6 милліоновъ десятинъ, скудныхъ травами, частію безводныхъ, песчаныхъ солонцоватыхъ земель, не во все время года удобныхъ для скотоводства, да и то только при кочевой жизни, и могущихъ доставлять киргизамъ средства къ ихъ существованію только при умѣренности ихъ въ пищѣ и ограниченности ихъ нуждъ и потребностей.

Объ управленіи хана Букея не осталось въ Ордѣ никакихъ письменныхъ свѣдѣній; всѣ дѣла рѣшались у него словесно, потому что киргизы не были еще заражены страстью къ бумагомаранію и самъ

Digitized by Google

Букей былъ не изъ грамотѣевъ. О немъ осталось только преданіе, что онъ отличался необыкновенной тучностью; разсказываютъ, что когда онъ садился по обыкновенію азіатцевъ поджавши ноги, то животъ его такъ выдавался впередъ, что онъ употреблялъ эту часть своего тѣла вмѣсто столика, на который обыкновенно ставилъ чашку съ кумысомъ, и руки его такимъ образомъ избавлялись отъ труда держать эту чашку.

Хану Букею наслѣдовалъ сынъ его Джангеръ. Киргизская хроника гласитъ, что будто бы при рожденіи его какой-то докторъ неизвѣстно куда исчезъ (*). Букей Джангера отправлялъ въ Астрахань, гдѣ тотъ и воспитывался. Это воспитаніе въ русскомъ городѣ развило въ Джангерѣ наклонность къ осѣдлости, къ нѣкоторымъ удобствамъ нашей жизни, и повело къ тому, что онъ сдѣлался преобразователемъ Орды; но въ то-же время оно ознакомило его и съ слабой стороной нашей администраціи.

По мѣрѣ увеличенія русскихъ осѣдлыхъ поселеній между рѣками Волгою и Ураломъ и размноженія, здѣсь-же, киргизскаго народа и скотоводства, киргизы съ каждымъ годомъ терпѣли болѣе стѣсненія въ своихъ кочевкахъ; возникали частыя жалобы на нихъ отъ осѣдлыхъ жителей за потраву хлѣба и покосовъ, за что киргизамъ приходилось приплачиваться, а они, въ свою очередь, вознаграждали себя, за наложеніе на нихъ взысканій, угономъ или пражею скота у осѣдлыхъ жителей, иногда даже мстили имъ убійствами и грабежемъ, отчего возникали новыя жалобы и раждались тяжебныя дѣла. Киргизовъ начали таскать по судамъ, сажать въ тюрьмы; естественно, что посредникомъ въ этихъ дѣлахъ былъ ханъ Джангеръ, который въ такихъ случаяхъ, съ свойственною ему ловкостью, всегда увѣрялъ киргизовъ, что безъ подарковъ ничего нельзя сдѣлать; что онъ намѣренъ хлопотать объ назначеніи постоянныхъ границъ земель для киргизскихъ кочевокъ, объ увеличеніи для нихъ степей, объ избавленіи киргизовъ отъ русскаго суда и проч.; но что для этого онъ долженъ ѣздить хлопотать въ Астрахань, Оренбургъ и Петербургъ. Изъ этого естественнымъ выводомъ было то, что необходимо слѣдовало сдѣлать сборъ съ Орды. Киргизы, понимая, что ханъ долженъ принять на

(*) Указываютъ на урочище Догдуръ-Гуль (озеро доктора), гдѣ будто-бы онъ былъ лишонъ жизни.

Digitized by Google

себя хлопоты для ихъ-же пользы, складывались, смотря по состоянію каждаго, и назначали отъ семейства или кибитки по нѣскольку барановъ, которыхъ ханъ Джангеръ, учреди при своей ставкѣ весеннюю и осеннюю ярмарки, сбывалъ съ выгодою. Потомъ, когда киргизы отъ торговыхъ сношеній съ нами узнали цѣну денегъ, то сборъ баранами сталъ замѣняться денежной платой и, повторяясь ежегодно, то, для вспоможенія бѣднымъ, то для расходовъ по дѣламъ киргизовъ, сдѣлался наконецъ постояннымъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ закята. Постоянно увеличиваясь, онъ доходилъ, смотря по количеству скота у киргизовъ, до 70-ти и болѣе тысячъ руб. сер. Закятъ собирался со скота принадлежащаго киргизамъ, по особой раскладкѣ, зависѣвшей отъ удобства пастбищъ и болѣе или менѣе благопріятной зимы, и утверждался ханомъ. Обыкновенно платилось закяту съ каждаго барана отъ 3-хъ до 4-хъ коп. сер., съ козы 2 коп., съ рогатаго скота съ головы 15 коп., съ лошади 20 коп., съ верблюда отъ 25 до 30 коп. сер.

По мѣрѣ умноженія киргизскаго народонаселенія и сближенія киргизовъ съ нами, тяжебныя дѣла у нихъ умножались; ставка хана постоянно была переполнена тяжущимися просителями и разными почетными или должностными лицами, которыя, пріѣхавши въ ставку на 200 и болѣе верстъ, по обычаю киргизовъ питались на счетъ хана, и какъ такихъ посѣтителей ежедневно набиралось по нѣскольку десятковъ, то естественно, что ханъ не могъ содержать ихъ одними своими средствами и для этого установилъ особый сборъ подъ именемъ сугума, который, платясь сначала тоже баранами, замѣнился по смерти хана Джангера денежнымъ сборомъ съ кибитокъ или семействъ и сдѣлался постояннымъ. Онъ также давалъ хану до 10,000 руб. сер. (*)

(*) Были еще и другіе сборы, наприм. кошемный и проч., но они были менѣе значительны и по смерти хана Джангера уничтожены нашимъ правительствомъ. Сугумъ собирался слѣдующимъ образомъ: съ каждыхъ зажиточныхъ 15-ти кибитокъ или семействъ положенъ былъ сборъ въ 40 руб. ассиг., но вмѣсто этой суммы платили баранами, по таксѣ, существовавшей на ярмаркахъ или назначаемой ханомъ. Къ такому сугумному участку присоединялось 5 бѣдныхъ кибитокъ, которыя ничего не платили. Кошмы или войлоки взносились тоже отъ сугумовъ: четыре сугума должны были дать двѣ кошмы, одну бѣлую (цѣною, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ 3 руб. сер.) и одну сѣрую (цѣною въ 2 руб. сер.), длиною каждая отъ 3-хъ до 4-хъ сажень и шириною около сажени.

Digitized by Google

Хотя и прежде киргизскіе ханы получали отъ киргизовъ разнаго рода приношенія, особенно при судопроизводствѣ, раздѣлѣ добычи и проч., но это имѣло видъ подарковъ, добровольной повинности, или древняго обычая, а не подати; поэтому Джангеръ, установляя сугумъ и зякятъ и другіе сборы, уже какъ родъ постоянной повинности, прежде несуществовавшей у киргизовъ, зналъ, что въ выполненіи ея можетъ встрѣтить со стороны народа сопротивленіе, которое вѣроятно и выражалось въ глухомъ ропотѣ, а посему Джангеръ и учреждалъ этотъ сборъ съ особенною осмотрительностію и разсчетомъ, какъ увидимъ ниже.

Киргизы, перешедшіе добровольно на нашу сторону р. Урала, состояли изъ разныхъ родовъ этого обширнаго племени, составлявшаго нѣкогда легкія войска Батыевыхъ полчищъ. Судя по тамгамъ, или печатямъ, означающимъ до настоящаго времени родовое отличіе у многихъ кочевыхъ племенъ средней Азіи, прикладываемымъ къ бумагамъ вмѣсто подписи и изображающимъ: копье, мечь, стрѣлу, лукъ и проч., можно полагать, что тамги эти выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингисъ-хана, или выражали родъ службы и занятій разныхъ киргизскихъ племенъ. Предки-же нынѣшнихъ киргизскихъ султановъ безъ сомнѣнія были начальниками тѣхъ полковъ, отрядовъ и племенъ. (*) Хотя за султанами этими, считающими себя потомками Чингисъ-хана, при переходѣ ихъ къ намъ права дворянства и не утверждены, но они тѣмъ не менѣе пользуются его преимуществами, а у киргизовъ вліяніемъ и нѣкоторымъ уваженіемъ. Изъ султановъ этихъ ханъ Джангеръ назначалъ начальниковъ для управленія родами; эти-то начальники и названы нами управляющими родами или родоправителями. Родовъ киргизовъ Внутренней Орды считается 17; число семействъ въ каждомъ родѣ неодинаково; по вѣдомости, составленной временнымъ совѣтомъ Внутренней Киргизской Орды въ 1849—1850 г., считалось:

(*) Для разъясненія монгольскаго періода нашей исторіи намъ слѣдовало-бы въ киргизскія степи посылать нашихъ ученыхъ оріенталистовъ. Киргизы по преданію знаютъ имена Мамая, Тохтамыша, и проч. и поютъ объ нихъ пѣсни, но мнѣ не удалось достать перевода этихъ пѣсенъ.

Digitized by Google

		Кибитокъ.	Верблюдов.	Лошадей.	Рогатаго скота	Барановъ.	Козъ.
1	Адаевскаго рода .	1,593	4,990	8,429	11,957	81,515	17,258
2	Алачинскаго	2,640	4,940	23.585	16,264	93,192	3,064
3	Байбактинскаго	3,205	3,643	34,071	18,545	123,169	12,045
4	Бершевскаго	5,085	16,104	40,208	37,564	280,504	45,798
5	Джаниарскаго	904	2,332	6,990	6,544	35,466	4,499
6	Исентемировскаго	466	1,151	1,474	2,463	22,432	4,510
7	Исыковскаго	669	1,234	2,991	3,681	14,224	3,060
8	Кызылкуртовскаго	825	1,842	4,195	6,439	29,411	4,852
9	Китинскаго .	411	687	2,016	2,655	12,658	860
10	Маскарскаго	361	681	2,665	2,398	9,580	1,200
11	Ногаевскаго	1,093	4,953	36,850	8,579	110,453	2,569
12	Семиродскаго	1,235	2,103	11,232	9,946	50,762	6,569
13	Таларскаго	121	191	319	465	2,734	411
14	Таинскаго	1,281	3,544	14,701	9,465	64,166	7,322
15	Тюленгутовскаго	665	1,638	6,909	4,440	24,012	3,852
16	Ходжинскаго	178	957	2,662	1,354	10,259	1,843
17	Черкешевскаго	2,759	5,975	14,964	14,367	89,730	9,878
	Султановъ безъ должностей	172	926	5,154	1,694	20,286	1,111
	Родоправителей всего было 13, но съ ближними родственниками	25	745	6,784	789	13,439	230
	Наслѣдниковъ Хана (малолѣтнихъ) было	5	177	2,908	122	4,573	
	Итого .	23,598	58,903	229,173	158,792	1,092,476	131,171(*)

(*) По исчисленію, представленному генераломъ Обручевымъ, въ мартѣ 1846 года, во Внутренней Ордѣ считалось:

Кибитокъ.	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Барановъ и Козъ.
31, 618.	89, 454.	315, 462.	203, 855.	1, 240. 280.

Если спустя три года, въ 1849—1850 годахъ, могла произойти

Сюда не было включено множество киргизовъ, кочевавшихъ внѣ Орды, или жившихъ у окрестныхъ крестьянъ и уральскихъ казаковъ въ работникахъ или въ пастухахъ, и бѣдныхъ киргизовъ неимѣвшихъ скота и жившихъ внутри Орды въ видѣ прислуги у богатыхъ киргизовъ.

Земли, отведенной киргизамъ Внутренней Орды для пользованія, состоитъ:

Годной для хлѣбопашества и сѣнокошенія . .	561,285 десят.
Суходоловъ, большая часть которыхъ годна для сѣнокошенія	721,126 »
Пастбищъ, изъ которыхъ около $^2/_3$ годны только часть года	4,466,217 »
Удобной для зимняго укрыванія и корма скота	70,499 »
Итого удобной земли, изъ которой до 3-хъ мил. десятинъ удобны только часть года.	5,819,037 десят.
Неудобной земли: по безводію, подъ песками, грязями, солонцами и проч.	694,009 »
Сверхъ того состоитъ въ спорѣ съ уральскими казаками участокъ земли между рѣками Большимъ и Малымъ Узенями и Камышъ-Самарскіе озера и камыши; изъ него удобной, изъ которой около $^1/_5$ доли не во весь годъ	463,965 »
Неудобной.	52,232 »
Камышей Каспійскаго берега, удобныхъ для укрыванія скота, съ платою за пользованіе ими князю Юсупову и графу Кушелеву-Безбородко, по 857 р. 40 коп. сер. въ годъ	83,481 десят.

Для ближайшаго надзора за киргизами, для большаго вліянія надъ ними, разбирательство мелочныхъ споровъ, сборъ зякета и сугуна, веденіе счота скоту у киргизовъ, а также счота кибитокъ—ханъ поручилъ старшинамъ (званіе, соотвѣтствующее нашимъ сотскимъ). Та-

---

значительная гибель скота у киргизовъ отъ бѣдственной зимы, то всеже народонаселеніе не могло уменьшиться до 8, 000 кибитокъ или около $^1/_4$ киргизскихъ семействъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по изложеннымъ ниже причинамъ такая значительная часть киргизовъ, вмѣстѣ со своимъ скотомъ, укрылась отъ переписи; и надо замѣтить, что съ 1845 года (когда умеръ ханъ Джангеръ) ежегодная недоимка доходила почти до $^1/_4$ всего сбора.

Digitized by Google

нихъ старшинъ было по нѣскольку въ каждомъ родѣ, а всего въ Ордѣ около 200.

Чтобы встрѣтить менѣе препятствій при установленіи и сборѣ податей, имѣть на своей сторонѣ вліятельныхъ лицъ въ Ордѣ и найти себѣ помощниковъ въ своихъ предположеніяхъ, ханъ избавилъ отъ платежа зякята и сугума султановъ, родоправителей и старшинъ, и по мѣрѣ усердія каждаго изъ этихъ лицъ и вліянія на народъ, по мѣрѣ большаго или меньшаго сбора съ киргизовъ, доставляемаго хану, платилъ имъ особое жалованье. Чтобы еще болѣе овладѣть умомъ и волей народа, ханъ избавилъ отъ податей и оказывалъ особое покровительство муллямъ, которыхъ онъ началъ самъ утверждать въ это званіе, также хаджамъ, считающимъ себя потомками Магомета и имѣвшимъ на народъ нравственное вліяніе, такъ-какъ обряды обрѣзанія, свадьбы, похороны и нѣкоторыя судныя дѣла безъ муллъ не обходятся (*). Сверхъ того съ нѣкоторыми вліятельными людьми онъ имѣлъ сдѣлки, давая имъ (по древнему обычаю хановъ) тарханныя грамоты, увольнявшія ихъ съ потомствомъ отъ всѣхъ повинностей, то есть отъ платы зякята, сугума и проч., подъ видомъ какихъ-либо заслугъ; но обыкновенно это дѣлалось или за значительные подарки, или за содѣйствіе хану въ выполненіи какого-либо его предположенія, или изъ

(*) Ханъ Джангеръ, постановляя муллу для отправленія должности въ какое-либо отдѣленіе или киргизскую общину, давалъ слѣдующаго содержанія приказъ: «По просьбѣ хорошихъ и добрыхъ людей N. N. отдѣленія N. N., я, по испытаніи Ахуномъ N. N. муллы N. N., даю ему сіе предписаніе для исполненія: 1) Постройки мечетей. 2) Людямъ несвѣдущимъ преподавать вѣру, давать хорошія имена, совершать обрѣзаніе, браки, отпѣваніе и погребеніе мертвыхъ. 3) Наблюдать и быть свидѣтелемъ при платежѣ калыма и обрядахъ выдачи замужъ. 4) Не допускать тайнаго свиданія жениха съ невѣстой. 5) Вдовъ не принуждать къ браку до истеченія срока. 6) Не вѣнчать не испросяя согласія отца и матери жениха и невѣсты. 7) Наблюдать за правильнымъ раздѣломъ наслѣдства. 8) Побуждать богатыхъ къ отдачѣ установленнаго зякята (по шаріату зякятъ дается въ пользу муллъ и бѣдныхъ). 9) Всѣмъ дѣлать наставленія, учить порядку и повиновенію начальству. 10) Наблюдать, чтобы между киргизами не было воровъ и не было передержательства воровъ изъ русскихъ.

Объ оказаніи вамъ, муллѣ N. N., по изложеннымъ предметамъ содѣйствія я не оставлю написать управляющему родомъ султану N. N. и старшинѣ N. N.

Digitized by Google

опасенія противодѣйствія съ ихъ стороны при обложеніи киргизовъ постояннымъ налогомъ, а также и противодѣйствія другимъ мѣрамъ хана.

Вліяніе всѣхъ этихъ личностей вѣроятно было сильное, потому что хотя волненія въ народѣ, при учрежденіи закята и сугума, и начались съ 1827 года, но они были прекращены безъ кровопролитія.

Одновременно съ этими административными перемѣнами въ устройствѣ общественнаго быта букеевскихъ киргизовъ, при ханѣ Джангерѣ, произошла другая важная перемѣна въ способѣ хозяйства этихъ киргизовъ.

Находясь за Ураломъ, эти киргизы вели совершенно кочевую жизнь, не заботясь о запасахъ сѣна на зиму; лѣтомъ они приближались кочевками къ линіи, по направленію отъ юга къ сѣверу, гдѣ воды и пастбища лучше нежели на югѣ, и жары сноснѣе; съ осени-же постепенно откочевывали къ югу, гдѣ недостатокъ проточной и родниковой воды замѣняется отчасти снѣгомъ; горькія и солонцоватыя травы и даже камышъ, негодные въ пищу скоту во время лѣтнихъ жаровъ, дѣлаются зимою удобосъѣдаемыми для скота; снѣга бываютъ не слишкомъ глубоки, а песчаные бугры южныхъ песковъ и камыши сѣвернаго и восточнаго береговъ Каспійскаго моря, а также устьевъ р. Сыръ-Дарьи могутъ служить укрытіемъ скоту во время зимнихъ бураповъ. Привязанность къ кочевой жизни до того сильна у зауральскихъ киргизовъ, что даже байгуши (самые бѣдные киргизы, неимѣющіе никакого скота для своего содержанія и находящіе пропитаніе наймомъ или работой), живя въ ободранныхъ кибиткахъ постоянно вблизи нашихъ укрѣпленій или станицъ и не имѣя возможности перевозить свои кибитки и имущество съ мѣста на мѣсто на верблюдахъ, переносятъ ихъ на рукахъ по нѣскольку разъ въ годъ съ одной мѣстности на другую (сажень за 50 и болѣе), чтобы сохранить хоть видъ кочевки. При такомъ родѣ жизни зауральскихъ киргизовъ имъ нельзя было думать объ осѣдломъ хозяйствѣ: постройкѣ домовъ, прикрытій для скота, сѣнокошеніи, приготовленіи на зиму запасовъ для скота. Отъ этого зимнія гололедицы и продолжительные бураны были всегда гибельны для кочевого скотоводства. Часто отъ сильныхъ бураповъ, глубокихъ снѣговъ, покрытія обледенѣлымъ снѣгомъ травъ (чрезъ что скоту невозможно добывать изъ подъ снѣгу кормъ, отрывая его копытами) погибаютъ у киргизовъ цѣлыя стада; и нерѣдко, имѣя осенью сотни и тысячи головъ скота, къ веснѣ киргизы и десятковъ не насчитываютъ и становятся бѣдняками. Такъ наприм. одинъ киргизъ, кочующій на Мангишлакскомъ полуостровѣ, разсказывалъ, что у него

Digitized by Google

отъ бурана, продолжавшагося 9 дней, изъ 300 барановъ осталось только 9. Такіе случаи нерѣдки, особенно въ сѣверной полосѣ киргизскихъ степей.

Во Внутренней Ордѣ часто случалась подобная-же гибель скота; но какъ эти киргизы, по незначительному объему Орды, при перекочевкахъ не могли слишкомъ удаляться отъ своихъ зимовокъ, а образцы осѣдлаго хозяйства, опромныя скирды заготовленнаго хлѣба и стоги сѣна у окружающихъ ихъ поселянъ и уральскихъ казаковъ, были у нихъ предъ глазами и они покупкою этихъ запасовъ, въ бѣдственное зимнее время, часто спасали часть своего скота отъ совершенной гибели, то чрезъ это родилась у нихъ мысль самимъ дѣлать запасы хлѣба и сѣна на зиму, къ чему они и приступили послѣ жестокой зимы 1827—1828 г., лишившей ихъ множества скота.

Случилось и другое обстоятельство, способствовавшее къ заведенію сѣнокошенія у букеевскихъ киргизовъ и переходу ихъ къ полуосѣдлости. Ханъ Джангеръ женился на дочери Оренбургскаго муфтія, которая въ дѣвицахъ не вела кочевой жизни, жила въ городскомъ, удобномъ и тепломъ домѣ, и, выйдя замужъ, не могла переносить зимнихъ холодовъ въ киргизской кибиткѣ. Ханъ рѣшился выстроить для нея домъ и испросилъ отъ нашего правительства пособіе. Ему дали инженера и денегъ, и на мѣстности, — лучшей въ Ордѣ по обилію травъ, близости отъ поверхности земли прѣсной воды, называемой Джаскусъ, на сѣверо-западной оконечности Нарынъ-песковъ, въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія явился, среди пустыни, довольно обширный одноэтажный домъ съ мезониномъ, съ желѣзной крышей, многочисленными хозяйственными пристройками, кладовыми, амбарами, сараями и проч., а вблизи выстроилась довольно красивая мечеть. Слѣдуя примѣру хана, начали строить дома его родственники, приближонные, купцы и разнаго рода пришельцы, проживающіе въ ставкѣ; такъ что въ короткое время образовалось при ханскомъ домѣ селеніе, названное Ханской ставкой, въ которомъ считалось въ 1855 году до 700 душъ обоего пола и болѣе 100 лавокъ (*). Примѣру этому послѣдовали и

(*) Въ 1851 году считалось въ ставкѣ деревянныхъ домовъ 87, мазанокъ 67, лавокъ деревянныхъ 114 и въ мазанкахъ 38. Жителей: киргизовъ 346 душъ обоего пола, татаръ 193, башкиръ и мещеряковъ 13, армянъ 15, русскихъ 120, кордонной стражи уральскихъ и астраханскихъ казаковъ 134, всего 821; послѣдніе, не составляя постоянныхъ жителей, ежегодно смѣняются и живутъ въ особыхъ строеніяхъ, назначенныхъ для помѣщенія кордонной стражи.

Digitized by Google

прочіе киргизы, устраивая въ удобныхъ для зимованія мѣстахъ дома изъ землебитнаго кирпича, съ печами, но почти вездѣ съ плоскими крышами. Въ этихъ домахъ самъ ханъ и прочіе киргизы только зимовали, а съ наступленіемъ весны оставляли ихъ и переночевывали въ мѣста, удобныя для пастьбы скота (*). Но когда приходило покосное время, они отправлялись на свои покосы и скошенное сѣно свозили къ своимъ зимовкамъ; для топки домовъ зимой они свозили къ нимъ кизякъ. Зимовки свои они обрывали канавами, устраивая изъ вынутой земли земляные валы, и чрезъ то дѣлая ограды для охраненія отъ сильныхъ стужъ хотя части болѣе нѣжнаго и вновь родившагося скота.

Впрочемъ ханъ и для лѣтняго пребыванія своего семейства, на случай дурной погоды, устроилъ на оврагѣ Торгунѣ лѣтній домъ; а какъ для разведенія при немъ сада съ огородомъ необходима была поливка, то онъ на этомъ оврагѣ устроилъ плотину, которою подняло воду до 3 сажень, чрезъ что образовался прудъ верстъ на 25 длиною, и шириною у плотины до 40 сажень. Этой водой, подымаемой посредствомъ колеса (по мѣстному названію чигиря), орошался садъ и огородъ десятинъ до четырехъ въ объемѣ, судя по глазомѣру. Плотина эта была выстроена наемными рабочими и стоила хану до 6-ти тысячъ руб. ассигн. Отъ задержанія плотиной воды получалась и другая польза: отъ торгунскаго оврага проведены были канавы на удобныя для орошенія низменности; посредствомъ этихъ канавъ весенняя прибылая въ оврагѣ вода орошаетъ эти низменности, чрезъ что улучшается ростъ травъ, низменности обращаются въ луга, на которыхъ накашивается до 600 стоговъ сѣна, а стогъ сѣна зимою, во время бурановъ, доходилъ въ иной годъ до 100 руб. сер. И такъ, плотина эта въ нѣсколько лѣтъ окупилась хану; вотъ примѣръ для подражанія нашимъ степнымъ хозяевамъ, данный человѣкомъ, котораго мы считаемъ дикаремъ.

Такого рода полуосѣдлость, заготовленіе при зимовкахъ запасовъ

(*) Такъ какъ въ Ордѣ большое воровство, то киргизы, приступая къ кочевкѣ, вынимали въ своихъ домахъ окна, снимали двери, вынимали желѣзные скобы и гвозди, и или прятали все это зарывая въ землю, или забирали съ собою на кочевку, оставляя на лѣто дома совершенно пустыми. Къ осени они опять оправляли свои дома.

Digitized by Google

сѣна и топлива, естественно повела киргизовъ къ пріобрѣтенію, на правахъ собственности, покосовъ и удобныхъ для зимованія мѣстъ; словомъ для киргизовъ,—народа кочевого, считающаго землю также общею собственностью какъ воздухъ,—возникъ новый вопросъ, вопросъ о поземельныхъ правахъ и поземельной собственности; и въ настоящее время у киргизовъ это одинъ изъ чаще встрѣчающихся предметовъ споровъ, который, при судебномъ разбирательствѣ, труднѣе всего было рѣшать, какъ увидимъ ниже.

При допущеніи киргизовъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, кочевать между Ураломъ и Ахтубою (притокомъ р. Волги), имъ даны были въ общественное владѣніе такъ называемыя Самарскія степи, безъ точнаго показанія границъ. Впослѣдствіи, отъ уменьшенія у киргизовъ степей для кочевокъ, чрезъ увеличивающееся ежегодно число переселенцевъ изъ Россіи, чрезъ увеличеніе народонаселенія самихъ киргизовъ, умноженіе у нихъ скота, киргизы Внутренней Орды стали чувствовать стѣсненіе въ своихъ кочевкахъ и нерѣдко дѣлали потравы своимъ скотомъ на земляхъ осѣдлыхъ жителей, которые отъ нихъ не были еще размежованы. Для предупрежденія возникновенія жалобъ, назначены были землемѣры для опредѣленія границъ Орды, «противу прежнихъ кочевокъ уже значительно обрѣзанныхъ». Но и при уменьшенномъ объемѣ кочевокъ Орды, земля киргизовъ оставлена въ общественномъ владѣніи.

..... Въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить догадливости хана Джангера, который понялъ, что съ введеніемъ у киргизовъ сѣнокошенія и полуосѣдлости, необходимо приступить къ надѣлу ихъ землею въ собственность; такъ чтобы произвести надѣлъ, если и не каждому лицу отдѣльно, то хотя по родамъ и отдѣленіямъ, и частію давая ее въ собственность нѣкоторымъ вліятельнымъ семействамъ.

Если-бы ханъ Джангеръ испросилъ у нашего правительства разрѣшенія на раздѣлъ земли киргизамъ по родамъ и землемѣровъ для размежеванія ея, если-бы онъ произвелъ раздѣлъ правильно, соображаясь съ качествомъ земли и количествомъ скота у каждаго изъ киргизовъ, то онъ былъ бы истиннымъ благодѣтелемъ киргизовъ Внутренней орды. Но подстрекаемый неблагонамѣренными внушеніями нѣкоторыхъ изъ своихъ родныхъ и приближенныхъ и увлекаясь корыстолюбіемъ, онъ началъ за деньги, подарки, услуги, или въ знакъ своего благоволенія выдѣлять лучшіе участки земли своимъ родственникамъ, любимцамъ, или заплатившимъ ему хорошіе подарки; и участки эти были очень зна-

Digitized by Google

чительны, по 80, 100, 150 и 200 тысячъ десятинъ на семейство или кибитку. И самого себя ханъ не забылъ, отдѣливъ въ свою собственность до 400 тысячъ десятинъ лучшей степной земли. За выдѣломъ такихъ большихъ участковъ лучшей земли себѣ, любимцамъ и родственникамъ своимъ, у прочихъ киргизовъ осталось для кочеванія очень мало земли, и та дурного качества: это возбудило всеобщій ропотъ, а затѣмъ волненіе. Въ то время (1835—1837 г.) важное народное движеніе казалось опаснымъ бунтомъ—употреблена была сила. Произведшіе волненіе киргизы, въ главѣ которыхъ былъ довольно смѣлый киргизъ Исатай Таймановъ, видя невозможность сопротивляться нашимъ войскамъ, ушли за Уралъ, въ числѣ около 3,000 кибитокъ. Изъ киргизовъ этихъ, во время преслѣдованія, нѣкоторые убиты, другіе ушли въ Хиву, прочіе, оставшись въ Зауральской или Внѣшней Ордѣ, сдѣлались скрытыми нашими врагами; и вѣроятно ихъ-то подстрекательству мы и обязаны продолжительными волненіями, бывшими въ Зауральской Ордѣ.

Послѣ бѣгства Исатая Тайманова за Уралъ ханъ уже не встрѣчалъ препятствія къ раздачѣ земель своимъ любимцамъ, но эти злоупотребленія его послужили во вредъ ему самому—уменьшеніемъ сборовъ закята и сугума. Киргизы, не имѣя возможности открыто сопротивляться злоупотребленіямъ хана, начали уклоняться отъ платежа наложенныхъ на нихъ повинностей. Подъ предлогомъ неимѣнія пастбищъ, они распродавали свой скотъ и жили потомъ воровствомъ, или отдѣлялись отъ своихъ старшинъ и даже родовъ и укрывались въ другихъ родахъ или на Уральскихъ степяхъ. Иногда даже они перемѣняли свои имена, такъ что старшины, при сборѣ податей, не могли собирать полнаго сбора, и съ каждымъ годомъ являлись значительныя недоимки. (*) Эта выкочевка киргизовъ изъ-подъ вѣдома своихъ старшинъ до-того усилилась, особенно по смерти хана Джангера, что почти нѣтъ ни одного отдѣленія, въ которомъ значительное число кибитокъ не кочевало-бы въ другихъ отдѣленіяхъ и родахъ, перемѣшавшись по всей Ордѣ; нѣкоторые киргизы даже выкочевали изъ Орды въ Уральскія степи. Наконецъ множество киргизовъ, по свойственной имъ страсти къ скотоводству, рѣшилось лучше, за право кочевать на

(*) Недоимка въ иные года, по смерти Хана, доходила до $^1/_4$ всего сбора, такъ что въ теченіе около 10-ти лѣтъ достигла до 150,000 р., которые правительство въ 1856 году вынуждено было сложить.

Digitized by Google

земляхъ большихъ землевладѣльцевъ (надѣленныхъ ханомъ землею въ 10 разъ болѣе потребностей ихъ скотоводства), платить имъ подать, нежели продавать свой скотъ; такимъ способомъ явилось у киргизовъ несвойственное у нихъ до того право, сходное съ оброчнымъ состояніемъ нашихъ крестьянъ. Но эти большіе землевладѣльцы еще болѣе способствовали къ увеличенію недоимокъ и злоупотребленій; потому что укрывавшіеся на ихъ земляхъ киргизы находили въ нихъ покровителей и заступниковъ, если только за кочеваніе на ихъ земляхъ исправно платили положенную подать, которая обыкновенно значительна. Отъ этого не только сборы подати съ киргизовъ, но и прекращеніе воровства и отправленіе правосудія сдѣлались очень затруднительны, по причинѣ невозможности старшинамъ имѣть близкій надзоръ за подозрительными киргизами и легкости укрываться въ случаѣ сдѣланнаго преступленія.

Мнѣ разсказывали, что ханъ, увидѣвъ наконецъ великость зла, сдѣланнаго имъ киргизамъ неравномѣрною и неправильною раздачею земель, думалъ поправить зло, но скоропостижная смерть помѣшала исполненію этой мысли.

По смерти хана Джангера, по случаю малолѣтства его дѣтей и по открывшимся злоупотребленіямъ хана, для управленія Ордою учрежденъ былъ временный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ брата умершаго хана, султана Адиля, трехъ совѣтниковъ изъ киргизовъ и одного совѣтника изъ русскихъ чиновниковъ отъ министерства государственныхъ имуществъ, съ надлежащимъ числомъ прочихъ чиновъ и писарей для веденія письменныхъ дѣлъ. Учрежденные ханомъ Джангеромъ сборы: сугумъ и закятъ, поступавшіе въ собственность хана, предположено было собирать съ киргизовъ по прежнему, по раскладкѣ послѣдняго года, то есть того, въ который ханъ скончался; но сборы эти не поступали уже въ собственность ханскаго семейства, а назначались: на жалованье служащимъ въ Ордѣ чиновникамъ, на содержаніе мечети, школы для 25 киргизскихъ мальчиковъ (*) и на другія

(*) Кромѣ этой школы, находившейся далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, въ Ордѣ общественныхъ школъ не было; но образованные киргизы повидимому уже сознавали пользу обученія киргизскихъ мальчиковъ ремесламъ и тому, что могло быть пригодно для ихъ промышленности и хозяйства, какъ должно полагать изъ слѣдующаго мѣста статьи киргиза Хаджи Салиха Бабаджанова, напечатанной въ 1861 году

*

Digitized by Google

надобности по Ордѣ; на что ежегодно выходило болѣе 30,000 руб. (**); остававшіеся за этимъ расходомъ суммы, отъ 25 до 40 тысячъ руб., отправлялись въ кредитныя установленія, для составленія киргизскаго капитала, изъ котораго 150,000 руб. сер. назначено было отдѣлять съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблять на воспитаніе и содержаніе ханскаго семейства. Прочіе допущенные злоупотребленіями хана Джангера безпорядки предположено было по возможности исправлять и уничтожать.

Участвовавшіе въ управленіи временнаго совѣта киргизскіе султаны, ближайшіе родственники покойнаго хана, были люди малограмотные, необразованные, незнавшіе нашихъ канцелярскихъ порядковъ, поэтому вся переписка по Ордѣ лежала исключительно на русскомъ совѣтникѣ. Но управленіе Ордою, сборъ установленныхъ податей, смѣна и назначеніе родоправителей и старшинъ зависѣли вначалѣ отъ предсѣдателя и ордынскихъ совѣтниковъ, которые, зная киргизовъ лучше насъ, а также степной бытъ, свойство степи, имѣли въ дѣлахъ этихъ болѣе вліянія, пока русскіе совѣтники сами не ознакомились съ бытомъ киргизовъ и ихъ свойствами. И чѣмъ болѣе они знакомились съ Ордою, тѣмъ болѣе убѣждались, что при ханѣ Джангерѣ существо-

---

въ № 136 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Въ ней Бабаджановъ между прочимъ говоритъ: «На ежегодныя путешествія киргизовъ полагается по 8,000 руб. сер. въ годъ; я думаю, что если-бы эту сумму назначить на образованіе киргизскихъ мальчиковъ въ разныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то навѣрное пришло-бы къ намъ въ аулы все то, что мы хотѣли посмотрѣть у людей. Я думаю, мы очень хорошо сблизились-бы чрезъ своихъ молодыхъ, образованныхъ людей со всѣмъ, что составляетъ для удовлетворенія нужды народа средство, на что есть у киргизовъ и желаніе и деньги.»

(**) По штату на все содержаніе управленія назначено было 33,144 руб. сер. Власть совѣта была менѣе власти хана; совѣтъ не могъ отрѣшить отъ должности родоправителей, а долженъ былъ представлять объ этомъ по начальству; но старшинъ могъ самъ назначать и отрѣшать отъ должностей. Объ опредѣленіи и увольненіи магометанскаго духовенства совѣтъ долженъ былъ сноситься, чрезъ пограничную (Оренбургскую) коммисію, съ оренбургскимъ магометанскимъ духовнымъ собраніемъ. По искамъ ниже 50-ти руб. сер. могъ самъ произносить окончательное рѣшеніе, равно и за воровство и мошенничество до 30-ти р. сер. По искамъ и за воровство выше показанныхъ суммъ дѣла представлялись въ Оренбургскую пограничную коммисію.

Digitized by Google

вали большія злоупотребленія и что попавшіе въ совѣтъ султаны, — близкіе родственники хана, выпросившіе себѣ противузаконно у хана Джангера большіе участки земель,—были и главными виновниками злоупотребленій. Вотъ напримѣръ случай, показывающій, что не только злоупотребленія, но и уголовныя преступленія производились съ вѣдома султановъ, служившихъ въ совѣтѣ. Въ 1852 году образовалась въ Ордѣ, подъ атаманствомъ киргиза Даликова, шайка изъ киргизовъ, производившая грабежи въ окрестностяхъ Орды, въ самой Ордѣ и даже въ близкихъ окрестностяхъ къ ханской ставкѣ. Мѣры для прекращенія грабежей, обыкновенно принимаемыя въ этихъ случаяхъ, оказались недѣйствительными; наряжали отряды казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ, производили слѣдствія, давали по Ордѣ предписанія къ открытію и захвату грабителей,—все было безполезно; потому что обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ тайно увѣдомляли грабителей. Наконецъ русскій совѣтникъ почему-то узналъ, что эта шайка грабителей на оброкѣ у служившаго въ совѣтѣ киргизскаго султана, что она состоитъ подъ его тайнымъ покровительствомъ. Онъ донесъ объ этомъ оренбургскому генералъ-губернатору, который предписалъ означенному султану немедленно переловить всю шайку, угрожая въ противномъ случаѣ сослать его самого въ Вятку или Архангельскъ. И едва прошло нѣсколько дней по полученіи этой грозной бумаги, какъ уже вся шайка Даликова и онъ самъ были переловлены при содѣйствіи означеннаго султана. Султанъ этотъ и впослѣдствіи попадался въ подобныхъ злоупотребленіяхъ и вынуждалъ предпринимать противъ него такого-же рода мѣры.

Въ 1853 году, по желанію генерала Перовскаго, бывшаго тогда Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, я былъ назначенъ совѣтникомъ во временный совѣтъ Внутренней Киргизской Орды. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я удержанъ былъ министерствомъ государственныхъ имуществъ недѣли на три для ознакомленія съ дѣлами Орды. Не не бывъ въ ней прежде, я не считалъ достаточнымъ ознакомиться съ нею по однимъ бумагамъ; потому, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, я просилъ мѣстное начальство дозволить мнѣ, прежде вступленія въ должность, объѣхать Орду, чтобы узнать мѣстность моихъ будущихъ дѣйствій и народъ, которымъ придется управлять. Объѣхавъ Орду верхомъ, побывавъ во множествѣ ауловъ, я узналъ довольно подробностей объ Ордѣ и кочующихъ въ ней киргизахъ, и потому считаю не лишнимъ описать мои наблюденія о мѣстности Орды и хозяйствѣ киргизовъ.

Digitized by Google

Внутреннюю Орду по почвѣ можно раздѣлить на три полосы: глинистую, или сѣверную, простирающуюся отъ оврага или р. Торгуна, то есть отъ сѣверной границы Орды, до Нарынъ-песковъ. Полоса эта только въ сѣверной части, близъ р. Торгуна, составляющей такъ называемый царевскій участокъ, а также близъ рр. Большаго и Малаго Узеня и въ западной части, около урочища Харахея, пригодна для пастбищъ, но крайне нуждается въ водѣ. Киргизы выкопали здѣсь во многихъ мѣстахъ колодцы, сажень въ 6, 8 и болѣе глубины; такіе колодцы стоили имъ по 30, 40, 50 и болѣе руб. сер.; но гдѣ нѣтъ колодцевъ, тамъ въ этой полосѣ нѣтъ возможности въ лѣтнее время пасти скотъ. Большая часть земли этой полосы покрыта полынью, низкою и рѣдкою, на которой скотъ можетъ пастись только ранней весной, и то короткое время. Въ промежуткахъ между стеблями полыни видна глина; лѣтомъ она растрескивается отъ солнечнаго жара и по ней бѣгаетъ множество ящерицъ и разныхъ насѣкомыхъ. Нѣсколько овраговъ, находящихся въ этой части степи, могли-бы улучшить положеніе ея и способствовать къ умноженію скотоводства у киргизовъ, если-бы, слѣдуя примѣру хана Джангера, устроить на нихъ прочныя плотины, чрезъ что образовались-бы большіе пруды для водопоевъ, и весенняя прибылая вода могла-бы разводиться канавами по низменностямъ и увеличивать урожай травъ, какъ показалъ опытъ на р. Торгунѣ. Границей сѣверной полосы къ югу можно принять Нарынъ-пески и Камышъ-Самарскія озера, по чертѣ идущей на форпостъ Глинанскій. Къ западу граница этой полосы доходитъ до такъ называемыхъ гаковъ, или топкихъ солонцовъ, и далѣе до горы Чипчачи. Гора эта замѣчательна тѣмъ, что на ней есть камень годный для жернововъ; но верхніе слои этого камня еще не очень хороши, вѣроятно глубже онъ будетъ лучшаго качества.

Но въ горѣ этой заключается гораздо болѣе полезный минералъ— это каменная соль. Пластъ ея еще не обслѣдованъ; разстояніе его отъ р. Волги всего около 100 верстъ; потому разработка здѣсь соли вѣроятно будетъ производиться съ выгодою.

Вторую полосу, среднюю, составляютъ Рынъ или Нарынъ-пески и узенской участокъ съ Камышъ-Самарскими озерами и камышами. Впрочемъ участокъ этотъ не весь принадлежитъ киргизамъ, а состоитъ пока въ общемъ владѣніи съ уральскими казаками, и отъ этого общаго владѣнія ни тѣ, ни другіе не извлекаютъ изъ него надлежащей пользы. Это лучшая полоса во всей Ордѣ; здѣсь лучшіе

Digitized by Google

и обильнѣйшіе во всей Ордѣ пастбища и покосы; Рынъ-пески, не смотря на то, что длина ихъ всего около 100 верстъ, а ширина около 30, имѣютъ населенія до 12,000 кибитокъ или семействъ, самыхъ зажиточныхъ въ Ордѣ.

Берега рѣкъ Большого и Малаго Узеней также обилуютъ лугами, а пространство между Камышъ-Самарскими озерами удобно для пастбищъ въ теченіе большей части года; камыши, здѣсь находящіеся, составляютъ лучшее убѣжище скоту въ зимнее время, особенно во время бурановъ. Хотя вода въ рр. Узеняхъ горько-соленая, но не смотря на это, восточная часть Камышъ-Самарскихъ озеръ, въ которыя рѣки эти изливаются, имѣетъ воду прѣсную. Это происходитъ вѣроятно оттого, что озера эти частью наполняются водою р. Урала, во время половодія ея, какъ наприм. было въ 1845 и 1846 годахъ. Вода, во время половодія, отдѣляется изъ р. Урала съ правой стороны его, между Чеганскимъ и Бударинскимъ форпостами, двумя протоками, направляясь по лощинѣ степями уральскихъ козаковъ, и далѣе, идя по низменностямъ, образуетъ протокъ Кутумъ, вливающійся въ Камышъ-Самарскія озера. Въ это время изъ Урала наплываетъ въ эти озера и Узени много рыбы, и тогда здѣсь производится довольно значительное рыболовство.

Обиліе травъ на Рынъ-пескахъ объясняется тѣмъ, что глинистый грунтъ сѣверной полосы, спускаясь здѣсь въ глубину песчаной почвы легкимъ наклономъ, составляетъ подпочву Рынъ-песковъ, почему здѣсь снѣговая и дождевая вода держится въ пескѣ круглый годъ на небольшой глубинѣ, на 1 и 2 арш. (какъ показываютъ вырываемые здѣсь колодцы), и даетъ почвѣ влагу, способствующую растительности травъ, кустарниковъ и даже деревъ.

Далѣе къ югу до Каспійскаго моря идетъ третья полоса, состоящая большею частью изъ песковъ и солонцовъ; она покрыта рѣдкими травами и на ней только въ немногихъ мѣстахъ производится сѣнокошеніе. Лучшее мѣсто здѣсь камыши Каспійскаго берега. Если-бы владѣльцы здѣшнихъ каспійскихъ рыбныхъ ловель или, лучше сказать, ихъ управляющіе не притѣсняли киргизовъ, требуя отъ нихъ за право пастьбы скота и укрыванія его зимою въ камышахъ разныхъ тягостныхъ повинностей и даже денежной платы, то скотоводство здѣсь было-бы въ хорошемъ состояніи. Въ бѣдственную зиму съ 1851 на 1852 г. погибло здѣсь болѣе половины всего скота, отчего до 6,000 семействъ стали почти нищими и первое время про-

Digitized by Google

питывались не скотоводствомъ, а наймомъ въ работники у рыбопромышленниковъ и другими промыслами, пока, благодаря пособіямъ даннымъ пострадавшимъ достаточными ордынцами, многіе изъ нихъ не поправили своего состоянія, почему и обратились вновь къ скотоводству.

Сѣверная полоса Орды преимущественно удобна для разведенія лошадей, южная для разведенія верблюдовъ и барановъ, а средняя для всѣхъ родовъ домашняго скота.

Вступивъ въ управленіе дѣлами Орды, я увидѣлъ, что главное занятіе временнаго совѣта состояло въ разбирательствѣ киргизовъ по ихъ жалобамъ, въ наблюденіи за дѣйствіями начальствующихъ надъ киргизами лицъ, надзорѣ за сборомъ съ киргизовъ сугума и закята, веденіи отчетности по этимъ сборамъ и въ перепискѣ по дѣламъ Орды съ высшимъ начальствомъ и съ посторонними вѣдомствами.

Судопроизводство у киргизовъ, по ихъ обычаямъ, словесное и гласное. При производствѣ суда, въ теченіе около 3 лѣтъ пребыванія моего въ Ордѣ, я убѣдился, что обвиненіе вообще всѣхъ татарскихъ племенъ въ наклонности къ воровству (преимущественно скота), къ кляузамъ, къ супружеской невѣрности и расторженію браковъ, а также къ мстительности—очень справедливо. Чаще всего приходилось разбирать дѣла по воровству, потомъ поземельные споры, затѣмъ супружескіе.

Дѣла по воровству свыше 30 руб. сер. и дѣла уголовныя производились нашимъ слѣдственнымъ порядкомъ и для окончанія отправлялись въ Оренбургскую пограничную коммисію, почему и тянулись по нѣскольку лѣтъ. Но дѣла, производившіяся по киргизскому обычаю, рѣшались скоро, иногда въ нѣсколько часовъ; а если иногда случалось, что затягивались, то потому, что киргизы большіе краснобаи, уклончивы и очень изворотливы въ своихъ отвѣтахъ.

Киргизы кочуютъ отдѣльными кибитками или семействами, и зимуютъ каждое семейство въ отдѣльномъ домикѣ, соединясь по 2, по 3 и рѣдко болѣе 10 кибитокъ въ одномъ мѣстѣ. Эти небольшіе аулы бываютъ обыкновенно составлены изъ родственниковъ; посему, въ случаѣ какого либо уголовнаго преступленія, открытіе его дѣлается затруднительнымъ, оттого что родственники какъ свидѣтели не могутъ быть допущены, а посторонніе свидѣтели рѣдко случаются на мѣстѣ преступленія. Но киргизы тщеславны и хвастливы, и сдѣлавши какое-либо воровство или другое преступленіе, не утерпятъ, чтобы не

Digitized by Google

проболтаться въ своемъ ближнемъ кругу, потому что воровство скота и нѣкоторые другіе проступки у нихъ считаются не преступленіемъ, а удальствомъ и молодечествомъ; да и въ своемъ ближнемъ кругу характеръ и поступки почти каждаго киргиза бываютъ извѣстны. Вѣроятно на этомъ-то основаніи у нихъ и установился издавна разборъ дѣлъ по ихъ обычаю; онъ производится слѣдующимъ способомъ.

Положимъ является истецъ съ жалобою и объявляетъ, что у него украли лошадь, что слѣдъ былъ къ такому-то аулу или урочищу, и что онъ подозрѣваетъ въ воровствѣ такого-то киргиза. По этой жалобѣ требуютъ въ совѣтъ обвиняемаго, и если онъ представитъ явныя и положительныя доказательства, что во время пропажи лошади онъ былъ въ большомъ отдаленіи отъ аула, гдѣ случилась покража, и находился въ извѣстномъ какомъ-либо мѣстѣ, представитъ въ томъ свидѣтелей и вообще ясно докажетъ, что онъ не могъ украсть лошади, то показаніе истца считается неправильнымъ и оставляется безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Если-же обвиненіе это въ воровствѣ положительно не опровергнуто обвиненнымъ, то истцу предоставляется изъ родныхъ отвѣтчика выбрать въ посредники одного изъ благонадежныхъ его родственниковъ, на добросовѣстность и справедливость котораго онъ можетъ положиться. Если отвѣтчикъ допускаетъ своего родственника въ посредники (не допускать онъ можетъ только тогда, когда представитъ ясныя доказательства, что онъ съ нимъ во враждѣ), то этого посредника призываютъ въ совѣтъ и спрашиваютъ: «такой-то его родственникъ подозрѣвается въ покражѣ лошади у такого-то, ручается-ли онъ, что этотъ родственникъ не сдѣлалъ этого воровства;» если онъ поручится въ этомъ, то искъ на обвиняемаго киргиза считается неправильнымъ; если-же скажетъ, что не можетъ за него ручаться, или будетъ отвѣчать уклончиво, то отвѣтчика считаютъ виновнымъ въ покражѣ лошади и по оцѣнкѣ истца или, въ случаѣ надобности, по оцѣнкѣ поставленныхъ имъ свидѣтелей взыскиваютъ съ отвѣтчика за пропавшую лошадь. Судъ этотъ, по простотѣ своей, предпочитается киргизами нашему суду, основанному на допросѣ свидѣтелей, многописаніи, приводѣ къ присягѣ и проч. Показанія посредниковъ вообще бываютъ справедливы; и если иногда, изъ уваженія къ богатству или вліятельности обвиняемаго лица, посредникъ слукавитъ и не выдастъ своего богатаго родственника, то эти случаи надобно считать исключеніями. Киргизы нерелигіозны, присяги по алкорану вовсе не уважаютъ, потому, какъ они выражаются, что за

Digitized by Google

ложную присягу онъ не убиваетъ громомъ; да и вообще киргизы приводъ къ присягѣ считаютъ предосудительнымъ, и нѣкоторые у покойнаго хана испросили себѣ въ видѣ преимущества увольненіе отъ привода въ присягѣ; посему на присягу киргизовъ нельзя полагаться. Не рѣдко случалось мнѣ слышать, что киргизы хвалились тѣмъ, что за ложное показаніе подъ присягой получали барана. Прежде у нихъ была своего рода присяга, которую они уважали: обвиненный долженъ былъ, по указанію истца, обойти кругомъ какой-либо могилы, чтимой киргизами по какому-либо случаю; если обвиняемый въ преступленіи обходилъ три раза эту могилу, то считался оправданнымъ. Но нынѣ обычай этотъ оставленъ; на присягу по алкорану вовсе нельзя полагаться; старое брошено, новое не привилось; а потому надобно искать другія средства для замѣны оставленнаго обычая и недостигающей цѣли присяги по алкорану, что впрочемъ представляетъ значительныя затрудненія, потому что на киргизскомъ языкѣ даже нѣтъ словъ соотвѣтствующихъ нашимъ словамъ: грѣхъ, совѣсть, честность; они напримѣръ говорятъ: хорошій человѣкъ; но значеніе хорошаго человѣка другое нежели честный, добросовѣстный человѣкъ.

Поземельные споры труднѣе было разбирать: спеціальнаго межеванія въ Ордѣ не было; живыхъ урочищъ, которыя можно-бы было принять за межу мало; документовъ на право владѣнія землею, данныхъ ханомъ Джангеромъ многимъ киргизамъ, наше правительство не признало, какъ незаконно выданныхъ; притомъ нашлись документы, выданные разнымъ лицамъ на одни и тѣже урочища. Поэтому-то чаще всего приходилось рѣшать споръ по соображенію количества земли, владѣемой тяжущимися, въ отношеніи къ ихъ скотоводству; и дѣло обыкновенно рѣшалось въ пользу того, у кого оказывалось земли мало по количеству имѣемаго имъ скота. Но и этотъ способъ рѣшенія поземельныхъ споровъ былъ принятъ только по неимѣнію лучшаго, а постоянныхъ правилъ для рѣшенія этихъ споровъ не было.

Такого рода рѣшеніе имѣло только развѣ ту двусмысленную пользу, что киргизъ, желая владѣть большимъ количествомъ земли, показывалъ большее число скота; слѣдовательно и сборъ денегъ въ закятъ съ такого киргиза былъ бо́льшій.

Супружескія дѣла были разнообразны; то мужъ истязалъ или бросалъ жену, и оставлялъ ее въ нищетѣ; то жены бѣгали отъ своихъ мужей; не рѣдко приходилось также разбирать дѣла супружескія о разводѣ. Если жена жаловалась на мужа, что онъ не можетъ выполн-

Digitized by Google

нить супружеской обязанности, то въ случаѣ несознанія этого недостатка мужемъ, согласно обычаю у киргизовъ, ставили двѣ кибитки, одну возлѣ другой; въ одной оставляли супруговъ для предъявленія доказательствъ, въ другой, въ качествѣ посредниковъ, помѣщались ближайшіе родственники со стороны мужа и жены, а также мулла, которые должны были прислушиваться и наблюдать за дѣйствіями супруговъ и потомъ рѣшали спорный вопросъ. Въ случаѣ признанія посредниками дѣйствительной несостоятельности мужа совѣтъ растергалъ бракъ. Было тоже много жалобъ со стороны дѣвицъ о правахъ вступленія въ бракъ. Киргизы имѣли обычай, не спрашивая воли дѣтей, по обоюдному согласію отцовъ семействъ, заключать брачный договоръ своихъ дѣтей, хотя-бы тѣ были еще малолѣтніе; въ такомъ случаѣ отцы условливались о колымѣ, то есть о количествѣ подарковъ или скота, которые отецъ жениха долженъ заплатить за своего сына отцу невѣсты. Такіе браки рѣдко были счастливы; въ настоящее время нами принято за правило при бракосочетаніи спрашивать согласія сочетающихся и требовать совершеннолѣтія ихъ по нашимъ законамъ. Многіе старики упорно держатся обычая, но молодое поколѣніе протестуетъ противъ этого обычая; очень часто дѣвицы пріѣзжали въ совѣтъ съ просьбою дать имъ предписаніе отъ совѣта, что ихъ никто не имѣетъ права принудить выйдти замужъ противъ ихъ согласія. Совѣтъ всегда снабжалъ дѣвицъ такими предписаніями. Если мы желаемъ имѣть полезное вліяніе на нашихъ магометанскихъ подданныхъ, то необходимо возстановить у нихъ права женщины, и избавить ее отъ угнетеній и униженій, претерпѣваемыхъ ею въ семействѣ; чрезъ это само собою уничтожится и многоженство, несвойственное нашему климату. Неуваженіе къ женщинѣ до того доходитъ у киргизовъ, что даже къ матерямъ своимъ они не имѣютъ ни малѣйшаго почтенія. Однажды приходитъ въ совѣтъ киргизка и кладетъ на столъ присутствія зубъ. Я спросилъ ее къ чему она принесла этотъ зубъ, она отвѣчала, что этотъ зубъ вышибъ ей сынъ. Привели сына въ совѣтъ: послѣ внушенія о почтеніи, которое должно имѣть къ матери, присудили наказать сына розгами. Киргизъ послѣ наказанія явился въ совѣтъ и объявилъ, что онъ еще два зуба выбьетъ своей матери. Впрочемъ угроза, что его еще два раза за это высѣкутъ, вѣроятно имѣла свою силу, потому что мать при мнѣ уже не жаловалась на своего сына.

Мстительность и наклонность къ обидѣ есть тоже одинъ изъ

Digitized by Google

главныхъ поводовъ къ судебнымъ разбирательствамъ. Эта мстительность киргизовъ часто выражается самыми звѣрскими поступками; напримѣръ однажды зимою въ совѣтѣ получена была жалоба, что такіе-то киргизы напали на аулъ и убили ребенка. Послѣдъ былъ медикъ для освидѣтельствованія убитаго, замороженнаго ребенка; медикъ, по надлежащемъ осмотрѣ убитаго дитяти, дѣйствительно увидѣлъ на немъ слѣды или отпечатки каблука на разныхъ частяхъ тѣла, даже на животѣ, которые однако по оттаяніи тѣла совершенно исчезли; черепъ былъ раздробленъ, но безъ всякаго подтека и другихъ признаковъ, которые-бы указали, что поврежденія сдѣланы при жизни ребенка; поэтому было ясно, что они были сдѣланы на мертвомъ замороженномъ ребенкѣ (нападеніе на аулъ и драка были зимой) и безъ сомнѣнія сами-же родители надѣлали эти поврежденія своему умершему ребенку, чтобы потомъ обвинить враговъ своихъ въ смертоубійствѣ. Было много примѣровъ, что киргизы пріѣзжали въ совѣтъ окровавленными, жалуясь, что ихъ побили по головѣ дубиной или нагайкой; между тѣмъ, по обмытіи крови, при осмотрѣ оказывалось на головѣ нѣсколько поверхностныхъ разрѣзовъ кожи, сдѣланныхъ ножомъ. Были также случаи, что киргизы представляли задушенныхъ, обваренныхъ кипяткомъ или замороженныхъ дѣтей, для обвиненія въ убійствѣ ихъ своихъ враговъ; иногда-же представляли посоленыхъ или высушенныхъ выкидашей, для доказательства, что жены ихъ выкинули отъ побоевъ или испуга. Въ одномъ случаѣ было доказано, что женщина, на которую мужъ показывалъ, что она выкинула, вовсе не была беременна, и что мужъ ея случайный выкидышъ первой жены сохранялъ посоленымъ долгое время, для предъявленія въ случаѣ ссоры. Киргизы не рѣдко при нападеніяхъ на враговъ, бросаютъ дѣтей своихъ подъ ноги ихъ лошадей, чтобы потомъ обвинить въ смертоубійствѣ.

Если жалоба киргиза найдена несправедливою, онъ не оставляетъ ее безъ послѣдствій, а приберегаетъ ее или до назначенія новаго русскаго совѣтника въ Орду, или для другого удобнаго случая; и спустя нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ опять подаетъ свою жалобу. Для избѣжанія напрасной переписки и потери времени отъ новыхъ разбирательствъ того, что уже прежде рѣшено, принятъ былъ въ совѣтѣ слѣдующій порядокъ.

Если истецъ являлся съ жалобой одинъ, то посылали за отвѣтчикомъ, и потомъ, если нужно, и за посредникомъ; по выслушаніи

Digitized by Google

обѣихъ сторонъ и отобранія имѣнія посредника (какъ выше было изложено) постановляли рѣшеніе; просьба и рѣшеніе вкратцѣ записывались подъ № въ журналъ; рѣшеніе объявлялось обѣимъ сторонамъ, и въ случаѣ желанія сторонъ имъ выдавалась копія рѣшенія; послѣ того если кто спустя годъ и болѣе являлся съ подобной просьбой, то нонели въ журналѣ не значится-ли она уже тамъ; и если отыскивали въ немъ рѣшеніе, то оставляли жалобу безъ вниманія.

Въ залу судопроизводства могъ входить всякій; иногда просителей и любопытныхъ набиралось полная зала; они стояли тамъ тихо, шуму никакого не было, исключая свойственнаго киргизамъ, особенно почетнымъ,—непріятной привычки безпрестанно рыгать, чѣмъ они какъ-бы даютъ знать, что имѣютъ много лошадей, барановъ, словомъ—имѣютъ возможность быть сыты по горло и упиться кумысомъ до пользы, или что они передъ приходомъ въ совѣтъ гдѣ нибудь пировали на славу. Каждый ожидаетъ терпѣливо своей очереди, обдумывая какъ-бы ловче, увлекательнѣе, замысловатѣе изложить свою просьбу—на что киргизы мастера; они, надо отдать имъ справедливость, большіе краснобаи, и десяти нашимъ романистамъ не придумать такихъ чудесъ, какія иногда взбредутъ въ одну азіатскую голову.

Судопроизводство шло на киргизскомъ языкѣ; переводчикъ переводилъ русскому совѣтнику смыслъ сказаннаго, и тутъ отъ дурного перевода часто выходили умышленныя и неумышленныя ошибки, имѣвшія иногда вредныя послѣдствія.

Дѣла до 30 руб. сер. рѣшались въ совѣтѣ гласнымъ судопроизводствомъ; здѣсь не легко было сплутовать; притомъ и стоимость дѣлъ не такъ велика, чтобы можно было погрѣть руки; но когда встрѣчались дѣла поважнѣе, тутъ уже гласность въ сторону, дѣло шло бумажнымъ путемъ, запутывалось и затягивалось на нѣсколько лѣтъ, и киргизы поплутоватѣе и хорошо знавшіе правило дѣленія обыкновенно, даже при самыхъ явныхъ уликахъ, умѣли увернуться отъ правосудія и оставались только въ подозрѣніи.

Будучи убѣжденъ, что улучшеніе хозяйства, особенно по разведенію хорошихъ породъ лошадей, никогда не будетъ успѣшно, если не прекратится воровство скота, я съ особенною настойчивостію преслѣдовалъ воровство и мошенничество; но, не имѣя полиціи, долженъ былъ принимать свои особыя мѣры. Напримѣръ въ ставкѣ явилась шайка воровъ; рѣдкая ночь проходила, чтобы кого-нибудь не обокрали; домá тамъ большею частью мазанки; у рѣдкаго жителя имѣются въ

Digitized by Google

домѣ прочныя двери и окна, а въ кибитки, въ которыхъ жили нѣкоторые киргизы, и того легче было войти; поэтому воровство и было удобно производить, а воровъ въ Ордѣ, по наклонности киргизовъ къ укрывательству, крайне трудно было отыскивать. Развѣдывая объ помянутой выше шайкѣ, я узналъ, что нѣсколько человѣкъ казанскихъ татаръ,—этихъ просвѣтителей киргизовъ по части плутовства,—живетъ въ ставкѣ, не имѣя никакого состоянія, не занимаясь никакимъ ремесломъ; ведутъ разгульную жизнь, собираясь по ночамъ для пьянства, и что у одного изъ нихъ завелся даже домъ разврата. Понятно откуда они брали средства для кутежа и разврата; а потому я и не видѣлъ другого средства прекратить воровство, какъ выслать подозрительныхъ этихъ людей изъ Орды. И дѣйствительно, послѣ высылки ихъ, во все время пребыванія моего въ Ордѣ, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, въ ставкѣ не было ни одного случая воровства; слѣдовательно, мѣра оказалась дѣйствительною.

Въ оправданіе свое въ принятіи такой мѣры, я долженъ еще сказать, что временный совѣтъ наслѣдовалъ отъ хана въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти неограниченную власть; хотя совѣту и даны были нѣкоторыя правила для руководства, но такъ какъ они далеко не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ управленія, то по необходимости приходилось дѣйствовать по усмотрѣнію и по обстоятельствамъ. Притомъ въ ставку наѣхало разнаго сброда изъ казанскихъ татаръ и астраханскихъ армянъ, съ цѣлію обирать простаковъ изъ киргизъ и проживающихъ и служащихъ въ ставкѣ лицъ; они пускались на самыя отчаянныя предпріятія, ломили за дрянные свои товары неслыханныя цѣны, и чрезъ ихъ спекуляціи жителямъ ставки приходилось по временамъ терпѣть большую дороговизну. Такъ напримѣръ въ Ордѣ, производящей главную торговлю баранами,—въ ставкѣ, при которой были двѣ ярмарки въ году, гдѣ баранъ, имѣющій болѣе пуда мяса и полпуда жиру, во время ярмарки стоилъ отъ $1^1/_2$ до 2 руб. сер.,—фунтъ мяса торговцами ставки продавался жителямъ по $3^1/_2$ коп. сер., а въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ по 7 коп. сер. (*). Имѣя надобность въ покупкѣ мяса для школы, арестантовъ, угощенія киргизовъ и проч., я приглашалъ торговцевъ на поставку мяса, назначая по $2^1/_2$ к. сер.

(*) Послѣ моего выѣзда изъ Орды фунтъ баранины, какъ я слышалъ, продавался по временамъ по 15 коп. сер.

Digitized by Google

за фунтъ, но они менѣе $3^1/_2$ коп. сер. не согласились поставлять. Тогда на первой-же ярмаркѣ, по распоряженію моему, закуплено было до 400 барановъ; отъ убоя ихъ не только поставлялось мясо на всѣ казенныя мѣста по 2 и по $2^1/_2$ коп., но и служащимъ въ совѣтѣ чиновникамъ я велѣлъ продавать мясо по $1^1/_2$ коп. сер. за фунтъ. Не смотря на то, что я для этого стада долженъ былъ нанимать пастуховъ, купить для нихъ лошадей, заготовить на случай зимнихъ бурановъ и гололедицы сѣно, я отъ этого дешеваго снабженія бараниной въ убыткѣ не былъ. Поэтому можно судить сколько барыша брали мясники, продавая мясо по $3^1/_2$ коп. сер., а по временамъ по 7 коп. сер., истратившіе денегъ на содержаніе стада, а покупавшіе барановъ, пригоняемыхъ киргизами почти ежедневно въ ставку.

У насъ много писали и пишутъ о земскихъ кредитныхъ обществахъ, но земскихъ банковъ устроено пока еще не много; и надо полагать, что пока не будетъ у насъ довѣрія къ нашему судопроизводству, болѣе удобныя обстоятельства не выдвинутъ наконецъ на сцену общественной дѣятельности людей практическихъ, и вмѣстѣ честныхъ и вліятельныхъ,—до тѣхъ поръ мы не увидимъ у себя полезныхъ послѣдствій отъ нашихъ усилій создать земскій кредитъ. Но странное дѣло, то,—что у насъ, народа осѣдлаго, имѣющаго недвижимую собственность, встрѣчаетъ столько трудностей,—въ Киргизской Ордѣ устроилось очень легко, какъ видно изъ слѣдующаго. Еще въ 1853 году мною представлено было предположеніе о ссудной кассѣ для киргизовъ Внутренней Орды, народа кочевого, переходившего иногда за Уралъ отдѣльными семействами и аулами и неимѣющаго такой собственности, какъ каменные дома, заводы, фабрики, обработанныя земли, лѣса и проч., и которому по торговымъ дѣламъ правительство наше до того времени отказывало въ кредитѣ, объявивъ, что вся торговля нашихъ подданныхъ съ киргизами должна быть мѣновая, и что правительство не будетъ входить ни въ какія разбирательства по торговымъ обязательствамъ съ киргизами (*).

Предположеніе о ссудной кассѣ для киргизовъ Внутренней Орды, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, осуществилось скорѣе, нежели я ожидалъ. Зима съ 1853 на 1854 годъ была очень холодная; въ

(*) Вслѣдствіе представленія моего, для киргизовъ Внутренней Орды это постановленіе было отмѣнено въ 1854 году.

Digitized by Google

половинѣ декабря сдѣлалась оттепель; послѣ 2° тепла по R, вдругъ настала морозъ въ 18°, земля обледенѣла, за тѣмъ выпалъ снѣгъ, настала стужа и подножный кормъ закрылся ледяной корой. Киргизы не имѣютъ большихъ запасовъ сѣна, и потому скоро стали нуждаться въ кормѣ для скота. Получать въ долгъ сѣно или брать въ долгъ деньги—имъ невыгодно; проценты съ нихъ берутъ не иначе, какъ рубль на рубль, о чемъ я узналъ чрезъ разбирательство споровъ. Если-же приходится покупать сѣно, то за стогъ, стоящій на деньги 100 руб., съ киргизовъ брали по 25 лошадей на выборъ изъ большого косяка; передержавъ такихъ лошадей зиму, киргизы на весенней ярмаркѣ могли-бы брать за нихъ по 30 и 40 руб. сер. И такъ имъ приходилось платить за сѣно огромныя деньги.

Предвидя бѣдствіе для киргизовъ отъ такой зимы, я просилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1853 года о разрѣшеніи выдавать киргизамъ деньги въ ссуду, для продовольствія ихъ скота, составя для этого слѣдующія правила:

1) Дозволять оставить при совѣтѣ, на зимнее время, отъ сборовъ закята и сутума отъ 10 до 15 тысячъ руб. сер., для раздачи ихъ въ ссуды нуждающимся ордынцамъ, по нижеслѣдующимъ правиламъ.

2) Киргизу, желающему взять деньги въ ссуду, выдавать, для обезпеченія уплаты, не болѣе $^1/_{10}$ суммы противъ цѣнности имѣемаго имъ скота.

3) Для избѣжанія обмана требовать, чтобы желающіе занять деньги представляли свидѣтельство отъ своего родоправителя, а въ случаѣ отдаленности его, отъ своего старшины, съ завѣреніемъ 4-хъ благонадежныхъ киргизовъ, которые должны поручиться въ своевременной уплатѣ денегъ и заявить, что киргизъ, желающій занять деньги, хорошаго поведенія и дѣйствительно имѣетъ нужду въ деньгахъ для покупки сѣна, муки и для найма пастьбищъ, и что въ случаѣ неуплаты занятыхъ денегъ поручители за него отвѣчаютъ.

4) Въ этомъ свидѣтельствѣ должно быть прописано число скота у желающаго занять деньги.

5) Для избѣжанія сложныхъ разсчотовъ давать деньги за проценты только на два срока: на полгода за 3%, и на годъ за 6%, и въ случаѣ пересрочки не брать съ процентовъ проценты (рекамбіо); показанные проценты взимать и тогда, если деньги будутъ уплачены прежде сроковъ.

6) Учрежденіе ссудной кассы допустить первоначально, въ видѣ

Digitized by Google

опыта, на 3 года, съ тѣмъ чтобы по истеченіи этого срока представлено было, по указаніямъ опыта, предположеніе объ основаніяхъ къ окончательному устройству означенной кассы.

Киргизы, узнавъ чрезъ своихъ повѣренныхъ въ Оренбургѣ объ этомъ представленіи, начали во множествѣ являться въ совѣтъ, прося денегъ въ займы. Прождавъ около полутора мѣсяца разрѣшенія на мое представленіе, и не получая отвѣта, и зная изъ прежнихъ опытовъ какія гибельныя послѣдствія бываютъ для киргизскаго скотоводства, если не оказать имъ своевременной помощи,—я рѣшился принять на себя отвѣтственность за раздачу киргизамъ въ ссуду денегъ изъ суммы, имѣющихся при казначействѣ временнаго совѣта, руководствуясь при раздачѣ изложенными выше правилами. Почти цѣлый мѣсяцъ являлись киргизы съ просьбою займа денегъ; раздавъ до 7,000 руб. я опасался, что въ казначействѣ не останется денегъ на другія необходимые расходы, а пріостановилъ раздачу денегъ, тѣмъ болѣе, что весна уже началась, ледъ закрывавшій травы во многихъ мѣстахъ оттаялъ и скотъ можно уже было пускать на подножный кормъ. Въ маѣ я уѣхалъ лечиться на Сергіевскія воды; безъ меня никакого настоянія не было о возвратѣ занятыхъ денегъ; но когда я въ августѣ того-же года возвратился въ Орду, то къ удовольствію моему узналъ, что изъ розданныхъ мною въ долгъ денегъ осталось невозвращенныхъ только около 300 руб., и тѣ въ скоромъ времени, по первому напоминанію, были уплачены. Киргизы, не смотря на свою дикость и неразвитость, поняли пользу отъ учрежденія для нихъ ссудной кассы и поддержали предположеніе скорымъ взносомъ занятыхъ ими денегъ. Этотъ опытъ убѣдилъ въ возможности учрежденія для киргизовъ ссудной кассы, и она дѣйствительно была учреждена, сходно, въ главныхъ основаніяхъ, съ вышеизложенными правилами, съ оборотнымъ капиталомъ сначала въ 10, а потомъ въ 20 тысячъ руб. сер., къ которому прибавляются и нарастающіе ежегодно проценты. Вся эта сумма почти постоянно въ оборотѣ, и потому можно надѣяться, что при 6 процентахъ займа она скоро удвоится.

Нынѣ учреждена ссудная касса и для зауральскихъ киргизовъ, съ капиталомъ въ 50,000 руб. сер. Если для зауральскихъ киргизовъ, которые могутъ откочевать въ Хивинскія, Коканденія и Бухарскія владѣнія, нашлась возможность учредить ссудную кассу, то трудно понять, почему учрежденіе такихъ кассъ у насъ идетъ такъ медленно.

Надо надѣяться, что съ учрежденіемъ гласнаго судопроизводства

Digitized by Google

и введеніемъ земскихъ учрежденій основаніе въ губерніяхъ ссудныхъ кассъ не будетъ уже встрѣчать затрудненій. Но пока найдутся для этого капиталы, я полагаю, что можно-бы временно заимствовать ихъ изъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ.

Если-бы остатки этихъ земскихъ сборовъ въ губерніяхъ разрѣшено было обращать въ оборотный капиталъ для земскихъ губернскихъ банковъ, если-бы земство приняло на себя трудъ тщательно повѣрять, чрезъ своихъ депутатовъ, расходованіе земскихъ сборовъ,—то безъ сомнѣнія нашлись-бы всегда остатки, а мосты, дороги и переправы были бы исправнѣе.

При переходѣ отъ обязательныхъ работъ къ наемнымъ деньги, необходимыя для найма рабочихъ, могли-бы выручаться зимой отъ продажи произведеній земли; и потому я полагаю, что помѣщикамъ, исключая особыхъ важныхъ случаевъ,—нѣтъ надобности для полученія ссуды закладывать все свое имѣніе; достаточно будетъ давать ссуды не болѣе какъ на $^1/_{10}$ или $^1/_5$ часть всего ихъ имѣнія, по оцѣнкѣ его; въ такомъ случаѣ съ небольшимъ ссуднымъ капиталомъ можно будетъ сдѣлать необходимое пособіе многимъ землевладѣльцамъ и дать средство, при теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, изворачиваться въ хозяйственныхъ оборотахъ.

Причина, почему киргизы охотно берутъ деньги въ займы, происходитъ отъ свойства тамошней торговли и быта киргизовъ. Ярмарки въ Ордѣ бываетъ два раза въ году: въ половинѣ мая и въ половинѣ сентября; каждая продолжается отъ $1^1/_2$ до 2-хъ недѣль. Нельзя чтобы въ такое короткое время могъ быть распроданъ весь привезенный товаръ, и купцы, привезшіе товары изъ далека (наприм. хлопчатомумажные изъ г. Кинешмы, шолковые изъ Москвы и проч.), не желая везти назадъ нераспроданный товаръ, обыкновенно оставляли его въ Ордѣ (съ полученіемъ впередъ небольшой суммы денегъ въ видѣ задатка) благонадежнымъ купцамъ ставки и даже киргизамъ, для распродажи его въ остальное время года. Но нѣкоторые киргизы, пустившіеся въ торговые обороты, начинаютъ сами покупать эти товары и, не имѣя наличныхъ денегъ, занимаютъ ихъ въ совѣтѣ, зная навѣрное, что платя въ кассу совѣта 6%, они выручатъ 20% барыша. Киргизы на ярмаркахъ покупаютъ обыкновенно необходимые имъ запасы на ту часть года, которая идетъ къ слѣдующей ярмаркѣ, потому что во время ярмарки привозные товары дешевле продаются. Но какъ нельзя предвидѣть всѣхъ потребностей за все это время, при-

Digitized by Google

томъ бываютъ случаи неожиданной траты купленныхъ запасовъ, наприм. свадьбы, родины, похороны и проч., то приходится для покупки нужныхъ товаровъ ѣхать за 200 или 300 верстъ. Поэтому-то киргизы охотно и платятъ лишнихъ 20%, если товаръ найдется въ сосѣднемъ аулѣ.

Обороты киргизской торговли простираются за милліонъ рублей серебромъ. Болѣе всего покупаются бумажныя, шолковыя и шерстяныя матеріи, сукна, кожи, разнаго рода хлѣбъ, чай, сахаръ, самовары, бумажные и шолковые халаты, мѣха. Киргизы продаютъ: шкуры, шерсть, верблюжій и козій пухъ, лошадей, рогатый скотъ, барановъ, коз и проч.

Купцы, пріѣзжающіе для покупки скота, обыкновенно не привозятъ своихъ товаровъ,—поэтому мѣновой торговли съ ними быть не можетъ; они должны покупать у киргизовъ скотъ на наличныя деньги. Получа за скотъ деньги, киргизы уже на деньги покупаютъ необходимые для нихъ запасы у другихъ купцовъ, торгующихъ краснымъ товаромъ, разнаго рода хлѣбомъ и проч. Такого рода торговля скоро пріучила киргизовъ узнавать цѣну денегъ, и они до того ознакомились съ ними, что иногда пускаются сбывать фальшивые кредитные билеты, по порученію промышленниковъ этого рода, часто посѣщающихъ ярмарки въ Ордѣ. Ярмарка, на которой киргизы покупаютъ всѣ необходимые для нихъ запасы и сбываютъ свой скотъ, шкуры, шерсть и проч., есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое пріятное для нихъ время: на ярмаркѣ открываются трактиры, тогда пріѣзжаютъ въ Орду музыканты, пѣвцы (*), и откупа всегда находили возможность ввозить охмѣляющія питья, хотя ввозъ въ Орду хмѣльныхъ напитковъ по закону строго запрещонъ. Въ это-же время бываютъ при ставкѣ лошадиныя скачки.

Для скачекъ киргизы приготовляютъ лошадей заблаговременно, ежедневно дѣлая имъ проѣздки и постепенно увеличивая разстояніе проѣздки и скорость. Недѣли за двѣ или за три до скачки назначеннымъ на скачку лошадямъ уменьшаютъ количество пищи, не даютъ вовсе травы и сѣна, кормятъ однимъ ячменемъ или овсомъ и даютъ пить кобылье молоко. За нѣсколько часовъ до скачки лошадямъ вовсе не даютъ пищи, и нѣкоторые держатъ ихъ подъ войлочными попона-

(*) Напѣвъ пѣсни «Ванька Таньку полюбилъ» очень часто слышится въ Ордѣ; гармоники раскупается киргизами во множествѣ и они любятъ на нихъ играть.

*

Digitized by Google

ми, чтобы лошадь потѣя теряла свой вѣсъ; вообще подготовить лошадь для скачки есть искусство, хорошо извѣстное киргизамъ. Не смотря на малый ростъ киргизскихъ лошадей, въ 1 аршинъ 14 вершковъ, или не многимъ больше, онѣ въ довольно жаркое время проскакивали 20-ти верстное разстояніе въ 20 и 30 минутъ. При мнѣ были двѣ лошади у султана Адиля, родившіяся въ Ордѣ, имѣвшія около 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ роста, которыя проскакивали это разстояніе въ 27 минутъ. Вообще, лошади родившіяся и воспитывшіяся на Рынъ—пескахъ казались мнѣ, по быстротѣ и силѣ, лучшими въ Ордѣ; вѣроятно лошади эти лучше потому, что кормъ на Рынъ-пескахъ обильнѣе, а песчаный грунтъ этой мѣстности способствуетъ къ укрѣпленію ножныхъ мускуловъ.

Полагая, что при хорошемъ управленіи киргизами, при надлежащихъ мѣрахъ къ улучшенію ихъ скотоводства мы во внутренней киргизской Ордѣ могли-бы имѣть хорошіе конскіе заводы и получать оттуда лошадей годныхъ для легкой кавалеріи,—я представлялъ генералу Перовскому о пользѣ улучшенія киргизскихъ лошадей и предлагалъ снабжать ежегодно Орду нѣсколькими хорошими жеребцами, на первое время цѣной рублей въ 250 и 300, пока имъ кобылы (имѣющія обыкновенно арш. 13 или 14 верш. роста) не увеличатся въ ростѣ. Жеребцовъ я предлагалъ дарить тѣмъ киргизамъ, которые заботятся объ улучшеніи породы лошадей, что можно узнать, соединяя ярмарки и сдачу съ выставкою скота. Подарками жеребцовъ лучшимъ заводчикамъ, по моему мнѣнію, полезнѣе было-бы замѣнить скудные призы за скаковыхъ лошадей, отъ 5-ти до 50-ти руб. Но въ то время мысль о пользѣ случныхъ конюшенъ была еще въ полной силѣ, и потому мое предложеніе было оставлено.

Здѣсь я долженъ сказать еще о причинѣ, которая долго будетъ препятствовать киргизамъ улучшать породу лошадей—это ихъ тщеславіе. Какъ у насъ въ былое время молодой баричъ тщеславился тѣмъ, что у него 10 или 20 тысячъ крестьянъ, такъ и киргизское тщеславіе кичится большимъ количествомъ владѣемыхъ лошадей (*). Я представлялъ киргизамъ, что гораздо выгоднѣе имѣть 500 хорошихъ лошадей, которыхъ средняя цѣна была бы отъ 80-ти до 100 руб. сер., нежели 5000 лошадей, при средней цѣнѣ въ 9 руб. (какъ было у

(*) Султанъ Менглигирей на вопросъ сколько у него лошадей или барановъ? всегда самодовольно отвѣчалъ: «Не знаю, пастухъ знаетъ».

Digitized by Google

ликъ въ 1853 г:); потому что отъ продажи тѣхъ и другихъ можетъ быть получена одна и таже сумма, а при скудныхъ кормахъ въ Ордѣ, особенно зимой, 500 хорошихъ лошадей дешевле прокормить, нежели 5000, потому что для такого количества лошадей очень трудно и дорого запасать на зиму сѣна, отъ недостатка котораго нерѣдко зимою гибнутъ цѣлые табуны. Въ случаѣ гололедицы и буранов эти несчастныя лошади обыкновенно сталпливаются въ одну кучу, объѣдаютъ одна другой гривы и хвосты, и потомъ гибнутъ тысячами. Но укоренившійся обычай и тщеславіе имѣть большое число лошадей еще такъ сильно дѣйствуютъ, что требуютъ постоянныхъ мѣръ поощренія для побужденія киргизовъ заводить лошадей лучшихъ породъ, вмѣсто огромныхъ табуновъ простой породы.

Вообще, чтобы Внутренняя Орда была полезна въ государственномъ отношеніи, для нея нуженъ хорошій хозяинъ, который съумѣлъ-бы постигнуть бытъ кочевого народа и пріобрѣлъ-бы его довѣріе, и такимъ образомъ имѣлъ-бы возможность приступить къ значительнымъ преобразованіямъ, необходимымъ для улучшенія хозяйства киргизовъ.

Средства къ улучшенію хозяйства и быта киргизовъ отыскать не трудно, и въ настоящее время отъ сборовъ съ нихъ ежегодно остается до 35,000 руб: сер: (*), но этотъ доходъ, при хорошемъ хозяйствѣ и дѣльной администраціи, можетъ быть значительно увеличенъ. А при такихъ остаткахъ можно предпринять разныя улучшенія, которыя могли-бы увеличить и благосостояніе киргизовъ и сборы съ нихъ.

Сборы съ киргизовъ собираютъ старшины, но я изложилъ уже выше какія затрудненія представляются отъ укрытія киргизовъ въ чужіе роды, иногда за 200 или 400 верстъ отъ своего старшины. Перекочевывая въ Ордѣ и отдѣляясь отъ своихъ родовъ и старшинъ, киргизы перемѣшались съ другими родами и составили свои особыя артели, или общины, съ обязательствомъ помогать взаимно укрываться и не выдавать другъ друга. Если-же кому изъ нихъ при-

(*) Полный сборъ въ закатъ составлялъ въ 1853 году 68,522 р. 86 к. сер., въ сугумъ 8982 р. 85 коп. сер. Да отъ выдачи киргизамъ билетовъ на отлучку изъ Орды и отъ другихъ мѣстныхъ источниковъ получалось дохода до 2000 руб. сер., итого полный сборъ могъ дойти до 80,000 руб. Но ежегодныя недоимки простирались до 15-ти тысячъ рублей. Исключивъ расходы на администрацію, школу, арестантовъ и проч; до 30,000 руб. сер., за тѣмъ будетъ остатка до 35,000 руб. сер.

Digitized by Google

ходилось кочевать на землѣ богатаго землевладѣльца и онъ платилъ ему исправно наложенную подать, то могъ вполнѣ надѣяться на покровительство этого землевладѣльца и уклоняться отъ платежа назначенныхъ правительствомъ повинностей. Отъ этого недоимка ежегодно простиралось до 15-ти и болѣе тысячъ рублей серебромъ.

Въ совѣтѣ Внутренней Орды есть вѣдомость, сколько въ какомъ отдѣленіи находится скота и сколько съ него слѣдуетъ сборовъ. Обыкновенно закятъ и сугумъ собираютъ съ киргизовъ во время ярмарокъ, когда киргизы продаютъ скотъ и другіе свои товары. Установленные съ нихъ сборы со скота необременительны: съ трехъ взрослыхъ верблюдовъ обыкновенно собирается шерсти около пуда; на ярмаркѣ пудъ верблюжей шерсти продается отъ 2 р. 50 к. до 3 руб. сер. (*), а установленная плата въ закятъ за трехъ верблюдовъ всего отъ 70-ти до 90 коп. сер.; молоко, приплодъ, перевозка домашняго имущества, заработокъ отъ навоза—составляютъ уже чистую прибыль. 35 барановъ отъ одной стрижки даютъ войлокъ длиною отъ 3-хъ до 4-хъ саженъ, а шириною въ 1 сажень, который продается отъ 4-хъ до 5-ти рублей сер., а сборъ въ закятъ съ 35 барановъ всего отъ 1 руб. 5 коп. до 1 руб. 40 коп. сер., но часто киргизы стригутъ барановъ по два раза въ годъ. Приплодъ у овецъ бываетъ отъ 50-ти до 60-ти ягнятъ со 100 матокъ; продажа приплода и молока составляютъ значительную выгоду. Рогатый скотъ, кромѣ приплода, даетъ молоко; лошадь—необходимый работникъ киргиза, и сверхъ того служитъ въ пищу, а кобылы доставляютъ средство пить кумысъ,—этотъ нектаръ степныхъ народовъ, безъ котораго киргизамъ и жизнь не въ радость,—приплодъ отъ нихъ составляетъ предметъ выгодной торговли.

О заразительныхъ болѣзняхъ киргизскаго скота, о чумопрививаніи и мѣрахъ къ уменьшенію случаевъ заразы и о застрахованіи скота я уже изложилъ мои мысли, которыя напечатаны въ № 6, 1859 года и въ № 1-мъ или 2-мъ 1862 года журнала Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства; желающіе могутъ прочитать въ немъ мои мысли по этому предмету.

Какъ уже сказано, въ году бываетъ двѣ ярмарки при Ханской ставкѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ которой выстроенъ покойнымъ ханомъ Джангеромъ обширный ярмарочный дворъ, нынѣ пришедшій почти

(*) Выставленныя здѣсь цѣны относятся къ 1853 году.

Digitized by Google

въ совершенную ветхость. Окрестности Ханской ставки на западной оконечности Нарынъ-песковъ въ прежнее время были лучшимъ мѣстомъ въ Ордѣ; но отъ множества пригоняемаго на ярмарки скота, отъ постоянной ѣзды къ ставкѣ травы въ окрестностяхъ ставки почти исчезли; мѣстность верстъ на 5 въ окружности отъ ставки представляетъ сыпучіе пески, которые, волнуясь отъ вѣтровъ, образовали довольно значительные бугры, засыпавшіе растущіе въ окружности кустарники и даже часть заборовъ и домовъ (*). У Ханскаго дома, къ сторонѣ степи, песокъ дошолъ почти до самыхъ оконъ. По представленію моему, въ уваженіе изложенныхъ причинъ, ставку предположено было перенесть на новое мѣсто; я полагалъ перенесть ее верстъ за 20 къ сѣверо-западу, гдѣ есть вблизи нѣсколько овраговъ, на которыхъ, устроивъ плотины, можно-бы было имѣть нѣсколько прудовъ, хотя не такъ обширныхъ какъ Торгунскій, но не менѣе полезныхъ; потому что они служили-бы не только для водопоя, но и для орошенія садовъ, огородовъ и луговыхъ мѣстъ, которые могли быть здѣсь заведены. Находясь всего верстъ за 20 отъ нынѣшней ставки; это мѣсто ближе къ срединѣ Орды, перевозъ отъ послѣдней дерева и другихъ предметовъ, необходимыхъ для постройки новыхъ домовъ и лавокъ, изъ старыхъ домовъ и лавокъ, которые можно-бы было разобрать, былъ-бы не затруднителенъ и обошолся-бы не дорого. Не знаю приведено-ли это предположеніе въ исполненіе.

Я уже выше говорилъ о неравенствѣ у киргизовъ поземельныхъ участковъ, происшедшихъ отъ того злоупотребленіяхъ, спорахъ, порчѣ нравовъ, уменьшеніи денежныхъ сборовъ и объ удобствѣ скрывать въ Ордѣ преступленія. Чаще всего мнѣ приходилось разбирать поземельные споры у прикаспійскихъ киргизовъ, и такъ какъ правительство наше не признало надѣла землею, произведеннаго ханомъ Джангеромъ, и имѣло въ виду произвесть передѣлъ земли, то я и представилъ, въ

(*) Среди этихъ песковъ лѣтняя жара невыносима. Такъ какъ полагаютъ, что зной увеличивается вслѣдствіе отраженія отъ песка солнечныхъ лучей, то желая это повѣрить, я произвелъ слѣдующій опытъ: взявъ термометръ, держалъ его отъ поверхности песка на высотѣ около аршина, и ртуть въ термометрѣ поднялась до 46° R; потомъ я, съ тѣмъ-же термометромъ, взошолъ на стоявшій вблизи минаретъ мечети, на высоту около 8-ми сажень, и ртуть упала на 5 слишкомъ градусовъ. Любопытно-бы было производить подобные опыты одновременно двумя термометрами въ разную пору дня и на различныхъ высотахъ.

Digitized by Google

1854 году, в необходимости начать его съ южной части Орды. Хотя тамъ было нѣсколько землевладѣльцевъ, имѣвшихъ обширные участки земли, но слыша безпрестанныя жалобы киргизовъ на недостатокъ земли, на присвоеніе ее людьми вліятельными, я не боялся вліянія этихъ землевладѣльцевъ на разстройство предпринимаемаго дѣла. Оно было хорошо подготовлено; прибывшіе съ юга старшины, родоправители, повѣренные одобрили передѣлъ земли и подписали свое согласіе.

Когда я составлялъ предположеніе о раздѣлѣ земли у киргизовъ, то совѣтовался объ этомъ съ многими изъ нихъ, извѣстными по уму и опытности; всѣ одобряли раздѣлъ земли (исключая конечно землевладѣльцевъ, владѣвшихъ большими участками земли). Чтобы ослабить вліяніе и противодѣйствіе со стороны большихъ землевладѣльцевъ, я полагалъ уменьшить таксу со скота, разсчитывая, что отъ уменьшенія таксы сборъ не уменьшится при правильномъ исчисленіи скота, котораго безъ сомнѣнія оказалось-бы гораздо больше, нежели какъ показывалось по вѣдомостямъ старшинъ (*). Но одинъ изъ самыхъ честныхъ и благонамѣренныхъ киргизовъ совѣтовалъ мнѣ не только не уменьшать, но увеличить таксу, говоря: «киргизы лѣнивы, ихъ необходимо пріучить къ труду и дѣятельности; тогда имъ не только не трудно будетъ платить установленный сборъ, но они еще болѣе заработаютъ, или будутъ трудиться и займутся извозомъ и улучшеніемъ скотоводства.» Я однако-же не могъ принять этого совѣта, желая, чтобы передѣлъ земли не встрѣтилъ никакихъ препятствій; но къ сожалѣнію съ передѣломъ земли издумали соединить и налогъ со скота, принадлежащаго султанамъ и ходжамъ, избавленныхъ ханомъ Джангеромъ отъ этого налога; и этимъ чуть не было испорчено все дѣло о передѣлѣ земли киргизовъ и раздѣленіе ихъ на участки или

(*) Когда нужно было произвести надѣлъ земли по количеству владѣемаго киргизами скота въ 1-мъ и 2-мъ Каспійскихъ участкахъ, въ 1855 году, въ которыхъ за три года передъ тѣмъ была, весною 1852 г. сильная гибель скота, то показано было тамъ скота и народу:

	Кибитокъ,	верблюдовъ,	лошадей	рогатаго скота,	барановъ.
Въ 1-мъ участкѣ	4930,	11,116,	17, 667,	21,449,	121,007.
Во 2-мъ —	4953,	11,170,	18, 314,	22,712,	120,199.

Сбора съ этого скота въ закятъ было-бы болѣе 26,000 руб. сер., то есть болѣе $^1/_6$ всего сбора въ Ордѣ, хотя киргизы этихъ двухъ участковъ послѣ недавней гибели у нихъ скота считались самыми бѣдными; до 6000 изъ нихъ пропитывались наймомъ въ работники.

Digitized by Google

вруга. Въ предписаніи о передѣлѣ земли у киргизовъ требовалось: чтобы по надѣлѣ киргизовъ землею, належитъ плату зякята, на равнѣ съ простыми киргизами, на султановъ и ходжей, потомковъ Чингисъ-хана и Магомета (*), (или, по выраженію киргизовъ, *бѣлую и святую кость*), которые искони вѣковъ избавлены были отъ взноса всякихъ повинностей, и все назначеніе которыхъ, по ихъ понятіямъ: *пользоваться всѣми благами жизни на счетъ простыхъ смертныхъ и управлять ими*. Судя по настоящей жизни султановъ, можно подумать, что наше прежнее барство заимствовало свои привычки у аристократіи Золотой Орды. Нынѣшніе эти султаны, по обычаямъ ихъ края, не могутъ приняться ни за какую работу; засѣдавшіе въ совѣтѣ не хотѣли даже считать денегъ, получаемыхъ отъ оброковъ; на лошадь ихъ подсаживаютъ, съ лошади помогаютъ слѣзть; ѣхать вскачь считается для ихъ степенствъ предосудительнымъ. Но хорошо поѣсть, напиться кумысу до сыта, до отвала, спать на мягкомъ пуховикѣ, требовать, чтобы имъ разсказывали сказку и чесали пятки пока не заснутъ — это признакъ человѣка почетнаго, *бѣлой кости*. Невольно вспомнишь нашихъ баръ недавней еще эпохи.

Едва пронеслась по Ордѣ вѣсть о наложеніи подати на бѣлую и святую кость, какъ султаны и ходжи замѣшали яростію и начали по Ордѣ распространять самые нелѣпые слухи. Но судя по глупымъ толкамъ, надо полагать, что тутъ было и вліяніе магометанскихъ эмисса-

---

(*) Знаменитый нашъ государственный человѣкъ Сперанскій, при составленіи положенія для управленія сибирскими киргизами, пользуясь пріобрѣтеннымъ у нихъ довѣріемъ, наложилъ на ихъ скотъ подать при слѣдующихъ условіяхъ: положено было освободить отъ сбора ясака: султановъ, управляющихъ округомъ, считать свободными отъ ясака не болѣе, какъ на 300 лошадей, 200 коровъ или быковъ и 200 барановъ или коръ. Старшинъ и біевъ, или служащихъ засѣдателями въ окружномъ приказѣ, на 200 лошадей, 100 быковъ или коровъ и 100 барановъ или козъ. Каждаго султана, управляющаго волостію, на 100 лошадей, 100 быковъ или коровъ и 100 барановъ или козъ. У потомковъ бывшихъ хановъ Валія и Букея, по прямой линіи (сверхъ вышеозначеннаго права, коимъ они имѣютъ пользоваться во время пребыванія въ должности), считать всегда свободными отъ ясака: по 1000 лошадей, 1500 головъ рогатаго скота, 1500 барановъ у каждаго. По смерти ихъ право сіе распространяется на ихъ потомство по прямой линіи, а именно: на одного изъ старшихъ сыновей или на того, кого отецъ изберетъ своимъ наслѣдникомъ, но безъ раздробленія сего права между прочими дѣтьми. Остальные за тѣмъ султаны и почетные киргизы подвергнуты были установленному сбору.

Digitized by Google

ровъ (это происходило во время восточной войны). Но и безъ вліянія магометанскихъ эмисаровъ легко поднять такой невѣжественный, легковѣрный и непостоянный народъ какъ киргизы; стоитъ только усерднѣе и чаще разглашать нелѣпости и киргизы непремѣнно повѣрятъ; а султаны и ходжинцы въ этомъ случаѣ показали особенное усердіе и съумѣли напугать киргизовъ.

Когда высланы были топографы для произведенія надѣла, то султаны и ходжинцы по всей Ордѣ забили тревогу, стали увѣрять, что послѣ надѣла землею киргизовъ переименуютъ въ государственныхъ крестьянъ, обратятъ въ христіанскую вѣру, будутъ брать въ солдаты и проч. Эти слухи и толки продолжались съ такою настойчивостію, что киргизы невольно повѣрили имъ, начали волноваться, не давали топографамъ ни лошадей, ни людей для работы, такъ что тѣ должны были воротиться въ ставку. Предложено было нежелающимъ допустить раздѣлъ земель дозволить переходить за Уралъ. Но охотниковъ идти за Уралъ въ то время (въ 1855 году) не нашлось; увѣщанія не помогали; посему пришлось послать отрядъ уральскихъ казаковъ для усмиренія киргизовъ. Но едва отрядъ этотъ выступилъ съ Узенскаго участка въ южную часть Орды, — гдѣ волненіе было сильнѣе, такъ какъ въ той части начался передѣлъ земли,—какъ наконецъ пришла неоднократно просимая мною отмѣна взиманія податей съ султановъ и ходжей, и дѣло обошлось безъ крутыхъ мѣръ. Султанамъ и ходжамъ не изъ-чего уже было подвергать себя опасности быть наказанными за подстрекательство къ бунту; простые же киргизы волновались только по подстрекательству султановъ и ходжей, и когда оно прекратилось, то и киргизы успокоились, а одни большіе землевладѣльцы оказались безсильными поддерживать волненіе.

Вскорѣ по полученіи вышеупомянутой бумаги объ отмѣнѣ взиманія податей съ султановъ и ходжей, я вновь послалъ топографовъ, которыми въ томъ же году и отмежованы были земли въ южной части Орды, названныя 1 и 2 каспійскими округами. Нынѣ-же вся Орда раздѣлена на округи.

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, киргизы этихъ двухъ первыхъ округовъ потомъ были очень довольны новымъ надѣломъ земли. Послѣдствіемъ этого надѣла было то, что оттуда поступало въ совѣтъ менѣе жалобъ и что тамъ было менѣе ссоръ за землю; случаи воровства сдѣлались рѣже, потому что киргизы каждаго отдѣленія были подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ старшинъ; киргизы вполнѣ оцѣнили всю пользу новаго порядка, и правильнаго надѣла земли, и

Digitized by Google

раскладки повинностей. Но какъ предстоялъ такой-же раздѣлъ и въ другихъ частяхъ Орды, то бывшіе землевладѣльцы нелѣпыми слухами старались держать киргизовъ въ тревожномъ состояніи, и кажется съ двумя цѣлями: 1) они надѣялись остановить надѣлъ земли по количеству скота, и 2) уменьшить число киргизовъ Внутренней Орды, если часть ихъ, повѣря нелѣпымъ слухамъ, выкочуетъ за Уралъ. Объ этой послѣдней цѣли говорили мнѣ нѣкоторые султаны, когда подготовлялось волненіе въ 1855 году, увѣряя, что будто-бы тѣ, которые хотятъ остаться въ Ордѣ, поддерживаютъ тревожные слухи, въ надеждѣ, что чрезъ это тысячъ пять семействъ киргизовъ перейдутъ за Уралъ, и тогда оставшимся будетъ довольно удобныхъ мѣстъ для кочевки и поэтому въ раздѣлѣ земли надобности уже не будетъ.

И такъ послѣдствія двухъ ошибочныхъ мѣръ съ подвластнымъ намъ иноплеменнымъ народомъ были одинаковыя. Когда ханъ Джангеръ позволялъ себѣ злоупотребленія, раздавая большіе участки земли родственникамъ своимъ султанамъ, и другимъ своимъ любимцамъ и вліятельнымъ киргизамъ, то со стороны прочихъ киргизовъ поднялся ропотъ, а потомъ бунтъ; при уничтоженіи этихъ злоупотребленій хана Джангера возникъ новый ропотъ и опять подготовился бунтъ. Въ обоихъ случаяхъ этихъ волненій можно-бы было избѣжать, если-бы мы лучше знали быть и свойства этихъ подвластныхъ намъ народовъ.

Остается разсказать причины, способствовавшія къ воровству въ большихъ размѣрахъ скота у киргизовъ. Причины эти были: неправильная раздача земель своимъ любимцамъ ханомъ Джангеромъ, чрезъ что многіе киргизы, по недостатку земли, не могли завести своего скотоводства, откочевали отъ своихъ старшинъ и принялись за воровство. Киргизы всѣхъ отдѣленій, чрезъ неправильный этотъ надѣлъ земли, разбросаны были по разнымъ мѣстамъ Орды, чрезъ что старшины лишились всякой возможности наблюдать за киргизами своихъ отдѣленій и нерѣдко даже не знали, гдѣ кочуютъ состоящіе въ ихъ отдѣленіи киргизы, внутри-ли Орды, на Уральскихъ-ли степяхъ, или же въ какомъ другомъ мѣстѣ. Это-то состояніе Орды и дало возможность всякаго рода бродягамъ, готовымъ на всякое преступленіе, скрываться въ этихъ степяхъ и производить воровство скота, преимущественно лошадей, въ большихъ размѣрахъ. Воровство скота производилось слѣдующимъ образомъ: разбившись на мелкія шайки, скотокрады расположились по степямъ этапами, верстахъ въ 50 или 70 одинъ отъ другого, въ скрытыхъ мѣстахъ, изъ которыхъ и выходили на воровство скота. Въ Ордѣ есть довольно такихъ киргизовъ, у кото-

Digitized by Google

рыхъ скота всего только двѣ или три верховыхъ лошади, но тѣмъ не менѣе у нихъ всегда есть мясная пища, есть хорошій запасъ лошадиныхъ колбасъ, — этого лакомаго киргизскаго кушанья, — они одѣты хорошо; и все это на счетъ ближняго или, правильнѣе сказать, на счетъ дальняго владѣльца лошадей. Киргизы эти имѣютъ связь съ конокрадами изъ калмыковъ и башкирцевъ, которые также имѣютъ свои этапы, и завели связи съ конокрадами другихъ племенъ, съ людьми принимающими краденыхъ лошадей и продающими ихъ на ярмаркахъ и базарахъ, отъ одного края Россіи до другого, отъ Уральскаго хребта до Кавказа, до Харькова, Курска и далѣе. Всѣ эти конокрады имѣютъ между собою связь и правила дѣлежа. Украдется напримѣръ табунъ лошадей на Бугульминской или Николаевской ярмаркѣ (были примѣры, что по 200 лошадей разомъ крали), эти лошади, по этапу воровскихъ станицъ, перегоняются въ Астрахань, Кавказскія и Донскія степи, откуда гонятся далѣе и распродаются на ярмаркахъ. Лошадей, краденыхъ въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ, также точно, по тѣмъ же этапамъ, быстро перегоняютъ въ Оренбургскую и Самарскую губерніи. Возможно-ли хозяевамъ доискаться своего табуна или лошади, угнанныхъ въ нѣсколько дней за 500, за 1000 верстъ, особенно при нашихъ бдительныхъ чиновникахъ по конокрадству и нашей полиціи? Вотъ одна изъ причинъ, почему въ нашихъ ложныхъ степяхъ не можетъ основаться заводъ хорошихъ лошадей даже у киргизскихъ султановъ и калмыцкихъ нойоновъ, хотя у насъ эти степи лучшія мѣста для коннозаводства; хорошая лошадь будетъ лучшею приманкою для конокрадовъ. (*)

Изъ этого описанія послѣднихъ событій во Внутренней Ордѣ, мнѣ кажется, съ основательностію можно заключить, что мы не знаемъ хорошо ни свойствъ, ни обычаевъ, ни степени образованія, ни наклонностей, ни стремленій подвластныхъ намъ племенъ. Къ тому-же принято за правило заселять наши линіи сосланными за преступленія людьми, которыхъ нельзя терпѣть въ нашемъ обществѣ; а люди эти въ сношеніяхъ съ инородцами положительно вредны, развращая нравы

(*) Для уменьшенія конокрадства полезно было-бы привести въ исполненіе предложенную мною мѣру, раздавать хорошихъ жеребцовъ лучшимъ коннозаводчикамъ въ Ордѣ, тогда они сами стали-бы заботиться о прекращеніи конокрадства; а теперь, изъ ложнаго понятія считать конокрадство молодечествомъ и удальствомъ, они поощряютъ и покровительствуютъ ему.

Digitized by Google

ихъ дурными примѣрами; жестокостію-же и неразвитостію своею они способствуютъ тому, что киргизы не могутъ питать къ нимъ довѣрія и пріязни.

Случай этотъ приведенъ мною для того, чтобы показать какого свойства людьми отчасти населенъ нашъ юго-востокъ, гдѣ еще недавно вездѣ раздавался звукъ оружія гдѣ ежегодно погибали сотни и тысячи нашихъ, гдѣ нельзя было иначе ѣздить какъ съ конвоемъ, рискуя своею жизнью и свободой; гдѣ работать въ полѣ приходилось не иначе, какъ имѣя при себѣ оружіе, и гдѣ надо было опасаться каждую минуту, что хитрый врагъ подстерегетъ или винтовкой, или шашкой, или подхватитъ и потащитъ съ собою въ горы, или въ степи для продажи, какъ выгодный товаръ, на рынкахъ дальняго востока. При такомъ положеніи края нельзя было быть слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ людей и средствъ, особенно при слабомъ населеніи Россіи. Прежде всего надо было позаботиться о безопасности границъ, и вотъ почему тотъ край населенъ преимущественно людьми болѣе знакомыми съ оружіемъ, нежели съ хозяйствомъ. Какъ только началъ успокоиваться край, военные эти переселенцы, пользуясь обширностію степей, принялись за разведеніе скота, не принимая въ соображеніе недостатка средствъ къ правильному содержанію его въ худые года и во время зимнихъ гололедицъ и бурановъ. Слѣдствіемъ этого и бываетъ развитіе заразительныхъ болѣзней въ ихъ дурно содержимыхъ стадахъ.

Оканчивая эту статью, я прочиталъ въ протоколѣ засѣданія Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, отъ 20-го октября 1864 года, мнѣнія, сходныя съ моимъ, о томъ, что зародышъ заразительныхъ болѣзней скота, опустошающихъ наши стада, кроется на юго-востокѣ Россіи, что подтверждается и слѣдующимъ.

Въ 1855 году предположено было произвесть во Внутренней Киргизской Ордѣ опыты чумопрививанія рогатому скоту, посему надо было озаботиться объ отъисканіи чумной матеріи, для чего я съ весны и принялъ нужныя мѣры. Матерія эта отъискана была въ Ордѣ и въ прилежащихъ къ ней уѣздахъ, въ пяти мѣстахъ; но какъ зима съ 1854 на 1855 годъ была легкая, скотъ ходилъ въ поле почти цѣлую зиму; весною и лѣтомъ погода тоже была благопріятна для здоровья скота, то собранная въ пяти мѣстахъ чумная матерія, а также доставленная изъ Казани и привезенная изъ Харьковской губерніи, Харьковскаго Ветеринарнаго училища профессоромъ Островскимъ, прививаемая къ скоту не произвела сильнаго развитія чумы, почему

Digitized by Google

смертныхъ случаевъ скота отъ этой прививки не было. Только матерія, привезенная изъ Камышинскаго уѣзда, дѣйствовала нѣсколько сильнѣе прочихъ.

И такъ, послѣ самой благопріятной зимы, на маломъ разстояніи, въ короткое время можно было найти чумную матерію въ пяти мѣстахъ — каково-же бываетъ развитіе этой болѣзни при неблагопріятной погодѣ?

Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Л: В. Чернаева (на стр. 14-й), что для прекращенія чумы и вообще повальныхъ болѣзней рогатаго скота, въ восточныхъ и юго-восточныхъ нашихъ губерніяхъ, надо прибѣгнуть къ травосѣянію.

Возможно-ли травосѣяніе въ сухомъ климатѣ этихъ губерній безъ искусственнаго орошенія, которое, безъ всякаго сомнѣнія, потребуетъ значительныхъ расходовъ? Возможно-ли, при настоящемъ безденежьи и неустановленіи земскаго кредита, дѣлать эти расходы?

Вмѣсто мѣръ, невыполнимыхъ въ настоящее время, не лучше-ли принять тѣ, которыя удобнѣе выполнить и которыя будутъ дешевле стоить? Мѣры эти состоятъ: 1) Въ лучшемъ ознакомленіи съ мѣстностями, въ которыхъ зарождаются заразительныя болѣзни скота, и съ способомъ содержанія его, особенно зимой и весной; 2) въ образованіи народа, и 3) въ окуркѣ шкуръ убиваемыхъ животныхъ на мѣстѣ ихъ убоя, а равно и шкуръ палаго скота. Разсмотримъ эти мѣры.

Если-бы каждый годъ въ февралѣ или мартѣ мѣсяцахъ посылать въ юго-восточныя губерніи нѣсколько человѣкъ опытныхъ ветеринаровъ и съ каждымъ изъ нихъ по одному агроному, или хотя человѣку хорошо знающему сельское хозяйство, а также по чиновнику мѣстной полиціи, для облегченія возможности осмотра въ этихъ губерніяхъ скота и хозяйства и устраненія остановокъ въ разъѣздахъ, то объѣзжая тѣ губерніи, дѣлая наблюденія надъ развивающимися съ весны у домашняго скота болѣзнями, они могли-бы на мѣстѣ изслѣдовать причины зарожденія и развитія заразительныхъ болѣзней, объяснять это мѣстнымъ жителямъ и указывать имъ средства къ предотвращенію этихъ болѣзней. И такъ какъ заранѣе можно сказать, что главная причина развитія заразительныхъ болѣзней происходитъ отъ дурного ухода за скотомъ, отъ содержанія его, по цѣлымъ недѣлямъ, по колѣна въ грязи, то сельскіе хозяева, посылаемые съ ветеринарами, должны указывать средства лучшаго ухода и обращенія со скотомъ. По возвращеніи-же вышеупомянутыхъ лицъ съ ихъ поѣздокъ

Digitized by Google

имъ слѣдуетъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и наблюденіяхъ, съ тѣмъ, чтобы отчеты эти не только печатались въ газетахъ, но и извлеченія изъ нихъ помѣщались въ книгахъ, назначенныхъ для народнаго чтенія; и такія книги разсылать въ тѣ мѣста, гдѣ произведенъ былъ осмотръ, чтобы хоть сколько-нибудь ознакомить жителей тѣхъ мѣстъ съ свойствами заразительныхъ болѣзней скота, съ причинами ихъ зарожденія и развитія, съ средствами предотвращать ихъ зарожденіе и развитіе, и со способами подавать первоначальную помощь заболѣвающему скоту. Безъ этой подготовки понятій народа, принимаемыя нынѣ мѣры къ прекращенію распространенія заразительныхъ болѣзней останутся недѣйствительными, что продолжительный опытъ и показалъ.

Еще указомъ отъ 27-го іюля 1730 года, по случаю появленія заразы на скотѣ въ Московской губерніи, предписаны были тѣ-же строгія карантинныя мѣры, тоже запрещеніе не сдирать съ падшей скотины шкуры и зарывать павшій скотъ въ землю, какія и потомъ повторялись втеченіи слишкомъ 130 лѣтъ. Но быстрое распространеніе заразы въ нынѣшнемъ году, отъ которой пало болѣе 100,000 скота и померло много людей, ясно показываетъ, какъ дѣйствительны эти мѣры безъ образованія народа.

Извѣстно, что заразительныя болѣзни у людей прежде появлялись и распространялись гораздо чаще; Нижній-Египетъ и Константинополь были прежде постоянными гнѣздами чумы; но когда туда проникло образованіе, когда тамъ начали принимать санитарныя мѣры противъ этой болѣзни, то чума появляется тамъ уже гораздо рѣже прежняго.

И такъ образованіе народа есть коренное и главное средство къ прекращенію у насъ распространенія заразительныхъ болѣзней. Чтобы съ обученіемъ грамотѣ развивать въ народѣ здравыя понятія о веденіи домашняго хозяйства, надо въ букваряхъ, назначенныхъ для сельскаго населенія, послѣ складовъ, молитвъ, правилъ сбереженія здоровья людей, излагать правила какъ вести домашнее хозяйство, какъ ходить за скотомъ, какъ предохранять его отъ болѣзней заразительныхъ и незаразительныхъ, какъ подавать заболѣвающему скоту первую помощь и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо озаботиться объ увеличеніи числа ветеринаровъ на юго-востокѣ Россіи. Я выше говорилъ, что остатки отъ сборовъ съ киргизовъ Внутренней Орды бываютъ очень значительны, поэтому не было-бы обременительнымъ для этой Орды, если-бы около 20-ти грамотныхъ и способныхъ киргизскихъ мальчиковъ посылать въ Харьковское Ветеринарное училище для обученія ихъ ветеринар-

Digitized by Google

ному искусству. Я полагаю, что тоже не будетъ затрудненія и въ казачьихъ земель, башкирскихъ, калмыцкихъ, а также въ числе крестьянъ юго-восточныхъ губерній, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ палаты государственныхъ имуществъ, посылать въ Харьковское-же Ветеринарное училище потребное число мальчиковъ для обученія ихъ ветеринарному искусству.

При надлежащемъ умственномъ и нравственномъ развитіи народа ему гораздо легче будетъ вникнуть, что для собственной-же пользы, при малѣйшемъ появленіи заразы, необходимо особыя принимать всѣ нужныя мѣры къ прекращенію заразы и недопущенію ея распространяться далѣе; для чего слѣдуетъ своевременно больной скотъ отдѣлять отъ здороваго, и шкуры съ павшаго, и даже убитаго скота, окуривать, дабы чрезъ перевозку ихъ въ другое мѣсто зараза не могла передаваться. Приказанія зарѣзывать и зарывать такія шкуры мало исполняются; крестьянинъ, у котораго пала скотина, думаетъ хоть отчасти вознаградить себя продажею шкуры павшей скотины и старается скрытно ободрать шкуру и продать ее; и не подозрѣвая даже, по своему невѣжеству, какое зло онъ причиняетъ своимъ ближнимъ, обществу и государству. Между тѣмъ изъ описаннаго мною въ № 6-мъ «Журнала Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства», за 1850 годъ, въ статьѣ моей о чумопрививаніи, видно, что окурка шкуръ совершенно уничтожаетъ дѣйствіе заразы, вездѣ удобна можетъ быть произведена и обходится недорого. Окурка шкуры съ крупной скотины обойдется всего 1 коп., а мелкой отъ $1/4$ до $1/2$ коп. сер., если разомъ окуривать нѣсколько шкуръ.

Долговременный опытъ уже показалъ намъ, что самыя дѣятельныя полицейскія мѣры къ прекращенію заразы, безъ сознанія въ пользѣ ихъ самого народа, бываютъ недѣйствительны и только кажутся народу напрасными стѣсненіями. Поэтому еще повторяю, что образованіе народа есть самое вѣрное средство къ прекращенію заразительныхъ болѣзней скота; а съ образованіемъ уменьшится и пьянство, улучшится нравственность и увеличится благосостояніе народа, а тогда явятся и охота, и возможность, и средства къ устройству искусственнаго орошенія, что и дастъ возможность ввести травосѣяніе на юго-востокѣ Россіи въ большихъ размѣрахъ.

М. Иванинъ.

Digitized by Google

УМА ПОМРАЧЕНІЕ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ СТАРОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЖИЗНИ

Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ парадные губернскіе вечера и обѣды, особенно съ дамами. Безъ дамъ они, по крайней мѣрѣ, оканчиваются чудовищными попойками, а иногда, въ иныхъ мѣстахъ, даже чуть не побоищами; а съ дамами—начинаются скукой, продолжаются скукой и оканчиваются скукой.

Такой именно вечеръ, или точнѣе — балъ, устроилъ у себя въ святки губернскій тузъ—господинъ Позняковъ, имѣя въ виду скорые выборы и желая быть предводителемъ дворянства.

Господинъ Позняковъ считался мѣстнымъ аристократомъ перваго сорта, хотя по происхожденію, по родословной своей, былъ не богъ знаетъ какой аристократъ. Еще дѣдушка его звался просто-на-просто Вавило Яковлевъ и управлялъ имѣніемъ многодушнаго помѣщика. И многодушный помѣщикъ не церемонился со своимъ управляющимъ, хотя Вавило роду былъ дворянскаго.

— Ты воруй, воруй, — говаривалъ онъ, — да умѣй концы хоронить... Попадешься — на конюшнѣ выдеру!..

Вавило и воровалъ и старательно концы хоронилъ, потому что твердо зналъ, какъ крѣпко и нерушимо обѣщаніе многодушнаго помѣщика.

Вотъ отецъ господина Познякова, — сынъ управляющаго, — такъ ужь барономъ смотрѣлъ; унаслѣдовавъ нажитое Вавиломъ Яковлевымъ добро, онъ усадьбу выстроилъ на славу; домъ у него былъ — не домъ, а замокъ, съ башнями, съ погребами, съ домовой церковью. Этотъ баринъ въ особенности тѣмъ прославился, что жену свою, когда она надоѣла ему, лѣтъ десять держалъ за

Digitized by Google

желѣзными рѣшотками чуть не въ подземельи, не обращая вниманія на угрозы ея родни; а когда эта мученица умерла — хоронилъ ее по царски; самъ шолъ за гробомъ босикомъ и послѣ похоронъ три дня изъ своей комнаты не выходилъ; за-то на четвертый вышелъ какъ ни въ чемъ не бывало, — только надъ могилой жены воздвигъ великолѣпнѣйшій и безвкуснѣйшій мавзолей. Такая слава, согласитесь, ужь признакъ извѣстнаго рода панства. Благодаря этой славѣ, родъ Позняковыхъ могъ сказать, что у него есть прошедшее, есть фамильныя преданія. Жилъ въ новопостроенной усадьбѣ наслѣдникъ управляющаго Вавилы не то какъ истый баринъ, не то — какъ мужикъ: съ крестьянами обращался безъ милосердія, и любилъ пировать на крестьянскихъ вечёркахъ, любилъ попѣть и поплясать, голосъ имѣлъ зычный, трешакà отдиралъ во всю ивановскую; театровъ придворныхъ не заводилъ, а имѣлъ хоръ пѣсенниковъ и славъ былъ запѣвало; баловъ и всякой иностранщины терпѣть не могъ, а сосѣдей приглашалъ на пирушки въ русскомъ вкусѣ; въ святки устроивалъ «чудесы», на масляной катанье на тройкахъ, лѣтомъ хороводы. У этого господина любовь къ народности иногда такъ смѣшивалась съ грубѣйшимъ презрѣніемъ, что и разобрать нельзя. Однимъ она прощалась ему немного: самъ онъ былъ изъ народа и еще очень близокъ къ нему. Умеръ онъ въ то время, когда у себя въ комнатѣ сидѣлъ, — пуля свистнула въ окно и расшибла черепъ.

Въ то время нашему господину Позднякову, единственному наслѣднику своего отца, было восемнадцать лѣтъ. Образованія онъ получилъ домашнее, не слишкомъ мудреное: но пѣлъ народныя пѣсни и плясалъ по русски на славу; онъ походилъ на отца, но вышелъ мягче его, и мужики противъ барщины жалобы не питали. Напротивъ, къ сыну пришли съ хлѣбомъ-солью, какъ къ желанному властелину покорные и преданные рабы. Но новый властелинъ, напуганный смертью отца, поспѣшилъ выбраться изъ деревни и поступилъ на службу въ гвардію. Женившись, онъ вышелъ въ отставку капитаномъ, долго жилъ въ Петербургѣ и наконецъ поселился въ губернскомъ городѣ съ семействомъ. Губернская жизнь понравилась и ему и госпожѣ Позняковой, потому что тутъ они видныя роли играли.

Супруга господина Позднякова была настоящая Питерячка, такъ сказать, питерская питерячка, которая изъ Питера не выѣз-

Digitized by Google

жала до той самой поры, пока не достигла заката дней и не прониклась желаніемъ роль играть на губернской аренѣ. Въ родительскомъ домѣ она привыкла жить съ комфортомъ, — хоть-бы и на фу-фу, да съ шикомъ; русскихъ и все русское терпѣть не могла: это, дескать, — все мужицкое. Не анекдотъ, что у нея бѣло два разныя сужденія объ одной и той-же вещи, смотря по тому, какою назовутъ эту вещь — русскою или заграничною. У нея въ домѣ все было заграничное, если вѣрить ея словамъ. Конечно кромѣ мужа, который, благодаря ея энергіи, успѣлъ обратиться только въ поддѣлку подъ заграничнаго человѣка. Подобныя поддѣлки хотѣлось ей устроить и изъ дѣтей, да все какъ-то не выходило: дочь Катя все о деревнѣ бредила, а сынишко Ваня со всѣмъ русакомъ смотрѣлъ. Здоровенный, коренастый, съ разудалыми ухватками, Ваня надрывалъ сердце чадолюбивой матери, которая любила его и сокрушалась.

Мы уже сказали, что въ губернскомъ городѣ господа Позняковы были не послѣднія спицы въ колесницѣ. Господинъ Позняковъ выстроилъ свой домъ — пространный и роскошный, съ залами, будуарами, билліардными и пр. и пр. На конюшнѣ у него стояло достаточное количество лошадей; экипажи были заграничные; камердинеръ не уступалъ любому губернскому франту ни манерами, ни костюмомъ, а поваръ могъ «изъ старыхъ перчатокъ» такія котлетки приготовлять, какихъ губернскіе старожилы не ѣдали. Словомъ — все было по-барски у господина Позняков, но ужь не такъ по-барски, какъ было у отца, а на другой, не менѣе барскій манеръ.

Изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ господа Позняковы особенно ухаживали за важнымъ бариномъ Засѣкинымъ, котораго прочили въ женихи Катѣ. Этотъ джентльменъ явился въ губернскій городъ чуть-ли не прямо изъ Парижа, даже о Петербургѣ свысока говорилъ, — ну, и считался звѣздой первой величины. Въ обществѣ онъ появлялся рѣдко — только съ визитами, на балахъ и собраніяхъ совсѣмъ не бывалъ. За-то казался еще важнѣе. Когда онъ проходилъ по городскому бульвару подъ руку со своей маменькой, на него смотрѣли какъ на чудо: — Засѣкинъ идетъ! Засѣкинъ идетъ!.. — А онъ проходитъ себѣ спокойно, солидно. На долю Позняковыхъ выпало бо́льшее число визитовъ сего гранда. Катя не долюбливала Засѣкина: и аристократизмъ-то его ей не нравился, и другая причина была. Надо разсказать.

Digitized by Google

Проживалъ въ городѣ по зимамъ помѣщикъ Лаптевъ, разудалая голова, на котораго всѣ чопорныя барыни рукой махнули. Въ гостиныхъ на него очень косо смотрѣли. Съ Катей Лаптевъ познакомился случайно. Господинъ Позняковъ лѣсъ продавалъ, а Лаптевъ купить вздумалъ. Разъ пріѣхалъ — не засталъ, два пріѣхалъ — не засталъ, на третій — говоритъ: «подожду» — и въ залъ. А Катя на роялѣ играла. Отрекомендовался и цѣль визита сообщилъ.

— Мѣстечко, говоритъ, давно меня прельщало; лѣсъ — соснякъ первый сортъ, и токъ тутъ тетеревиный, и бѣлка водится, и рыжики растутъ... Вы бывали-ли въ деревнѣ-то у себя, барышня?

— Нѣтъ, мы постоянно въ городѣ.

— Охъ, вы помѣщики! да что лѣтомъ въ городѣ дѣлать, пыль глотать развѣ... Ну, старики ваши, положимъ, привыкли. А вы-то, барышня? Разъ-бы заглянуть вамъ въ деревню, вольно-то, безъ всякихъ этикетовъ городскихъ пожить, — небось не потянуло-бы въ городъ. Ну, зима еще. А чуть майскимъ теплецомъ запахнетъ, городъ-отъ и противѣлъ-бы... Право такъ.

— Любите-же вы деревню...

— Нельзя не любить. И вы-бы полюбили. Я ужь вижу, что вы барышня-то хорошая, не ломакушамъ здѣшнимъ чета. И лице у васъ — вонъ какое хорошее, русское. Одѣлъ-бы васъ въ русскій сарафанъ, да поставилъ-бы въ хороводъ — всѣхъ-бы съ ума посвелъ. Вѣдь, скучно вамъ, — признайтесь?

— Иногда бываетъ скучно.

— Еще-бы! и частенько, я думаю! День деньской ходите изъ угла въ уголъ, дѣлать-то нечего, любить-то некого, по душѣ-то поговорить не съ кѣмъ... Знаете, барышня, — вотъ о чемъ я васъ спрошу: почему это барыни и барышни все изнываютъ, а бабы да дѣвки живутъ себѣ — не тоскуютъ?.. Отъ того, сударыня барышня, что ваша жизнь — не жизнь, а этикеты... Васъ по этикетамъ и за мужъ-то выдадутъ. По душѣ вамъ дѣлать ничего нельзя, и пожить по душѣ не удастся. Коли вы хорошая барышня, такъ изноете совсѣмъ, а плохонькая — такъ свыкнитесь и не захотите даже настоящей-то жизни... А, кажись, что вы барышня-то хорошая...

Катя засмѣялась и ласково посмотрѣла на Лаптева: ей, дѣйствительно, было скучно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ этикеты

Digitized by Google

въ домѣ господъ Позняковыхъ усилились ради Засѣкина. Увидѣвшись съ Лаптевымъ въ другой разъ, она сама заговорила на ту-же тему и мало по малу сблизилась съ нимъ. Когда Лаптевъ сдѣлалъ ей предложеніе: «знаете что, милая барышня, женимтесь-ка мы, да уѣдемте въ деревню», — Катя сказала: «отлично! сватайтесь! поѣзжайте къ отцу!» Но отецъ сказалъ: «я подумаю», а потомъ, посовѣтовавшись съ женой: «она еще молода, я не думаю торопить ее замужествомъ»... Катѣ было сказано: «глупо, сударыня, съ кѣмъ это ты знакомишься; конечно, онъ человѣкъ небѣдный, но имѣя въ виду Засѣкина, такую блестящую партію, о какомъ нибудь Лаптевѣ и думать не стоитъ»....

— Да онъ мнѣ нравится...

— Фи! Мужикъ эдакій развѣ можетъ серьозно нравиться. Ты сравни съ Засѣкинымъ, — это небо и земля!

Такъ дѣло и остановилось. А Лаптевъ ударилъ кулакомъ о столъ и сказалъ: «нѣтъ, почтенные родители, — хрѣну не хотите-ли?.. Мы у Засѣкина эту птичку отобьемъ! Не унывайте, барышня, коли любите хоть чуточку, — авось уладится; Засѣкинъ оглобли поворотитъ, а мы тутъ какъ снѣгъ на голову!» Катя и не унывала: она вѣрила, что Лаптевъ поставитъ на своемъ, а съ своей стороны надѣялась отдѣлаться отъ Засѣкина. Она очень скоро научилась передразнивать этого джентльмена, особенно его разсказы о Швейцарской природѣ и Парижскихъ салонахъ...

— Швейцарія! заводитъ господинъ Засѣкинъ: природа...

— Знаю, знаю, перебиваетъ Катя: горы, такъ горы!.. идешь — все выше, выше, выше; потомъ — все ниже, ниже, ниже...

Госпожа Позднякова хмурится и отвлекаетъ вниманіе гостя, разсказы котораго отличались именно подобною живописью.

А Катя уйдетъ и не показывается, письмо къ Лаптеву пишетъ. Переписку они завели акуратную, хотя въ этой перепискѣ ничего не заключалось «любовнаго». Посредницей въ этомъ дѣлѣ была горничная Кати, красивая и ловкая дѣвушка: господа Позняковы любили, чтобы у нихъ дворня была красивая, и выписали изъ деревни самыхъ лучшихъ дѣвушекъ, а Аннушка вышла изъ лучшихъ — лучшая, потому что Катя очень заботилась о ней. Извѣстно, что въ губернскомъ городѣ тайна не существуетъ. Госпожѣ Позняковой скоро въ уши надули; «что это, ма-

Digitized by Google

тушка, ваша Анютка то и дѣло къ Лаптеву бѣгаетъ, — молодая дѣвка, — хорошее-ли дѣло; вѣрно дѣлать-то нечего, такъ и балуется...» Госпожа Познякова приняла все то къ свѣдѣнію и, не говоря ни слова Катѣ, продала Анютку. Катя узнала — и въ слезы. Но это не помогло, да и поздно было. Къ счастію, она успѣла увѣдомить Лаптева, и тому удалось выкупить Аннушку. «Ой, ужь этотъ безпутный Лаптевъ! — рѣшила публика: любовницу себѣ купилъ!..»

— Вотъ твой Лаптевъ, говоритъ Катѣ госпожа Познякова: къ тебѣ сватается, а горничную твою къ себѣ въ любовницы беретъ... Хорошъ!..

Катя помалчиваетъ.

На балъ, которымъ начали мы разсказъ, собралась вся губернская аристократія. Изъ не-аристократовъ были приглашены только нѣкоторые молодые люди, извѣстные по своему искусству танцовать.

— Надо позвать двухъ-трехъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ, нечего дѣлать! — рѣшила госпожа Познякова: дѣвицами хоть прудъ пруди, и каждой танцовать хочется, а кавалеровъ—одинъ, другой — обчолся... У кого тутъ изъ офицеровъ ноги-то хорошія, — надо справиться...

И были приглашены ноги гарнизонныхъ офицеровъ, которыя несказанно обрадовались приглашенію.

— Завтра я на балъ къ Позняковымъ! съ важностью сообщаетъ приглашенный другому офицеру, котораго на счотъ танцевъ «не умудрилъ Господь»: балъ будетъ съ шикомъ!

— Неумудреный переполняется завистью и проникается великимъ уваженіемъ къ приглашенному на балъ: «какой у насъ Торбановъ-то! Позняковы на балъ пригласили!» разсказываетъ онъ знакомымъ. И кредитъ Торбанова поднимается.

Съѣздъ былъ большой, и толпы народа, любопытствующаго баломъ, бродили около дома, подходили къ окнамъ, забирались на балконъ. Господа Позняковы все устроили со вкусомъ и полнымъ знаніемъ дѣла. Костюмы дамъ были роскошны; фраки, по достоинству матеріала и работы, попадались всякіе; но перчатки у всѣхъ отличались безъукоризненной бѣлизной, также какъ и тѣ части бѣлья, которыя наружу выставляются.

Катя, цвѣтущая, здоровенькая, по мнѣнію многихъ, могла

Digitized by Google

назваться царицей бала; но по мнѣнію другихъ, это названіе должно было принадлежать М-me Квашниковой, блѣдной, голубоокой барынѣ съ томнымъ взглядомъ.

— Совершенная вакханка! говорилъ одинъ джентльменъ другому, любуясь Катей.

— Да. Но, согласитесь, эта красота раздражаетъ, такъ сказать, матеріальную сторону человѣка и ничего не даетъ душѣ! Совсѣмъ не то М-me Квашникова!

— Что-жъ М-me Квашникова? она что даетъ душѣ?

— О, очень много! въ ея красотѣ есть что-то неземное, такъ сказать, отвлекающее душу отъ матеріи, возвышающее и приближающее...

— Вы сейчасъ и за философію!... То-ли дѣло Катенька! изъ нея будетъ славная барыня...

Старцы въ карты играли, и разговоры ихъ ограничивались весьма незамысловатыми рѣчами: «Купилъ! — Пасъ!... Вистъ!» или: «шесть картинъ! — Пять и пятнадцать! — Четырнадцать дамъ! — Хороши. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать», и т. д. Иногда эти рѣчи разнообразились такими: «изъ Петербурга мнѣ пишутъ, что скоро будетъ перемѣна формы по нашему министерству... — Давно пора. — А слышали: Андрей Петровичъ получилъ корону на Анну! — Неужели? — Да. — Счастливо служить. — Очень, каждый годъ по наградѣ.... Семь червей!..»

Нѣчто подобное происходило въ гостиной, гдѣ засѣдали почтенныя дамы, пасававшія отъ танцевъ; тѣ изъ нихъ, которыя по чему-либо не занялись картами, безпрестанно ползли въ танцовальную залу, вызывая остроты бойкихъ кавалеровъ, касательно неумѣстности этого выползновенія. Въ двѣнадцатомъ часу залъ этотъ кишѣлъ молодыми дамами и дѣвицами, которыя щебетали — какъ птички, жужжали — какъ пчелы, порхали — какъ бабочки. Кавалеры льнули къ нимъ какъ пухъ. Иной господинъ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга, разсказываетъ о диковинкахъ столицы:

— Итальянцы, просто, съ ума сводятъ!.. Петербургская опера теперь считается первая въ Европѣ. Это чудо что такое! Фіоретти — это пѣвица... пѣвица удивительная!

— Хороша она собой?

— Нѣтъ... но не въ томъ дѣло... Голосъ, голосъ! манера пѣть!... выше похвалъ! Вамъ необходимо ее послушать!

Digitized by Google

— Почему-же мнѣ необходимо?

— Какъ-же! вы сама музыкантша и пѣвица! Почему вы не принимаете участія въ концертахъ?..

— Я пою и играю для себя...

— Какой эгоизмъ!

— Вы находите?...

— Конечно. Зарывать въ землю талантъ — это непростительно... это — варварство... Вы не хотите, чтобы другіе наслаждались вашимъ искусствомъ.

— Я думаю, что мое искусство не можетъ никому доставить удовольствія....

— Полноте! Вы очень хорошо знаете, что для многихъ ваша музыка...

— Туръ польки!...

Раздались звуки польки. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, любезный кавалеръ опять садится рядомъ съ той-же дамой и продолжаетъ разговоръ:

— Такъ вы думаете, что ваше пѣніе не трогаетъ ни чьего сердца?...

— Я не читаю въ чужихъ сердцахъ.

— Это очень жаль для тѣхъ....

— На туръ польки? — прерываетъ подлетѣвшій воинъ и увлекаетъ даму, оставляя ея кавалера въ одиночествѣ. Кавалеръ встаетъ и беретъ подъ руку другого:

— Какъ мила и какъ умна эта Marie!

— Ты ужь напѣлъ ей, я думаю!.. А что, не пройтись-ли намъ по хересамъ?

— Пожалуй...

Юный мѣстный франтъ рѣшительно не знаетъ, о чемъ-бы поговорить съ дѣвицами; между тѣмъ онъ обладаетъ смазливенькой рожицей, и дѣвицы, безпрестанно обращаясь къ нему съ вызывающими взорами и рѣчами, совсѣмъ воспалили юношу:

— Александръ Павлычъ, что вы невеселы? — Александръ Павлычъ, о чемъ вы задумались? и т. д.

— Такъ-съ, отвѣчаетъ онъ, или: — нѣтъ, я ничего... почему такъ долго кадрили не играютъ?

— А вамъ танцовать хочется?

— Да. А вы любите танцовать?

— Очень! впрочемъ не со всякимъ.

Digitized by Google

— Почему-же?

— Такъ... и дѣвица лукаво улыбается, а юный франтъ проситъ ее на кадриль, чѣмъ разговоръ и оканчивается; дѣвицы шепчутъ: «душка!»

Господинъ въ очкахъ заводитъ рѣчь о литературѣ:

— Читали вы «На походѣ?»

— Да, читала. Это Тургенева?

— Нѣтъ, Марченко. Не правда-ли, романъ очень хорошъ?

— Прелесть!..

— А «Наканунѣ» читали?

— Читала.

— Какая славная эта Елена!

— Да. Она мнѣ очень нравится. Шубинъ тоже...

— Ну, Шубинъ что-же, тутъ есть получше: Инсаровъ...

— Инсаровъ... Онъ такой сердитый!.. Что вы теперь читаете?

— Я читаю Островскаго.

— Какой романъ?

— Драмы...

— Это скучно... Читали вы «Скользкій путь»?.. и такъ далѣе, разговоръ тянется въ этомъ родѣ до взаимной зѣвоты.

Господинъ съ бородой началъ было свысока:

— Знаете, я смотрю на балы, какъ на единственный случай для сближенія молодыхъ людей съ дѣвицами: тутъ они высказываются, знакомятся; тутъ раждается любовь, тутъ она развивается... не такъ-ли? Тутъ не танцы важны, а именно сближеніе... Вы согласны съ этимъ?

— Да, конечно. — Давно вы видѣли Авдотью Карповну?..

Такъ разговоръ съ высокой матеріи и переходитъ въ обыденный тонъ.

Вотъ злословитъ губернскій острякъ:

— Посмотрите, какъ Журавлевъ-то работаетъ: съ усердіемъ, я вамъ скажу, вытанцовываетъ, точно за сохой идетъ... Старательный молодой человѣкъ!.. А m-lle Брызгалова въ прискочку, да въ прискочку... Восхитительный пасажъ, я вамъ доложу!..

— Какой вы злой насмѣшникъ!.. я не желала-бы попасть къ вамъ на зубокъ!..

Digitized by Google

— Развѣ это насмѣшки (острякъ въ полномъ удовольствіи)... Я не смѣюсь, а изображаю; не моя вина, если изображеніе смѣшное выходитъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ прапорщики упрѣли, — волотеры не такъ старательно изъ за денегъ работали, какъ они даромъ, изъ чести. Вѣдь это умиленія достойно, я вамъ доложу!..

— Что-жъ? они доставляютъ удовольствіе и себѣ, и другимъ. Тутъ нѣтъ ничего смѣшного...

— Конечно. Притомъ-же имъ не въ диковинку ногами работать. Теперь работаютъ — полку отплясываютъ, завтра будутъ опять ногами работать — по плацу маршировать, или на караулѣ стоять... Любопытенъ также товарищъ предсѣдателя: такіе вензеля ногами выписываетъ, словно протоколъ палаты подписываетъ...

Дѣвица-собесѣдница зѣваетъ. Обиженный острякъ еще безцеремоннѣе зѣваетъ, желая показать дѣвицѣ, что ему тоже не весело.

— Какъ глупы, какъ тупы наши дѣвы! говоритъ онъ, подходя къ молодымъ людямъ: тоска непроходимая!.. Онъ зѣваетъ еще безцеремоннѣе и уже искренно.

Молодые люди не совсѣмъ согласны на словахъ, но на дѣлѣ — тоже позевываютъ, прикрывая ротъ рукою: извѣстно, что зѣвать въ обществѣ вообще, а въ дамскомъ — въ особенности — неприлично.

Чѣмъ дальше тянулся балъ, тѣмъ болѣе истощались разговорные матеріалы. Даже влюбленные стали прятаться другъ отъ друга, чувствуя, что говорить будетъ не о чемъ, а молчать съ предметомъ любви—значитъ компрометировать свою любовь. Да еще зѣвнешь пожалуй нечаянно. А позевыванье одолѣвало. Перезрѣлая дѣвица съ жиденькими локонами зѣвнула три раза. Ея примѣру послѣдовала невольно ея сестра — пухленькая и весноватая особа. Зѣвнулъ и кавалеръ весноватой дѣвицы, господинъ съ преглупой рожей, завитой какъ баранъ, чорный какъ почищенное голенище. Зараза пошла по сосѣдямъ, вызывая самое искреннее и аппетитное зѣванье въ дамахъ и кавалерахъ. Зѣвание обошло залу, перешло и въ гостиную — къ маменькамъ, тетенькамъ и бабушкамъ. Маменьки, тетушки и бабушки, словно въ запуски, такъ усердно принялись поддерживать дочекъ, что иныя чуть скулъ не своротили. Общая зараза перешла и въ другія

Digitized by Google

комнаты: все зазѣвало, кромѣ развѣ однихъ страстныхъ картежниковъ. Даже сама госпожа Познякова зѣвнула и поспѣшила распорядиться, чтобы музыканты кадриль играли.

Вотъ Ваня Познякова — такъ не зѣвалъ: тихонько отъ почтенныхъ родителей, онъ пробрался въ людскую, гдѣ собралась прислуга, незанятая баломъ и неинтересующаяся имъ; сошлись сосѣднія горничныя, явился скрипачъ, — словомъ: образовалась вечеринка; появились ряженые, раздались пѣсни, бойкіе разговоры, хохотъ, даже поцалуи.

Балъ изнемогалъ отъ общаго истощенія и общей скуки. Госпожа Познякова не знала что и предпринять; съ досады она напала на гарнизонныхъ, приглашонныхъ «ногами работать», зачѣмъ они мало пляшутъ; а они, сердешные, такъ уметались, что «бѣлье-то хоть выжми».

Вдругъ вбѣгаетъ Ваня—и прямо къ мамашѣ, которая только что наладила вялую кадриль.

— Гдѣ ты пропадаешь, сорви-голова? — строго спрашивала она сына; хоть-бы причесался, — видишь, растрепѐ какой!

— Мамаша, маски пріѣхали, хорошія, въ каретахъ, знакомые, — прикажите принять!

— Какія глупости! прилично-ли это!

— Да, вѣдь, знакомые, мамаша, — они нарочно для нашего вечера нарядились!

— Нельзя, нельзя, — папаша не велѣлъ пускать масокъ, и кончено.

— Нѣтъ, мамочка,—я спрашивалъ у папаши, онъ говоритъ: проси мамашу, по мнѣ, пожалуй, пускайте. — Прикажите мамашенька...

Госпожа Познякова призадумалась, потомъ пригласила господина Познякова и двухъ-трехъ тузистыхъ барынь, спрашивая ихъ совѣта, прилично-ли на балъ допустить масокъ, не будетъ-ли это въ дурномъ тонѣ?

— Отъ чего-же не допустить, другъ мой, если знакомые... Я помню, въ Петербургѣ, у князя Плевакина на балѣ явились маски, — конечно, знакомые.

— Право, я ужь и не знаю...

— Прикажите принять, — пусть барышни посмотрятъ...

— Прими, другъ мой...

— Примите, мамашенька...

Digitized by Google

— Можетъ быть Засѣкины...

Рѣшили — принять масокъ.

Тянулась вялая, монотонная кадриль...

Вдругъ изъ пріемной раздается стройное и звонкое пѣніе:

«Какъ по морю, какъ по морю,
«Какъ по морю, морю синему,
«Плыла лебедь, плыла лебедь,
«Плыла лебедь, плыла бѣлая..»

— Дорогу, почтенные! разступись! наши гуляютъ!...

Выходитъ загулявшій «наёмщикъ» въ красной рубахѣ, въ поддевкѣ, штофъ за пазухой, гармоника въ рукахъ; за «наёмщикомъ» гурьба, — тутъ и старики, и молодцы, и красныя дѣвушки...

Кадриль смѣшалась, разступилась, музыканты перестали играть.

Выступила гурьба посерёдъ залы. — Хороводъ. — Своихъ дѣвицъ не достало, — бальныхъ пригласили: иныя гримасой отвѣтили — «съ масками, дескать, не танцуемъ», иныя покочевряжились, да пошли.

Одна лебедушка посерёдъ хоровода плаваетъ, руками разводитъ...

«Плыла лебедь, плывши лебедь,
«Плывши лебедь, не шелохнется...
«Подъ ней вода, подъ ней вода,
«Подъ ней вода не колыхнется...

Вотъ лебедушка передернула плечами, встрепенулась посреди хоровода...

«Плывши лебедь, плывши лебедь,
«Плывши лебедь, встрепенулася;
«Подъ ней вода, подъ ней вода,
«Подъ ней вода всколыхнулася...»

И полилась пѣсня, и полилась пѣсня. Тутъ явился и младъ сизой соколъ, и пѣсня изъ медленнаго перешла на быстрый, развеселый темпъ, становилась все живѣе, все забористѣе.

Старики повыскакали изъ-за картъ, — ну подтягивать, барышни оживились — и досадно было тѣмъ, которыя не пошли въ хороводъ.

Игра кончилась поцалуями, отъ которыхъ не увернулись и бальныя барышни...

Черезъ часъ маски совсѣмъ овладѣли баломъ и придали ему

Digitized by Google

свой характеръ. Само собой разумѣется, что всѣ онѣ были узнаны. Коноводомъ оказался Лаптевъ, что̀ весьма смутило госпожу Позднякову, — но смущаться было уже поздно: всѣ гости были на сторонѣ масокъ, между которыми встрѣтились многія приглашонныя на балъ и весьма почтенныя личности. Госпожа Позднякова махнула рукой и сама на-время забыла свою аристократическую суровость, увлекаясь общимъ весельемъ.

Не могли узнать только одной дѣвицы, которая заправляла хороводомъ, затягивала пѣсни и въ играхъ была первымъ лицомъ. Полная, высокая, голосистая, она соловьемъ разливалась, лебедушкой плавала и приковала общее вниманіе; но она, видимо, избѣгала разговоровъ, на вопросы отвѣчала или кивкомъ, или покачиваніемъ головы: ясно, что имѣла сильное желаніе остаться неузнанною, что ей и удалось къ общему прискорбію. Мужчины бѣгали за ней толпами: — Маска, ты меня знаешь? — Маска, давно-ли ты здѣсь, гдѣ остановилась? — Какіе у тебя глазки!.. Какой голосъ — въ душу льется! — Дай мнѣ руку, маска; поговоримъ, вѣдь я тебя знаю!

Окружонная со всѣхъ сторонъ, она съ трудомъ отдѣлывалась отъ этого приступа, переходя изъ одного конца залы въ другой. Вдругъ она остановилась и развела руками:

«Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди,
Что на всѣ-ли на четыре на сторонки.»

Толпа отхлынула во всѣ стороны, и пѣвица выступила впередъ со всей величавой граціей русской красавицы...

«Ужь вы дайте мнѣ, младенькѣ, погуляти.»

Не вытерпѣлъ господинъ Позняковъ, — каждая жилка, каждая косточка заговорила, и онъ выступилъ на встрѣчу пѣвицѣ... Восторгъ овладѣлъ публикой, самыя суровыя лица освѣтились одобрительной улыбкой....

Когда та-же неизвѣстная пѣвица запѣла: «Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои!» и выступила впередъ и, при словахъ «выпускала сокола изъ правого рукава», выкинула бѣлый платокъ, который вылетѣлъ вверхъ, словно и въ самомъ дѣлѣ соколъ вылетѣлъ, — уже не было ни одного человѣка, который не принималъ-бы участія въ игрѣ — хоть-бы подергиваніемъ плечъ.

Digitized by Google

Куда подѣвались толки объ оперѣ, остроты на счотъ гарнизонныхъ и проч. и проч. Молодые люди пришли въ самый полный разгаръ, пожимали руками и цаловались, какъ предписывала пѣсня. Любовь сказывалась безъ обиняковъ. Забылись всѣ тѣ приличія и тонкія соображенія, которыя ставили преграды естественному влеченію людей другъ къ другу. Въ этотъ вечеръ много тутъ было распутано, много разныхъ вервій порвано, много напрасной робости преодолѣно, много напрасной борьбы прекращено...

И въ концѣ концовъ — этотъ вечеръ устроилъ на январскій мясоѣдъ небывалое число свадебъ.

Но что было на другой день?

На другой день господа Позняковы очень сердились.... на кого? на что?.....

— Что это сдѣлалось со мной, понять не могу!.. говорила госпожа Познякова: какъ я вытерпѣла это?... И ты-то, и ты-то, сударь, до чего дошолъ...

— Я ужь самъ не понимаю какъ это случилось. Ума помраченіе какое-то...

— Этотъ Лаптевъ — ужь отпѣтый, отъ него больше и ждать нечего... Ну, а насъ-то какъ угораздило?....

— Не понимаю...

— Ну, ужь на другой разъ — клятву даю — никогда ни одной маски не впускать въ домъ... Вообразилось, что Засѣкины... Могло-ли это быть?... Родные въ Петербургѣ узнаютъ, да это срамъ!.. Скажутъ: кабакъ у васъ въ домѣ...

— Да и въ городѣ заговорятъ...

— Конечно! Та-же предводительша кланяться, пожалуй, перестанетъ. Да еще что — по всему городу начнетъ плести: это они нарочно, дескать, подвели, посмѣяться хотѣли.... Чего ужь, скажутъ, — самъ хозяинъ въ плясъ пустился...

Господинъ Позняковъ чуть не рвалъ на себѣ волосы...

— Со всѣмъ городомъ перессорятъ... Срамъ, срамъ!

Когда негодованіе поутихло, господинъ Позняковъ крякнулъ и вопросилъ: «кто это плясунья? — бой-барыня!»

— Очень хороша! иронически отозвалась госпожа Познякова: орётъ во всю глотку, да ногами сѣмянитъ... Охъ вы, мущины, — сейчасъ и растаяли!...

— Нѣтъ, я такъ... изъ любопытства...

Digitized by Google

Догадки и предположенія госпожи Позняковой оправдались: хотя до Петербурга извѣстіе о неприличномъ балѣ не дошло, но въ городѣ языки работали.

Всѣ дивились «ума помраченію», старались оправдать себя и винили, конечно, почтеннѣйшихъ господъ Позняковыхъ.

— Это просто скандалъ на всю губернію!

— Позоръ! Еще въ предводители такой господинъ захотѣлъ! — Какой онъ предводитель, трепака ему плясать!..

— Пригласить весь городъ, лучшее общество, дамъ, дѣвицъ, — и учинить такой скандалъ!

— Что-бы они ни толковали, а это дѣло подготовленное, подстроенное... Это ужь вѣрно!..

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Общество вознегодовало и отступилось отъ господъ Позняковыхъ А главное: отъ нихъ отступился г-нъ Засѣкинъ.... Получивъ извѣстіе о скандалёзномъ балѣ, онъ строго осудилъ хозяевъ: «это... это... это — мужичество... ихъ гостиная для меня не существуетъ...»

Словомъ — все разбилось, и предводительство стало для господина Познякова казаться весьма сомнительнымъ... Супруга его все еще надѣялась поправить дѣло и придумывала планъ поправленія, какъ вдругъ ужасная вѣсть поразила ее смертельнымъ ударомъ: оказалось, что восхитительная маска съ чуднымъ голосомъ была не иная кто, какъ Аннушка, бывшая горничная Кати, и съ ней-то плясалъ самъ господинъ Позняковъ!....

Предоставляемъ читателю самому вообразить усилившееся негодованіе публики: оно не имѣло предѣловъ и не знало пощады, — въ появленіи Аннушки заподозрили что-то преднамѣренное и даже поговаривали о какихъ-то особенныхъ отношеніяхъ къ ней господина Познякова, при чемъ госпожу Познякову или сожалѣли, или «дурой» называли, — кому что Богъ на душу положитъ.

— А чортъ съ ними! сказалъ обиженный господинъ Позняковъ, махнувъ рукой.

— Именно! отозвалась озлобленная госпожа Познякова: что они важничаютъ-то? видали мы получше ихъ!...

— Уѣдемъ въ деревню, да и заживемъ... Состарѣлись, пора и на покой. Хозяйствомъ займемся...

— Да. Нынче-же время такое — волю крестьянамъ дать

Digitized by Google

хотятъ. По прежнему жить нельзя.... Дѣтямъ развѣ скучно будетъ, — Ванѣ, положимъ, учиться надо, а Катя...

— Мнѣ ничего, мамаша, — мнѣ очень хочется въ деревню...

— Это, видно, Лаптевъ тебя разъохотилъ?

Госпожа Познякова улыбалась, грозя Катѣ пальцемъ, а Катя покраснѣла..... Вдругъ колокольчикъ. Кто?.... Лаптевъ!....

Лаптевъ повторяетъ свое предложеніе.....

На этотъ разъ господа Позняковы не препятствуютъ Катѣ слѣдовать влеченію своего сердца.

— Дѣти, будьте счастливы! говорятъ родители.

А дѣти ничего не говорятъ: они знаютъ, что будутъ счастливы....

Ваня Позняковъ скачетъ отъ удовольствія что въ деревню поѣдетъ.

Н. ФЕДОРОВИЧЪ.

Digitized by Google

МУЗЫКА, МУЗЫКАЛЬНАЯ НАУКА, МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

II

ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ МУЗЫКИ ВОКАЛЬНОЙ И МУЗЫКИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ

Устанавливая точку зрѣнія на предметъ нашъ, мы видѣли, (*) что собственно говоря, существеннаго различія между музыкою *вокальною* и музыкою *инструментальною* и нѣтъ, и быть не можетъ, — разница только въ орудіяхъ музыкальнаго языка, въ органахъ, — сущность же языка, т. е. *самая музыка* одна и та же, что для голоса человѣческаго (музыкальнаго органа природнаго), что для музыкальныхъ орудій, инструментовъ (органовъ искусственныхъ), сдѣланныхъ руками человѣческими въ пособіе и въ подражаніе образцовому, совершеннѣйшему органу—голосу.

Такимъ образомъ и самое раздѣленіе всей области музыки на два главные отдѣла: музыку *вокальную* и музыку *инструментальную* важно не по существу дѣла, а только для легчайшаго «обозрѣнія» матеріаловъ фактическихъ. Въ историческомъ ходѣ,—какъ мы сейчасъ увидимъ, — тоже обѣ области постоянно смѣшивались, развивались одновременно, вліяли одна на другую, — и независимость одной изъ этихъ областей отъ другой есть только миѳъ, придуманный нѣмецкими музыкальными филистерами.

Чтобы освоиться съ предметомъ поближе, перечислимъ всѣ роды музыки, встрѣчаемой въ наше время въ общежитіи, т. е. въ церкви, въ театрѣ, въ гостиныхъ, въ бальныхъ залахъ, въ концертахъ

(*) Эпоха. Іюнь 1864 года.

Digitized by Google

большихъ и маленькихъ, въ военной музыкѣ, — въ домашнемъ пѣніи, въ пѣсняхъ и пляскахъ простолюдиновъ.

Подведя все это подъ категоріи, отыскавъ въ нихъ роды и виды, найдемъ, что вся эта разнохарактерная масса можетъ быть сгруппирована подъ немногія рубрики, и въ этихъ разныхъ отдѣлахъ встрѣтятся еще многіе типы, общіе нѣсколькимъ отдѣламъ вмѣстѣ.

Въ церкви бываетъ: 1) пѣніе голосовъ *безъ* сопровожденія его другими музыкальными орудіями, т. е. чисто-вокальная музыка (въ нашемъ грекороссійскомъ исповѣданіи и въ остаткахъ стариннаго пѣнія латинской церкви); 2) пѣніе съ участіемъ (аккомпаниментомъ) органа или оркестра, или и того и другого вмѣстѣ (въ церквахъ исповѣданій: римско-католическаго, лютеранскаго и реформатскаго), т. е. вокальная музыка вмѣстѣ съ инструментальною, и чисто-инструментальная — въ прелюдіяхъ и концертахъ для орга̀на.

Въ театрѣ, на сценѣ, — этомъ *отраженіи* жизни во всѣхъ ея фазисахъ, — встрѣчается музыка почти всѣхъ возможныхъ родовъ, отъ плясовыхъ пѣсенъ до религіозныхъ гимновъ, иногда заимствуемыхъ прямо изъ церкви, даже съ аккомпаниментомъ церковнаго орга̀на. Здѣсь, значитъ, царство музыки вокальной *вмѣстѣ* съ инструментальною, во всѣхъ безчисленныхъ видахъ ихъ сочетаній. Широкое поле и для чисто-инструментальной музыки въ симфоническихъ прелюдіяхъ (увертюрахъ и антрактахъ), также въ *нѣмыхъ* сценахъ (напримѣръ мимическія сцены «Фенеллы»,—сцена волчьей долины во «Фрейшюцѣ», сцена вьюги въ «Жизни за Царя») и наконецъ въ балетахъ сплошныхъ или эпизодомъ (въ операхъ). Чисто-вокальная музыка встрѣчается также на театрѣ, но довольно рѣдко,—какъ отголосокъ или народной пѣсни, или церковно-ритуальнаго пѣнія и въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ музыки оперной.

Въ концертахъ или заимствуются отрывки изъ музыки церковной и изъ музыки театральной, или исполняются (за невозможностью исполнять въ церквахъ) цѣлыя большія пьесы религіозной музыки, мессы и ораторіи. Или же исполняются произведенія нарочно написанныя для концертовъ: въ области вокально-инструментальной—религіозныя и нерелигіозныя кантаты, концертныя аріи (?) и сцены (?); въ области чисто-инструментальной—симфоніи и симфоническія фантазіи, также концерты и концертныя соло для разныхъ инструментовъ.

Въ гостиныхъ, т. е. въ домашнихъ концертахъ на маленькую ногу, царство, съ одной стороны, — камерной музыки инструментальной (т. е. квартеты, тріо, сонаты и т. д.), съ другой — царство

Digitized by Google

піанизма, т. е. игры на фортепіано и пѣнія подъ аккомпаниментъ фортепіано. Игра на отдѣльныхъ инструментахъ смычковыхъ или духовыхъ, игра на арфѣ или на гитарѣ и пѣніе съ сопровожденіемъ этихъ инструментовъ, — исключенія изъ общаго правила музицировать *на* фортепіано и *у* фортепіано.

Танцовальная музыка, т. е. плясовая, въ наше время не ограничивается бальными залами и балетными оркестрами, но повторяется въ садовыхъ концертахъ (съ привтеченіемъ въ ихъ программы и серьозныхъ отрывковъ изъ музыки симфонической и оперной) и имѣетъ сильнѣйшее (все еще мало замѣчаемое) вліяніе на *всю* музыку нашего времени вообще, не исключая и церковной (особенно у латинцевъ), доставляетъ также вседневное продовольствіе домашнему музицированію и полковымъ оркестрамъ (которыхъ по настоящему истинное назначеніе: марши всѣхъ сортовъ и фанфары трубъ).

Для низшихъ слоевъ общества, кромѣ наплыва, отголосками болѣе или менѣе искаженными, отрывковъ изъ музыки театральной и романсной, главнымъ достояніемъ, — въ наше время къ сожалѣнію начинающимъ тонуть въ хламѣ вульгарной музыки, народу чуждой, — остаются драгоцѣнныя произведенія *народной почвы*, простонародныя пѣсни, *протяжныя*, обыкновенно безъ подыгрыванья на музыкальномъ инструментѣ; и *плясовыя*, обыкновенно съ подыгрыванъемъ.

Истинно-народныя пѣсни своею характерностью, богатствомъ и свободою своихъ типическихъ мотивовъ составляли всегда и составляютъ драгоцѣннѣйшій родникъ для композиторовъ-художниковъ. Въ этомъ именно смыслѣ и нашъ великій Глинка говаривалъ: «создаетъ мелодію — народъ, а мы только арранжируемъ.»

И дѣйствительно, прагматическая исторія музыки должна себѣ поставить одною изъ главныхъ задачъ раскрывать яснѣе и яснѣе, какимъ образомъ важнѣйшая часть *всей существующей* музыки сложилась, скристаллизировалась изъ народныхъ пѣсенъ, этихъ *монадъ* музыкальныхъ, послужившихъ зародышами для развитія всѣхъ дальнѣйшихъ организмовъ, до самыхъ сложныхъ симфоній и оперъ. Къ этому убѣжденію мы вернемся еще не разъ.

Перечисленіе *всѣхъ* родовъ музыки, до сихъ поръ существующихъ въ употребленіи, дозволило намъ *оглядѣть всю* область нашего предмета.

Всѣ роды вокальной и инструментальной музыки имѣли взаимное вліяніе другъ на друга въ историческомъ своемъ развитіи. Исторія

Digitized by Google

одного рода, одной категоріи музыкальныхъ произведеній не будетъ совершенно уяснена, если ее взять отдѣльно, особнякомъ, но для методичности изслѣдованія необходимо сдѣлать это нѣсколько искусственное, воображаемое разграниченіе. Такъ поступаетъ наука и въ тысячѣ другихъ случаевъ, — при изложеніи исторіи напримѣръ отдѣльнаго царства или народа, почти *безъ связи* съ другими, хотя *на дѣлѣ* этого никогда не могло быть; или въ анатоміи, при разсмотрѣніи напримѣръ системы мышцъ отдѣльно отъ системы венъ и артерій, системы кровообращенія отдѣльно отъ системы нервовъ и т. д., тогда какъ въ организмѣ тѣла человѣческаго *все* это находится въ неразрывной связи и взаимодѣйствіи.

Такимъ образомъ, для удобности изложенія можно сначала оставить совсѣмъ въ сторонѣ развитіе сложныхъ формъ музыки *вокальной въ связи съ инструментальною*, или всей области *вокально-инструментальной* (месса, кантата, ораторія, опера),—это будетъ предметомъ IV-й статьи и дальнѣйшихъ. А здѣсь разсмотримъ историческій ходъ двухъ другихъ категорій, а именно: 1) музыки *чисто-вокальной*, т. е. безъ аккомпанимента вовсе, и 2)—музыки *инструментальной*, безъ участія пѣнія голосовъ человѣческихъ, и слѣдовательно безъ словъ, безъ текста.

Въ музыкѣ *чисто-вокальной* двѣ струи: 1) народная пѣсня (протяжная),—музыка растительная, почвенная, такъ и застывшая въ зародышѣ и 2) церковный гимнъ, пѣсня духовная, многоголосная, развитая искусственно, учено, до формъ весьма сложныхъ. Вліяніе протяжнаго, единичнаго пѣнія въ простонародныхъ пѣсняхъ на образованіе *мелодіи* во *всѣхъ* искусственныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ безъ сомнѣнія было чрезвычайно важно, но кромѣ этой «общей фразы» почти ничего и не остается прибавить въ настоящемъ случаѣ. Прослѣдить вліяніе *пѣсенъ* на мелодическія формы музыкальныхъ сочиненій будетъ, повторяю, одною изъ главныхъ задачъ прагматической исторіи музыки, исторіи, обильной разумѣется *нотными примѣрами* на всѣ замѣчательные случаи. Безъ нотныхъ примѣровъ говорить о такого рода подробностяхъ невозможно. Притомъ должно сознаться, что подобныя изысканія были бы дѣломъ совершенно новымъ и, на первый разъ не болѣе, какъ опытомъ.

Совсѣмъ иная вещь—историческое развитіе музыки *чисто-вокальной* въ церкви. Очеркъ этого развитія будетъ очеркомъ важнѣйшей части исторіи музыки *вообще*, очеркомъ главнѣйшихъ кабинетныхъ работъ, подготовившихъ въ теченіе вѣковъ развитіе музыкальныхъ

Digitized by Google

организмовъ вплоть до нашихъ временъ. Или, другими словами, исторія вокально-церковной музыки есть исторія *гармоніи* и *контрапункта*, въ главнѣйшей ея долѣ.

Вся европейская музыка, какъ развитое искусство, есть дочь христіанской вѣры. Духовныя пѣсни, частію перешедшія наслѣдіемъ отъ евреевъ, частію вновь сочиненныя для богослуженія, составляли значительную долю христіанскихъ обрядовъ еще въ первый вѣкъ христіанства, когда послѣдователи евангельскаго ученія должны были среди язычества, царившаго надъ міромъ, скрываться въ подземельяхъ. Какіе именно были напѣвы христіанскихъ гимновъ въ первые вѣка нашей эры, исторически опредѣлить невозможно. Но по всѣмъ вѣроятіямъ многое изъ нихъ перешло наслѣдіемъ и въ послѣдующіе вѣка, преимущественно еще *до раздѣленія* церкви на западную и восточную. На востокѣ, именно въ малой Азіи и въ Византіи, древніе напѣвы долгое время оставались безъ искусственной разработки; потому очень вѣроятно, что византійская духовная музыка въ церквахъ и монастыряхъ, цѣликомъ перешедшая и къ намъ въ Россію, непремѣнно ближе къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанской музыки, нежели духовная музыка на западѣ, пережившая бездну видоизмѣненій. Одно уже то обстоятельство, что на востокѣ Европы, напримѣръ у насъ въ Россіи, складъ народныхъ пѣсенъ, со стороны ихъ *гармонизаціи*, почти тожественъ съ гармоническимъ складомъ древнѣйшихъ церковныхъ напѣвовъ нашихъ и западныхъ, доказываетъ и тѣснѣйшую связь древней церковной музыки съ народомъ на востокѣ, и самую древность нашихъ народныхъ напѣвовъ, во многомъ общихъ быть можетъ еще съ древне-эллинскими,—тогда какъ на западѣ музыка мірская шла своей отдѣльной струей, развивалась самостоятельно, чуждалась церковнаго пѣнія и впослѣдствіи сама имѣла пагубное вліяніе на измѣненіе церковной музыки у латинцевъ. Вопросъ о *григоріанскихъ* тонахъ (Kirchentonarten) въ музыкальной наукѣ на западѣ излагается въ видѣ прибавленія къ правиламъ общепринятой *гармоніи*, въ видѣ курьозности исторической, и притомъ излагается крайне сбивчиво, неточно и неполно. Все это именно потому, что на западѣ музыка въ ея искусственномъ развитіи ушла очень далеко въ сторону отъ первообразовъ музыки древней, — тогда какъ у насъ вся своеобразность *русской*, *славянской* гармонизаціи, какъ уже на половину *восточной*, покоится на гармонизаціи древне-греческой, сохранившейся у латинцевъ только въ формахъ сухого ритуальнаго пѣнія, называемаго *григоріанскимъ* (отъ имени папы Григорія Великаго

Digitized by Google

590—604), называемаго также у французовъ «le plain-chant» (cantus planus) и именно по условной сухости играющаго роль «буки» для музыкантовъ. Этотъ «антагонизмъ» отразился въ самомъ языкѣ французовъ. «Ça n'est plus de la *musique*, c'est du plainchant» говорятъ они, когда хотятъ выбранить композитора за скучную, монотонную музыку. А между тѣмъ для современной гармонизаціи, измельченной до нельзя рутинными, ремесленными пріемами и изнѣженными лириками съ конца XVIII вѣка (къ этому мы еще вернемся), излеченіе отъ недуга, спасительное *освѣженіе* возможно единственно чрезъ сближеніе гармоническихъ формъ *современныхъ* съ тональнымъ складомъ такъ называемаго грегоріанскаго пѣнія (Kirchentonarten). (*)

Толкуя постоянно о сближеніи, о связи между *древними* тональностями и современною музыкою, я прошу читателей никакъ не забывать, что это сближеніе—возможное и необходимое — никакъ не устраняетъ другаго *основнаго* понятія, именно того, что *музыка* какъ *искусство*, въ томъ смыслѣ какъ мы теперь ее понимаемъ, есть искусство *новое*, *юнѣйшее* изъ всѣхъ. Что̀ древніе народы называли «музыкой»—не было еще музыкою въ нашемъ смыслѣ, точно такъ-же какъ и въ наше время у многихъ восточныхъ народовъ есть пѣсни, есть пляски подъ звуки музыкальныхъ орудій, есть поэтическая декламація въ родѣ речитатива, но *музыки* въ смыслѣ *развитаго искусства*—нѣтъ. Отрывочные музыкальные зародыши еще не музыка. Тогда какъ у христіанскихъ народовъ, начиная со среднихъ вѣковъ, начало выработываться музыкальное *искусство*, болѣе и болѣе сложное, оплодотворяемое постояннымъ кабинетнымъ изученіемъ этого дѣла, изъ чего наряду съ искусствомъ съорганизовалась (хотя еще весьма несовершенно) и музыкальная наука. Музыка, какъ мы *теперь* ее понимаемъ, стала таковою не больше какъ *три столѣтія* назадъ (времена реформаціи), слѣдовательно вполнѣ принадлежитъ *новѣйшей* исторіи человѣчества. Средніе вѣка, съ безчисленными работами на музыкальномъ поприщѣ, были только *подготовленіемъ поля* для нашей музыки, вполнѣ органически сложившейся и осмысленной только въ самыя позднѣйшія времена (съ конца прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ); съ первыхъ вѣковъ христіанства до XVI

(*) Замѣчательно, что именно одинъ французъ, Joseph d'Ortigue, писалъ объ этомъ предметѣ много очень дѣльнаго. Его книга такъ и называется: «La musique à l'église». Онъ тамъ очень горячо отстаиваетъ важность и красоту грегоріанскаго пѣнія и ропщетъ на упадокъ религіозной музыки во Франціи.

Digitized by Google

столѣтія, т. е. полторы тысячи лѣтъ было употреблено совокупными усиліями нѣсколькихъ тысячъ музыкально-даровитыхъ головъ на приготовленіе грунта, почвы, на которой могли вырости сѣмена истинной музыкальной художественности. Надо было *вспахать* это обширное поле гармоніи и оно было мало-по-малу вспахано трудолюбіемъ спеціалистовъ, которые работали какъ истинные *волы*. Само собою разумѣется, что всѣ они воображали себя музыкантами-художниками, тогда какъ для этого имъ очень многаго не доставало. Поэзія музыкальнаго звука, поэтически-музыкальное чутье было чуждо въ теченіе долгихъ вѣковъ этого рода музыкальнымъ труженикамъ; они рефлективно и часто до-крайности тупо и безвкусно работали надъ техникою гармоническихъ комбинацій; подбирали одинъ звукъ къ другому или къ нѣсколькимъ другимъ, ставили ноту противъ ноты, *точку противъ точки* (punctum contra punctum) и—мало-по-малу — образовали, со свойственнымъ тому времени схоластизмомъ, цѣлую *систему* музыкальныхъ сочетаній, *науку контрапункта*, изъ которой сами собою вышли и уяснились законы *гармоніи*, *многоголосія вообще*, одного изъ сильнѣйшихъ рычаговъ современной намъ музыки. Другіе элементы нашей музыки: организація *мелодіи*, мелодической фразы, пульсъ музыкальной жизни — *ритмъ*, въ то время работами контрапунктистовъ и затрогиваемы еще не были. Живой, многообразный ритмъ трепеталъ въ тогдашней *растительной* музыкѣ, въ пѣсняхъ средневѣковыхъ простолюдиновъ, въ сладко-любовномъ пѣніи трубадуровъ и миннезингеровъ, неразлучно съ поэзіею «слова», но до *науки* музыкальной это еще вовсе не касалось. Наука разработывалась въ монашескихъ кельяхъ подъ вліяніемъ аскетизма, который на всѣ мірскіе звуки взиралъ какъ на бѣсовщину, какъ на дьявольское наважденіе, а на произведенія народной музыки какъ на потѣху, на забаву, недостойную серьознаго человѣка. И между тѣмъ, по странной «ироніи жизни» (захватывающей конечно и искусство въ его органическомъ процессѣ развитія), средневѣковые монахи, аскетически настроенные къ серьознѣйшимъ трудамъ по гармоніи, принуждены были въ довольно скоромъ времени для своихъ работъ — хотя съ одной внѣшней стороны — позаимствоваться изъ сокровищницы простолюдной музыки. Дѣло было въ томъ, что разработывая гармоническую область, средневѣковые труженики совершенно упустили изъ вниманія мелодію и ритмъ. Но для контрапунктной разработки церковныхъ гимновъ въ мессахъ и литаніяхъ, контрапунктистамъ скоро понадобились ряды звуковъ, нѣчто въ родѣ фразъ и музыкальныхъ предложеній, кромѣ

Digitized by Google

тѣхъ, которые составляли *ритусъ* церковный (какъ въ нашей церкви *гласы*). Нужны были *темы* для контрапункта хоть чѣмъ-нибудь посвѣжѣе вѣчныхъ грегоріанскихъ напѣвовъ. Изобрѣсти такія темы контрапунктисты были не въ состояніи, и оттого прибѣгли.... къ *народнымъ пѣснямъ*, заимствуя изъ нихъ *напѣвъ*, т. е. въ видѣ абстрактнаго послѣдованія нотъ, безъ малѣйшаго отношенія къ характеру пѣсни и смыслу словъ (по большей части эротическому и часто непристойному). Изъ этой неловкости пріема людей тупыхъ и нисколько не развитыхъ эстетически, вышли кое-какіе полезные результаты для контрапунктныхъ сочетаній, но вмѣстѣ и самое безмысленное оскверненіе духовной музыки. Труженикамъ и въ недомёкъ былъ скандалъ ими учиняемый во всей области ихъ произведеній; они съ совершенно спокойною совѣстью называли мессы своей работы по словамъ пѣсенъ, откуда заимствовали темы для контрапункта,—messe de l'homme armé, messe: «Baisons-nous, ma mie» и т. д. (какъ бы у насъ напримѣръ: напѣвъ на «Хожу я по улицѣ», или на «Шла дѣвушка за водой», или на «Камаринскую»). Въ цѣломъ дремучемъ лѣсу скучнѣйшихъ, отвлеченнѣйшихъ комбинацій контрапункта (иногда въ 10 и даже въ 16 партіяхъ разомъ) трудно было слушателямъ услѣдить за темой изъ пѣсни—особенно если взять въ соображеніе полное отсутствіе ритмическаго элемента въ тогдашней ученой музыкѣ. Но «заглавіемъ» мессъ контрапунктисты сами выдавали себя ко всеобщему скандалу въ посѣтителяхъ богослуженія. Дѣло дошло до того, что и «князи церкви латинской», кардиналы, наконецъ и самые папы обратили вниманіе на жестокую профанацію религіознаго искусства.

Истинно благочестивыхъ людей тогдашняя музыка могла только раздражать. Среди безконечнаго громожденія одного голоса надъ другимъ, въ сплетеніяхъ схоластическаго контрапункта, самые *напѣвы* гимновъ терялись, тонули въ этомъ морѣ звуковъ; въ добавокъ къ этому, тамъ, гдѣ можно было разслышать мотивъ контрапункта, звучали (хотя почти въ неузнаваемомъ видѣ) напѣвы изъ пѣсенъ непристойнаго содержанія. Всему этому надо было положить конецъ.

На Тріентскомъ соборѣ (1562) было постановлено произвести въ церковной музыкѣ радикальное преобразованіе. Духовенство, ревнуя только о чистотѣ и удобопонятности духовныхъ гимновъ, въ постановленіяхъ этой реформы не обращало уже вниманія на художественную сторону музыки,—на сколько эта сторона въ то время все-таки существовала. Положено было: запретить въ церкви всякое пѣніе, кромѣ простыхъ ритуальныхъ напѣвовъ въ грегоріанскихъ тонахъ (*гласы*,

Digitized by Google

plainchant); одинъ художникъ явился спасителемъ искусства отъ плачевнаго возврата къ первобытнымъ зачаткамъ, безъ всякой возможности дальнѣйшаго развитія и прогресса. Этотъ художникъ пользовался уже большою извѣстностью въ Римѣ; кардиналы, любовавшіеся его произведеніями, отстояли судьбу музыки на столько, что окончательное рѣшеніе вопроса «быть или не быть» искусственному пѣнію въ церкви — поставлено было въ зависимость отъ заказной обѣдни, которую долженъ былъ написать этотъ знаменитый композиторъ, съ соблюденіемъ всѣхъ условій ясности, понятности словъ и звуковъ и полнаго соотвѣтствія высшему значенію религіозной музыки. Заказная месса, исполненная 19 іюня 1565 (въ текущемъ году ей минетъ ровно *трехсотъ* лѣтъ) заслужила всеобщее одобреніе, восхитивъ слушателей изящностью, глубокою религіозностью и простотой звуковъ. Музыка была спасена. Великій художникъ, призванный къ этому подвигу, былъ Джованни Перлуиджи *Палестрина* (послѣднее имя отъ имени мѣсторожденія,—одного городка въ папскихъ владѣніяхъ); онъ жилъ отъ 1524 по 1594. Здѣсь не предлагается читателямъ исторія музыки, начиненная бездною фактовъ и собственныхъ именъ, а только *очеркъ* историческаго развитія музыки, по главнымъ пунктамъ, сообразно избранной точкѣ зрѣнія. Но именно на такомъ основаніи первое собственное имя *художника* должно остановить на себѣ вниманіе читателей. До Палестрины, какъ уже было сказано, всѣ работы композиторовъ (особенно много ихъ было между *нидерландцами* въ теченіе двухъ, трехъ столѣтій съ XIII вѣка) были только подготовкою *почвы*. Палестрина—*первый разцвѣтъ* истинной музыкальности. Понятно, что ни одинъ художникъ не слетаетъ готовымъ съ неба... Рафаэль въ первый свой періодъ—рабскій подражатель учителю своему Перуджино, а Перуджино ничѣмъ не отличался отъ современныхъ ему мастеровъ. Такъ во всѣхъ искусствахъ. Явленіе Палестрины было подготовлено вѣками; значитъ во время, ближайшее къ Палестринѣ, были уже художники весьма замѣчательные, весьма близкіе въ Палестринѣ по стилю, *общему* тогда всѣмъ ученымъ композиторамъ (Изъ такихъ ближайшихъ къ Палестринѣ по своему значенію назовемъ Окенгейма, Виллаерта, учителя Палестрины Гудимеля и величайшаго изъ нидерландскихъ контрапунктистовъ—Орланда Лассо,—1520—1595,—этотъ былъ, какъ видимъ, уже современникъ и ровесникъ великаго римскаго художника). Каждый художникъ — сынъ своего вѣка. Прикладывать къ Палестринѣ мѣрку сужденія о музыкальныхъ произведеніяхъ, добытую изъ музыки *нашего* современной, т. е.

Digitized by Google

тремя столѣтіями позднѣйшей, было-бы великою нелѣпостью. Повторяю, что въ XVI вѣкѣ *ритмо* музыкальный въ ученыхъ композиціяхъ былъ почти еще незатронутъ; — terra incognita онъ и для самого Палестрины. Въ его музыкѣ *нѣтъ* отдѣльныхъ мелодическихъ фразъ, предложеній, періодовъ въ нашемъ смыслѣ, что не мѣшаетъ конечно очень-стройному и даже ритмическому теченію *цѣлаго*. Но на сколько сама *гармонія*, почти отрѣшонная отъ мелодико-ритмическаго элемента, можетъ дойти до высшей точки, на столько она *дошла* въ безсмертныхъ сочетаніяхъ и аккордныхъ сплетеніяхъ многоголосія—въ музыкѣ Палестрины. Не забудьте, что всѣ его произведенія писаны *только для голосовъ*. Но *вокальная* музыка есть—*хоровая* по преимуществу. Хоровая и потому еще, что *нѣтъ* отдѣльныхъ голосовъ, *соло*, — единичная мелодія въ то время еще не существовала. Объ аккомпаниментѣ органомъ или оркестромъ, или отдѣльными инструментами тутъ, натурально, и помину нѣтъ. Красота этого рода *строгой*, истинно-*религіозной* музыки ни съ чѣмъ несравнима. Позднѣйшая церковная музыка на западѣ, испорченная тлетворнымъ вліяніемъ музыки оперной (въ томъ числѣ и музыка, напримѣръ, моцартова—въ Реквіемѣ) при сравненіи съ Палестриною должна казаться мелковатою и недостаточно-религіозною (*). Русскимъ любителямъ церковнаго пѣнія, воспитавшимъ себя на Бортнянскомъ,—этомъ слабомъ отголоскѣ итальянцевъ моцартовскаго времени,—особенно полезно было бы просвѣтить свой вкусъ слушаніемъ чистыхъ красотъ палестриновской музыки. Тутъ цѣлые міры надземныхъ ощущеній,—въ другихъ областяхъ музыки невѣдомыхъ и недосягаемыхъ. Кромѣ многочисленныхъ (и еще на половину не напечатанныхъ) мессъ и мотетовъ, Палестрина написалъ двухорное «Stabat mater», передъ которымъ всѣ позднѣйшія сочиненія на эту задачу—только профанаціи высоко-патетическаго сюжета. Но,—повторяю,—кто будетъ подходить къ этой музыкѣ съ требованіями «современными», возросшими въ театрахъ и въ концертныхъ залахъ, тотъ немного найдетъ себѣ утѣшенія. Въ музыкѣ палестриновскаго періода идея «музыки» еще не отдѣлялась

(*) Однимъ изъ самыхъ жаркихъ, фанатическихъ поклонниковъ старо-итальянскаго, палестриновскаго стиля былъ нѣмецкій юристъ «Thibaut»—написавшій замѣчательную книгу «о чистотѣ музыки» (Ueber Reinheit der Tonkunst)—замѣчательную особенно по времени своего появленія (1826). Именно тогда всѣ меломаны, даже самые просвѣщонные, вредили только или Моцартомъ или Веберомъ или Россини; были значитъ, какъ увидимъ, антиподами стилю палестрины.

Digitized by Google

отъ идеи «хора», «совокупности голосовъ». Музыкальная выразительность, экспрессія въ нашемъ смыслѣ тогда еще не существовала. Но въ предѣлахъ *хоровой* гармоніи эта музыка выше всего существующаго въ такомъ родѣ, и самая «безстрастность» этихъ звуковъ отнюдь не холодность, а какое-то высокое состояніе души, согрѣтой и просвѣтленной истинной религіозностью.

Исполненіемъ этихъ музыкальныхъ чудесъ можно еще и въ наше время насладиться — въ Римѣ, въ сикстинской капеллѣ. Всякій образованный музыкантъ нашего времени долженъ въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Мендельсона, т. е. не пропустить случая узнать эти чудеса въ ихъ *исконномъ* видѣ, въ церкви, въ связи съ богослуженіемъ и въ исполненіи хоромъ, *спеціально* для палестриновской музыки подготовленнымъ (Понятіе о такого рода исполненіи у насъ въ Петербургѣ можетъ дать хоръ подъ руководствомъ Г. Я. *Ломакина*, въ концертахъ въ пользу безплатной школы). Нѣмцы, въ томъ числѣ и «Dom-chor», знаменитое въ своемъ родѣ вокальное учрежденіе, не очень-то долюбливаютъ Палестрину и плохо вѣрятъ въ возможность освѣженія современной намъ гармоніи пріемами древнихъ церковныхъ тональностей, въ которыхъ *исключительно* движется стиль Палестрины. Между тѣмъ — наперекоръ погрязшимъ въ своей рутинѣ германцамъ — оно точно такъ; т. е. «освѣженіе» это и возможно, и необходимо, и непремѣнно мало-по-малу совершится; задатковъ уже слишкомъ много. Не пройдутъ-же они даромъ.

Палестрина, какъ сказано, — разцвѣтъ гармонически-хоровой музыки, образовавшейся въ школѣ нидерландскихъ контрапунктистовъ, работавшихъ для церкви (разумѣется, западной, латинской; восточная, греческая оставалась безъ вліянія на искусственную разработку музыки). Послѣ Палестрины, еще на одно столѣтіе впередъ, исторія вокальной церковной музыки представляетъ нѣсколько высоко-даровитыхъ художниковъ (Наниии, Витторіа, Аверіо, Аллегри — прославившагося своимъ «Miserere», — Бан, Баневоли, Бернабеи, главу венеціанской школы Джованни Габріэли), но ни одинъ изъ нихъ уже не подъ пару Палестринѣ. Въ нихъ «вершина» этой чисто-вокальной, хоровой музыки. За ними склонъ къ упадку, бо́льшая и бо́льшая лишняя искусственность (напримѣръ хоры въ 12, 16, 24, 48 партій) — удаленіе, значитъ, отъ простоты и отъ главной цѣли. Еще позже — при большемъ и большемъ процвѣтаніи неаполитанской школы (Кальдара, Дурante, Лотти) церковно-вокальная музыка на западѣ измельчалась и

Digitized by Google

подпала подъ вліяніе концертной виртуозности и «оперной» музыки,— о чемъ будемъ бесѣдовать въ своемъ мѣстѣ.

Вся остальная музыка «вокальная» требуетъ подмоги музыкальныхъ орудій, кромѣ голоса, требуетъ аккомпаньямента; сливается съ нимъ и съ его развитіемъ, слѣдовательно относится уже къ музыкѣ *вокально-инструментальной, смѣшанной*.

Теперь-же намъ предлежитъ окинуть взглядомъ à vol d'oiseau совсѣмъ другую область музыки, именно *чисто — инструментальную*, и въ ней дойти до разныхъ эпохъ развитія и до вершинъ стиля.

Надо начать очень издалека, чтобъ уяснить себѣ идею *инструментальной* музыки, независимой отъ человѣческаго голоса.

Въ первыхъ зачаткахъ народной музыки на востокѣ и на западѣ, у народовъ грубыхъ, дикихъ, и у народовъ уже цивилизованныхъ, происходитъ одно и то же явленіе, т. е. нераздѣльность пѣнія, собственно-*музыкальнаго* элемента съ произношеніемъ словъ, съ поэзіей. И въ наше время простолюдинъ въ своихъ понятіяхъ о *пѣснѣ* не отдѣляетъ ея музыки отъ текста, напѣва отъ слова, отъ поэтическаго смысла и всего складу и ритма словеснаго. Способность, а впослѣдствіи довольно-выработанное «искусство» звуками музыкальнаго инструмента (гудка, балалайки, волынки, пастушьяго рожка) повторять напѣвъ пѣсни—служитъ въ первообразныхъ занятіяхъ музыкою только для *припоминанія* звуковъ голоса въ пѣснѣ со словами или *для поддержки* самаго пѣнія.

Первые шаги къ нѣкоторой самостоятельности инструментальная музыка дѣлаетъ въ области звуковъ и напѣвовъ рѣзко-ритмическихъ, *плясовыхъ*. Поэзія слова, поэзія звука музыкальнаго и поэзія пляски, т. е. тѣлодвиженій вообще (мимики), въ сущности — *слитны*, слитно и являются въ народной музыкѣ, растительной (Ton-Licht und Tanzkunst, въ своемъ первообразномъ *слитіи*, напримѣръ въ эллинскомъ искусствѣ, заставили Рихарда Вагнера выстроить по этому поводу цѣлую теорію слитія *всѣхъ* искусствъ въ музыкальной *драмѣ*—еще отдаленной отъ насъ будущности. Эта именно теорія развита въ его книгѣ «Kunstwerk der Zukunft», которой заглавіе такъ злобно перевесено на всю дѣятельность великаго художника-мыслителя и столько повредило ему въ глазахъ людей маломыслящихъ). И такъ—вотъ мы нашли уже источникомъ *инструментальной* музыки одну струю, весьма важную въ историческомъ ходѣ искусства: музыку *плясовыхъ* пѣсенъ, отдѣленную отъ собственно пѣнія, отъ самыхъ пѣсенъ. Естественно, что въ народной, растительной музыкѣ этотъ

Digitized by Google

ритмическій, *плясовой* элементъ всегда—отъ самыхъ первобытныхъ грубыхъ зачатковъ, до сложнѣйшей цивилизаціи — игралъ большую роль.

Сюда же должно причислить *ритурнели* инструментальные, или какъ въ нашемъ народѣ они назывались въ старину, *наигрыши*,— прелюдіи и постлюдіи, т. е. звуки инструментальные приготовительные передъ пѣсней, или напоминаніе послѣ нея, или между ея куплетами. Это употреблялось у всѣхъ народовъ, во всякихъ пѣсняхъ, какъ плясовыхъ, такъ и протяжныхъ, заунывныхъ, и послужило также не маловажнымъ *зачаткомъ* для инструментальной музыки. Повтореніе *мотивовъ* пѣсни съ удержаніемъ ея характера, но съ полною свободою варіаціоннаго развитія, представляетъ уже обширное поле для музыкальной дѣятельности. Элементъ страстности, прямого дѣйствія на душу, тутъ уже весьма силенъ. Конечно во всемъ этомъ—преобладаніе напѣва *единственнаго*, напѣва собственно пѣсни, постоянно—слышимой. Разработка, значитъ, въ предѣлахъ музыкальнаго стиля *гомофоннаго* (въ противоположность—*полифоніи*, многоголосія).

Болѣе серьозный элементъ инструментальной музыки, элементъ *полифоническихъ* сочетаній, контрапунктныхъ сплетеній,—въ области инструментовъ имѣющій еще болѣе свободное и широкое примѣненіе, нежели въ области вокальной — появился первоначально и разросся до громадныхъ размѣровъ, какъ вся *ученая* музыка, на полѣ музыки *церковной*. Въ западной церкви чуть не съ первыхъ вѣковъ ея существованія было въ обычаѣ хоръ голосовъ поддерживать звуками особаго музыкальнаго орудія, подражающаго человѣческимъ голосамъ— именно *органа*. Этотъ инструментъ—собирательный, такъ какъ состоитъ изъ совокупности разнородныхъ и разнокалиберныхъ дудокъ и, посредствомъ несложнаго механизма, повинующійся игрѣ на клавіатурѣ (отъ простого прикосновенія къ клавишѣ открывается клапанъ въ дудкѣ и она звучитъ), и въ сущности представляетъ собою подобіе *хора* или нѣсколькихъ хоровъ голосовъ человѣческихъ и слѣдовательно можетъ *замѣнять* ихъ,—звуча поочереди *послѣ* хорового пѣнія. Изъ этихъ-то промежуточныхъ органныхъ ритурнелей (Zwischenspiele) выросли и установились многія формы и пріемы музыки вообще, въ ея развитіи отъ Палестрины до нашихъ временъ. Исторія формъ собственно *германской* ученой музыки, можно сказать, неразлучна съ исторіей органа. Времена Лютера, т. е. первая половина XVI вѣка, почти совпадаютъ со стилемъ Палестрины. Вокальная музыка, значитъ, и въ Германіи могла уже дойти до весьма сложныхъ контра-

Digitized by Google

пунктиныхъ формъ. И дѣйствительно дошла, какъ мы видимъ въ произведеніяхъ Зенфля и Лассова ученика Эккарта (1539—1611). Но, отдѣляясь отъ ритуса латинской церкви, лютеранскій культъ гораздо крѣпче остального запада держался за употребленіе органа при богослуженіи. Протестантскій *хораль* безъ органа почти немыслимъ. Простота гимновъ евангелическаго исповѣданія (ихъ и самъ Лютеръ импровизировалъ и ввелъ въ ритусъ богослуженія), опредѣленность ихъ ритмическаго и мелодическаго рисунка какъ нельзя удобнѣе поддавались развитію органному, гдѣ главный мотивъ хорала, ясно остающійся въ памяти прихожанъ, могъ проходить чрезъ всѣ безчисленно разнообразные регистры органа, дробиться на мельчайшія доли и разрастаться до ослушительной громады звуковъ. Стиль *фуги* и *фугато* прямая принадлежность органа и хора съ органомъ. Нигдѣ фугальное развитіе мысли не доходитъ до такого великолѣпія, какъ въ этихъ звучащихъ массахъ; гдѣ иногда самое простое контрапунктное сочетаніе, при точности исполненія, на органѣ весьма удобной,—имѣетъ прелесть обаятельную, захватываетъ душу съ первыхъ звуковъ. Органу недоступна выразительность звука въ смыслѣ нарастанія и убыванія силы въ отдѣльномъ единичномъ звукѣ, недоступны волнистыя линіи всѣхъ оттѣнковъ оркестра, но въ нарастаніи звучности чрезъ прибываніе новыхъ и новыхъ силъ отъ единицы до сотенъ—съ органомъ никакой оркестръ состязаться не можетъ.

Изъ органныхъ ритурнелей въ промежуткахъ строфъ хорала возникъ особый родъ развитія музыкальной мысли (темы, или одного изъ ея мотивовъ); этотъ родъ развитія называется на техническомъ языкѣ *фигурацiею*. И на сколько въ палестриновскомъ стилѣ, по требованіямъ вокальнаго контрапункта, ритмическое дробленіе нотъ не доходило далѣе *четвертей*,—на столько часто въ хоральной фигурацiи встрѣчаются и осьмыя (одновязныя), и шестнадцатыя (двувязныя), и тридцать вторыя (трехвязныя). Всѣ мелкіе пріемы и ухищренія контрапункта такъ называемаго «цвѣтистаго» (contrepoint fleuri) вытекли изъ хоральной фигурацiи. Органныя прелюдіи и фуги—собственно говоря—больше ничего, какъ распространенныя «Zwischenspiele und Vorspiele» для ритуальныхъ хораловъ. Но, какъ мы видѣли въ развитіи пѣсенной музыки, и здѣсь второстепенная, вспомогательная вѣтвь скоро получила самостоятельность, «эмансипировалась»; — органная музыка въ своемъ широкомъ развитіи перестала быть въ прямой зависимости отъ хораловъ, сдѣлалась *отдѣльною областью* лирическаго вдохновенія (хотя главная почва для этого вдохновенія, по самому свойству

Digitized by Google

органа, не перестала быть религіозною, связанною съ духовною музыкою протестантовъ).

Представитель органной, протестантской музыки во всемъ ея великолѣпномъ развитіи есть великій—Іоганнъ Себастіанъ *Бахъ*. Это имя одно изъ самыхъ высшихъ въ нашемъ искусствѣ. Это опять, какъ Палестрина въ своемъ родѣ, — *вершина* недосягаемая; опять *полный расцвѣтъ* искусства въ извѣстную эпоху, въ извѣстномъ направленіи.

Викторъ Гюго въ своей дико-неуклюжей и напыщенной, но все-таки интересной и замѣчательной книгѣ: «По случаю Шекспира»,— проводитъ параллель между геніями разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. На ряду съ Гомеромъ, Эсхиломъ, Дантомъ, Шекспиромъ— онъ наконецъ ставитъ и *Бетховена* — какъ самаго характернаго генія между нѣмцами. Гюго не слишкомъ знакомъ конечно съ музыкою и ея исторіею. Иначе—«при этой смѣтѣ» онъ хоть легонько, а коснулся-бы и другого величайшаго нѣмца-музыканта. Себастіанъ Бахъ, *въ своемъ родѣ*, ничѣмъ не уступитъ Бетховену, еще гораздо болѣе—нѣмецъ, и по гюговской же теоріи—одинъ величайшій геній вовсе *не исключаетъ* существованія другого, точно также величайшаго. То—Эсхилъ, а это—Шекспиръ. То—Бахъ, а это—Бетховенъ. Въ пантеонѣ первѣйшихъ уже не можетъ быть мѣстничества. Тутъ и всѣ—«первѣйшіе». И еслибъ было возможно, чтобъ они всѣ «знали» другъ друга, то *каждый* непремѣнно преклонился-бы передъ каждымъ изъ остальныхъ. Фактически извѣстно, что *Бетховенъ* боготворилъ именно Гомера, Эсхила, Шекспира и—Баха. Слово «Bach» значитъ — «ручей». Бетховенъ говаривалъ: «Какой онъ «ручей»!! Онъ—*цѣлый океанъ*!» (Er ist kein Bach,— er ist ein Ocean.) Необъятная глубина мысли и неисчерпаемое разнообразіе формъ въ баховскомъ геніи, при кажущейся монотонности, врядъ-ли могутъ быть лучше выражены, какъ въ одномъ мѣткомъ словѣ Бетховена. Понятно, что для такого генія какъ Бахъ, самымъ приличнымъ, самымъ роднымъ инструментомъ былъ—*органъ*, этотъ океанъ гармоніи, безконечно-могучій и величественный даже въ безстрастномъ спокойствіи своемъ. «Вѣчно-юный, вѣчно-*новый* и всегда—одинъ и тотъ же, вѣренъ самому себѣ!» Это можетъ относиться къ океану, и къ органу и къ Себастіану Баху. Индо-германская глубина и въ этомъ смыслѣ безбрежность натуры поражаетъ въ произведеніяхъ Баха всякаго, кто имѣетъ «чутье» для такихъ качествъ. Люди поверхностные найдутъ даже внѣшней оболочки, которая иногда въ Бахѣ и отталкиваетъ ихъ

Digitized by Google

—будто сухостью, чопорностью, схоластическою непривлекательностью. Было время (до котораго мы еще коснемся, когда подойдетъ очередь), что на музыку Себастіана Баха весь музыкальный свѣтъ взиралъ какъ на *школьный* педантскій хламъ, на старье, которое иногда—какъ напримѣръ въ «clavecin bien tempéré»—годится для упражненія пальцевъ, наравнѣ съ этюдами Мошелеса и экзерсисами Черни. Со времени Мендельсона вкусъ склонился опять къ Баху, даже гораздо болѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ самъ жилъ, — но и теперь еще есть «директоры консерваторій», которые, во имя консервативности, не стыдятся учить своихъ питомцевъ играть прелюдіи и фуги Баха *безъ выразительности*, т. е. какъ «экзерсисы», какъ пальцеломныя упражненія. Эта методa—одно изъ сильнѣйшихъ оскверненій искусства. Повтореніе въ музыкѣ «бурсацкаго» ученья грамотѣ, когда одну изъ самыхъ возвышенныхъ книгъ въ свѣтѣ— псалмы Давида—задалбливали наизусть безъ малѣйшаго понятія о *смыслѣ* того, что задалбливалось изъ подъ палки и розогъ!.... Если въ области музыки есть что-либо, къ чему надобно подходить не изъ подъ ферулы, съ указкою въ рукахъ, а съ любовью въ сердцѣ, со страхомъ и вѣрою, такъ это именно—творенія великаго Баха. Это истинная боговдохновенность въ звукахъ (т. е. въ лучшихъ его произведеніяхъ. При огромной плодовитости, онъ конечно написалъ много и посредственнаго).

Къ Баху, какъ *вокальному* композитору, мы вернемся еще, когда поведемъ рѣчь о церковной музыкѣ съ аккомпаниментомъ инструментальнымъ. Здѣсь у насъ идетъ бесѣда о развитіи «инструментальной» музыки какъ самостоятельной вѣтви. Значеніе Себастіана Баха и въ этомъ смыслѣ—колоссально. Конечно и до него сотни талантовъ уже работали на этомъ поприщѣ, на которое,—что постоянно надо имѣть въ виду въ прагматической исторіи искусства, — своимъ порядкомъ вліяло развитіе и вокальной музыки, духовной и свѣтской. Между органистами до-бахевскаго времени встрѣчаются уже очень знаменитые имена (Frescobaldi, Frohberger, Pachelbel), но геніальность Баха отъ самыхъ первыхъ его произведеній быстро возвысилась надъ его предшественниками итальянцами и нѣмцами, такъ что они какъ будто для него только приготовили почву. Одновременно, параллельно съ Себастіаномъ Бахомъ дѣйствовалъ и творилъ другой исполински-геніальный музыкантъ, *Гендель*. Въ его дѣятельности *органная* игра также занимаетъ немаловажную роль,—но со стороны чисто-инструментальной за Бахомъ остается рѣшительный перевѣсъ. Гендель писалъ много для органа, но смотрѣлъ на него все-таки больше какъ на пособіе

Digitized by Google

для *вокальной* музыки, къ которой постоянно тяготѣло все призваніе Генделя. Въ Себастіанѣ Бахѣ, напротивъ, является *первый* примѣръ могучаго чародѣйства инструментальными звуками, могучаго заклинанія таинственныхъ силъ, таящихся въ органѣ и въ оркестрѣ. Бахъ заимствовалъ эти силы почти исключительно съ аскетически-религіозной и съ наивно-патріархальной стороны. Въ этой области онъ царитъ одинъ, безъ соперниковъ. Такому настроенію духа вполнѣ отвѣчать могутъ только строго-контрапунктные изгибы и извивы *полифоническаго* стиля. Дальше Баха въ этомъ стилѣ врядъ-ли возможно идти. Онъ—апогей полифоніи.

Полифонію въ высшемъ ея смыслѣ надобно понимать гармоническимъ сліяніемъ *во едино* нѣсколькихъ самостоятельныхъ мелодій, идущихъ въ нѣсколькихъ голосахъ одновременно, вмѣстѣ.—Въ *разсудочной* рѣчи немыслимо, чтобы напримѣръ нѣсколько лицъ говорили вмѣстѣ, каждый свое, и чтобъ изъ этого не выходила путаница, непонятная чепуха, а напротивъ превосходное *общее* впечатлѣніе. Въ музыкѣ такое чудо возможно; оно составляетъ одну изъ эстетическихъ спеціальностей нашего искусства. Картина,—гдѣ, какъ въ «послѣднемъ днѣ Помпеи» Брюлова, напримѣръ, десятки фигуръ, каждая съ своимъ движеніемъ, съ своимъ выраженіемъ, выступаютъ разомъ передъ глазами зрителя,—картина именно потому, что она «картина», изображеніе *одного* момента, даетъ общее впечатлѣніе только *одного* этого момента. Притомъ, при «реальной» неподвижности своихъ фигуръ она дозволяетъ разсматриваніе ихъ по порядку, одну за другою. Въ музыкѣ многоголосіе, полифонія,—тоже совокупность изъ фигуръ и группъ, дѣйствующихъ на наше воображеніе разомъ, но всѣ эти фигуры (т. е. мелодіи каждаго голоса) дѣйствительно реально *движутся*, идутъ *своимъ* путёмъ и все-таки сливаются въ *одно* эстетическое цѣлое. Можно слѣдить слухомъ и за пѣніемъ каждаго изъ отдѣльныхъ голосовъ полифоніи, каждый долженъ уже доставлять музыкальное наслажденіе, но въ сліяніи голосовъ, въ общемъ цѣльномъ впечатлѣніи, наслажденіе музыкальностью полифональною возвышается въ квадратъ и въ кубъ. Совсѣмъ наоборотъ противъ мнѣнія большинства (т. е. лицъ, мало знающихъ толку въ музыкѣ), *полифональный* стиль, наравнѣ съ способностью къ гармоніи, требуетъ въ композиторѣ великаго *мелодическаго* таланта. Одной гармоніей, т. е. ловкимъ сцѣпленіемъ аккордовъ, тутъ невозможно отдѣлаться. Надо, чтобы каждый голосъ шолъ самостоятельно и былъ интересенъ въ своемъ мелодическомъ хо-

Digitized by Google

дѣ. И вотъ съ этой-то стороны—необыкновенно *рѣдкой* въ области музыкальнаго творчества—нѣтъ художника не только *равнаго* Іоганну Себастіану Баху, но даже сколько-нибудь подходящаго къ его *мелодическому* богатству. Если понимать слово «мелодія» не въ смыслѣ посѣтителей итальянской оперы, а въ истинномъ смыслѣ самостоятельнаго, свободнаго движенія музыкальной рѣчи въ каждомъ голосѣ, движенія всегда глубоко-поэтическаго и глубоко осмысленнаго,—нѣтъ въ мірѣ *мелодиста* больше Баха.

Мы возвратимся еще къ *этой* сторонѣ его творчества, когда рѣчь пойдетъ о сочетаніи вокальной музыки съ инструментальной въ большихъ ораторныхъ задачахъ.

Обозрѣвая здѣсь область вокальную отдѣльно отъ инструментальной, мы нашли вершину этого стиля въ Палестринѣ; въ области инструментальной отдѣльно отъ вокальной (ad interim)—нашли такую же недосягаемую вершину въ Себастіанѣ Бахѣ. Теперь слѣдуетъ показать моимъ читателямъ ходъ развитія инструментальной музыки въ стилѣ *сонатъ*, *квартетовъ* и *симфоній*, т. е. въ формахъ, родившихся въ послѣ-баховскій періодъ, въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка. Тутъ засіяютъ передъ нами имена, тоже великія: *Іосифъ Гайдно*, *Вольфгангъ Моцартъ* и величайшій, въ своемъ родѣ не уступающій ни Палестринѣ, ни Баху,—*Людвигъ Бетховенъ*.

Но развитіе сонатнаго и симфоническаго стиля само по-себѣ такъ важно въ исторіи нашего искусства, такъ богато содержаніемъ и послѣдствіями, что этому развитію надобно посвятить отдѣльную статью.

А. Оѣровъ.

Digitized by Google

ИЗЪ СТАРИННОЙ БЫВАЛЬЩИНЫ

I

МАЙДАНЫ

I

Приближалось Благовѣщенье — и на дворѣ стояла погода сиверитѣйная: ростополь, слякоть, сырость. Порывистый и холодный вѣтеръ безпрестанно нагонялъ на небо тучи, изъ которыхъ такъ и сыпались то мелкій, частый дождикъ, то снѣгъ особаго рода, круглый и жосткій, на всей Руси извѣстный подъ названіемъ «крупы». Народъ почти вездѣ покончилъ молотьбу и занимался кое-чѣмъ, или, какъ говорится, «колотился вокругъ дома», въ ожиданіи полнаго вскрытія весны и наступленія яровой полосы.

Былъ вечеръ. Нарубивъ къ завтрашнему утру для хозяйки дровъ, дядя Никита вернулся въ избу, не безъ удовольствія снявъ съ себя мокрую обувь и плохонькой полушубокъ, и легъ на полати.

Въ избѣ возилось и кричало четверо ребятишекъ — двое мальчиковъ и двѣ дѣвочки. Старшему мальчику было лѣтъ восемь. Не вдалекѣ отъ стола, на лавкѣ, сѣвъ на донце, хозяйка, тетка Анна, пряла. Веретено, издавая сухой, протяжный звукъ, такъ и визжало, крутясь въ пальцахъ ея правой руки.

— Ей, сволочь! раздался съ полатей голосъ дяди Никиты, — уймись!

Digitized by Google

Ребятишки не унимались.

— Ей вы! повторилъ Никита грозно, — али слѣзть, чтоль? Мало по малу все затихло.

— Анна, началъ Никита, свѣсивъ съ полатей голову и обращаясь къ женѣ, — а который годъ Панькѣ будетъ?

— Съ зимняго Николы четырнадцатый пошолъ.

Минутное молчаніе.

— Женить надо, отвѣчалъ Никита.

— И больно, больно-бы нужно, отвѣчала тетка Анна. — Вишь ты народу-то у насъ, малъ мала меньше, всякъ ѣсть проситъ, обуть, одѣть, починить; надо состряпать, убраться... Что́ за напасть такая! Работница-то я одинокая. Рученки ломитъ...

— Ломитъ, докончилъ дядя Никита. — Шабашъ, пѣсня старая, слышалъ, надоѣла.

— Какъ-бы только невѣстка хорошая попалась, свѣтъ-бы, кажись, увидала.

— Увидишь: на красной-горкѣ Паньку женимъ.

— Аль ты намѣтилъ кого, Савельичъ?

— Намѣтилъ.

— Слышь, намъ молодой больно не нужно. Что въ молодой толку-то. Жди её, когда къ ней толкъ придетъ. Была-бы теперь работница дюжая.

— Дюжа-ли будетъ? — мужика стоитъ.

— Да кого ты?

— Узнаешь.

— Панька-то у насъ ладащъ больно: не ахти съ радостью пойдутъ за него, да на большую-то семью, на такую тягу.

— Ничего, выровняется.

И дядя Никита вообще нѣсколько крутой и своенравный, покончилъ разговоръ и опустилъ на полати голову.

Читатель догадается, что разговоръ этотъ происходилъ до состоянія указа 19 Іюля 1830 года, указа, запретившаго вступать въ бракъ дѣвушкамъ ранѣе 16, а мущинамъ ранѣе 18 лѣтъ. Дѣйствительно, онъ происходилъ въ 1822-мъ году. Въ прежнія времена случалось, что дѣвочекъ выдавали за мужъ даже году по одиннадцатому, а мальчиковъ женили въ лѣта Паньки, о которомъ шла здѣсь рѣчь, и что подобныя вещи случались не только въ крестьянскомъ быту, гдѣ часто нужда и неволя заставляютъ искать и желать въ домъ лишняго работника или работницу,

Digitized by Google

но даже и въ благородныхъ семействахъ, вѣроятно изъ-за какихъ-нибудь фамильныхъ или корыстныхъ разсчотовъ. Много зла вытекло изъ этого обычая, или лучше сказать произвола, доколѣ онъ не былъ пресѣченъ дѣйствіемъ закона. Одно изъ несчастныхъ послѣдствій этого произвола я взялся разсказать здѣсь.

Кромѣ точнаго обозначенія года, я могу представить читателю и точное обозначеніе мѣстности происшествія.

На сторонѣ, называемой на Руси «низовскою» и къ которой, начиная съ области стариннаго Нижняго Нова-Города, принадлежатъ нынѣшнія губерніи Тамбовская, Пензенская, Казанская, Симбирская и Саратовская,—въ Наровчатскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, какъ и во многихъ мѣстахъ «низовской стороны»; заселенной остатками, переродками финскаго племени, — есть два села, оба носящія финско-мордовское названіе Майдановъ. Одно носитъ названіе Шадымскаго-Майдана, другое Ямчуженскаго — и оба принадлежатъ нынѣ вѣдомству Государственныхъ Имуществъ. Между обоими селеніями, проселкомъ, будетъ не болѣе какихъ-нибудь десяти верстъ разстоянія.

Разговоръ, который, не слѣзая съ полатей, велъ съ женой дядя Никита, происходилъ въ Шадымскомъ Майданѣ.

Передъ самымъ вечеромъ вошолъ въ избу Панька. Мальчикъ казался на видъ еще моложавѣе своихъ лѣтъ. Нерослый, худенькой, именно «ледащій», какъ выразилась о немъ тетка Анна, съ острымъ носикомъ, маленькими мутными глазками, не много рыжеватенькой, весь въ веснушкахъ, съ физіономіей вообще еще вполнѣ ребяческой, — Панька, казалось, скорѣй долженъ былъ думать о козлокахъ и клюшкахъ, въ которые занимаются дѣти его возраста, нежели о невѣстѣ.

Да онъ и не думалъ о ней: думали за него другіе. Ему даже и не трудились сообщать относящагося къ судьбѣ его рѣшенія, почитая, и очень справедливо, такое дѣло за совершенно безполезное. Отецъ хорошо зналъ, что Панькѣ, который привыкъ бояться и слушаться его безпрекословно, точно такъ-же надо было сказать «женись», какъ говорилось ему «поѣзжай въ лѣсъ» или «ступай на гумно», и что за каждымъ изъ подобныхъ приказаній будетъ слѣдовать безмолвное и равнодушное повиновеніе.

Прошолъ вечеръ, день, недѣля и другая; о сватьбѣ не было и помина. Попробывала было какъ-то болтнуть объ этомъ тетка

Digitized by Google

Анна при Панькѣ и при отцѣ за обѣдомъ, да дядя Никита съ разу остановилъ ее, словно лошадь подъ уздцы схватилъ, сказавъ, чтобы не въ свое дѣло не совалась. Наступила Пасха и дядя Никита, думавшій, видно, въ семьѣ одинъ за всѣхъ, вставши какъ-то рано утромъ, заложилъ телѣгу и отправился одинъ изъ своего Майдана въ Янчуженскій.

Молодежь гуляла тамъ по улицѣ; Никита поѣхалъ тише и со всѣми раскланивался, какъ будто кого-то высматривая. Наконецъ, поровнясь съ толпой дѣвушекъ, выряженныхъ въ разные очень яркихъ цвѣтовъ наряды, онъ приподнялъ шляпу какъ-то бодрѣе и веселѣе и сказалъ самъ про себя: «вотъ и наша лебедка».

Телѣжка Никиты остановилась у одной избы, ни хуже, ни лучше другихъ на видъ. Слѣзъ Никита съ телѣжки и подошолъ къ красному, то есть большому, окну.

— *Воротами живемъ на улицу,* началъ Никита пословицей, слегка стуча въ подоконницу пальцами.

— Милости просимъ, отозвались изъ избы.

Ворота отворились. Никита въѣхалъ на дворъ. Встрѣтилъ его хозяинъ, мужчина лѣтъ пятидесяти; они похристосовались. Повторилось еще разъ «милости просимъ» и вскорѣ гость уже сидѣлъ въ избѣ, за столомъ въ переднемъ углу.

Издалека повелъ рѣчь свою Никита, ибо, извѣстное дѣло, русскій человѣкъ, когда ему что нужно, никогда не выскажетъ нужды своей прямо, а подъѣдетъ къ ней обинякомъ да околицей. Никита-же, человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ малый непромахъ. Семья-то только да съ ней бѣдность малую толику подъѣли его, да и то не упускалъ онъ настоящихъ низовскихъ промысловъ: посѣвы, уборка и молотьба — сами по себѣ, а промыслы — сами по себѣ: рѣдкій годъ разъ трехъ въ зиму не побываетъ Никита съ извозомъ въ Москвѣ: то везетъ подрядчика-хозяина конопляное масло, — то пухъ гусиный, которымъ снабжаетъ «низовская» сторона не только православную Русь, но и Нѣмечину, ибо нигдѣ, какъ «на низу», не водятъ такого множества гусей, благо ихъ тамъ кормить привольно, — то медъ, какого нигдѣ нѣтъ, какъ на низу-же, медъ чистый, бѣлый, какъ сахаръ, ароматическій, настоящій липовецъ, лучше и вкуснѣе всякихъ французскихъ конфетъ, по признанію самыхъ взыскательныхъ лакомокъ. А по-

Digitized by Google

бывать къ первой недѣлѣ великаго поста съ какимъ-нибудь навозомъ въ Ростовъ на ярмарку — это было дѣло такое простое и обычное, какъ перекреститься, садясь за столъ обѣдать или ужинать.

И хозяинъ, къ которому пріѣхалъ Никита, былъ неглупъ: сейчасъ-же смекнулъ за чѣмъ гость, словно ни съ того, ни съ сего, пожаловалъ. И вотъ оба, какъ-будто ненарокомъ, стали сводить рѣчь къ общему дѣлу.

— Аль молодая-то хозяйка гуляетъ? спросилъ Никита.

— Празднишное дѣло, — разгуляться вышла, отвѣчалъ хозяинъ.

— Гуляй, гуляй, дѣвушка, — дѣльце помни.

— Ну, братъ, Никита Савельичъ, намъ на Акулину грѣхъ жалобу творить: дѣло у насъ изъ рукъ не выпало.

— Слышали, Кондратій Кузьмичъ, слухомъ земля полнится. Товаръ-то не домашній, — продажный.

— Что дѣлать! Дѣвка на то родится.

— Вѣстимо. Вотъ, сватъ Кондратій, у тебя товаръ, у меня купецъ. Не сладимся-ль какъ, — и впрямь сватьями будемъ.

Поговорили, да и сладились, хоть товаръ приходился вовсе не по купцу. Акулинѣ было лѣтъ двадцать, если не за двадцать; дѣвка лицомъ хоть и не красавица, но и не дурна: высокая, стройная, статная, въ полномъ развитіи молодости и силы. Давнымъ давно была уже дѣвка на выданьи, да судьба какъ-то не выходила. — Чтожъ такъ? — Да такъ. Что-то и отцы и парни какъ-то обѣгали Акулину, — правду сказать, — побаивались: умна дѣвка, что говорить! больно умна и ловка дѣвка, точно что дѣло изъ рукъ не выпадетъ, и работница... да ужь бойка больно, озоровата, скажетъ — отрѣжетъ, а сдѣлать — на своемъ стать, да еще другого на смѣхъ поднять; словомъ: «стоя ѣдетъ, семерыхъ везетъ», какъ о такихъ дѣвкахъ и бабахъ народъ выражается.

Все это зналъ дядя Никита и разсудилъ самъ съ собой, что Кондратью сбыть товаръ, пока ужь больно не позалежался, — нужно, и что сбудетъ онъ его съ радостью купцу хоть и не больно сподручному, и что не всякій-то отецъ съ матерью отдастъ дочь охотой за его Паньку да въ его семью; бояться-же того, что дѣвка бойка да озаровата, — нечего, хорошему ѣздоку не страсть

Digitized by Google

лошадь съ норовомъ, и уходитъ-де бурку крутыя горки. Побываетъ у насъ въ оглобляхъ, думалъ Никита, броситъ рысь, пойдетъ шагомъ.

Старики дѣтей, какъ говорится, «пропили», то есть ударили по рукамъ, рѣшили ихъ повѣнчать послѣ Ѳоминой-же и на радостяхъ, что пошабашили дѣло, — выпили.

Акулина вернулась съ гулянья домой къ обѣду.

— А, ну, невѣстушка, сказалъ ей нѣсколько уже подгулявшій, охмѣлѣвшій Никита, — мы съ тобой еще и не христосовались.

При словѣ «невѣстушка» Акулина такъ взглянула на Никиту, словно ударила въ него своими изъ подлобья сверкнувшими темно-карими глазами. Она слегка поблѣднѣла, догадавшись въ чемъ дѣло и о чемъ шла тутъ безъ нея рѣчь, однакоже не сказала ни слова и похристосовалась съ Никитой.

Дѣвка была характерная, упрямая, гордая. Ей, такой статной и ловкой, казалось чуть не срамомъ выдти за мозгляка Паньку, котораго видала она года за два, за три, не больше, между ребятишками. Онъ и не подходилъ къ ней, да и подойти-бы не посмѣлъ: за вихры-бы подрала всѣмъ на смѣхъ.

«Все поверну по своему и дѣлу тому не бывать», думала сама про себя Акулина.

А одинъ Богъ знаетъ чему быть и чему не бывать!

— Акулина! сказалъ ей отецъ, когда послѣ обѣда дядя Никита, весьма довольный угощеніемъ и лаской, сѣлъ опять, съ поклонами всѣмъ и каждому, въ свою телѣжку и поѣхалъ домой, — я тебя выдаю за-мужъ.

— Воля твоя, батюшка! За кого только, узнать позволь?

— А вотъ за Паньку Никитинаго, изъ Шадыжскаго Майдана.

— За мозгляка-то? рѣзко отозвалась Акулина.

— Мозглякъ, не мозглякъ. Тебѣ кого надобно? Ты-бы получше нашла?

— Можетъ статься и найдется.

— Найдется, да не находится. Аль *вдовушкой* хочешь быть?

Акулина нѣсколько замялась.

— А что Панька этотъ мнѣ за мужъ? — Надоѣла что-ль я тебѣ? спросила она отца.

Digitized by Google

— Не надоѣла, да сидѣть-то въ дѣвкахъ — сраму набираться.

— Да что будетъ толку-то? Ни днемъ утѣхи, ни ночью радости.

— Ну, малъ грибъ, — выростетъ.

— То-то, выростетъ. Жди его когда выростетъ. Что я ему за-ровня. Чуть своей ложкой хлебать сталъ. Чай слыхалъ, батюшка: впередъ бабушкѣ наука, не ходи за-мужъ за внука.

— Слыхалъ, не слыхалъ, — сказано — сдѣлано, съ сердцемъ отвѣчалъ Кондратій, тоже немного подгулявшій и на этотъ разъ хотѣвшій на своемъ поставить. Знай-де нашихъ, яйца курицу не учатъ! — Чему быть, тому не миновать, покончилъ онъ.

II

И точно, чему быть, тому не миновать! Какъ ни отбивалась Акулина, а послѣ Ѳоминой обвѣнчали ее съ Панькой. На сватьбѣ малую толику повеселилось только старье, думавшее, что сыгравши эту сватьбу, сдѣлало умное дѣло; молодые-же, то есть новобрачные, были какъ-то сами на себя непохожи; объ Акулинѣ какой-то подгулявшій шутникъ выразился, что она на всѣхъ глядитъ — словно кого укусить сбирается, а молодой ходитъ точно какъ въ воду опущенный, видно было, что сватьба была ему крѣпко, крѣпко не по-сердцу. — «Обойдется дѣло!» думали старшіе. «Стерпится, слюбится». И стала поживать Акулина въ домѣ у свекра. Только вскорѣ-же послѣ сватьбы свекровь да и свекоръ, какъ ни былъ крутенекъ и думалъ все повернуть по своему, не обрадовались невѣсткѣ: видно наша коса на камень. Дѣлать все дѣлаетъ, и все у ней въ рукахъ спорится, да ужь и блага-же: рѣдко честью, а все съ рывомъ да съ норывомъ, да и въ-путь слова ни съ кѣмъ не скажетъ. Про мужа ужь и говорить нечего: видимо и говорить-то ей съ нимъ не хочется, а подчасъ, въ сердцахъ, только ему отъ нея и кличка — мозглякъ, да мозглякъ. Пробовалъ было Никита съ ней лаской, — куда тебѣ, подступу нѣтъ! Пробовалъ потомъ и крутостью, — и тутъ не лучше: сама круга. Стало Никитѣ и теткѣ Аннѣ надоѣдать безпрестанно собачиться, и начали они думать, что съ

Digitized by Google

невѣсткой сладить никакъ ужь нельзя, что ее, что называется, ни крестомъ, ни пестомъ не возьмешь: такова ужь уродилась! Пошли въ семьѣ нелады страшные...

Между тѣмъ Акулина, надо правду сказать, была женщина видная, кусокъ, какъ говорится, лакомый: у молодыхъ парней на нее не даромъ глаза разгорались. Стали парни, а особливо кто посмышленѣй да побойчѣе, подъѣзжать къ ней съ разными «турусами на колесахъ», которыя водятся вообще гдѣ только есть молодежь и которымъ въ нашемъ обществѣ только придано щеголеватое и приличное названіе комплиментовъ, вѣжливостей и т. п. Молодое сердце и молодая кровь заговорили и взяли свое.

Обзаведясь сердечной связью, Акулина еще болѣе не взлюбила Паньку. Невыносимо сталъ онъ ей противенъ. Самыя язвительныя и обидныя, понятныя во всякомъ обществѣ, насмѣшки, а особливо когда дѣло приходилось безъ старшихъ и мужъ съ женой оставались только вдвоемъ, — сыпались на него градомъ. Панька терпѣлъ, молчалъ, но, какъ ни былъ онъ молодъ и тихъ, и ему становилось отъ такого житья тошно.

Прошло знойное лѣто съ своими тяжелыми работами; прошла и мокроногодица — осень. Подулъ холодный сѣверикъ, полетѣли и скоро покрыли замерзшую землю хлопья снѣга. Наступила полная зима.

По зимамъ молодыя бабы, отданныя въ какую-нибудь семью изъ другой деревни, почти всегда ѣздятъ недѣли на двѣ, на три, и даже болѣе, гостить въ свой прежній родительскій домъ. Это обычай на Руси почти повсемѣстный. Такимъ образомъ, живя нѣсколько временъ съ кровными, близкими своими родными, съ которыми рѣдко имѣютъ возможность повидаться въ горячую рабочую пору, когда иной разъ путемъ и отдохнуть не придется, онѣ занимаются тамъ обыкновенной по зимамъ женской работой — прядутъ или ткутъ. По вечерамъ въ нѣсколькихъ избахъ собираются обычныя посидѣлки, на которыя сходится молодежь обоего пола и тутъ-то шуткамъ, прибауткамъ и другимъ деревенскимъ забавамъ и конца не бываетъ. Молодая женщина, особенно у которой еще ребятъ нѣтъ, ни за что не пропуститъ этого веселаго времени, чтобы не побывать домой, на старое пепелище.

Пришла такая пора, стала и Акулина у свекра погостить къ

Digitized by Google

отцу отправляться. Какъ ни немила была невѣстка, отъ міру и обычая не прочь, отпустить слѣдовало: Никита согласился. Панькѣ велѣно было изготовить сани и завтра-же, пораньше утромъ, отвезти жену къ тестю, да въ тотъ-же день, выкормивши только лошадь, и назадъ вернуться: у мужиковъ шла молотьба, предолжавшаяся особенно долго на низу, гдѣ такое множество хлѣба, и лишнихъ прогуловъ дѣлать было некогда, да и не зачѣмъ: между обѣими семьями, вскорѣ-же послѣ сватьбы Акулины, произошло видимое охлажденіе.

Читатель вѣроятно помнитъ, что отъ одного Майдана до другого, какъ я уже говорилъ, находится не болѣе какихъ-нибудь десяти верстъ разстоянія. Изъ этого легко понять, что выѣхавъ изъ своего Шадымскаго Майдана на разсвѣтѣ, Панька пріѣхалъ съ женой къ тестю около ранняго-же крестьянскаго обѣда. Пообѣдали; лошадка вздохнула, и сталъ Панька снаряжаться домой: одѣлся, помолился, простился; Акулина накинула на себя полушубокъ, говоря, что проводитъ мужа до околицы, присѣла къ нему въ сани, дѣйствительно доѣхала съ нимъ до околицы, тутъ-же простилась и вернулась въ избу къ отцу.

Ждетъ дядя Никита Паньку къ сумеркамъ, ждетъ весь вечеръ, — нѣтъ Паньки. Начинаетъ серчать на глупаго мальчонку дядя Никита. Прошла ночь, наступило утро, — Панька не возвращается. Никита сперва серчалъ и удивлялся, а потомъ стало его одолѣвать и безпокойство. «Что за диво такое?» думаетъ самъ про себя Никита; — «мальчишка смирный, послушный, я ему толкомъ говорилъ когда вернуться. Зачѣмъ его тамъ задерживать?»

На другое утро, еще до свѣту, Никита заложилъ сани и отправился въ Янчуженскій Майданъ. Пріѣзжаетъ, разумѣется прямо къ свату, спрашиваетъ Паньку, — нѣтъ Паньки! Говорятъ, что еще третьяго-же дня передъ вечеромъ уѣхалъ онъ домой и что Акулина проводила его до самой околицы.

Остолбенѣлъ Никита, не знаетъ что подумать.

Пропалъ Панька: изъ Янчуженскаго Майдана выѣхалъ, въ свой не пріѣхалъ. Заблудиться негдѣ: поѣхалъ не поздно, дорога знакомая, да если-бы и поплуталъ, не замерзъ-же, время не холодное и все-же-бы ужь давно пора ему найтись.

Дѣло по селу огласилось. Изъ собравшагося покалякать и поахать народа нашлось два-три человѣка, которые прямо и

Digitized by Google

ясно сказали, что съ разныхъ мѣстъ селенія, а именно одинъ отъ воротъ своихъ, а другой съ гумна, видѣли какъ поѣхалъ Панька, какъ провожала его Акулина и послѣ возвращалась домой одна.

Все это способно было возбудить истинное удивленіе: и человѣкъ, и лошадь съ санями пропали на прямой и торной дорогѣ, какъ какая-нибудь иголка. Добро-бы дорога-то была дальняя, а то рукой подать!

Стали однако искать Паньку. Долго всѣ поиски оставались тщетными, наконецъ въ одномъ мѣстѣ, по идущей между обоими Майданами ровными польными мѣстами дорогѣ, верстахъ въ трехъ или, много-много, четырехъ отъ Ямчуженскаго Майдана, тамъ, гдѣ сходятся двѣ небольшія горки и между ними пробѣжалъ изволокъ, замѣтили нѣсколько уже занесенный снѣгомъ слѣдъ саней, повернувшихъ съ торной дороги внизъ по изволоку въ сторону. Утопающій, говорится, хватается за соломинку. Никита бросился по этому слѣду вмѣстѣ съ провожавшими его, производившими поиски людьми; отошли съ полверсты отъ дороги и глазамъ отца и всѣхъ съ нимъ бывшихъ издалека еще представились очень хорошо знакомыя Никитѣ собственныя его сани и лошадь, привязанная къ кусту.

Не переводя духу, добѣжали люди до саней. Въ саняхъ этихъ лежалъ изрубленный въ нѣсколько кусковъ Панька.

И лошадь, и сани, и сбруя, и одежа убитаго, — все до малости было цѣлехонько, ничего не пропало. Ясно было, что преступленіе совершено не какимъ-либо воромъ и грабителемъ, а тѣмъ, кому кромѣ жизни бѣднаго Паньки, ничего не было нужно.

Дошло дѣло до правительства. Паньку, — надъ которымъ нечего было производить какихъ-либо особыхъ медицинскихъ осмотровъ, потому что родъ его смерти не представлялъ собою никакихъ сомнѣній, — похоронили.

III

Началось слѣдствіе. Скорѣе всѣхъ подвала, разумѣется, допросамъ Акулина, такъ какъ ея вольная жизнь съ мужемъ ни для кого въ околодкѣ не была тайной. Допрашивали, допрашивали, — ничего не узнали. Акулина выдержала всѣ допросы

Digitized by Google

твердо и смѣло; отвѣты ея,—подкрѣпляемые свидѣтельствами не только всей ея семьи, но и двухъ-трехъ лицъ, совершенно постороннихъ ея интересамъ и прямо объяснившихъ, какъ они видѣли выѣздъ Паньки изъ Янчуковскаго Майдана и возвращеніе Акулины одной отъ околицы-же, — были опредѣленны и ясны. Самый естественный ходъ происшествія видимо ее оправдывалъ: несомнѣнно было то, что она проводила Паньку только до околицы, отъ которой тотъ поѣхалъ своей дорогой дальше, а Акулина вернулась своей, — совсѣмъ въ противную сторону, пѣшкомъ. Предположить совершеніе преступленія днемъ, у самой сельской околицы, которая въ двухъ шагахъ отъ жильевъ,—не было тоже ни какой возможности: не говоря уже о томъ, что подобнаго времени и мѣста не выбралъ-бы и самый несмышленый злодѣй, но къ тому-же Панька, какъ читатель вѣрно помнитъ, былъ весь изрубленъ въ нѣсколько кусковъ, на что конечно нужна была не одна минута времени. Ходъ происшествія ясно указывалъ на присутствіе злодѣя на самой дорогѣ, какъ потому, что преступленіе не могло быть совершено иначе, какъ въ довольно дальнемъ разстояніи отъ селенія, такъ и потому, что никто другой, кромѣ совершившаго преступленіе, не могъ свернуть лошади съ торной зимней дороги, отвести ее на полверсты по сугробамъ въ сторону и привязать къ кусту.

Но цѣлость лошади, саней, сбруи и одежи Паньки по неволѣ сбивала съ толку слѣдователей, наводя на справедливую мысль о томъ, что преступнику, стало быть, кромѣ жизни Паньки ничего не было нужно, — а это указывало на существованіе какихъ-то лично-непріязненныхъ убійцы къ убитому отношеній.

Осмотрительно, дѣльно, произведенное слѣдствіе, въ которомъ были соблюдены не только всѣ необходимыя по дѣлу формальности, но и все то, на что всякій частный случай какого-либо слѣдствія всегда самъ собою укажетъ умному слѣдователю, — ничего однако не открыло.

Причина преступленія и личность преступника остались тайной.

Слѣдствіе покончили и дѣло представлено было выше съ тѣмъ разсчетом, чтобы повершиться въ какой-нибудь уголовно-судебной инстанціи обычнымъ въ такихъ случаяхъ рѣшеніемъ: «предать суду и волѣ Божіей».

Digitized by Google

Но судъ и воля Божія, какъ это доказывается множествомъ случаевъ, въ родѣ настоящаго, имѣютъ свои, иногда ясно въ міръ выступающія опредѣленія и непостижимые пути для раскрытія и приведенія въ дѣйствіе этихъ опредѣленій.

Тогдашній начальникъ Пензенской губерніи, человѣкъ строгій и неугомонный въ дѣлѣ раскрытія преступленій, нарядилъ по этому дѣлу, получившему довольно большую гласность, особенную слѣдственную коммисію, главнымъ лицомъ которой былъ назначенъ извѣстный во всей губерніи своей опытностью и дѣльностью чиновникъ. Отъ него-то именно записывающій эту быль слышалъ всѣ ея подробности.

Вновь составленная слѣдственная коммисія приступила къ дѣлу. Розыскивали, спрашивали и допрашивали; употребили все что только зависитъ отъ личной смышлености слѣдователя, — и опять-таки ничего не открыли! Тѣ-же существенныя обстоятельства дѣла, тѣ-же допросы, тѣ-же показанія! новаго ничего.

Чиновники, порядочно опечаленные своимъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ, точно также какъ первые, покончили слѣдствіе и собрались уѣхать.

На дорогу вздумалось имъ напиться чаю. Всѣ присѣли къ столу.

Это происходило въ Янчуженскомъ Майданѣ въ домѣ Кондратія. Когда чиновники сѣли пить чай, въ избѣ была только старуха, мать семейства, жена Кондратія, да дочь ея, дѣвочка по пятому году. Старуха возилась съ чѣмъ-то въ «чуланѣ», какъ называютъ отдѣленіе избы за перегородкой, гдѣ печь, горшки, ухваты и все что принадлежитъ къ кухнѣ, дѣвочка вертѣлась-себѣ въ избѣ. Между слѣдователями находился мѣстный Наровчатскій стряпчій. Этотъ стряпчій, человѣкъ ужь довольно пожилой, благодушнѣйшій, добрый, страстно любилъ дѣтей. Приласкать ребенка, потолковать съ нимъ, если можно, то чѣмъ нибудь его наградить и порадовать, было для него истиннымъ наслажденіемъ. Онъ успѣлъ уже прежде ознакомиться съ маленькой Машуткой, бойкой и разговорчивой — что всегда бываетъ признакомъ смышленаго ребенка, — привадить ее къ себѣ, какъ говорится, и вступить съ ней въ самыя пріятельскія отношенія. Собираясь уѣхать, подозвалъ онъ къ себѣ Машутку и попотчивалъ сахаромъ. Машутка, вовсе неробкая, взяла сахаръ и,

Digitized by Google

кусая его, осталась подлѣ стряпчаго. Въ это время тотъ вынулъ платокъ, чтобы просто высморкаться. Платокъ былъ не франтовской, бумажный, красный и клѣтчатый.

— Платокъ славный! сказала Машутка, любуясь имъ.

— Иль тебѣ полюбился красный?

— Красный, отвѣчалъ ребенокъ, словно вглядываясь въ платокъ. — Вотъ и у сестры Акулины былъ тоже красный.

— Красный же?

— Да и сарафанъ красный, и рубашка и тяпка красныя.

Слѣдователи переглянулись.

Какъ будто выброшенная какой-нибудь посторонней силой, выскочила въ эту минуту старуха изъ-за перегородки и кинулась на ребенка.

— Пошла вонъ! пошла вонъ! въ неистовствѣ кричала старуха, толкая дѣвочку изъ избы.

— Нѣтъ, постой, тетушка! Поди-ка ты вонъ, а Машутку оставь съ нами, — сказали слѣдователи.

— Да что вы, отцы мои, неразумнаго-то младенца слушаете. Вретъ себѣ...

— Ну ужь, тетушка, это наше дѣло, пусть вретъ, а ты подобру, по-здорову отсюда выйди.

Отца, мать, Акулину и главныхъ домашнихъ Кондратія сейчасъ-же разсадили подъ надзоръ въ разныхъ мѣстахъ, чтобы они не могли имѣть никакихъ между собой сообщеній.

Слѣдователи обратились опять къ дѣвочкѣ, остававшейся въ избѣ, и стали ее разспрашивать.

Разспросы сперва пошли плохо: дѣвочка, испуганная происшедшимъ переполохомъ, замялась и болѣе не отвѣчала на вопросы. На-силу ее успокоили: усадили, стали ласкать, угощать чаемъ и сахаромъ, и наконецъ узнали отъ нея, что Акулина какъ-то разъ, поздно вечеромъ, вернулась домой въ одежѣ залитой кровью и съ окровавленной тяпкой, и что одежу эту пока спрятали на ледникъ, въ самый дальній уголъ, за какую-то кадку.

Любопытный ребенокъ все это высмотрѣлъ.

Слѣдователи немедленно отправились на ледникъ и чрезъ минуту-же окровавленные рубашка и сарафанъ Акулины были вытащены въ одномъ углу изъ снѣга изъ подъ кадки.

Привели Акулину. Молча показали ей слѣдователи ея одежу.

Digitized by Google

— Тяпкой? коротко и прямо спросилъ Акулину одинъ изъ слѣдователей.

Озадачилъ такой вопросъ Акулину и она показалась сейчасъ-же. Вслѣдъ за ней показались отецъ и мать ея, хотѣвшіе скрыть преступленіе дочери.

Оставалось узнать самыя любопытныя, такъ мало согласовавшіяся съ естественнымъ порядкомъ вещей подробности преступленія. Акулина, которой скрываться было уже нечего, разсказала ихъ сама-же.

Простясь съ мужемъ у околицы, она дѣйствительно вернулась въ избу и взяла «тяпку», инструментъ, можетъ быть, не всѣмъ изъ нашихъ читателей извѣстный.

«Тяпкой» называется инструментъ, состоящій изъ невысокой деревянной палки, къ концу которой горизонтально придѣлано желѣзо, довольно узкое и длинное и обыкновенно хорошо въ нижнемъ своемъ концѣ выточенное. Употребляется этотъ низшему классу очень знакомый инструментъ всюду, гдѣ только на Руси рубятъ заготовленную на зиму капусту; онъ исключительно для этого назначенъ, безъ него такое заготовленіе никогда не обходится. Спрятавъ, чтобы не подать никакого подозрѣнія, свою хорошо отпущенную тяпку подъ полу, Акулина уже не пошла улицей, а бросилась вслѣдъ за уѣхавшимъ мужемъ задворками селенія; никого не встрѣтила, выбѣжала въ поле, потомъ на дорогу и пустилась въ погоню. Догнать Паньку ей было не трудно: она бѣжала шибко, а тотъ ѣхалъ шагомъ. Подавъ ему, какъ только тотъ могъ услышать ее, голосъ, она дала ему знать, что нужно ей передать ему что-то. Панька остановился и Акулина скоро его настигла. Усталая, присѣла она опять въ сани и велѣла Панькѣ тронуть лошадь, то есть ѣхать дальше, сказавъ, что посидитъ съ нимъ и отдохнетъ, а домой еще успѣетъ потихоньку вернуться. Выдумать какой-нибудь предлогъ, изъ за котораго Акулина нагоняла мужа, было легко: она сказала, что забыла наказать съ нимъ, чтобы ей при случаѣ прислали изъ дома свёкра что-то изъ забытыхъ ею нарядовъ. Между тѣмъ разговаривая, они отъѣхали уже довольно далеко отъ Янчуженскаго Майдана, — и вотъ тяпка, доселѣ спрятанная, вдругъ очутилась въ рукахъ Акулины и Панька внезапно получилъ сильно размахнутымъ и вѣрно направленнымъ остріемъ первый, а вслѣдъ за нимъ второй и третій удары въ голову. По

Digitized by Google

собственному признанію Акулины, ее овладѣло такое бѣшенство, такое какое-то неистовство или упоеніе злости, что она не могла уже удовольствоваться тѣмъ, что убила Паньку, но, шибко доѣхавъ до извѣстнаго уже читателю изволка, повернула въ него лошадь привязала къ кусту ее, чтобъ та не ушла опять на дорогу и куда-нибудь къ жилью, и порубила мужа на нѣсколько частей. Домой Акулина вернулась когда уже стало темно. Скрываться отъ домашнихъ, какъ тѣ ни переполошились, ей вѣроятно не было ни возможности, ни особенной нужды. Одежу ея спрятали покуда въ снѣгъ, а убрать какъ-нибудь получше было некогда,—да и то было ладно: кому пришло-бы въ голову разрывать снѣгъ подъ кадкой? Вскорости пріѣхалъ Никита и наступило первое, а потомъ сейчасъ-же за нимъ второе слѣдствіе, при которомъ такъ необыкновенно и случайно открылось преступленіе.

II

ПОЛОТЕНЦЕ

Грустно смотритъ природа во второй половинѣ октября, около осенней Казанской: опустѣли поля и печально стоитъ почти уже вовсе обнаженная, липовная листвы дуброва. Небо все въ тучахъ, которыя или сплошно, словно пологомъ, застлали его, или быстро несутся по немъ въ видѣ огромныхъ, разорванныхъ, густого свинцоваго цвѣта облаковъ; холодный дождь не переставая льетъ-себѣ по цѣлымъ суткамъ сряду; вѣтеръ такъ и рветъ и бушуетъ, звонко шелестя прибрежнымъ высохшимъ тростникомъ, клоня къ землѣ каждую тамъ и сямъ на бороздахъ оставшуюся и торчащую въ полѣ былинку, обрывая съ вѣтвей послѣдній далеко разлетающійся листъ и словно отыскивая въ жильѣ каждую щелку и скважину, чтобы, ворвавшись въ нее, завыть протяжно и заунывно. Рѣдко-рѣдко проглянетъ изъ-за тучъ низко ходящее по небу, блѣдное осеннее солнце, да и то не на радость проглянетъ, не оживитъ, не порадуетъ, а какъ-то ту-

Digitized by Google

скло и печально освѣтить окрестность, которая покажется тогда еще угрюмѣе и печальнѣе.

Подъ вечеръ такого октябрскаго дня, на каждомъ шагу мѣся ногами холодную и вязкую, липнущую къ обуви слякоть, какая всегда бываетъ въ эту пору года на глинистой почвѣ, — пробирался по обсаженному, на далекомъ, еле-обозримомъ пространствѣ, березками насыпному бульвару большой дороги отставной солдатъ-пѣшеходъ. — Съ-виду казалось ему лѣтъ пятьдесятъ, хотя въ самомъ дѣлѣ стукнуло съ небольшимъ сорокъ: много трудовъ, походовъ, боевой ломки перевидалъ нашъ «служба» на своемъ вѣку, такъ что по неволѣ раньше времени состарѣешься. Однако-жь многолѣтняя, истинно обратившаяся уже въ плоть и кровь привычка держаться всегда молодцовато и браво видимо не оставляла его ни на минуту: не смотря на докучливую слякоть, и шолъ и глядѣлъ онъ бодро; а вѣрно «служба» шолъ не изъ ближнихъ мѣстъ, такъ что пожалуй не вдругъ припомнить всѣ переходы и привалы.

Нельзя было взглянуть безъ уваженія и какой-то особенной, можетъ быть чисто-національной гордости на ту прекрасную, типически-характерную воинскую физіономію, какой отличался этотъ служивый и какія сплошь да рядомъ въ русскомъ войскѣ попадаются между старыми, крѣпко окуренными порохомъ, досыта на слушавшимися свиста пуль и ядеръ, закаленными въ бояхъ служаками. Русскій солдатъ! Да что можетъ быть лучше, почтеннѣе, прекраснѣе русскаго солдата! Это существо и вполнѣ народное, и вмѣстѣ оригинальное. Все, что только ни есть благороднаго, добраго и смѣлаго въ коренныхъ свойствахъ русскаго человѣка, — все это не только сохранилось, но оживилось дѣятельностію, развилось и окрѣпло въ русскомъ солдатѣ и приняло въ немъ совершенно самобытный, полный и серьозной грандіозности, и родного русскаго юмора складъ, какимъ не отличается ни одинъ еще воинъ, ни одинъ человѣкъ, однимъ словомъ никто, кромѣ русскаго солдата. Заботливый и вмѣстѣ беззаботный, берегущій дрянной кремешокъ съ избитымъ огнивомъ и клочкомъ вареной въ селитрѣ сахарной бумаги, вмѣсто трута, чтобы было чѣмъ раскурить трубку, и подшучивающій, подтрунивающій надъ смертью; какъ огня боящійся своего каптинармуса и небоящійся никакого еще огня въ мірѣ; умѣющій сдѣлать все, ничему не учась, а такъ — по наглядкѣ, да сметкѣ, или

Digitized by Google

просто по соображенію, а тѣмъ болѣе по приказанію; одаренный удивительной способностью все развѣдать и вывѣдать, самъ никогда не проговариваясь, обо всемъ догадаться, ко всему примѣниться, что называется «привѣситься», вѣрный и надежный товарищъ, образцовѣйшій подчиненный, — русскій солдатъ оригиналъ неподражаемый, характерный и замѣчательный въ высокой степени.

Вотъ таковъ-то былъ тотъ пѣшеходъ, который, подъ вечеръ нерадостно смотрящаго октябрскаго дня, терпѣливо одолѣвалъ страшную грязь и слякоть по бульвару большой дороги. Концы брюкъ темно-зеленаго сукна, съ краснымъ по швамъ кантомъ, были у него бережно засунуты въ голенища сапоговъ, немилосердно забрызганныхъ; сѣрая солдатская шинель застегнута; поверхъ воротника шинели надѣтъ мѣховой воротникъ, защищавшій лицо отъ вѣтра и холода; за плечами большая котомка, нестрашная спинѣ, привыкшей носить ранецъ; на головѣ фуражка безъ козырька, съ краснымъ околышемъ. Вотъ-бы и весь нарядъ пѣшехода-воина, если-бы не слѣдовало прибавить, что на шинели у лѣвой стороны груди виднѣлись не одна и не двѣ, а нѣсколько пришитыхъ, отъ непогоды уже потемнѣвшихъ орденскихъ ленточекъ. Съ разу можно было по нимъ видѣть какого полета птица нашъ отставной и куда, за какія рѣки и горы, летала она съ русскимъ орломъ.

— Какъ-бы не прошибиться! сказалъ наконецъ самъ себѣ служивый, остановившись и оглядывая окрестность съ лѣвой стороны дороги. — Нѣтъ! кажется такъ! продолжалъ онъ. — Вонъ и лѣсокъ, что былъ. Эвъ разросся! Времечко, времечко!

Онъ пошолъ далѣе и вскорѣ свернулъ съ большой дороги на первую на лѣво проселочную, прошолъ поле, потомъ береговой, перемѣшанный съ дубомъ лѣсокъ, который подняло въ порядочный лѣсъ «времечко» съ тѣхъ поръ, какъ онъ его не видывалъ, и вскорѣ очутился передъ околицей порядочной деревушки дворовъ въ тридцать.

День вечерѣлъ; мальчишки, дѣвчонки, которыхъ, какъ извѣстно, рѣдкая непогода удержитъ дома и которымъ вѣчно есть какое-нибудь дѣло на улицѣ, усердно, не смотря на «сиверку», то есть холодъ и вѣтеръ, шлендали по грязи босыми ногами, видимо стараясь какъ можно побольше забрызгаться и выбирая мѣста, гдѣ погрязнѣе.

Digitized by Google

— Здорово, вадоръ-народъ! сказалъ служивый мелочи, вытаращившей на него глаза и разинувшей рты. — Кто изъ васъ тутъ поумнѣе?

Вадоръ-народъ, вдругъ покончавъ бѣготню и остановясь какъ вкопанный на мѣстѣ, продолжалъ глазѣть съ недоумѣніемъ на любопытнаго прохожаго и не отвѣчалъ ни слова.

— Аль никого поумнѣе-то нѣтъ? — Ты? какъ тебя, что постарше?

— Чего тебѣ? отозвался мальчикъ году по восьмому.

— Жива-ли у васъ въ деревнѣ тетка Матрена?

— Какая Матрена?

— Матрена Михайлова, Егорова жена?

— Не знаю.

— А въ козлоки играть знаешь?

— Знаю.

— Ну, и слава Богу.

Служивый пошолъ далѣе, видя, что тутъ толку не добьешься.

Вскорѣ попалась ему женщина съ коромысломъ на плечѣ и полными ведрами воды. Служивый повторилъ ей вопросъ о Матренѣ Михайловой.

— Жива, жива, сердешный, отвѣчала женщина. — Стара стала, а жива. Вонъ ихъ изба, продолжала она, указывая рукой по улицѣ, — третья отъ колодца будетъ. — А что тебѣ до нея? прибавила баба съ обычнымъ въ деревняхъ любопытствомъ. — Аль дѣло есть?

— Дѣло есть, отвѣчалъ служивый. — Поклонъ ей несу.

И служивый направился къ указанной ему избѣ и, дошедши до нея, сѣлъ на завалинку.

«Постой», думалъ онъ, «подожду, авось кто-нибудь выйдетъ. Поведу рѣчь издалека».

Вышла тоже женщина, довольно еще молодая. Служивый приподнялъ фуражку; женщина поклонилась.

— Аль отдохнуть сѣлъ, служба? — начала она.

— Да, присѣлъ маленько.

— Обогрѣться-бы пошолъ.

— Спасибо на добромъ словѣ. Чья ето изба?

— Николая Корытова.

«Ну, такъ и есть», подумалъ про себя служивый, — «ето сынъ. Мальчишкой тогда былъ».

Digitized by Google

— А что, молодушка, сказалъ онъ, — смеркается: не пріютете-ли вы служиваго переночевать?

— Спросись у хозяина.

— А гдѣ хозяинъ-то?

— А вотъ я кликну.

Женщина отворила калитку и закричала въ нее: «Николай! поди сюда, нужно».

Мужикъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, рослый, здоровый показался у калитки. Служивый опять приподнялъ фуражку; хозяинъ отвѣчалъ: «по добру, по здорову».

— Вотъ, начала женщина: — служба переночевать просится.

— Одолжи, хозяинъ, уголка прохожему служивому на ночь приткнуться.

— За чѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ. — Милости просимъ.

Прохожій воинъ вошолъ въ избу, помолился на иконы, раскланялся съ хозяевами и сталъ раздѣваться. Онъ остался въ чемъ-то вродѣ полукафтанья или сибирки изъ толстаго сукна.

— Кто это тамъ?—послышался старушечій голосъ съ печи.

— Прохожій служака, тетушка, — отвѣчалъ солдатъ.

Старуха слѣзла съ печи. — Ей было лѣтъ шестьдесятъ. «Узнаетъ-ли?» подумалъ служивый.

— Издалека-ли Богъ несетъ? спросила старуха.

— Да не изъ-близка, тетушка. Изъ Финляндіи.

— Это гдѣ, батюшка?

— За Питеромъ, за моремъ.

— Вишь-ты, какихъ земель нѣтъ! Отродясь и не слыхивала.

— Видно, тетушка, у тебя родныхъ въ службѣ не водится и вѣсточекъ нѣтъ, вотъ о земляхъ-то и не слышишь.

— Вѣсточки-то со службы рѣдки, отвѣчалъ хозяинъ, — а родныхъ какъ не быть: мало-ли народу въ службѣ! Покойнаго отца братъ меньшой.

«Стало-быть, Егоръ померъ» — подумалъ служивый.

— Племянникъ родной у меня въ солдатахъ, подхватила старуха. — Кресьникъ еще мой. Давно ужь.

— А давно-ли, тетушка? — спросилъ служивый, видя, что старуха его не узнаетъ.

Digitized by Google

— Лѣтъ двадцать, что-ль, будетъ, родимый. Можетъ и больше.

Полныхъ двадцать пять лѣтъ, честно и кровно выслуженныхъ по старому воинскому положенію служебнаго срока, сокращоннаго Императоромъ Николаемъ, двадцать пять лѣтъ, втеченіе которыхъ одинъ Богъ только знаетъ гдѣ не перебывалъ нашъ теперешній отставной пѣшеходъ-служивый, — не заглядывалъ онъ домой. Писалъ онъ рѣдко, изъ дому получалъ письма еще рѣже, потому что не всегда зналъ куда велѣть адресовать ихъ. Узнать-же въ нѣсколько суровомъ на видъ, старѣющемся служакѣ прежняго молодого и свѣжаго парня было рѣшительно невозможно.

— И вѣстей объ немъ нѣтъ?..

— Да и Богъ знаетъ сколько лѣтъ нѣтъ. Чай убили сердешнаго, али самъ умеръ.

— Матушка кресная, сказалъ тогда служивый старухѣ, — встань-ка, да обоймемся: я твой кресьникъ Григорій Лыковъ.

Старуха только всплеснула руками и на первыхъ порахъ не могла проговорить ни слова.

Обниманьямъ, радости конца не стало, когда въ забредшемъ случайно пѣшеходѣ-воинѣ узнали родного, близкаго человѣка, котораго почитали совсѣмъ погибшимъ. Не знали гдѣ посадить его, чѣмъ угостить, какъ приголубить. Словно праздникъ какой пришолъ на семью: молодая хозяйка, жена Николая, та самая, съ которой служивый разговаривалъ у воротъ, принялась стряпать кое-что получше къ ужину, а старуха, крестная мать Григорья, такъ и не отходила отъ него.

— Ну, хорошъ-бы ты былъ, Николай, сказалъ старый служака хозяину, — если-бы двоюроднаго брата на дворъ не пустилъ.

— А кто-жь тебя зналъ! Вишь ты съ какой хитростью подъѣхалъ. Сказался-бы, такъ-бы и двери настежъ.

— Господи! Господи! твердила старуха. — Думано-ли, гадано-ли: свидѣться Богъ велѣлъ.

Пошли съ обѣихъ сторонъ разспросы, розсказни. Служивый поспѣшилъ освѣдомиться о матери, — о смерти отца зналъ онъ уже прежде. Оказалось, что Аграфена, старшая сестра Матрены, выданной въ замужество въ ту деревню, которую по дорогѣ домой непремѣнно долженъ былъ пройдти нашъ служивый, жива

Digitized by Google

и живетъ въ прежней своей деревнѣ Голенищакъ, изъ которой былъ отданъ въ рекруты Григорій, верстахъ въ семи отъ Борщова, гдѣ жила Матрена; что мать больно стара стала и перехоронила всѣхъ домашнихъ. Послѣ смерти мужа и меньшого сына, брата Григорьева, и послѣ смерти невѣстки взяла она къ себѣ дѣвочку, внучку, дочь меньшого сына и живетъ съ ней въ бобылкахъ.

«Бобылемъ», «бобылкой» называются на Руси мущины и женщины, живущіе безсемейно, одиночно. Обыкновенно выстраиваютъ они себѣ, — выбравши мѣсто на «пригрѣвѣ», на упорѣ солнца, гдѣ зимой посвѣтлѣе да потеплѣе, гдѣ-нибудь въ концѣ деревни или на задворкахъ, или тамъ, гдѣ прерывается и расходится порядокъ деревенскихъ избъ, напримѣръ у серединнаго въ деревнѣ пруда, или близь церкви, — небольшую избенку, гдѣ-бы можно только печку сложить и самому умѣститься, — а чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе и топлива меньше надо. Живутъ или, какъ говорится, переколачиваются они кой-какъ, да и кой-чѣмъ, не то какимъ-нибудь мелкимъ промысломъ, не то подаяніемъ, чаще всего тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Бѣдняки, такъ-себѣ горемычные, почти всегда старье, почти всегда безродные, коротаютъ они понемногу свой вѣкъ, пока не пошлетъ Богъ по́-душу и не отнесутъ ихъ добрые люди на Божью ниву...

Въ разспросахъ и розсказняхъ незамѣтно прошолъ у служиваго и хозяевъ весь длинный вечеръ; говорили, говорили, — наговориться не могли. Много кое-чего диковиннаго поразсказалъ служака. Слышишь, да не вѣришь, — не то былъ, не то сказку слушаешь. Ну, съ другой стороны, стали тоже припоминать да считать своихъ земляковъ, родныхъ да знакомыхъ, — большой недочотъ оказался! Смотришь, — стараго-то лѣсу немного и щепъ осталось, а все ужь отъ сломленнаго пня молодёжникъ бѣжитъ. Далеко за полночь вспомнили, что уже поздно и улеглись спать. На утро служивый собирался дойдти до старухи-матери.

Наступило утро. По деревенскому обычаю позавтракали рано и Григорій началъ прощаться.

— Нѣтъ, постой, касатикъ, заговорила мать крестная. — Какъ-же мнѣ тебя на такихъ радостяхъ да безъ подарка отпустить.

— Полно, матушка кресная, что за подарки! Спасибо за-хлѣбъ за-соль, да за доброе слово.

Digitized by Google

— И, родной, что ты, отозвалась старуха съ какимъ-то упрекомъ, какъ будто-бы крестникъ пренебрегъ исполненіемъ какого-нибудь обряда. — Какъ-же это можно!

Какой подарокъ въ деревнѣ, у бѣдныхъ простолюдиновъ!

Старуха отправилась въ клѣть, рылась-рылась тамъ въ какомъ-то сундучишкѣ безъ замка и пробоя и наконецъ достала изъ этого сундука цѣлый свертокъ довольно тонкаго, выбѣленнаго и въ извѣстныхъ мѣстахъ по размѣру пробраннаго узорами и затканнаго красной бумагой холста. Это былъ цѣлый свертокъ совсѣмъ готовыхъ, но только неразрѣзанныхъ полотенецъ. Старуха и ткала, и бѣлила, и пробирала ихъ сама, готовя такое добро въ приданое одной изъ дочерей Николая, дѣвушкѣ еще молоденькой, чтобы та, когда за-мужъ выйдетъ, поминала бабушку. Отрѣзавъ ножницами отъ цѣлаго свертка одно полотенце, старуха вошла съ нимъ въ избу.

— На, мой касатикъ! Не побрезгуй отъ матери кресной.

Служивый взялъ полотенце, почтительно поклонился за подарокъ и вскорѣ простился и вышелъ.

— А вотъ я васъ съ Аграфеной-то навѣщу, говорила Матрена, провожая служиваго за калитку. — Непремѣнно навѣщу. Хоть завтра-же прибреду да на васъ порадаюсь. И её-то ужь давно не видала! За мной, старухой, ни какое дѣло здѣсь стоитъ, возьму да и приду.

И точно никакого дѣла за старухой въ домѣ не стояло: кромѣ жены Николая, въ домѣ была еще работница, стало-быть, безъ старухи обойтись было можно.

Побрелъ служивый, опять мѣся ногами холодную и вязкую слякоть. Шолъ-шолъ, завиднѣлось ему наконецъ Борщово.

Служивый на минуту остановился, снялъ фуражку и перекрестился. Стало ему что-то и грустно и весело, и какимъ-то неопредѣленнымъ, сладко-томительнымъ чувствомъ забилось подъ сѣрой солдатской шинелью съ полинялыми орденскими ленточками его старое сердце.

Сколько лѣтъ прошло, сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ онъ Борщова!

— Ну, вотъ, и на родину, сказалъ самъ про себя Григорій Лыковъ.

И вошолъ онъ на родину.

Digitized by Google

Поспросилъ кое-у-кого, отыскалъ бобылку Аграфену. Посмотрѣлъ на нее да и сжалился, чуть слеза на рѣсницѣ не повисла. Больно плоха и хила стала старуха. И жила-то она бѣдно-бѣднехонько; ужь извѣстное дѣло—какое житье въ бобылкахъ! Григорій не хотѣлъ вдругъ сказаться матери, какъ не сказался вдругъ тоткѣ. «Посмотрю что будетъ», думалъ онъ. Старуха только что ветала и хлопотала что-то около печи, топленной еще вчера.

— Бабушка! сказалъ служивый, — дай-ка обогрѣться, зашолъ по дорогѣ, озябъ что-то?

— Пожалуй, сердешный, обогрѣйся.

— Ну, вотъ и спасибо, отвѣчалъ служивый, раздѣваясь и садясь къ столу.

— Аль печи не топишь, бабушка?

— Эхъ, сердешный; ты-бы гдѣ дровъ нарубилъ да принесъ.

— Завтракать что-ль сбираешь?

— Завтракъ Богъ и безъ печи дастъ. Дѣвчурку собирать хлѣбушку послала.

«Вотъ оно что!» подумалъ про себя Григорій и стало ему больно, больно невесело, глядя на старуху мать, жившую когда-то семейно, домовитой хозяйкой, а теперь кое-какъ перебивавшуюся.

— Что-же это ты, бабушка, въ бобылкахъ живешь? Аль родныхъ нѣтъ что-ль пріютить тебя на старости?

— Были, да сгнили, сердешный.

— Примерли, что-ль?

— Всѣ примерли.

— Будто ужь никого и не осталось?

— Есть сестра родная; пожалуй и взяла-бы меня, да вѣдь я самъ-другъ, съ внучкой маленькой, — что племянника заѣдать идти. Отъ насъ ему ни какая послуга! Лишніе зубы на хлѣбъ, только.

— Для чего-же ты это изъ печи-то горшки выставляешь?

— Да благо печь вчера топлена, попариться собралась.

Во многихъ глухихъ мѣстахъ или такъ называемыхъ «горныхъ» углахъ нашей Россіи, удаленныхъ отъ центровъ торговой дѣятельности и всегда оживляющихъ страну боевыхъ, горныхъ

Digitized by Google

путей сообщенія между этими центрами, въ углахъ, гдѣ народъ преимущественно домосѣдъ, пахарь, а не мастеровой, не промышленникъ, который съ полгода проживаетъ въ большихъ городахъ на работахъ, — во многихъ такихъ, говорю, углахъ простолюдинъ до сихъ поръ не знаетъ другого способа мыться и париться, какъ въ печи. Обычай этотъ происходитъ вовсе не отъ безлѣсья, которымъ можно было-бы объяснить его, — напротивъ, очень многіе изъ подобныхъ угловъ находятся въ странахъ, изобилующихъ лѣсомъ, гдѣ не дорогого стоитъ срубить баню и никому и въ голову не придетъ пожалѣть лишняго норой для нея топлива, а такъ ужь, — заведено себѣ и ведется.

Печь, въ которой иногда моются и которая такимъ образомъ отправляетъ двѣ службы: постоянную, печи кухонной, и временную, бани, — устроивается нѣсколько иначе противъ обыкновенной «русской» печи. Впрочемъ отличіе бываетъ небольшое, и такъ какъ оно существуетъ внутри, а не извнѣ печи, то и замѣтить его невозможно, и съ перваго взгляда печь эта представляется такой-же, какъ и всякая простая избная печь, довольно, правду сказать, неуклюжая и нескладная. Все отличіе заключается въ томъ, что сводъ внутри такой печи поднятъ отъ подины, на которую обыкновенно, при изготовленіи кушанья, ставятся разные горшки и корчаги, не на аршинъ, а четвертей на пять или аршина на полтора. Само собой понимается, что, моясь, стоять въ ней невозможно, а надо или лежать, или сидѣть на корточкахъ. Впрочемъ народъ такъ ухитряется, что отлично хорошо и моется и парится-себѣ въ подобныхъ печахъ, въ которыя точно такъ-же плескаютъ водой или, говоря техническимъ словомъ, «поддаютъ», какъ въ баняхъ на каменку; отъ нагрѣвшихся кирпичей валитъ паръ и сидящій въ печи преспокойно парится сухимъ, только нѣсколько намакиваемымъ березовымъ вѣникомъ, хорошо извѣстнымъ всей Руси.

Моются въ печахъ почти всегда на другой уже день послѣ того, какъ печь была топлена, иначе невозможно было-бы перенести страшнаго жара въ такомъ узкомъ и тѣсномъ пространствѣ. Топятъ-же её, хотя по большой части и наканунѣ, но пожарче, да и то всегда, чтобы залѣзть мыться, подстилаютъ на подину мокрой соломы, чтобы не лечь тѣломъ на горячіе кирпичи и не обжечься.

Все это было очень хорошо извѣстно Григорью, родившемуся

Digitized by Google

и выросшему въ Борщовѣ, гдѣ обычай париться въ печахъ былъ общій.

— А что, бабушка, сказалъ онъ матери, — вотъ-бы тебѣ спасибо, какъ-бы и мнѣ дала выпариться, служилыя кости помять да расправить. «Постой» — думалъ самъ про себя Григорій — «вымоюсь, выхолюсь, да ужь съ старухой толкомъ и поздороваюсь».

— Пожалуй, мой свѣтъ, отвѣчала старуха. — Что-жь, Богъ съ тобой; дѣло твое дорожное, попарься-себѣ.

— Ну, дай тебѣ Богъ здоровья.

Когда все въ печи было приготовлено, хозяйка пригласила своего гостя отправиться мыться. Григорій сталъ раздѣваться. Пока онъ раздѣвался, старуха присѣла въ углу своей избенки и очень хорошо разслушала какъ звякнулъ стукомъ крупныхъ серебряныхъ монетъ мѣшочекъ порядочной величины, снятый служивымъ съ груди. Можетъ быть онъ не совсѣмъ осторожно до него дотронулся или, что еще скорѣе, вовсе не почолъ за нужное остерегаться.

«Э, да у служиваго-то деньги!» — подумала старуха.

Между тѣмъ Григорій, снявъ все, кромѣ креста, съ которымъ русскій человѣкъ никогда не разстается, и завернувъ мѣшочекъ съ деньгами въ одежу, влѣзъ уже въ печь.

Страшная, адская мысль блеснула въ головѣ старухи. «Убью и возьму деньги», думала она. — «На старости лѣтъ мнѣ кусокъ хлѣба и Лукерьѣ приданое».

Точно какъ огнемъ стала жечь мысль эта старуху, и вскорѣ не вытерпѣла и подошла старуха къ печи.

— Не поддать-ли, касатикъ? спросила она Григорья.

— Поддай, родная.

Старуха плеснула водой и сейчасъ-же печь и вся избенка наполнились паромъ, такъ что почти ничего не стало видно. Григорій началъ париться. За частыми ударами вѣника, которыми онъ усердно награждалъ себя, онъ не могъ разслушать движеній старухи по избѣ.

Бережно сняла старая Аграфена съ полатей какой-то шестикъ, съ проворствомъ, вовсе-бы ея лѣтамъ несвойственнымъ, подбѣжала къ печи, мгновенно приставила къ ней заслонку и приперла ее однимъ концомъ шестика, уперши другой его конецъ въ стѣну.

Digitized by Google

Вылѣзти изъ печи не было уже никакой возможности.

Страшно крикнулъ Григорій.

— Матушка! матушка! раздался его голосъ изъ печи, — что ты!

Но старухи уже не было: сама-ли испугавшись страшнаго своего дѣла или чтобы не слыхать воплей несчастнаго, запертаго въ печи, — старуха бросилась изъ избы со всѣхъ ногъ и заложила дверь наружнымъ крюкомъ.

Кое-гдѣ шаталась она около получаса. Въ это время встрѣтилась ей внучка Лукерья, или Лушка, какъ называли ее, дѣвочка году по одиннадцатому. Чтобы отъ нея избавиться и притомъ на долгое время, такъ какъ присутствіе Лушки могло теперь только стѣснить ее, разбранила старуха дѣвочку, что та будто-бы мало насбирала милостынки, съ сердцемъ прогнала ее сбирать еще въ сосѣднюю деревню, версты за три. Лушка чуть не со слезами, а пошлелась. Тогда только преступница вернулась въ избу и отдвинула заслонку. Григорій, задохшійся въ невыносимомъ жару, былъ уже давно мертвъ.

Старуха вытащила его поскорѣй изъ печи и не безъ труда спѣшно убрала въ хлѣвъ, куда загонялись овцы. Покончивъ это, обратилась она къ имуществу убитаго. Прежде всего былъ осмотрѣнъ мѣшочекъ, бывшій причиною этого страшнаго дѣтоубійства. Въ мѣшкѣ оказалось рублей до восьмидесяти денегъ, частію ассигнаціями, частію звонкой монетой. Одинъ Богъ только зналъ какими путями и въ какія времена набиралась эта казна старымъ служакой, мало-ли гдѣ на своемъ вѣку перебывавшимъ!

Все, что относилось собственно къ солдатской амуниціи, было Аграфеной собрано, положено въ печь и сожжено. Невелико, кромѣ найденныхъ старухой денегъ да амуниціи, было имущество несчастнаго Григорія, котораго столько лѣтъ щадила судьба на поляхъ битвъ и Богъ вѣсть въ какихъ походахъ и привела домой только за тѣмъ, чтобы такъ ужасно покончить жизнь, да еще руками родной матери. Нашлось двѣ-три рубахи, еще кой-что изъ бѣлья и между нимъ только-что подаренное крестной матерью полотенце.

— Вишь-ты, совсѣмъ новенькое! сказала старуха, разсматривая полотенце, которое ей видимо понравилось.

И она повѣсила его на гвоздь у лоханки. Остальное, что сжечь пожалѣла, убрала въ какой-то сундучишко.

Digitized by Google

Поздно вернулась Лушка почти что съ полной котомкой разныхъ, Христа ради поданныхъ кусковъ хлѣба и пироговъ. Пообѣдали, прошолъ день, прошла и ночь. Старуха все думала — какъ ей избавиться отъ мертваго тѣла и рѣшилась вытащить его слѣдующей-же ночью и бросить на дорогѣ отъ себя подальше: кто на неё подумаетъ!

Опять заглянуло въ окно Аграфенной избенки тусклое октябрское утро. Около обѣда отворилась дверь и, откуда ни взялась, вошла Матрена.

— Здравствуйте, родныя, весело сказала она: — по-добрули, по-здорову на радостяхъ поживате?

— А, здравствуй, Матрена. Какія это у тебя такія радости?

— А у тебя, небось, нѣтъ?

— Да что за радости?

— А Григорій-то гдѣ?

— Какой Григорій? спросила Аграфена такъ, какъ будто сто пудовая тяжесть вдругъ легла ей на языкъ.

— Вотъ тебѣ на! Какой Григорій? Аль у него прикидываться-то выучилась? Извѣстно какой Григорій, кресьникъ, сынъ твой.

— Гдѣ ты его видѣла? спросила старуха сестру. — Въ глазахъ Аграфены было видно что-то вродѣ помѣшательства.

— Слава тебѣ, Господи! гдѣ видѣла? Чай у насъ видѣла. Ко мнѣ заходилъ по дорогѣ, переночевалъ, да къ тебѣ пошолъ.

— Да что-жь ты молчишь? начала опять Матрена.

— У меня Григорій не былъ, отвѣчала старуха глухимъ голосомъ.

Матрена посмотрѣла на нее съ удивленіемъ. Нѣсколько мгновеній прошло въ совершенномъ молчаніи.

— А это что? наконецъ спросила Матрена, быстро вставая съ лавки и снимая съ гвоздя слишкомъ знакомое ей полотенца. — Чай это я ему подарила? Какъ къ тебѣ зашло?

Несчастная преступница схватилась руками за голову.

Полотенце все открыло.

Лѣта Аграфены уже избавляли ее по закону отъ тѣлеснаго наказанія. Въ преклонной старости, терзаемая совѣстью, отправилась она по общей преступникамъ дорогѣ. Неизвѣстно уже хватило-ли у нея силъ добраться до мѣста ссылки.

Digitized by Google

III

МЕРКУЛЫЧЪ

I

Какъ только во второй половинѣ рожественскаго поста, называемаго нашимъ простолюдьемъ и «Филипповками», потому что онъ начинается со дня апостола Филиппа, — наступаетъ 12 число декабря, день, въ который наша церковь празднуетъ память св. Спиридона Тримифійскаго, — рѣдкій русскій человѣкъ, которому уже порядочно надоѣли короткіе осенніе и зимніе дни, смѣняющіеся длинными, невѣроятно-длинными ночами, не скажетъ съ особенной радостью: «вотъ и *Спиридонъ-поворотникъ* пришолъ» и не прибавитъ, вслѣдъ за тѣмъ, необходимой, всегда уже тутъ прибавляемой поговорки: «солнце на лѣто, а зима на морозъ.»

Сначала, какъ извѣстно, день прибываетъ незамѣтно. Сельскія вечерники, или такъ-называемыя «посидѣлки, начавшіяся еще съ самой осени, продолжаются въ своей всегдашней работой, балагурствами, смѣхомъ, сказками и другими турусами-на колесахъ. Крестьянинъ и въ эту пору года встаетъ, какъ и всегда, рано и отправляется съ фонаремъ въ рукѣ или сушить овинъ, или на гумно молотить высушенное.

Чѣмъ ближе къ празднику Рождества, тѣмъ все замѣтно оживляется: по большимъ столбовымъ и другимъ торнымъ торговымъ дорогамъ длинною вереницею тянутся безконечные обозы; въ городахъ и большихъ селахъ базары становится людиѣе и шумнѣе: все копошится, движется, прицѣняется, продаетъ, покупаетъ. Что только можно сбыть, то тащатъ на базаръ. Это — веселое, дѣятельное время, оживленное на Руси уже самымъ ожиданіемъ большого праздника.

Вотъ въ такое-то время, лѣтъ около сорока или болѣе тому назадъ, въ одномъ селеніи Р-го уѣзда Я-ой губерніи, раннимъ крестьянскимъ утромъ, начинающимся до свѣта, мужикъ лѣтъ тридцати-осьми отъ роду, изъ себя, можно сказать, молодецъ,

Digitized by Google

довольно высокой, статный, плечистый, съ открытымъ и пріятнымъ лицомъ, окладистой темнорусой бородой и такими-же кудрями, одѣтый въ добрый дубленый полушубокъ, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ, — закладывалъ на дворѣ лошадь, спѣша на одинъ изъ предрожественскихъ базаровъ.

Не успѣлъ онъ еще совсѣмъ заложить своего добраго, круглаго и рѣзваго гнѣдка, какъ съ улицы постучались въ ворота и послышался голосъ:

— Меркулычъ, скоро-ли?

— А вотъ сейчасъ за тобой заѣду, — отвѣчалъ Меркулычъ.

Заложивъ лошадь, онъ вошолъ въ избу, перекрестился, потушилъ фонарь, который былъ у него въ рукѣ, потомъ отправился отворять ворота, вывелъ гнѣдка подъ уздцы на улицу и повернулъ его направо противъ самыхъ воротъ своего «шабра», то есть сосѣда.

— Василій, я пріѣхалъ, выходи, — закричалъ въ свою очередь Меркулычъ.

На этотъ зовъ отворилась калитка и въ ней показался мужикъ, тоже какъ и Меркулычъ лѣтъ около сорока, только пониже Меркулыча ростомъ и не такой, какъ онъ плечистый.

— Пособи, пожалуста, тушу ввалить. Одинъ не поднимешь, тяжела больно, — сказалъ мужикъ.

Меркулычъ молча отправился за сосѣдомъ въ глубь его двора, вмѣстѣ подняли они тушу, большого убитаго и уже опаленаго борова, ввалили его въ сани, сѣли и поѣхали доброй рысью по дорогѣ къ городу, находившемуся всего въ какихъ-нибудь семи или осьми верстахъ отъ ихъ селенія.

День начиналъ брезжить когда они пріѣхали въ городъ; на базарной площади народъ такъ и кишилъ.

Меркулычъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ и кумомъ своимъ Васильемъ Козыремъ проѣхалъ прямо къ мяснымъ рядамъ и вскорѣ Василій, при Меркулычѣ-же, выгодно сбылъ свою тушу одному лавочнику, за двадцать пять рублей ассигнаціями, на которыя тогда считали, и при Меркулычѣ-же получилъ деньги — двѣ красненькія и синенькую.

Послѣ этого сосѣди разстались: всякій отправился по своимъ дѣламъ.

Пока они ходятъ на базару и толкаются между народомъ, прицѣняются, продаютъ или покупаютъ, познакомимтесь побли-

Digitized by Google

же съ личностью Меркулыча, изъ жизни котораго приходится намъ разсказать одинъ дѣйствительно странный случай.

Карнъ Меркуловъ, всѣми вообще называемый просто «Меркулычемъ», былъ уроженецъ того самаго селенія, въ которомъ мы встрѣтились съ нимъ въ началѣ нашего разсказа. На седьмомъ году остался онъ послѣ отца круглымъ сиротой (мать умерла еще прежде) и былъ чуть не Христа ради призрѣнъ какимъ-то двоюроднымъ дядей, жившимъ неподалеку отъ ихъ деревни. Въ нуждѣ и безъ ласки, безъ привѣта и добраго слова росъ у этого дяди Меркулычъ лѣтъ до двѣнадцати и съ раннихъ лѣтъ на опытѣ узналъ какъ жестко чужое слово и какъ чужой хлѣбъ горекъ. Не то что у Меркулыча послѣ отца вовсе не осталось своего куска хлѣба, — напротивъ: осталась и избенка и хоть не богатое, а все-таки довольно полное крестьянское заведеніе и паи земли, — да кому было порядкомъ о сиротѣ мораздѣть и за него заступиться! Землю до совершеннолѣтія ребенка, по согласію двоюроднаго дяди съ міромъ, отдали въ наемъ, чтобы изъ этихъ денегъ выплачивать за одинокую душу сироты подушныя и другія повинности и выручать ему ежегодно кой-что на обувь и одёжу; движимость дяди распродалъ и полученныя за нее довольно порядочныя въ крестьянскомъ быту деньги, — угостивъ миръ, какъ будто-бы ради поминокъ по покойнику, а въ самомъ дѣлѣ ради того, чтобы всѣхъ задобрить и «на иной ротокъ накинуть платокъ», — взялъ къ себѣ же, или вѣрнѣе *себѣ-же;* избенка запустѣла, повихнулась на бокъ, солома на крышѣ сгнила и поразвѣялась вѣтрами и непогодами, приклади и застрѣхи посползли и поопустились; на завалинкѣ, подъ окнами, выросъ бурьянъ и вообще она глядѣла какимъ-то темнымъ и грустнымъ пятномъ въ порядкѣ сельскихъ избъ, поддерживаемыхъ домохозяевами.

Такъ прошло пять лѣтъ. До-сыта набѣгался Меркулычъ, босикомъ и еле-еле одѣтый въ какія-то обноски и лохмотья, по улицамъ и задворкамъ той деревни, куда взялъ его къ себѣ дядя; познакомился и съ голодомъ и съ холодомъ, съ тѣмъ, что называется на Руси попрекомъ, которымъ глаза колятъ, и разговоромъ, въ которомъ въ путь слова не скажутъ, и съ тѣмъ наконецъ, что выразительно называется у насъ пинкомъ, треухомъ и затрещиной. Когда Меркулычу минуло двѣнадцать лѣтъ, попечительный дядя сталъ не шутя помышлять о томъ, какъ-бы

Digitized by Google

избавиться отъ племянника и ктому-же выгоднымъ для себя образомъ, то есть получать съ его земли ему на хлѣбъ и одежу, а самому не кормить его своимъ хлѣбомъ и не давать своихъ обносковъ. Дѣло уладилось, почти что къ полному удовольстію дяди, скоро и клейко: въ одной изъ подгородныхъ слободъ нашолся старикъ огородникъ, который согласился взять къ себѣ мальчика безъ всякой платы на нѣсколько лѣтъ въ ученье, выговоривъ только для него отъ дяди самую уже необходимую одёжу и обувь.

И вотъ Меркулычъ переселился къ огороднику и по счастью попалъ въ добрыя руки. Старикъ хозяинъ былъ изъ замѣчательныхъ, типически-характерныхъ, прекрасныхъ личностей, самый видъ которыхъ внушаетъ невольное къ нимъ уваженіе. Это былъ высокаго роста, сановитый старикъ, съ серьозными, важными чертами лица, въ которыхъ было что-то мягкое и добродушное, съ тихой рѣчью и поступью, степенный и разсудительный. Кротко училъ онъ своему дѣлу взятаго имъ мальчика, не журя, не запугивая его, да и не давая ему слишкомъ много воли, а ведя дѣло тихо и ровно. Меркулычъ, послѣ житья-бытья у дяди, тутъ какъ-будто впервые свѣтъ увидалъ, вскорѣ-же полюбилъ своего хозяина со всей простотой и искренностію молодого сердца и старался всячески угождать старику. Прошолъ годъ, другой и третій, и оба, и хозяинъ и работникъ, были совершенно довольны другъ другомъ. Видя какъ дядя плохо одѣваетъ мальчика, старикъ иной разъ только рукой махнетъ да или купитъ на рубашку, или сапоги закажетъ, или другимъ чѣмъ приласкаетъ.

Извѣстное дѣло: и послѣдняя травка-былинка, безъ тѣсноты и духоты, въ теплѣ, въ затишьѣ, да на солнечномъ пригрѣвѣ, выбѣгаетъ скорѣе, бываетъ и зеленѣй и злачнѣй чѣмъ та, которая глохнетъ въ тѣни и глуши и зябнетъ на холодномъ вѣтрѣ. Тоже и съ человѣкомъ, особливо съ молодымъ, когда вырастаетъ онъ въ добрѣ и ласкѣ, когда кругомъ его тишь и порядокъ, постоянное и разумное дѣло, и всегда готовый ему разумный и недосадный совѣтъ.

Изъ Меркулыча видимо выходилъ бодрый, славный молодой парень. Хозяинъ привязался къ нему наконецъ всей душою и нерѣдко, глядя на питцома, съ самодовольствомъ помышлялъ: — «что посѣешь, то и пожнешь.»

Digitized by Google

Когда кончился срокъ ученью ни хозяинъ, ни ученикъ и не подумали разставаться, а только въ самыхъ короткихъ словахъ переговорили о своихъ новыхъ отношеніяхъ. Старикъ сразу-же положилъ Меркулычу очень порядочное жалованье, на что бывшій ученикъ только смолчалъ и поклонился старику въ поясъ; и самъ-же старина надоумилъ Меркулыча вступиться за свои права на отцовскую землю, говоря, что «чужого брать не подобаетъ и своего упускать не слѣдуетъ.» И тутъ не обошлось безъ умнаго и полезнаго совѣта — гнуть дугу паривши, не начинать дѣла съ бою, да съ кондачка, однимъ словомъ «гадью», а начинать его «гладью», тихо и разсудительно. Посовѣтоваться сначала, хоть такъ изъ чести, со старшими, поговорить подружески съ ровными, никому не досадить и со всѣми поладить. Такъ Меркулычъ и сдѣлалъ; онъ повелъ дѣло такъ, что пришедшаго въ первый разъ, по крайней мѣрѣ на возрастѣ, на родину кроткаго, обходительнаго парня похвалили и полюбили всѣ; онъ получилъ отцовскій участокъ и отдалъ его сейчасъ-же въ наймы, только почти что вдвое противъ прежней цѣны.

И вотъ опять одинъ за другимъ пошли годы, — годы тихой и трудовой жизни. Меркулычъ, безъ порывовъ и надсады, работалъ однако много, тратилъ на себя мало, стало быть неудивительно, что въ нѣсколько лѣтъ, у него отъ жалованья и выручки за отцовскую землю завелись кое-какія деньги. Это была честная, большею частью потомъ добытая копѣйка, которой не мудрено знать цѣну. Вотъ почему не ослѣпила, не увлекла она Меркулыча куда-нибудь съ прямой и торной дороги вкривь и вкось, и молодому малому и въ голову не приходило оставлять старика хозяина, замѣнившаго ему отца. Но на седьмомъ или восьмомъ году съ того времени, какъ Меркулычъ жилъ уже въ работникахъ, старикъ, въ послѣднее время замѣтно дряхлѣвшій, опасно заболѣлъ, слегъ и вскорѣ умеръ.

Наслѣдницей послѣ покойнаго была единственная его дочь, жившая въ городѣ съ мужемъ, какимъ-то мелкимъ торгашомъ не то изъ мѣщанъ, не то изъ неважныхъ купцовъ, человѣкомъ пустымъ и вздорнымъ, однимъ изъ тѣхъ людей, которые по пословицѣ: «на словахъ города берутъ, а на дѣлѣ плетня не заплетутъ.» Не даромъ такихъ людей мѣткій на слово русскій народъ выразительно называетъ «бахвалами» или, еще выразительнѣй, «безструнными балалайками.» Не только Меркулычъ, да и

Digitized by Google

самъ старикъ, въ свое время, не очень-то его долюбляли, а старикъ еще изъ-подтиха, сплошь и рядомъ, надъ зятемъ подтрунивалъ.

Не захотѣлъ Меркулычъ оставаться у новыхъ хозяевъ и на первыхъ-же порахъ послѣ смерти старика, не смотря на просьбы ихъ и уговоры, разсчитался съ ними, раскланялся и ушолъ на родину.

Дѣло было около половины великаго поста. Къ вскрытію-же весны, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде торчала ветхая лачужка Меркулычева отца, проданная имъ при самомъ полученіи наслѣдства за безцѣнокъ на сломъ, и гдѣ потомъ оставался пустырь, — явилась, словно изъ земли выросла, новенькая, чистая, просторная изба, лучшая во всемъ селеніи. Пришла полная весна, — и откуда ни взялись у Меркулыча работники, по большой части изъ прежнихъ, младшихъ, товарищей; отцовскій огородъ былъ расчищенъ; два или три сосѣдственные съ нимъ огорода наняты; закипѣла работа, разрыхленная и удобренная земля исполосилась длинными правильными грядами; даже въ серединѣ огорода былъ для необходимой поливки вырытъ колодезь и словно лапы протянулъ въ разныя стороны отъ своего торчащаго изъ-за сруба насоса длинные желобки, или лунки, къ поставленнымъ въ разныхъ мѣстахъ кадкамъ. Пришло время — и на грядахъ какъ иглы заторчали остроконечные перушки лука; зазеленѣлъ горькій цикорій съ своими хорошенькими, похожими при солнцѣ на золотыя пуговицы, цвѣтками; зазеленѣла, далеко кругомъ разливая свой сильный и пріятный запахъ, душистая мята; блеснулъ на свѣтѣ весь испещренный узоромъ багровыхъ и розовыхъ жилокъ листъ свекольника, и темными, густыми красками разостлалась тамъ и сямъ ботва другихъ овощей. Пришло другое время — и какъ угли засверкали красные головки махроваго мака и высоко поднялъ въ воздухѣ, словно оглядывая всю окрестность, свой желтый и рябой кругъ — неуклюжій подсолнечникъ.

Огородникъ остался огородникомъ и мастеръ своего дѣла сейчасъ-же сказался, — дѣло пошло какъ нельзя лучше. Все спорилось, все ладилось; только какъ-то пусто казалось Меркулычу и на огородѣ и особенно въ домѣ! Не доставало чего-то, чего онъ прежде не замѣчалъ, живши въ чужихъ людяхъ. Души не доставало, — хозяйки не было. А между тѣмъ, охотницъ къ

Digitized by Google

Меркулычу въ хозяйки напросъ-бы видимо-невидимо: не даромъ дѣвки смотрѣли на него ласково, а разныя кумушки на прямикъ говорили ему, что не одна чай по немъ сохнетъ и пора-бы ему надуматься... Меркулычъ только посмѣивался и отшучивался, — видно время не приходило.

И долго не приходило время, точно какъ-будто зацѣпилось оно гдѣ-то, застряло, и долго Меркулычъ только усмѣхался да отшучивался. Не шло, не шло, а все-же пришло время.

Вездѣ между веселымъ и бодрымъ божьимъ народомъ попадаются люди обездоленные судьбой, загнанные и запуганные, которые и на Божій свѣтъ какъ-то боятся глядѣть вольно и прямо, ни съ кѣмъ себя и ровнять не думаютъ, считаютъ себя всѣхъ плоше и хуже и точно держатъ уже себя «тише воды и ниже травы». Такова-то была въ томъ селеніи, гдѣ жилъ Меркулычъ, одна молодая и собой видная и красивая дѣвка, да такая-же безсчастная, какъ и Меркулычъ въ прежніе годы, сирота круглая. Жила она у какихъ-то дальнихъ родныхъ, у которыхъ, безпрестанно понукаемая и попрекаемая, работала изъ-за куска хлѣба не меньше доброй лошади. Стоило взглянуть на Пелагею, — развѣ слѣпой-бы только не увидалъ, что живетъ она не въ холѣ и радости, а, что называется, въ чорномъ тѣлѣ. Рѣдко-рѣдко, какъ солнце въ осенній день, покажется иногда на ея хорошенькомъ лицѣ улыбка, да и та, точно какъ осеннее-же солнце, какая-то блѣдная и холодная. Ходитъ Пелагея какъ-то потупясь, избѣгая всѣхъ, не только молодыхъ парней, съ которыми охотницы болтать ея подруги, сверстницы по лѣтамъ, да и самихъ подругъ, которымъ она себя считала неровней.

Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на Пелагею Меркулычъ, узналъ всю ея горькую долю, можетъ быть вспомнилъ свою прежнюю и какъ-то жаль ему стало сироты, а сирота, какъ нарочно, была хорошенькая! Сталъ съ ней Меркулычъ кланяться и заговаривать ласково, и приободрилось робкое сердце Пелагеи, стала она глядѣть на Меркулыча довѣрчивою и съ радостною лаской. Меркулычъ того и ждалъ: сталъ смѣлѣе, да улучивъ удобную минуту, столкнувшись гдѣ-то съ Пелагеей безъ постороннихъ, сказалъ ей вдругъ и прямо, что радъ-бы съ ней въ церковь идти. Пелагея отвѣтила, что и она рада, — и дѣло сладилось.

Digitized by Google

Не мало удивилась Пелагеина родня, когда на другое-же утро послѣ этого разговора Меркулычъ самъ пришолъ къ ней отъ себя сватомъ. Вскорѣ съиграли сватьбу и Пелагея вдругъ изъ прежнихъ «Палашенъ» перешла въ Пелагеи Васильевны.

Зажилъ Меркулычъ съ молодой хозяйкой такъ, что со стороны глядѣть было любо: ни ссоръ, ни вздоровъ; мужъ распоряжается, какъ и слѣдуетъ мужу, полному въ домѣ господину, возраженій не любитъ да и не слышитъ; иной разъ и круто что-нибудь скажетъ, да скажетъ дѣло. Хозяйка по своей части гоношитъ и хлопочетъ, и все у нихъ хорошо. Жилъ Меркулычъ, правда, не въ богатствѣ, а чуть-ли не лучше, чѣмъ въ богатствѣ, жилъ онъ въ довольствѣ: ни въ чемъ нужды у нихъ не было. Меркулычъ и погулять былъ не прочь при случаѣ, да только и гулялъ-то онъ съ толкомъ — въ мѣру и съ разумомъ.

Такъ прошло почти-что полныхъ десять лѣтъ женатой жизни Меркулыча, и дѣтьми его Богъ благословилъ: росла дочка, дѣвчонка хорошая, — того и гляди — невѣста; старшій сынишка ужь грамотѣ выучился и въ отцовское дѣло вникать начиналъ; былъ еще меньшой мальчуганъ, лѣтъ четырехъ, съ толстымъ брюшкомъ и на коротенькихъ ножкахъ, тоже очень отцу помогалъ: — то таскаетъ по огороду лейку съ прыскомъ въ шесть квасныхъ стакановъ водоема и поливаетъ изъ нея что ни попало; то схватитъ въ обѣ ручонки по порядочному огурцу или по небольшой рѣдькѣ, во время обора, и тащитъ ихъ, за другими, въ грудь.

Теперь вернемся на базаръ, гдѣ оставили мы Меркулыча между народомъ, приценивающагося къ нужному товару и запасающагося кое-чѣмъ для домашняго обихода.

Время было уже далеко за полдень, когда, порядочно набродившись, встрѣтились Меркулычъ съ кумомъ Василіемъ. Василій былъ замѣтно на-веселѣ.

— Пора, кумъ, домой, сказалъ ему Меркулычъ.

— Нѣтъ, подожди еще, отвѣчалъ кумъ, у котораго веселые глаза такъ и бѣгали. — Зайдемъ обогрѣться.

— Тебѣ, видно, выпить хочется?

— А хоть-бы и выпить? Чтожь за бѣда? пьяницы мы что-ли какіе? Пословица не даромъ молвится: «пей за столомъ, да не пей за столбомъ». Пойдемъ, на радостяхъ.

— Да на какихъ? Что у тебя за радости?

Digitized by Google

— Дешево что-ли, сказешь, я тушу-то обмылъ? Пойдемъ; не отнажи; не обидь! Ты-же меня и поднесъ, я тебя угостить хочу.

Меркулычъ, нѣсколько прозябшій и проголодавшійся, согласился, и оба мужика вошли въ одно изъ заведеній.

Усѣлись пріятели, горячей селянки спросили и полштофа водки; съѣли селянку, выпили водку, спросили, по твердому настоянію кума, чаю и еще водки. Меркулыча съ холода начало разбирать и онъ тоже повеселѣлъ.

— Ну, кумъ, сказалъ онъ, допивъ чай, Василью: — ты меня угощалъ и мнѣ тебя угостить слѣдуетъ; тебѣ ужь не стать отказываться.

— Пожалуй, пожалуй, отвѣчалъ совсѣмъ веселый кумъ, который, что называется «расходился», на что такъ способенъ подгулявшій русскій человѣкъ.

Меркулычъ спросилъ еще чаю и еще вина.

— Вѣдь ты, Меркулычъ, продолжалъ на этотъ разъ особенно словоохотливый кумъ: — не смотри, что я тебя покалистѣе, что ты эдакъ видѣй, то есть, меня и плечистѣй и выше; я вѣдь крѣпче тебя, ты скорѣй меня охмѣлѣешь.

— Ой-ли? смѣясь отвѣчалъ Меркулычъ.

— Право слово, такъ. Ты противъ меня не выстоишь, я больше тебя выпью и буду — ничего, а ты — свалишся.

— Видишь какъ раскрастался! Ну, гдѣ тебѣ меня свалить, если я пить стану. Я-то, вотъ, ничего, а ты и теперь какъ моченая рукавица!

— Я рукавица? сказалъ съ достоинствомъ кумъ. — Моченая рукавица? Смотри, Меркулычъ, не хвались. — И на мой счетъ еще вина, добавилъ кумъ, обращаясь къ половому.

Кончилось тѣмъ, что оба пріятеля, уже крѣпко, крѣпко хмѣльные, при помощи хозяина, ихъ хорошо знакомаго, кое-какъ разсчитались съ нимъ, вышли, пошатываясь, изъ заведенія и свалились въ сани, которыя стояли не подалеку отъ крыльца.

Меркулычъ стеганулъ гнѣдка; добрая лошадь сама знала дорогу домой и побѣжала рысью. Возжи вскорѣ выпали изъ рукъ Меркулыча, голова его покатилась.

Оба кума спали.

На дворѣ стало уже порядочно темнѣть и вездѣ видны огни,

Digitized by Google

когда гнѣдко прибѣжалъ въ свою деревню и остановился передъ знакомыми ему, на этотъ разъ затворенными воротами.

Пождалъ гнѣдко, чтобы кто-нибудь, какъ слѣдуетъ, отворилъ ихъ.

Наконецъ, услыхавъ фыркапье лошади, вышелъ работникъ, подошолъ къ санямъ и не мало удивился, увидя въ нихъ неподвижно лежащаго хозяина. «Должно быть немного выпилъ да и заснулъ», подумалъ работникъ, которому однако подобное поведеніе Меркулыча было въ диковинку.

— Карпъ Меркулычъ! а, Карпъ Меркулычъ! заговорилъ работникъ, сильно дергая хозяина за рукавъ: — домой пріѣхалъ, вставать надо.

На это Меркулычъ только промычалъ.

Работникъ попробывалъ было его еще потревожить и поднять и какъ только нагнулся къ нему, то замѣтилъ, что лицо, борода и вся лѣвая сторона полушубка были у Меркулыча залиты кровью. «Э! да это что?» проговорилъ, разсуждая самъ съ собою, нѣсколько оторопѣвшій работникъ. «Нѣтъ одному съ нимъ не справиться, да и не ладно: можетъ быть онъ и не пьянъ или не очень пьянъ, да его кто-нибудь избилъ. Пожалуй, бѣды наживешь! Надо вызвать хозяйку да еще кой-кого...»

— Пелагея Васильевна! громко сказалъ работникъ, подходя къ избѣ, и стуча въ подоконницу. — Выдь-ко къ воротамъ, да кликни съ собой кого, хоть Петрушку.

— Да что тамъ?

— Выходи, говорятъ, скорѣй; сама увидишь.

Вскорѣ хозяйка и Петрушка, работникъ-же, парень лѣтъ семнадцати, вышли изъ калитки на улицу и хозяйка, узнавъ свою лошадь и сани, уже не безъ робости спросила:

— Что такое?

— А Богъ знаетъ что такое! отвѣчалъ ей первый работникъ. — Или хозяинъ выпивши, или другая какая налъ нимъ бѣда стряслась, а только я его поднималъ, а онъ не встаетъ и лицо у него и полушубокъ въ крови.

— Господи! Что съ нимъ такое? едва-едва могла проговорить Пелагея, бросившись къ мужу.

— Карпъ, а Карпъ! вставай!

— Да что, вставай! началъ опять первый работникъ: —

Digitized by Google

развѣ онъ съ однихъ твоихъ словъ встанетъ! Петрушка, давай, подымемъ.

Работники взяли Меркулыча подъ мышки и посадили въ саняхъ.

Меркулычъ снялъ шапку и безсмысленно повелъ вокругъ себя глазами.

— Карпъ Меркулычъ! что съ тобой? — сквозь слезы проговорила хозяйка.

Между тѣмъ уличная деревенская саранча — праздношатающаяся, любопытная мелочь, мальчишки и дѣвчонки, которымъ сущій кладъ всякое происшествіе на улицѣ, ужь тутъ какъ тутъ, какъ мухи къ меду: кто поодаль, а кто посмѣлѣй, тотъ и поближе. Навернулось между ними два-три человѣка и взрослыхъ, подошедшихъ, разумѣется, къ самымъ санямъ.

— Да что на него глядѣть, сказала хозяйка работникамъ.— Берите его да тащите въ избу.

— *А я его уходилъ!* вдругъ громко заговорилъ Меркулычъ. — *Я его уходилъ!* прибавилъ онъ и махнулъ рукой такъ, какъ будто хотѣлъ о что-нибудь кулакомъ стукнуть.

— Да тащите-же его! — повторяла совсѣмъ перетревоженная Пелагея.

Работники съ трудомъ подняли Меркулыча, кое-какъ вытащили его изъ саней и поставили на ноги.

— Что это онъ весь въ крови? — сказалъ кто-то изъ окружавшихъ сани.

— Въ самомъ дѣлѣ въ крови! замѣтили другіе.

— А Богъ его знаетъ что, началъ было работникъ, какъ Меркулычъ не далъ ему докончить и самъ повершилъ всѣ замѣчанія, сказавъ замѣтно нетвердымъ отъ хмѣля языкомъ, но довольно громко, такъ что всѣ слышали: «*А я его уходилъ!*»

Между тѣмъ толпа любопытныхъ прибывала.

— Господи! начала опять раздосадованная и растревоженная хозяйка, обращаясь къ работникамъ.—Что вы тутъ на него глазѣть даете да пьяныя его рѣчи слушать! Втащите-ли вы его въ избу? Чего стали?

— Пьянъ? Я не пьянъ! отозвался Меркулычъ.— Я, слышь ты...

— Да нашъ дядя Василій съ нимъ, нажись, поѣхалъ, перебила его какая-то дѣвочка изъ дома Василья Ковыря! — онъ

Digitized by Google

вчера вечеромъ говорилъ, что поѣдетъ на базаръ съ кумомъ Меркулычемъ.

— Василій? сказалъ Меркулычъ, поворачивая голову въ ту сторону, откуда послышались эти слова, потомъ помолчалъ, махнулъ рукой и добавилъ: «Гдѣ ему со мной! Ну, гдѣ? Я его уходилъ.»

— Тащи-же! твердо сказалъ наконецъ старшій работникъ меньшому и они почти силой потащили Меркулыча сперва въ калитку, а потомъ въ избу.

Хозяйка, точно ошеломленная какимъ-нибудь ударомъ, пошла за ними.

Вскорѣ ворота растворились, одинъ изъ работниковъ ввелъ гнѣдка на дворъ и опять затворилъ ворота.

— Что за притча такая? говорили въ оставшейся на улицѣ толпѣ. — Пьянъ, въ крови, и говоритъ, что уходилъ Василья?

Только что успѣли раздѣть Меркулыча, то есть стащить съ него окровавленный полушубокъ; только что сняла съ него Пелагея мошонку, — кожаный кошелекъ, который, на кожаномъ-же, доходящемъ до полугруди и задѣтомъ за шею ремнѣ, носятъ мужики, — едва заглянула въ эту мошонку и убѣдилася, что въ ней есть деньги, и что стало быть Меркулыча никто не ограбилъ; только что успѣли кое-какъ уложить его на лавку, — какъ въ избу, вся въ попыхахъ, вбѣжала хозяйка Василья Козыря и громко закричала: «да гдѣ-жъ Василій? Вѣдь онъ съ Меркулычемъ поѣхалъ! Меркулычъ, гдѣ-же Василій?...»

— Ну, что́ его спрашивать! отвѣчала Пелагея. — Онъ совсѣмъ пьянешенекъ и не вѣсть какой вздоръ несетъ.

— Вздоръ-ли, не вздоръ-ли, перебила жена Василья, — да мужъ-то гдѣ? Вѣдь они вмѣстѣ поѣхали.

— Ну, гдѣ ему со мной.... пробормоталъ Меркулычъ, должно быть нѣсколько вслушавшійся въ разговоръ бабъ, и сейчасъ же захрапѣлъ.

Больше отъ него ничего нельзя было добиться.

Прошло еще минутъ съ десятокъ и вдали, по дорогѣ отъ города, раздался звонъ колокольчика, потомъ все ближе и ближе къ селенію и замѣтно, по звукамъ, что на скорой ѣздѣ.

— Должно быть опять засѣдатель! сказалъ кто-то въ скользившей и лишнесловно прислушивающейся къ дребезжанью колокольчика толпѣ.

Digitized by Google

— А можетъ быть и самъ исправникъ, послѣ нѣкотораго молчанія отозвался кто-то другой.

Чрезъ нѣсколько секундъ мѣсто передъ воротами Меркулыча можно было хоть метлой мести: ни души на немъ не осталось.

Иные, кто полюбопытнѣй, выглядывали у себя изъ-за калитокъ.

По селенію во всю прыть пронеслась добрая тройка и остановилась рядомъ съ избой Меркулыча, у воротъ другого его табра или сосѣда.

«Исправникъ!» проговорили про себя любопытные и захлопнули калитки.

II

Мущина высокаго роста, въ медвѣжьей шубѣ и военной, съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ заиндевѣвшими воротникомъ и усами, вылѣзъ изъ саней при помощи соскочившаго съ облучка солдата и направился къ калиткѣ той избы, около которой остановилась тройка.

Въ это-же самое время женщина среднихъ лѣтъ, съ фонаремъ въ рукѣ, сходила съ крыльца избы, чтобы встрѣтить нежданнаго да и нежеланнаго гостя и освѣтить ему дорогу.

Она низко поклонилась, когда исправникъ поровнялся съ ней.

— Здравствуй, Анисья Егоровна, сказалъ исправникъ. — А чтó, хозяева дома?

— Не бывали еще, батюшка, Антіохъ Ивановичъ.

— Что такъ?

— Да ужь не знаю; кажись, не такъ еще поздно.

— А имъ-бы до полночи, чтодь?

Исправникъ былъ очень не въ духѣ, что можно было замѣтить по его короткой, отрывистой рѣчи. Онъ вошелъ въ избу и сбросилъ съ себя шубу, которую приняла молодая, встрѣчавшая его хозяйка, встряхнула ее такъ, что во всѣ стороны полетѣла отъ нея серебреная снѣжная пыль и повѣсила рядомъ посушить.

Digitized by Google

— А, старина, здравствуй? отвѣчалъ Антіохъ Ивановичъ на поклонъ старухи, старшей хозяйки.

— Самоварчикъ у Ипатова что́-ли, батюшка Антіохъ Ивановичъ? начала Анисья.

— У Ипатова, да теперь не до того! — Такъ нѣтъ Луки?

— Да нѣтъ, батюшка.

Старшій Лука, хозяинъ дома, въ которомъ всегда останавливался и на этотъ разъ остановился исправникъ, былъ селеннымъ старостой.

— Ипатовъ! сказалъ исправникъ, обращаясь къ пріѣхавшему съ нимъ солдату, успѣвшему въ это время войдти въ избу, — бѣги къ десятскому и собирайте скорѣй народъ.

— Да пожалуй и десятской еще не пріѣхалъ, замѣтила Анисья.

— Что ихъ тамъ всѣхъ запропастило?

— Не знаю. Наши мужики тушу повезли.

— Тушу, тушу, проговорилъ Антіохъ Ивановичъ какъ-то особенно, съ разстановкой, — и я нашолъ тушу.

— Гдѣ, батюшка? спросили обѣ хозяйки.

— Извѣстное дѣло, не въ лѣсу; за чѣмъ мнѣ туда? а при дорогѣ.

— Обронилъ, должно быть, кто-нибудь, проговорила старая хозяйка.

— Или самъ бросилъ, добавилъ исправникъ.

— Кто-жъ, батюшка, тушу даромъ броситъ. — Ты её захватилъ что-ли съ собой?

— Нѣтъ, не захватилъ: очень велика; мѣста не было.

— А какъ кто украдетъ? — продолжала простодушная старуха, вопросительно глядя на исправника.

— Не бойся, никто не тронетъ.

— Ты, стало быть, караулъ приставилъ?

— Нѣтъ, она сама себя караулитъ.

«Что это такое Антіохъ Ивановичъ за околесную несетъ?» подумала про себя Анисья, которая была посмышленѣе старухи, какъ-коротковъ, отрывочныхъ рѣчей исправника, какихъ-то обиняковъ, которыми онъ сейчасъ говорилъ, и вообще изъ его нѣсколько торопливаго и не совсѣмъ спокойнаго вида заключила о чемъ-то недобромъ, что́ исправникъ, должно быть, пока скрываетъ.

Digitized by Google

— Неужели-же никто до сихъ поръ не бывалъ съ базара?

— Какъ не бывать! Кое-кто и пріѣхалъ, отвѣчала Анисья.

— А кто?

— Да порядкомъ-то я не примѣтила кто. Клина рыжаго видѣла, Ивана Семенова....

— Ну, а Васька Козырь пріѣхалъ?

Анисья какъ-то странно посмотрѣла на исправника и отвѣчала не вдругъ:

— Нѣтъ, Василья, кажется, еще нѣтъ?

— А! сказалъ исправникъ про себя и потомъ прибавилъ:

— Василій одинъ на базаръ поѣхалъ?

— Болтаютъ, что не одинъ?

— Кто болтаетъ? спросилъ исправникъ, вдругъ вставъ съ лавки, на которой сидѣлъ и прямо глядя на Анисью.

Анисья замѣтила, что проболталась сама и нѣсколько смутилась.

— Да народъ болтаетъ, батюшка Антіохъ Ивановичъ.

— А народу какое до Василья-то особенное дѣло?

— Да я, право, хорошо не знаю; говорили, что онъ будто-бы съ Меркулычемъ на базаръ поѣхалъ; Меркулычъ вернулся только одинъ и больно зеленъ.

— Какъ зеленъ?

— Хмѣленъ очень.

— Ну?

— Ну и вралъ что-то такое у своихъ воротъ, пока его вытаскивали; такую чушь городилъ...

— Что онъ вралъ?

— Я, право, Антіохъ Ивановичъ, путемъ не вслушалась.

— Анисья, сказалъ исправникъ строго. — Говоритъ, такъ все говорить и не закрываться. Ты знаешь, я шутить не люблю гдѣ кровь вижу.

— Какъ кровь, Антіохъ Ивановичъ? На Меркулычѣ кровь?

— Какъ? повторилъ въ свою очередь тѣже слова исправникъ. — На Меркулычѣ кровь?

— Точно была, говоритъ, кровь, отвѣчала Анисья: — сама я не видала, а говоритъ. Мнѣ что, Антіохъ Ивановичъ, закрывайся, наше дѣло сторона.

— И Василій точно ѣхалъ съ Меркулычемъ?

— Говорятъ, что такъ.

Digitized by Google

— А... такъ вотъ... оно... что... сказалъ Антіохъ Ивановичъ, но сказалъ такъ, какъ будто-бы слова, каждое по пуду вѣсомъ, едва едва могли сорваться у него съ языка. — Анисья, живо добавилъ онъ, — Васильеву хозяйку ко мнѣ, да поскорѣе, на улицу, я тамъ буду.

И онъ накинулъ шубу и вышелъ, вслѣдъ за Анисьей, на улицу.

Вскорѣ съ вытьемъ и плачемъ предстала передъ нимъ Васильева хозяйка и повалилась ему въ ноги.

— Батюшка, заголосила она, — Антіохъ Ивановичъ! Самъ тебя, видно, Господь принесъ. Заступись за насъ. Не знаемъ что̀ и думать; *я*, говоритъ, *его уходилъ*.

— Кто говоритъ?

— Меркулычъ, родной, говоритъ, Меркулычъ. И самъ весь въ крови.

— Точно-ли твой-то съ Меркулычемъ на базаръ поѣхалъ?

— Точно, батюшка, точно! Онъ вчера вечеромъ намъ говорилъ: «я съ кумомъ Меркулычемъ на базаръ поѣду». И лошадь и сани наши дома, стало быть съ нимъ поѣхалъ.

Въ это время подошолъ къ исправнику Ипатовъ съ нѣсколькими мужиками.

— Десятскій! крикнулъ исправникъ.

Десятскій выступилъ съ шапкой въ рукѣ.

— Парную подводу въ городъ, да двѣ одиночныхъ не вдаль. Живо поворачивайся! Живо, слышишь-ли?

— Слушаю, сейчасъ будетъ.

— А вы за мной, продолжалъ исправникъ, обращаясь къ прочимъ мужикамъ, и вмѣстѣ съ ними вошолъ въ избу Меркулыча.

— Гдѣ мужъ? спросилъ онъ у Пелагеи, низко ему поклонившейся.

— Вонъ, батюшка, недвижимъ лежитъ.

— Недвижимъ! Видно больно потрудился. — Эй, пріятель, вставай, сказалъ исправникъ, подходя къ Меркулычу и крѣпко трясъ его за плечо.

Меркулычъ опять тихо что-то промычалъ.

— Встанешь-ли?

Такое трясъ за плечо.

Въ отвѣтъ ничего.

— Видно отъ него теперь толку не добьешься. Ну, скрепить

ничего; я можетъ быть и побольше вашего знаю. Говорите какъ онъ пріѣхалъ и что болталъ? — Кто его увидалъ первый?

— Первый увидалъ его нашъ старшій работникъ Никита, отвѣчала сквозь слезы Пелагея. — Господи! добавила она, бывало-ли когда у насъ такое!

— Никита, ты увидалъ?

— Точно такъ, отвѣчалъ Никита.

— Говори какъ было.

Никита разсказалъ все, что уже извѣстно.

— И точно онъ все повторялъ: «*я его уходилъ*»? Слышали?

— Слышали, отвѣчали работники и нѣкоторые изъ мужиковъ, бывшіе прежде у воротъ Меркулыча.

— Покажите полушубокъ.

Подали полушубокъ Меркулыча. Лѣвая сторона была во многихъ мѣстахъ залита кровью.

Исправникъ положилъ полушубокъ подлѣ себя на полъ.

— Еще на немъ что было?

— Да рубаха. Воротъ тоже въ крови, — отвѣчала Пелагея.

Исправникъ самъ взялъ отъ свѣтца зажженную лучину, отряхнулъ съ нея все огорѣвшее и съ огнемъ подошолъ къ лежащему Меркулычу.

Воротъ рубахи и почти все лицо были у Меркулыча въ крови.

— Еще что было?

— Мошонка съ деньгами на груди.

— Цѣла она?

— Цѣла.

— И деньги цѣлы?

— Цѣлы и деньги.

— Подай сюда.

Пелагея подала мошонку, которую сняла сама съ груди мужа.

— Подойдите поближе, сказалъ исправникъ, стоявшимъ отъ него поодаль мужикамъ и самъ приблизился къ столу. — И ты, хозяйка, тоже.

Когда всѣ пододвинулись къ столу, исправникъ сказалъ «смотрите», высыпалъ на столъ изъ мошонки всѣ деньги и началъ считать.

Digitized by Google

Оказалось въ мошонкѣ двѣ красненькія десятирублевыя и одна синенькая пятирублевая ассигнаціи, сложенныя вмѣстѣ, отдѣльно лежавшая бѣленькая двадцатипяти-рублевая, пѣлковый и нѣсколько мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

Когда исправникъ все пересчиталъ и во всеуслышаніе объявилъ общій итогъ деньгамъ, то опять обратился къ стоявшимъ около него съ вопросомъ: «такъ-ли? вѣрно-ли?»

— Точно такъ, — отвѣчали ему.

— Помните-же сколько. — Ипатовъ, шкатулку.

Исправникъ вынулъ изъ бокового кармана своего форменнаго, съ краснымъ воротникомъ сюртука (онъ былъ отставной съ мундиромъ военный) довольно толстый бумажникъ, въ серединѣ котораго находилась тетрадка, и записалъ въ ней карандашомъ итогъ Меркулычевыхъ денегъ.

Ипатовъ явился съ шкатулкой.

— Шнурокъ какой-нибудь или тоненькую веревочку, — сказалъ исправникъ.

Когда ему подали то, что онъ спрашивалъ, онъ крѣпко перевязалъ шнуромъ мошонку Меркулыча, далеко ниже ушковъ ея, завязалъ шнуръ узломъ, оторвалъ у себя клочокъ бумаги и припечаталъ къ нему концы шнура своей гербовой печатью.

Когда все было кончено, исправникъ уложилъ мошонку въ нижній этажъ шкатулки, заперъ ее и, отдавая ее Ипатову, толкнулъ ногой валявшійся на полу Меркулычевъ полушубокъ, сказалъ: «и это съ нами».

Ипатовъ унесъ полушубокъ и шкатулку.

— Ну, еще что-же было съ Меркулычемъ?

— Да на немъ было только-то, что видите, а въ саняхъ мы еще не успѣли и посмотрѣть, отвѣчала Пелагея.

— Фонарь, и къ санямъ, — сказалъ исправникъ.

Осмотрѣли и сани. Въ нихъ нашли какую-то соленую рыбу, небольшой мѣшокъ съ гречневой крупой, да фунтъ шестерикового сальнаго свѣчой и бочечокъ съ постнымъ масломъ. Одна изъ вымостокъ была покрыта замерзшею кровью. «Нахлестками», какъ можетъ быть не всякому извѣстно, называются въ крестьянскихъ саняхъ толстыя палки, прибитыя къ передку, расходящіяся въ задней части саней въ видѣ ротульки и замѣняющія у простыхъ саней отводы. «Нахлестками-же» назва-

Digitized by Google

ны онѣ потому, что надѣты, «нахлеснуты» на деревянные шины, составляющіе связь между низомъ саней и верхомъ ихъ, образуемымъ самыми нахлестками и высокимъ передкомъ.

— Подводы готовы?

— Готовы, ваше высокоблагородіе.

— Десятскій, бери съ собой кого знаешь, клади на парную подводу Меркулыча, вези его въ городъ, прямо въ острогъ. Тамъ скажешь, что я прислалъ.

Пелагея при этихъ словахъ громко зарыдала, потомъ упала исправнику въ ноги.

— Батюшка, дай ему хоть очнуться дома; можетъ быть онъ и неповиненъ ни въ чемъ.

— Нельзя, голубушка. Мнѣ и самому жаль Меркулыча, я его зналъ за хорошаго мужика, да дѣло такое, долгъ мой не позволяетъ. Не виноватъ, такъ вернется къ тебѣ.

Пелагея продолжала плакать, но не сказала больше ни слова, зная, что у Антіоха Ивановича, въ иныхъ случаяхъ его служебной дѣятельности, сколько ни проси — ничего не выпросишь.

Меркулыча кое-какъ подняли, одѣли и, при громкихъ рыданіяхъ всей семьи, уложили въ сани и увезли.

— Ипатовъ, нашихъ лошадей! довершилъ Антіохъ Ивановичъ. — А вы, остальные, человѣкъ хоть съ пять, садитесь на одиночныя подводы и поѣзжайте за мной.

Подали тройку исправника, только что успѣвшую кое-какъ вздохнуть отъ прежней усиленной ѣзды. Закурилъ Антіохъ Ивановичъ свою большую, обшитую въ замшу пѣнковую трубку съ серебряной крышкой, на которой былъ вырѣзанъ его вензель, усѣлся въ сани и сопутствуемый двумя одиночными подводами, еле за нимъ поспѣвавшими, шибко поѣхалъ по дорогѣ къ городу.

Ночь, въ которую весь этотъ поѣздъ на полныхъ рысакъ удалился отъ той деревни, въ которой такъ недавно, еще вчера, мирно жилъ Меркулычъ, была одной изъ тѣхъ прекрасныхъ зимнихъ ночей, когда на дворѣ свѣтло безъ звѣздъ и безъ мѣсяца; небо, все застланное сплошнымъ слоемъ легкихъ, движущихся облаковъ, расширяется надъ землей какъ непрозрачный матовый куполъ; всѣ окрестные предметы при такомъ освѣщеніи кажутся ближе и тѣмъ обманываютъ зрѣніе путника; въ все-

Digitized by Google

духѣ не очень морозно и тихо, и изрѣдка порхаетъ въ воздухѣ легкая, звѣздообразная снѣжинка.

Отъѣхавъ около трехъ съ половиною или четырехъ верстъ отъ селенія, исправникъ сказалъ своему кучеру короткое: «шагомъ», и самъ, выпрямившись въ саняхъ, какъ будто нѣсколько приподнявшись въ нихъ, сталъ внимательно глядѣть въ правую отъ дороги сторону.

Хорошія троечныя сани исправника, не смотря на ѣзду шагомъ и на подрѣзы подъ обѣими полозьями, довольно сильно покатило вкось по одному большому раскату. Одинъ изъ здоровыхъ отводовъ такъ и уперся въ снѣгъ и рѣзко, съ обыкновеннымъ шипучимъ звукомъ, зачертилъ по снѣгу.

— А, вотъ и раскатъ! сказалъ Антіохъ Ивановичъ. — Стой! скомандовалъ онъ кучеру, когда они только что миновали этотъ раскатъ.

Онъ вылѣзъ изъ саней, дождался пока вплоть подъѣхали къ нему провожавшіе его мужики.

— Пойдемте, сказалъ исправникъ мужикамъ и взялъ отъ дороги въ сторону, мѣликомъ, по которому замѣтны были слѣды человѣческихъ ногъ.

Шагахъ въ десяти отъ дороги виднѣлась на снѣгу какая-то темная глыба.

Исправникъ, вмѣстѣ съ своими провожатыми, подошелъ прямо къ ней и остановился.

Глыба оказалась неподвижно лежащимъ человѣкомъ.

— Вотъ вамъ Василій Козырь, сказалъ исправникъ мужикамъ. — Нагнитесь, посмотрите; признаете-ли его?

— Точно, онъ, отвѣчали мужики, поглядѣвъ въ лицо лежащаго на снѣгу человѣка.

— Онъ убитъ; — не замерзъ, не задушенъ, не зарѣзанъ; а заколотъ. Смотрите.

Исправникъ самъ нагнулся къ трупу, со всѣмъ открылъ разстегнутый у шеи полушубокъ Василья и молча указалъ мужикамъ, тоже нагнувшимся, одну обмятую запекшейся и засохшей кровью рану въ дыхательномъ горлѣ.

— Видите? — спросилъ исправникъ.

— Видимъ, отвѣчали ему стоявшіе надъ трупомъ Василья.

— Ударено, какъ видно, только разъ, да сильно; и ударено какимъ нибудь острымъ желѣзомъ.

Digitized by Google

— Должно быть такъ.

— Я ѣхалъ когда не совсѣмъ еще стемнѣло, продолжалъ исправникъ, приподнимаясь отъ трупа и отряхая одну заснѣжившуюся полу своей шубы: — и ѣхалъ со всѣмъ не къ вамъ, а только по этой дорогѣ, когда замѣтилъ въ сторонѣ что-то чорное, слѣды могъ къ тому мѣсту, гдѣ оно валялось, и довольно широкую, видную по снѣгу полосу, явный признакъ того, что по снѣгу прогащили волокомъ что-то тяжолое. Я соскочилъ, подбѣжалъ, вижу — человѣкъ, грудь раскрыта, на шеѣ кровавая рана, вглядѣлся — мужикъ знакомый, вашъ Василій. Рана была совсѣмъ свѣжохонька, кровь еще сочилась. Ипатовъ подбѣжалъ вмѣстѣ со мной. Мы было приподняли лежавшаго, думая не живъ-ли онъ еще, — нѣтъ! Сейчасъ можно было видѣть, что душа уже вылетѣла, хоть и недавно. Тогда мы оставили убитаго тамъ-же, гдѣ нашли его и, возвратясь къ саномъ, я увидалъ отъ самаго раската, который мы сейчасъ проѣхали, одиночный слѣдъ, поворотъ одныхъ саней отъ самой дороги, цѣликомъ, въ сторону. Разумѣется, мнѣ сейчасъ-же пришло въ голову, что нашому больше тамъ повертывать съ дороги, какъ самому убійцѣ, который, какъ видно, былъ тутъ недавно, могъ заслышать мой колокольчикъ и метнулся въ сторону, съ тѣмъ разсчотомъ, что если ѣдущій съ колокольчикомъ и замѣтитъ трупъ, валяющійся довольно близко, и возьметъ прямехонько по дорогѣ, то непремѣнно нагонитъ его, можетъ быть окровавленнаго, и узнаетъ, просто останавливая и опрашивая хоть всякаго встрѣчающагося по пути; а если и замѣтитъ трупъ, да не замѣтитъ легонькаго поворота, тамъ проскачетъ прямикомъ по-пусту, и убійца непремѣнно увернется. Разсчотъ съ его стороны былъ вѣрный, лучше и разсчитать было нельзя: такимъ только образомъ онъ могъ спастись всего скорѣе. Я, разумѣется, бросился по одиночному слѣду. Онъ описывалъ большую, въ добрую версту дугу отъ вашей дороги и опять выходилъ на нее-же. Дѣлать было нечего, на этой дугѣ я не встрѣтилъ ничего, никакихъ слѣдовъ не было видно, кромѣ слѣда четырехъ лошадиныхъ копытъ и двухъ широкихъ полозьевъ. Пришлось опять ѣхать по торной дорогѣ, которая и привела меня прямо къ вамъ. Что было дальше, вы уже знаете. Теперь берите тѣло Василья, вещи его домой, положите въ сарай, да караулъ къ нему приставьте, чтобы какъ-нибудь не нагадили кошки или собаки.

Digitized by Google

— Слушаемъ, отвѣчали мужики, подняли трупъ, положили его на одни изъ саней и повернули домой.

Исправникъ поѣхалъ далѣе, въ городъ.

Не столько даже страшно, сколько до невѣроятности смутно было пробужденіе Меркулыча, послѣ тяжелаго отъ хмѣля сна, въ острогѣ. Ничего онъ не понималъ, ничего не помнилъ и только удивлялся какимъ судьбами и по какому случаю попалъ онъ прямо, какъ ему казалось, изъ «заведенія», гдѣ они «гулали» съ кумомъ Васильемъ, — въ острогъ. Онъ глазамъ не вѣрилъ: — точно-ли это острогъ. Нѣтъ, глаза не обманываютъ его, точно — острогъ! Вонъ и человѣка два въ одной съ нимъ камерѣ, спятъ еще, но закованы въ желѣзо.

«Господи! погубилъ я себя!» подумалъ Меркулычъ. «Видно, я съ-пьяна чего-нибудь надѣлалъ, да и чего-нибудь нелобраго, потому что не въ полицію-же меня взяли, а посадили въ острогъ!

Вскорѣ проснулись товарищи его заключенія и вступили было въ разговоръ съ нимъ: давно-ли попалъ и за что?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Меркулычъ и опустилъ голову, подперѣвъ ее руками.

Товарищи отстали, толкуя между собой, что еще новинокъ; пооглядится, освоится, пообтрется, тогда и самъ заговаривать будетъ.

Часа чрезъ полтора, то есть еще раннимъ утромъ, у запертой тюремной двери загремѣлъ висячій замокъ, щелкнула отодвигаемая задвижка и желѣзная дверь отворилась.

Въ тюрьму вошли исправникъ, городничій и стряпчій.

Всѣ передъ ними встали.

Пришедшіе направились прямо къ Меркулычу.

— Признавайся, сказалъ ему исправникъ. — Ты убилъ Василья?

Меркулычъ остолбенѣлъ и нѣсколько секундъ не могъ произнести ни слова.

— Лучше признавайся, продолжалъ исправникъ. — Кромѣ тебя убить его было некому. Признаешься, тебѣ-же лучше, дѣло выйдетъ короче.

Меркулычъ понурилъ голову. Горячія, крупныя слезы покатились по его лицу.

Digitized by Google

— Развѣ Василій убитъ? едва проговорилъ онъ.

— Убитъ, заколотъ на дорогѣ, а можетъ быть и не на дорогѣ, потому что оттащенъ отъ нея шаговъ десять въ сторону.

— Господи! только проговорилъ Меркулычъ, не поднимая головы, и тяжело вздохнулъ.

— Тебя, продолжалъ исправникъ: — привезла лошадь домой одного, за-мертво и окровавленнаго; когда тебя стали у твоихъ воротъ расталкивать да поднимать изъ саней, ты при всемъ народѣ проболтался, проговорилъ, такъ что всѣ слышали, даже еще съ самохвальствомъ и нѣсколько разъ: «*а я его уходилъ!* Гдѣ ему!.. *я* его уходилъ!» Ну, *кого-же* ты могъ такъ уходить, что даже окровавился, кромѣ Василья, съ которымъ ѣхалъ, и кто *его* могъ уходить, кромѣ тебя, который ѣхалъ съ нимъ, и выбросить его (чудесами что-ли какими?) вонъ изъ саней, въ которыхъ онъ былъ съ тобой? Ну, что ты на это скажешь?

Меркулычъ молчалъ.

Молчали и чиновники, ожидая что скажетъ арестантъ.

— Отцы мои! заговорилъ наконецъ Меркулычъ, — передъ вами, какъ передъ Богомъ! Скажу по чистой совѣсти. Хоть самого меня сейчасъ убейте, здѣсь-же, на этомъ мѣстѣ, — ничего не понимаю изъ того, что вы говорите, потому что ничего не помню. Каюсь — хмѣленъ былъ и хмѣленъ крѣпко.

Опять съ обѣихъ сторонъ полное молчаніе.

— Да ты помнишь какъ ты выѣхалъ изъ дому?

— Какъ-же не помнить.

— Ты тогда не былъ хмѣленъ?

— Помилуйте, да съ чего-же? я поѣхалъ и не ѣвши.

— Взялъ ты съ собой денегъ?

— Взялъ.

— Сколько? Если не былъ хмѣленъ, такъ, вѣрно, помнишь.

— Подлинно вамъ сказать не могу сколько, потому что передъ отъѣздомъ ихъ не пересчитывалъ, а взялъ всѣ сколько ихъ было въ кошонкѣ.

— Такъ ты такъ и не знаешь, сколько у тебя было и денегъ? Это, братъ, ужь пустая увертка.

— Никакой съ моей стороны нѣтъ увертки, а говорю я сущую правду. Я огородничаю, вы всѣ это знаете. По зимамъ нѣтъ у меня большихъ продажъ, нѣтъ большихъ полученій и расходовъ тоже большихъ нѣтъ. Всѣ, какія въ домѣ ни есть деньги,

Digitized by Google

всѣ у меня и хранятся въ сундукѣ, за ключомъ. Тѣ, которыя на дѣла да на нужду-небольше, — отложены особо, а которыя на домашній расходъ и обиходъ — тѣ въ мошонкѣ, а мошонка или со мной, если я отъѣзжаю изъ дома, или въ сундукѣ-же, если я дома. Я эти деньги и считаю рѣдко.

— Что такъ? не безъ насмѣшки спросилъ одинъ изъ чиновниковъ.

— А оттого, что большой надобности нѣтъ ихъ пересчитывать: взять ихъ безъ меня никто не возьметъ, а выдутъ всѣ, такъ я самъ увижу.

— Такъ ты и припомнить не можешь сколько было у тебя въ мошонкѣ денегъ?

— Точно, до самой чтобы подлинности, припомнить не могу, а все-же могу кое-что вспомнить. Рублей семдесятъ съ чѣмъ-нибудь было.

— Ну, положимъ, семдесятъ; а какими деньгами?

Меркулычъ на минуту задумался.

— Была бѣленькая, утвердительно сказалъ онъ.

— Точно, бѣленькая, замѣтилъ исправникъ, коротко познакомившійся вчера съ мошонкой Меркулыча. — Ну, а дальше?

— Должно быть три или четыре синенькихъ и двѣ или три красненькихъ.

— Какъ онѣ лежали, продолжалъ исправникъ; — красненькія и синенькія вмѣстѣ всѣ, въ одной пачкѣ, или порознь, то есть красненькія особенно и синенькія особенно?

— Нѣтъ, порознь, отвѣчалъ Меркулычъ, опять нѣсколько подумавъ, но утвердительно; — потому порознь, что когда я на базарѣ кое-что покупалъ...

— А что ты покупалъ? спросилъ одинъ изъ чиновниковъ.

Меркулычъ съ совершенной вѣрностью назвалъ почти все, что нашлось въ его саняхъ при осмотрѣ ихъ исправникомъ.

— Такъ, подтвердилъ слова его исправникъ. — Ну, что-же дальше?

— Вынулъ я изъ мошонки что было въ ней бумажекъ и вижу, что ихъ двѣ пачки: одна была потолще и на верху ея была красненькая, я такъ и разсудилъ, что эта пачка съ красненькими; мнѣ ихъ тратить и мѣнять не захотѣлось, потому что покупки были у меня все небольшія; вотъ я и опустилъ эту пачку назадъ въ мошонку, а ту, которая потоньше, развернулъ; тамъ

Digitized by Google

было двѣ синенькихъ, я ихъ истратилъ. Что покупалъ, вамъ сказываю, и сдачи получалъ.

— Одинъ ты покупалъ или съ Васильемъ?

— Одинъ.

— И Василій при тебѣ ничего не покупалъ?

— При мнѣ ничего.

— Такъ ты и не знаешь сколько было у Василья денегъ?

— Сколько онъ съ собой привезъ — не знаю, а только какъ пріѣхали мы съ нимъ въ городъ, такъ проѣхали прямо къ мяснымъ рядамъ; тутъ Василій при мнѣ продалъ тушу, которую мы привезли и получилъ за нее двадцать пять рублей.

— А какими деньгами, ты видѣлъ?

— Видѣлъ. Ему дали двѣ красненькихъ и синенькую.

— Ну, и у тебя нашлись точно такие двѣ красненькія и синенькая, завернутыя въ одну пачку.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Меркульчъ въ раздумьѣ.

— Потомъ что-же?

— Да потомъ мы разошлись и столкнулись ужъ передъ самымъ отъѣздомъ. Василій звалъ меня въ харчевню, тутъ мы, на грѣхъ нашъ, и выпили.

— Кто-жь кого угощалъ?

— Да мы оба другъ друга угощали: онъ меня, а я его.

— Ну, въ харчевнѣ какими вы деньгами расплачивались?

— И какими деньгами расплачивались, и какъ изъ нея вышли, и что дальше было, — хоть сейчасъ изъ меня душа вонъ! — ничего не помню. Я какъ будто самъ себя потерялъ въ харчевнѣ и опомнился только уже здѣсь въ острогѣ.

— Отчего-жь у тебя лицо разбито и весь ты былъ окровавленъ и кричалъ: *я его уходилъ*?

— Ничего, ничего не знаю!

Началось формальное слѣдствіе.

Слѣдствіе это рѣшительно ничего новаго не открыло: повторились показанія о тѣхъ-же самыхъ обстоятельствахъ, которыя уже описаны, съ тою только разницею, что теперь эти показанія облеклись въ извѣстную, условную, закономъ опредѣленную форму. Собственнаго сознанія Меркульча въ совершившемся убійствѣ не было, потому что онъ на всѣ по этому предмету вопросы и увѣщанія, съ видомъ чистой искренности, отвѣчалъ одно и тоже: что ни обвинить, ни оправдать себя въ этомъ убійствѣ

Digitized by Google

не можетъ; что можетъ быть и не онъ убилъ Василья, потому что нѣ за что было убивать его, — они были сосѣди, кумовья и пріятели; на деньги-же Василья польститься онъ не могъ, потому уже, что былъ его богаче, при томъ заколоть Василья ему было нечѣмъ, но что врагъ силенъ — можетъ быть и онъ убилъ, неизвѣстно чѣмъ, потому что пьяному, какъ извѣстно, море по колѣно и весь свѣтъ стоитъ въ его глазахъ вверхъ ногами; что всякое сознаніе потерялъ онъ еще въ харчевнѣ, гдѣ они съ Василіемъ другъ друга угощали и при томъ такъ, что дѣло у нихъ, уже подгулявшихъ, пошло почти что на споръ — кто кого сильнѣе и кто, стало быть, кого переньетъ.

Прямой, неотразимой улики въ совершеніи Меркулычемъ этого преступленія тоже не было, но обстоятельства этого дѣла такъ странно сложились, такъ они, по естественному порядку вещей и самымъ простымъ законамъ обсуживающаго эти обстоятельства разума, клонились къ обвиненію Меркулыча, можно сказать возставали на него, что конечно на него должно было пасть болѣе, нежели одно простое подозрѣніе закона.

Вотъ почему, когда дѣло объ убійствѣ Василья Козыря поступило на разсмотрѣніе и опредѣленіе уголовныхъ судилищъ, они приговорили Меркулыча къ тяжкому наказанію: опредѣлено было наказать его плетьми и сослать на поселеніе.

Меркулычъ узналъ объ этомъ рѣшеніи скоро, потому что изъ тюрьмы губернскаго города, въ которой онъ содержался во все время производства его дѣла въ палатѣ, его отправили въ тюрьму того уѣзднаго города, откуда онъ былъ присланъ. Онъ не показалъ при этомъ извѣстіи большого смущенія, сказалъ только одно: «ахъ, бѣдные!» — вѣроятно вспомнивъ о женѣ и дѣтяхъ, вслѣдъ за тѣмъ перекрестился и не прибавилъ болѣе ни слова.

Прежде, и не такъ еще давно, какъ можетъ быть нѣкоторымъ это извѣстно изъ разсказовъ старожиловъ, а другимъ изъ личнаго знакомства съ старыми уголовными дѣлами,—наказанія совершались по бо̀льшей части на самыхъ мѣстахъ преступленія. Меркулыча, обвиненнаго присужденіемъ въ убійствѣ Василья Козыря, слѣдовало-бы, если придерживаться этого правила или обычая, наказывать на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ трупъ Василія, но какъ такимъ образомъ это пришлось-бы въ чистомъ полѣ, а законъ всегда старался сообщать наказаніямъ полную очевидность и гласность, то и положено было наказать Мерку-

Digitized by Google

лыча не подалеку отъ того мѣста, гдѣ нашли тѣло Василья, а именно въ томъ самомъ селеніи, гдѣ прежде жили и Василій и самъ Меркулычъ.

Наканунѣ того дня, въ который должно было совершиться наказаніе, арестанта препроводили въ это селеніе подъ карауломъ.

Исправникъ прибылъ на мѣсто для того, чтобы присутствовать при исполненіи надъ Меркулычемъ судебнаго приговора.

III

Въ апрѣльскій вечеръ, когда сельскій житель, занятый яровой пашней, возвращается съ поля домой уже поздно,—въ одной деревнѣ, верстахъ въ двадцати-пяти или нѣсколько болѣе отъ той, гдѣ начался этотъ разсказъ, вскорѣ по закатѣ солнца, двое такъ называемыхъ «русскихъ» портныхъ вошли въ пустую, не холодную, хотя слегка и топленную, какъ говорится, только что прокинутую избу, и начали «прибирать» свою работу, то есть приводить ее въ порядокъ.

Эти «русскіе портные», подобно многому множеству разнаго «промысловаго» народа, ходящаго по всему широкому русскому царству, составляютъ, какъ и шерстобиты, афени и проч., особый, необходимый для удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ поселянина видъ промышленниковъ. «Русскими» называются они потому, что почти исключительно шьютъ простонародную, коренную русскаго покроя и употребленія одежду — полушубки, зипуны, сибирки, поддевки, холодники и даже, кто половчѣе, кучерскіе армяки, стало-быть, какъ видно, называются такъ въ отличіе отъ «нѣмецкихъ» портныхъ (впрочемъ, по большей части, исключая столицъ, чистаго русскаго происхожденія), которые держатся по городамъ и шьютъ одежду нѣмецкую, то есть европейскаго покроя.

Портные, по привычкѣ посѣщающіе небольшими артелями извѣстныя мѣста (потому что въ какомъ мѣстѣ не найдется для нихъ дѣла?), или нанимаютъ, — если артель большая, работы много и работа чистая, требующая и чистаго помѣщенія и простора, — на своихъ или хозяйскихъ харчахъ, отдѣльную избу, что тѣмъ возможнѣе, что во многихъ подмосковныхъ губерніяхъ,

Digitized by Google

гдѣ народъ живетъ чисто, у нашего хозяина двѣ избы — одна по меньше, на югъ, зимняя,—другая на сѣверъ, побольше, лѣтняя. Если-же у портныхъ артель маленькая, они помѣщаются съ самими хозяевами, переходя такимъ образомъ отъ одного къ другому, изъ дома въ домъ, туда, куда ихъ зовутъ на работу.

Портные, о которыхъ, по порядку разсказа, мы теперь ведемъ рѣчь, только что поужинали въ другой, главной, хозяйской избѣ и явились, какъ мы уже видѣли, «прибирать» свою работу, собираясь спать.

Во время уборки, видя, что въ ихъ рабочей избѣ никого нѣтъ, они вступили между собой въ слѣдующій разговоръ:

— А что, Кондратій, сказалъ одинъ, — есть слухи, что точно завтра Меркулычу-то за наше дѣло спину напарятъ.

Кондратій сначала помолчалъ, какъ будто о чемъ-то подумалъ и потомъ уже отвѣчалъ:

— А что тебѣ свою что-ли хочется, вмѣсто его, подставить?

— Свою не свою, все какъ-то жалостно, продолжалъ первый, — не виноватъ онъ, сердешный, ни въ чемъ.

— Такъ поди, развяжи его: признайся, что ты убилъ, и дѣло съ концомъ: его высвободятъ, а тебѣ обрадуются, въ кандалы закуютъ, и послѣ спину вспарятъ, и въ Сибирь сошлютъ, — все какъ слѣдуетъ.

— Ну, Кондратій, если-бы со мной то было, что ты говоришь, такъ и тебѣ того-же не миновать.

— Такъ, вѣдь, я туда не лѣзу, ты вотъ что-то больно жалостливъ.

Этимъ разговоръ и кончился; портняги убрали все что было нужно, и вскорѣ ушли спать на сѣновалъ, гдѣ, какъ зароешься въ сѣнѣ, и тепло и мягко, просто не спанье, а раздолье.

Прошло нѣсколько минутъ послѣ того, какъ они ушли, и кто-то тихо, тихо, съ величайшей осторожностью, какъ-будто все еще опасаясь ихъ присутствія, сталъ спускаться съ печи.

Это былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, сынъ хозяина, исхудалый и блѣдный, котораго съ самой ранней весны била жестокая лихорадка и который въ болѣзненномъ жару, можетъ быть отыскивая большей, чѣмъ въ отцовской избѣ, прохлады, забрался на печку той избы, которую занимали портные и улегся себѣ тамъ на просторѣ.

Digitized by Google

Онъ отъ слова до слова слышалъ разговоръ отцовскихъ постояльцевъ и какъ мальчикъ уже не очень молоденькій и, что и оказалось, отъ природы смышленый, понялъ, что тутъ рѣчь шла о дѣлѣ вовсе нешуточномъ.

Выйдя изъ избы портныхъ, онъ отправился въ свою избу, то есть туда, гдѣ находилась вся его семья, тихо, не подавая никому никакого вида, сѣлъ на лавку и обратился къ матери съ вопросомъ:

— Тятька не бывалъ еще съ поля?

— Не бывалъ. А что тебѣ его нужно?

— Ничего, я такъ спросилъ.

Мальчикъ продолжалъ молча сидѣть на лавкѣ.

Отецъ вернулся съ поля не ближе какъ черезъ часъ.

Когда онъ раздѣлся и велѣлъ собирать ужинать, мальчикъ осторожно, какъ-бы безъ всякаго разсчота, подошолъ къ нему, дернулъ его за полу рубахи, сказалъ ему шопотомъ, такъ что никто, кромѣ отца, слышать не могъ: «иди за мной» и самъ вышелъ изъ избы.

Отецъ, не мало удивленный неожиданной и странной выходкой сына, сейчасъ-же пошолъ за нимъ.

Сынъ дожидался его въ сѣняхъ и потомъ вывелъ на улицу, гдѣ они были уже совершенно одни.

— Что тебѣ, Андрейко? — спросилъ отецъ.

— Тятька, не знаешь-ли ты какого-нибудь Меркулыча?

— Можетъ быть и знаю, да тебѣ что до этого? И мало-ли Меркулычей на свѣтѣ!

— Нѣтъ, ты скажи, не знаешь-ли ты какого-нибудь такого Меркулыча, который, говорятъ, кого-то убилъ и котораго будутъ наказывать?

Отецъ, еще болѣе озадаченный этимъ уже прямымъ вопросомъ сына, увидалъ, что въ поведеніи Андрейки и этихъ вопросахъ что-то кроется и что, стало быть, и отвѣчать ему надо прямо-же.

— Знаю, сказалъ онъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ и томъ-же околодкѣ или, чтобы сказать еще опредѣленнѣе, — округѣ одного и того-же, особенно городского базара, куда всякую недѣлю стекается и гдѣ толкается такое множество народа, рѣдко-рѣдко кто не знаетъ другъ друга. Происшествіе-же Меркулыча было доволь-

Digitized by Google

но громко и гласно, такъ что о Меркулычѣ узнали по слуху и тѣ, которые никогда не знавали его лично.

— И его будутъ наказывать? продолжалъ свои разспросы сынъ.

— Будутъ, говорили, завтра.

— Ну такъ, тятька, я тебѣ скажу, что его, стало быть, наказывать будутъ по-напрасну, потому что не онъ убилъ мужика.

— А кто-же?

— Наши портняжки, что теперь спятъ на сѣновалѣ.

Отецъ какъ-бы окаменѣлъ отъ изумленія.

— Да тебѣ кто сказывалъ? — наконецъ спросилъ онъ сына.

— Да они сами сказывали; ихъ Богъ попуталъ.

Мальчикъ передалъ отцу весь разговоръ портныхъ, которые, говоря между собой, разумѣется не подозрѣвали его присутствія на печкѣ рабочей избы.

— Уменъ, что сказалъ, обратился отецъ къ сыну, ласково трепля его по плечу, — да вдвое умнѣе, что сказалъ тихо.

— Иди, Андрюша, въ избу, ты и то чвораешь, озябнешь здѣсь; когда будетъ нужно, я тебя позову. Матери скажи, что я опосля буду ѣсть... али, нѣтъ, ничего не говори: бабке, выйдетъ еще подслушивать да подсматривать. Пусть ждетъ!

Андрей, по приказу отца, ушолъ и сталъ ждать вызова.

— Да гдѣ тятька? спросила сына въ свою очередь мать. — Онъ за тобой слѣдомъ пошолъ.

— Онъ ушолъ за дѣломъ... къ шабру, отвѣчалъ Андрей.

И въ самомъ дѣлѣ отецъ пошолъ къ шабру, да не къ одному, а къ другому и третьему и пятому, вызвалъ человѣкъ уже съ десятокъ потихоньку на улицу, сгрудилъ ихъ и разсказалъ все что ему передалъ сынъ.

Призванный отцомъ Андрейко вполнѣ и при всѣхъ подтвердилъ свое показаніе.

Сомнѣнія въ истинѣ не могло быть никакого.

— Братцы, сказалъ кто-то изъ собравшейся толпы. — Что тутъ думать. Мы не малолѣтные, не безумные; коли допустимъ безвинную христіанскую кровь пролить по-напрасну, такъ на нашихъ душенькахъ непрощоный грѣхъ будетъ.

— Извѣстное дѣло, отвѣчали въ толпѣ.

— Пойдемте, чего ихъ боятся?.. и уйти имъ съ сѣновала некуда. Можетъ и сразу покаются.

Толпа отправилась къ сѣновалу, который былъ наверху сарая. Хозяинъ сталъ кликать портныхъ.

Они откликнулись.

— Выходите, пріятели.

— Зачѣмъ? — подалъ одинъ изъ нихъ голосъ съ сѣновала.

— Сходите, внизу узнаете.

Портные выглянули въ дверь и увидали цѣлую толпу мужиковъ.

Они спустились по приставленной къ двери лѣстницѣ.

— Что̀ вамъ?

— А вотъ что̀ намъ, отвѣчали имъ: — кайтесь, разбойники! Кайтесь и разсказывайте какъ вы убили того мужика, за котораго будутъ завтра Меркулыча наказывать?

Дѣлать было нечего; пришлось уступить правдѣ и силѣ.

Портные съ испугу, тутъ-же во всемъ покаялись.

Вотъ какъ было дѣло.

Они вдвоемъ возвращались изъ города въ тотъ самый день и часъ, какъ Меркулычъ вмѣстѣ съ кумомъ Василіемъ, оба мертво-пьяные, ѣхали тоже изъ города и по дорогѣ обогнали ихъ, пѣшихъ. Когда въ виду ихъ сани Меркулыча, на рысяхъ, налетѣли на тотъ огромный раскатъ, который послѣ, вечеромъ этого же дня, отыскивалъ исправникъ, то такъ раскатились и со всего маха концомъ нахлестки ударились о снѣгъ, который всегда у раскатовъ, отъ прибоя множества размахивающихся, подобно Меркулычевымъ саней, образуетъ нѣчто вродѣ небольшой стѣнки, — что сани однимъ бокомъ нѣсколько приподнялись и одинъ изъ лежавшихъ въ нихъ мужиковъ вылетѣлъ изъ нихъ вовсе, а другой, тоже должно быть потревоженный во время сна ударомъ саней о снѣгъ, не замѣтивъ паденія товарища, кое-какъ приподнялся въ саняхъ, дернулъ лошадь за одну возжу, отчего она съ торной дороги взяла въ бокъ и пошла цѣликомъ, а самъ сейчасъ-же опять упалъ въ сани.

— Смотри, смотри, что дѣлаетъ! смѣясь сказалъ одинъ изъ портныхъ другому.

— Пьяны должно быть.

— Да мало того, что пьяны, а должно быть ужь очень пьяны.

— Смотри, какъ тотъ-то колеситъ, продолжалъ первый, указывая на сани, все больше удалявшіяся отъ торной дороги.

Digitized by Google

Вскорѣ портные подошли къ лежавшему на дорогѣ мужику и посмотрѣли на него.

— Э, да это Василій Козырь, сказалъ одинъ, узнавъ его, потому что у портныхъ знакомство огромное.

— Точно, онъ.

— Что-же намъ съ нимъ дѣлать?

— Не нести-же его!

— Ну, а какъ замерзнетъ?

— Не замерзнетъ: не холодно; да и народъ изъ города ѣдетъ, кто-нибудь подыметъ.

— Да его ограбятъ!

— Не все-же такіе дураки какъ ты, что само въ руки дается, а онъ брать не умѣетъ.

Другой молчалъ.

— Ну, чего глядишь? Мужикъ зажиточный, съ нимъ непремѣнно деньги есть, не развалится оттого, что мы ихъ возьмемъ да спасибо ему скажемъ, что вывалился. Не на жизнь вѣдь его покушаемся.

— А что, отвѣчалъ другой, смѣясь,—въ самомъ дѣлѣ, пусть платится.

Портняги оглянулись во всѣ стороны, никого нѣтъ, ни пѣшаго, ни коннаго. Они нагнулись къ Василью, растегнули ему полушубокъ и стали стаскивать съ него мошонку.

Василій нѣсколько очнулся; должно быть, хотя смутно, но понялъ, что его грабятъ, и самъ ухватилъ одного изъ портныхъ за воротъ. Тотъ ударилъ его по рукѣ, высвободился и, разсердясь, опять къ нему и еще усерднѣй прямо за мошонку. Тогда Василій отпустилъ ему въ лицо такую затрещину, что у портняги искры изъ глазъ посыпались и показалась кровь.

— А, сказалъ онъ вдругъ и совсѣмъ озлобленный,—такъ ты, мерзавецъ, еще барахтаться и драться вздумалъ! Постой-же!

Тутъ, въ злобѣ, вынужденной минутной запальчивости, онъ выхватилъ изъ-за пазухи ножницы, одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей портняжнаго мастерства, и острымъ концомъ ихъ ткнулъ, какъ кинжаломъ, Василья прямо въ горло.

Ударъ былъ смертельный.

— Что-ты надѣлалъ? сказалъ ему товарищъ.

— Разсуждать, братъ, теперь поздно, отвѣчалъ убійца, пе-

Digitized by Google

перѣзывая тѣми-же самыми ножницами ремень, на которомъ висѣла мошонка.

Послѣ того, онъ очень глубоко всадилъ ножницы въ снѣгъ и мылъ ихъ, шмыгая ими въ снѣгу. Потомъ онъ вытеръ снѣгомъ лицо.

— Толковать нечего, добавилъ онъ, — а надо раздѣлить по братски что найдемъ, и дѣло съ концомъ.

Въ это время вдалекѣ зазвенѣлъ колокольчикъ.

Портные посмотрѣли другъ на друга и потомъ на дорогу.

Никого еще не было видно.

— Скорѣй его долой.

Они ухватили Василья за руки, поспѣшно оттащили шаговъ на десять въ сторону, бросили и сами пустились бѣжать вдоль дороги.

— Теперь, подальше отъ этого мѣста, съ разстановкою, задыхаясь на скоромъ бѣгу, говорилъ убійца, — колокольчикъ еще не близко, мы далеко убѣжимъ, а тамъ, коли кто и наѣдетъ и станетъ разспрашивать, скажемъ, что идемъ со стороны и ничего не видали.

Колокольчикъ, который между тѣмъ раздавался все ближе и ближе, вдругъ смолкъ.

— Остановился! сказалъ одинъ изъ бѣгущихъ.

Минутъ черезъ десять колокольчикъ звякнулъ снова и загудѣлъ уже въ сторонѣ.

— Это что? сказалъ тогда одинъ изъ портныхъ, останавливаясь и прислушиваясь, — никакъ колокольчикъ въ сторону взялъ.

Еще прислушались. Колокольчикъ точно звенѣлъ въ сторонѣ, на-лѣво.

— Теперь пойдемъ шагомъ.

Вскорѣ колокольчикъ послышался хотя и порядочно далеко, но совершенно съ боку, потомъ явственнѣй, но уже впереди портныхъ.

— Чудеса да и только! сказалъ убійца, — да онъ насъ объѣхалъ. — Пойдемъ еще тише.

Какія это были совершенно естественныя чудеса, теперь уже извѣстно. Не пустись исправникъ по околесной пьянаго Меркулыча, а взявши онъ прямо по дорогѣ, онъ непремѣнно нагналъ-бы портныхъ, вѣроятно остановилъ-бы ихъ и можетъ

Digitized by Google

быть открылъ-бы настоящее дѣло уже по запыхавшемуся ихъ виду и разбитому лицу одного. Надо-же было ему (вслѣдствіе впрочемъ чрезвычайно догадливаго соображенія необходимаго всякому слѣдователю) взять въ сторону, описать всю дугу, которую описалъ прежде него Меркулычъ, объѣхать такимъ образомъ убійцъ и выбраться на ту-же дорогу тогда уже, когда они были у него сзади.

Такъ отъ одного поворота саней зависѣла участь человѣка!

Меркулычъ-же, какъ открылось впослѣдствіи, по весьма вѣрнымъ догадкамъ, самъ разбилъ себѣ лицо о нахлестку, окровавилъ и ее и себя. Слова-же его, что онъ «уходилъ кума», означали, что онъ его перепилъ, объ чемъ еще въ началѣ былъ у него съ кумомъ дружескій споръ.

Когда портные во всемъ признались, мужики въ одинъ голосъ крикнули: «веревокъ!» и тотчасъ-же портныхъ перевязали.

— Спѣшить надо, пока не ушло, сказалъ кто-то.

Подняли старосту, за нимъ поднялась вся деревня, пришедшая смотрѣть на портныхъ, которыхъ знала слишкомъ хорошо, какъ на что-то новое и необыкновенное.

Староста сейчасъ-же нарядилъ подводы и провожатыхъ.

Пока собирали лошадей, слаживали ихъ тройками, пригоняли сбрую, неготовую для такой необычной для крестьянина-пахаря ѣзды, и наконецъ собрались сами ѣздоки, прошло не мало времени. Наконецъ, уже долго спустя, послѣ начала всей переполохи, тощія, усталыя отъ дневной работы лошаденки рысцой потащили преступниковъ и ихъ провожатыхъ.

Весной свѣтаетъ рано, путники-же, какъ ни спѣшили, а подвигались медленно, и потому то селеніе, гдѣ прежде жилъ Меркулычъ и гдѣ теперь должны были его наказывать, открылось передъ ними не ближе, какъ часа чрезъ два послѣ полнаго разсвѣта.

Приближаясь къ селенію, ѣздоки увидали дву-тьму народа у ближайшей къ нимъ околицы. Не трудно было понять, что тутъ, по всей вѣроятности, выбрано было мѣсто для наказанія Меркулыча. «Господи! не опоздали-ли?» подумали про себя ѣхавшіе, потомъ пріободрились, что было мочи хватили по лошаденкамъ и тѣ изъ всѣхъ силъ пустились въ скачъ.

Digitized by Google

Не опоздали только нѣсколькими минутами: исправникъ успѣлъ уже прочесть половину судебнаго приговора.

— Стой! стой! раздались голоса. Исправникъ невольно перервалъ чтеніе, народъ оглянулся въ ту сторону, откуда слышались крики, и всѣ очень ясно увидали двѣ шибко приближавшіяся тройки лошадей, людей, машущихъ шапками, и услыхали еще разъ: «Стой! стой!»

— Дорогу! — закричали сидѣвшіе на передовой тройкѣ, прорѣзаясь въ толпу.

Все расхлынулось.

Ѣздоки подскакали къ тому мѣсту, гдѣ находился исправникъ и возвышалась роковая «кобылка»—укрѣпленная, отлого лежащая доска, къ которой привязываютъ преступниковъ передъ наказаніемъ.

И Меркулычъ и палачъ были тутъ-же.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ одинъ, соскакивая съ телѣги: — вотъ воры, а Меркулыча Богъ разсудилъ.

Д. СМИРНОВЪ.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ САМОПРИЗНАНІЙ ДВУХЪ ПЕТЕРБУРЖЦЕВЪ

Современникъ. 1864. V. Внутреннее обозрѣніе.
Библіотека для чтенія. 1864. VI. Передовая статья.

IV

Въ прошлой статьѣ, если читатель припомнитъ, мы пришли къ вопросу: всегда-ли Петербургъ важенъ и самоувѣренъ, и нѣтъ-ли какихъ признаковъ, что онъ начинаетъ хотя нѣсколько сомнѣваться въ высокомъ значеніи своего цивилизаторскаго начала, хотя нѣсколько догадываться, что по ту сторону Обводнаго Канала есть что-нибудь, кромѣ невѣжества, косности и дикости?

Вопросъ любопытный, и еще любопытнѣе, какъ разрѣшится онъ петербуржцемъ: откажется-ли онъ отъ своего милаго города, или все-таки сохранитъ къ нему нѣжную, сыновнюю привязанность?

Статья, о которой мы теперь намѣрены говорить (Биб. для Чтенія), именно заключаетъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы; отвѣтъ искренній и даже такъ сказать лирическій. Видно, что автора задѣло за живое; что не мимолетное, а настоящее сомнѣніе тревожитъ его. Онъ знаетъ всѣ хвалы, которыя воспѣваютъ Петербургу; холодно анализируетъ его значеніе какъ столицы; остроумно и даже порой язвительно подсмѣивается надъ его прогрессизмомъ. Мы могли-бы привести нѣсколько весьма ядовитыхъ выписокъ, но не желая уклониться въ сторону, попросимъ читателя повѣрить намъ на слово. Важнѣе показать, что такое отношеніе есть именно отношеніе петербуржца, а ничье иное. И дѣйствительно это такъ; сердце не камень — а тѣмъ болѣе сердце петербуржца; оно не выдержало и въ концѣ статьи разрѣшилось восторженнѣйшимъ (самымъ востор-

Digitized by Google

женнымъ изъ всевозможныхъ) диѳирамбомъ родному городу. Оказывается, что подъ этимъ озлобленіемъ таится самая нѣжная любовь; что изливъ всю жолчь, все негодованіе, авторъ названной статьи спѣшитъ, какъ почтительный сынъ, высказать всю свою признательность; разсказать о часахъ мучительнаго наслажденія, которые доставлялъ ему родной городъ.

Вотъ это замѣчательное мѣсто:

«О городъ сфинксъ, кто изъ насъ не просиживалъ, смотря въ твои широкіе какъ у филина открытые глаза, слушая шумъ твоего ночнаго дыханія и тщетно силясь уловить то слово, которое казалось носилось надъ тобой и разрѣшало твою загадку. Еще дѣтьми измученные тобою, вскормленные твоимъ ядомъ, и знающіе, хорошо знающіе, что нѣтъ той живой воды, которая вытравила-бы его изъ насъ, знающіе, что мы ранены тобою на смерть, — минутами любимъ тебя глубоко. Любимъ мы тебя за эти самыя муки, за этотъ до нутра вскрывающій анализъ, за это постоянство въ страданіяхъ, доходящее до наслажденія, до сладострастія, которыя не даютъ заснуть, забыться, которыя вѣчно тревожа, вѣчно зовя на что-то и не давая помириться на кусочкѣ пошлаго счастія, — дарятъ такими снами, показываютъ такіе идеалы, такія грезы, какихъ не знаютъ другіе, какіе родятъ только твои недремлющія, на сквозь себя видящія ночи: Точно подъ вліяніемъ этихъ ночей и въ душѣ становится все прозрачно и кажется видишь какъ зараждается, зрѣетъ и растетъ мысль, какъ шевелится чувство, какъ мелькнуло какое-то желаніе и упало, не успѣвши перейти даже въ слово, какъ возникъ образъ, и ясный, тихо пронесся мало вѣкъ, — все слышно и видно въ душѣ до самаго дна — вотъ какъ и въ твои бѣлыя ночи... За это мы любимъ тебя.

Но умѣетъ-ли кто и ненавидѣть тебя такъ, какъ ненавидимъ мы, — тебя, управшаго отъ насъ все, что даетъ силу, тебя, сдѣлавшаго изъ насъ какихъ-то новыхъ евреевъ, въ однихъ лишь пѣсняхъ видящихъ свой утраченный Іерусалимъ. Когда тотъ, въ комъ еще не все убито тобой, вырвется хоть на время изъ твоихъ каменныхъ лапъ и уйдетъ туда, далеко въ глубь, когда онъ увидитъ другія ночи, другіе дни, когда ему въ первый разъ поклонится рожь до земли и темный лѣсъ начнетъ шептаться, и въ сторонѣ, пугливо хоронясь подъ соломой, притаятся пришибенныя лачуги, — онъ сразу все узнаетъ, у него раскроются глаза. Какъ-же онъ долженъ возненавидѣть тебя и какъ за эту сознанность еще сильнѣе полюбить то бездонное и безграничное море, которое лежитъ у тебя за спиною. И съ этихъ поръ онъ уже не найдетъ покоя въ стѣнахъ твоихъ: твое золото покажется ему мишурой, и станетъ ему противна до омерзенія твоя плюгавая фигура, невыдерживающая дневнаго свѣта, съ прищуренными глазами, какъ у слезливаго, тщедушнаго чухонца... (Биб. д. Ч. VI. 64).

Digitized by Google

Это заключительныя слова статьи; это ея достиженіе; стоитъ анализировать это мѣсто, и мы постигнемъ всю суть статьи; ту нотку, на которой разыграна эта печальная пѣсня.

Не смотря на видимыя противурѣчія, нельзя ни минуты сомнѣваться въ искренности этихъ самопризнаній; даже болѣе: это видимое противурѣчіе совершенно наглядно доказываетъ искренность автора. Этотъ грустный, звучащій, какъ надтреснутый колоколъ, монологъ, разоблачаетъ одно изъ интереснѣйшихъ психическихъ состояній; обнаруживаетъ живое явленіе. Мы сознаемъ, что мы ранены тобою, о городъ-сфинксъ! на смерть, — и мы глубоко любимъ тебя. Ты не даешь намъ забыться, заснуть, — и мы видимъ только одни грезы, одни мечтанія. Правда, такіе идеалы и грезы видятся намъ, «какихъ не знаютъ другіе, какіе родятъ только твои недремлющія, на сквозь себя видящія ночи». И никто не знаетъ этихъ идеаловъ, никто не поклонится, не полюбитъ ихъ! И еще, Богъ знаетъ, переходятъ-ли эти мечты въ какой-нибудь осязательный образъ, могутъ-ли сказаться какимъ-нибудь словомъ. Намъ дорогъ мучительный, сладострастный (таково выраженіе) анализъ. Онъ не даетъ намъ помириться «на кусочкѣ полнаго счастья» — и не даетъ ничего положительнаго, кромѣ сладострастныхъ мученій духа. Онъ зоветъ насъ куда-то, вѣчно зоветъ, — но мы не знаемъ куда, а онъ, анализъ, и подавно. Да если-бы и представилась какая-нибудь надежда на исходъ, то тотъ-же мучительный анализъ разнѣжилъ-бы эту надежду, показалъ-бы всю тщету ея! И «за все это мы любимъ» свой родной городъ-сфинксъ.

Странное, болѣзненное теченіе мысли; мысли боящейся на чемъ нибудь остановиться; боящейся что-нибудь породить; скажемъ болѣе, — нежелающей ничего породить; потому что въ нихъ, въ этихъ мукахъ рожденія все счастіе, вся наша слава, все наше достояніе. Едва мы захотимъ остановиться, успокоиться, какъ безпокойный анализъ пуститъ свое ядоносное жало. На всякую тезу онъ выставитъ антитезу, все приведетъ къ неразрѣшимой диллемѣ, ибо таково свойство этого болѣзненно-раздражительнаго анализа.

Куда-же бѣжать отъ него? гдѣ успокоиться, освѣжиться, добыть силы на дѣло, смѣлости на подвигъ? «Туда», подсказываетъ анализъ, «далеко, въ глубь», гдѣ шепчется темный лѣсъ, гдѣ пугливо хоронятся подъ соломой пришибенныя лачуги, — тамъ твое спасеніе. И несчастный петербуржецъ вѣритъ этимъ полнымъ соблазна рѣчамъ и бѣжитъ туда, гдѣ ему рожь поклонится до земли. И что-же вынесетъ онъ оттуда? Сожжетъ-ли онъ то, чему поклонялся,

Digitized by Google

поклонится-ли тому, что сжигалъ? Увы, это невозможно для него! Онъ возненавидитъ свой городъ-сфинксъ, — но искренно-ли возненавидитъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Онъ даже не обманетъ себя этимъ; онъ, послѣ такой экскурзіи, только не найдетъ покоя въ стѣнахъ своего родного города. Но развѣ прежде онъ зналъ этотъ покой? Не только не зналъ, но не хотѣлъ даже знать. Онъ любилъ свой городъ именно за то, что тотъ не давалъ ему заснуть и подчивалъ его въ тоже время плѣнительнѣйшими идеалами, великолѣпнѣйшими мечтами, для которыхъ даже слова нѣтъ. И съ него «довольно сего сознанья.»

Признаемся, давно ничего намъ не случалось читать болѣзненнѣе, тоскливѣе, и повторяемъ, искреннѣе этого самопризнанья санкт-петербуржскаго Гамлета. Какая разница съ самодовольнымъ и залутымъ словомъ истинно-образованнаго петербуржца, о которомъ мы говорили въ прошлой статьѣ! По нашему, именно къ этой безъисходной тоскѣ долженъ придти всякій природный петербуржецъ, въ которомъ живое чувство не совсѣмъ заглохло подъ тяжелокѣсной важностью цивилизующей мысли. Это высшая ступень петербуржскаго сознанія. Руководимое однимъ всеразрушающимъ, ничего кромѣ самого себя непризнающимъ анализомъ, оно никогда не можетъ достигнуть какого-нибудь положительнаго результата. Анализъ — это какое-то будійское божество петербуржскаго Гамлета; божество, стремящееся успокоиться въ нирванѣ.

Такъ, впрочемъ, и должно было случиться. Несвязанный ни съ чѣмъ, одинокій, заброшенный на болотистое невское прибрежье, петербуржецъ завязнулъ въ своей зыбкой почвѣ. Наука не укрѣпляла, но разрушала его духовный организмъ; наука требовала смотрѣть въ европейское окно, любоваться на западные идеалы; оставляя его одинокимъ и безпріютнымъ, она говорила ему «надѣйся единственно на свои силы; ты одинъ, безъ почвы, ломоть отрѣзанный, тебѣ ни откуда не будетъ помощи»; она болѣзненно развивала его ничѣмъ некрѣпкую личность, она оправдывала его ничѣмъ, кромѣ обезьянства, неоправдываемое самолюбіе. Съ презрѣніемъ смотрѣла на это чужая наука, и охваченный ею, петербуржецъ воспылалъ гордостью непомѣрною. Все что внѣ его, онъ не удостоивалъ даже анализа; онъ просто, безъ всякой думы и завѣтія совѣсти, отвергалъ все кромѣ себя: поневолѣ анализъ долженъ былъ устремиться во внутреннюю жизнь его души. Такой анормальный ходъ развитія не могъ принести никакихъ добрыхъ плодовъ. Анализъ пустился въ мелочную, запутанную и томительную работу; всякое мелкое чувство, всякая ничтожная идейка служили ему ни-

Digitized by Google

щею. Въ жизни петербуржецъ не могъ находить наслажденія; жизни не было, и чѣмъ-же услаждался онъ? Этой-же безплодной работой анализа, этимъ-же неутомимымъ копаніемъ въ глубинѣ души, переворачиваніемъ всякой душевной грязи; но все это не очищало его; онъ радовался единственно тому, что видитъ въ себѣ все до глубины души. И выше этой мучительно-сладострастной копотни онъ не могъ даже ничего и вообразить.

Сознаніе анализирующаго петербужца совсѣмъ не похоже на здоровое сознаніе цѣльнаго человѣка. Сознаніе — разрѣшеніе недоразумѣній, сознаніе — примиреніе противорѣчій не знакомо ему. Изъ всѣхъ душевныхъ силъ ему на долю достался одинъ анализъ. Творческая способность совсѣмъ покинула его, онъ даже проклялъ эту способность въ другихъ. Его гордость была въ немъ самомъ; его стремленіе — передѣлать все по своему образцу; именно, передѣлать механически; онъ любилъ свой идеалъ, а этотъ идеалъ былъ онъ самъ; высокомѣрно смотря на землю, во главѣ которой онъ считалъ себя поставленнымъ, онъ не замѣчалъ, что самъ сталъ рабомъ западной цивилизаціи; рабомъ крѣпостнымъ въ полномъ смыслѣ, нежелающимъ, презирающимъ самодѣятельность мысли; хоть онъ и толкуетъ о самодѣятельности, но не понимаетъ даже и смысла этого слова: какая-же самодѣятельность въ томъ, чтобы принять все чужое, и пожалуй идти дальше, но по той-же дорожкѣ, дѣйствуя въ томъ-же духѣ? Ему и въ голову не приходитъ, что человѣкъ, принявшій все чужое механически, или лучше сказать съ «чужого слова», никакъ дальше этого чужого не пойдетъ, и вѣчно будетъ отставать отъ своего учителя, какъ ученикъ прилежно выучивающій заданный урокъ; на завтра новый урокъ — и старый забытъ. Это самое полное рабство; рабство по духу. Чтобъ идти дальше въ томъ-же духѣ, надобно по крайней мѣрѣ духъ тотъ имѣть. Откуда онъ возьмется когда той жизни, изъ которой онъ произошолъ, у насъ нѣтъ, того цѣлаго ряда вѣковъ у насъ нѣтъ. Тамъ крѣпко на своей землѣ стояли; у насъ тоже своя жизнь была, своя исторія, — отъ которой отказался давно петербуржецъ. Онъ только прорубилъ окно и у окошка сидитъ, смотритъ во всѣ глаза и на чужое зарится. Для сознанія своего рабства отъ чужого духа, анализирующему петербуржцу надо было-бы подвергнуть сомнѣнію принятые имъ на вѣру идеалы, надо было-бы, такъ сказать, отказаться отъ самого себя; но на это у него не хватило-бы ни силы, ни — главное — смиренія. Смириться, не признавать эгоизма главнымъ двигателемъ человѣчества, не считать высшимъ идеаломъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ желаній, самонаслажденіе? Нѣтъ, никогда! Теперь петер-

Digitized by Google

буржцы стараются даже увѣрить, что самая любовь есть чувство эгоистическое, что человѣкъ при этомъ прежде всего стремится удовлетворить своимъ потребностямъ; что даже если человѣкъ полагаетъ душу свою за друга своего, то и это дѣлаетъ единственно ради своей выгоды, ради того, чтобы восторжествовала его идея, ради удовлетворенія своего самолюбія, которое стремится къ этому торжеству. Это можно говорить только тому, кто никогда не любилъ и ничего не полагалъ ни за кого *на самомъ дѣлѣ*, потому что еслибъ онъ любилъ, то, узнавъ любовь на самомъ дѣлѣ, тотчасъ-же бы понялъ до какой степени она не похожа на эгоизмъ. А петербуржецъ не можетъ любить, потому что ему и любить даже нечего, онъ занимается только думаніемъ объ любви. Онъ даже готовъ думать въ такое время, когда не думаетъ никто, онъ и завраться-то даже самъ не умѣетъ, а беретъ старый парадоксъ изъ Гельвеціуса. Оттого и вретъ, и насиживаетъ теорію эгоизма. И — что верхъ комизма! — слѣдственно даже и вретъ не самъ, а по иностранному руководству.

Его ученіе объ эгоизмѣ облекается въ весьма утонченную, какъ видите, форму; оно лукаво подводитъ все подъ одинъ принципъ; оно смѣшиваетъ fas и nefas и доказываетъ что это въ сущности одно и тоже. Нужно-ли доказывать всю шаткость такого лжемудрствованія, всю несостоятельность его передъ истиннымъ ученіемъ любви? Нѣтъ, я хочу, чтобъ моя идея торжествовала не потому что она моя, а потому что я вѣрю въ ея правду; нѣтъ, я хочу дѣлать добро не для того чтобы избѣгнуть зла отъ другихъ, но потому что въ этомъ святая святыхъ моей души; къ этому тянетъ меня, если во мнѣ еще осталось хоть что-нибудь человѣческаго; я не стану увѣрять, что это выгодно, не стану приглашать на основаніи этой выгодности другихъ поступать такъ какъ я, — потому что это житейски не выгодно, а передъ лицомъ высшей правды исчезаетъ мелкое и ничтожное понятіе выгоды. Не для торжества своей идеи стану поступать я такъ, потому что она не моя; самъ Божественный Учитель только творилъ волю Пославшаго; я не хочу ограничиться логическимъ доказательствомъ, меня оно не успокоитъ; я хочу вѣровать въ правду всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ, всею душою, всѣмъ моимъ существомъ. Вѣрую-же я не по разуму, а потому что прекрасно то, во что и вѣрую, и меня восторженное любовью влечетъ къ тому, и въ этомъ все счастье мое, — и счастье великое, безпредѣльное и этому счастью у человѣчества не будетъ конца. Я не требую за это награды, потому что я дѣлаю только то, чего не могу не дѣлать. Да Боже мой! Тутъ награда и выгода даже и на умъ-то не могутъ

Digitized by Google

предти. Не о удовлетвореніи своимъ личнымъ желаніямъ стану я думать, а охотно пожертвую ими. И не дай Богъ, чтобъ я гордился этой жертвой, чтобъ я ею самоуслаждался, — тутъ нечѣмъ самоуслаждаться; нѣтъ тутъ пищи моему самолюбію; я пожертвовалъ невольно, отъ избытка счастья, отъ счастья собою пожертвовать.

Таково истинное ученіе любви въ идеалѣ своемъ и въ дѣйствительныхъ ощущеніяхъ человѣчества въ противуположность головному и недѣйствительному, ненормальному и ненатуральному ученію о выгодѣ; таковъ идеалъ русскаго народа въ противоположность послѣднимъ (какъ говорятъ) результатамъ европейской цивилизаціи. Оба эти вывода, оба идеала — не могутъ примириться; они идутъ двумя разными дорогами и, не уклоняясь отъ своего пути, встрѣтиться другъ съ другомъ не могутъ. Равно нельзя вѣрить, что буржуазный идеалъ выгоды побѣдитъ идеалъ любви. Высшее никогда не побѣждается низшимъ и только иногда затмѣвается имъ, какъ солнце облаками.

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Самолюбіе въ чистѣйшемъ своемъ проявленіи производитъ единственно Юліевъ Цезарей съ ихъ извѣстными сужденіями о Римѣ и деревнѣ, съ ихъ необузданнымъ желаніемъ стоять выше всѣхъ единственно для того, чтобы стоять, не смотря ни на какія средства; да Геростратовъ, сжигающихъ храмъ Діаны.

Къ такимъ заключеніямъ привелъ насъ разборъ заключительныхъ словъ передовой статьи одного изъ петербургскихъ журналовъ. Правда, статья эта не заключаетъ выведенныхъ нами результатовъ и, кромѣ выписаннаго нами лирическаго диѳирамба, даже пытается бороться съ ними. Но она именно тѣмъ и замѣчательна, что помимо воли автора все-таки гнетъ въ извѣстную сторону; все-таки прославляетъ городъ-сфинксъ за то, за что ненавидитъ; сфинксъ не выпускаетъ своей добычи. Диѳирамбъ вырвался невольно и авторъ — очевидно не Юлій Цезарь.

И такъ философствующій Петербургъ приходитъ къ безплодному сомнѣнію, къ безсилію, къ проклятію своей судьбы, — къ чему-же приходитъ дѣятельный Петербургъ, которому некогда думать, который занятъ съ утра до ночи дѣлами? Вѣдь есть-же у него какія нибудь воззрѣнія, есть-же у него извѣстное духовное руководство и свои духовные, если не руководители, то жрецы обязанныхъ его требъ. Именно, какъ хочется опредѣлить тѣмъ такъ сказать расти-

Digitized by Google

тельнаго петербуржца; того, который ничѣмъ не обогатитъ выростившей его почвы, а много что отдастъ ей только отъ нея-же полученное.

Этотъ нараждающійся типъ такъ сказать туземныхъ петербуржцевъ весьма интересенъ. Онъ еще не вполнѣ обозначился, но его болѣе или менѣе можно предъугадать. Зачатки мы его видимъ ежедневно; встрѣчаемъ повсюду; для него преимущественно трудятся наши петербуржскія газеты; его мнѣнія онѣ выражаютъ; онѣ служатъ его умственнымъ термометромъ.

V

Возьмемъ не очень любознательнаго, но смышленаго петербуржскаго мальчика и посмотримъ какими вѣяніями окружонъ онъ, чему его хотятъ научить, какія ходячія мнѣнія слышитъ онъ вокругъ себя и во что онъ способенъ выродиться?

Не ручаемся за полноту нашего очерка, но если намъ удастся подмѣтить хотя нѣсколько характерныхъ чертъ, то мы и тѣмъ будемъ довольны.

Мальчикъ (или дѣвочка) родится и выростаетъ въ полунѣмецкомъ городѣ. Не всегда у него даже есть русская нянька. Весьма часто, и въ очень и очень среднемъ кругу, чадолюбивые, но разсчотливые родители нанимаютъ няньку-нѣмку. Оно и не очень дорого, и «по нѣмецки дитя выучится», и нѣмка, извѣстно, благороднѣе: «хоть за столъ, такъ и то съ собой посадить можно». У насъ еще до сихъ поръ основой воспитанія считаются иностранные языки. Для этого даже надзиратели или воспитатели, т. е. лица имѣющіе самыя частыя сношенія съ воспитанниками, въ закрытыхъ казенныхъ заведеніяхъ выбираются изъ иностранцевъ. Какое дѣло до ихъ нравственнаго развитія, до ихъ пониманія русской народности, до того что они по неволѣ и даже *по обязанности* внушатъ русскому мальчику презрѣніе къ тому, что онъ русскій, и вселятъ въ него тайное раскаяніе въ томъ, что онъ русскій,—благо они иностранцы и дѣти у нихъ могутъ научиться болтать по-нѣмецки, и главное, по-французски. Далѣе, въ Петербургѣ очень довольно школъ при церквахъ иностранцевъ-исповѣданій, и въ этихъ школахъ довольно учится русскихъ мальчиковъ. Еще недавно (да и теперь вѣроятно) русскіе петербуржцы охотно отдавали своихъ дѣтей въ эти школы въ чаянія, что тамъ они не научатся, что выйдя оттуда — не то что изъ, напримѣръ — они не дойдутъ

Digitized by Google

въ чистоплотности, да въ добавокъ еще у нѣмцевъ аккуратности научатся.

Все дѣлается, хоть часто безсознательно, чтобы съ изначала отучить ребенка ото всего русскаго. Извѣстно что

отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ свѣжихъ силъ заемлетъ силу геній.

И удивляться-ли послѣ этого, что въ русскомъ журналѣ смѣются надъ русскими народными сказками (самыми поэтическими и самыми глубокими въ свѣтѣ), называютъ ихъ грубыми и глупыми, и восхваляютъ въ противоположность имъ нѣмецкія сказки, собранныя братьями Гримами, или слюнявонравоучительныя сказки Андерсена?

Затѣмъ, гдѣ знакомиться ребенку съ русскимъ языкомъ, съ нравами, обычаями и воззрѣніями своего народа? Изъ такъ-называемыхъ «книгъ для чтенія», гдѣ разсказывается о добродѣтельныхъ Ваничкахъ и злыхъ Колякахъ; изъ россійскихъ грамматикъ, написанныхъ нѣмцами или по нѣмецкому образцу и подобію? Заботятся теперь, чтобы Среднюю Европейскую Исторію дѣти изучали по современнымъ источникамъ, а позаботился-ли кто-нибудь объ ознакомленіи дѣтей съ источниками русской исторіи? Многіе-ли прочли хоть тѣмъ лѣтописей или какихъ-нибудь актовъ? Мало того, мнѣ разъ случилось присутствовать въ собраніи, гдѣ разсуждалось объ изданіи дешевыхъ книгъ для народа, и въ этомъ собраніи было высказано не одно мнѣніе о вредѣ, который можетъ принесть народу дешевое изданіе отрывковъ, или свода, лѣтописей. Недавно еще одинъ изъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія, г. Золотовъ, издалъ рядъ картинъ изъ русской исторіи, въ надеждѣ вытѣснить *безобразныя* лубочныя картинки, и подъ этими картинками сочинилъ прогрессивные подписи, въ которыхъ предупреждаетъ зрителей на счотъ невѣжества и грубости нашихъ предковъ.

Что-жъ мудренаго, если вокругъ слышатся самыя дикія понятія о русской допетровской жизни, что-жъ мудренаго, если газетный слогъ становится все суше и безжизненнѣе, что безпрестанно безъ толку и безъ надобности вводятся все новыя и новыя иностранныя слова?

Заглядите въ любую петербургскую газету, прислушайтесь къ устнымъ разсужденіямъ, — что въ нихъ говорится о народѣ? Не читаемъ-ли мы постоянно о его пьянствѣ, невѣжествѣ и о значеніи слова «авось» въ русской жизни? Когда Петербургъ еще больше обособится, онъ станетъ звать русскихъ сосѣдями. Господа петер-

Digitized by Google

буржцы не понимаютъ, что они, захвативъ у русскаго народа всякую инициативу, всякое начинаніе, не могутъ и требовать ничего отъ него больше, какъ дѣйствія на *авось*. Еще недавно передовая петербуржская газета трактовала о необходимости примѣси нѣмецкой или англицкой соли къ *прѣсной волнѣ* славянскаго моря. Краснорѣчиво даже. А чѣмъ наполнены петербуржскія газеты? По преимуществу иностранными новостями; тутъ вы найдете извѣстія обо всемъ, о послѣднемъ каламбурѣ сказанномъ въ С.-Клу императорскимъ принцемъ, о томъ, какъ императрица Евгенія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, «разсѣкала воздухъ въ санахъ» (послѣдняя фраза выписана нами съ буквальной точностью), о новой комедіи г. Сарду, о новомъ романѣ какого-то г. Лео. О русскихъ книгахъ, о русскихъ журналахъ говорится очень мало, вскользь, для того чтобы отдѣлаться. Сочиненія весьма замѣчательные пропускаются; жалкіе компиляціи удостоиваются великихъ похвалъ; г. Галаховъ ставится выше Карамзина. Да оно и понятно. Извѣстія о С.-Клу и тому подобномъ можно цѣликомъ взять изъ иностранныхъ газетъ; для красоты подпустить малую толику «либерализма», а то и такъ сойдетъ.

Начнутъ-ли говорить о петербуржскихъ новостяхъ и тутъ на первомъ планѣ собаки и обезьяны, нѣмецкій театръ и итальянская опера. Начнутъ-ли толковать о народномъ театрѣ и тутъ филантропія на первомъ планѣ. Что совѣтуютъ давать на народномъ театрѣ? Костромскія лѣса и другія псевдопатріотическія драмы, и ни слова о піесахъ Н. А. Чаева, А. Н. Островскаго, ни слова ни о «Псковитянкѣ» Мея, ни объ «Освобожденіи Москвы» К. С. Аксакова, піесѣ, имѣвшей такой огромный и вполнѣ заслуженный успѣхъ въ единственное представленіе на московской сценѣ. Въ одной газетѣ даже рекомендовали *Кваска-Стихотворца*, въ которомъ есть слѣдующая малороссійская пѣсня:

Мучитъ Маруся
Душу мою;
Тѣмъ я *безъ вкуса*,
Вовсе не пью.

Въ Петербургѣ положительно извѣстна только одна русская пѣсня «Вниз по матушкѣ, по Волгѣ» и вторая съ нею параллель: эти пѣсни считаются: «Матушка-голубушка», «Что ты жадно глядишь на дорогу» и пошлая мелодія на прекрасныя слова Кольцова «Хуторка». Мнѣ удавалось слышать не разъ мнѣнія людей по крайнему мѣрилу образованныхъ, что русскія пѣсни по большей

Digitized by Google

части бессмысленны, т. е. «слова безсмысленны», срабаемъ обыкновенно просвѣщонный цѣнитель въ видѣ уступки или поощренія.

А сколько есть людей толкующихъ, что они занимаются изученіемъ русскихъ артелей «съ точки зрѣнія соціалистическаго ученія и т. п.» (Русскія артели и соціалистическое ученіе, о Господи!).

И гдѣ-же, повторяемъ, ребенку среди такой сферы научиться чему-нибудь русскому? Гдѣ услыхать ему русскій языкъ? Не въ театрѣ-ли? Но нашимъ читателямъ хорошо извѣстно, что такое значитъ театръ. Не мудрено, что когда этомъ ребенокъ выростетъ, его потянетъ не въ Россію, а за границу, въ «страну святыхъ чудесъ». Не мудрено, что воспитанному въ такой средѣ человѣку покажется, что лучше отвезти своихъ дѣтей учиться за-море, потому что «русскія школы, сколько ни стараются, все-таки не могутъ сравниться съ иностранными». А что будетъ съ этими воспитывающимися за границей дѣтьми? Кого вывезутъ рано, лѣтъ 10—12, тотъ года черезъ три-четыре на половину позабудетъ по русски, (это фактъ). Очевидцы разсказываютъ, что уже попадаются такіе полуонѣмеченные, полуофранцуженные субъекты (¹). Что съ ними будетъ когда они воротятся на родину? Что будетъ дѣлать такой иностранецъ въ своемъ родовомъ имѣніи гдѣ нибудь въ Новосильскомъ или Зарайскомъ уѣздѣ? Тоска возьметъ его, дико будутъ смотрѣть на него крестьяне, хотя они давно уже пріучились ничему не удивляться, и уѣдетъ онъ опять за границу проживать свое новосильское или зарайское помѣстье. И вѣдь русскихъ, *постоянно* живущихъ за границей, считается теперь сотнями тысячъ!

Уже довольно давно, лѣтъ двадцать или двадцать пять назадъ, раздавались голоса, что въ Россіи можно жить единственно въ Петербургѣ, а что будетъ еще черезъ двадцать лѣтъ? Нѣтъ сомнѣнія, что къ тому времени Петербургъ будетъ вполнѣ цивилизованный городъ, квинтъ-эссенція Парижа, Лондона, Вѣны и Нью-Іорка; по его улицамъ пройдутъ желѣзныя дороги, магазины будутъ украшены двухъ-аршинными зеркалами; на перекресткахъ появятся давно ожидаемыя будочки, обклеенныя чудовищными объявленіями, мальчики будутъ продавать на улицахъ «Голосъ» и «Сынъ» или ка-

(¹) Я тоже встрѣтилъ въ Швейцаріи русскаго тринадцати-лѣтняго мальчика, удержавшагося три года въ Женевѣ, въ пансіонѣ. Онъ вывезенъ былъ изъ Россіи по десятому году и уже забылъ чрезвычайно много русскихъ словъ, понималъ меня плохо; хотя ему очевидно хотѣлось поговорить со мной по русски. Выговоръ его былъ очень смѣшонъ. Мнѣ было вовсе не до смѣху на него глядя. Ѳедоръ Достоевскій.

Digitized by Google

кіе-нибудь еще болѣе прогрессивныя газеты и прочая, и прочая, и прочая.

Это внѣшность, которая, конечно, не будетъ излишней и во всякомъ другомъ русскомъ городѣ, — хотя ею-то, именно этой внѣшностью, и будетъ больше всего гордиться петербуржецъ. Но дѣло въ томъ, что мало-по-малу этой внѣшности начнетъ соотвѣтствовать вполнѣ европейская внутренность. Всякія завиральныя идеи перебродятъ и петербуржецъ сдѣлается самымъ солиднымъ, самымъ изъисканнымъ буржуа-джентльменомъ. Онъ усвоитъ себѣ привычки и того и другого типа. Онъ будетъ вѣжливъ, разсчотливъ, ловко будетъ обдѣлывать свои дѣлишки и съ Подснаповскимъ (см. «Нашъ Общій Другъ», новый романъ Диккенса) хладнокровіемъ будетъ устранять величественнымъ мановеніемъ правой руки всѣ безпокойные вопросы. Разговоры его будутъ касаться только самыхъ возвышенныхъ предметовъ, какъ-то иностранной политики, иностранной литературы, итальянской оперы, биржевыхъ курсовъ и какъ можно бо́льшаго расположенія иностранныхъ капиталовъ (съ эксплуатаціей и съ гарантіями) въ Россіи.

Но долго-ли продолжится это? До тѣхъ поръ пока его народонаселеніе не перестанетъ увеличиваться на счотъ переселенцевъ. Кто знаетъ долго-ли продолжится это? Можетъ быть, съ уменьшеніемъ русскаго переселенія, увеличится иностранное.

И никто изъ жителей не будетъ замѣчать внутренней пустоты своего родного города-сфинкса; напротивъ, еще самоувѣреннѣе, еще высокомѣрнѣе будутъ они глядѣть на все остальное, еще *ординарнѣе*, еще надутѣе будетъ рѣчь его публицистовъ. Паншины-то, Паншины какъ расходятся. Да куды! Къ тому времени явится что-нибудь еще почище Паншина!

Блестящая будущность! И не вѣрится намъ, что она будетъ иная; не вѣрится намъ, чтобъ русскіе элементы восторжествовали на зыбкой почвѣ невскаго прибрежья. Нѣтъ, слишкомъ уже кажется переродились здѣсь русскіе люди, слишкомъ отстали отъ своей родной земли. Право стоитъ подумать объ этомъ. Театръ и школы во многомъ могли-бы способствовать развитію русскаго элемента въ нашей сѣверной столицѣ, — но... Да ктому-же все это маленькіе пальятивы когда сути нѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что петербургская журналистика чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе и менѣе будетъ способна стать умственнымъ руководителемъ русской земли. Ей предстоитъ опасность проповѣдывать въ болотной пустынѣ, даже безъ утѣшенія, что горы отвѣ-

Digitized by Google

тятъ «аминь», потому горъ вокругъ нѣтъ, а на болотѣ эхо плохое.

Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будетъ она понимать Россію; чѣмъ дальше, тѣмъ неохотнѣе будутъ ее слушать. Но дѣло въ томъ, что, кромѣ такъ-сказать посредственнаго вліянія на образованное общество въ остальной Россіи, Петербургъ имѣетъ еще вліяніе непосредственное, высылая въ провинцію адептовъ своихъ въ видѣ чиновниковъ, учителей и т. п. Правда, они не охотно остаются среди невѣжественной массы, и спѣшатъ снова въ свой родной городъ, гдѣ имъ привольно, какъ рыбѣ въ водѣ. Правда, что истый петербуржецъ безъ крайней необходимости не оставитъ породившаго его болота. Но тѣмъ не менѣе, это непосредственное вліяніе все-таки довольно сильно. Потому что почти вездѣ образованное общество болѣе или менѣе разорвало связи съ народной почвой; вездѣ завелось нѣчто въ родѣ буржуазіи. Въ иныхъ-же губерніяхъ, особенно дальныхъ, до сихъ поръ ужасно интересуются образомъ жизни въ столицѣ. Вездѣ есть часть общества, которая тянетъ къ Петербургу; это очевидно для каждаго, кто пробѣгаетъ газетныя корреспонденціи изъ губерній. «Образованный» тонъ этихъ корреспонденцій по истинѣ уморителенъ. Они обыкновенно жалуются на недостатокъ прогресса въ провинціи, на отсутствіе въ ней самостоятельной жизни, которое объясняютъ единственно «лѣностью и апатичностью» русской натуры.

Любопытно, когда человѣкъ такой среды вздумаетъ показаться русскимъ. Это легче всего увидѣть въ разныхъ, появившихся въ послѣднее время руководствахъ русской словесности. Заговоритъ авторъ о былинахъ и пѣсняхъ, и тутъ поневолѣ приходится ему коснуться славянофильскаго ученія и выходитъ невыразимая окрошка всевозможныхъ мнѣній. Все является перепутаннымъ, наполовину непонятымъ; часто даже соглашенія двухъ противоположныхъ мнѣній нѣтъ, и они стоятъ другъ подлѣ друга, повидимому нисколько не стѣсняя одно другое. Толкуется о русскомъ земствѣ и такъ что оно оказывается непохожимъ ни на какое земство въ мірѣ. Слова: земство, земскій соборъ, міръ, новгородское вѣче часто слышатся, но чаще всего произносящіе эти слова придаютъ имъ совсѣмъ другой смыслъ противъ настоящаго. Это безуспѣшное стараніе подвести понятія, выработанныя русской жизнью, подъ извѣстныя категоріи западно-европейской цивилизаціи встрѣчается на каждомъ шагу. Даже этимъ подведеніемъ сознательно занимаются, сознательно (т. е. съ цѣлью); объ этомъ стараются.

Пусть ужь лучше цивилизованный человѣкъ проповѣдуетъ свои

Digitized by Google

дорогія начала, чѣмъ являться ему защитникомъ русской жизни. Отъ этого ни ему, да и никому пользы нѣтъ, а выходитъ только одна путаница. Къ суматицѣ понятій онъ прибавляетъ еще новую.

Рано или поздно, но вездѣ начнется борьба, упорная и дѣятельная, между «цивилизующими» и коренными русскими основами. Эта борьба, ограничившаяся вначалѣ взаимными насмѣшками петербуржцевъ и москвичей, дѣлается все серьезнѣе и серьознѣе. Сперва почитали умѣстнымъ игнорировать защитниковъ коренныхъ основъ русской жизни, ограничивались одними ѣдкими, но чисто внѣшними замѣчаніями и даже стишками, — теперь понемногу ихъ начинаютъ изучать (хотя Хомякова все еще никто не читалъ). Противники на сторожѣ и не упускаютъ случая нанести ударъ своимъ врагамъ. Но разъясненіе этой борьбы не входитъ въ предметъ настоящей статьи; мы коснулись ея лишь на столько, на сколько она входитъ въ вопросъ о цивилизаторскомъ значеніи Петербурга.

Дм. Аверкиевъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ ЛѢТОПИСЦА

Общій обзоръ и заключеніе.

Извиненіемъ началъ я свои замѣтки и извиненіемъ долженъ кончить ихъ первый годъ: вижу совершенно ясно, какъ мало мнѣ удалось сдѣлать, какъ много явленій, о которыхъ мнѣ слѣдовало-бы говорить, мною пропущено, какъ мало и не полно говорилъ я о тѣхъ явленіяхъ, которыхъ не пропустилъ. Не скрою отъ читателей, что вслѣдствіе слабости, съ которою у меня шло дѣло, я даже заслужилъ со стороны многихъ весьма дурное и невыгодное мнѣніе. Именно: обо мнѣ говорятъ, что я преимущественно занимаюсь вздоромъ, что я присяжный ловитель промаховъ и противорѣчій, попадающихся въ другихъ изданіяхъ, что если можно меня считать лѣтописцемъ, то развѣ лѣтописцемъ человѣческихъ глупостей, а никакъ не великихъ дѣлъ и событій нашего времени.

Въ этомъ сужденіи гораздо меньше силы, чѣмъ, кажется, полагаютъ тѣ, кто его произноситъ. Если-бы я былъ хорошимъ лѣтописцемъ человѣческихъ глупостей, то я поставилъ-бы себѣ это въ великую заслугу. По свидѣтельству Гейне, Гегель говаривалъ, что если-бы отъ какого-нибудь времени намъ не осталось никакого повѣствованія о дѣйствительныхъ событіяхъ, а остались-бы достовѣрные разсказы только о снахъ, которые тогда видѣлись людямъ, то по этимъ снамъ мы все-таки могли-бы составить себѣ хорошее понятіе о жизни того времени. Если это можно сказать о снахъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать о глупостяхъ, совершаемыхъ на яву, въ особенности о такихъ, которыя сперва обдуманно излагаются на бумагѣ, потомъ посылаются въ типографію, неоднократно прочитываются въ коректурѣ и наконецъ являются на божій свѣтъ въ тысячахъ экземпляровъ. И такъ я былъ-бы весьма доволенъ, если-бы могъ похвалиться передъ читателями тѣмъ, что далъ имъ полную картину промаховъ и уклоненій нашего умственнаго и литературнаго міра. Къ несчастію я не имѣю права на такую похвальбу.

Digitized by Google

Не имѣю я права также похвалиться хорошею характеристикою какихъ-либо серьозныхъ и положительныхъ явленій, которыхъ мнѣ случалось касаться. И такъ что-же мнѣ остается? Остается хвалить свои добрыя намѣренія и прекрасныя желанія. Можетъ быть эта похвальба не будетъ такъ смѣшна, какъ это покажется съ перваго раза. А именно — теперь, послѣ множества сдѣланныхъ мною *замѣтокъ*, я могу уже ясно и на примѣрахъ указать читателямъ цѣли, которыя я имѣлъ и имѣю; теперь я съ доказательствами въ рукахъ могу смѣло утверждать, что я исполнилъ свое обѣщаніе, данное въ самомъ началѣ, т. е. что мои замѣтки будутъ «отрывочны, но не безсвязны»; однимъ словомъ я могу теперь опредѣлительно раскрыть общіе взгляды, которыми я руководствовался, и представить въ общей картинѣ явленія, которыхъ касался.

Начнемъ съ самаго простого. Многіе упрекали меня за замѣтки о *слезахъ, спящихъ въ равнинѣ* и о *злобѣ открытыхъ объятьяхъ*. Дѣйствительно — явленія очень маленькія, вполнѣ микроскопическія. Но какой смыслъ они имѣютъ? Что они означаютъ? Стихотворецъ заговорившійся о слезахъ гражданина до того, что самъ не замѣчая уложилъ ихъ спать въ равнинѣ, заговорившійся о злобѣ до того, что почолъ за признакъ злобы даже открытыя объятья, — что́ представляетъ намъ такой стихотворецъ? Очевидно явный примѣръ того уклоненія мысли отъ логическаго пути и уклоненія языка отъ правильнаго выраженія мысли, которому подвергаются люди, дѣлающіе изъ поэзіи служебное средство, думающіе не о томъ, о чемъ они говорятъ, и говорящіе только по поводу того, о чемъ они думаютъ. Что-же? Развѣ это уклоненіе не есть у насъ явленіе весьма общее и распространенное? Сколько стихотвореній, повѣстей, романовъ и разнаго рода произведеній можно подвести подъ отдѣлъ такихъ явленій! И въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ произведеніи накусномъ и выдуманномъ, а не созданномъ, можно при строгомъ анализѣ открыть туже нелогичность и несладицу, какъ и въ слезахъ спящихъ въ равнинѣ. Эти слезы не случайность; они — органическій продуктъ нашей литературы. Эти слезы по всей вѣроятности есть цвѣтокъ, выросшій на почвѣ многихъ стихотвореній г. Некрасова.

Возьмите даже послѣднюю поэму г. Некрасова, *Морозъ-красный носъ*, и вы убѣдитесь при тщательномъ разборѣ, что не смотря на удивительныя частности, не смотря на струи истинной поэзіи, въ цѣломъ поэма представляетъ странную уродливость. Во-первыхъ къ этой печальной идиллія вовсе не идетъ ея юмористическое заглавіе. Къ чему тутъ красный носъ? Далѣе — плачевное всту-

Digitized by Google

пленіе, трактующее о бѣдствіяхъ рабства, ни мало не клеится съ самыми событіями, въ которыхъ люди страдаютъ не отъ рабства, а отъ мороза, именно — Проклъ простужается, а Дарья замерзаетъ. Далѣе — тонъ сочувствія къ воспѣваемымъ лицамъ непріятно нарушается описаніемъ леченія Прокла, въ которомъ описаніи вдругъ прорывается яростное глумленіе просвѣщеннаго барина надъ невѣжествомъ мужиковъ. Наконецъ въ цѣломъ поэма имѣетъ какой-то мрачно-фаталистическій характеръ, богъ знаетъ что означающій и откуда взявшійся. И выходитъ, что эта поэма въ извѣстномъ смыслѣ есть тоже слеза, уснувшая въ равнинѣ.

Впрочемъ это послѣднее произведеніе г. Некрасова, по своему духу, по большей правильности отношеній поэта къ описываемымъ предметамъ, стоитъ весьма высоко въ сравненіи съ другими его произведеніями. Чтобы характеризовать духъ многихъ его созданій, чтобы показать на какихъ слезахъ, спящихъ въ равнинѣ, онъ воспиталъ свою публику, я привелъ забавное недоразумѣніе, въ которое впалъ одинъ петербургскій критикъ по поводу той-же поэмы — *Морозъ-красный носъ*. Мастерски написанную картину сельскаго труда, заключающуюся въ этой поэмы, критикъ принялъ за *идеалъ г. Некрасова*, за его мечты о будущемъ блаженномъ состояніи людей. И немудрено! Вѣроятно критикъ тверло помнилъ слѣдующую слезу, уснувшую въ равнинѣ, — слѣдующее описаніе судьбы, выпавшей на долю крестьянской дѣвушки:

За неряху пойдешь мужика;
Подвязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь;
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.

Какъ-же послѣ этого не усумниться, когда вдругъ является мужъ, который не бьетъ жены, и старушка свекровь, которая не гнетъ ее въ три погибели, а спокойно копаетъ картофель!

И такъ въ своихъ замѣткахъ я вѣрно указалъ на нѣкоторое фальшивое настроеніе, портящее нашу поэзію и развращающее взглядъ нашихъ критиковъ до того, что они не понимаютъ сильныхъ прямыхъ и ясныхъ словъ. Конечно я могъ-бы сказать это явленіе шире и преслѣдовать его глубже; конечно я могъ-бы указать, какъ дѣйствіе того-же настроенія искажаетъ поэтическія силы множества поэтовъ; я могъ-бы набрать цѣлые десятки и сотни слезъ, спящихъ въ равнинѣ; я могъ-бы поговорить даже о стихотвореніяхъ г. Вейнберга. Далѣе — я могъ-бы перейти къ прозѣ и показать, какъ тоже самое настроеніе проявляется въ повѣстяхъ и

Digitized by Google

романахъ, какъ это нежизнающее настроеніе породило цѣлую школу; какъ произросли на немъ гг. Успенскіе, Слѣпцовы, Рѣшетниковы, и т. д.

Конечно все это предметы достойные наблюденія и строгаго анализа. Говорю это отнюдь не иронически; я не имѣлъ въ мысли иронія, ниже упоминая о стихотвореніяхъ г. Бенберга. Ибо, хотя все это по моему взгляду суть *явленія возбужденія*, т. е. скоропреходящія, легко исчезающія; но нашъ умственный небосклонъ такъ постоянно и такъ изобильно наполненъ ими и такое множество читателей погружено въ ихъ содержаніе, что изслѣдовать ихъ надлежащимъ образомъ было-бы весьма полезно. Есть въ этомъ дѣлѣ весьма серьозныя стороны. Мы мысленно и чрезвычайно быстро перелистываемъ нѣкоторую воздушную исторію, которая хотя не касается дѣйствительности, но въ которой сгораетъ умъ и надрывается воля многихъ, — исторія весьма поучительная и стоющая анализа.

Въ своихъ замѣткахъ я старался также изобразить другую, — не творческую, а такъ сказать мыслительную сторону петербургской журналистики за *послѣдніе два года*. До сихъ поръ не имѣю причины отказываться отъ немногихъ чертъ, которыя мнѣ случилось указать. Плачевное состояніе ея не было мною упущено изъ виду. Я изобразилъ какъ она растерялась, какъ была поражена пустотою и безсиліемъ и какъ стала порождать явленія странныя въ высшей степени, ненужные скандалы, безцѣльную полемику, — нѣчто, по истинѣ, хаотическое. Я описалъ краткое, но блистательное поприще г. Щедрина. Какъ онъ явился съ намѣреніемъ мыслить, какъ отложилъ на время это намѣреніе, какъ потомъ вдругъ обнаружилъ идею, почерпнутую имъ изъ книги, къ которой вѣроятно прибѣгъ какъ къ полезному пособію для мышленія, какъ написалъ на эту идею повѣсть — *кстати кому угодно*, какъ опять остался на нѣкоторое время безъ идеи, и какъ наконецъ произвелъ скандалъ, породилъ великое *самодовольство*, неожиданно подсмѣиваясь надъ тѣми самыми, къ кому думалъ примкнуть.

Не однократно я касался также полемики, происходившей въ истекшемъ году. Правъ-ли я былъ, пусть скажутъ читатели. Не я-ли первый сказалъ, что изъ полемики между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ» ничего не будетъ? Не я-ли первый сказалъ, что полемическія статьи «Современника» приняли характеръ, при которомъ онъ уже не выслушиваетъ отвѣта? Увы! Почтенный журналъ находился въ какомъ-то безпокойномъ настроеніи, которое мѣшаетъ ему соблюдать надлежащую мѣру и лишаетъ его умѣ ры всякой силы. Онъ вѣроятно разочаровывается, какъ и предпо-

Digitized by Google

гадъ въ своемъ полезномъ объясненіи, на простодушіе читателей. Не отказываюсь отъ этого предположенія и теперь, также какъ и теперь не считаю этого разсчота весьма основательнымъ.

Вотъ и все. Безсодержательность и безпричинная тревога — вотъ и все движеніе петербургской журналистики послѣдняго времени. Желалъ-бы я знать, что можно сказать противъ вѣрности этого факта? Желалъ-бы встрѣтить лѣтописца, который нашолъ-бы въ этой пустотѣ больше моего, который подмѣтилъ-бы тутъ какое-нибудь движеніе. Не укажутъ-ли мнѣ на *чудеса Русскаго Слова*, на эти невѣроятные парадоксы и крайности, которые тамъ сыплются въ каждой книжкѣ? Признаюсь, я начинаю видѣть въ нихъ такую рутину новаторства, которая чуть-ли не скучнѣе повторенія избитыхъ мыслей.

Совершенно иное дѣло московская литература. Нѣкоторыя изданія были непріятно изумлены тѣмъ, что я отдалъ ей предпочтеніе въ сравненіи съ петербургскою литературой. Что дѣлать! Исторія творится не нами, а нами только записывается. Совершившагося факта измѣнить невозможно. Въ качествѣ лѣтописца я вообще исповѣдую большое уваженіе къ совершившимся фактамъ. Я не могу одобрить тѣхъ людей, которые высокомѣрно смотрятъ на ту кипящую передъ ихъ глазами исторію. Стоитъ себѣ иной господинъ, задравши носъ, и для всего, что видитъ, находитъ только слово осужденія. И то нехорошо, и другое нехорошо, и все нехорошо; одинъ онъ хорошъ; а хорошъ-то онъ на самомъ дѣлѣ только до тѣхъ поръ, пока стоитъ въ сторонѣ и самъ ни въ чемъ не участвуетъ; возьмись онъ за дѣло и пошло-бы оно у него еще хуже, чѣмъ у другихъ. Исторія творится медленно и тяжко, въ ней каждый день — мучительные роды, а между тѣмъ мы такъ привыкли становиться выше исторіи, такъ любимъ витать въ воздушной области мыслей, гдѣ все легко, все окрашено свѣтлыми красками, что суровый и серьозный ходъ исторіи чуть-ли не сплошь кажется намъ безобразіемъ.

Петербургская литература проиграла свое дѣло. Это фактъ нисколько не радостный, а напротивъ глубоко печальный; ибо это такой проигрышъ, отъ котораго никому не бываетъ выигрыша. Общество ничего не выигрываетъ отъ того, что умственное настроеніе извѣстной его части оказалось несостоятельнымъ. Подобное явленіе указываетъ на нѣкоторый порокъ въ нашемъ духовномъ развитіи, который можетъ быть долго еще будетъ отзываться и который во всякомъ случаѣ потребилъ и потребляетъ извѣстную долю нашихъ жизненныхъ силъ. Конечно сознаніе неожиданнаго проигрыша имѣетъ свою пользу. Такъ сильный припадокъ болѣзни

заставляетъ наконецъ безпечнаго больного приняться за леченіе; но въ тоже время онъ составляетъ и печальное доказательство самого существованія болѣзни.

Литературный центръ тяжести перешолъ въ Москву: *Славянофилы побѣдили*. Какими-бы оговорками и ограниченіями мы ни обставили этотъ фактъ, самый фактъ остается несомнѣннымъ. Въ самой высшей сферѣ, то есть въ сферѣ не практической, а теоретической, въ пониманіи вопросовъ и въ изъясненіи смысла совершающихся событій *Дню* принадлежало первое мѣсто. Можно оспоривать частные выводы славянофиловъ, но вѣрности основной точки зрѣнія оспоривать невозможно, и кажется не далеко время, когда она будетъ принята почти всѣми. *Московскія вѣдомости* держались ближе къ практической сторонѣ дѣла; онѣ пользовались тѣми орудіями, какія у нихъ оказывались подъ руками; онѣ не столько углублялись въ вопросы, сколько старались найти ихъ ближайшее и скорѣйшее разрѣшеніе.

Много упрековъ дѣлаютъ Московскимъ Вѣдомостямъ. Вопросъ о томъ, почему онѣ возбуждаютъ къ себѣ столь упорное нерасположеніе, есть весьма любопытный вопросъ. Отчасти виновата здѣсь, я думаю, самая практичность, которой мы всѣ, какъ люди болѣе или менѣе теоретическіе, не сочувствуемъ. Но есть конечно и другія, болѣе правильныя основанія. Сила, которую создали себѣ Московскія Вѣдомости, создана ими изъ тѣхъ элементовъ и матеріаловъ, какіе около нихъ нашлись; а въ массѣ этихъ элементовъ и матеріаловъ не мало есть явленій не вполнѣ свѣтлыхъ, не вполнѣ вызывающихъ одобреніе. Такимъ образомъ оказалось слишкомъ много компромиссовъ, а мы къ нимъ очень мало привыкли.

Впрочемъ дѣло такое сложное, что подробно изложить его трудно. Что касается до меня, то въ немногихъ и слабыхъ моихъ замѣткахъ, относящихся къ Московскимъ Вѣдомостямъ, я постоянно имѣлъ въ виду одну сторону, именно то, что признавая принципъ русской народности, эта газета не проводитъ его до конца, что она отъ времени до времени впадаетъ въ разнорѣчія и несогласія съ этимъ принципомъ. Я указывалъ напримѣръ на ея какъ будто недоконченные толки о *чувствѣ русской народности*, на ея мысли о возможности *русскихъ нѣмцевъ* и русскихъ католиковъ.

Эти вопросы и сюжеты въ сущности чрезвычайно просты, и нельзя не пожалѣть о той смутности понятій, по которой они до сихъ поръ подвергаются у насъ самымъ страннымъ перетолковываніямъ. Каждой народности, сколько-нибудь ясной и крѣпкой, не только можно, но и должно пожелать преуспѣянія въ ея развитіи, полнѣйшаго раскрытія особенностей ея духовнаго организма. Но

Digitized by Google

именно поэтому, именно потому, что народность составляетъ такое великое благо, такое неизмѣнное условіе духовнаго здоровья и духовной крѣпости, именно поэтому всего менѣе желательны и отрадны тѣ половинчатыя и смѣшанныя явленія, которыя являются при сліяніи народностей, какъ-бы на ихъ границахъ. Человѣкъ поставленный между двухъ народностей, для полноты и правильности своего развитія, непремѣнно долженъ всецѣло примкнуть къ одной изъ нихъ. Вотъ почему Евреи, которые говорятъ намъ: «мы совсѣмъ русскіе; мы такіе-же русскіе, какъ и вы; мы только русскіе Моисеева закона», такіе евреи не могутъ для насъ представлять отраднаго явленія, и сами по себѣ находятся въ ненормальномъ положеніи и неправильномъ настроеніи мыслей. Точно также гораздо болѣе здравое явленіе представляетъ собою нѣмецъ, который и считаетъ и называетъ себя нѣмцемъ, нежели такой, который, называя себя русскимъ и примыкая по всѣмъ отношеніямъ къ русскому обществу, сохраняетъ однако-же въ душѣ нѣмецкія пристрастія и можетъ быть даже нерасположеніе ко всему русскому. Въ былое время я помню здѣсь въ Петербургѣ одного такого нѣмца. Онъ былъ начальникомъ одного изъ русскихъ учебныхъ заведеній и обнаружилъ свое ненормальное настроеніе весьма страннымъ образомъ. Послѣ одного изъ ежегодныхъ пріемовъ воспитанниковъ въ свое заведеніе, онъ какъ-то пришолъ въ радостное расположеніе духа и, потирая руки, сказалъ своимъ сослуживцамъ на чистомъ русскомъ языкѣ: «Ну слава Богу! Теперь у меня въ заведеніи гораздо больше нѣмцевъ, чѣмъ русскихъ!»

Само собою разумѣется, что этотъ начальникъ, принимая воспитанниковъ, отталкивалъ русскихъ и дѣлалъ всяческія льготы нѣмцамъ. Подобныя явленія очевидно уродливы. Видѣть въ нихъ что-нибудь желательное нельзя ни съ какой точки зрѣнія. Невозможно желать, чтобы помѣси народностей развивались и крѣпли наравнѣ съ цѣльными національностями. Русскіе нѣмцы, русскіе католики, русскіе Моисеева закона, и т. д. — все это явленія отнюдь неспособныя къ какому-нибудь богатому и плодотворному развитію, а напротивъ представляющія возможность безпрерывныхъ уклоненій отъ здраваго развитія.

Человѣкъ, находящійся между двухъ народностей, находится не въ нормальномъ положеніи. Понятно, что онъ стремится выйти изъ него и рано или поздно выходитъ, примкнувъ вполнѣ къ одной изъ народностей. Такимъ образомъ сама жизнь не терпитъ этихъ промежуточныхъ положеній; она не даетъ имъ устояться и принять твердыя формы. Въ этихъ случаяхъ мы, какъ русскіе, не только можемъ, но и должны желать, чтобы вполнѣ стали у насъ русскими;

Digitized by Google

въ обрусѣніи ихъ мы должны видѣть для нихъ самихъ залогъ болѣе правильной духовной жизни, видѣть сліяніе ихъ съ нашимъ великимъ народнымъ организмомъ и слѣдовательно ихъ собственное благо.

Все это очень просто. Иначе желать и думать невозможно. Между тѣмъ не мало есть людей, которые находятъ здѣсь предлогъ ко всякаго рода недоразумѣніямъ. Имъ все кажется, что эти мысли и желанія равняются совѣту — преслѣдовать и истреблять иностранцевъ, насильственно перекрещивать евреевъ, отнимать гражданскія права у всякаго иновѣрца и т. д. Тѣ, которые такъ думаютъ, очевидно не понимаютъ въ чемъ дѣло, въ чемъ сущность вопроса. Если-бы всѣ мы уважали и цѣнили нашу народность, если-бы каждый русскій понималъ и свято соблюдалъ интересы своей народности, то развѣ могли-бы имѣть какое-нибудь значеніе всѣ наши иноплеменники, какими-бы правами и даже привилегіями они ни пользовались? Дѣло не въ насильственныхъ мѣрахъ, не въ преслѣдованіи и лишеніи правъ, а въ идеѣ, въ уясненіи и укрѣпленіи сознанія народности. Проповѣдь русской народности, которая слышится нынѣ со многихъ сторонъ, есть очевидно реакція противъ того расплывчатаго и вялаго настроенія народнаго сознанія, которое у насъ длится цѣлые вѣка. Нѣтъ въ мірѣ народа болѣе терпимаго къ иностранцамъ, какъ народъ русскій. Мы со всѣми уживаемся, ни отъ кого и ни отъ него не закрываемся въ недоступномъ кругѣ. Національной гордости и исключительности въ насъ почти нѣтъ и слѣда. Все это прекрасно. Это отсутствіе всякихъ опасеній, всякой ревности свидѣтельствуетъ о такой спокойной и могучей вѣрѣ въ свою народность, какой только можно пожелать. Но эту вѣру мы можемъ приписать только какъ инстинктивное чувство народу. Общество-же наше, оторванное отъ народа и плывущее по всяческимъ вѣтрамъ и теченіямъ, весьма слабо въ этой вѣрѣ. Оно нуждается въ укрѣпленіи въ немъ сознанія народности.

И какъ мало это мы видимъ въ литературѣ. Съ съ одной стороны безсодержательность и застой, сопровождаемый несчастными попытками творчества и какой-то раздражительною тревогою; съ другой стороны все яснѣе и яснѣе раздающаяся проповѣдь народности.

Кстати перелистывая мои читателемъ, что вслѣ свои замѣтки, я читалъ замѣчаемъ самыя горькіе и дерзкіе. Мнѣ хотѣлось имѣть въ виду не только нашу умственную и литературную сферу, но и умственную жизнь запада. Одна изъ самыхъ настоятельныхъ нашихъ потребностей заключается въ томъ, чтобы умѣть правильно, то есть свободно относиться къ явленіямъ этой жизни. Западные авторитеты насъ ве-

вѣть, оглушаютъ и ослѣпляютъ. Они являются къ намъ окружонные такимъ ореоломъ славы, въ такомъ, иногда мнимомъ, но часто дѣйствительномъ блескѣ, что мы обыкновенно только умѣемъ преклониться и благоговѣть.

Что-же отсюда происходитъ? Первое слѣдствіе будетъ то, что мы не умѣемъ различать и цѣнить эти авторитеты сообразно съ ихъ большимъ или меньшимъ достоинствомъ. Для такой оцѣнки непремѣнно нужна самостоятельность взгляда. Мы-же привыкли ставить всякій, даже весьма незначительный европейскій авторитетъ непремѣнно выше себя, и потому часто съ одинаковымъ благоговѣніемъ смотримъ на мнѣнія и самой глубокой и самой пустой головы. Вообще, если анализировать иные изъ нашихъ умовъ и посмотрѣть къ какимъ различнымъ и повидимому несовмѣстимымъ вещамъ одинъ и тотъ-же человѣкъ питаетъ искреннѣйшее уваженіе, то нельзя не прійти въ великое изумленіе.

Чтобы противодѣйствовать такому благодушному настроенію, я старался показать, что на западѣ, на самой родинѣ прельщающихъ насъ чудесъ, дѣло идетъ не такъ; что тамъ господствуетъ такая *свалка авторитетовъ*, при которой лишь немногіе изъ нихъ остаются цѣлыми и невредимыми. Я указывалъ на весьма рѣзкія мнѣнія Ренана о Вольтерѣ и Маколеѣ, на *смѣлое мнѣніе* о *Космосѣ* Гумбольдта, хотя произнесенное человѣкомъ неавторитетнымъ, но очевидно носящее печать истины.

Потому-же самому я съ немалымъ удовольствіемъ привелъ твердое и основательное сужденіе, которое произнесъ г. *Грецкій о Гредеденбургѣ*. Нужно стараться, чтобы въ нашихъ глазахъ разсѣялся тотъ свѣтлый и радужный туманъ, въ который одѣваются для насъ самыя разнородныя и разнокачественныя явленія запада. Отъ понниженія авторитетовъ болѣе или менѣе ложныхъ только выиграютъ въ цѣнѣ и въ дѣйствительномъ уваженіи истинные авторитеты.

Не умѣя различать предметовъ въ пространствѣ, мы точно также не умѣемъ различать ихъ и по времени. Мы не умѣемъ видѣть движенія и перемѣны въ умственной жизни запада. Для насъ до сихъ поръ послѣдняя книжка есть самая лучшая и самая вѣрная. Мы судимъ въ этомъ случаѣ совершенно также, какъ судитъ *Александръ Дюма о прогрессѣ*. Разрушенію этого предразсудка слѣдуетъ способствовать всѣми силами. Поэтому я обращалъ вниманіе читателей на то, какъ слабы *новые нѣмецкіе философы*. Я привелъ разительный примѣръ г. Лесевиталя, который по своему крайнему вольнодумству, не вѣритъ даже тому, что *солнце свѣтитъ и грѣетъ*, а между тѣмъ столь невѣжественъ, что, какъ видно изъ его объясненій, думаетъ

будто лѣто бываетъ въ одно время на обѣихъ полушаріяхъ, на сѣверномъ и на южномъ. Я указывалъ на то, что нѣмцы уже не понимаютъ своего великаго Канта, и наконецъ прямо рѣшился намекнуть, что *Германія поглупѣла*, въ томъ смыслѣ, что ея умственный строй понизился и что золотой вѣкъ ея мышленія и творчества миновалъ.

Германское вліяніе вообще у насъ очень сильно и потому весьма желательно-бы было, чтобы оно принималось правильнѣе и сознательнѣе. Очень хорошо-бы было, если-бы у насъ не пріобрѣтали никакого значительнаго вѣса мыслители въ родѣ Вундта, трактующаго *людей какъ животныхъ и животныхъ какъ людей*. Вмѣсто этихъ новыхъ и непрочныхъ знаменитостей, мы должны прилежнѣе обращаться къ тѣмъ умамъ Германіи, которые составляютъ ея дѣйствительную славу и истинное выраженіе ея генія. Примѣромъ намъ могутъ служить другія образованныя страны, на которыя духъ Германіи распространяетъ свое вліяніе точно также, какъ и на насъ. Есть *германствующіе во Франціи*, какъ напримѣръ Ренанъ, Тэнъ, Ревилль; есть германствующіе въ Англіи, какъ Карлейль. Эти люди, на которыхъ вліяніе Германіи отразилось въ такихъ плодотворныхъ и часто высокихъ результатахъ, подчиняются никакъ не колеблющимся явленіямъ современныхъ нѣмецкихъ умовъ, а напротивъ той эпохѣ великихъ философовъ и поэтовъ, которой продолженія мы уже теперь не видимъ.

И у насъ правильное, законное вліяніе Германіи существовало и существуетъ рядомъ съ ея неправильнымъ, незаконнымъ вліяніемъ. По любопытному свидѣтельству Чаадаева *славянофильство и Гегель* имѣютъ между собою большую связь. Вообще-же несомнѣнно, что славянофильское направленіе, имѣвшее и имѣющее столь важное и прекрасное значеніе въ нашей умственной жизни, возникло не иначе, какъ подъ вліяніемъ германскихъ идей великой эпохи.

Что́ сказано о чисто умственной жизни, тоже самое нужно сказать и о практической сферѣ. Западно-европейская жизнь въ своей исторіи и въ своемъ современномъ состояніи составляетъ для насъ обыкновенно идеалъ, передъ которымъ мы преклоняемся, и мѣру, которою мы измѣряемъ собственную нашу жизнь. И здѣсь мы рѣдко бываемъ способны стать въ самостоятельное, критическое отношеніе къ дѣлу. Поэтому для насъ должны быть весьма поучительны такіе случаи, какъ напримѣръ сужденіе *Ренана о французской революціи*, сужденіе, въ которомъ французъ отрекается отъ столь сильной у французовъ привязанности къ воспоминаніямъ этой эпохи; Ренанъ называетъ эту привязанность вреднымъ фанатизмомъ и фетишизмомъ. Хорошо-бы было, если-бы и въ нашихъ глазахъ мно-

Digitized by Google

гія событія европейской исторіи потеряли тотъ величавый и свѣтлый видъ, который придается имъ нашимъ благоговѣніемъ.

Всего хуже дѣло тогда, когда явленія западной жизни мы прилагаемъ какъ мѣру къ нашей русской жизни. Тутъ возникаютъ *хроническія и злокачественныя недоразумѣнія*, являющіяся въ безчисленныхъ формахъ и неостающіяся безъ вреда. Являются ложные страхи и ложныя надежды, а слѣдствіемъ этого — постоянный обманъ въ своихъ разсчотахъ и ожиданіяхъ.

Тема эта неистощима и хотя трудна, но весьма плодотворна. Ею объясняется множество самыхъ странныхъ и ни съ какой другой точки необъяснимыхъ явленій. Вообще можно только замѣтить, что какъ въ умственной сферѣ мы подчинены Германіи, такъ въ сферѣ практическихъ понятій мы по преимуществу подчинены Франціи.

Вотъ главныя темы моихъ замѣтокъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Digitized by Google

ПРОЩАНЬЕ СЪ П. В. ВАСИЛЬЕВЫМЪ

8 Января Петербургъ прощался съ любимымъ своимъ артистомъ. Спектакль былъ назначенъ въ театрѣ княгини Суворовой и не смотря на высокія цѣны театръ былъ полонъ.

П. В. Васильевъ явился въ роли Любима Торцова и въ роли Фиша въ водевилѣ А. и Ф. Артистъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями, продолжавшимися болѣе четверти часа. Онъ получилъ три подарка: большую серебряную кружку отъ сибирскихъ купцовъ, подарокъ отъ общества доставленія жителямъ Петербурга дешовыхъ квартиръ (въ пользу котораго былъ спектакль) и кубокъ отъ любителей и литераторовъ.

Артистъ былъ глубоко взволнованъ такимъ искреннимъ и горячимъ пріемомъ. Мы уже говорили прежде о П. В. Васильевѣ, о его глубокомъ пониманіи роли Любима Торцова. Остается прибавить, что всѣхъ видѣвшихъ Васильева въ прощальный спектакль поразила необыкновенно тщательная *внѣшняя* отдѣлка роли; необыкновенная вѣрность малѣйшихъ движеній, напр. въ концѣ акта, когда Любимъ собирается соснуть. Но эта вѣрность нисколько не била въ глаза; во всемъ исполненіи былъ соблюденъ строгій художественный тактъ, недозволяющій внѣшнему выраженію перевысить внутреннюю, душевную игру. Многихъ въ этотъ вечеръ *комическій* актеръ тронулъ до слезъ.

Обстановка піесы была вполнѣ удовлетворительная; конечно, не безъ того, чтобы нѣкоторыя лица не упирали на о, но вообще, хотя и не московская, но неизмѣримо выше привычной намъ. Роль Коршунова была весьма тщательно исполнена г. Щукаревымъ. Г. Щукаревъ весьма опытный актеръ-любитель и мы не видали ни одной роли, которую онъ испортилъ-бы. Часто талантливая и постоянно умная игра этого актера-любителя заслуживаетъ полной похвалы. Г. Н. Потѣхинъ, исполнявшій роль Мити, лучше всѣхъ прежнихъ исполнителей понялъ ее, и основалъ свою игру на незлобливости и *голубиной*, по выраженію А. А. Григорьева,

Digitized by Google

натурѣ этого купеческаго прикащика. Пѣсни были пропѣты молодыми, свѣжими голосами и безъ неумѣстнаго въ этомъ случаѣ оркестра. Вообще, весь второй актъ прошолъ очень стройно и весело. Ни одно лицо не силилось выдаться впередъ во что-бы то ни стало; играли дружно. Нельзя не поблагодарить за все это распорядителя, В. И. Аристова. Вотъ что значитъ, когда люди занимаются дѣломъ съ любовью. Съ этихъ поръ, мы станемъ время отъ времени давать отчотъ о любительскихъ спектакляхъ: они, tant bien que mal, хоть нѣсколько замѣняютъ ощутительный недостатокъ частныхъ театровъ.

Но возвратимся къ Васильеву. На другой день было чтеніе въ пользу литературнаго фонда, въ которомъ онъ также участвовалъ. Публики было гораздо меньше, чѣмъ на спектаклѣ, но встрѣчали артиста также радушно. Онъ снова получилъ три подарка. Въ поднесеніи одного изъ нихъ (большое серебряное ведро) участвовали многіе члены литературнаго фонда. Мы слышали, что фондъ избираетъ П. В. Васильева въ свои постоянные члены.

П. В. Васильевъ уѣхалъ въ Вильно; онъ приглашонъ тамошней дирекціей какъ актеръ и режисеръ, съ вознагражденіемъ 6000 руб. сер. въ годъ. Въ Вильнѣ доселѣ существовалъ польскій театръ и въ послѣднее время польскіе актеры стали играть русскія піесы. Этого конечно было недостаточно для водворенія русскаго элемента на виленской сценѣ. Съ такимъ режисеромъ, какъ П. В. Васильевъ, дѣло пойдетъ конечно гораздо успѣшнѣе. Ему поручено набрать русскую труппу. Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ будетъ сдѣланъ прекрасный; Васильевъ не изъ тѣхъ актеровъ, которые любятъ плохую обстановку. Съ водвореніемъ новой труппы, если дѣло пойдетъ успѣшно — чего нельзя не пожелать — виленскій театръ можетъ соперничать съ столичными. Желательно было-бы, чтобы авторы, не упуская столичныхъ сценъ, время отъ времени ставили свои піесы на провинціальныхъ сценахъ, — а въ Вильнѣ это будетъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Виленская труппа будетъ въ извѣстное время года играть въ Ковно и Варшавѣ.

На прощаньи П. В. Васильевъ много говорилъ объ искусствѣ и актерахъ. Не передавая всей бесѣды, ограничимся его сужденіемъ о покойномъ А. Е. Мартыновѣ. «Мартыновъ былъ гигантъ,» говорилъ онъ, «которому къ несчастію не доставало знанія русской жизни. Но мы, актеры, многимъ обязаны ему. До того времени мы играли комедіи, а особенно фарсы, какъ можно «чуднѣе.» Онъ первый показалъ намъ, что сила во внутреннемъ чувствѣ; что какъ-бы ничтожна ни была роль, вездѣ надо стараться найти хоть что-нибудь человѣческое, и ухватиться за это, чтобы представить

Digitized by Google

живое лицо. Многимъ открылъ онъ глаза. Я всѣмъ, рѣшительно всѣмъ обязанъ Мартынову. Чѣмъ я былъ до его пріѣзда въ Харьковъ?»

Въ заключеніе, посылаемъ дорогому артисту всевозможныя добрыя пожеланія. Дай Богъ, чтобъ исполнилось единодушное желаніе всѣхъ его многочисленныхъ поклонниковъ и онъ скорѣе вернулся къ намъ!

Digitized by Google

БЕЗПЛОДНАЯ ПЛОДОВИТОСТЬ

Въ этой статьѣ я намѣренъ развить мысль, вскользь выраженную въ одной изъ прежнихъ моихъ статей (*). Ссылки и выводы одного изъ другого, надѣюсь, не удивятъ читателя: между мыслями, какъ и между статьями, связь очень естественна. Исходною точкой этой мысли я опять выбираю г. Писарева, съ которымъ мнѣ хочется поговорить какъ человѣку съ человѣкомъ, съ основательными по мѣрѣ силъ доводами, — какъ онъ и самъ приглашаетъ. Говорить обыкновенно хочется съ тѣми, кого способности въ нѣкоторой степени уважаешь. Г. Писаревъ не даетъ мысли, но вызываетъ мысль, какъ крайнее выраженіе той суетливой и тревожной публицистики, которая впрочемъ начата не имъ. Всякому хоть не много думающему человѣку онъ даетъ прекрасный случай высказаться, и за это мы ему въ душѣ благодарны. Если многіе находятъ полезнымъ быть критиками художниковъ, то почему-же мнѣ не быть критикомъ публициста.

Г. Писаревъ безъ сомнѣнія хорошій компиляторъ, и если-бы не уклонялся отъ этого рода дѣятельности, то могъ-бы принести не малую пользу. Но онъ этою дѣятельностію не ограничивается, хочетъ быть мыслителемъ, и въ этомъ его ошибка. Мыслитель изъ г. Писарева вышелъ самый опрометчивый, особенно это ярко бросается въ его новой статьѣ о развитіи европейской мысли. До тѣхъ поръ, пока онъ компилировалъ Дреппера, все шло хорошо, но какъ сталъ высказывать свои мнѣнія — вышла нелѣпость. Аттила, говоритъ г. Писаревъ, назвалъ себя бичомъ божіимъ по-

(*) Теорія пользы и выгоды.

Digitized by Google

тому, что какъ умный человѣкъ чрезвычайно вѣрно понималъ свое историческое значеніе, значеніе-же это, какъ-бы вы думали, въ чемъ заключалось? Въ томъ, чтобы срыть до основанія классическую цивилизацію, — за что Гунны и Вандалы и называются у г. Писарева прогрессистами. Откуда набрался Аттила такихъ хитрыхъ мыслей, это одному г. Писареву извѣстно. Срыть до основанія классическую цивилизацію! Нѣкоторые вонъ думаютъ, что для человѣчества было-бы несравненно лучше, если-бы между классическою образованностію и новыми вѣками совсѣмъ не было провала среднихъ вѣковъ. Хотя и трудно рѣшить на сколько это справедливо, тѣмъ не менѣе нельзя забывать того факта, что новая исторія начинается со времени открытія классиковъ и возрожденія наукъ. Открытіе Америки, думается намъ, уже не такъ разграничиваетъ насъ отъ среднихъ вѣковъ: вліяніе этого открытія началось гораздо позже.

Насъ впрочемъ интересуетъ теперь не начало статьи, «въ основу которой легъ Дрепперъ, а конецъ «Нерѣшоннаго вопроса» (*). Это замѣчательный въ своемъ родѣ конецъ. О чемъ тутъ только не говорится: и о Бентамѣ и о непроизводительности юристовъ, и объ г. Аверкіевѣ и о воскресныхъ школахъ, и о переводѣ Брема и объ игрѣ Ольриджа, и объ невѣжествѣ Гоголя, и о миндальностяхъ Гейне и т. д. Дѣйствительно это — нерѣшонный вопросъ, ровно ничего въ немъ не рѣшено и не доказано, и одна только угроза *перерѣшить* всѣ вопросы, которые на основаніи эстетической критики рѣшилъ Бѣлинскій, — остается въ душѣ читателя какъ непріятное воспоминаніе. Прежде чѣмъ дождемся мы этихъ статей, посмотримъ какъ г. Писаревъ самъ пытается рѣшать вопросы.

Онъ говоритъ, что относится съ глубочайшимъ уваженіемъ къ первоклассныхъ поэтамъ, и называетъ ихъ въ тоже время то трусами и негодяями, бывшими однако умными людьми, то господами, прыгающими на одной ножкѣ и предающимися телячьимъ восторгамъ. Это особаго рода глубокое уваженіе къ міровымъ геніямъ, соединенное съ бранью, онъ впрочемъ почувствовалъ недавно. Второстепенныхъ-же геніевъ по прежнему мѣшаетъ съ грязью. Гоголя, Лермонтова, Крылова и Грибоѣдова называетъ зародышами, а Пушкина просто пародіей на поэта. Но вѣдь міровые-же геніи не понимаются толпой, какъ вы говорите; ихъ передаетъ

(*) «Русское Слово», ноябрь 1864 годъ.

Digitized by Google

второстепенные. Намъ значитъ не отъ кого и узнать ихъ, — гдѣ исходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій? Гоголь, по вашему мнѣнію, основалъ *новѣйшую русскую литературу*, Гоголь создалъ столь полюбившуюся вамъ Коробочку, — какимъ-же образомъ онъ очутился въ зародышѣ? — Въ одной статьѣ г. Писаревъ говоритъ: плохо приходится поэтамъ; послѣдній поэтъ скажетъ послѣднему эстетику: мы съ тобою одни, притворимся натуралистами... Искусство только для читательницъ сохраняетъ блѣдные лучи ложнаго ореола.... Эстетикамъ-же не приходитъ и въ голову, что трагическое всегда бываетъ также глупо, какъ и комическое (какъ-будто комическое глупо!), что глупость есть основа всѣхъ драмъ Шекспира.... Во второй статьѣ Писаревъ говоритъ второе, въ третьей — третье. И это третье заключается въ томъ, что Гёте является у него-то міровымъ геніемъ, то гальванической батареей, которая снабжаетъ электрическими искрами второстепенныхъ писателей. Бѣлинскій, бывало, если и перемѣнялъ образъ мыслей, то говорилъ объ этомъ прямо. Здѣсь-же мы видимъ и самую перемѣну, воплощонную въ постоянство. Г. Писаревъ, ожидая, что ему это замѣтятъ, старается увѣрить и себя и своихъ читателей, что въ немъ поворота никакого не произошло. Это справедливо. Поворотъ дѣло серьозное, за нимъ идетъ постоянство и послѣдовательность; за скачками-же не можетъ ничего послѣдовать, кромѣ прыжковъ. Мы не считаемъ нужнымъ защищать Пушкина. Это былъ-бы съ нашей стороны очень неловкій поступокъ. Мы только скажемъ г. Писареву, что если онъ Пушкина называетъ поэтомъ въ зародышѣ, то ужь мы подавно вправѣ его самого назвать публицистомъ въ зародышѣ и развитіи. Безцеремонность, съ какою онъ относится къ публикѣ, тѣмъ болѣе даетъ намъ это право.

Въ этомъ, впрочемъ какъ и во всемъ, г. Писаревъ тоже является не оригиналомъ, а подражателемъ. Вотъ обращики того краснорѣчія, которое боится говорить объ очахъ и локонахъ и не стѣсняется никакими фразами въ брани. — «Гёте мнѣ не Гёте, чортъ мнѣ не братъ, всѣ люди дураки и знать никого не хочу... А подлецъ Михрюшкинъ!.. Забастовалъ не во-время... Уймись, любезный, помажь свои душевные порывы деревяннымъ масломъ и прикрой тряпочкой.» Что это такое? — Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе съ публикой, показываніе себя передъ ней въ халатѣ, товарищеская, невдущая къ дѣлу фамильярность и отсутствіе всякаго уваженія къ читателю, смѣсь высокомѣрія и мужиковщины. Китайскія церемоніи смѣшны, но отбрасываніе всего порядочнаго въ пріемахъ — дикость. Публика не такъ глупа, какъ думаютъ многіе

Digitized by Google

авторы. Между читателями есть много и такихъ, которые поумнѣй любого писателя, которые не пишутъ только потому, что нѣтъ случая или не имѣютъ времени, чтеніемъ-же занимаются въ видѣ отдыха отъ другихъ, спеціальныхъ своихъ занятій. И вдругъ эти люди, которыхъ теперь не мало, слышатъ... Ты публика глупа, ты публика умница! Развѣ читатели ваши ученики, господа авторы? Или у нихъ нѣтъ языка, вкуса, что вы пересыпаете свои статьи перцемъ вмѣсто соли. Перебранивайтесь между собою, но публику не трогайте: ей не нужна ни ваша лесть, ни ваша фамильярная грубость. Пустословіе все это, пустословіе, и тѣмъ болѣе странное и неумѣстное, что идетъ изъ подъ пера талантливыхъ людей. Выдумали еще давать другъ другу прозвища, дразнить, какъ бывало въ школѣ. Если прозвище не остроумно, такъ берутъ тѣмъ, что надоѣдаютъ повтореніемъ.

По истиннѣ велико обезображена наша жизнь. Города-ли, гдѣ прячемся отъ природы (и нигдѣ нельзя такъ отъ нея спрятаться, какъ въ Петербургѣ), школы-ли съ ихъ казарменно-бурсацкимъ оттѣнкомъ, сухой-ли формализмъ и перегородки общества, нужда-ли неотступная, которая поглощаетъ всѣ наши помыслы, — но только эстетическое чувство въ нашемъ образованномъ обществѣ едва шевелится, нравственное начало не живетъ. Отъ этого-то и имѣли такой успѣхъ у насъ всѣ теоріи безобразія. Все хотятъ взять нахрапомъ... Нахрапомъ не много возьмешь. Вандализмъ въ литературѣ никуда не годится и даже обезсиливаетъ ее. Это-то и дѣлаютъ наши косолапые прогрессисты. Въ человѣческомъ словѣ есть сила болѣе упругая, которой ничто не можетъ противостоять, если оно будетъ высказываемо гармоническимъ, а не сиплымъ голосомъ. Кто въ это не вѣритъ, тотъ не вѣритъ въ литературу. Истина голая и ободраная пугаетъ часто человѣка, и чѣмъ, какъ вы думаете? — Односторонностію. Только односторонность обнажена и ободрана. Односторонность-же не истина, а искаженіе ея. Истина полна и свѣтла, если въ полнотѣ и безъ пристрастія выставлена. Въ этой красотѣ и правдѣ своей она одолѣваетъ все. И тиранъ покоряется жертвѣ, когда жертва заговоритъ изъ глубины человѣческой души.

Но кромѣ желанія преодолѣть препятствіе и двинуть человѣчество впередъ, у слова есть еще другая цѣль. Нищету, пороки, невѣжество должно стирать съ лица земли. Къ этому мы обязаны стремиться, въ этомъ заключается первая задача человѣчества; но къ этому мы едва-ли придемъ такъ, какъ-бы мы желали. Только

Digitized by Google

самый отчаянный оптимизмъ, забывающій о слабостяхъ, недостаткахъ и физическомъ неравенствѣ людей, можетъ на это разсчитывать. Сама природа наложила на насъ цѣпи, которыя мы будемъ потрясать. Геологія тоже не обѣщаетъ золотого вѣка, а отдаляетъ только неминуемую гибель міра. Стоитъ только вспомнить о землетрясеніяхъ съ трещинами и разсѣвшимися пространствами, о волканахъ съ похороненными подъ ними городами, о моровыхъ язвахъ съ сотнями тысячъ жертвъ, чтобы убѣдиться, что природа неумолима и горе всегда будетъ оборотною стороною радости. Страданія не исчезнутъ съ лица земли, счастіе не сдѣлается первымъ лицомъ въ мірѣ. Да и что такое въ такомъ случаѣ счастье? Люди не будутъ всѣ богатыми. Если порокъ въ состояніи разбить даже и талантъ, то что-же сказать о болѣзни? И развѣ физическія только одни страданія на свѣтѣ? А нравственныя? А честолюбіе, а отвергнутая любовь, а потребность высказаться при недостаткѣ внутренняго генія, а вѣковѣчная и безпредметная тоска человѣческой природы при всякомъ достиженіи чего-нибудь постояннаго и окончательнаго въ жизни, а вопросы, на которые еще нѣтъ отвѣтовъ, и которые всегда будутъ, — и неудовлетворенное самолюбіе? — Вслѣдствіе этой-то неизбѣжности страданія, людямъ нужна поэзія, безъ которой человѣкъ сдѣлался-бы мучникомъ. Человѣкъ въ горѣ, сердце его разрывается отъ отчаянія, но онъ не унываетъ (разумѣется мы предполагаемъ человѣка простого, мало отдѣлившагося отъ природы); выходитъ на воздухъ, видитъ небо, видитъ природу, вѣчно спокойную, — поетъ и съ пѣснею улетаетъ его горе. Поэзія въ этомъ смыслѣ утѣшительница нашей невеселой жизни. Есть поэты, которые освѣжаютъ вашу душу смѣхомъ или смѣются сквозь невидимыя міру слезы; есть и такіе, которые говорятъ, вмѣсто словъ, изображаемыми ими людьми; въ этихъ поэтахъ всегда больше вѣры и прямого непосредственнаго утѣшенія. Но есть еще поэты неутѣшающіе и безутѣшные, которые до такой степени поражены настоящимъ и будущимъ бѣдствіемъ человѣчества, что самую скорбь поставили какъ-бы на мѣсто радости. Къ числу такихъ принадлежитъ Байронъ. Онъ не проповѣдуетъ радости, а какъ-бы обезоруживаетъ самое горе. Скорбь мелкую обращаетъ въ скорбь высшую, міровую. Подымаетъ этимъ страдающаго человѣка. Никто не въ состояніи такъ примирить человѣка съ необходимостію горя и неизбѣжностію несчастія, какъ Байронъ. Это какъ-бы вѣчный скиталецъ, который, взирая на міръ, не смѣется надъ его слабостями, не радуется его добродѣтелямъ, а до того сочувствуетъ его вѣковѣчнымъ несча-

Digitized by Google

стіямъ, что безутѣшно скорбитъ. И скорбь эта совсѣмъ не безплодна...

И вы хотите лишить значенія поэзію! Не новые вы люди, а люди веселые. Думаете отнять у народа пѣсни и дать ему кусокъ хлѣба. Не отнимете вы у него этой пѣсни. Пѣснь эту поетъ цѣлый народъ съ-обща: одинъ начинаетъ, другой доканчиваетъ, одно начато мужчиной, другое вырвалось прямо изъ женской груди. И такимъ образомъ, впродолженіи многихъ вѣковъ безотрадной исторической жизни, тянулъ народъ нашъ свою то грустно-удалую, то наивно-величавую пѣсню. Пѣсня также нормальна, какъ и обыкновенный разговоръ. Почему-же всѣ народы на свѣтѣ поютъ и пѣли? Почему-же человѣкъ начинаетъ пѣть самъ чуть не съ перваго года жизни? Найдите хоть одного человѣка, который въ какомъ-бы то ни было возрастѣ не ощущалъ иногда потребности запѣть. А вѣдь пѣсня-то и есть поэзія. Зачѣмъ-же уничтожать пѣсню и поэзію? Зачѣмъ рѣзать носы? Никогда вы не уничтожите пѣсню и поэзію, никогда никто не дастъ вамъ добровольно отрѣзать свой носъ. По вашему пѣсня не дѣло и экономически вредна, потому что безъ пользы. А по нашему въ ней и дѣло и чрезвычайная польза: она освѣжаетъ и поддерживаетъ организмъ, какъ и всякая поэзія. Безъ поэзіи организмъ утомляется, устаетъ, становится вялъ, сонливъ и неспособенъ на воспріимчивость. По вашему поэзія ложь, а по нашему—высшая правда. Это—образъ правды, въ ней заключается надежда на правду даже для отчаявшагося человѣка. Нужели вы не понимаете этого? Кто не чувствуетъ той невидимой нити, которою она насъ связываетъ, чье сердце не бьется подъ звуки ея родныхъ мотивовъ, — тотъ еще не русскій. И куска вы ему тоже не дадите, потому что на это нужна любовь къ нему, а не презрѣніе, — гуманное чувство, а не эгоизмъ скряги,— нравственное эстетическое желаніе добра, а не польза, сидящая верхомъ на выгодѣ. Выгода пожалуй подскажетъ вамъ, что не надо подавать. Да и непремѣнно подскажетъ. Думаютъ сдѣлать капиталиста полезнымъ руководителемъ народнаго труда, во сто разъ полезнѣйшаго всякаго филантропа, давши ему только полное научное образованіе. Что это вы проповѣдуете? Ужь не Ротшильду-ли это комплиментъ? Капиталъ растетъ и живетъ только въ себя, если его не согрѣваетъ сила любви къ человѣчеству. Сердце вы дайте капиталистамъ, а голова у нихъ есть, не безпокойтесь...

Чтобы народъ учился и пользовался выгодами, которыя даетъ образованіе, надобно по вашему создать побудительную причину. — Что-же это такая за причина? — Усиленный запросъ на умствен-

Digitized by Google

ную дѣятельность. — А это что такое? Это какимъ образомъ сдѣлаешь? — Пусть каждый дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ живетъ... и тогда народъ выучится самъ собою, помимо народныхъ школъ. Проповѣди, какъ ясно изъ этого, стаются выше школъ. Что-то ужь очень сомнительно — отдавать народное образованіе на произволъ отдѣльныхъ личностей, безъ всякой ассоціаціи педагогическихъ силъ, и главное безъ всякаго опыта. А школа вѣдь изъ опыта выходитъ. Что-же заставитъ эти отдѣльныя единицы, этихъ проповѣдниковъ, носиться съ свѣтильникомъ истины? Это имъ неизвѣстно.

Чтобы отвѣтить на этотъ и подобные вопросы, они не хотятъ заглянуть себѣ въ душу и разглядѣть, что въ ней не одинъ только эгоизмъ, что начало гуманное столько-же увлекаетъ насъ, когда мы ему слѣдуемъ, какъ и мучитъ, когда мы, не разглядѣвши его, живемъ ко вреду общества. Совѣсть, — это неотступное требованіе, никогда неумолкающій голосъ нашего существа, — заставляетъ насъ дѣйствовать не по однимъ умственнымъ соображеніямъ, всегда идущимъ въ нашу пользу, но и по выбору нравственно-эстетическаго чувства, которого источникъ—окружающее; изъ окружающаго, изъ сценъ жизни и картинъ природы, а не изъ воздуха выросло это чувство; въ воздухѣ-же растутъ одни теоріи. Этотъ-же выборъ натуральнаго чувства, щупающаго, такъ сказать, природу и жизнь, есть и основа творчества. Между наблюдаемыми и отраженными въ душѣ поэта образами онъ тоже выбираетъ. Творчество и практическая дѣятельность въ этомъ смыслѣ параллельны. По этому-то мы и говорили прежде, что умъ только пролагаетъ дорогу, а фантазія даетъ содерженіе нашей дѣятельности. Непризнаніе поэзіи, какъ самостоятельной сферы, и недовѣріе къ гуманности, какъ къ отдѣльному элементу, — одно и тоже, однородныя мнѣнія. Эгоистъ, на обыкновенномъ житейскомъ языкѣ, означаетъ человѣка безъ сердца, а такому человѣку поэзія не пойдетъ въ голову.

И вотъ этотъ-то сухой безсердечной эгоизмъ и диктуетъ г. Писареву мысли, что безкорыстный трудъ молодежи въ школахъ есть напрасная трата силъ и отвлеченіе ихъ отъ собственныхъ занятій и что молодые люди эти были также мелки въ своихъ чувствахъ, какъ и наши филантропы купцы. Фразы эти опять доказываютъ, что г. Писаревъ столько-же блестящій и смѣлый говорунъ, сколько плохой мыслитель. Нѣкоторыя изъ тѣхъ школъ, задотѣвши быть болѣе чѣмъ школами, не удались какъ извѣстно,

Digitized by Google

такъ и слѣдовало; онѣ не могли удаться, потому что сами грѣшили, но то, что было чистаго и искренняго въ желаніи принести пользу было бы не дурно при другомъ направленіи. Мы изъ этого знаемъ, что если у насъ и не умѣютъ иногда дѣлать дѣла, то все-таки мы еще не умерли. А эта важная надежда для нашего оторваннаго и незнающаго куда приткнуться общества. Тѣ, которые подобно критику «Русскаго Слова» считаютъ гласность слишкомъ низкимъ дѣломъ, не знаютъ о чемъ говорятъ. Умѣть читать и писать почти также необходимо, какъ умѣть говорить. Это было принципомъ еще средневѣковыхъ евреевъ, а потомъ лютеранъ. И если первымъ не принесло пользы вслѣдствіе замкнутости и гоненій, то у вторыхъ сдѣлалось главною силою. Для грамотнаго и хоть и необразованнаго человѣка есть еще вѣроятность, а иногда большая, просвѣтиться; для безграмотнаго-же міръ науки и искусства какъ-бы не существуетъ; онъ какъ-бы глухъ, не имѣетъ для того необходимаго чувства. Онъ какъ отрѣзанный ломоть для человѣчества. Изобрѣтеніе Гуттенберга, преобразившее людей, для него не существуетъ. Для безграмотнаго, можно сказать, всѣ книги запрещены. Намъ случилось разъ видить наглядное выраженіе той жажды, которою мучатся часто простолюдины, неумѣющіе читать. Это былъ старый солдатъ, служившій сторожемъ при московскомъ театрѣ. Всякій разъ, когда вывѣшивали новую афишку, онъ смотрѣлъ на нее съ самой неподдѣльной грустью. Однажды мы застали его чуть не въ слезахъ; подлѣ него стоялъ маленькій мальчикъ, читавшій по складамъ, съ протянутымъ къ афишѣ пальцемъ. «Саламандра или пламя любви, повторялъ старикъ, чуть не хныча; балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ», и тутъ голосъ его порвался. Мы думали, что онъ пьянъ, и неосторожно спросили объ этомъ посторонняго.—Не пьянъ я, сударь, а безграмотенъ, произнесъ старикъ съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, какое мы рѣдко въ этомъ родѣ видѣли. Люди, учившіе въ школахъ, были, какъ извѣстно, люди безъ средствъ. У нихъ была только одна собственность, одно средство — средство къ знанію, они имъ и дѣлились. Давать грамоту выше, чѣмъ давать деньги. Благороднѣй, человѣчнѣй этой милостыни мы не знаемъ. Милостыня эта столько-же возвышаетъ дающаго, сколько и того, кому даютъ. И надо было видѣть съ какой охотой бѣжали дѣти къ своимъ учителямъ, часто противъ воли своихъ родителей. Это явленіе народной нашей жизни заставляетъ вѣрить, что нашему народу вообще свойственны такіе порывы, свойственна гуманность. Всѣ наши добродѣтели и слабости указываютъ на это. Мы экспансивны, гостепріимны, щедры до крайняго; ни-

Digitized by Google

рокая натура (какъ это слово ни опошлилось у пошлыхъ людей) — по преимуществу наша. Нѣтъ народа, который-бы такъ легко примирялся съ иностранцами и котораго-бы они такъ легко эксплуатировали. Отъ физическихъ-ли условій, отъ широты-ли неогороженнаго ничѣмъ пространства, но только мы русскіе не родились эгоистами. Мы даже и сознаемъ весьма часто, что насъ эксплуатируютъ, но пренебрегаемъ этимъ, какъ-то съ высока равнодушны бываемъ, — тогда какъ эксплуатирующій плутъ думаетъ, что это и богъ знаетъ сколько для насъ значитъ и что мы не догадываемся оттого, что дураки. Конечно это неразсчотливо, невыгодно для насъ, — но право не дурно.

Вѣдь я все-таки выше моего плута въ эту минуту стою, и что всего лучше это самъ сознаю. Доктрина эгоизма есть собственно ученіе чужое.

Не пойдемъ за г. Писаревымъ далѣе. Какъ вполнѣ разсчотливый эгоистъ, старающійся всегда согласить пользу другихъ съ своею (его слова), онъ, унижая народныя школы, выхваляетъ въ тоже время популяризированіе. Ревность его тутъ такъ велика, что онъ утверждаетъ, что хорошій популяризаторъ приноситъ больше пользы особенно у насъ въ Россіи. Замѣчательна эта оговорка: особенно у насъ. Она показываетъ неполное убѣжденіе въ томъ, о чемъ говорилось. У ученаго изслѣдователя мысль будто-бы прыгаетъ какъ бѣлка на колесѣ, а у популяризатора нѣтъ такихъ прыжковъ. Намъ кажетъ-наоборотъ. Сколько напримѣръ лишнихъ словъ, ненужныхъ прибавленій и анекдотовъ въ физіологіи Люиса и сколько изумительно сжатой ясности и богатства фактовъ въ физіологіи, обработанной Сѣченовымъ. То писалъ популяризаторъ, это ученый изслѣдователь, знающій предметъ какъ свои пять пальцевъ. Правда, что учебникъ Сѣченова все-таки назначенъ не для массы; но воображаемъ, что-бы написалъ г. Сѣченовъ, если-бы ему вздумалось написать популярную книгу. Мы не совѣтуемъ, и только хотимъ объяснить примѣромъ, что популяризированіе заключается не въ вставкахъ ненужныхъ вещей между нужными, а въ уясненіи, въ ясности. А ясность не можетъ быть тамъ, гдѣ размазня и желаніе пережевать все своимъ ртомъ и положить даже читателямъ въ ротъ. За популяризированіе у насъ больше берутся люди, неспеціально знающіе науку; отъ этого дѣятельность ихъ не всегда основательна. Они приносятъ много пользы, но пользу эту нельзя все-таки сравнивать съ пользой настоящихъ работниковъ науки. Самъ г. Писаревъ соглашается съ нами, что популяризаторы необходимы какъ мелкая монета, безъ

Digitized by Google

которой крупную трудно было-бы пустить въ оборотъ. Но можно-ли, скажите, мелкую монету сравнивать по цѣнности съ крупной? И достанетъ-ли у всякаго охоты набивать карманы мѣдью или, при желаніи познакомиться съ наукой, пробавляться безконечными статьями, вмѣсто учебниковъ. Первыя потому теперь такъ нужны намъ и цѣнны, что у насъ нѣтъ хорошихъ учебныхъ заведеній и много такихъ людей, которые начинаютъ учиться поздно. Умно и складно составленный учебникъ, гдѣ концентрируется наука, выше и полезнѣе всякой популярной статьи, и каждая статья г. Шелгунова по исторіи не стоитъ и одной странички такого учебника, какъ учебникъ Виталія Шульгина. Говорить, что популяризированіе выше изслѣдованія, толкованіе выше текста — значитъ не знать науки. Всякое новое открытіе, всякій разработанный фактъ, входя въ науку, дѣлаютъ ее яснѣе, а потому всякій учебникъ понятнѣе популярнѣе. Если наука нелегко доступна для постороннихъ, то это оттого, что она обстроена лѣсами, на которыхъ работаютъ и по которымъ карабкаются ученые. Неясность науки, какъ и неясность пониманія природы зависитъ отъ неполноты собранія фактовъ, отъ неразработанности ихъ. Поэтому ученый изслѣдователь и составитель учебника есть въ тоже время и популяризаторъ, въ высшемъ значеніи этого слова, и составитъ хорошій учебникъ — это великая заслуга. Когда дѣятельность популяризаторовъ и компиляторовъ беретъ перевѣсъ надъ дѣятельностію чисто научной, общество не бываетъ въ выигрышѣ. Это всегда признакъ паденія или слабаго развитія науки. Убѣдительнѣйшее доказательство этому приводитъ самъ г. Писаревъ. «Когда Египетъ былъ обращонъ въ римскую провинцію, александрійская наука пала... Музеумъ существовалъ по прежнему... Но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей оригинальной мысли... Началось компилированіе старыхъ авторовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились.» Можно-ли съ большею искренностію опровергать себя? Строки эти впрочемъ мы нашли уже не въ той статьѣ, гдѣ защищалось популяризированіе, а въ другой, съ нею рядомъ помѣщонной.

И какъ эта мысль глубоко вѣрна и примѣнима въ отношеніи той дѣятельности, которой однимъ изъ лучшихъ представителей является самъ г. Писаревъ. Эта дѣятельность до безконечности не оригинальна. О самостоятельныхъ произведеніяхъ говоритъ неуважительно, а о переводахъ какъ о великихъ событіяхъ. Переводы конечно дѣло полезное; незнающіе иностранныхъ языковъ должны быть за это очень благодарны; не все-таки это польза только для незнающихъ, для науки-же вообще это перемываніе изъ пустого

Digitized by Google

въ порожнее. Да и учащіеся были-бы не въ проигрышѣ, если-бы, вмѣсто переведенныхъ книгъ, имъ предлагали самостоятельно обработанныя. Русскій умъ, думается намъ, скорѣе-бы схватилъ и усвоилъ составленное русскимъ умомъ. Дѣятельность переводчиковъ и популяризаторовъ почтенна, полезна; но она не должна идти слишкомъ въ ущербъ самостоятельной дѣятельности. Путь переводовъ, компиляцій и подражанія, которымъ думаютъ нѣкоторые вести Россію, — путь торный и короткій, но неплодотворный. До оригинальной самобытной дѣятельности этимъ путемъ не доберешься. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность очень многихъ просвѣщонныхъ господъ можно назвать просто переводомъ. Они кажутся оригинальными и самостоятельными только до тѣхъ поръ, пока не узнаешь источниковъ, изъ которыхъ они черпали. А какъ познакомишься съ этими источниками, такъ увидишь только переводъ, чистый переводъ, и иногда еще сильно извращающій текстъ.

И въ какой гармоніи это почти аристократическое пристрастіе нашихъ публицистовъ ко всему заграничному, выписному, съ тѣмъ неуваженіемъ, которое они оказываютъ къ своимъ роднымъ писателямъ. Только Текерей, Дикенсъ да Жоржъ-Зандъ и хороши; писатели эти конечно геніальны, но все таки беллетристы. Пушкинъ-же, Гоголь — настоящіе художники: они не писали такихъ безконечныхъ романовъ; они не требовали отъ читателя такой страшной траты времени, какой требуютъ англійскіе и французкіе романисты. Тѣ пожалуй и хороши, юморъ ихъ силенъ, наблюдательность мѣтка, мыслей много, да все это распущено въ морѣ воды, затоплено многословіемъ. У насъ какой-нибудь Обломовъ считается длиннымъ романомъ, а тамъ такихъ коротенькихъ романовъ и не пишетъ никто. Вотъ что выходитъ изъ сравненія нашего русскаго генія съ западомъ. Какъ-бы это ни показалось на первый разъ страннымъ, но мы думаемъ, что геній нашъ короче, сжатѣй, на него больше разсчоту и надежды.

Впрочемъ это относится болѣе къ будущему, а въ настоящемъ мы еще мало чѣмъ отстали отъ иностранцевъ въ многословіи, пустословіи и сквернословіи. Одинъ умный талмудистъ, помнится, объясняетъ происхожденіе книгъ такимъ образомъ. Сперва была одна книга — библія, потомъ ее раздѣлили на двѣ части, потомъ еще на двѣ; и за этимъ уже пошли бочетанія, перемѣщенія и прибавленія, и изъ этого вышли всѣ книги. Такимъ способомъ составляется у насъ премногое множество книгъ. Такъ что литература есть своего рода талмудъ, въ которомъ неопытный человѣкъ какъ разъ зато-

Digitized by Google

рается. Исторію слова коротко можно изобразить такъ: сперва научился человѣкъ говорить или, что тоже, мыслить и чувствовать въ слухъ. Рефлексы головы нашли, что называется, конецъ свой въ словѣ. Далѣе изобрѣтены были письмена, сперва идіологическія и силлабическія, а потомъ наконецъ фонетическія — азбука. Послѣднее изобрѣтѣніе Карлейль называетъ величайшимъ изъ всѣхъ, а Платонъ приписываетъ даже Богу. За этимъ изобрѣтено было новое средство для передачи мыслей и чувствъ — книгопечатаніе, которое начало расти, расширяться; появились статьи, книги, библіотеки, громадности которыхъ нельзя надивиться. И все это растетъ прогрессивно. Безпокоиться много объ этомъ конечно нечего: опытный человѣкъ и въ старомъ хламѣ найдетъ что ему нужно; но все таки нельзя не замѣтить того явленія, что добытые факты и выработанныя идеи ужь черезъ чуръ разъѣхались по сотнямъ, тысячамъ, милліонамъ книгъ. Расширенію слова должно положить конецъ. Энциклопедическіе лексиконы и учебники составляютъ ужь нѣкотораго рода шагъ въ этомъ дѣлѣ. Энциклопедизмъ XVIII столѣтія показалъ ужь свою силу. Но этого еще недостаточно; слово должно еще болѣе съузиться, сконцентрироваться; вмѣсто фразъ должны быть мысли и чувства, одѣтыя въ человѣческіе звуки. Языкъ долженъ быть не только выразителенъ, но и полонъ жизни, а для этого онъ прежде всего долженъ быть кратокъ. Этого требуетъ и недолговѣчность нашей жизни, и безконечное желаніе истины. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ, спрашиваетъ одинъ философъ у природы? За тѣмъ, отвѣчаетъ она, чтобы проглотить нѣсколько капель изъ моего молока, пробыть нѣсколько мгновеній на моей груди и потомъ заснуть — уйти въ безконечность. Хорошо-ли мы дѣлаемъ, что эти не многія мгновенія тратимъ на произношеніе громкихъ фразъ. Фразы заѣли насъ, фразы засѣли намъ въ головы. Фразы тамъ сидятъ вмѣсто логическихъ истинъ; фразы путаютъ намъ ноги, вяжутъ руки; и дѣло черезъ нихъ не спорится, и мы, толкуя о голодныхъ и раздѣтыхъ людямъ, ничего не дѣлаемъ, а только говоримъ.

... И вся наша плодовитость, при всей энергіи и свѣжести силъ, остается часто безплодною.

Общество наше, вслѣдствіе самой неопредѣленности положенія, принуждено впрочемъ болѣе говорить, чѣмъ дѣлать. Бельтовыхъ у насъ еще болѣе, чѣмъ Рудиныхъ... Всѣ кричатъ что дѣлать, что дѣлать? И никто не знаетъ. Одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую; и оттого не двигаемся, а стоимъ на одномъ мѣстѣ. Сколько опрометчивыхъ сужденій, высказанныхъ наскоро, объясняется тѣ-

Digitized by Google

вѣрь въ нашей литературѣ. Бѣлинскій не вслѣдствіе невѣжества, а вслѣдствіе торопливости и погони отнесся такъ ошибочно къ петровской реформѣ, эти-то ошибки вѣроятно и сдѣлаются предметомъ будущихъ реалистическихъ критикъ. Добролюбовъ тоже не напалъ-бы на Пирогова, если-бы побольше вдумался въ дѣятельность этого мало говорившаго человѣка. Романъ «Что дѣлать» тоже-бы сократился въ небольшую повѣсть, если-бы художническая сдержанность, а не любовь къ лишнему руководила авторомъ: настоящее эстетическое чувство есть врагъ многословія. Всѣ нападки публицистовъ на искусство, поэзію, живопись тоже-бы конечно не существовали, если-бы публицисты эти не страдали страшною болѣзнею нашего вѣка — многословіемъ. И зачѣмъ, скажите, существуетъ это тьма статей, которыя такъ и остаются дѣвственными, никѣмъ непрочитанными. Тяжело положеніе человѣка пишущаго и немогущаго свое писаніе напечатать, но еще тяжелѣе, мнѣ кажется, положеніе человѣка, который печатаетъ и котораго не читаютъ или не дочитываютъ. Все равно, что говорить на вѣтеръ. Какже-бы это такъ сдѣлать, чтобы слава не пропадала даромъ, не оставалась безъ дѣйствія? Многіе радуются увеличенію числа листовъ и страницъ нашей журналистики; но въ этомъ едва-ли есть выигрышъ. Журналы наши не столько умнѣютъ, сколько полнѣютъ. Многіе и до сихъ поръ остаются заграничными вѣстниками. Прежде этою литературною дородностію славились «Отечественныя Записки»; теперь это свойство переходитъ кажется къ «Современнику». Когда-же наконецъ перестанемъ мы щеголять своей фигурой. О газетахъ уже и говорить нечего: ихъ не столько читаютъ, сколько перелистываютъ.

Правда, что авторы чрезъ это сокращеніе слова сначало-бы проиграли, — публика отчасти уже привыкла цѣнить все по количеству, а не по качеству; но за то какъ-бы выиграли читатели. Сколько-бы у нихъ осталось времени, чтобы подумать самимъ вмѣсто автора. Концы статей всегда болѣе скучные чѣмъ начала доказываютъ самымъ яснымъ образомъ, что авторы себя насилуютъ, что способности ихъ не выдерживаютъ и утомляются. При сжатости и сдержанности и самое слово имѣло-бы болѣе вѣса, какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ правительства. Другой-бы администраторъ и прочолъ, да гдѣ-же одолѣть статью, которая написана какъ-бы для людей, у которыхъ и дѣла нѣтъ другого, какъ только читать статьи. Все мы съумѣли сократить, и время, и пространство: по дорогамъ мы летаемъ, извѣстія передаются съ быстротою молніи; механическій трудъ единицъ обратился въ трудъ гигантовъ-ма-

Digitized by Google

шинъ. Одна только мысль наша гуляетъ дальними дорогами, извивается по кривымъ путямъ и расплывается въ неясныхъ образахъ и волнистыхъ фразахъ. Такъ что геніальная сатира надъ многословіемъ и нерѣшительностію Гамлета до сихъ поръ примѣнима къ человѣчеству.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

Digitized by Google

ЖЕНЩИНАМЪ

Не разъ задумывались мы надъ судьбою женщины, когда послѣ уѣзднаго затишья очутились вдругъ посреди столичной суеты и шума. И взлелѣянныя поколѣніями красавицы, и заплеванныя, опозоренныя камеліи, и многочитающія умницы, — все имѣло тогда для насъ, съ непривычки, какой-то грустный оттѣнокъ. Вотъ онъ гдѣ, женскій-то вопросъ, на самомъ корню... О приложеніи всѣхъ вопросовъ, затропутыхъ перомъ и властію, можно еще судить въ провинціи; о современномъ рѣшеніи одного только женскаго вопроса, сколько ни читай, не составишь тамъ точнаго понятія. Столица пользуется въ этомъ отношеніи неоспоримымъ преимуществомъ; только тутъ женщины массами и искренно выступаютъ изъ своего пассивнаго положенія и отказываются отъ второстепенныхъ ролей. Не о всѣхъ конечно жительницахъ Петербурга и Москвы мы говоримъ это; благодаря отупляющему дѣйствію моды и роскоши, въ столицѣ легко думающихъ, легко живущихъ и легко одѣвающихся изъ женскаго пола сравнительно пожалуй еще болѣе, чѣмъ въ провинціи; въ провинціи со скуки даже и франтихи кое-что читаютъ, въ столицѣ-же онѣ спеціально франтятъ и развлекаются. Но за то здѣсь больше и такихъ, которыя не только читаютъ, но и проводятъ въ жизнь читанное. Объ этихъ-то женщинахъ, затронутыхъ литературой и чреватыхъ современными идеями, мы и думаемъ поговорить. Безъ уваженія къ нимъ конечно отнестись нельзя: онѣ, какъ-бы то ни было, первыя увѣровали, что цѣлая прекраснѣйшая половина человѣчества должна быть не только украшеніемъ, но и членомъ общества. Съ тою рыцарскою вѣжливостью, съ тѣмъ восторженнымъ подобострастіемъ, съ какимъ разсуждаютъ о нихъ нѣкоторые гулящіе повѣствователи и полувлюбленные публицисты, мы тоже не думаемъ относиться. Онѣ еще безъ сомнѣнія начинаютъ только набираться духу; основательно и разносторонне-образован-

Digitized by Google

ныя женщины могутъ у насъ считаться чуть-ли не знаменитостями; многія еще только притворяются умными и знающими или только на время могутъ казаться такими. Нѣкоторыя-же дѣйствительно вѣруютъ, что онѣ умницы, но очень ошибаются. Есть конечно и блестящія исключенія, и даже не мало, но все-таки лесть эмансипаторовъ слишкомъ преувеличиваетъ мнѣніе о готовности женщинъ на всякое дѣло: готовность эта безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельности. Этимъ только и можно объяснить податливость ихъ ко всему, на что-бы ни уговаривали ихъ благодѣтели женскаго пола. Податливость нашихъ *новыхъ* женщинъ въ этомъ отношеніи несравнима ни съ чѣмъ. Никакой юноша, начинающій знакомиться съ наукой и жизнію, не можетъ относиться къ предлагаемымъ ему идеямъ съ такимъ беззавѣтнымъ довѣріемъ, съ такимъ отсутствіемъ критики, съ какими относится часто самая образованная женщина къ совѣтамъ заботящихся объ ея участи эмансипаторовъ.

Говорятъ напримѣръ ей, что она должна жить безъ предразсудковъ—и она живетъ. И чтоже? Послѣ оказывается, что предразсудки тоже заключаются ни болѣе ни менѣе, какъ въ типическихъ особенностяхъ женской натуры (¹). Женщина отнюдь не должна трусить въ любви; но трусливость съ слезами и стыдливость съ прихотями есть свойства, зависящія не отъ воспитанія или привычки, а отъ того, что женщинѣ дѣйствительно есть чего трусить, есть о чемъ плакать и есть кого стыдиться. Стыдливость есть оборотная сторона страстности; слезливость-же, капризы и истерика суть такія слабости, которыя зависятъ отъ того, что природа дала ей лишній органъ и лишнія болѣзни. Что-же касается до трусости въ любви, то какже ей не трусить, когда у ней наслажденіе и мука такъ неразрывно связаны. Женщина положительно несчастливѣйшее существо, чѣмъ мужчина; по крайней мѣрѣ она была такою до сихъ поръ. Раба, быть можетъ, такъ не эксплуатировали и не позорили, какъ женщину; эксплуатація любви и чести женской самая страшная изъ всѣхъ эксплутацій, совершонныхъ исторически живущимъ мужчиной. Даже и теперь это положеніе мало измѣнилось. Любящій обыкновенно думаетъ о глубинѣ чувства, о силѣ страсти, о первыхъ дняхъ блаженства; все-же прочее, какъ напримѣръ тяжесть беременности, презрѣніе общества, адскія муки родовъ и несчастное затѣмъ материнство,—оставляетъ безъ вниманія. Всякаго задумывающагося надъ такимъ положеніемъ мужчины-побойчѣе называютъ

(¹) Да и то, что она такъ скоро и беззавѣтно готова вѣровать во все то, что ей скажутъ, есть уже — само по себѣ — предразсудокъ.

Digitized by Google

даже трагикой; несчастныя послѣдствія оправдываютъ необходимостію природы. Случаи эти составляютъ неистощимыя темы для повѣстей. Авторы-же, одаренные сильнымъ половымъ влеченіемъ, больше ни о чемъ и не пишутъ; а критики нѣкоторые даже допускаютъ въ любви обманъ. И это такъ, и въ книгахъ и въ жизни мы видимъ очень порядочныхъ людей, которые, днемъ пожимая руки мужей, ночью обнимаютъ ихъ-же женъ. Все это пожалуй забавно, интересно, а иногда даже и выгодно обращать семейные дома въ дома любви, но нечестно. Семейное счастіе и безъ того виситъ на одной ниточкѣ и его считаютъ чуть-ли не за идиллію, постоянство называется романтизмомъ, а вѣтренность — реализмомъ; между тѣмъ какъ серьозное жизненное обсужденіе приводитъ со всѣмъ къ другому: влюбляться всю жизнь значитъ не любить никогда, а стремленіе къ разнообразію въ любви почти равняется желанію многоженства; потому что мужчина, бросающій по выбору платокъ то одной, то другой, почти столь-же парализируетъ дѣятельность женщины, какъ и восточный тиранъ.

Что больше задерживало женщину въ ея развитіи — мужская-ли палка или мужская ласка,—трудно рѣшить (послѣднюю пусть не смѣшиваютъ съ палкой родительской); кажется, что ласка мужчины была вреднѣе. Семейство было для женщины — монастырь, въ который она запиралась отъ общества. Новѣйшія женщины, правда, вышли въ гостиную, но это еще шагъ небольшой. Нѣкоторые рѣдкіе случаи, выдвигавшіе женщинъ на историческую дѣятельность, не могутъ служить примѣромъ; даже женщины французской революціи не идутъ сюда; въ революціи не только женщины, но и рабы отступаютъ отъ своихъ ролей. Какая-же причина этой второстепенности женскаго положенія? — Проституція. Въ древнемъ мірѣ, можно сказать, не было проституціи въ ограниченномъ, опредѣленномъ обычаемъ размѣрѣ; женщины всѣ тогда были проституированы. Мужчина, взявшись содержать женщину, какъ-бы купилъ ее у общества. Она сдѣлалась ниже всякаго пролетарія. Торговля неграми начинаетъ прекращаться, но торговля женщинами еще продолжается. Сколько силы, таланта черезъ это загублено; мозгъ даже изсохъ, уменьшился; у женщины онъ меньше, говорятъ ученые. Но онъ выростетъ, разовьется; будущность у женщины великая!

Первое слово защиты, какъ за падшую женщину, такъ и за голодную пролетарія, произнесъ Христосъ, съ этимъ и атеисты согласятся. Въ одной изъ академическихъ картинъ графа Кушелева-Безбородко есть замѣчательное выраженіе этой евангельской идеи. Къ Іисусу приводятъ падшую и развращенную красавицу. Одинъ

Digitized by Google

изъ блюстителей благонравія, жалуясь на нее, хочетъ нанести ей оскорбленіе; Спаситель повелительнымъ жестомъ руки удерживаетъ его и говоритъ конечно при этомъ свое новое слово о женщинѣ; на окружающихъ лицахъ выражается такое безконечное изумленіе, что кажется слышишь и самую рѣчь. Но великое слово о неизмѣнномъ спутникѣ нашей жизни, объ этомъ другѣ, въ которомъ всѣ и можетъ быть единственныя наши радости,—еще долго не осуществлялось. Бракъ съ его нерасторжимостью хоть и улучшалъ немного положеніе одной половины женщинъ, за то другую поставилъ въ болѣе ужасное: отъ нихъ отгородились какъ отъ зачумленныхъ. Средневѣковые рыцари мало понимали это положеніе: они только доказали возможность чувства любви, но страсть у нихъ шла независимо, сама по себѣ. Такъ это и продолжалось чуть-ли не до эпохи Гёте. Однажды, разсказываетъ поэтъ, индійскій богъ, прогуливаясь по городу, замѣтилъ у окна баядерку, смотрѣвшую на улицу также вѣроятно не весело, какъ онѣ и теперь смотрятъ. Богу вздумалось зайдти; баядерка, пораженная красотой, влюбляется и это преображаетъ ее: она передъ нимъ пританцуетъ, и кокетничаетъ, и ласкается. Индійское божество тоже тронуто и снисходитъ до того, что рѣшается доставить ей божественное наслажденіе, какъ выражался Магометъ. Утромъ проснувшись баядерка видитъ вдругъ его мертваго въ своихъ объятіяхъ. Съ воплемъ тащитъ его на костеръ и сама хочетъ съ нимъ сгорѣть какъ жена; но брамины не допускаютъ. Богъ-же... поднявшись изъ пламени, унесетъ ее на небо. Лучше, поэтичнѣе нельзя выразить снисхожденія къ падшей женщинѣ. Но Гёте совѣтовалъ не только снисходить къ падшей женщинѣ, онъ предостерегалъ также, чтобы мущины ее и не роняли. — Не рви этой душистой гвоздики, которая такъ роскошно цвѣтетъ въ лѣсу, а если она тебѣ нравится, возьми съ корнемъ и пересади къ себѣ. Такъ можно перефразировать одно изъ его стихотвореній. — Хочешь-ли, юноша, я научу тебя любить? восклицаетъ поэтъ въ порывѣ своего чрезвычайно эстетическаго авторита, и авторитетъ его въ этомъ смыслѣ былъ великъ. Гётевская Маргарита какъ будто рвется на отомщеніе и чувственность мущины; нигдѣ трагизмъ паденія не былъ изображенъ съ болѣе потрясающей силой. Какъ неосновательны кажутся намъ слова людей, радующихся, что нашли у великаго человѣка нѣчто низкое, и не замѣчающихъ на себѣ безобразной бородавки. Гёте громилъ не аристократизмъ, но былъ реальнѣе всѣхъ нашихъ реалистовъ. На что храбры, и они наконецъ струсили и, разсмотрѣвши немного этого гиганта, поняли, что говорятъ великія глупости.

Въ послѣднемъ столѣтіи вопросъ женскій не остался уже бо-

плодными. Женщины сами заговорили о себѣ, и громче всѣхъ французженки — сперва Сталь, потомъ Жоржъ-Зандъ. Мнѣнія послѣдней особенно важны, хоть и не во всѣхъ отношеніяхъ истинны. Жоржъ-Зандъ была геніальный беллетристъ. Художникомъ въ строгомъ смыслѣ ее нельзя назвать; художники болѣе обработываютъ, болѣе отдѣлываютъ, болѣе обдумываютъ свои сочиненія; беллетристы-же обыкновенно пишутъ на скорую руку; многое у нихъ остается неоконченнымъ, недорисованнымъ и недодуманнымъ. Плодовитость есть конечно признакъ таланта, но только беллетристическаго таланта, идущаго въ ширину, а не въ глубину. Жоржъ-Зандъ сама жалуется въ предисловіяхъ къ своимъ романамъ, что они остаются неотдѣланными, благодаря просьбамъ и жадности французскихъ редакторовъ. Это-то многописаніе геніальной романистки и отняло у нея возможность высказать настоящимъ образомъ протестъ отъ лица женщинъ; притому-же она заимствовала свое ученіе частію отъ соціалистовъ, а у нихъ это мѣсто самое слабое. Весь смыслъ Жоржъ-Зандовскихъ романовъ можно выразить такъ: мы женщины видимъ, что мущина пользуется самой безграничной свободой въ любви; холостая жизнь не налагаетъ на него обязанностей, бракъ тоже мало стѣсняетъ и нѣтъ такого промаха въ любви, который-бы могъ опозорить, уронить мущину. Если вы такъ поступаете, то почему-же и мы не можемъ; у насъ тоже есть страсть, самообладанія меньше, а дѣла въ общественной жизни почти никакого. Все это въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо, но нелогично; оправдываетъ самымъ лучшимъ образомъ промахи отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихся несчастными въ семьѣ, но не указываетъ цѣли въ жизни женщинъ. У женщинъ если есть еще что теперь, то это конечно нравственное начало. Умственно онѣ ниже насъ, но нравственно онѣ естественно должны быть развитѣе. Логично-ли отнимать ихъ лучшее достояніе? Если Жоржъ-Зандъ замѣтила что женщина ограничила свои половыя влеченія, а мущина нѣтъ, то изъ этого скорѣе можно вывести не право увеличенія свободы женщинъ въ любви, а требованіе уменьшенія ея со стороны мужчинъ. Мы воздерживаемся и вы будьте воздержны, сказать-бы должны были женщины. Только тогда оба пола по всѣмъ родамъ дѣятельности пойдутъ рука объ руку, безъ всякой помѣхи другъ другу. Хотите, чтобъ женщина трудилась, работала, не мѣшайте ей, не будьте доноласами. Удержи, господа, удержи намъ по больше нужно! Тогда только женщина примется за дѣло; объяснять-же слово эмансипація словомъ «*сиюождрація*», значитъ покровительствовать проституціи. Въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія дѣятельности женщинъ, вопросъ о любви въ высшей сте-

Digitized by Google

пенія важенъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшится съ настоящей ясностью, нечего и думать о серьозномъ пріемѣ женщинъ за трудъ. Даже университетское слушаніе лекцій считаемъ мы для женщинъ совершенно безполезнымъ при настоящемъ настроеніи, при теперешнихъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Страстное влеченіе другъ къ другу, несдерживаемое ни съ одной, ни съ другой стороны, послужитъ только помѣхой обѣимъ половинамъ при серьозныхъ занятіяхъ.

Насъ конечно назовутъ за это отсталыми консерваторами; да пусть, особенно если мы сохраняемъ хорошее. Но ужь ни за что мы не хотимъ быть «засиживающими идеи» прогрессистами, которые компрометируютъ это имя и, стремясь въ даль будущаго, такъ далеко заходятъ, что отрываются отъ дѣйствительности. Прогрессъ не бѣготня и тоже не рубка съ плеча всего, что ни попало подъ руку. Самый узкій консерватизмъ, съ яростію отстаивающій всякую дребедень, не подвергается такой отвѣтственности, какъ прогрессистъ, предлагающій, вмѣсто новаго, обломки неблагоразумно разбитыхъ имъ естественныхъ влеченій и плодотворныхъ идей. Живыя плодотворныя идеи не вырабатываются скоро, а поколѣніями; зачѣмъ-же быть такъ небережливыми. Англичане вонъ доходятъ до крайности, до скупости въ этомъ отношеніи; выжимаютъ прежде все до капельки изъ доставшагося имъ наслѣдства отъ предковъ, да потомъ ужь и шагаютъ. Если задняя нога твердо ступила, то и шагъ будетъ вѣренъ и размахъ ноги великъ. А у насъ-такъ вотъ все дѣйствуютъ врозь, въ раздробь, скачками; во всемъ суета и тревога.

Связывая это неутѣшительное явленіе съ «женскимъ вопросомъ», мы удивляемся, какъ это прогрессисты наши не замѣчаютъ того опаснаго скользкаго положенія, въ которомъ теперь находится женщина. Куда ни пойдетъ она, на что ни взглянетъ, чѣмъ ни займется, вездѣ она въ какомъ-то двусмысленномъ положеніи, особенно въ столицѣ.

Если въ дѣлѣ науки и искусства мы не угнались за западной Европой, то за-то въ умѣньи ронять женщину стали кажется совершенно съ нею въ уровень. Къ темному разврату невѣжества присоединили мы развратъ иллюминованный, задающій пиры и балы. Сегодня въ девять часовъ танцовальный вечеръ—гласитъ почти на каждой улицѣ надпись, означающая мѣсто публичныхъ баловъ. И въ теперешнюю ночную пору не одинъ конечно красный какъ кровь фонарь или блестящая какъ на свадьбѣ иллюминація украшаютъ эти мѣста. Провинціалы и понятія не имѣютъ о той роскоши, съ какою украшаются эти вакханаліи, откуда полицейскій служитель

Digitized by Google

можетъ васъ увести въ часть, а танцующая красотка къ себѣ въ гости. Да не подумаютъ провинціалы, для которыхъ собственно мы и предаемъ гласности этотъ фактъ (здѣсь ему никто ужь не удивляется), чтобы туда ходили одни записные гуляки; нѣтъ, тамъ бываютъ и люди чиновные и люди ученые. А жизнь все ждетъ своихъ дѣятелей, а наука — служителей; силы тратятся, женщина падаетъ все ниже и ниже... Проходили мы разъ послѣ одного такого вечера мимо университета и другихъ заведеній науки, тянущихся по берегу Невы. Университетъ былъ особенно теменъ. Хоть-бы одно окошечко было освѣщено. Что это? Храмъ или спальня науки? Хотя и странно было съ нашей стороны желать, чтобы учебныя заведенія были освѣщены по ночамъ; но не странно, въ качествѣ бывшаго студента, какъ-бы завидовать сравнительно обезпеченному состоянію этихъ кафе-шантановъ передъ университетами. Какой это благодѣтельный геній носится надъ этими увеселяющими и отупляющими заведеніями, думали мы, смотря на холодную Неву, въ которой отражались сотни блестящихъ фонарей. — Со-временемъ быть можетъ они еще болѣе усовершенствуются; обзаведутся книгами, газетами, такъ какъ сдѣлали это кандитерскія, трактиры; танцующіе будутъ разсуждать о разныхъ вопросахъ, а женскій быть можетъ и совсѣмъ порѣшатъ.

Когда-же женщина выдетъ изъ своего тяжолаго положенія? Кажется еще не скоро. Второпяхъ высказанные совѣты нашихъ публицистовъ сильно ее спутали. Къ этому присоединилась еще лесть, которая хоть и не была выраженіемъ уваженія, чѣмъ она никогда не бываетъ, но на женщину подѣйствовала: женщины любятъ комплименты. Отвѣтъ на вопросъ романа о женщинахъ «Что дѣлать» былъ совершенно неудаченъ. Безграничная свобода любви тамъ поставлена условіемъ женскаго труда; тогда какъ она есть только *условіе помѣхи:* свобода любви безъ границъ ровна проституціи. Другого опредѣленія проституціи мы не понимаемъ. Въ нравоучительномъ и какъ-бы на-черно написанномъ романѣ «Что дѣлать» изображено хорошо только одно — это картина развращенія благородной женской натуры хитрыми теоретическими умствованіями. Лопуховъ; замѣчая, что жена его и пріятель начинаютъ другъ отъ друга сторониться, сердится; онъ и знать не хочетъ, что они быть можетъ имѣютъ къ тому причины и почти насильно приводитъ товарища къ женѣ; та, вѣроятно соскучившись механическимъ трудомъ мастерскихъ, предается умственному развлеченію съ влюбленнымъ въ нее Кирсановымъ. Послѣдній наконецъ не выдерживаетъ и снова ретируется; Лопуховъ взбѣшонъ и, послѣ продолжи-

Digitized by Google

тельныхъ преній, опять привлекаетъ пріятеля, ревнуя и проклиная его въ душѣ. О чемъ, скажите, человѣкъ хлопочетъ, изъ-за чего подвергаетъ себя нравственному самоистязанію? Любовный фокусъ этотъ продолжается конечно недолго. Въ одно прекрасное утро Вѣра говоритъ мужу: «миленькій, я тебя теперь люблю болѣе, чѣмъ когда жизнію готова пожертвовать; но жить безъ него не могу.» Значитъ, она любитъ и того и другого. Допуховъ, какъ *современный* рыцарь, уѣзжаетъ. Вѣра одна; но чувство долга и вѣроятно еще неостывшая привязанность къ мужу не позволяютъ ей броситься въ объятія къ Кирсанову. Для этого понадобился Рахметовъ, котораго и допускаетъ заботливый мужъ. Что такое Рахметовъ? Это трудно опредѣлить. Это какой-то кабинетный мнѣ, путешествующій также легко по факультетамъ, какъ и по Европѣ; работающій до изнеможенія съ бурлаками и лежащій на гвоздяхъ для отдыха; читающій 82 часа сряду, что очень правдоподобно, и выпивающій 8 стакановъ крѣпчайшаго кофе, что совершенно невѣроятно; неосвѣжающій своихъ силъ любовью женщины и имѣющій только одну слабость — хорошія сигары. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Рахметовъ вполнѣ сходится съ г. Писаревымъ, который, какъ кажется, занимаетъ какъ разъ средину между Рахметовымъ и Базаровымъ. И вотъ этотъ-то г. Рахметовъ, говорящій о реальности (опять сходство съ г. Писаревымъ), является къ Вѣрѣ съ великолѣпно-рѣзкими фразами; проповѣдуетъ, что ревность есть *явленіе гнусное, фальшивое, — явленія изъ того порядка вещей, по которому мы не даемъ другимъ носить своего бѣлья или курить изъ своего мундштука, — явленіе, завѣсящее отъ взгляда на женщину какъ на собственность* и т. д. А намъ кажется, что это на оборотъ; такой взглядъ скорѣй совпадаетъ съ готовностью уступить жену другому чуть-ли не какъ вещь. Мужъ не такъ легко уступилъ бы жену, еслибъ смотрѣлъ на нее не какъ на вещь, а съ любовью, да еще уважалъ бы свою любовь. Жена не бѣлье, которое можно давать носить и не мундштукъ, изъ котораго легко позволить другимъ курить. Она есть какъ-бы часть нашего существа, какъ и мы ея часть. Женщину другой разъ труднѣе уступить, чѣмъ отрѣзать палецъ, — и головы слетаютъ совсѣмъ и умъ теряется изъ-за этихъ бѣдныхъ женщинъ. Чувство долга въ такихъ особенныхъ случаяхъ всегда заставляетъ вполнѣ гуманнаго человѣка быть какъ можно осторожнѣе и рѣшаться на разрывъ не легкомысленно. Чувство долга, заставляющаго сдерживаться Вѣру, есть не призракъ, какъ думаютъ эгоисты, а нравственно-эстетическая потребность къ благороднымъ поступкамъ; мы должны, мы обязаны людямъ! Эгоистическое и ограничи-

Digitized by Google

вается общечеловѣческимъ *мы*; и самое первое, самое близкое ограниченіе нашего *я* есть женщина. Въ обоюдной любви мущины и женщины сливаются и эгоизмъ, и гуманизмъ, и чувство долга, и чувство наслажденія. Мы-бы сказали, что авторъ показалъ большое знаніе человѣческаго сердца, не давши своей героини уступить вдругъ потоку рахметовскихъ фразъ, а заставивъ ее долго бороться, еслибъ не были увѣрены, что онъ хотѣлъ только показать до какой степени даже лучшія существа *бываютъ ретроградны отъ врожденныхъ предразсудковъ*. Когда Рахметовъ изложилъ свою теорію ревности, Вѣра говоритъ, что это безнравственно! Рахметовъ разумѣется не унываетъ. «Если у васъ есть *фантазія*, говоритъ онъ, или *болѣзненная потребность* обѣдать два раза, ужели вы станете удерживать себя изъ опасенія огорчать кого-нибудь и не побоитесь выпачкать рукъ, хватая куски второпяхъ. (Обѣдать два раза неформально и это дѣлаютъ только обжоры)... Изъ-за такихъ пустяковъ вы подымаете такой страшный шумъ... Вы-бы могли преспокойно жить всѣ трое на одной квартирѣ и вмѣстѣ пить чай. (Хорошъ чай!).. Выпейте-же рюмку хересу и ложитесь спать.» Разумѣется послѣ хересу да послѣ такихъ бесѣдъ Вѣра мало по малу уступила и отправилась къ Лопухову. Рахметовъ хлопоталъ тоже не о себѣ. Дальнѣйшая исторія Вѣры представляется въ розовомъ идиллическомъ видѣ; но это невѣроятно. Самый естественный исходъ этой траги-комедіи есть любовь ея къ Рахметову и жизнь сообща съ нимъ, съ Кирсановымъ и съ своимъ первымъ мужемъ.

Остается еще намъ сказать о изобрѣтенныхъ авторомъ швейныхъ мастерскихъ. Эта механическая работа женщины на новый ладъ кажется намъ новымъ виномъ, влитымъ въ старые мѣхи. Молодое вино разорветъ мѣхи и вино разольется. Механическій трудъ не можетъ удовлетворить женщину нашего круга, женщины-же простолюдинки и безъ насъ умѣютъ работать. Образованной женщинѣ нужна болѣе широкая дорога, которую и не нужно загораживать или засорять иголками, нитками, тамбурными крючками и тамбурнымъ вязаньемъ. У женщины и безъ того игла какъ-бы приросла къ рукѣ и сама она часто обращается въ живую машину съ однимъ только стремленіемъ рукодѣльничить. Шить, вмѣсто того чтобы учиться и потомъ учить, переплетать книги, вмѣсто того чтобы читать ихъ, — плохое средство и небольшой кусокъ хлѣба. Ремесленныя мастерскія, въ томъ видѣ какъ онѣ изображены въ романѣ, могутъ только вырывать женщину изъ семьи, лишать ее уединенія, а поэтому и самостоятельнаго развитія; и наконецъ, что всего хуже, мастерскія эти могутъ служить къ эксплутаціи женской любви и че-

Digitized by Google

сти; въ такихъ мастерскихъ мущины легко явятся помощниками. Поэтому «Что дѣлать» имѣетъ одинъ только результатъ и результатъ неожиданный для автора — безобразить женщину. У отрицателей искусства стремленіе это хоть и безсознательно, но вполнѣ логично; если они не признаютъ красоты въ жизни, какже они могутъ цѣнить и уважать красоту въ женщинѣ?

Женщина должна быть непремѣнно хороша если не физически, то нравственно. Какъ мы въ ней ищемъ красоты и граціи, такъ и она въ насъ силы и мысли; если-бы нашему брату удалось когда-нибудь уничтожить все изящное, все поэтическое, все свѣтлое въ жизни, то женщина-бы опять воскресила все это своимъ присутствіемъ, — потому что она есть первообразъ красоты.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

1 января 1865 г.

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Старый годъ и его судьи.—Жалобныя рѣчи прогрессиста и могущій послѣдовать отвѣтъ на нихъ.—Жажда искренности и правды.—Надежды, поданныя журналистикѣ отходящимъ годомъ.—Обзоръ недавней полемики о южной желѣзной дорогѣ.—Проктируемый святой человѣкъ.

Настоящій декабрскій номеръ нашъ заканчиваетъ 1864 годъ нѣсколько заднимъ числомъ; но это ни сколько конечно не обязываетъ насъ и говорить въ немъ тѣмъ-же заднимъ числомъ, т. е. воображать себя еще въ прошломъ году, тогда какъ мы уже находимся въ новомъ и знаемъ, какъ протекли послѣдніе дни и часы его предшественника. Дѣлать оброзъ и давать строгій отчотъ объ этомъ предшественникѣ мы теперь не будемъ... хотя-бы въ силу того хорошаго обычая, по которому произносить судъ надъ свѣжей могилой считается неприличнымъ. Да есть и разумное основаніе въ этомъ обычаѣ, потому что не въ недѣлю образуется такъ называемое потомство, а вѣдь только оно слыветъ чуждымъ всякаго пристрастія. Современники относятся къ своему времени съ самыми разнообразными желаніями, и волнуются, и кипятъ ими; завершился извѣстный періодъ, напримѣръ такой-то годъ, желанія не сбылись,—и горькое чувство тутъ-же, въ состояніи того-же кипѣнія, начинаетъ бить ключомъ, иногда заливая все безъ разбора. Но прокипитъ оно и уляжется, — и тогда можетъ быть иначе посмотритъ человѣкъ назадъ, и совсѣмъ инымъ свѣтомъ освѣтится передъ нимъ прошлый періодъ.

Отказываясь въ настоящую минуту судить, а тѣмъ болѣе осуждать прошедшій годъ, мы попробуемъ указать на нѣкоторыхъ судей, которые уже успѣли затронуть его память. Полагаемъ, что это указаніе будетъ не безполезно для наблюдателя. Такъ напримѣръ одна петербург-

Digitized by Google

ская газета, едва успѣвши перешагнуть въ новый годъ, произнесла слѣдующія слова:

«Вообще въ минувшемъ году наше общество было расположено очень слабо увлекаться прогрессивными идеями, и можетъ быть никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ русскіе люди привыкли говорить сознательно, самое слово *прогрессъ* не пользовалось у насъ такимъ малымъ уваженіемъ. Мы казалось совершенно разубѣдились какъ въ могуществѣ прогресса, такъ и въ его пользѣ и, *главное, въ нашей способности двигаться прогрессивно*».

Ожидали-ли вы этого,—вы, русское общество, у котораго, какъ намъ казалось, все растетъ да растетъ вѣра въ свои силы и въ способность двигаться впередъ? А вѣдь слова-то газеты ужасно горькія. Шутка-ли въ самомъ дѣлѣ—«*совершенно* разубѣдиться въ своей способности двигаться прогрессивно»! Страшное положеніе! Только намъ кажется, что русское общество уразумѣетъ горькую тираду по-своему и отвѣтитъ на нее такъ: Правда, слово *прогрессъ* пользовалось у насъ очень малымъ уваженіемъ, но именно—въ устахъ вашихъ, потому что вы отлично съумѣли его опошлить. Написавши это слово уже давно на своемъ знамени, вы такъ долго твердили его заурядъ, какъ выученный служебный терминъ, что чуть-ли наконецъ и сами не забыли, соединялось-ли вначалѣ у васъ съ нимъ какое-нибудь конкретное содержаніе, — по крайней мѣрѣ мы этого не чуяли, а потому и самые звуки слова намъ прислушались и надоѣли; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы разубѣдились въ нашей способности двигаться прогрессивно, т. е. къ лучшему; только это лучшее видится намъ можетъ быть не тамъ, гдѣ вы думаете, оттого вамъ и кажется, что мы разубѣдились.

Вѣроятно не предполагая такого отвѣта со стороны общества, петербургская газета идетъ дальше и продолжаетъ защиту прогресса уже противъ своей братіи.

«Противъ прогресса, говоритъ она, воевала одна часть нашей *прессы*, къ сожалѣнію наиболѣе вліятельная, соединявшая въ себѣ вмѣстѣ съ несомнѣннымъ талантомъ долговременный навыкъ и неимовѣрную ловкость въ преодолѣніи многочисленныхъ трудностей русскаго журнальнаго дѣла...

«Дѣятельность журналистики была въ переходномъ состояніи, вслѣдствіе ожиданія новаго устава о печати. Но кромѣ этого обстоятельства, были еще и другія причины, наложившія на дѣятельность печати тотъ особый характеръ, о которомъ мы упомянули выше. Апатія общества отразилась на русской печати; вѣра въ прогрессъ была поколеблена. Журналистика прошлаго года была, по крайней мѣрѣ въ

Digitized by Google

лицѣ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ, скорѣе ретроградною, чѣмъ прогрессивною.»

Хотя сіи горчайшія рѣчи брошены въ лицо уже не обществу, а журналистикѣ или собственно одному вліятельному органу, но намъ сдается, что общество и тутъ не утерпитъ, чтобы не отвѣтить чѣмъ-нибудь въ родѣ слѣдующаго: Да скажите, дескать, вы намъ ради Господа, какъ именно представляется вамъ этотъ звѣрь—*прогрессъ*? Начертите намъ по возможности наглядно и осязательно его образъ, чтобы мы по немъ могли догадаться, чего вы желаете. Потрудитесь также вразумить насъ, въ какихъ именно чертахъ усмотрѣли вы возвратный ходъ или, какъ вы говорите, ретроградство нашей журналистики? Правда, у насъ таки водятся такіе возвратные органы, но они до того невліятельны, что вѣсти о нихъ доходятъ къ намъ чуть не изъ пятыхъ рукъ. Что-же касается вліятельныхъ, то не растолкуете-ли вы намъ, какимъ это образомъ они могли, сдѣлавшись ретроградными, въ то-же время остаться вліятельными?—Это оттого, можетъ быть скажете вы, что мы, общество, сами сдѣлались ретроградами и, погружонные въ апатію, стали готовы двинуться назадъ.—Э! нѣтъ, милостивые государи! такъ-то обижать себя мы не позволимъ, а попросимъ васъ самихъ выслушать нашу крѣпкую правду. Слушайте-же: поддавались мы вліянію того—ретрограда или прогрессиста, не знаемъ,—отъ кого слышали живое слово, твердое, дышащее силой слово, а не сонное мурлыканье одной и той-же всесвѣтной пѣсни; еще поддавались мы вліянію того, кто глубже проникалъ мыслью въ нашу насущную жизнь и шевелилъ насъ свѣжею, близкою нашей русской душѣ рѣчью... Вы вотъ полагаете, что мы пошли назадъ, а это не такъ,—вы не угадали: мы точно можетъ быть немножко повернули, только не назадъ, а въ сторонку, а вы-то этотъ поворотъ должно-быть проглядѣли, слѣдъ нашъ потеряли, сами обились съ пути и съ толку, и остались одни, съ своимъ вѣчнымъ безплотнымъ прогрессомъ. Вы вотъ желаете воскресить въ насъ угасшее расположеніе къ вашему надорванному коньку, выдохшемуся словцу—*прогрессъ*, да тутъ и ставите точку,—а послушайте-ка, какимъ желаніемъ одушевлены истинно живые люди. Они говорятъ:

«Если-бы нужно было опредѣлить краткой формулой—чего именно нужно для Россіи, когда въ ней повидимому всего такъ много, — и правительственной благонамѣренности, и твердой власти, и внѣшняго могущества, и покорности и преданности народовъ, и всякихъ силъ матеріальныхъ и нравственныхъ,—чего именно нужно для Россіи (потому что *чего-то* въ ней нѣтъ, и именно чего-то такого, что даетъ жизнь всѣмъ элементамъ жизни),—мы-бы сказазали одно: *ей нужно искренности, ей* нужно *правды слова!*»

*

Digitized by Google

Да, милостивые государи! И мы, ретрограды, повторяемъ вслѣдъ за живымъ человѣкомъ: «общество тогда только вполнѣ можетъ оказать правительству помощь искренняго содѣйствія, когда живетъ искреннею внутреннею жизнью, когда чувствуетъ за собою *возможность быть искреннимъ и въ мысли и въ словѣ*!» А вы вотъ и не догадались пожелать намъ этого блага, которое куда какъ много питательнѣе вашего-то завѣтнаго словца... Вы кажется не совсѣмъ довольны 1864 годомъ, а живой человѣкъ говоритъ: «Дѣло стало за русскою жизнью. Много роскошнаго груза наложено на нее теперь разными благонамѣреннѣйшими правительственными преобразованіями, изданными въ 1864 году; много придется ей вывозить на своихъ плечахъ въ 1865 году, когда дойдетъ дѣло до исполненія всѣхъ этихъ громадныхъ реформъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, скажемъ мы уже отъ себя, мудрено произнести что-либо въ осужденіе 1864 году, когда онъ далъ начало введенія въ жизнь земскихъ учрежденій и судебные уставы, призывающіе на дѣятельность и трудъ лежавшія втунѣ общественныя силы, и... дѣйствительно, чтобы этотъ трудъ былъ плодотворенъ, остается желать только искренности, правды въ мыслѣ, словѣ и дѣлѣ. Но 1864 годъ попоказалъ издали и возможность этой искренности...

Послѣдніе дни 1864 года освѣтились зарею надежды и для нашей литературы. Эта заря возсіяла въ заявленіи «Сѣверной Почты» о томъ, что проектъ новаго устава о печати уже внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Составленіе новаго устава само по себѣ предполагаетъ признаніе несостоятельности или недостаточности стараго. И если правительство уже выразило это признаніе, то конечно со стороны литературы остается только съ трепетнымъ нетерпѣніемъ ожидать разрѣшенія жизненнаго для нея вопроса: что́ будетъ постановлено новымъ уставомъ? Поэтому заявленіе «Сѣверной Почты», какъ и всякое извѣстіе касающееся ожидаемаго устава, не могло быть встрѣчено литературою холодно. Оно дало поводъ одному изъ чистосердечнѣйшихъ органовъ нашихъ (День № 50) прямо высказать то, что лежитъ безъ сомнѣнія въ мысляхъ всего журнальнаго міра относительно настоящаго вопроса. «День» съ замѣчательной ясностью представилъ, что отъ духа будущаго устава будетъ вполнѣ зависѣть возможность для литературы выполнить то служеніе, которое возлагаетъ на нее настоящее положеніе дѣлъ. Онъ напримѣръ припоминаетъ тѣ заграничные кривотолки и клеветы на насъ, о которыхъ мы не разъ упоминали въ послѣднее время, и говоритъ такъ:

«Офиціальныя обличенія не внушаютъ большаго кредита нашимъ заграничнымъ упрямымъ недругамъ. По этому для успѣшнаго опровер-

Digitized by Google

женія всякихъ клеветъ, распространяемыхъ на нашъ счотъ въ Европѣ и почерпаемыхъ будто-бы изъ достовѣрныхъ источниковъ, необходимо, чтобы русская журналистика съумѣла занять почотное мѣсто въ европейской прессѣ, чтобы она снискала къ себѣ уваженіе и, главное, довѣріе какъ къ *самостоятельному* органу общественнаго мнѣнія, чуждому всякихъ внѣшнихъ разсчотовъ и соображеній. Только поставленная въ выгодныя условія у себя дома, можетъ она, русская журналистика, пріобрѣсть къ себѣ довѣріе за границей, и только пріобрѣтя это необходимое довѣріе, можетъ она оказать требуемую отъ нея услугу и государству и обществу».

Это—задача и святой долгъ нашей журналистики для внѣшнихъ отношеній Россіи. Что касается до нашихъ внутреннихъ дѣлъ, то здѣсь ей-то и предстоитъ восполнить тотъ единственный недостатокъ, ощущаемый въ русской жизни, о которомъ упомянуто было выше, т. е. недостатокъ «искренности въ мысли и словѣ». А что можно ввѣрить ей совершеніе такого подвига, что способна и склонна она, при благопріятныхъ условіяхъ, совершить его,—въ томъ могутъ служить фактическимъ ручательствомъ ея недавнія заслуги, которыя такъ всѣмъ извѣстны и видимы, что краснорѣчивое исчисленіе ихъ, сдѣланное «Днемъ», можетъ наша литература повторять безъ всякаго самохвальства.

«Кто, говоритъ «День», какъ не литература, являлся всегда самымъ усерднымъ поборникомъ правительственныхъ либеральныхъ реформъ, начиная съ освобожденія крестьянъ? Кто всего старательнѣе содѣйствовалъ ихъ осуществленію, кто всего ревностнѣе проводилъ ихъ въ общественное сознаніе, и проводилъ успѣшно—силою искренняго, свободнаго сочувствія? Кто наиболѣе способствовалъ возрожденію русской народности въ западномъ краѣ и оживилъ его значеніе въ памяти нашего общества? Кто настойчивѣе, упорнѣе и единодушнѣе предъявлялъ требованіе гражданской честности и доблести, кто служилъ и служитъ нравственною грозою и карою на всякихъ нарушителей закона, на тѣхъ нарушителей, до которыхъ не можетъ иной разъ досягнуть законное правосудіе и которыхъ обуздать способно только одно общественное мнѣніе съ его органомъ—журналистикою? Развѣ ослабѣлъ «патріотизмъ» при дѣятельности русской періодической печати за послѣднее время, или преданность, или усердіе къ службѣ? Развѣ затруднены отправленія органовъ, или парализированы какія-либо благія дѣйствія правительства? Развѣ вліяніемъ литературы разстроены какія-либо коренныя основанія нашего общественнаго благоустройства? Этого не скажетъ и самый отъявленный врагъ русскаго просвѣщенія, а напротивъ признаетъ, что чѣмъ самостоятельнѣе стала русская журналистика,

Digitized by Google

тѣмъ искреннѣе, свободнѣе, самостоятельнѣе, а слѣдовательно и плодотворнѣе стало ея содѣйствіе либеральнымъ правительственнымъ реформамъ и начинаніямъ... Въ общемъ результатѣ дѣйствительность заслугъ русской журналистики предъ русскимъ правительствомъ не можетъ кажется подлежать для него сомнѣнію,—а степень заслугъ этихъ находится въ прямомъ соотношеніи со степенью искренности убѣжденій и слова, предоставленнаго нашей періодической печати внѣшними условіями».

Искренность убѣжденій и слова! Да вѣдь мы давно ищемъ этого клада и жаждемъ его какъ росы небесной! Вѣдь только искреннее убѣжденіе успѣшно переходитъ въ соотвѣтствующее времени и мѣсту и способное къ богатому развитію дѣло! Оно, это искреннее убѣжденіе, какъ красное солнышко, должно разогнать тѣ неискреннія, напускныя, ни къ какому насущному примѣненію неведущія теоріи, надъ которыми мы не разъ, грѣшнымъ дѣломъ, позволяли себѣ глумиться. Искренность убѣжденія чуется инстинктивно и прививается всюду, куда проникаетъ, какъ возрождающее начало.

Такъ вотъ какіе обѣты завѣщалъ намъ 1864 годъ, и потому пусть говорятъ намъ, что будто-бы съ нимъ «въ область прошедшаго отошло много неисполнившихся надеждъ»,—мы свои надежды не относимъ въ область прошедшаго, потому что онѣ при насъ, потому что мы еще вѣримъ въ ихъ исполнимость.

Наконецъ самое начало новаго года ознаменовалось завершеніемъ дѣла, доставшагося ему въ наслѣдство отъ года минувшаго. Это мы говоримъ о разрѣшеніи чрезвычано важнаго и чрезвычайно спорнаго государственно-экономическаго вопроса—о направленіи линіи желѣзной дороги для соединенія Москвы съ Чорнымъ моремъ. Во 2-мъ нумерѣ «Русскаго Инвалида» напечатано, что «Государь Императоръ, по внимательномъ и всестороннемъ обсужденіи въ совѣтѣ министровъ журнала комитета желѣзныхъ дорогъ, по возникшему въ означенномъ комитетѣ разномыслію относительно направленія, какое, въ видахъ государственныхъ и народно-хозяйственныхъ, слѣдуетъ предпочтительнѣе дать желѣзной дорогѣ между Москвою и Чорнымъ моремъ, и по выслушаніи всѣхъ выраженныхъ въ засѣданіи мнѣній по сему важному предмету, Высочайше повелѣть соизволилъ: Южную желѣзную дорогу, начатую уже отъ Москвы до Серпухова и отъ Одессы до Балты, продолжать строить средствами государственнаго казначейства, по возможности дѣятельно, съ одной стороны отъ Серпухова на Тулу, Орелъ, Курскъ и Кіевъ, а съ другой отъ Балты на Кременчугъ и Харьковъ, предоставивъ дальнѣйшему соображенію изысканіе средствъ для соединенія сего послѣдняго города съ Курскомъ.»

Digitized by Google

Вопросъ о направленіи южной дороги, повторяемъ, также принадлежитъ прошлому году, послѣдніе мѣсяцы котораго почти сплошь были заняты дѣятельной журнальной полемикой по этому предмету. Рельсовый путь, имѣя всегдашнимъ своимъ послѣдствіемъ развитіе благосостоянія тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ пролегаетъ, часто противупоставляетъ интересы общіе, государственные, интересамъ исключительнымъ, частнымъ, которые не всегда всѣми приносятся въ жертву общему благу. Это обстоятельство съ одной стороны, а съ другой и то, что гдѣ-бы ни проложили въ нашей обширной, бездорожной Руси желѣзную дорогу, вездѣ въ пользу ея можно будетъ сказать много соображеній экономическихъ, административныхъ и политическихъ,— были причиной, что вопросъ о южной дорогѣ вызвалъ множество разнохарактерныхъ изустныхъ и письменныхъ преній, которыя не прекращались до послѣдней минуты разрѣшенія вопроса. Если прибавить къ этому недозрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня», что въ дѣлѣ южной желѣзной дороги принимаетъ горячее участіе какой-то особенный кругъ интересовъ, которымъ не желательно соединеніе Москвы съ Кіевомъ или восточной Россіи съ западною, то еще болѣе объясняется происхожденіе этой обильной полемики.

Теперь, когда направленіе южной дороги указано уже Высочайшею волею, было-бы неумѣстно подавать свой голосъ по рѣшенному дѣлу, но въ заявленныхъ печатно мнѣніяхъ оно было обсуждено такъ многосторонне и съ такимъ одушевленіемъ, что эти мнѣнія не должны оставаться въ забытьи. Поэтому мы намѣрены обозрѣть ихъ сначала до конца. Вы увидите, что предметъ былъ разработанъ до приличной глубины, и что эта разработка стоитъ быть занесенною въ лѣтопись.

Споръ главнымъ образомъ сосредоточивался на томъ, куда полезнѣе и необходимѣе вести желѣзную дорогу изъ Балты—на Кіевъ-ли, какъ говорили одни, или на Кременчугъ какъ увѣряли другіе. Въ первомъ случаѣ вся линія была-бы московско-кіевско-одесскою, а во второмъ—московско-харьковско-одесскою. Ограничивая по возможности размѣръ нашего обзора, мы представимъ только доводы главныхъ оппонентовъ въ спорѣ, именно «С. Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей», и дополнимъ ихъ мнѣніями спеціалистовъ: Обручева, Бушена и Чижова, такъ какъ сказанное другими органами литературы послѣ этого уже не прибавитъ ничего новаго. «Московскія Вѣдомости», въ № 242 перепечатавъ изъ «Кіевлянина» статью «о выгодахъ направленія желѣзной дороги изъ Одессы на Кіевъ», написанную въ опроверженіе брошюры подъ заглавіемъ «нѣсколько статистическихъ данныхъ о направленіи желѣзныхъ дорогъ въ югозападной Россіи», вошли въ разборъ преимущественной важности московско-кіевско-одесской

Digitized by Google

линіи, защищаемой «Кіевлянинонцъ», предъ московско-харьковско-одесскою линіею, защищаемою означенною брошюрою. Политическая важность рельсоваго пути, связывающаго Одессу и юго-западный край чрезъ Кіевъ съ Москвой не подлежитъ спору,—говорили «Московскія Вѣдомости». Сливой долженъ видѣть, что если какая-либо линія можетъ быть нужна Россіи въ политическомъ отношеніи, то эта линія есть именно московско-кіевско-одесская. Столь-же очевидна и стратегическая важность этой линіи, идущей параллельно съ австрійскою границею, распространяющей по всемъ своимъ направленіямъ стратегическое значеніе Кіева, главной крѣпости югозападнаго края, и соединяющей эту крѣпость съ обѣими столицами и съ центральными губерніями государства. Съ стратегической точки зрѣнія, несомненно по связи того-же, что и съ точки зрѣнія политической: въ Россіи нѣтъ линіи болѣе важной, чѣмъ московско-кіевско-одесская. За тѣмъ, кажется экономическую выгодность двухъ линій—московско-кіевско-одесской и московско-харьковско-одесской, «Московскія Вѣдомости» находятъ, что пассажирское движеніе будетъ гораздо больше на первой изъ нихъ, чѣмъ на второй. Цифра пассажировъ, ѣдущихъ изъ Москвы до Одессы и обратно, была-бы на той и другой линіи одинакова, если-бы цѣна провоза была одинакова, но такъ какъ первая линія короче второй и такъ какъ слѣдовательно переѣздъ по первой линіи долженъ обходиться дешевле, то на первой линіи скорѣе можно ожидать увеличеніе числа пассажировъ, ѣдущихъ по всему пути взадъ и впередъ. Взаимное сообщеніе между Орломъ, Тулой и Москвой будетъ одно и тоже на обѣихъ линіяхъ. Затѣмъ вторая линія пошла-бы чрезъ Курскъ, Харьковъ и Полтаву, т. е. чрезъ три значительные города; а первая только чрезъ два, Кіевъ и Бердичевъ. Но въ первыхъ трехъ городахъ число жителей доходитъ только до 110 тысячъ, тогда какъ въ послѣднихъ двухъ оно переходитъ за 125 тысячъ. Сверхъ того, надобно принять въ соображеніе чрезвычайно важный элементъ пассажирскаго движенія—богомольцевъ, стекающихся въ Кіевъ десятками тысячъ человѣкъ со всѣхъ концовъ Россіи; желѣзныя дороги изъ Кіева въ Москву и Одессу въ значительной степени усилили-бы этотъ элементъ. Какъ онъ важенъ можно судить и потому, что московско-сергіевская дорога почти имъ одинъ и существуетъ. Далѣе нельзя не взять въ разсчотъ, что дорога отъ Кременчуга до Балты шла-бы степью, почти безлюдною, между тѣмъ какъ дорога изъ Балты на Кіевъ на всемъ своемъ протяженіи пролегала-бы мѣстностью густо населенною. Наконецъ—особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что путь на Кіевъ былъ-бы для Москвы и всей центральной Россіи не только путемъ въ Одессу, но и путемъ въ Австрію. Бер-

Digitized by Google

дичевъ и теперь ведетъ оживленныя сношенія съ Бродами; путь между этими городами и теперь людевъ, а когда онъ будетъ снабженъ рельсами, то движеніе по немъ быстро усилится и московско-кіевская дорога должна будетъ много отъ того выиграть. Этого преимущества нельзя отнести и къ линіи кременчугской, ведущей только къ Черному морю. Что касается до товарнаго движенія, какого можно ожидать на означенныхъ линіяхъ, то «Моск. Вѣд.», въ этомъ случаѣ, рассуждали такъ: главного отпускного продукта—пшеницы кременчугская линія никогда не дастъ столько, сколько кіевская. Уже теперь идетъ въ Одессу изъ Кіевской и Подольской губерніи до 2 милліоновъ четвертей пшеницы ежегодно. Если положить, что каждая четверть заплатила-бы желѣзной дорогѣ крутомъ только 75 коп., мы получили 1,500,000 валового дохода, или около 2,500 р. на версту всего протяженія линіи. Кременчугская линія тутъ совершенно не можетъ. Далѣе: линія, направляющаяся изъ Кіева на Орелъ, захватитъ мѣстность совершенно лишенную сбыта. Хлѣбъ въ Рошнѣ, Конотопѣ, Глуховѣ дешевле чѣмъ въ Курскѣ, Харьковѣ или Кременчугѣ. Вообще хлѣбъ въ Россіи едва-ли гдѣ такъ дешевъ, какъ въ среднемъ разстояніи между Харьковомъ и Кіевомъ. Отсюда можно было-бы вывозить хлѣбъ и въ Одессу, и въ Петербургъ, съ большею выгодою, чѣмъ изъ Курска или Харькова, а когда будетъ проведена внутрь Россіи житебская желѣзная дорога, то сбытъ хлѣба изъ этой мѣстности въ Ригу и Либаву представилъ-бы еще большія сравнительныя выгоды. Но эта мѣстность производитъ не одинъ хлѣбъ. Тутъ преимущественно воздѣлывается табакъ, производство котораго теперь такъ стѣснено. Наконецъ путь изъ Орла въ Кіевъ пройдетъ близъ области, производящей лучшую въ Россіи пеньку, и облегчитъ сбытъ этого важнаго продукта. Но и всѣми этими элементами далеко не исчерпывается дѣло. Югозападный край будетъ отпускать въ Москву сахаръ, и удешевленіе провозной цѣны, платимой этимъ продуктомъ, поддержитъ многочисленные, теперь разоряющіеся свекло-сахарные заводы. Съ востока этимъ-же отчасти путемъ пойдетъ шерсть, направляющаяся въ Царство Польское и Австрію. Что касается московскихъ фабрикантовъ, то ихъ сбытъ въ юго-западномъ краѣ былъ-бы вполнѣ обезпеченъ, если-бы не контрабанда между Бродами и Бердичевымъ. Но значительный упадокъ таможенныхъ сборовъ, начинающій тяжело отзываться на нашемъ бюджетѣ, побудитъ конечно администрацію къ искорененію этого зла, мѣрами отъ нея зависящими, и тогда Кіевъ, Бердичевъ и Одесса станутъ покупать у Москвы по крайней мѣрѣ столько-же товаровъ, сколько покупаетъ ихъ Харьковъ. Принявъ все это вмѣстѣ во вниманіе, «Московскія Вѣдомости» считаютъ себя въ правѣ сказать

Digitized by Google

съ увѣренностію, что надобно ожидать гораздо большаго товарнаго движенія по линіи московско-кіевско-одесской, чѣмъ по линіи московско-харьковско-кременчугской,—упоминая при томъ, въ заключеніе, что возникающій кіевскій мостъ могъ-бы быть легко приспособленъ къ ночной желѣзной дорогѣ для перевозки тяжестей чрезъ Днѣпръ, безъ ихъ перегрузки, и устранилъ-бы тѣ огромные расходы, которые потребуются для сооруженія моста въ Кременчугѣ.

Эта статья вызвала возраженія со стороны «Петербург. Вѣдом.», которыя говорятъ, что пассажирское движеніе, измѣряя его населеніемъ городовъ прорѣзываемыхъ желѣзною дорогою, будетъ больше именно по линіи московско-харьковско-одесской: нужно ввести только въ разсчетъ забытые «Московскими Вѣдомостями» два города: Кременчугъ и Елисаветградъ, превосходящіе многіе изъ нашихъ губернскихъ городовъ по населенію и торговлѣ и лежащіе именно по направленію московско-харьковско-одесской линіи. «Московскія Вѣдомости» упустили изъ виду и то, что линія эта непремѣнно притянетъ къ себѣ въ Кременчугъ пассажирское движеніе и отъ Кіева, связаннаго съ Кременчугомъ пароходнымъ сообщеніемъ по Днѣпру. Если счесть чисто верстъ по проекту желѣзныхъ дорогъ, составленному въ главномъ управленіи путей сообщенія, то окажется, что отъ Москвы чрезъ Орелъ, Кіевъ и Балту до Одессы всего 1,569 верстъ; а московско-харьковско-одесская линія не превышаетъ 1,490 верстъ, т. е. менѣе кіевской линіи на 79 верстъ, а не болѣе ея на 100 верстъ, какъ утверждаютъ «Московскія Вѣдомости».

Посмотримъ теперь на движеніе товарное, говоритъ «Петербург. Вѣдомости». Изъ статистическихъ сборниковъ, составленныхъ и изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, сельско-хозяйственныхъ атласовъ, статистическихъ описаній губерній, составленныхъ офицерами генеральнаго штаба, наконецъ изъ провѣрки движеній транспортовъ, направляющихся въ Кременчугъ, Елизаветградъ и Ольвіополь и доставляющихъ Одессѣ большую половину ея заграничнаго отпуска (17—20 мил. пудовъ),—оказывается, что линія на Ольвіополь и Кременчугъ обхватитъ несравненно большее товарное движеніе, чѣмъ балтско-кіевская; что направленіе желѣзной дороги отъ Балты на Кременчугъ, давъ возможность пользоваться ею и Волынской, и Подольской и наиболѣе Кіевской губерніямъ, послужитъ въ одно и тоже время благодѣяніемъ для плодородныхъ Полтавской и Харьковской губерній, даже въ томъ случаѣ, если-бы она остановилась въ Кременчугѣ; что такимъ образомъ линія балто-кременчугская, при гораздо кратчайшемъ протяженіи (320 вер.), чѣмъ дорога балто-кіевская (400 вер.), принесетъ сравнительно съ послѣднею болѣе экономическихъ вы-

Digitized by Google

годъ; что Елизаветградская степь, называя словами «Москов. Вѣдом.» главнѣйшіе торговые пути къ Одессѣ, пересѣкаемые балто-кременчугскою линіею,—проходитъ города, ведущіе торговлю на милліоны рублей въ годъ и находится въ сосѣдствѣ съ пунктами, торговли которыхъ простирается на десятки милліоновъ (на одну Полтавскую ярмарку привозится товаровъ на 25 мил. руб. въ годъ); что главнымъ предметомъ этой торговли служатъ самые цѣнные изъ отпускаемыхъ нашихъ продуктовъ; что свеклосахарное производство южной и юго-восточной части Кіевской и юго-западной части Полтавской губерніи тяготѣетъ именно къ Кременчугу; что все пеньковое производство направляется не къ югу, а къ балтійскимъ портамъ и воспользуется орловско-витебской желѣзной дорогой, на устройство которой поступили уже предложенія; что табакъ, о которомъ говорятъ «Московскія Вѣдомости», составляетъ ничто сравнительно съ табачнымъ производствомъ въ Бессарабіи, ожидающей сближенія чрезъ Кременчугъ съ центральною Россіею; что въ Кременчугѣ мы будемъ гораздо ближе, чѣмъ отъ Кіева, къ нашимъ богатымъ каменно-угольнымъ копямъ; что Кіевъ съ предполагаемой отъ него вѣтвью къ западной линіи находится уже внѣ нашей черноземной, самой урожайной полосы, отправляющей свои произведенія на югъ; что тонкорунное овцеводство Кіевской губерніи не составляетъ и $^1/_{10}$ того, что мы видимъ въ Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ (до $2^1/_2$ милліоновъ головъ мериносовыхъ овецъ). Линія на Кіевъ, правда, доставила-бы прямое сообщеніе богомольцамъ, но вѣдь они могутъ свободно двигаться и на Кременчугъ, слѣдуя оттуда въ Кіевъ на пароходахъ. Нельзя было-бы также ничего возразить противу услуги желѣзной дороги со стороны великолѣпнаго кіевскаго моста,—продолжаютъ «Петербургскія Вѣдомости», если-бы не знать, что авторитеты наши въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ считаютъ невозможнымъ двигать грузы по цѣпному мосту, требуя сооруженія для кіевской желѣзной дороги особаго моста чрезъ р. Днѣпръ, въ устьѣ р. Лебяди, т. е. двѣнадцатью верстами ниже. Хотя «Москов. Вѣдомости» и утверждаютъ, что политической и стратегическій пункты вопроса не могутъ быть предметомъ сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе извѣстно всѣмъ, что главные провіантскіе и комиссаріатскіе запасы, а также подкрѣпленія людьми и лошадьми для войскъ на югѣ двигаются преимущественно чрезъ Харьковскую и Полтавскую губерніи. За тѣмъ въ стратегическомъ отношеніи, при существующемъ пароходномъ сообщеніи Кіева съ Кременчугомъ и въ виду предположенія продолжить одесско-харьковскую желѣзную дорогу чрезъ Бессарабію до Черновицъ, представляется болѣе важнымъ соединить московско-кіевскую линію не съ Балтою, а съ Брестъ-Литовскомъ, къ которому рѣшено уже построить желѣзную дорогу отъ Варшавы.

Digitized by Google

На всѣ эти возраженія «Московскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что вопросъ о направленіи желѣзной дороги отъ Бѣлы есть прежде всего вопросъ о будущности Кіева и о соединеніи юго-западнаго края съ Москвой. Вотъ главная точка зрѣнія на это дѣло, и «Петербургскія Вѣдомости впадаютъ въ односторонность, когда указываютъ преимущественно на отпускную торговлю. Хотя для отпуска кіевская линія важнѣе кременчугской по превосходному качеству пшеницы юго-западнаго края; но главное дѣло все-таки не въ отпускѣ. Внѣшняя торговля имѣетъ несомнѣнную важность, но она исчезаетъ, какъ капля въ морѣ, сравнительно съ торговлей внутреннею. Дѣло извѣстное, что только тѣ линіи желѣзныхъ дорогъ приносятъ хорошій доходъ, которыя служатъ артеріями внутренней торговли и внутреннихъ сношеній, и вотъ почему гораздо выгоднѣе мести желѣзную дорогу по мѣстамъ сравнительно люднымъ, чѣмъ по незаселеннымъ степямъ. Можно было-бы еще колебаться въ выборѣ направленія, если-бы линія, слѣдующая по этимъ мѣстамъ, была длиннѣе другой линіи, идущей по мѣстамъ менѣе населеннымъ. Но тутъ и этого повода къ колебанію не представляется. Линія, идущая изъ Москвы на Орелъ и Кіевъ въ Одессу, короче линіи, идущей изъ Москвы на Орелъ, Харьковъ и Кременчугъ въ Одессу. Хотя «С.-Петербургскія вѣдомости» и стараются убѣдить, что напротивъ кременчугская линія будетъ на 79 верстъ короче, но весь секретъ тутъ заключается въ томъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» берутъ для кременчугской линіи прямое направленіе и по этому направленію вычисляютъ разстояніе, а для кіевской линіи принимаютъ какъ нѣчто неизбѣжное тотъ зигзагъ, который должна дѣлать желѣзная дорога между Москвой и Кіевомъ по проэкту, обнародованному главнымъ управленіемъ путей сообщенія. При этомъ зигзагѣ желѣзная дорога, соединяющая Орелъ съ Кіевомъ, должна имѣть 610 верстъ протяженія, а отъ Москвы до Кіева должно выйти 972 версты, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что отъ Москвы до Кіева считается съ небольшимъ 800 верстъ.

Кіевская дорога, продолжаютъ «Московскія вѣдомости,» будетъ содѣйствовать сбыту бессарабскаго табаку точно также, какъ кременчугская, но сверхъ того будетъ содѣйствовать сбыту и табаку роменскаго. Бессарабскій табакъ ни на волосъ не будетъ обиженъ, а роменскій выиграетъ, и гибнущее теперь производство, гораздо болѣе бессарабскаго нуждающееся въ поддержкѣ, будетъ спасено. «Не менѣе курьезно, прибавляютъ еще «Московскія Вѣдомости», стараніе доказать, что кременчугская линія будетъ полезна свеклосахарному производству. Кто въ этомъ сомнѣвается? Но не слѣдовало-ли доказать, что кременчугская линія будетъ болѣе полезна свеклосахарному про-

Digitized by Google

изводству, чѣмъ кіевская? А есть-ли возможность доказать это? Или возьмемъ тонкорунное овцеводство. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ оно болѣе развито, чѣмъ въ Кіевской; но что-же изъ этого слѣдуетъ для кременчугской линіи? Куда идутъ главныя массы шерсти? Куда какъ не на сѣверъ и на сѣверо-западъ? Но развѣ Кременчугъ лежитъ на сѣверъ или сѣверо-западъ отъ Кіева? Наконецъ возьмемъ пеньковое производство Черниговской губерніи. «С.-Петербургскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что оно (т. е. вѣроятно не оно, а его продукты) направляется не къ югу, а къ балтійскимъ портамъ. Относительно нынѣшняго хода торговли это вѣрно, но что-же изъ этого слѣдуетъ въ пользу кременчугской линіи? Развѣ при кіевской линіи не будетъ въ тысячу разъ выгоднѣе продолжать желѣзную дорогу изъ Витебска, чѣмъ при линіи кременчугской?»

Изъ того, что пеньковое производство слѣдуетъ къ балтійскимъ портамъ, отвѣтили «С.-Петербургскія Вѣдомости», слѣдуетъ то, что для пенькового производства послужитъ главной артеріей сбыта линія орловско-витебская, которая будетъ строиться, куда-бы не направилась желѣзная дорога отъ Орла на югъ. Слѣдовательно, пеньковое производство не имѣетъ почти никакого отношенія къ вопросу о направленіи линіи отъ Балты, тѣмъ болѣе, что важность и необходимость соединенія Москвы съ Кіевомъ во всякомъ случаѣ неоспоримы. А изъ того, что въ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ тонкорунное овцеводство развито несравненно болѣе, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ, слѣдуетъ то, что кременчугская линія будетъ доставлять шерсть этого района въ Одессу, гдѣ она составляетъ самый цѣнный и значительный изъ отпускныхъ продуктовъ; и конечно эту шерсть выгоднѣе направлять по желѣзной дорогѣ на Кіевъ чрезъ Орелъ, чѣмъ прямо на Кременчугъ.

Принятіе въ разсчотъ нашей отпускной торговли, по мнѣнію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», не есть односторонность, какъ полагаютъ «Московскія Вѣдомости», такъ какъ экспортація юга, и преимущественно Одессы, очевидно выручаетъ насъ изъ невыгоднаго баланса на сѣверѣ, потому что Балтійскимъ моремъ, по трехлѣтней сложности 1859—1861 г., привозилось товаровъ ежегодно на 96 мил. руб. сер., а отпускалось на 61 милліонъ; чрезъ южные-же порты привозилось въ тотъ-же періодъ времени среднимъ числомъ товаровъ на 15 мил., а отпускалось на 59 мил. руб. А главные продукты для отпуска чрезъ одесскій портъ, какъ было уже сказано, идутъ не изъ одной Балты и ея района: большая часть этого отпуска направляется трактами, пересѣкаемыми кременчугской линіей. Этими трактами идетъ и особенно цѣнимая «Московскими Вѣдомостями» подольская пшеница, хотя

Digitized by Google

черноземная полоса наша почти одинакова на всемъ своемъ протяженіи, и хлѣбные продукты ея имѣютъ способность быть равноцѣнными, смотря потому, куда какая пшеница требуется: въ Турцію-ли, Грецію, Италію, Францію и т. п. Пшеница изъ окрестностей Бердянска, т. е. на юго-восточной сторонѣ черноземной полосы, удостоена премія на всемірной лондонской выставкѣ. Но если взять даже за главное основаніе, при выборѣ направленія дороги, виды на развитіе преимущественно внутренней торговли, то и тогда линія на Ольвіополь, Елисаветградъ, Кременчугъ и Орелъ доставятъ больше выгодъ этой торговлѣ, чѣмъ линія отъ Балты на Кіевъ и Орелъ. Противъ этого спорить, по мнѣнію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», нельзя, точно также, какъ нельзя возражать противъ важности желѣзной дороги отъ Орла на Витебскъ и отъ орловско-витебской линіи на Кіевъ.

Ременскій табакъ не пойдетъ на югъ, продолжаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», и мало его пойдетъ въ Кіевъ. Главный подвозъ его предстоитъ по орловско-витебской дорогѣ. Съ юга-же идетъ преимущественно на юго-восточную полосу и въ Москву бессарабскій табакъ, и если было упомянуто о значеніи этой богатой отрасли производства на югѣ, при соображеніяхъ о кременчугской линіи, то это потому, что Бессарабія чрезъ Кременчугъ получала-бы, болѣе прямымъ путемъ, изъ Полтавской и Харьковской губерніи нужные ей русскіе продукты, которыми чрезъ Кіевъ пришлось-бы снабжать Бессарабію слишкомъ удлиненнымъ путемъ. Затѣмъ, основываясь на значительныхъ размѣрахъ свеклосахарнаго производства въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя тяготѣютъ именно къ балто-кременчугской линіи и къ кременчугской пристани, «С.-Петербургскія Вѣдомости» говорятъ, что для свеклосахарной промышленности вообще линія на Кременчугъ и Харьковъ будетъ полезнѣе, чѣмъ линія на Кіевъ, проходящая только часть нашей свеклосахарной полосы, простирающейся до Рязани и Тамбова и частію до Пензы и Самары. Наконецъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» доводы свои въ пользу кременчугской линіи заключаютъ слѣдующими соображеніями. Тутъ дѣло идетъ не объ одномъ соединеніи крайнихъ пунктовъ—Кременчуга и Одессы: линія отъ Балты на Кременчугъ перейметъ всѣ торговые пути, идущіе къ Одессѣ; дошедши-же до Кременчуга, она притянетъ къ желѣзной дорогѣ всю днѣпровскую судоходную систему и послужитъ великимъ благодѣяніемъ не только для Полтавской губерніи, лишенной средствъ къ сбыту своихъ продуктовъ, но частію и для Екатеринославской; дастъ сильный толчокъ развитію судоходнаго и пароходнаго движенія по Днѣпру и его притокамъ и приблизитъ желѣзный путь къ каменноугольнымъ копямъ, которыя дадутъ въ свою очередь и топливо и грузъ. Между тѣмъ какъ балто-

Digitized by Google

кіевская линія удаляется отъ каменноугольныхъ копей, потому что по правую сторону Днѣпра не открыто каменнаго угля, годнаго къ употребленію на желѣзныхъ дорогахъ и, какъ удостовѣряетъ г. Гельмерсенъ на основаніи произведенныхъ имъ въ послѣднее время изысканій, нѣтъ и надежды на открытіе его. Но значеніе, получаемое одесско-балто-кременчугской желѣзной дорогой, становится еще важнѣе въ виду предстоящаго соединенія ея, по-средствомъ построеннаго уже къ Днѣстру участка, съ желѣзнымъ путемъ чрезъ Бессарабію, на необходимость котораго для соединенія съ Черновицами (въ Буковинѣ), обращено вниманіе правительства. Понятно всякому, какъ важно и въ экономическихъ и въ политическихъ видахъ связать плодородную Бессарабію и ея промышленные интересы съ центральною Россіей, и связать скорѣе, не откладывая на многіе годы. Эта связь достигнется и прямѣе и скорѣе сооруженіемъ желѣзной дороги отъ Балты до Кременчуга, и она желательна для всей Бессарабіи, обложившей уже себя недавно поземельнымъ налогомъ, для пособія правительству въ дѣлѣ сооруженія желѣзной дороги отъ Новоселицы къ Днѣстру.

Дальнѣйшіе доводы «Московскихъ Вѣдомостей» въ пользу кіевско-балтской линіи заключаютъ въ себѣ возраженія не только противъ замѣчаній «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», но и мнѣній, высказанныхъ гг. Обручевымъ и Бунеемъ, перепечатанныхъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» изъ «Инвалида», а потому мы сначала передадимъ эти мнѣнія.

Статья г. Обручева главнымъ образомъ направлена на то, чтобы доказать преимущественную важность, въ настоящую минуту, соединенія Москвы съ Кіевомъ и Харьковомъ, въ сравненіи съ соединеніемъ Балты съ Кременчугомъ,—но въ ней авторъ не обошолъ сравненія важности балто-кіевской и балто-кременчугской линій. По мнѣнію г. Обручева, первая линія дѣйствительно гораздо важнѣе второй, «такъ какъ никто не сомнѣвается въ большей производительности мѣстъ кіево-балтской линіи предъ балтско-кременчугской и въ большей обезпеченности обратныхъ грузовъ для первой предъ второй. Сами защитники кременчугской линіи сознаютъ, что главный нашъ вывозной продуктъ—пшеница идетъ изъ Подоліи, Волыни и Кіева, а не изъ Кременчуга; что-же касается до усиленія сбыта шерсти изъ Одессы, продукта менѣе вѣснаго, чѣмъ хлѣбъ, но несравненно болѣе цѣннаго, то и въ этомъ отношеніи разсчотъ на содѣйствіе кременчугской линіи едва-ли можетъ быть оправданъ. Ходъ торговли шерстью на югѣ хорошо извѣстенъ. Главные производители руна суть губерніи: Екатеринославская (1,708,000 головъ тонкорунныхъ), Таврическая (1,198,000), Херсонская (919,000) и Земли Войска Донскаго (1,600,000). Эти-то

Digitized by Google

губерніи вмѣстѣ съ Бессарабіей (600 т.) и доставляютъ шерсть къ азовскимъ портамъ и Одессѣ, которая, по шерстяной торговлѣ, не имѣетъ съ Кременчугомъ никакихъ сношеній, кромѣ случайныхъ. Главный секуріалій Одессы—это городъ Херсонъ, имѣющій свои шерстомойни и передающій въ Одессу (вмѣстѣ съ двумя милліонами хлѣбныхъ и двумя милліонами лѣсныхъ товаровъ) на пять мил. руб. шерсти, т. е. большую долю всего ея отпуска. Послѣ-же херсонской шерсти главное мѣсто въ одесскомъ отпускѣ занимаетъ шерсть, привозимая изъ Бессарабіи. Харьковская и Полтавская губерніи производятъ также много шерсти, болѣе даже чѣмъ Волынская, Подольская и Кіевская губерніи; троицкая и ильинская ярмарки дѣйствительно громадны. Но одна, большая, часть этой шерсти идетъ въ Москву и Петербургъ; другая, меньшая, идетъ на западъ, въ Царство Польское, Австрію, Пруссію и Бельгію. Одесса не имѣетъ дѣла съ этими ярмарками. Черноморскій отпускъ шерсти съ избыткомъ покрывается продуктами приморской полосы, и въ случаѣ надобности могъ-бы быть еще болѣе усиленъ на счотъ того излишка, который южныя губерніи спускаютъ въ Харьковъ и Полтаву. Изъ 27—28 мил. руб. годоваго отпуска Одессы, хлѣбъ и шерсть составляютъ около 24 мил., т. е. $^5/_6$ всего отпуска. Если мы наконецъ прибавимъ, продолжаетъ г. Обручевъ, что кременчугская линія, имѣя направленіе параллельное морю, тѣмъ самимъ уже лишается всѣхъ грузовъ съ земель, лежащихъ отъ нея къ югу, которыя будутъ посылать свои продукты съ чумаками прямо на Николаевъ, Херсонъ, Бериславъ и Никополь, то едва-ли останется сомнѣніе, что въ экономическомъ отношеніи балто-кременчугской линіи можетъ быть дано лишь второстепенное или третьестепенное значеніе.

Далѣе г. Обручевъ входитъ въ разсмотрѣніе своего главнаго вопроса и приходитъ къ тому заключенію (съ которымъ несогласны «Московскія Вѣдомости»), что для настоящей минуты нѣтъ у Россіи болѣе настойчивыхъ потребностей, какъ устройство дорогъ отъ Москвы къ Курску и отъ Курска къ Харькову и Кіеву. Потому и всѣ средства, которыми мы располагаемъ для желѣзныхъ путей, должны быть сполна сосредоточены на этихъ линіяхъ. И только тогда, когда Россія получитъ эти пути, можно будетъ приступить къ окончательному рѣшенію другихъ участковъ общей сѣти. Чѣмъ кто болѣе желаетъ осуществленія второстепенныхъ линій, тѣмъ тотъ болѣе долженъ желать возможно скорѣйшаго окончанія указанныхъ главныхъ путей. Ибо не можетъ государство само себѣ противорѣчить, не можетъ приниматься за менѣе важное, когда стоитъ неоконченнымъ болѣе важное для него дѣло.

Г. Бушенъ въ своей статьѣ разбираетъ преимущества не одной

Digitized by Google

только части южной линіи отъ Балты на Кременчугъ, или отъ Балты на Кіевъ, но почти всей линіи, именно отъ Орла до Балты. Дѣлая сравненіе экономической выгодности соединенія Орла съ Балтою съ одной стороны чрезъ Кременчугъ, а съ другой чрезъ Кіевъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ: Откуда получаетъ Одесса русскія сырыя произведенія и на какой изъ означенныхъ линій существуетъ болѣе промышленнаго и торговаго движенія? И отвѣчаетъ на это слѣдующими соображеніями, которыя впрочемъ во многомъ несогласны съ указаніями г. Обручева, подтвержденными числовыми данными. Прямая линія отъ Орла до Кіева не встрѣчаетъ почти никакого особенно важнаго промышленнаго движенія. Она идетъ по мѣстамъ средней населенности, мѣстамъ, лишенъ хлѣбныхъ избытковъ, ни заводскихъ, ни фабричныхъ издѣлій. Единственный почти предметъ вывоза, нельзя, направляется на сѣверо-западъ къ смоленскимъ пристанямъ и къ Рѣтѣ. Самъ Кіевъ не имѣетъ большого торговаго движенія. Сплавъ съ верхняго Днѣпра и отчасти съ Припяти идетъ внизъ, мимо его, къ Кременчугу. Кіевская губернія сѣверными частями своими пополняетъ недостатокъ хлѣба въ бѣлорусскомъ краѣ, юговосточными, прилегающими къ Днѣпру, она поддерживаетъ сплавъ къ Кременчугу и только юго-западными тянетъ къ Одессѣ, и здѣсь дѣйствительно пущается въ дорогѣ. Бердичевъ торгуетъ заграничными товарами и контрабандою, а не русскими произведеніями, имѣетъ сношенія съ Польшею, Галиціею и гораздо менѣе съ Кіевомъ и Одессою. Подольская губернія имѣетъ сплавъ по Днѣстру и желѣзную дорогу до Балты, но и здѣсь движеніе никакъ нельзя назвать очень сильнымъ. Вотъ и все, что въ промышленномъ отношеніи обѣщаетъ поддержку Кіевской желѣзной дорогѣ. Харьковская-же линія представляетъ другую картину. Вся она отъ Орла до Кременчуга проходитъ по самымъ густо-населеннымъ мѣстностямъ Россіи. Курская и Полтавская губерніи имѣютъ огромный избытокъ хлѣба; Харьковская, при отсутствіи хлѣбнаго сбыта, есть первая по винокуренію во всей Россіи. На южной окраинѣ Харьковской и Полтавской губерній съ Новороссійскимъ краемъ производится главная масса русской шерсти. Рынки всего этого края, ярмарки, въ особенности курская и харьковская, получаютъ ежегодно огромную массу русскихъ мануфактурныхъ произведеній, идущихъ изъ Москвы и центральныхъ губерній и наполняющихъ весь югъ Россіи. Поэтому, не смотря на совершенное отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, обширное торговое движеніе съ начала нынѣшняго вѣка избрало именно этотъ путь и образовало на немъ свои рынки, съ оборотами торговли на десятки милліоновъ рублей. Ярмарки Украйны сдѣлались мѣстами самаго дѣятельнаго обмѣна произведеній сѣвер и юга

Digitized by Google

Россіи. Если очертить линію тѣ мѣста, гдѣ происходитъ эти приборы, то образуется длинный эллипсисъ, одинъ конецъ котораго находится у Курска, другой у Елизаветграда, и вдоль котораго, по пути наибольшаго поперечнаго движенія, проходитъ орловско-харьковско-кременчугская линія. Къ усиленію огромнаго значенія этой линіи присоединяется еще одинъ предметъ первостепенной важности, а именно важность ближайшаго снабженія всей сѣти желѣзныхъ дорогъ каменнымъ углемъ, по-средствомъ небольшой вѣтви отъ Харькова къ Лозовенькамъ конамъ. Изъ Харькова уголь можетъ направиться не только на сѣверъ, къ Курску, Орлу и т. д., но и на западъ къ Кременчугу и оттуда въ Кіевъ и т. д. Что касается Кременчуга, то его значеніе въ торговомъ отношеніи уже явствуетъ изъ всего вышесказаннаго. Кременчугъ — сборный пунктъ сырыхъ произведеній Полтавской, Курской, Харьковской губерній, пунктъ, который переходитъ изъ рукъ въ руки, въ Одессу. Кременчугъ по Днѣпру притягиваетъ къ себѣ сбытъ части верхне и средне-днѣпровскаго прибрежья, лѣсъ съ Десны, желѣзныя произведенія, и, въ свою очередь, посылаетъ вверхъ огромное количество соли (1,400,000 пудовъ), добываемой на берегахъ Чернаго моря. Далѣе Кременчуга, линія проходитъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской губерніи, по которымъ движеніе конечно слабѣе, но тѣмъ не менѣе для Одессы очень важно. Здѣсь желѣзныя дороги, кромѣ сбыта хлѣба изъ александрійскаго и бобринецкаго уѣздовъ, двухъ богатѣйшихъ житницъ Новороссійскаго края, важна для южной части Кіевской губерніи, въ которой сосредоточено сахарное производство въ уѣздахъ, прилегающихъ гораздо ближе къ кременчугской линіи, чѣмъ къ кіевской. Посмотримъ теперь предлежитъ г. Бушенъ, на отпускъ Одессы. Въ послѣднее семилѣтіе послѣ войны, Одесса вывозитъ среднимъ числомъ ежегодно пшеницы на 11 милл. руб., другихъ хлѣбовъ на $6^1/_2$ мил., шерсти, сала, кости и проч. на $10^1/_2$. Количество хлѣба достигаемаго обѣими линіями для Одессы почти одинаково; хотя пшеница, производимая подольскими уѣздами и извѣстная въ продажѣ подъ именемъ «польской», нѣсколько выше качествомъ той, которая производится сѣверными уѣздами Херсонской губерніи, за то если обратить вниманіе на остальные главные предметы одесскаго отпуска (шерсть, сало, кожи, льняное сѣмя), представляющіе цѣнность въ $10^1/_2$ мил. руб. (въ томъ числѣ на $6^2/_3$ мил. шерсти), то навѣрное можно сказать, что $^9/_{10}$ этихъ произведеній придутъ въ Одессу не по кіевской, а по кременчугской линіи, уже потому, что ни Кіевская, ни Подольская губерніи не имѣютъ избытка въ этихъ произведеніяхъ, и всѣ главные рынки ихъ лежатъ на кременчугской линіи: въ Кременчугѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Екатерино-

Digitized by Google

сиѣй. Обратное движеніе изъ Одессы тоже направляется преимущественно на сѣверо-западъ, т. е. по линіи къ Кременчугу. И если такое движеніе происходитъ теперь, когда по этому направленію путь не совсѣмъ удобенъ, то понятно, что съ проведеніемъ желѣзной дороги, количество проезжающихъ пропущенъ увеличится въ значительной степени.

Такимъ образомъ экономическій перевѣсъ, по мнѣнію г. Бушена, остается положительно за Балто-Харьковскою линіею.

Въ политическомъ отношеніи, г. Бушенъ, признавая важность непосредственную важность соединенія Москвы съ Кіевомъ, находитъ съ другой стороны, что соединеніе Балты съ Кременчугомъ было-бы большимъ вредомъ для Россіи, если-бы оно совершилось не только ранѣе соединенія Кіева съ Москвою, но и ранѣе проведенія столь важной въ экономическомъ отношеніи харьковско-кременчугской линіи; потому что полезно-ли и полезно-ли для Россіи, чтобы богатый и отдаленный отъ центра уголъ Россіи, ослабленный уже теперь удобными путями сообщенія (судоходнымъ Днѣпромъ, варшавскою и балто-одесскою дорогами) получалъ еще новыя средства развитія въ ущербъ главной массѣ государства, въ которой, по лѣвую сторону Днѣпра, сосредоточивается 30 мил. людей, т. е. половина всего населенія всей европейской Россіи,—массы, которая, не смотря на свои естественныя богатства, обречена на опасный для экономіи государства застой, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія. Невыгодно-ли для центра государства, для его сердца, чтобы его оконечности въ экономическомъ развитіи его отдаленныя окраины, не ослабляетъ-ли это его силы, его правственное единство?

При этомъ г. Бушенъ находитъ полную возможность помирить защитниковъ харьковской и кіевской линій проведеніемъ желѣзной дороги почти такъ, какъ нынѣ она утверждена правительствомъ, т. е. 1) чтобы харьковская и кіевская линіи, равно необходимыя, разошлись между собою сколь возможно позднѣе, а именно не много южнѣе Курска; 2) чтобы обѣ линіи по мѣстамъ разъединенія строились одновременно: одна на Кіевъ, другая на Харьковъ, и 3) чтобы изъ Балты желѣзный путь направленъ былъ въ тоже время на Кременчугъ, Полтаву и Харьковъ, гдѣ-бы и соединился съ московско-харьковскою линіею.

«Московскія Вѣдомости» не согласились и съ такимъ примирительнымъ предложеніемъ г. Бушена; онѣ въ ограниченіи соединенія Москвы прямо: Кіевъ и Балту съ Одессою видятъ самую настоятельнѣйшую экономическую и политическую потребность Россіи и отвергаютъ всѣ предположенія, по которымъ Кіевъ становится не на главномъ направленіи нашей южной линіи, а въ сторонѣ отъ нея, хотя-бы и соеди-

Digitized by Google

чиняет съ нею особою вѣтвію. Свои соображенія «Московскія Вѣдомости» заключаетъ образомъ: тѣснѣйшее соединеніе одного пункта съ другимъ, по-средствомъ желѣзной дороги, есть не только соединеніе, но и разобщеніе,—разобщеніе съ другими пунктами. Московско-харьковская дорога, пролегающая прямо линіи по Кіевъ до Одессы, не только соединитъ Москву съ Харьковымъ, что было-бы хорошо, но и отдалитъ Москву отъ юго-западнаго края, что едва-ли хорошо. Для того, чтобы разобщить Москву съ Кіевомъ, нѣтъ надобности перерѣзывать лежащую между ними степную дорогу; нужно только соединить Москву рельсовымъ путемъ съ Харьковомъ и чрезъ Харьковъ съ Чернымъ моремъ. Рельсовый путь дастъ искусственное направленіе существующимъ интересамъ и создастъ новые. Если Москва будетъ соединена съ нашимъ югомъ и съ портами Чернаго моря чрезъ Харьковъ, то вся сила экономическихъ интересовъ, которые сосредоточиваются въ Москвѣ, стягивающей въ себѣ всю восточную половину русскаго царства,—вся сила этихъ интересовъ устремится туда, куда будетъ открытъ ей наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ путей сообщенія, и народная жизнь, волею или неволею, потечетъ этимъ русломъ, отворотясь отъ другихъ путей. Если-бы Москва и Кіевъ уже издавна были между собою въ живомъ сообщеніи, то и тогда желѣзная дорога отъ Москвы къ Черному морю мимо Кіева вскорѣ дала бы почувствовать себя ослабленіемъ связи между Москвою и Кіевомъ, и дала-бы почувствовать тѣмъ скорѣе, чѣмъ большею оставалась-бы она связью между Москвою и Чернымъ моремъ и чѣмъ, стало быть, живѣе полно-бы движеніе по ней. А въ чемъ заключается главная задача русской исторіи? Въ чемъ величайшая необходимость Россіи въ настоящее время? Для кого прошедшее Россіи не мертвая буква, кто вникалъ въ него сердцемъ и мыслію,—тотъ пойметъ, что тѣснѣйшая связь между Москвою и Кіевомъ, между восточною половиною Россіи и ея западной половиной—есть исполненіе самаго настоятельнаго завѣта русской исторіи. Кто, освободившись отъ всѣхъ посторонныхъ соображеній и интересовъ, представитъ себѣ съ полною ясностью и живостью современное положеніе дѣлъ, тотъ пойметъ, что вся будущность Россіи зависитъ отъ тѣснѣйшаго соединенія ея восточной половины съ западною, которая такъ долго была отъ нея оторвана, которая и теперь у насъ оспаривается и которая нуждается въ усиленномъ притокѣ всѣхъ народныхъ интересовъ, какъ нравственнаго такъ и экономическаго свойства, чтобы выйдти изъ своего двусмысленнаго положенія и стать органическою частью цѣлаго. Если до Чернаго моря можно назвать какую нибудь линію магистральною, имѣя при этомъ въ виду общій національный и государственный интересъ Россіи, то линія эта

Digitized by Google

есть Московско-Кіевско-Одесская. Только въ виду этой линіи могутъ правильно распредѣлиться дальнѣйшіе пути движенія народныхъ интересовъ; только эта линія, не ослабивъ ничего и ничего не подвергая опасности, можетъ послужить къ укрѣпленію и оживленію всего организма Россіи. Харьковъ ничего не потеряетъ отъ линіи Кіевской; Харьковъ есть центръ особой системы, которая пріобрѣтетъ тѣмъ большее значеніе и развитіе, чѣмъ лучше, тѣснѣе и плодотворнѣе соединится Москва съ юго-западнымъ краемъ. Превосходные порты Крыма только тогда и пріобрѣтутъ свое значеніе, когда будетъ удовлетворена самая настоятельная потребность Россіи, когда Россія почувствуетъ себя вполнѣ укрѣпленною и оживленною въ своемъ государственномъ составѣ, когда ея государственный составъ получитъ свою первѣйшую, истинно національную артерію. Все тогда обозначится и опредѣлится съ твердостью и точностію здороваго жизненнаго инстинкта, и сѣть желѣзныхъ дорогъ разбросается по указанію жизни. Необходимѣйшая изъ всѣхъ линій обозначается тремя пунктами: Москва, Кіевъ, Одесса. Все, что можетъ замедлить или уклонить эту линію относительно того или другого изъ этихъ трехъ пунктовъ, будетъ истиннымъ вредомъ для Россіи. Чѣмъ прямѣе пойдетъ эта линія, чѣмъ короче она будетъ, тѣмъ будетъ лучше для Россіи. Всякій зигзагъ, всякій уклонъ будетъ ущербомъ, вычетомъ, минусомъ. Всего лучше было-бы идти на Кіевъ, не переступая на правый берегъ Оки, прямо чрезъ Калугу и Черниговъ. Въ государственномъ отношеніи прямѣйшее и ближайшее направленіе было-бы предпочтительнѣе; но уклоненіе на Тулу и Орелъ не произведетъ вредныхъ послѣдствій, и оно вознаграждается нѣкоторыми выгодами, связывая Кіевъ съ Москвою чрезъ центральныя губерніи. Что-же касается до Харькова, то уже соединенный съ Москвою шосейнымъ путемъ, онъ гораздо болѣе нуждаеся теперь въ соединеніи съ Азовскими портами, къ которымъ онъ тянетъ. Всегда успѣется соединить Харьковъ съ Москвою посредствомъ желѣзной дороги, и соединеніе это окажется наилучшимъ и наивыгоднѣйшимъ для Россіи, когда уже будетъ въ ходу линія Кіевская. Сама жизнь покажетъ тогда, гдѣ Харькову лучше примкнуть къ этой линіи. Было-бы великою ошибкой впадать въ крайность и искусственно притягивать къ Одессѣ всю южную Россію и ея средоточіе— Харьковъ. Всякому свое: Одесса должна быть гаванью для юго-западнаго края, а не для Харькова, не для Полтавы, не для Екатеринославля. Кромѣ Одессы у насъ есть Азовскіе порты, лежащіе выгоднѣе чѣмъ Одесса для торговли съ Харьковомъ. У насъ есть наконецъ Крымскіе порты, которыми мы должны-же когда-нибудь воспользоваться. Мы сдѣлали-бы большую ошибку, если-бы упустили изъ виду

Digitized by Google

эти порты при намѣреніи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Какъ говорятъ, продолжаютъ «Московскіе Вѣдомости»: Кіевская линія есть дѣло величайшей необходимости, и въ то-же время предлагаютъ повернуть круто подъ острымъ угломъ дорогу изъ Балты на Кременчугъ, чтобы только не пошла она на Кіевъ. Но вѣдь это значитъ въ одно и тоже время признавать необходимость соединенія Москвы съ Кіевомъ и дѣлать это соединеніе безплоднымъ. Когда рѣчь идетъ о необходимости соединенія Кіева съ Москвой, то имѣется въ виду не то, чтобы предоставить желающимъ возможность проѣхаться изъ Москвы въ Кіевъ и обратно по желѣзной дорогѣ. Кіевская дорога можетъ удовлетворить требованіямъ государственной необходимости только въ томъ случаѣ, если она будетъ не случайнымъ отпрыскомъ, а главной артеріей между Москвою и Чорнымъ моремъ. Московско-кіевская дорога можетъ удовлетворить своему назначенію только въ томъ случаѣ, если она будетъ московско-кіевско-одесскою. Взять какой-нибудь пунктъ на московско-харьковской дорогѣ, какъ только можно позднѣе, т. е. подалѣе отъ Москвы, и провести изъ него вѣтвь на Кіевъ съ тѣмъ, чтобы тутъ и бросить ее,—это не значитъ связывать Москву съ Кіевомъ, не значитъ удовлетворить самой главной національной потребности, самой первой государственной необходимости Россіи. Это значитъ, напротивъ, сдѣлать все возможное для того, чтобы эта потребность не была удовлетворена, для того, чтобы эта необходимость не получила осуществленія. «Московскія Вѣдомости» полагаютъ, что при недостаточности нашихъ средствъ въ настоящее время, начать постройку желѣзныхъ дорогъ вдругъ въ четырехъ пунктахъ, и во первыхъ вести фантастическую линію отъ Балты на Кременчугъ, а во вторыхъ, въ тоже самое время, для того, чтобы очистить дѣло со стороны патріотизма, національной потребности и государственной необходимости, немедленно начать линію изъ Кіева въ Курскъ,—значитъ какъ нельзя вѣрнѣе предотвратить невозвратно истинное и полезное для Россіи соединеніе Москвы съ Кіевомъ. Можетъ быть къ тому времени, когда желѣзная дорога подошла-бы къ Орлу, дѣло стало-бы яснѣе, мы-бы надумались, и дорога изъ Орла, можетъ быть, пошла-бы на Кіевъ, съ тѣмъ чтобы упереться въ Одессу. Но начавъ теперь-же строить кременчугскую линію, и съ тѣмъ вмѣстѣ кіево-курскую, мы самымъ основательнымъ образомъ устраняемъ на будущее время возможность соединить Москву съ Кіевомъ полезнымъ и благотворнымъ для русскихъ интересовъ способомъ. Тѣмъ болѣе, что съ проведеніемъ дороги изъ Москвы до Одессы, минуя Кіевъ и весь юго-западный край, торговые интересы очень естественно воспользуются желѣзнымъ путемъ, а потомъ частные капиталы уже не пойдутъ на постройку еще другой излишней дороги отъ Москвы до Одессы.

Digitized by Google

Наконецъ «Московскія Вѣдомости» говорятъ, что балтско-кременчугской дорогѣ грозитъ печальное будущее. Кіевъ нельзя будетъ не связать съ Одессой: интеллигенція пожелаетъ этого. Харьковъ нельзя будетъ не связать съ грушевскою дорогою: этого потребуетъ нужда въ топливѣ. Дорогу изъ Харькова и Полтавы, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», нужно будетъ вести уже не въ Кременчугу, т. е. въ днѣпровскимъ порогамъ, а до Александровска, т. е. ниже пороговъ. Потомъ жалобы на одесскую казенную заставятъ подумать о Феодосіи или Севастополѣ, и отъ Александровска до этихъ портовъ будетъ недалеко. Что-же тогда станется съ участкомъ между Полтавой и Балтой? Что будетъ перевозиться по этому участку? Для чего будетъ служить этотъ колоссальный мостъ чрезъ Днѣпръ въ Кременчугѣ, мостъ, который постоитъ одной порядочной желѣзной дороги? По этому мосту и по этой дорогѣ будетъ меньше движенія, чѣмъ по какой-бы то ни было другой желѣзной дорогѣ въ Россіи!

Вотъ тѣ главные доводы «Московскихъ Вѣдомостей» о необходимости направленія южной дороги на Кіевъ, Балту и Одессу; линію эту отстаиваетъ также статья г. Чижова, помѣщенная въ «Днѣ» (за прошедшій годъ №№ 48, 49 и 50), и потому, для болѣе полнаго обзора данныхъ, предложенныхъ въ защиту того и другого направленія южной дороги, мы изложимъ въ заключеніе важнѣйшія указанія изъ этой статьи, которая по преимуществу имѣетъ характеръ полемическій, избѣгаетъ голословія и основываетъ свои соображенія главнымъ образомъ на статистическихъ данныхъ.

Вводя въ сравненіе выгодъ и невыгодъ направленія двухъ линій: 1-й отъ Балты на Кременчугъ и 2-й отъ Балты на Кіевъ, г. Чижовъ, чтобы судить о степени ожидаемаго пассажирскаго движенія и массы имѣющихъ перевозиться грузовъ, исчисляетъ по генеральной картѣ европейской Россіи густоту населенія по той и другой линіи и выводитъ, что отъ Балты къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Кіева, все пространство отъ Умани едва только не до Бѣлой Церкви въ одну сторону и въ другую до Ржищева—имѣетъ самое густое населеніе, именно до 2,500 и болѣе жителей на квадратную милю. Выше, т. е. сѣверо-восточнѣе Бѣлой Церкви, вплоть до Кіева—отъ 2,000 до 2,500 жителей на квадратную милю. Ниже, т. е. юго-западнѣе Умани, сначала отъ 1500 до 2,000, потомъ еще юго-западнѣе, ровно до самой Балты, отъ 750 до 1,500 на квадратную милю. Отъ той-же Балты на востокъ къ Кременчугу, по сѣверной части Новороссійскаго края, населеніе указано, приблизительно, отъ 250 до 750 жителей на квадратную милю, т. е. только что не самое рѣдкое въ Россіи.

Но такъ какъ по земледѣльческому характеру нашего южнаго края

пассажирское движеніе опредѣляется не столько общимъ сельскимъ населеніемъ, сколько населеніемъ городскимъ, ибо города и мѣстечка въ краю земледѣльческомъ особенно собираютъ въ себѣ и мелкую промышленность и еще болѣе все торгующее сословіе, живущее покупкою и продажею сырыхъ произведеній своего околодка, то г. Чайковъ сравниваетъ населеніе городовъ и мѣстечекъ на общихъ линіяхъ. По сравненію оказывается: по дорогѣ между Балтою и Кременчугомъ — въ Ольвіополѣ, Елизаветградѣ, Новомиргородѣ, Бобринцѣ, Александріи, Новогеоргіевскѣ и Кременчугѣ 78,985 жителей. Прибавивъ сюда подднѣпровскіе города,—Черкасы, Золотоношу и Каневъ, соединенные съ Кременчугомъ Днѣпромъ и слѣдовательно захватываемые имъ въ область движенія балто-кременчугской дороги, будетъ всего 112,828 жителей.

По дорогѣ-же кіевско-балтской: въ Кіевѣ, Васильковѣ, Бѣлой Церкви, Сквирѣ, Богуславѣ, Таращѣ, Звенигородкѣ, Гайсинѣ, Липовцѣ, Бродкѣ, Умани, Ольшанкѣ—175,805 жителей; а прибавляя сюда Радомысль и Житомиръ, для которыхъ нѣтъ иного пути въ Одессу, какъ на Кіевъ, тѣмъ болѣе, что Житомиръ и соединенъ съ нимъ шоссейною дорогою,—всего будетъ 222,030 жителей.

Выходитъ, что городского населенія, имѣющаго прямой путь въ Одессу, какъ кіево-балтскую дорогу, почти двое противъ того, которое должно ѣхать по балтско-кременчугской нѣтки. При этомъ не считаются на второстепенныя мѣстечки, ни такіе города, какъ напр. Бердичевъ, въ которомъ изъ 31,600 жителей, вѣроятно 1/4 побываетъ разъ въ годъ въ Одессѣ, ибо весь городъ населенъ евреями; не считаются множество сахарныхъ заводовъ, имѣющихъ постоянныя сношенія съ Одессою; не считается также и движеніе, прибавляемое верхнею частію Днѣпра выше Кіева и его двумя огромными притоками—Десною и Припетью. Все пассажирское движеніе, приносимое этими рѣками, никакъ не можетъ ѣхать до Кременчуга водою, какъ потому, что это гораздо дольше, такъ и потому, что оно, если и обойдется дешевле, то развѣ самою безсмѣнною, ибо извѣстно, что Днѣпръ вовсе не представляетъ тѣхъ удобствъ для судоходства, какихъ можно было-бы ожидать отъ его длиннаго теченія и его ширины. Хотя защитники кременчугской дороги указываютъ на то, что Днѣпръ принесетъ къ Кременчугу все изъ срединныхъ западныхъ губерній Россіи, но по статистическому описанію Кіевской губерніи, изданному въ 1850 г. Фундуклеемъ и составленному весьма замѣчательнымъ нашимъ писателемъ въ области статистики, Журавскимъ, котораго нельзя конечно заподозрить въ защитѣ кіево-балтской дороги, на всемъ протяженіи Днѣпра по Кіевской губерніи считается 55 *болѣе значительныхъ* постоянныхъ мелей и отмелей.

Digitized by Google

Посмотримъ, говоритъ г. Чижовъ, даетъ-ли какую-либо опору для предпочтенія балтско-кременчугской дороги предъ кіево-балтской, —главный разсчотъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—товарное движеніе.

Все пространство отъ Балты до Кременчуга, какъ мы видѣли, населено весьма рѣдко; по одному этому, хлѣба, почти единственнаго произведенія этой мѣстности, производится тутъ безъ всякаго сравненія менѣе, нежели въ губерніи Подольской, идущей по лѣвую сторону дороги, почти до самой Умани, и потомъ губерніи Кіевской, по обѣ стороны дороги отъ Умани, особенно по западную сторону. По указанію того-же статистическаго описанія кіевской губерніи, въ 1847 году поступило въ продажу разнаго рода хлѣбовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ восьми уѣздовъ Кіевской губерніи болѣе $7^1/_2$ мил. пудовъ. Если приложить сюда хотя немного болѣе половины крестьянскаго хлѣба, то все поступленіе въ продажу въ означенныхъ уѣздахъ будетъ болѣе 11 мил. пудовъ. Здѣсь не упомянуты уѣзды чигиринскій и черкасскій, какъ находящіеся ближе къ дорогѣ балтско-кременчугской, нежели къ кіево-балтской, ни уѣзды кіевскій и радомысльскій, потому что первому приходится кормить губернскій городъ Кіевъ, а у второго мало бываетъ остатковъ за прокормленіемъ своихъ собственныхъ жителей.

Полагаютъ вообще, продолжаетъ г. Чижовъ, что Подольская, Волынская и Кіевская губерніи отправляютъ въ Одессу, всѣ вмѣстѣ, до 2 милл. четвертей пшеницы; это уже одно даетъ дорогѣ 20 милл. пудовъ груза и слѣдовательно совершенно обезпечиваетъ товарное движеніе по дорогѣ. Нужно замѣтить, что при такомъ огромномъ движеніи въ кіевскомъ краѣ естественные пути сообщенія ограничиваются всего-на-все двумя рѣками: Днѣпромъ, имѣющимъ 55 болѣе значительныхъ мелей и отмелей, и Днѣстромъ, который въ жаркое и бездождливое лѣто дѣлается иногда совсѣмъ негоднымъ для судоходства.

Переходя снова отъ общихъ указаній къ частнымъ, авторъ въ томъ же статистическомъ источникѣ, изданномъ Фундуклеемъ, находитъ, что въ 1847 году изъ всей Кіевской губерніи отправлено разныхъ хлѣбовъ, вообще на югъ, болѣе 8 милліоновъ пудовъ; прибавивъ къ этому 1 милл. пудовъ провозной соли, приходящей по направленію отъ Чорнаго моря и привозимой только въ одну Кіевскую губернію, получимъ 9 милл. пудовъ. Нужно замѣтить, что при перевозкѣ соли будетъ та выгода, что ее повезутъ на обратныхъ вагонахъ, которые безъ того шли-бы пустые, ибо тутъ движеніе весьма неравномѣрное: къ Чорному морю потянутся тысячи нагруженныхъ вагоновъ, а обратно едвали и десятки возвратятся нагруженными. Если къ 9 милл. пудовъ груза, составляющаго предметы первой необходимости, вывозимые изъ

Digitized by Google

Кіевской губерніи и въ нее привозимые, прибавимъ 1 милл. пудовъ, которые составятъ какъ фабрикаты кіевскихъ фабрикъ, такъ равно коксъ, чугунъ, машины на заводы и фабрики, которые повезутся въ Кіевъ изъ Одессы, то окажется, что движеніе товаровъ по кіевско-балтской дорогѣ, для одной Кіевской губерніи, будетъ 10 милл. пудовъ. Подольская губернія доставляетъ къ Чорному морю самую лучшую пшеницу, и кромѣ того, какъ эта губернія, такъ и Волынская имѣютъ множество сахарныхъ заводовъ; есть въ нихъ суконныя фабрики и кожевенные заводы. Такъ что если полагать на каждую изъ этихъ двухъ губерній привоза и отвоза немного болѣе половины, чѣмъ на Кіевскую, т. е. въ сложности 12 милл. пудовъ, и тогда этотъ край доставитъ 22 милл. пудовъ груза,—это такой запасъ, какого едва-ли можетъ ожидать какая-либо изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, когда и Николаевская, послѣ 14 лѣтъ своего существованія и при огромномъ ея движеніи, перевезла въ 1863 году менѣе 30 мил. пудовъ.

Чтобы показать, что можетъ обѣщать балтско-кременчугская дорога, г. Чижовъ указываетъ, что эту дорогу прямо охватываетъ сѣверная часть Херсонской губерніи, населенная весьма слабо, и юго-восточная Кіевской, именно та, изъ которой всего менѣе отпускается хлѣба въ Одессу. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на тѣ-же свѣденія объ отпускѣ хлѣбовъ въ Одессу въ 1847 г., изъ уѣздовъ Кіевской губерніи:

	Четвертей	и	пудовъ.
Изъ черкасскаго	35,096	—	710
— чигиринскаго	53,134	—	—
— васильковскаго	55,934	—	7,900
— звенигородскаго	60,394	—	—
— бердичевскаго	80,394	—	4,891
— таращанскаго	100,537	—	21,980
— липовецкаго	116,781	—	12,823
— уманьскаго	123,674	—	2,970
— сквирскаго	138,886	—	6,600

Черкасскій и чигиринскій уѣзды, какъ видно, отправляютъ всего менѣе хлѣбовъ въ Одессу,—а они-то одни и лежатъ всего ближе къ дорогѣ балтско-кременчугской.

Г. Чижовъ находитъ, что ни полтавцы, ни харьковцы не повезутъ по одесско-кременчугской дорогѣ свои произведенія въ Одессу. Полтавцамъ невыгодно будетъ везти туда пшеницу, потому что провезши 555 верстъ и слѣдовательно заплативъ за провозъ въ 3½ раза дороже чѣмъ жители окрестностей дороги, они должны будутъ продавать свою пшеницу, далеко худшую по достоинству, гораздо дешевле.

Digitized by Google

Шерсти-же въ Одессѣ покупается весьма мало, всего съ небольшимъ 300,000 пудовъ, и она везется или прямо въ Австрію или на сѣверъ, въ Москву. А отъ Харькова до Одессы по направленію балтско-кременчугской дороги было-бы 675 верстъ по прямымъ путямъ между тѣми городами, по которымъ должна пройти эта дорога. За 675 в., по самой умѣренной цѣнѣ, трудно брать менѣе 17 коп., что съ нагрузкою и выгрузкою составитъ не менѣе 18 к. съ пуда, или около 1 р. 80 к. съ четверти пшеницы. Между тѣмъ отъ того-же Харькова до главнѣйшихъ азовскихъ пристаней, Таганрога и Бердянска, тоже по прямому пути, не болѣе 350 верстъ, а до Маріуполя и того менѣе; отъ южныхъ-же уѣздовъ Харьковской губерніи далеко менѣе. За провозъ на волахъ здѣсь уже дорогая цѣна 15 коп. съ пуда. Что-же заставитъ харьковскихъ земледѣльцевъ платить дороже, чтобъ везти хлѣбъ свой въ Одессу и встрѣчать еще тамъ сильное соперничество въ хлѣбахъ юго-западнаго края, тогда какъ въ портахъ Азовскаго моря давнымъ-давно сбываютъ ихъ произведенія, за ними собственно пріѣзжаютъ туда корабли и ихъ имейно требуютъ.

Этимъ оканчиваются соображенія г. Чижова при сравненіи участковъ балтско-кіевскаго съ балто-кременчугскимъ, и затѣмъ онъ переходитъ уже къ соображеніямъ вообще о направленіи южной дороги; въ этомъ отношеніи предметъ, какъ намъ кажется, уже достаточно исчерпанъ изложенными выше доводами двухъ спорившихъ сторонъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти доводы, всѣ эти печатно выраженныя мнѣнія были въ виду правительства при окончательномъ разрѣшеніи дѣла; но кромѣ этого, правительство могло имѣть и свои, частнымъ изслѣдователямъ недоступныя соображенія, по которымъ избрано нынѣ Высочайше утвержденное направленіе желѣзнаго пути на югъ.

Что касается до значенія Кіева на этомъ пути въ отношеніи политическимъ, т. е. до необходимости тѣснѣйшаго сближенія его съ великорусскими областями, то во всякомъ случаѣ какъ-то не вѣрится, чтобы историческая правда осталась навсегда безсильною и не восторжествовала надъ какими-бы то ни было пришлыми продѣлками и интригами. Подумайте, естественно-ли это. Вотъ недавно въ газетахъ были приведены послѣднія цифры кіевскаго населенія; тамъ изъ 68,424 жителей, числится: православныхъ 58,453, католиковъ 5,425, евреевъ 3,013, протестантовъ 1,063; далѣе незначительныя числа: раскольниковъ 357, единовѣрцевъ 91 и магометанъ 22. При такомъ громадномъ преобладаніи православнаго элемента, со всѣми святыми преданіями «матери городовъ русскихъ», неужели возможно колебаніе, куда тяготѣть краю? Неужели не смѣшны были-бы мечты ничтожнаго и жалкаго меньшинства, если онѣ еще есть?...

А что касается до смѣшного, то оно часто-таки попадается намъ

Digitized by Google

съ тѣхъ поръ, какъ съ усиленнымъ вниманіемъ устремились на насъ очи просвѣщеннаго запада,—а особенно когда благоволитъ онъ заглянуть въ глубь нашей современной или исторической жизни. На этотъ разъ самому святѣйшему отцу благоугодно было доставить русскимъ людямъ подобный предметъ для развлеченія. Говорятъ, что римская курія отрыла въ исторіи, что назадъ тому больше двухъ сотъ лѣтъ бѣлоруссъ Іосафатъ Кунцевичъ, перешедшій изъ православныхъ въ уніяты, и сдѣлавшійся архіепископомъ бѣлорусскимъ, былъ убитъ жителями Витебска, раздраженными черезъ-чуръ ревностными гоненіями его на православныхъ, ради обращенія ихъ въ унію. Ну, и разсудили отцы римскіе, что почему-жъ-бы за такіе подвиги не произвести покойника во святые? Пусть будетъ святой мученикъ! Только услышалъ объ этомъ г. Кояловичъ, справился кой съ какими историческими документами и—былъ столь нескроменъ, что обнародовалъ изъ нихъ небольшіе отрывки. Напримѣръ въ прошеніи, которое во дни архіепископства Кунцевича православные Литовскаго княжества подали польскому сенату, значутся слѣдующія строки:

«Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и Могилевѣ, владыка полоцкій запечаталъ церкви и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома. Мѣщане тамошніе въ воскресные и праздничные дни, чтобы не оставаться безъ богослуженія, выходятъ въ поле за городъ и совершаютъ его тамъ, да и то безъ священника, потому что не дозволено имѣть священника ни въ городѣ, ни близь города... Но что всего хуже и что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, въ томъ-же бѣлорусскомъ Полоцкѣ тотъ-же отступникъ владыка полоцкій, чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ и бросить ихъ на съѣденье собакамъ, какъ какую падаль».

А еще сохранилось письмецо литовскаго канцлера Льва Сапеги къ самому Іосафату, гдѣ говорится:

«Никогда мнѣ не приходило на умъ, чтобы ваше преосвященство могли задумать приводить въ унію столь насильственными способами... Вы этимъ безразсуднымъ насиліемъ привели, или лучше скажу, принудили русскій народъ отказаться отъ присяги (т. е. Владиславу, избранному тогда на московскій престолъ). Трудно вамъ запереться; въ этомъ обличаютъ васъ жалобы, поданныя ими...» и такъ далѣе въ томъ-же родѣ.

Ну, еще-ли это не святой! И какъ-же не позабавиться его святѣйшеству, когда пришолъ на память такой подходящій покойникъ? Какъ разъ во время!

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общій обзоръ главнѣйшихъ политическихъ событій прошедшаго года.

Политическому хроникеру нерѣдко случается жаловаться на недостатокъ въ западно-европейской жизни политическихъ и общественныхъ явленій, которыя могли-бы имѣть живой интересъ для читателей. Въ такихъ случаяхъ хроникеръ обыкновенно старается отдѣлываться фразами въ родѣ слѣдующей: «на политическомъ горизонтѣ не видно ничего новаго». Хотя отъ слишкомъ частаго повторенія подобныя заявленія могутъ казаться читателямъ не болѣе какъ фразами; но мы убѣждены и попытаемся убѣдить читателя въ томъ, что эти фразы заключаютъ въ себѣ не мало знаменательнаго. Конечно, перечитывая иностранный и русскій газетный матеріалъ, нельзя сѣтовать, что въ газетахъ мало фактовъ, мало соображеній, догадокъ; напротивъ, скорѣе можно изумляться почти непонятной исправности газетъ: какъ ни бѣдна содержаніемъ бываетъ подчасъ европейская жизнь,—ежедневные газетные листы печатаются обыкновенно мельчайшимъ шрифтомъ и для объявленій, частныхъ и казенныхъ, отводится всегда опредѣленное указное мѣсто. Но не угодно-ли вамъ, любезнѣйшій читатель, вдуматься, какими фактами большею частью наполняются газеты и какого рода соображеніями газетчики всего чаще угощаютъ довѣрчивую публику? Вы согласитесь, что немалый процентъ газетнаго содержанія составляютъ путешествія владѣтельныхъ особъ, ихъ министровъ и другихъ приближонныхъ къ нимъ лицъ; къ этимъ путешествіямъ всякій разъ пріурочиваются разнообразныя предположенія. Стоитъ только какому-нибудь вліятельному въ политическихъ дѣлахъ лицу подняться съ

Digitized by Google

своего мѣста, какъ начинается газетный вопль: куда? зачѣмъ? не заключается-ли въ этомъ задатковъ будущей войны или новыхъ политическихъ союзовъ? Газеты слѣдятъ шагъ за шагомъ за путешественникомъ, наблюдаютъ тщательно за его свиданіями съ другими вліятельными людьми, ловятъ каждое его слово, движеніе, улыбку, стараясь во всѣхъ подобныхъ мелочахъ найдти подтвержденіе своихъ ожиданій или теорій? И идетъ эта вереница нескончаемыхъ соображеній, пока наконецъ газетные поставщики не убѣдятся, что путешествіе было предпринято безъ всякихъ высокихъ цѣлей, просто изъ желанія подышать свѣжимъ воздухомъ, развлечься; а если къ этимъ весьма натуральнымъ побужденіямъ и примѣшивались какія-либо политическія цѣли, то безъ сомнѣнія онѣ не были главною причиною, заставившею вліятельное лицо двинуться въ путь; потому что послѣднее бываетъ, какъ и всегда бывало, только въ самыхъ крайнихъ, важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Другой пунктъ, на которомъ обыкновенно изощряется газетное перо и расточается проницательность европейскихъ публицистовъ, это—конференціи и дипломатическія ноты. Какъ несчастливъ бываетъ читатель во время собранія какой-либо конференціи, или когда ноты министровъ подобно ружейнымъ выстрѣламъ сыпаются перекрестнымъ огнемъ. Одинъ дипломатъ напишетъ сильную ноту, другой не хочетъ уступить ему, пишетъ еще сильнѣе: газетчики подхватываютъ фразы и кричатъ: вотъ куда дуетъ вѣтеръ! война! нѣтъ, миръ! Если дѣло идетъ о конференціи, они спѣшатъ сообщать самоновѣйшія извѣстія, которыя впрочемъ на другой-же день оказываются неточными или, проще, ложными; предугадываютъ исходъ конференцій, значеніе ихъ для существеннаго вопроса политической жизни — войны или мира. Но вотъ кончается конференція, написана послѣдняя дипломатическая нота: вы отдаете себѣ отчотъ въ томъ, къ какимъ результатамъ привело васъ терпѣливое чтеніе газетъ, и послѣ такой повѣрки оказывается, что все это неистощимое обиліе газетныхъ разглагольствованій въ сущности весьма бѣдно смысломъ. А бѣдно потому, что ходъ политическихъ событій весьма рѣдко опредѣляется конференціями и дипломатическими нотами, что онѣ имѣютъ серьозное значеніе лишь тогда, когда онѣ служатъ освященіемъ какого-либо права, для защиты котораго или употреблена уже сила, или имѣется въ виду употребленіе этой силы. Мы предоставляемъ себѣ отложить до дальнѣйшаго изложенія нашего обозрѣнія подтвержденіе этой мысли въ событіяхъ 1864 года, съ которымъ намъ приходится, къ сожалѣнію, такъ поздно разставаться; въ настоящую-же минуту мы имѣемъ только намѣреніе обратить вниманіе читателей на трудность отыскать среди газетнаго балласта политическія и общественныя явленія, имѣющія для чи-

Digitized by Google

тателей значеніе дѣйствительное, а не фасмерное, безъ примѣси мишуры, которой такъ много въ европейской политикѣ.

Положеніе русскаго политическаго хроникера въ настоящемъ случаѣ болѣе критическое, нежели публициста во Франціи или Германіи; потому что въ западно-европейской жизни вопросы, по видимому ничтожные съ русской точки зрѣнія, имѣютъ нѣкоторое значеніе. Возьмите вы бывшій «вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій»: дѣло идетъ о небольшомъ клочкѣ земли, но съ такимъ или инымъ разрѣшеніемъ его связанъ вопросъ о политическомъ положеніи многихъ европейскихъ государствъ: Германскаго Союза, Пруссіи, Австріи и отчасти Франціи. Въ Западной Европѣ малѣйшее измѣненіе въ территоріальной системѣ влечетъ за собою заботу о поддержаніи политическаго равновѣсія; Франціи нужно быть постоянно настороже, чтобы не усилилась слишкомъ Германія, Пруссія, Италія, Австрія, а если и очевидно, что какимъ нибудь малымъ клочкомъ земли ни одна изъ этихъ державъ фактически и не усилится, то по крайней мѣрѣ принципа въ измѣненіи равновѣсія допускать не надо, ибо примѣръ и осуществившійся фактъ много значатъ въ глазахъ дипломатіи и всегда заразительны. Союзная Германія въ свою очередь можетъ опасаться Франціи, а также Пруссіи и Австріи, если не захочетъ пожертвовать своимъ федеральнымъ устройствомъ прусскому или австрійскому господству и т. д. Границы западно-европейскихъ государствъ далеко не соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ обитающихъ въ нихъ національностей, и это обстоятельство на долго будетъ источникомъ неудовольствій между этими государствами, взаимныхъ опасеній и кровопролитныхъ столкновеній. Предполагая, что вопросы международные будутъ рѣшаться по современнымъ намъ способамъ, — трудно даже предвидѣть конецъ европейской неурядицы; на границахъ двухъ смежныхъ государствъ народности всегда болѣе или менѣе сливаются, и отъ того всегда возможно будетъ найдти поводъ утверждать, что по требованіямъ политики національностей извѣстный клочокъ земли долженъ принадлежать тому, а не другому государству. Наше положеніе совсѣмъ иное: обладая огромнымъ пространствомъ земли, Россія не имѣетъ особенныхъ причинъ опасаться территоріальнаго усиленія какой-либо изъ западныхъ державъ. Матеріальныя силы наши въ настоящее время достаточны для отраженія нападеній извнѣ, и если развитіе нашихъ природныхъ средствъ не встрѣтитъ внутри государства задержекъ, то силы эти будутъ постепенно возрастать, увеличивая для насъ такимъ образомъ возможность обороны. Даже только съ этой чисто-европейской точки зрѣнія для нашего отечества не заключается серьознаго разсчета въ томъ, какъ разрѣшается большая

*

Digitized by Google

чѣть политическихъ вопросовъ въ западной Европѣ. Какъ ни покончатъ судьбу Шлезвигъ-Гольштейна, къ чему-бы ни повели франко-итальянская конвенція, скажемъ даже болѣе—какъ-бы ни былъ будущій исходъ сѣверо-американской распри,—для насъ въ этомъ нѣтъ ни особенной выгоды, ни *прямой* невыгоды, по крайней мѣрѣ на долго. А будущее зависитъ отъ бездны комбинацій, которыхъ теперь можетъ быть и предвидѣть нельзя и которыя сверхъ того, въ дальнѣйшемъ ходѣ, могутъ даже измѣнить важное въ неважное, а разсчитанное въ совершенно неожиданное, однимъ словомъ—въ настоящемъ случаѣ мы тутъ почти ни при чемъ. Мы можемъ сочувствовать итальянской народности, сѣвернымъ штатамъ Америки, можетъ даже употреблять свое дипломатическое вліяніе въ пользу этихъ интересовъ,—но здѣсь вопросъ идетъ уже не о прямой нашей выгодѣ, а только о сочувствіи той или иной идеѣ. Границы наши проведены правильнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Мы не говоримъ о польской границѣ, потому что вопросъ о Польшѣ принадлежитъ внутренней, а не международной политикѣ; мы не говоримъ и объ азіатскихъ нашихъ границахъ, потому что тутъ сосѣди наши находятся на такой низкой степени политическаго развитія, что много еще утечетъ воды прежде чѣмъ вопросъ объ этихъ границахъ можетъ сдѣлаться вопросомъ національности или политическаго равновѣсія. Опять повторимъ: о потребностяхъ внутренней политики мы не говоримъ. Тутъ дѣло другое. При такихъ обстоятельствахъ Россія не можетъ быть прямыхъ политическихъ интересовъ вмѣшиваться въ мелкія европейскія распри, и всякая попытка въ этомъ родѣ была-бы выраженіемъ только особеннаго нашего положенія. Наши силы могутъ устремляться единственно на развитіе нашей внутренней экономической жизни и на улучшеніе нашихъ общественныхъ и политическихъ учрежденій. Поставленные исторіей въ такое положеніе, мы не можемъ интересоваться всякимъ политическимъ извѣстіемъ изъ Европы съ тѣмъ жаромъ и увлеченіемъ, какъ это весьма естественно для западно-европейскихъ публицистовъ. Мы покамѣстъ можемъ преспокойно читать политическія извѣстія о смѣнахъ европейскихъ министровъ, о трактатахъ, конференціяхъ, дипломатическихъ нотахъ, рѣчахъ Наполеона III и оппозиціонныхъ ораторовъ во Франціи и т. п., хладнокровно и безпристрастно обдумывая, на сколько во всемъ этомъ выражается успѣхъ или неуспѣхъ тѣхъ идей, которыя составляютъ наше политическое вѣрованіе. Если политическія извѣстія представляютъ съ этой стороны что-нибудь заслуживающее вниманія, мы заносимъ ихъ въ свою хронику; въ противномъ же случаѣ мы или указываемъ на ложное значеніе, приписываемое фактамъ, или проходимъ мимо ихъ, считая болѣе серьознымъ дѣломъ

Digitized by Google

заниматься вопросами нашего внутренняго быта. Ограничивъ такими рамками свою задачу, мы можемъ говорить только въ очень краткихъ словахъ о тѣхъ предметахъ, вокругъ которыхъ вертѣлась колея политической жизни въ прошедшемъ году.

Начинаемъ наше обозрѣніе прошедшаго года съ шлезвигъ-гольштейнскаго дѣла. Вопросъ этотъ имѣлъ всѣ шансы получить жизненное значеніе для германской народности. Дѣйствительно, все лучшее въ нѣмецкомъ народѣ взволновалось противъ Даніи: нѣмцы были увѣрены, что они совершатъ подвигъ высокаго патріотизма, освободятъ германское населеніе герцогствъ отъ ненавистнаго ига, смоютъ пятно съ нѣмецкой чести, укрѣпятъ свое положеніе на сѣверѣ и положатъ основаніе германскому флоту. Сколько при этомъ было потрачено нѣмцами возгласовъ, патріотическихъ самовосхваленій, надеждъ! Словомъ — любезные для насъ нѣмцы смотрѣли на войну съ Даніей какъ на прекрасный случай показать всему міру, что и они что-нибудь да значатъ въ политикѣ. Отбросивъ въ сторону тѣ преувеличенныя и потому смѣшныя упованія, которыя нѣмцы возлагали на шлезвигъ-гольштейнскую войну, мы думаемъ все-таки, что при болѣе благоразумномъ веденіи она могла-бы имѣть нѣкоторое немаловажное значеніе для Германіи вообще, т. е. въ смыслѣ общей Германіи. Уже давно нѣмцы хотѣтъ создать изъ своей страны общую Германію, — нѣчто единое; но до сихъ поръ дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи ограничивалась почти исключительно фразами, лекціями, стихами, пивомъ и мечтаніями, неприносящими никакого плода вслѣдствіе какой-то прирожденной нѣмцамъ инерціи и наклонности къ мечтательности. Оставляя почти неприкосновенною даже въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ идею своего внутренняго порядка, они разумѣется ничего не въ силахъ достигнуть однимъ, такъ сказать, внѣшнимъ пріемомъ. Въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ они впервые захотѣли перейдти изъ области фантазіи въ міръ дѣйствительный внѣшнимъ пріемомъ, какъ мы замѣтили выше. Успѣшное окончаніе нѣмцами войны съ Даніей было-бы доказательствомъ способности ихъ дѣйствовать единодушно для достиженія своихъ желаній, способности, которой до сихъ поръ не доставало у нѣмцевъ и которая между тѣмъ такъ необходима для нихъ, если они хотятъ придать Германіи прочное значеніе въ политической системѣ Европы. Словомъ, эта война могла быть первымъ урокомъ самостоятельной политической дѣятельности нѣмцевъ и съ этой стороны она была-бы важнымъ шагомъ къ осуществленію завѣтной надежды Nationalverein'а. Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ искренности чувствъ нѣмецкаго народа, въ силѣ его энергіи. Но въ томъ-то отчасти и дѣло, что до сихъ поръ идея политическаго единства кажется вовсе не

Digitized by Google

составляетъ органической потребности всей массы германскаго *народа* (которому очевидно первѣе этой идеи нужно чего-то гораздо но важнѣе, чего можетъ быть онъ еще и сознать не умѣетъ среди китаизма и все большаго и большаго отверденія европейскихъ вѣрованій и предразсудковъ),—а помѣщается эта «обще-германская» идея только въ философскихъ, профессорскихъ и въ тѣхъ пропріетерскихъ головахъ, въ которыхъ побольше поэзіи. Теперь-же въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ представлялось разрѣшеніе этого обще-германскаго вопроса только однимъ внѣшне-политическимъ, если можно такъ выразиться, способомъ и все-таки даже и такимъ способомъ «обще-германское дѣло» (если только оно не профессорская мечта) могло хоть что-нибудь выиграть. Нужно было только одному изъ германскихъ государствъ взять на себя роль руководителя нѣмецкаго движенія и повести дѣло честно и прямо во имя нѣмецкой національности. Представлялись громадныя выгоды для государства, на долю котораго выпала-бы такая инициатива: оно расположило-бы къ себѣ всю націю и могло-бы пріурочить къ своему центру дѣло національнаго единства. Бисмарку, если-бы только онъ былъ въ состояніи взяться за это, предстояла задача Кавура: воспользоваться народными силами для цѣлей государственныхъ. Но по закону дѣлъ человѣческихъ великіе подвиги совершаются только такими людьми, которые способны видѣть дальше обыкновеннаго хода политическихъ обстоятельствъ. А впрочемъ, чтобы все сказать, и Бисмарки-то наиболѣе успѣваютъ только тамъ, гдѣ имъ дѣйствительно сочувствуютъ. А пруссакъ, это очевидно, въ массѣ сочувствовалъ Бисмарку, что впрочемъ можетъ быть и очень хорошо; а если сочувствовалъ, то ужъ разумѣется изъ чисто прусскаго патріотизма и стало быть въ ущербъ обще-германскому, и кажется до сихъ поръ чрезвычайно отвлеченному чувству. Слѣд. и Бисмарка въ этомъ ущербѣ чувства винить совсѣмъ нельзя, и мы говоримъ это очень серьозно. Но вотъ что можно о немъ сказать: ему конечно нельзя отказать въ ловкости и изворотливости среди политическихъ затрудненій—способностяхъ немаловажныхъ для государственнаго человѣка. Но стать выше политической рутины — на это у него не хватитъ пороху. Онъ принадлежитъ къ многочисленному классу политиковъ, которые во внутреннихъ дѣлахъ способны на борьбу съ парламентскими партіями, а во внѣшнихъ съ успѣхомъ могутъ вести только мелкую игру въ политическое равновѣсіе. Все ихъ стараніе устремлено на поддержаніе своей власти и на вліянія какъ внутри государства, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Съумѣть распустить непокорный парламентъ, посредствомъ ловкой интриги ослабить на время политическое значеніе сосѣдняго государства—это ихъ дѣло.

Digitized by Google

Если-же обстоятельства комбинируются такъ, что для извлеченія изъ нихъ всѣхъ полезныхъ результатовъ необходимо оставить въ сторонѣ всѣ преданія системы политическаго развитія и прежнихъ привычекъ и направить свои силы къ какой-нибудь отдаленной, смѣлой цѣли (напр. значительному территоріальному увеличенію государства, а можетъ быть и владычеству надъ всей Германіей, — которая разумѣется такимъ путемъ стала-бы поневолѣ единой—если не Германіей, такъ Пруссіей, что въ сущности для нея совершенно должно быть равно),— для этого у политиковъ, о которыхъ мы говоримъ, не достаетъ ни дальновидности, ни той увѣренности въ своихъ силахъ, которая составляетъ отличительную принадлежность людей высшаго разряда. Привыкшіе къ мелкимъ, узко-эгоистическимъ разсчотамъ, они при такихъ обстоятельствахъ стремятся только къ ближайшей цѣли—временному преобладанію въ политической системѣ, или къ оторванію какого-нибудь клочка земли въ свою пользу. Если они дѣйствуютъ не одни, а въ союзѣ съ другими державами, — то ежеминутно опасаются усиленія своихъ союзниковъ, стараются всячески мѣшать имъ и усмотрѣвши вблизи какую-нибудь въ сущности ничтожную цѣль, оставляютъ начатое дѣло и союзниковъ и устремляютъ всѣ свои силы на эту цѣль. Конечно они достигаютъ временнаго и рутиннаго успѣха въ политической системѣ, и даже въ массѣ народа, такъ что становятся на время народными; но при малѣйшемъ измѣненіи политическихъ отношеній, имъ опять приходится затѣвать мелкую борьбу и продолжать привычныя имъ интриги. Намъ кажется, мы вѣрно охарактеризуемъ дѣятельность этого сорта государственныхъ людей, назвавъ ее политикою постояннаго страха.

Нашимъ читателямъ извѣстно, какимъ образомъ происходила шлезвигъ-гольштейнская распря, какъ вслѣдъ за экзекуціонными войсками Саксоніи и Ганновера появились въ Данія—Пруссія и Австрія: какъ они затмили собою второстепенныя германскія государства, отклонили навязчивыя услуги нѣмецкихъ волонтеровъ; какъ Пруссія постепенно выдвигалась на первый планъ и достигла наконецъ того, что вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій сдѣлался изъ національно-германскаго прусско-австрійскимъ. Мы ничего не говоримъ о лондонской конференціи, которая конечно ничего не могла сдѣлать, потому что ни одна изъ участвовавшихъ въ ней державъ не находила разсчота посылать свои войска для защиты лондонскаго трактата 1852 года. Результатомъ войны съ Даніей былъ миръ 18/30 октября, заключонный между королемъ прусскимъ, императоромъ австрійскимъ и королемъ датскимъ на вѣнской конференціи, на которую не былъ допущенъ даже самъ г. фонъ-Бейстъ, участововавшій въ лондонскихъ за-

Digitized by Google

сѣданіяхъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ германской федераціи. По первому трактату герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ были уступлены Даніей въ пользу Пруссіи и Австріи, съ обязательствомъ признать всѣ распоряженія, какія угодно будетъ сдѣлать великимъ германскимъ державамъ относительно герцогствъ. Въ заключеніе Пруссія безцеремонно заставила союзныя войска удалиться изъ Гольштиніи. Устраненіе представителя германскаго сейма отъ участія въ конференціи, уступка Даніей правъ на герцогства въ руки только Пруссіи и Австріи и наконецъ изгнаніе союзныхъ войскъ изъ Гольштиніи,—все это было разумѣется тягчайшею обидою для чести нѣмецкихъ обще-патріотовъ. Противъ Австріи и особенно Пруссіи поднялись вопли, жалобы, что они присвоили себѣ права, принадлежащія только сейму. Хотя съ точки зрѣнія союзной германской конституціи такое неудовольствіе нѣмцевъ и справедливо, но при всемъ томъ оно возбуждаетъ невольный смѣхъ. Какъ скоро второстепенныя германскія государства, вслѣдствіе своей нерѣшительности и слабости, дозволили Пруссіи и Австріи захватить въ свои руки веденіе войны и не сдѣлали ни одного твердаго шага, чтобы воспрепятствовать замысламъ великихъ державъ, цѣли которыхъ они не могли не предвидѣть,—всякое сѣтованіе ихъ на несправедливость очень странно. Пруссія и Австрія безъ нихъ дѣлали дѣло, безъ нихъ могли и кончить. Политическая жизнь въ настоящее время еще такъ низко развита, что трактаты и союзныя конституціи большею частью служатъ только маскою, которою прикрываются государства для оправданія своихъ притязаній; чаще-же всего въ между-государственныхъ отношеніяхъ случается такъ, что кому удалось одолѣть, тотъ и правъ. Вѣнская конференція, какъ и всякая вообще конференція, была только освященіемъ совершившагося факта. Нѣмцы оскорбились, что г. фонъ-Бейстъ не былъ на этой конференціи: мы думаемъ, что если-бы даже союзный уполномоченный былъ приглашонъ на конференцію, дѣло никакъ не получило-бы другого оборота. Половинъ герцогства были-бы уступлены не Австріи и Пруссіи, а всей Германіи; но въ рѣшеніи судьбы герцогствъ перевѣсъ безъ сомнѣнія былъ-бы на сторонѣ сильнѣйшихъ германскихъ государствъ, которыя и на этотъ разъ съумѣли-бы воспользоваться политическою неспособностью членовъ Германскаго Союза. И, кто знаетъ, еслибъ представители сейма и были на конференціи, то можетъ-быть они-же сами совершенно добровольно предоставили-бы герцогства Пруссіи и Австріи; такъ что теперь даже можетъ быть и лучше что они не были. Германскимъ правительствамъ, если-бы только они могли безпристрастно вникнуть въ свое положеніе,—всего-бы лучше было примириться съ мыслью,

Digitized by Google

что герцогства въ настоящее время — неоспоримая и неотъемлемая принадлежность Пруссіи и Австріи и что судьбою ихъ эти державы вправѣ распорядиться какъ хотятъ.

Въ настоящую минуту шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ стоитъ на точкѣ неизвѣстности о томъ, кому достанутся отошедшія отъ Даніи герцовства. Здѣсь нѣмцы опять становятся на точку зрѣнія положительнаго права. Кандидатовъ на обладаніе герцогствами является множество. Подобное было когда искали короля на греческій престолъ. Разница только та, что кандидаты на греческій тронъ не предъявляли никакихъ юридическихъ правъ на корону, — ихъ просто избирали. У нѣмцевъ не то: каждый кандидатъ на герцогства представляетъ документы о своихъ наслѣдственныхъ правахъ. Пруссія въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ другихъ германскихъ государствъ: она имѣетъ очевидное желаніе захватить герцогства въ свою власть, и для приготовленія общественнаго мнѣнія Германіи въ этой развязкѣ берлинскія газеты давно уже толкуютъ о династическихъ правахъ Пруссіи на Шлезвигъ-Гольштейнъ. Нѣмецкіе патріоты конечно до послѣдней степени возмущаются такою алчностью Пруссіи. Разбирать дѣйствительность правъ Пруссіи на герцогства, равно какъ и права другихъ претендентовъ, было-бы излишнимъ трудомъ; вещь весьма возможная, что прусская кандидатура, явившаяся позже другихъ, возьметъ верхъ или по остроумному выраженію газеты «La France» — «послѣдніе будутъ первыми», но такое рѣшеніе судьбы герцогствъ обусловливается конечно не династическими правами Пруссіи и никакъ не рѣшеніемъ союзнаго сейма, а единственно согласіемъ на то Австріи, участницы въ завоеваніи Шлезвигъ-Гольштейна.

Весьма непріятно поражаетъ недавнее торжественное заявленіе новаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Баваріи, г. фонъ-Пфортена, что «великія державы не должны имѣть претензіи показывать себя какими-то покровительницами второстепенныхъ государствъ, что Баварія докажетъ, что она съумѣетъ защитить независимость своей политики противъ всякихъ нападеній и что она не преминетъ избавить себя отъ несправедливыхъ притязаній, разорвавъ узы, связывающія ее съ Германскимъ Союзомъ». Можно быть увѣреннымъ, что политическій жаръ г. фонъ-Пфортена со-временемъ охладѣетъ и Баварія не исполнитъ своего грознаго обѣщанія, и что такимъ образомъ Пруссіи удастся устроить судьбу герцогствъ по своему желанію, если только Австрія найдетъ выгодныхъ для своихъ домашнихъ цѣлей поддерживать союзъ съ Пруссіей и на-время потакать ея замысламъ. Но какъ-бы ни покончилась судьба герцогствъ, интересно вывести результатъ изъ всей шлезвигъ-гольштейнской траги-комедіи. Сущность ея очень

Digitized by Google

исключая: перейдутъ герцогства къ Пруссіи,—эта держава будетъ до тѣхъ поръ пользоваться перевѣсомъ въ Германскомъ Союзѣ, пока будетъ продолжаться внутренняя слабость Австрійской имперіи; перейдутъ герцогства къ принцу Фридриху Августенбургскому,—будетъ одинъ германскимъ государствомъ больше. Для Пруссіи или вѣрнѣе для г. Бисмарка въ первомъ случаѣ будетъ выигрышъ—именно: временный перевѣсъ въ политической системѣ, потому что на этомъ, какъ мы сказали, построена вся политическая мудрость такихъ государственныхъ людей, какъ г. Бисмаркъ. А для Германіи ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ быть никакой выгоды: ни внѣшнее значеніе, ни внутреннее устройство союза не измѣнятся къ лучшему. Такимъ образомъ и патріотическія чувства нѣмцевъ и кровь германская —все погибло даромъ, безъ всякой пользы для обще-нѣмецкаго дѣла. Вина во всемъ наружно падаетъ конечно на правительства второстепенныхъ германскихъ государствъ, которыя затѣявши войну съ Даніею, должны были-бы вести ее народными силами, не допуская вмѣшательства Пруссіи и Австріи, чтобы способствовать чрезъ это возвышенію политическаго духа въ Германіи и большому объединенію нѣмцевъ. Но способны-ли они были сдѣлать это?—вотъ вопросъ. Мало того, понимали-ли они въ этомъ *практическомъ* случаѣ, что значатъ собственно народныя силы для успѣха такого дѣла и *дѣйствительно*-ли имѣли они эту силу въ своемъ обладаніи? А наконецъ и третье: была-ли въ сущности эта сила въ Германіи дѣйствительно, или только казалось, что она была? Если-же они не считали себя способными выполнить такую роль, то вмѣсто этого имъ гораздо лучше было-бы, первѣе всего, осмотрѣться у себя дома; потому-что, не говоря уже объ общемъ союзномъ устройствѣ, внутреннія дѣла во многихъ германскихъ государствахъ идутъ крайне плохо. Въ этомъ случаѣ нѣмцы показали замѣчательную безтактность: увлекшись воображаемою славою побѣды надъ Даніей, они совершенно забыли о тѣхъ внутреннихъ политическихъ и соціальныхъ своихъ неустройствахъ, которыя въ сущности служатъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію идеи національнаго единства. Такъ напр. пруссаки, которые такъ долго боролись противу г. Бисмарка,—изъ-за его въ сущности ничтожныхъ успѣховъ (а по настоящему огромныхъ промаховъ) въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ,—великодушно простили ему всѣ его политическіе грѣхи, забыли, что у нихъ распущенъ парламентъ и что страна управляется безъ бюджета. Такимъ образомъ только теперь становится очевиднымъ, что имъ гораздо лучше-бы шло не сердиться и прежде. До какой степени важно было-бы для нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ заняться своими внутренними дѣлами,—прекрас-

Digitized by Google

нею характеристикою этого можетъ служить адресъ, поданный курфирсту гессен-кассельскому палатою депутатовъ и изображающій живыми, но крайне печальными красками положеніе страны. Мы считаемъ долгомъ внести въ наше обозрѣніе нѣкоторыя мѣста изъ этого памятника, въ высшей степени замѣчательнаго въ исторіи гессенской конституціи.

«Если внимательно посмотрѣть на всѣ учебныя заведенія, составляющія первый элементъ государственной и общественной жизни, то вездѣ обнаружатся самые печальные результаты. Въ особенности нашъ университетъ, которымъ страна наша издревле гордилась и для котораго сеймъ охотно назначилъ всѣ нужныя деньги, за нѣсколько десятковъ лѣтъ представляетъ самую отсталую, печальную картину, краски которой еще болѣе выставляются въ сравненіи съ университетомъ Гессена. Главная причина этого упадка усматривается въ томъ, что за немногими исключеніями всѣ министры внутреннихъ дѣлъ в. к. высочества, вмѣсто того чтобъ доставлять университету отличныхъ и испытанныхъ ученыхъ, руководились при опредѣленіи профессоровъ спеціально-политическими и религіозными причинами, а не ученою ихъ репутаціею.

«Высшая ремесленная школа въ Касселѣ не оправдала тоже ожиданій, которыя возлагали на нее при основаніи, тогда какъ въ другихъ странахъ Германіи эти заведенія имѣли полный успѣхъ.... Народнымъ училищамъ до сихъ поръ не достаетъ той законной организаціи, о которой еще за 30 лѣтъ назадъ представляли правительству в. к. высочества какъ о совершенной необходимости. Вмѣсто этого были введены узаконенія, которыя препятствовали народному образованію и которыя только недавно, въ послѣднее время, и то самымъ недостаточнымъ образомъ, получили улучшенія. Однакожъ не въ этомъ именно состоитъ наше печальное положеніе дѣлъ...

«Благосостояніе Гессена не вполнѣ-бы еще исчезло, если-бъ сельскіе жители были во-время освобождены отъ древнихъ феодальныхъ узаконеній, тяготѣвшихъ надъ ними. Всего нужнѣе былъ для нихъ законъ общинъ, который неоднократно былъ представляемъ правительству в. к. высочества, но до сихъ поръ необсужденъ и неутвержденъ. Сверхъ того, въ Гессенѣ нѣтъ еще до сихъ поръ училища земледѣлія, и всѣ представленія объ учрежденіи его всякій разъ встрѣчаютъ непреодолимыя затрудненія. Положеніе ремеслъ въ Гессенѣ возбуждаетъ также сильныя опасенія; цеховыя правила 5 марта 1816 года, которыя еще за 25 лѣтъ назадъ признаны были правительствомъ в. к. высочества недостаточными, составляютъ до сихъ поръ единственное руководство по этой части, тогда какъ по всей Германіи введена уже

Digitized by Google

полная свобода ремеслъ. Законы о торговлѣ, введенные также во всей Германіи, не существуютъ еще у насъ. Мы все еще руководствуемся правилами 21 ноября 1788 г. Въ недостаткѣ всѣхъ упомянутыхъ узаконеній усматриваемъ мы, что Гессенъ, столь благопріятно надѣленный отъ природы всѣми естественными произведеніями, самымъ печальнымъ образомъ отсталъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ.

«В. к. в—ство! Мы обязаны выставить тотъ фактъ, что въ продолженіе 30 лѣтъ, кромѣ компаніи сѣверной желѣзной дороги и франкфуртско-гановерской, кромѣ нѣкоторыхъ газовыхъ заведеній и кромѣ общества Наугеймскаго Кургауза, не было во всемъ Гессенѣ ни одного промышленнаго предпріятія, основаннаго на акціяхъ: форма этой дѣятельности вовсе еще не введена у насъ. Правительство, в. к. высочества, при всѣхъ подобныхъ проэктахъ обнаруживало столько недоброжелательства, что всякій духъ предпріимчивости исчезъ между нами. Одинъ изъ нихъ, признанный всѣми полезнымъ для страны, пролежалъ 16 мѣсяцевъ въ вашемъ министерствѣ, которое наконецъ объявило, что не получило на это предпріятіе соизволенія в. к. высочества. Вѣроятно имя ваше служило только отговоркою, которую часто употребляютъ для устраненія неправящихся проэктовъ. Мы говоримъ о дополненіи сѣти желѣзныхъ дорогъ и о вовсе неимѣющейся у насъ сѣти телеграфическихъ линій. Все это производитъ явный упадокъ нашей промышленности и сословіе рабочихъ не находитъ себѣ нигдѣ труда. Отъ этого увеличивается вредная и безнравственная привычка, что сильнѣе и трудолюбивѣе наше юношество идетъ на заработку въ чужіе края и развѣ что зимою, на короткое время возвращается домой....

«Тяжко было намъ рѣшиться на представленіе картины нашего дорогого намъ отечества; но мы ее чрезвычайно смягчили и далеко не высказали многія справедливыя жалобы».

Заговоривши о внутреннихъ дѣлахъ въ германскихъ государствахъ, мы естественно переходимъ къ Австріи. Для насъ навсегда должна быть памятна та двусмысленная роль, которую играла Австрія въ началѣ польскаго возстанія, явившись въ ряду знаменитой западно-европейской тріады. Трудно понять, чего она хотѣла достигнуть въ этомъ случаѣ: задобрить поляковъ наружнымъ расположеніемъ къ нимъ она никакъ не должна была разсчитывать; потому что при тѣхъ широкихъ замыслахъ, которые предъявила польская революціонная партія,—возстаніе рано или поздно неминуемо должно было вспыхнуть и въ Австріи. Дѣйствительно, Галиція скоро сдѣлалась театромъ сильной революціонной пропаганды; во многихъ мѣстахъ стали сходиться банды поляковъ, переходившихъ въ Австрію черезъ прусскую и русскую границы; правительство находило склады оружія; появлялись даже от-

Digitized by Google

дѣльныя вспышки мятежа, и по всему было замѣтно, что поляки хотятъ обратить свои силы противъ мнимаго ихъ защитника. Правительство австрійское изъ чувства самосохраненія естественно должно было положить конецъ революціонному волненію. Сначала оно ограничивалось только арестами, но впослѣдствіи опасаясь новаго возстанія въ Галиціи, вынуждено было совершенно оставить тотъ ложный путь, котораго она держалась въ отношеніи къ полякамъ въ 1863 году и который ни мало не согласуется съ общимъ государственнымъ строемъ Австріи. Въ 1864 году Австрія рѣшилась объявить Галицію въ осадномъ положеніи. Такое измѣненіе во внутренней политикѣ отразилось и на внѣшнихъ отношеніяхъ Австріи. Поставленная въ польскомъ вопросѣ въ одинаковое положеніе съ всегдашней своей соперницей—Пруссіей, Австрія порвала связь съ второстепенными германскими государствами, которая составляла ея силу въ Германскомъ Союзѣ, и сблизилась съ Пруссіей, вступивъ въ союзъ съ послѣднею въ Датской войнѣ. Къ несчастію Австріи, выгоды войны должны были достаться на долю одной только Пруссіи, такъ что Австріи по-неволѣ теперь приходится каяться въ томъ, что она избрала себѣ такого неуслужливаго союзника. Это обстоятельство вѣнскія газеты считаютъ главною причиною отставки перваго австрійскаго министра г. Рехберга, по мысли котораго Австрія сдѣлалась союзницею Пруссіи, и замѣнили его графомъ Менсдорфомъ—Пуйи и г. Шмерлингомъ. Такое толкованіе едва-ли справедливо; по крайней мѣрѣ до настоящаго времени не замѣтно еще признаковъ ослабленія дружбы между Австріей и Пруссіей; притомъ-же въ виду франко-итальянской конвенціи 15 сентября Австрія не имѣетъ пока прямого разсчета разрывать этотъ, хотя-бы и невыгодный для нея въ другихъ отношеніяхъ союзъ. Скорѣе можно думать, что смѣна консервативнаго г. Рехберга вызвана была желаніемъ австрійскаго императора произвести нѣкоторыя реформы внутри государства; по крайней мѣрѣ на этотъ пунктъ обращено было особенное вниманіе въ тронной рѣчи, сказанной Францомъ-Іосифомъ II при открытіи въ Австріи полнаго рейхсрата. На сколько способно нынѣшнее австрійское министерство удовлетворить справедливымъ требованіямъ подчиненныхъ Австріи народностей, можно судить по тому, что заправитель внутренней политики въ Австріи принадлежитъ къ числу либераловъ въ строго австрійскомъ смыслѣ: конституціонализмъ далеко не искренній, онъ поставилъ своею задачею оттѣсненіе славянъ и венгровъ. Между тѣмъ въ настоящее время для Австріи важнѣе чѣмъ когда-нибудь уладить несогласія съ венгерцами и чехами, которые до сихъ поръ не участвуютъ въ конституціонной жизни государства, требуя въ свою пользу уступокъ, оправдываемыхъ ихъ по-

Digitized by Google

торіей, и гарантій, которыя-бы ограждали ихъ отъ вліянія нѣмецкой народности. При настоящемъ положеніи венеціанскаго вопроса, который не сегодня-завтра можетъ разразиться революціей, правительству австрійскому необходимо успокоить венгерцевъ и славянъ дѣйствительно либеральными сдѣлками, чтобы они, въ случаѣ возстанія венеціанцевъ, не присоединились къ нимъ. Съ этимъ вопросомъ связано состояніе австрійскихъ финансовъ: «держа не-нѣмецкія народности въ исключительномъ положеніи», Австрія конечно должна тратиться сильно средствъ своихъ на содержаніе войскъ, чтобы въ минуту опасности имѣть возможность подавить недовольствіе этихъ племенъ. Невыносимо дурное распоряженіе государственными средствами возбуждаетъ противъ австрійскихъ министровъ недовольствіе даже и нѣмецкихъ подданныхъ Австріи, которые кромѣ того имѣютъ не мало и другихъ причинъ порицать ихъ. Къ числу такихъ причинъ слѣдуетъ причислить постоянное ихъ уклоненіе отъ присоединенія къ таможенному союзу и неоднократныя нарушенія конституціи. Всѣ указанныя нами слабыя стороны австрійской политики были предметомъ самыхъ жаркихъ преній въ рейхсратѣ при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь императора. Не находя мѣста для подробнаго изложенія этихъ преній, мы остановимся только на рѣчи г. Кайзерсельта, австрійскаго депутата, которая по нашему мнѣнію служитъ выраженіемъ взгляда австрійско-нѣмецкихъ либераловъ на положеніе своей страны. Основная мысль рѣчи та, что Австрія должна быть страною конституціонною, иначе она утратитъ всякое право на существованіе. По мнѣнію г. Кайзерсельта полная безуспѣшность конституціонной дѣятельности въ Австріи зависитъ частью отъ недостатковъ самой конституціи, частью отъ того, что правительство, приводя конституцію въ исполненіе, избрало совершенно ложный путь. Съ особенною силою онъ указываетъ на отсутствіе въ конституціи основныхъ правъ, которыя были-бы утверждены на прочномъ основаніи, потому что въ этихъ правахъ заключается солидарность интересовъ и та прочная связь, которая могла-бы служить точкою соединенія для всѣхъ народовъ, живущихъ по обѣ стороны р. Лейты. Медленность правительства въ разрѣшеніи венгерскаго вопроса составляетъ, по словамъ оратора, великое бѣдствіе для Австріи, потому что вслѣдствіе этого обстоятельства являются постоянно новыя препятствія которые выражаются въ формѣ «исключительнаго положенія», и всѣ стремленія рейхсрата — внести въ законодательную дѣятельность разумно либеральный духъ — не приносятъ никакого плода. Съ тѣхъ поръ, какъ государственный министръ (г. Шмерлингъ) убѣдился, что осуществленіе конституціи встрѣчаетъ столь значительныя препятствія въ странахъ

Digitized by Google

выходящихся на ту сторону р. Лейты, ему не мѣшало упускать изъ виду тѣхъ опасностей, которыя грозятъ какъ конституціи, такъ и существованію самой монархіи. «По моему мнѣнію, говоритъ г. Кайзерфельдтъ, необходимо было-бы водворить конституцію хотя-бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; отъ проницательности г. Шмерлинга не должно было-бы укрыться то обстоятельство, что каждый успѣхъ, который выпадаетъ на долю конституціонализма здѣсь, уничтожаетъ сопротивленіе тамъ. Я не могу постичь, къ чему можетъ вести эта болѣзнь прогресса, эти вѣчныя и никогда неисполняющіяся обѣщанія». Ораторъ заключилъ свою рѣчь словами: «Если отставка графа Рексберги должна имѣть особенно важное значеніе, я думаю, что пора уже понять это. Я не утратилъ вѣры въ этого человѣка (г. Шмерлинга), но увѣренность въ справедливости употребляемыхъ имъ средствъ и въ его либерализмѣ глубоко потрясена. Дай Богъ, чтобы скоро мы могли, что г. Шмерлингъ можетъ снова оправиться». Г. Шмерлингъ въ свою очередь не замедлилъ представить доказательство, что разсужденіе г. Кайзерфельдта въ его либеральномъ вполнѣ справедливо. Когда въ рейхсратѣ зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ, г. Шмерлингъ выразилъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, будто конституція не можетъ успѣшно дѣйствовать при отсутствіи закона объ отвѣтственности министровъ. По этому министерство не сочло приличнымъ представлять въ нынѣшнюю сессію рейхсрата проектъ этого закона. По словамъ г. Шмерлинга, благопріятное для такого предложенія время можетъ наступить лишь тогда, когда конституціонный порядокъ водворится во всѣхъ областяхъ имперіи. Такимъ образомъ гг. Кайзерфельдтъ и Шмерлингъ рѣшительно расходятся во взглядахъ, хотя и тотъ и другой — либералы. Одинъ говоритъ: «дѣйствуйте либерально, и тогда съ вами помирятся венгерцы и славяне». Другой отвѣчаетъ: «пусть они сначала помирятся съ вами, и тогда ужъ мы будемъ поступать либерально». Еще рѣзче обнаружился характеръ нынѣшняго австрійскаго министерства въ преніяхъ относительно осаднаго положенія въ Галиціи. Оппозиція сдѣлала нападку на министерство съ той стороны, что въ конституціи нѣтъ закона, предоставляющаго исполнительной власти объявлять страну въ осадномъ положеніи, и потому мѣра эта могла быть установлена не административнымъ, а законодательнымъ путемъ, т.-е. съ согласія рейхсрата. Представители правительства развивали напротивъ ту мысль, что право объявлять осадное положеніе составляетъ принадлежность исполнительной власти, вытекая изъ лежащей на ней обязанности наблюдать за сохраненіемъ общественнаго и государственнаго спокойствія. Оффиціозныя газеты продолжали развитіе этой мысли еще далѣе; такъ въ одной изъ нихъ

говорится, что если-бы даже во время объявленія осаднаго положенія было собраніе рейхсрата, то и въ такомъ случаѣ правительству не было-бы никакой надобности испрашивать разрѣшенія палатъ на эту мѣру.

Намъ кажется, мы довольно ясно обозначили характеръ новаго австрійскаго министерства и лѣвой стороны палаты депутатовъ, такъ-что можемъ сказать теперь нѣсколько словъ для выраженія нашего мнѣнія о положеніи австрійскихъ дѣлъ. Было-бы крайнимъ обольщеніемъ для Австріи полагать какія нибудь надежды на г. Шмерлинга; система онѣмеченія всегда будетъ встрѣчать себѣ отпоръ въ подвластныхъ Австріи племенахъ и неминуемо поведетъ къ разрыву ихъ съ имперіей. Точно также и въ рекомендуемомъ г. Кайзерсфельдомъ «конституціонализмѣ» мы не видимъ возможности для Австріи избѣгнуть внутренняго распаденія. Различныя одна отъ другой и по языку и по народности части Австрійской Имперіи не могутъ быть объединены въ конституціонализмѣ, потому что послѣдній для успѣшнаго своего развитія необходимо предполагаетъ единство народностей. Историческія воспоминанія венгерцевъ, славянъ и итальянцевъ такъ сильны, что они не въ состояніи отказаться въ пользу конституціонной идеи отъ своихъ исторически-самобытныхъ правъ, отъ самостоятельной государственной жизни. Между различными племенами Австрійской Имперіи не можетъ быть никакой крѣпкой внутренней связи интересовъ нравственныхъ и политическихъ; при отсутствіи-же ихъ—конституціонная жизнь невозможна. По нашему мнѣнію, такое разнохарактерное по составу государство какъ Австрія можетъ сохранить свою цѣлость только при двухъ образахъ правленія: или при полнѣйшей абсолютной власти, которая-бы одерживала постоянно всякое проявленіе племенной особенности (на что у Австріи давно уже не хватаетъ силъ), или при федеративной формѣ, подъ которою могутъ уживаться племена самыя различныя по наружности, языку, религіи и нравамъ. Объединенныя только экономическими выгодами, интересомъ общей безопасности, члены федераціи сохраняютъ при этомъ полную народную автономію, жертвуя въ пользу центральнаго правительства извѣстною частью своихъ матеріальныхъ средствъ для поддержанія государственной цѣлости и внѣшней защиты. Въ Австріи идея федераціи имѣетъ нѣсколькихъ защитниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ газета «Народъ», органъ Гг. Палацкаго и Ригера. Но къ несчастію Австріи и федеративная идея для нея непримѣнима. Мы думаемъ, что федерація только на весьма непродолжительное время могла-бы служить связью между подчиненными Австріи народностями. Не говоря уже о томъ, что было-бы безуміемъ предполагать въ австрійскомъ правительствѣ малѣйшую готовность пожертвовать насто-

Digitized by Google

ящимъ порядкомъ и создать имперію не исключительно-нѣмецкую, а федеративную,—самая форма эта можетъ соединить только такія племена, которыя сами по себѣ такъ слабы, что не могутъ существовать какъ отдѣльныя государственныя тѣла,—такія племена, которымъ, какъ говорится, некуда дѣваться. Между тѣмъ этого-то именно условія мы не находимъ въ составныхъ частяхъ Австрійской Имперіи. Венгрія наприм. и въ настоящее время имѣетъ всѣ данныя къ образованію изъ себя самостоятельнаго политическаго организма,—данныя, заключающіяся въ пространствѣ венгерской территоріи, количествѣ населенія, языка и въ сильномъ развитіи политическаго духа. Мало того: Венгрія даже никогда и не теряла сознанія своей самостоятельности. Славянскія части австрійской монархіи могли-бы только до тѣхъ поръ оставаться членами идеальной австрійской федераціи, пока на западѣ отъ Россіи не образовалось-бы какое-либо достаточно сильное славянское государство, которое-бы служило для нихъ, такъ сказать, центромъ притяженія. Въ настоящее время такой притягательный центръ, по видимому, начинаетъ сосредоточиваться въ Дунайскихъ Княжествахъ, которыя вслѣдствіе реформы князя Кузы въ значительной степени усилились, хотя можетъ быть только на время, въ политическомъ отношеніи. Мы обѣщаемъ въ одномъ изъ ближайшихъ нашихъ обозрѣній сказать подробнѣе о значеніи этихъ реформъ. Съ другой стороны, подобное-же усиленіе замѣтно и въ Сербіи. Трудно конечно представить, Сербія или Дунайскія Княжества притянутъ къ себѣ западныхъ славянъ; потому что въ будущемъ могутъ образоваться новыя политическія комбинаціи, можетъ наприм. появиться на политическомъ горизонтѣ новое славянское государство. Мы хотимъ только въ настоящую минуту выразить нашу увѣренность, что теперь все болѣе и болѣе приближается время внутренняго распаденія австрійской имперіи, и съ этой стороны усиленіе Дунайскихъ Княжествъ и Сербіи должно составлять предметъ особенной заботливости австрійскаго правительства. О Венеціи нечего и говорить: для нея Италія служитъ естественнымъ центромъ тяготѣнія, къ которому она рано или поздно должна примкнуть. Франко-итальянская конвенція 15-го сентября, обѣщающая по истеченіи 2-хъ лѣтъ предоставить итальянцевъ на произволъ ихъ собственной судьбы, должна постоянно напоминать Австріи о близкой для нея возможности разстаться съ Венеціей.

Коснувшись конвенціи 15-го сентября, мы постараемся на сколько можно точнѣе выразить наше мнѣніе о значеніи ея для обще-итальянскаго дѣла. До настоящаго времени надежды и желанія Италіи присоединить Римъ и Венецію—задерживались исключительно Франціей, которая, содержа свои войска въ Римѣ, препятствовала осуществленію

стремленій итальянцевъ. Если-же Франція, на основаніи конвенціи, выведетъ изъ Рима свои войска, то императоръ австрійскій и папа будутъ предоставлены самимъ себѣ; съ этихъ поръ имъ нельзя уже будетъ навѣрное разсчитывать на помощь Франціи. Франція тогда развяжетъ себѣ руки: Франція можетъ помочь Австріи и папѣ, но можетъ остаться и равнодушною къ ихъ интересамъ. Смотря на конвенцію съ этой точки зрѣнія, мы думаемъ, что она наноситъ сильный ударъ папской власти и австрійской имперіи. Ежеминутно передъ ними будетъ стоять грозный вопросъ: что будетъ, если Франція не поможетъ имъ, а станетъ на сторону Италіи? Мы не говоримъ, что на основаніи конвенціи 15-го сентября можно заключать, будто Франція намѣрена содѣйствовать итальянскому дѣлу. Напротивъ, вслѣдствіе заключенія конвенціи положеніе Италіи, по нашему убѣжденію ни улучшилось, ни ухудшилось; мы хотимъ только выразить, что для Австріи и папскаго Рима конвенція имѣетъ значеніе возможности того, что Франція сложитъ съ себя защиту ихъ интересовъ. Приписывать конвенціи какой-либо положительный смыслъ и значеніе было-бы несогласно съ нашими взглядами, такъ какъ мы не разъ уже говорили, что не раздѣляемъ обольщенія нѣкоторыхъ публицистовъ трактатами, конвенціями и тому подобными произведеніями дипломатическаго ремесла. Такъ наприм. мнѣніе г. Форхада, пишущаго политическія хроники въ «Revue des deux mondes», будто заключеніе конвенціи 15-го сентября обезпечиваетъ для Италіи помощь Франціи и значитъ для нея столько-же, какъ еслибы Франція подарила ей 100,000 войска и 100,000,000 франковъ, кажется намъ не болѣе какъ сантиментальностью въ политическихъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ-же смыслѣ говорятъ о конвенціи почти всѣ французскіе публицисты. Нѣмецкія газеты въ настоящемъ случаѣ болѣе проницательны; онѣ не раздѣляютъ такого очарованія конвенціей, весьма понятнаго во французахъ и дѣлающаго честь ихъ патріотизму: почти единодушно онѣ признаютъ за конвенціей эластичность; одна изъ нихъ, кажется «Ostdeutsch Post», употребила для охарактеризованія конвенціи весьма мѣткое по нашему мнѣнію выраженіе, назвавъ ее *хамелеоновскою*. Дѣйствительно, конвенція 15-го сентября перещеголяла въ этомъ отношеніи весьма многіе трактаты. Императоръ Наполеонъ III воленъ вести себя по отношенію къ Италіи какъ ему угодно, опираясь всякій разъ на конвенцію какъ на актъ, доказывающій правомѣрность его дѣйствій. Можно представить нѣсколько соображеній для подтвержденія нашей мысли. Итальянская партія дѣйствія, положимъ, начинаетъ приготовленія къ походу на Римъ, собираются для этого митинги, дѣлаются подписки, вербуются волонтеры и т. п. Если итальянское правительство не противодѣйствуетъ этимъ попыткамъ, Наполеонъ III можетъ разсматривать вся-

Digitized by Google

кое подобное движеніе какъ нарушеніе конвенціи; потому что на основаніи ея итальянское правительство обязано не допускать нападенія итальянцевъ извнѣ на Римъ. Такимъ образомъ въ руки императора французскаго переходитъ полный надзоръ за общественною жизнью въ Италіи; всякое благопріятное дѣйствіе итальянцевъ по отношенію къ папскимъ владѣніямъ можетъ служить для него достаточнымъ поводомъ послать итальянскому правительству внушительную ноту съ совѣтомъ— положить конецъ народному движенію; въ случаѣ-же непослушанія Наполеонъ III въ правѣ нарушить конвенцію, оставить войска въ Римѣ на неопредѣленное время, или даже двинуть свои военныя силы противъ Италіи — благо столица итальянская (Флоренція) далеко отъ Франціи. Наше предположеніе вовсе не выходитъ изъ границъ возможнаго: дѣйствія итальянскаго правительства послѣ заключенія конвенціи служатъ подтвержденіемъ нашей мысли, что оно теперь по видимому еще болѣе чѣмъ до конвенціи находится подъ сильною опекою Франціи. Такъ наприм. итальянскій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Ланца, по поводу неблагопріятныхъ конвенціи митинговъ, по поводу возстанія въ Фріулѣ и другихъ революціонныхъ вспышекъ, разослалъ префектамъ циркуляръ, смыслъ котораго, равно какъ и всѣхъ рѣчей, сказанныхъ въ парламентѣ г. Ланца, тотъ, что на правительствѣ итальянскомъ лежитъ обязанность устранять всякій поводъ къ опасеніямъ папы и императора французовъ, будто цѣль итальянцевъ — присоединеніе Рима и Венеціи,—можетъ быть достигнута. Этой программы правительство строго держалось въ отношеніи къ означеннымъ митингамъ и народнымъ движеніямъ. Оно изъ всѣхъ силъ старалось мѣшать всякому проявленію народной воли, не разъ прибѣгало даже къ услугамъ войскъ.—Возьмемъ теперь случай другого рода: именно если волненіе возникаетъ въ предѣлахъ папскихъ областей, если населеніе ихъ выразитъ твердую рѣшимость отдѣлиться отъ папы и пристать къ Италіи. Можетъ-ли Викторъ-Эммануилъ при такихъ обстоятельствахъ воспользоваться папскими владѣніями? По толкованію конвенціи, сдѣланному г. Ламармора съ одной стороны и г. Друэномъ-де-Люисомъ съ другой, въ случаѣ революціоннаго движенія въ Римѣ правительства, какъ итальянское такъ и французское, предоставляютъ себѣ *полную свободу дѣйствія* — выраженіе слишкомъ понятное. Но по нашему мнѣнію на сторонѣ императора французскаго будетъ при такой комбинаціи болѣе законныхъ основаній дѣйствовать согласно своимъ видамъ. Не говоря уже о томъ, что присвоеніе Италіей Рима могло-бы быть истолковано какъ нападеніе на Римъ, слѣдовательно нарушеніе конвенціи, — Наполеонъ III имѣлъ-бы право требовать отъ итальянцевъ возвращенія Рима папѣ еще на томъ основаніи, что перенеся свою столицу во

Digitized by Google

Флоренцію, она тѣмъ самымъ отказались отъ Рима. Мы не будемъ говорить о другихъ комбинаціяхъ, которыя могутъ вытекать изъ конвенціи 15-го сентября; ибо надѣемся, что для читателей нашихъ, лишь вполнѣ убѣдительна наша мысль, что при всякой возможной постановкѣ итальянскаго вопроса всегда найдется въ конвенціи поводъ для Наполеона III держать Римскій вопросъ въ своей власти. Если не ошибаемся, изъ всѣхъ итальянцевъ только Мадзини и Гарибальди смотрѣли на конвенцію съ этой стороны. Читателямъ конечно знакомо изъ газетъ, что писали тотъ и другой по поводу конвенціи 15-го сентября. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую выдержку изъ письма Мадзини. По словамъ его, конвенція признаетъ права мнимаго властителя надъ Римомъ и итальянцами; если правительство выполнитъ ее, она ведетъ къ ленивымъ отношеніямъ, предастъ Римъ на жертву жестокой безвыходной борьбы въ теченіе двухъ лѣтъ, осуждаетъ Италію быть нѣмою свидѣтельницею этой борьбы, установляетъ постоянное Аспромонте. Если правительство не выполнитъ ее, она поведетъ къ безчестью народа, къ войнѣ съ Франціей за нарушеніе добровольно утвержденныхъ трактатовъ. Письмо Мадзини оканчивается слѣдующимъ печальнымъ предсказаніемъ:

«Что касается до прискорбныхъ политическихъ послѣдствій, то они всѣ обратятся противъ насъ. Чрезъ два года, усилившееся неудовольствіе, видимые признаки кризиса, неизбѣжныя угрозы республиканцевъ—дадутъ Людовику-Наполеону *полный* поводъ сказать правительству: «Обстоятельства измѣнились; въ то время, какъ я обѣщалъ, вы были сильны, теперь вы слабы и колеблетесь; я хотѣлъ предоставить Римъ самому себѣ, я не могу предоставить его революціоннымъ массамъ.»

Но впрочемъ мы не можемъ согласиться, въ этомъ заявленіи Мадзини, съ его убѣжденіемъ, что конвенція 15-го сентября обѣщаетъ для Италіи въ будущемъ одни только бѣдствія. Въ политическихъ дѣлахъ предсказанія могутъ имѣть слишкомъ мало успѣха. Если-бы политическіе дѣятели руководствовались исключительно принципами, — тогда зная принципъ дѣятельности какого-либо государственнаго мужа, можно было-бы пожалуй угадывать навѣрное, какъ онъ будетъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Но дѣло въ томъ, что руководствоваться въ политическихъ дѣлахъ единственно принципомъ—вести ихъ неуклонно по одному пути — свойственно только государственнымъ людямъ высшихъ дарованій. Императора французскаго нельзя отнести къ этому разряду; онъ, подобно прочимъ смертнымъ, руководится въ своихъ дѣйствіяхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Главная цѣль его—упроченіе и расширеніе своей власти; и поставленный во Франціи между борющимися интересами различныхъ партій и не имѣя за собою прошедшаго, онъ долженъ для достиженія своей

Digitized by Google

цѣли постоянно оглядываться — какая изъ французскихъ партій берегъ перевѣсъ, и сообразно съ ея взглядами дѣйствовать. По отношенію къ итальянскому вопросу ему нужно колебаться между крайними католиками, которыхъ во Франціи не мало, между католиками умѣренными, отрицающими свѣтскую власть папы, и прогрессистами всевозможныхъ оттѣнковъ. Поэтому императоръ французскій не можетъ сказать впередъ, которую партію предпочтетъ онъ, дѣйствуя въ итальянскомъ вопросѣ. Такая неопредѣленность французской политики замѣтна во всѣхъ депешахъ, писанныхъ г. Друэномъ-де-Люисомъ по поводу конвенціи 15-го сентября, если у читателя хватило терпѣнія перечесть ихъ внимательно. Теперь предположимъ, что внутреннія дѣла французской имперіи сложатся такъ, что Наполеону III возможно будетъ безопасно нанести ударъ клерикальной партіи: при такой комбинаціи обстоятельствъ ему не будетъ никакой надобности церемониться со свѣтскою властью папы, и тогда очевидно предсказаніе Мадзини не сбудется. Но будетъ-ли въ этомъ случаѣ императоръ французскій дѣйствовать по принципу, за идею? Нисколько. Не изъ нерасположенія къ свѣтской власти папы, не изъ любви къ итальянцамъ онъ дозволитъ имъ овладѣть Римомъ и Венеціей, а разумѣется изъ выгодъ самой Франціи; предсказывать опять невозможно, какія могутъ представиться въ будущемъ для Наполеона III разсчоты содѣйствовать довершенію итальянскаго единства, — это опять зависитъ отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ; въ настоящее время мы можемъ предполагать одинъ только интересъ, который пожалуй побудитъ императора французскаго помочь итальянцамъ — это пріобрѣтеніе какой-либо части Италіи, положимъ Сардиніи. Быть можетъ Италія въ скоромъ времени дождется повторенія исторіи Савоіи и Ниццы. Такой результатъ весьма естественно вытекаетъ изъ всей политики Наполеона III, который подъ видомъ ратованія за идеи преслѣдуетъ, конечно въ гомеопатическихъ размѣрахъ, цѣль великаго своего родоначальника — территоріальное увеличеніе Франціи. Газеты итальянскія и нѣмецкія, вслѣдъ за заключеніемъ конвенціи, пустили въ ходъ слухъ, что между правительствами французскимъ и итальянскимъ заключены какія-то секретныя условія относительно территоріальныхъ уступокъ въ пользу Франціи. Такой слухъ былъ-бы болѣе чѣмъ вѣроятенъ, — если-бы конвенція создала для Италіи что-нибудь прочное и положительное; но вѣдь Наполеонъ III отлично хорошо знаетъ, что онъ съ заключеніемъ конвенціи ничего не сдѣлалъ для итальянцевъ и что брать въ подарокъ отъ нихъ Сардинію — рѣшительно не за-что. — Скѣшимъ впрочемъ сдѣлать необходимую оговорку: все что мы до сихъ поръ говорили объ итальянскомъ вопросѣ, все это говорилось въ томъ предположеніи, что и въ Италіи и во Франціи ходъ политическихъ

Digitized by Google

дѣлъ будетъ направляться простыми смертными, дѣйствія которыхъ находятся подъ непреодолимымъ давленіемъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Явится въ Италіи новый Кавуръ или удастся Гарибальди своими извѣстными словами: «Римъ или смерть» вдохновить весь народъ итальянскій,—тогда рѣшеніе итальянскаго вопроса будетъ зависѣть уже отъ вліянія этихъ личностей, потому что геніальные люди способны въ значительной степени руководить обстоятельствами, потому что они умѣютъ среди самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ случайностей приводить въ исполненіе свои планы,—потому наконецъ, что поступки ихъ всегда подчиняются твердому и неизмѣнному принципу, и въ этомъ-то заключается ихъ сила и власть не только надъ массами, но и надъ правителями массъ.—При настоящемъ-же положеніи Италіи мы можемъ дѣлать предположенія относительно судьбы ея не иначе, какъ принимая въ соображеніе всѣ неблагопріятныя препятствія, непозволяющія государственнымъ людямъ Италіи исполнить то, о чемъ они мечтаютъ съ самой смерти Кавура. Кромѣ затрудненій со стороны Франціи, о которыхъ мы сказали, можетъ быть даже слишкомъ пространно, въ самой Италіи не мало такихъ преградъ. О томъ, въ какой мѣрѣ было и энергично желаніе народа итальянскаго пріобрѣсти Римъ и Венецію, трудно судить по тѣмъ вспышкамъ неудовольствія, которыя послѣдовали за заключеніемъ конвенціи. Но даже если мы представимъ народъ итальянскій столько-же преданнымъ идеѣ національнаго единства, какъ то было 1859 и 1860 г.,—въ настоящее время осуществленіе этой идеи едва-ли возможно собственными средствами Италіи. Нѣсколько лѣтъ, впродолженіе которыхъ Италія должна была дѣлать несоразмѣрные съ доходами расходы на содержаніе войска, истощили страну. Энергическій министръ финансовъ, г. Стелла, объявилъ вначалѣ засѣданій нынѣшняго парламента, что государственная казна пуста и если не будутъ собраны впередъ нѣкоторые налоги,—то нечѣмъ будетъ платить проценты по займамъ. Въ такомъ положеніи итальянскому правительству нельзя разумѣется и думать достигнуть чего-нибудь силою оружія. Правительство должно было употребить всѣ средства, чтобы спасти страну отъ банкротства. Замѣчательный и довольно рѣдкій примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ Викторъ-Эммануилъ, отказавшись въ пользу государственной казны отъ $3^1/_2$ милліоновъ фунтовъ своего личнаго дохода. Примѣръ этотъ, какъ и должно было ожидать, нашолъ полное сочувствіе въ странѣ: многіе города добровольно предложили правительству внести впередъ подати поземельнаго налога. Вскорѣ парламентъ, по настоянію г. Стелла, постановилъ взыскать поземельный налогъ на 1865 годъ по всему королевству впередъ: мѣра эта имѣла громадный успѣхъ; по недавнимъ извѣстіямъ изъ числа 121 милліона общей суммы налога внесено уже около 101 милліона. Для

Digitized by Google

уменьшенія государственныхъ издержекъ, правительство предприняло сокращеніе арміи въ значительныхъ размѣрахъ. Вотъ данныя о количествѣ войскъ въ Италіи: къ 1 сентября 1863 г. числилось 379,000 человѣкъ въ итальянской арміи; послѣ новаго набора составъ войска увеличился до 424,000 человѣкъ; если исключить изъ этой суммы отпускныхъ, а также выбывающихъ изъ службы за окончаніемъ сроковъ, то настоящій составъ арміи представляетъ все-таки огромную для Италіи цифру въ 325,000 человѣкъ, на содержаніе которой, вмѣстѣ съ военными издержками, страна жертвуетъ около 400 милліоновъ фунтовъ ежегодно. Полагаютъ, что сокращеніе состава итальянскаго войска на одну четверть дало-бы казнѣ сбереженія около 50,000,000 фунтовъ. Изъ мѣръ, предложенныхъ министромъ, г. Стелла, укажемъ на выпускъ билетовъ государственнаго казначейства, отчужденіе сѣтей желѣзныхъ дорогъ и другихъ государственныхъ имуществъ, увеличеніе нѣкоторыхъ акцизовъ, возвышеніе тарифа и т. п. Многія изъ этихъ предположеній встрѣтили сильныя возраженія при разсмотрѣніи ихъ въ парламентской коммисіи; но г. Стелла поставилъ вопросъ такъ, что нужно утвердить проектъ до $^{13}/_{25}$ декабря, если не хотятъ подвергнуться банкротству не позже 1 января 1865 года. Этотъ всемогущій аргументъ побудилъ парламентъ согласиться на всѣ требованія министра, хотя нѣкоторыя мѣры, напримѣръ возвышеніе тарифа и пошлины на соль, могутъ оправдываться только крайними финансовыми затрудненіями Италіи.

Въ ряду финансовыхъ мѣръ, предпринятыхъ итальянскимъ правительствомъ, слѣдуетъ по нашему мнѣнію обратить особенное вниманіе на проектъ закона объ уничтоженіи религіозныхъ корпорацій въ Италіи и обращеніи принадлежащихъ имъ имуществъ въ пользу государственной казны. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ нами изъ «Revue britanique», въ Италіи числится 82 монашескихъ ордена, 2,382 монастыря и въ нихъ монаховъ и монахинь 54,843 чел. Все духовенство итальянское, если причислить и немонашествующихъ, состоитъ изъ 185,900 членовъ—это цѣлая армія церковная. Въ этой огромной цифрѣ на долю Неаполя и Сициліи приходится 82,000 ч.. Имущества, принадлежащія монастырскимъ корпораціямъ и епископамъ, фабрики и разныя другія угодья, составляютъ капиталъ въ 2 милліарда франковъ, которыя приносятъ доходу болѣе 75 милліоновъ. Насъ впрочемъ интересуетъ не столько финансовая сторона проекта объ уничтоженіи религіозныхъ корпорацій въ Италіи, сколько значеніе этой мѣры для клерикальной партіи въ Европѣ. Съ этой стороны мѣра имѣетъ важность не для одной Италіи. Съ подобнымъ-же сочувствіемъ мы должны отнестись и къ изданному нашимъ правительствомъ закону 17 ноября о сокращеніи польскихъ монастырей. Законъ 17 ноября, кромѣ финан-

Digitized by Google

своей части, въ значительной мѣрѣ сокращаетъ поле общественной дѣятельности католическаго духовенства и будетъ имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ — ослабленіе клерикальнаго вліянія на политическіе взгляды поляковъ. Порицать законъ 17 ноября могутъ или клерикалы, или защитники польскаго возстанія; но послѣдніе, выражая свое мнѣніе о сокращеніи нашимъ правительствомъ монастырей въ Польшѣ, должны всегда точно обозначать ту точку зрѣнія, съ которой они смотрятъ на это распоряженіе, должны ясно выражать, что собственно имъ не нравится въ разсматриваемомъ нами законѣ: опасность-ли его для клерикализма, или то, что онъ парализируетъ польское революціонное движеніе, или то и другое вмѣстѣ. Смѣшеніе этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія привело нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ къ странной путаницѣ въ мысляхъ. Понятно, что какой-нибудь «Le Monde» или газета «La France» изо всѣхъ силъ хулили законъ 17 ноября; но смѣшно читать, когда противъ этого закона ратуютъ газеты «Journal des Débats» и «Patrie», и ратуютъ во имя католическихъ интересовъ, между тѣмъ какъ по общему своему направленію они далеко не благопріятно относятся къ этимъ интересамъ, и будь эта-же мѣра введена въ какой-нибудь другой странѣ, а не въ Польшѣ, эти-же газеты увидѣли-бы въ ней осуществленіе своихъ надеждъ и стремленій. По нашему мнѣнію, «Opinion Nationale», главный органъ польскаго возстанія, былъ гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе въ своихъ сужденіяхъ о законѣ 17 ноября: онъ рѣзко разграничилъ религіозную и политическую сторону этого постановленія. «Догматическая часть этого вопроса, говоритъ «Opinion Nationale», насъ вовсе не интересуетъ; сокращеніе польскихъ монастырей мы порицали лишь съ политической точки зрѣнія. Мы любили тамошнихъ монаховъ не смотря на то, что они были монахами, только потому, что видѣли въ нихъ геройскихъ укрывателей возстанія, подобно тому, какъ мы любили капуциновъ Гарибальди». Этими словами «Opinion Nationale», съ политической точки зрѣнія, совершенно оправдываетъ мѣру нашего правительства, хотя и не хочетъ того. Кто-же могъ-бы, подавляя возстаніе, оставить въ покоѣ «геройскихъ укрывателей возстанія?» Впрочемъ французскимъ публицистамъ не впервые приходится впадать въ противорѣчія себѣ, подобныя указанному нами. Сдѣлавшись присяжными защитниками польскаго движенія, они поставили своимъ долгомъ бранить на-повалъ все, что ни дѣлало русское правительство, даже такія распоряженія его, которыя вполнѣ согласуются съ коренными убѣжденіями самихъ этихъ публицистовъ. Такъ напр. г. Делаверинъ, политико-экономъ, доказывалъ въ «Revue des deux mondes», что положеніе о надѣлѣ землею польскихъ крестьянъ ведетъ къ обѣдненію страны! Въ этой манерѣ подобныхъ публицистовъ нѣтъ ничего

Digitized by Google

удивительнаго. Всякая революція производитъ потрясеніе въ слабыхъ умахъ; они теряются, не знаютъ куда имъ пристать; наконецъ пріютившись въ какой-нибудь партіи, они начинаютъ ратовать противъ всего враждебнаго этой партіи, не разбирая того, что они въ то-же самое время часто бьютъ сами себя, порицаютъ то, что прежде сами защищали. Наступаетъ болѣе спокойное время; они разбираютъ свои прежніе доступки, и что-же?—они-же сами публично сознаются, что не все достойно порицанія тамъ, гдѣ прежде видѣли они одно только зло. Не для всѣхъ одинаково скоро наступаетъ этотъ періодъ благоразумія въ политическихъ сужденіяхъ: нѣкоторые умы еще долго послѣ окончанія революціи продолжаютъ метаться во всѣ стороны, пока не придутъ въ свое нормальное положеніе. А иные и никогда не приходятъ. Къ чести англійскаго «Times» нужно сказать, что онъ повидимому успокоивается отъ этой революціонной тревоги, по крайней мѣрѣ онъ начинаетъ отдавать справедливость тому, что дѣйствительно достойно похвалы. Разсуждая напр. о законѣ 17 ноября, «Times» выражаетъ сожалѣніе о политическихъ событіяхъ, вызвавшихъ эту мѣру, но въ тоже время не обнаруживаетъ никакого желанія сокрушаться о судьбѣ секуляризованныхъ монастырей. Онъ одобряетъ умѣренность, съ которою поступило въ настоящемъ случаѣ русское правительство, и даже признаетъ за нимъ полное право сдѣлать болѣе широкое примѣненіе своихъ намѣреній по отношенію къ монастырямъ; по выраженію «Times'а», если-бы русское правительство вовсе закрыло монастыри, то это «не было-бы само по себѣ большимъ зломъ». Короче сказать, «Times» въ этомъ случаѣ смотритъ на законъ 17 ноября, какъ на справедливый ударъ, нанесенный ультра-католицизму.

Неудачи клерикальной партіи составляютъ по нашему мнѣнію характеристическую черту прошедшаго года. Мы придаемъ особенную цѣну тому, что клерикализмъ потерпѣлъ сильное пораженіе именно тамъ, гдѣ было болѣе чувствительно преобладаніе его — какъ-то: въ Италіи и Польшѣ. Господство клерикализма всегда обусловливалось въ исторіи двумя обстоятельствами: прежде всего богатствами, которыми владѣли различныя религіозныя корпораціи, и потомъ—поддержкою благосклонной къ нему власти, съ которою онъ всегда умѣлъ быть въ связи. Онъ безпрестанно падалъ по мѣрѣ того, какъ католическая церковь бѣднѣла матеріальными средствами, такъ что распоряженія итальянскаго и русскаго правительствъ въ отношеніи монастырскихъ имуществъ исторически гармонируютъ съ цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя предпринимались въ разное время правительствами различныхъ европейскихъ государствъ—съ цѣлью поставить развитіе католичества въ зависимость единственно отъ его внутренней силы и крѣпости. Лишонная огромной доли тѣхъ богатствъ, которыя остались ей въ наслѣдіе отъ сред-

Digitized by Google

нихъ вѣковъ, католическая церковь въ настоящее время должна всячески стараться о сохраненіи за собою поддержки правительствъ, если она не хочетъ лишиться окончательно внѣшнихъ опоръ, безъ которыхъ вліяніе ея невозможно. Она понимаетъ такое свое положеніе: во Франціи, Австріи, Испаніи, Португаліи, въ католическихъ германскихъ государствахъ — клерикальная партія всѣми силами хлопочетъ склонить правительство на свою сторону, стремится пріобрѣсти вѣсъ во внутренней и внѣшней государственной политикѣ. 1864 годъ былъ въ этомъ отношеніи очень несчастливъ для клерикальной партіи. Мы можемъ указать на нѣсколько фактовъ, совокупность которыхъ показываетъ, что положеніе клерикаловъ теперь повсюду болѣе или менѣе затруднительно. Въ Баваріи напр. клерикалы старались воспитать наслѣдника престола въ строго католическомъ духѣ и заранѣе торжествовали успѣхъ; но разсчоты оказались ошибочны: новый баварскій король повидимому не хочетъ идти по слѣдамъ своихъ непрошенныхъ совѣтниковъ; доказательство этому видятъ въ назначеніи либеральнаго г. фонъ-Пфортена первымъ министромъ. Въ Бельгіи клерикалы хотѣли свергнуть либеральное министерство; но король распустилъ палату— и новые выборы сдѣланы были не въ пользу клерикаловъ. Въ Австріи палата депутатовъ настоятельно потребовала измѣненія конкордата съ папою въ болѣе прогрессивномъ духѣ. Но самое важное пораженіе клерикализма—это франко-итальянская конвенція 15 сентября. Мы уже высказали наше мнѣніе объ этомъ трактатѣ; теперь считаемъ нужнымъ только повторить, что конвенція должна заставить клерикаловъ серьозно призадуматься о возможности лишиться поддержки со стороны императора французскаго, сильнѣйшаго изъ католическихъ государей. Выше нами сказано, что неизвѣстно еще какъ поведетъ Франція свою политику относительно римскаго двора, что образъ дѣйствій ея можетъ опредѣлиться такъ или иначе стеченіемъ обстоятельствъ. Извѣстія послѣдняго мѣсяца, какъ на зло, даютъ нѣкоторый поводъ предполагать, что императоръ Наполеонъ III уже начинаетъ уставать отъ роли защитника интересовъ папы. Въ такомъ смыслѣ газеты истолковываютъ назначеніе принца Наполеона вице-президентомъ тайнаго императорскаго совѣта: извѣстно, что принцъ Наполеонъ принадлежитъ къ числу самыхъ простыхъ во Франціи противниковъ свѣтской власти папы. Такое-же повидимому значеніе имѣетъ циркуляръ французскаго министра юстиціи къ епископамъ, запрещающій имъ публиковать въ своихъ пастырскихъ инструкціяхъ тѣ части недавняго знаменитаго папскаго посланія, которыя содержатъ въ себѣ положенія, противныя основнымъ принципамъ императорской конституціи. Не указывая на другія, болѣе мелкія проявленія нерасположенія правительства французскаго къ папству, мы находимъ впрочемъ не лишнимъ

Digitized by Google

оговориться въ томъ, что никакъ не слѣдуетъ дѣлать изъ приведенныхъ нами фактовъ какихъ-либо преувеличенныхъ и рѣшительныхъ заключеній, будто Франція уже положительно измѣняетъ свою политику въ отношеніи къ Риму: какъ ни непріятна видимо для Наполеона III солидарность съ Римомъ, но обстоятельства могутъ склонить его всетаки поддерживать эту солидарность. Въ настоящее время положеніе его въ этомъ вопросѣ болѣе неопредѣленное, чѣмъ когда-нибудь, и въ этомъ, мы думаемъ, заключается главная причина кризиса, переживаемаго нынѣ клерикалами: не зная куда пойдетъ Наполеонъ III, они рѣшительно связаны по рукамъ и по ногамъ...

Папа Пій IX, если судить по обнародованному имъ посланію къ католическимъ епископамъ, избралъ самый крайній путь для католицизма: въ этомъ посланіи онъ отвергаетъ всѣ тѣ принципы, которыми дорожитъ современное европейское человѣчество: независимость свѣтской государственной власти отъ церкви, разумную свободу совѣсти, печати, ассоціаціи и пр. Однимъ словомъ—выходитъ, что весь міръ долженъ опять, какъ въ средніе вѣка, преклониться передъ католическою церковью; ей принадлежитъ контроль не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми націями и государствами. Всякое соглашеніе папской власти съ прогрессомъ и современною цивилизаціею въ посланіи энергически отвергается, какъ противное католической религіи. Читая это посланіе, переносишься въ какое-то давно уже минувшее время. Но нельзя не согласиться, что оно прямо истекаетъ отъ основныхъ началъ римскаго католицизма и въ *этомъ смыслѣ*—логично и себѣ не противорѣчитъ, одна бѣда—неудобоисполнимо. Мы представимъ читателямъ на выдержку нѣсколько болѣе интересныхъ отрывковъ изъ этой лебединой пѣсни римскаго папства. Такъ напр. въ Европѣ давно уже утвержденъ и давно уже многія государства тамъ построены на томъ основномъ принципѣ, что разумная свобода совѣсти и вѣроисповѣданій составляетъ естественное право каждаго человѣка и должна быть признаваема и охраняема законами; что гражданамъ принадлежитъ право въ извѣстныхъ предѣлахъ выражать свои мысли словесно, печатно и всякимъ другимъ способомъ, и что власти духовная и гражданская не должны всему этому препятствовать. Такую свободу папа называетъ свободою, ведущею къ погибели, выражаясь, что христіанская мудрость научаетъ избѣгать такого «самообольщенія.» Серьозно любопытно объясненіе того, почему въ настоящее время многіе въ западной Европѣ возстаютъ съ неукротимою злобою противъ монастырскихъ общинъ, утверждая, что онѣ не имѣютъ права существовать. Причина такихъ мнѣній заключается, по словамъ Пія IX, въ томъ, что нынѣшнее гражданское общество имѣетъ въ виду одну только цѣль—накопленіе богатствъ и руководствуется исключительно только своимъ ярымъ жела-

Digitized by Google

ніемъ удовлетворить своимъ похотямъ и интересамъ. Папа отвергаетъ также мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что подобно отнять отъ гражданъ и отъ церкви право дѣлать сборъ пособій въ видахъ христіанской благотворительности, и отмѣнить законы, запрещающій въ извѣстные дни занятіе обыкновенными дѣлами. По словамъ папы утверждающіе приведенное мнѣніе ссылаются на принципы политической экономіи; но что это не болѣе какъ лукавое умствованіе. Соціализмъ и комунизмъ папа видитъ и въ тѣхъ, которые говорятъ, что одинъ только гражданскій законъ опредѣляетъ право родителей воспитывать дѣтей и давать имъ образованіе, и что посему полное вмѣшательство духовенства въ воспитаніе должно быть отвергаемо. Все это чрезвычайно любопытно, но главное то, что папское посланіе написано не въ одномъ только цѣлью порицанія тѣхъ принциповъ, которые современная европейская жизнь признаетъ справедливыми; Пій IX присвоиваетъ себѣ право употребить и внѣшнюю силу для подавленія этихъ принциповъ. Папскій престолъ не хочетъ подчиняться суду свѣтской власти, потому что «наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ и благоустройствомъ принадлежитъ одному только римскому первосвященнику». Законы церковные по его словамъ во всякомъ случаѣ обязательны, хотя бы они не были обнародованы свѣтскою властью, они не нуждаются ни въ утвержденіи, ни въ санкціи гражданской власти. Папа можетъ отлучить отъ церкви всѣхъ посягающихъ на права и имущества, принадлежащія церкви; церковь имѣетъ право карать даже тѣлесными наказаніями нарушителей своихъ постановленій. При такихъ широкихъ прерогативахъ церкви, гражданская власть въ сущности будто не имѣетъ никакого значенія для церкви, тѣмъ менѣе она можетъ требовать отъ духовенства уступки въ пользу свѣтской власти имуществъ, принадлежащихъ церквамъ, монастырямъ и другимъ католическимъ учрежденіямъ; это уже конечно протестъ противъ итальянскаго и русскаго правительства. Какъ назвать это смѣлое порицаніе современной жизни, эту рѣчь о такихъ правахъ, защитить которыхъ папство рѣшительно не въ силахъ тѣми средствами и тѣми фальшивыми, ужасными путами, которыми уже давно, измѣня Христу, оно само себя опутало. Мы бы назвали это неразсчетливостью. Но это слово очевидно нейдетъ къ такой странной и серьезной вѣрѣ въ правду и непогрѣшимость тѣхъ фальшивыхъ формъ, на которыхъ вмѣстѣ съ папствомъ утвердилась въ западной Европѣ католическая церковь. Этой слѣпой вѣрой проникнуто все папское посланіе. Тутъ ужъ нѣтъ неразсчетливости. Тутъ гибнутъ, и сами не могутъ осмыслить отчего гибнутъ и никогда того не осмыслятъ.

Мы сказали свое слово о важнѣйшихъ вопросахъ, которые были такъ сказать центромъ политической жизни въ Европѣ въ 1864 году. По долгу политическаго хроникера, намъ нужно сказать нѣсколько

Digitized by Google

словъ о великихъ европейскихъ государствахъ: Франціи и Англіи, потому что такъ уже принято—безъ Франціи и Англіи не обходится ни одно почти политическое обозрѣніе, хотя-бы событія, совершившіяся въ этихъ государствахъ и не заслуживали особеннаго вниманія. Дѣйствительно, 1864 годъ былъ для Англіи и Франціи не изъ самыхъ счастливыхъ: сколько ни старались правительства этихъ государствъ проявить чѣмъ-нибудь свое значеніе во внѣшней политикѣ, всѣ попытки не приносили никакого успѣха. Франціи удалось сочинить хоть конвенцію 15 сентября, а на долю Англіи не выпало и такого счастія. На силу-на силу Англія добилась отъ европейскихъ государствъ собранія въ Лондонѣ конференціи по датско-гольштейнскому вопросу. Главное препятствіе къ организованію этой конференціи Англія встрѣтила, разумѣется, во Франціи, которая, помня отказъ Англіи принять участіе въ предложенномъ Наполеонѣ III обще-европейскомъ конгрессѣ, не хотѣла въ свою очередь послать своего уполномоченнаго на конференцію. Но наконецъ конференція, къ счастію и къ славѣ англійской дипломатіи, собралась, имѣла много засѣданій, вызвала наружу нескончаемое множество газетнаго вздору, да на томъ и покончила, не сдѣлавши для датчанъ ровно ничего, потому что Франція не захотѣла дѣлать, а Англія не нашла благоразумнымъ—жертвовать одна своими людьми и деньгами въ пользу Даніи. За недостаткомъ дѣйствительно-важныхъ политическихъ событій, общественная жизнь какъ Англіи, такъ и Франціи привлекала къ себѣ вниманіе читающаго общества исключительно парламентскими рѣчами да судебными процессами. Въ Англіи разыгралась знаменитая парламентская борьба между виґами, представитель которыхъ Лордъ Пальмерстонъ, и тори съ другой стороны, во главѣ которыхъ дѣйствовалъ г. д'Израэли. Партія д'Израэли пробовала поразить министерство преимущественно въ вопросахъ внѣшней политики, нападала на него за неудачныя и обидныя для чести націи дѣйствія его въ польскомъ, шлезвигъ-гольштейнскомъ и сѣверо-американскомъ вопросахъ. Борьба была очень сомнительная; парламентское равновѣсіе сильно колебалось. Разумѣется, отъ замѣны нынѣшняго министерства партіею д'Израэли и Лорда Дерби политика Англіи едва-ли принесла-бы отрадъ болѣе чести и уваженія въ Европѣ; потому что когда въ отвѣтъ на нападки по вопросамъ шлезвигъ-гольштейнскому и польскому—министерство въ свою очередь спросило коноводовъ оппозиціи: а что вы сдѣлали-бы на нашемъ мѣстѣ,—они рѣшительно растерялись и не знали что сказать... Финансовый отчетъ г. Гладстона,—въ которомъ этотъ замѣчательный изъ современныхъ государственныхъ людей доказалъ наглядно, что не смотря на постоянное уменьшеніе государственныхъ налоговъ, доходъ казны ежегодно увеличивается,—былъ для нынѣшняго министера

Digitized by Google

ства въ Англіи лицемѣръ спасенія; палата предпочла остаться при министерствѣ, которое хоть что нибудь дѣлаетъ для страны, нежели смѣнять его и вручать управленіе страною людямъ, которые затѣяли борьбу съ министерствомъ не въ силу какихъ-либо твердыхъ и ясно сознанныхъ принциповъ, а просто потому, что они тори и должны составлять оппозицію вигамъ.—Во Франціи замѣчательнѣйшее событіе внутренней жизни было—новые выборы, которые, не смотря на всѣ старанія императорскихъ министровъ, окончились для нихъ не совершенно благопріятно: къ 5 членамъ прежней оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ прибавилось еще около 25 и въ томъ числѣ знаменитости прежнихъ временъ—гг. Тьеръ, Карно, Гарнье-Паже. Въ настоящее время было-бы излишне разсказывать содержаніе рѣчей, произнесенныхъ оппозиціонными ораторами законодательнаго корпуса; потому что онѣ, сами по себѣ (мимо нѣкотораго своего значенія въ цѣломъ), имѣли только минутный интересъ. Мы надѣемся очень скоро возвратиться къ французскому законодательному корпусу, когда откроются его засѣданія. Безъ сомнѣнія и въ нынѣшнемъ году рѣчи французской оппозиціи будутъ также блестящи, также увлекательны для парижскаго общества и въ тоже время останутся также безплодными для Франціи, какъ и рѣчи 1864 года. Увлеченіе французовъ парламентскимъ краснорѣчіемъ впрочемъ весьма естественно: при отсутствіи дѣйствительной свободы во Франціи общество французское, столько принесшее жертвъ для пріобрѣтенія ея, поневолѣ съ жадностью хватается за либеральныя фразы парламентскихъ ораторовъ, чтобы хоть въ томъ найти утѣшеніе... Кромѣ парламентскихъ преній интересъ общественной жизни, какъ мы сказали, сосредоточивался въ Англіи и Франціи на судебныхъ процессахъ: замѣчательнѣйшіе изъ нихъ въ Англіи процессъ Франца Миллера, казненнаго 14 ноября, а во Франціи процессы Армана, Лапомера и наконецъ извѣстный всѣмъ процессъ «тринадцати,» о которомъ мы уже бесѣдовали съ нашими читателями. Побѣда въ этомъ послѣднемъ процессѣ осталась на сторонѣ императорскаго правительства. Адвокаты обвиненныхъ въ свою очередь произнесли нѣсколько рѣчей, впечатлѣніе которыхъ на общество было очень неблагопріятно для министерства. — Въ этомъ заключается вся сущность затѣянной министерствомъ комедіи. Почти навѣрное можно предсказывать, что процессъ «тринадцати» еще разъ сдѣлается предметомъ общаго вниманія французской націи во время предстоящихъ въ настоящемъ году преній въ законодательномъ корпусѣ. Сбудется или нѣтъ наше предсказаніе,— мы даемъ читателямъ обѣтъ воздержанія на счотъ этого процесса.

Мы невольно задаемся вопросомъ: что обѣщаетъ для Англіи и Франціи настоящій 1865 годъ? Что касается до внѣшнихъ отношеній великихъ западно-европейскихъ державъ, то въ настоящее время не

Digitized by Google

замѣтно никакихъ угрожающихъ признаковъ приближенія войны. Вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, поставившій въ прошедшемъ году Англію и Францію въ такое затруднительное положеніе, кажется покончилъ свое существованіе, а если и возникнетъ снова на политическомъ горизонтѣ въ какомъ-нибудь новомъ фазисѣ своего развитія, (напр. если Австрія и Пруссія не согласятся между собою относительно устройства судьбы герцогствъ), то и въ такомъ случаѣ Англія и Франція вѣроятнѣе всего не измѣнятъ прежней своей политики невмѣшательства. Италія, вслѣдствіе внутренней своей слабости, едва-ли можетъ въ нынѣшнемъ году сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, такъ что и съ этой стороны Англія и Франція могутъ оставаться совершенно спокойными на счотъ сохраненія мира. Новыхъ политическихъ затрудненій, которыя могли-бы въ нынѣшнемъ году разразиться обще-европейскою войною, покамѣстъ не предвидится, не потому конечно, чтобы Европа покончила совсѣмъ хоть съ однимъ вопросомъ, хоть съ одною изъ тѣхъ политическихъ задачъ, надъ которыми она постоянно работаетъ,—нѣтъ! она видимо устала отъ войны, ей нужно года на два, на три успокоиться отъ сильнаго кровопусканія, чтобы потомъ съ новыми силами приняться за старую работу на старый ладъ... Увѣренность въ поддержаніи мира даетъ возможность англійскому и французскому правительствамъ осуществить тѣ внутреннія реформы, которыхъ настоятельно требуетъ общество во Франціи и Англіи. Въ концѣ прошедшаго года въ Англіи съ новою силою пробудилось общественное движеніе по поводу необходимости произвести парламентскую реформу. Собиралось нѣсколько митинговъ, парламентскіе депутаты говорили много рѣчей въ пользу этой реформы, между прочимъ и англійскій министръ финансовъ г. Гладстонъ высказался какъ сторонникъ реформы парламентской. Поэтому собраніе англійскаго парламента въ нынѣшнемъ году вѣроятно будетъ имѣть болѣе интереса, нежели въ минувшемъ: вопросъ о реформѣ, если между членами нижней палаты найдется достаточное число защитниковъ его (въ чемъ впрочемъ едва-ли можно быть увѣреннымъ), можетъ сдѣлаться роковымъ для лордовъ Росселя и Пальмерстона, которые далеко не раздѣляютъ сочувствіе своего товарища г. Гладстона къ реформистамъ; но въ этомъ случаѣ они должны ожидать нападенія не со стороны торійской партіи, еще болѣе нежели они враждебной реформамъ, а со стороны радикаловъ, предводительствуемыхъ г. Брайтомъ.—Во Франціи приближеніе настоящаго года ознаменовалось, какъ и въ прежніе годы, разными толками о будущихъ намѣреніяхъ императора. Слухи эти обыкновенно пускаются въ ходъ оффиціозными французскими газетами, чтобы испробовать общественное мнѣніе и приготовить его

Digitized by Google

къ нововведеніямъ императора. Говорятъ напр., будто Наполеонъ III, по совѣтамъ г. Морни, намѣренъ лишить членовъ законодательнаго корпуса права представлять императору адресъ и въ замѣнъ того предоставить имъ право интерпелировать, т. е. дѣлать министерству запросы, которые будутъ разсматриваться въ закрытыхъ бюро. Это будетъ весьма дѣйствительною мѣрою противъ безпокойныхъ депутатовъ, потому что при неотвѣтственности французскихъ министровъ право интерпеляцій не будетъ имѣть никакого значенія. Справедливъ или нѣтъ этотъ слухъ, онъ доказываетъ, что императору французскому непріятно парламентское краснорѣчіе, такъ что предупредительный г. Морни, президентъ законодательнаго корпуса, объявилъ, что пренія объ адресѣ въ 1865 году будутъ продолжаться не болѣе 5 дней.

Въ отношеніи внѣшней политики Наполеонъ III хочетъ будто-бы въ настоящемъ году сдѣлать предложеніе европейскимъ государствамъ о всеобщемъ обезоруженіи: по крайней мѣрѣ по газетнымъ извѣстіямъ, вопросъ объ этомъ будетъ затронутъ въ тронной рѣчи императора. По поводу этихъ толковъ англійскій «Times» замѣчаетъ, что уже наскучила всѣмъ манера европейскихъ государствъ обращаться другъ къ другу, перефразируя въ обратномъ смыслѣ слова сказанныя при Фонтенуа: «Messieurs de la garde, tirez les premiers!» Если предсказаніе газетъ оправдается,— то императору французскому придется еще разъ испытать на дѣлѣ, что Европа неспособна понимать его стремленій водворить всеобщій миръ; предложенію о всеобщемъ обезоруженіи предстоитъ конечно таже участь, какая постигла идею обще-европейскаго конгресса. Наполеонъ III не иначе можетъ разсчитывать на сочувствіе Европы къ своему предложенію, какъ представивши напередъ доказательство, что онъ самъ отказался отъ стремленій и надеждъ—расширить предѣлы французской имперіи. Между тѣмъ одновременно съ толками о всеобщемъ обезоруженіи появилось въ газетахъ извѣстіе, будто Франція намѣрена пріобрѣсти на берегу Нѣмецкаго моря, противъ Гельголанда, пространство въ 40 километровъ длины и 16 ширины, весьма богатое каменнымъ углемъ; по увѣренію французскихъ оффиціозныхъ газетъ, сдѣлка эта имѣетъ исключительно промышленный характеръ; нѣмецкія газеты напротивъ говорятъ, что независимо отъ промышленнаго своего значенія, это территоріальное пріобрѣтеніе можетъ имѣть для Франціи важныя военныя послѣдствія, доставивъ ей прекрасную гавань на Нѣмецкомъ морѣ. Слухъ этотъ въ настоящее время затихъ; но мы не имѣемъ никакихъ причинъ считать его невѣроятнымъ. На этомъ мы заканчиваемъ нашъ краткій обзоръ событій во Франціи и Англіи, обѣщая въ будущихъ нашихъ хроникахъ говорить не столько о слухахъ, какъ о дѣйствительно совершившихся событіяхъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ПРАВА КЪ СВѢТУ

РОМАНЪ ШПИЛЬГАГЕНА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ Вильяминтрассе, этомъ Faubourg St. Germain столицы, не задолго до новаго года, управляющій князя Вальдернберга купилъ одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ отелей, прежній владѣлецъ котораго умеръ. Князь самъ распоряжался внутренней отдѣлкой и, не смотря на ея великолѣпіе, требовалъ, чтобы къ концу января ему можно было переселиться изъ Беренштрассе со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ. Предварительно онъ поселился во флигелѣ, оставляя окончательную отдѣлку женской половины до пріѣзда своей невѣсты, и занялся устройствомъ бель-этажа для помѣщенія княгини матери, которая предполагала прожить здѣсь зиму, и парадныхъ комнатъ для пріема гостей.

Къ первому марта все было кончено и князь отправился на встрѣчу матери, которая должна была пріѣхать на слѣдующій день изъ Петербурга, а управляющему поручилъ нанять цѣлый этажъ въ Отель-де-Рюсси для отца, который телеграфировалъ о своемъ пріѣздѣ изъ Мюнхена.

Digitized by Google

Это было въ тотъ самый вечеръ, какъ въ Hôtel garni на Большой улицѣ произошли описанныя выше сцены.

Въ великолѣпной комнатѣ отеля Вальдернбергъ въ мягкомъ креслѣ, передъ весело пылающимъ каминомъ, сидѣла графиня Летбусъ. Сзади нея, наклонившись, чтобы избавить мать даже отъ труда говорить громко ,стоялъ князь. Теперь, когда огонь въ комнатѣ вспыхнулъ ярче, эта группа на фонѣ удивительно роскошной комнаты могла-бы послужить хорошимъ сюжетомъ для современнаго Рембранта. Трудно было найти лучшіе типы для болѣзненной женской слабости и могучей мужской силы, чѣмъ эти фигуры матери и сына. Между тѣмъ какъ одинъ, съ своими широкими плечами и длинными мускулистыми руками, казалось способенъ былъ совершать подвиги Геркулеса, для другой, нравственно разбитой и, не смотря на близость камина, плотно кутавшейся въ дорогіе мѣха, кажется уже муха была-бы удручающей тяжестью. Въ чертахъ ихъ лицъ также не было ни малѣйшаго сходства. Какъ ни поблекли губы и щоки этой едва сорокалѣтней женщины и какъ ни узокъ и изрытъ глубокими морщинами представлялся теперь ея лобъ изъ подъ значительно посѣдѣвшихъ волосъ, знатокъ все-таки могъ увидѣть, что этотъ ротъ, эти щоки были когда-то удивительной красоты, что эти волосы роскошными волнами окаймляли этотъ лобъ. Большіе чорные глаза были хороши даже и теперь, когда полу-опущенныя вѣки поднимались и мимолетное ощущеніе возвращало имъ блескъ и живость, столь обворожительные въ прежнее время. Съ этой нѣжной, болѣзненной красотой составлялъ совершенный контрастъ низкій, покрытый густыми, курчавыми волосами лобъ князя, съ которымъ массивный и, несмотря на всю энергію, плоскій складъ лица гармонировалъ совершенно. Не смотря на совершенную противоположность физической природы, между матерью и сыномъ существовала нѣжная любовь, которая доходила до обожанія у первой, а у второго была единственнымъ чувствомъ, составлявшимъ нѣкоторый противовѣсъ необузданной гордости, страстному честолюбію его энергической, но ограниченной натуры.

— Прощайте, милая мама,—сказалъ князь, нагибаясь еще

Digitized by Google

ниже и поднося къ губамъ поблекшую руку княгини;—мнѣ нужно идти, чтобы не опоздать къ прибытію поѣзда.

— Прощай, милый сынъ, — сказала княгиня; —привѣтствуй отъ моего имени свою невѣсту. Скажи, что ей открыты мои материнскія объятія. Обѣщалъ графъ выѣхать встрѣчать дамъ?

— Да, милая мама.

— Ну, такъ ступай-же съ Богомъ, мой милый. Да благословитъ Онъ твой отъѣздъ и возвращеніе.

Она напечатлѣла легкій поцалуй на лбу князя, который всталъ и по мягкимъ коврамъ неслышно вышелъ изъ комнаты.

Княгиня по уходѣ сына осталась въ своемъ креслѣ. Вѣроятно неутѣшительныя мысли бродили въ ея головѣ, потому что выраженіе лица дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе и все пристальнѣе глядѣли чорные глаза на пламя камина, такъ что отраженіе огня придавало имъ непріятный и неестественный блескъ сравнительно съ блѣднымъ лицомъ. Наконецъ она вышла изъ оцѣпенѣнія и позвонила въ серебряный колокольчикъ, стоявшій подлѣ нея на маленькомъ столикѣ.

Сейчасъ-же вошла главная камерфрау, Надежда.

Графиня Летбусъ, подобно многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, питала глубокое недовѣріе ко всѣмъ окружающимъ ее людямъ. Только Надежда составляла повидимому исключеніе. Она была крѣпостная, выросла вмѣстѣ съ княгиней и съумѣла сдѣлаться необходимой своей госпожѣ съ помощію ловкаго пронырства, а въ особенности совершеннѣйшаго искусства вести интриги всякаго рода. Княгиня нуждалась именно въ такой личности во время своей далеко небезупречной молодости, а въ послѣдствіи, сдѣлавшись степенной отъ физической и душевной скорби, не рѣшалась отпустить горничную, знавшую до послѣднихъ подробностей всѣ ея тайны. Впрочемъ и Надежда всегда служила вѣрно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже готова была приносить себя въ жертву. Только разъ, въ самомъ опасномъ изъ всѣхъ опасныхъ похожденій, въ которыя увлекали княгиню ея пагубныя страсти, Надежду можно было заподозрить въ вѣроломствѣ. Но Надежда клялась всѣми святыми, а такъ какъ

*

Digitized by Google

доказательствъ не было, то госпожа снова приняла ее въ милость.

— Что прикажете, ваше сіятельство? сказала Надежда голосомъ, въ которомъ, не смотря на тонъ подчиненности, чувствовалась извѣстнаго рода коротко́сть.

— Вели зажигать свѣчи, Надежда, и чтобы всѣ люди встрѣтили гостей въ сѣняхъ, слышишь? Кого ты назначила служить собственно у нихъ?

— Я думаю Катю, мадемуазель Виржини, а изъ нѣмокъ Мари и Луизу.

— Хорошо. Ты сама встрѣтишь дамъ у дверей и проводишь на ихъ половину.

— Еще ничего не прикажите, ваше сіятельство?

— Нѣтъ.

Камерфрау поклонилась и пошла къ двери. Когда она уже отворяла ее, княгиня опять позвала. Надежда подошла къ ея креслу.

— Видѣла ты графа сегодня по утру, Надежда?

— Да, ваше сіятельство.

— И ничего особеннаго не замѣтила?

— Онъ былъ еще сильнѣе набѣленъ и нарумяненъ чѣмъ прежде.

— А больше ничего?

— Ничего.

— Надежда, я боюсь, что онъ что-то задумалъ противъ насъ.

— Вы боялись этого, ваше сіятельство, всякій разъ какъ пріѣзжалъ графъ; а теперь боитесь въ особенности, потому что навѣрное ожидали, что онъ откажется отъ приглашенія князя.

— Да развѣ не похоже на насмѣшку то, что онъ пріѣхалъ? Что ему дѣлать здѣсь? Но это еще не все. Вчера онъ опять требовалъ отъ меня огромной суммы.

— Которую вы конечно и дали ему?

— Нѣтъ, Надежда. Терпѣніе мое истощилось, какъ и средства. Михайло сказалъ мнѣ, что не можетъ достать денегъ.

— Онъ долженъ достать. Подумайте, чѣмъ вы рискуете!

Digitized by Google

— Но это тиранство невыносимо!—вскричала княгиня и большіе чорные глаза засверкали какъ уголья.

Надежда пожала плечами.

— Что-же дѣлать! Вы знаете, что графъ ненавидитъ и васъ и князя. Если онъ до сихъ поръ не сказалъ еще слова, которое могло-бы навсегда разлучить мать и сына, то не изъ боязни стыда,—развѣ графа когда-нибудь останавливалъ стыдъ,—а изъ боязни бѣдности, которую онъ еще болѣе ненавидитъ. Узнай онъ сегодня, что молчаніе не приноситъ ему больше никакихъ выгодъ, завтра-же конецъ этому молчанію.

Княгиня знала, что наперсница ея говоритъ правду, и стонала точно на пыткѣ, ломая свои худыя руки.

— Ахъ, Надежда, Надежда,—говорила она; зачѣмъ нужно было графу пріѣхать въ ту несчастную минуту! Зачѣмъ было тебѣ уйти съ своего мѣста именно въ этотъ часъ, который рѣшилъ все! Предупреди ты меня только за пять минутъ и графъ нашолъ-бы меня одну, и какъ-бы ни было сильно его подозрѣніе, въ этотъ разъ какъ и прежде у него не было-бы доказательствъ!

Надежда стояла отвернувшись, нѣсколько позади госпожи, и потому могла скорчить насмѣшливую гримасу прежде чѣмъ отвѣтила самымъ покорнымъ тономъ:

— Извините, ваше сіятельство! на *этотъ* разъ и безъ того уже было ясное доказательство. Развѣ вы думаете графъ забылъ, что князь родился ровно черезъ девять мѣсяцовъ послѣ той ночи, какъ какой-то мужчина выбросилъ его въ окно на снѣгъ изъ спальни вашего сіятельства?

Воспоминаніе объ этомъ траги-комическомъ случаѣ разсѣяло на нѣсколько минутъ меланхолію княгини. Полусмѣшныя, полу-отвратительныя сцены той безумной ночи съ большей ясностью возникли въ ея памяти и образъ героя, плебея, котораго высокородная дама удостоила своей благосклонности, представился ей опять, какъ представлялся тогда ея грубо-чувственному вкусу: идеаломъ юношеской смѣлости и мужественной силы.

— Живъ-ли онъ еще? проговорила она, увлекшись этими воспоминаніями.

Digitized by Google

— Кто, ваше сіятельство? спросила Надежда, отлично знавшая о комъ говоритъ княгиня.

Княгиня не отвѣчала и Надежда начала осторожно зажигать огонь. Пріятный полу-свѣтъ растространился по комнатѣ; она свѣтлѣла, не теряя мягкаго характера, потому-что всѣ свѣчи и лампы горѣли подъ розовыми колпаками. Раздражительные нервы княгини могли выносить только этотъ свѣтъ; даже днемъ, который начинался для нея очень поздно, окна всегда были закрыты розовыми занавѣсками. Насмѣшники утверждали, что княгиня боится дневного свѣта, потому что онъ очень неблагопріятенъ для ея истомленнаго бурной молодостью и преждевременной старостью лица.

Надежда зажгла уже послѣднюю свѣчку, какъ дежурная камеристка тихонько вошла въ комнату и что-то шепнула ей на ухо. (Прямо княгинѣ ничего не докладывалось.)

— Что такое, Надежда? спросила княгиня.

— Графъ приказалъ доложить о себѣ,—отвѣчала наперсница.

Княгиня вздрогнула.

— Что ему нужно? онъ долженъ-бы теперь быть уже на станціи!

— Вѣроятно, онъ не разсчиталъ времени.

— Можетъ быть. Позови его, но не уходи отсюда.

По знаку Надежды, дежурная, почтительно ожидавшая у дверей, исчезла. Вслѣдъ за нею быстро вошолъ господинъ, появленіе котораго въ комедіи заслужило-бы сильнѣйшее одобреніе знатоковъ.

Это былъ стройный, съ изысканной роскошью одѣтый мужчина, на первый взглядъ лѣтъ двадцати пяти, но дѣлавшійся все старше по мѣрѣ того, какъ въ него всматривались, такъ что являлся наконецъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ. Впрочемъ до этого результата можно было дойти только послѣ усиленнаго наблюденія, такъ какъ маска доведена была до совершенства въ малѣйшихъ подробностяхъ. Чорные волосы и брови, густая, волнистая борода, бѣлоснѣжные зубы, круглыя плечи и полныя икры были торжествомъ искусства; и съумѣй камердинеръ придать блескъ матовымъ глазамъ, уничтожить паралитическую дрожь въ

Digitized by Google

рукахъ и предательскія тоненькія морщинки, какъ змѣи окружающія глаза, то графъ Владиславъ Малицевскій былъ-бы такимъ-же побѣдителемъ женщинъ (по крайней мѣрѣ женщинъ извѣстнаго разряда), какъ и въ дни своей юности, изъ которыхъ онъ не вынесъ ничего, кромѣ ненасытной жажды наслажденія и наглаго распутства, которое шло теперь рука объ руку съ холоднымъ разсчотомъ старости.

Эта отвратительная каррикатура юноши подошла къ княгинѣ, почтительно поцаловала у ней руку и начала, бросаясь въ одно изъ креселъ передъ каминомъ:

— Вы удивляетесь, Alexandrine, что я не пришолъ вмѣстѣ съ другими....

— Да, дѣйствительно.

— Не думайте, что это недостатокъ вниманія къ невѣстѣ моего сына... (князь выговорилъ послѣднее слово съ особеннымъ удареніемъ, показавъ при этомъ свои фальшивые зубы),—напротивъ! именно нѣжная заботливость о благѣ молодой четы и заставила меня стремглавъ явиться сюда. Открытіе, которое.... но не позволите-ли, Alexandrine, чтобы ваша камерфрау вышла отсюда. — Дѣло требуетъ безусловной тайны,—шепнулъ графъ, наклоняясь къ женѣ.

— Оставь насъ, Надежда, но будь въ сосѣдней комнатѣ,— сказала княгиня.

— Alexandrine, сказалъ графъ, когда горничная ушла, чтобы въ сосѣдней комнатѣ приложить ухо къ замочной скважинѣ;—вчера вы не соблаговолили помочь мнѣ въ трудныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и ничтожной суммой пополнить мою кассу, истощонную упорнымъ несчастіемъ въ игрѣ. Ну, я могъ-бы обидѣться этимъ, хотя принимая въ соображеніе наши *особенныя* взаимныя отношенія. Впрочемъ, что касается лично меня, то я умѣю себя ограничивать и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ-бы быть въ тягость вамъ и моему сыну (здѣсь опять выставились бѣлые зубы).—Тѣмъ грустнѣе для меня, что я опять таки долженъ прибѣгнуть къ вашему кошельку, на этотъ разъ конечно не для себя а для личности, которая безъ сомнѣнія можетъ имѣть болѣе притязаній, чѣмъ я.

— Къ сожалѣнію я не имѣю возможности понять ва-

Digitized by Google

шихъ намековъ,—отвѣчала княгиня, закрывая глаза и опускаясь глубже въ кресла.

Князь досталъ изъ кармана письмо и разложилъ его на колѣняхъ дрожащими руками въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Можетъ быть, это письмо, которое полчаса тому назадъ принесъ мнѣ одинъ молодой человѣкъ, дастъ намъ надлежащее объясненіе. Позволите обезпокоить васъ его чтеніемъ?

Графъ не сталъ ждать отвѣта, но надѣлъ на носъ золотой лорнетъ и сталъ читать, взглядывая по временамъ на княгиню:

«Ваше сіятельство! Въ ту минуту, какъ князь Вальдерибергъ ведетъ свою невѣсту баронесу Елену фонъ-Гренвицъ въ объятія княгини-матери, конечно, желательно, чтобы между всѣми членами семейства царствовала гармонія, безъ которой и менѣе важныя торжества принимаютъ невеселый характеръ. Вы сами, графъ, показали такой примѣръ, набросивъ покровъ христіанской любви и мудраго забвенія на извѣстное происшествіе въ ночи съ 21-го на 22 ноября 1825 года въ отелѣ Летбусъ, въ С. Петербургѣ, что я охотно-бы ему послѣдовалъ, еслибы мнѣ дозволили обстоятельства.

«Къ сожалѣнію я вынужденъ этими обстоятельствами или отнестись по моему дѣлу къ особѣ вашего сіятельства, или обезпокоить тѣхъ, которые имѣютъ причины скрывать нѣкоторыя вещи отъ вашего сіятельства. Потому-то я позволяю себѣ обратиться къ графу Малицевскому, какъ къ ближайшему посреднику по упомянутому дѣлу, съ просьбою исходатайствовать мнѣ немедленно пятьдесятъ тысячъ рублей на одного изъ здѣшнихъ банкировъ. Въ случаѣ-же отказа, я вынужденъ буду лично явиться къ особѣ его сіятельства.

«До истеченія послѣдняго срока, который я назначаю черезъ недѣлю, имѣю честь быть и т. д. Директоръ Гаспаръ Шменкель изъ Вѣны.

«P. S Если предпочтутъ имѣть дѣло со мною лично, то меня можно найти каждый вечеръ, отъ 7 часовъ, въ Мрачномъ Погребѣ, Гертруденштрассе № 15.» Д Ш.»

— Ну, что вы скажете, Alexandrine? прогнусилъ графъ,

Digitized by Google

снимая съ носа лорнетъ и опуская письмо снова въ карманъ.

— Что все это—дурно придуманная вами сказка.

— Comment? вскричалъ графъ съ удивленіемъ, на этотъ разъ вовсе непритворнымъ.

— Неужели вы думаете,—сказала графиня (дрожа отъ гнѣва и тайнаго страха, что дѣло можетъ быть и не совсѣмъ выдумано),—что я попадусь въ такую грубую ловушку? Что я не вижу къ чему все это клонится?—Что вы потому только напали на эту наглую выдумку, что я не хочу жертвовать остатками моего состоянія вашей безумной расточительности?

— Право, Alexandrine, если-бы кто услышалъ васъ, такъ подумалъ-бы, что совѣсть ваша чиста какъ мои перчатки. Гнѣвъ ослѣпляетъ васъ, душа моя! Обратите вниманіе на то, что въ письмѣ есть вещи, которыхъ я и не подозрѣваю, начиная хоть съ имени его автора. Очевидно, до сихъ поръ я еще не имѣлъ чести знать, чья кровь течетъ въ жилахъ моего сына (здѣсь лицо графа судорожно исказилось). Да кому-же, вы имѣете полную возможность убѣдиться въ неподложности этого письма. Пригласите къ себѣ его автора! Онъ вѣрно еще не такъ измѣнился въ двадцать два года, чтобы вы не могли узнать его.

— Вы думаете я не сдѣлаю этого? Ошибаетесь. Я требую, чтобы вы представили мнѣ то пугало, которымъ пытаетесь испугать меня. Дайте мнѣ письмо!

— Avec le plus grand plaisir! Вотъ оно! Но, Alexandrine, надѣюсь, что это свиданіе совершится въ моемъ присутствіи, иначе я съ ума сойду отъ ревности.

— Дьяволъ!

— О, мой ангелъ, какъ можно называть такъ человѣка, которому вы столькимъ обязаны!

— Я обязана? вамъ? Я, которая вывела васъ изъ нищеты!

— За-то и я далъ вамъ честное имя.

— Честное имя! Человѣкъ, оскверненный постыднѣйшими пороками и грѣхами.

— И все-же достойный супруги, которая...

— Берегитесь!

Digitized by Google

— Чего? Покровители ваши далеко, да и всякій знаетъ, что въ извѣстномъ отношеніи, вы не полагали различія въ чинахъ и званіи.

— Это ужъ слишкомъ, я.....

— Успокойтесь, ma chère! Я слышу, что подъѣхала карета. Вѣроятно это наше дорогое семейство. Мы должны подать имъ примѣръ супружескаго согласія и любви. . .

Спустя два часа послѣ описанной сцены, Елена фонъ-Гренвицъ тревожно ходила по своей великолѣпной спальнѣ. Баронеса, утомленная путешествіемъ, ушла къ себѣ. Елена не могла спать. Душу ея тяготилъ неопредѣленный, но тѣмъ болѣе мучительный страхъ. Посреди всего этого великолѣпія она чувствовала себя какъ ребенокъ въ заколдованномъ замкѣ, гдѣ изъ каждаго менѣе освѣщоннаго уголка, изъ за каждой шелковой занавѣски, которая шевелилась отъ движенія воздуха, можетъ выскочить страшное чудовище. Это-ли было исполненіе ея гордыхъ надеждъ! Она не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на ея воспріимчивую душу пріемомъ въ гостиной княгини. До сихъ поръ оставалось на ея лбу прикосновеніе ледяныхъ губъ княгини; до сихъ поръ мерещилась ей отвратительно дерзкая улыбка графа и мрачная мина князя....

Какой-то враждебный духъ царилъ въ этомъ домѣ. И этому-то духу предалась она, принесла въ жертву свою свободу, дѣвическія мечты, будущность. А за что? За высокій санъ, за богатство....

Какъ непривлекательно казалось ей все это въ эту минуту! Какъ охотно она отдала-бы все, лишь-бы возвратить хоть тѣнь того счастія, которое наполняло ея сердце прошлымъ лѣтомъ, когда изъ своей прохладной комнаты она выходила въ озаренный утреннимъ солнцемъ паркъ и, медленно бродя между деревьями, надѣялась на каждомъ поворотѣ встрѣтить Освальда. Какъ далеко, неизмѣримо далеко было теперь все это! Далеко какъ рай дѣтскихъ лѣтъ, котораго не возвратитъ намъ никакая весна!... ...

Она и сама удивлялась, что именно сегодня ея мысли постоянно возвращаются къ Гренвицу, что тысячи сценъ, о

Digitized by Google

которыхъ она почти позабыла, воскресаютъ въ ея памяти:— прогулка съ Бруно и Освальдомъ по полямъ, когда вечернее солнце, какъ громадный огненный шаръ, низко стояло на горизонтѣ, а надъ поспѣвающей рожью скользили золотые лучи; или то, какъ она въ знойный день, утомленная монотоннымъ жужжаніемъ насѣкомыхъ, задремала въ прохладной аллеѣ на скамьѣ и проснулась въ ту минуту, какъ кто-то—это былъ Бруно — положилъ ей на голову вѣнокъ изъ розъ, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, за деревомъ, прятался другой—Освальдъ.—И все-то Бруно и Освальдъ оживляли мирныя картины. И теперь оба умерли!..— Елена невыразимо страдала при разсказахъ о побѣгѣ Эмиліи съ Освальдомъ—неистощимой темѣ Грюнвальдскихъ разговоровъ; потому что только тогда, когда цѣлый міръ сталъ между нимъ и ею, она почувствовала, какъ дорогъ былъ ей этотъ человѣкъ. Какъ ни старалась она побѣдить эту страсть и помириться съ судьбою, которую наконецъ вѣдь сама-же и выбрала, но безпрестанно приходилось ловить себя на сравненіи личности своего жениха съ личностью Освальда и приходить къ заключенію, что одному недостаетъ всего того, что дѣлало другого такъ привлекательнымъ въ ея глазахъ— изящно-граціозной манеры, умныхъ и все-таки нѣжныхъ глазъ, глубокаго и вмѣстѣ мягкаго голоса, постоянно измѣняющагося и все болѣе интереснаго выраженія благороднаго лица.... Никогда не чувствовала она такъ, какъ въ этотъ вечеръ, какъ холодно ея сердце въ отношеніи къ жениху. Она съ ужасомъ вспоминала, что когда раздался генералмаршъ и князь вскочилъ, чтобы бѣжать къ своему посту, ей ничего не пришло въ голову кромѣ мысли, что это превосходный случай уйти въ свою комнату.....

И все тяжелѣе становилось на сердцѣ молодой дѣвушки, все темнѣе въ глазахъ. Она сознала себя безгранично несчастной; ей было самой жаль своей безпомощности, что никого нѣтъ, кто-бы раздѣлилъ ея горе. Но не сама-ли она виновата въ этомъ изолированномъ положеніи? Развѣ она не оттолкнула холодной вѣжливостью людей, которые раскрывали ей свое сердце? Какъ тосковала она теперь о доброй, старой фрейлейнъ Беръ; объ умной, ласковой Софи Робранъ

Digitized by Google

Но вѣдь Софи въ столицѣ? Почему ей не посѣтить подругу, которую она въ послѣднее время почти покинула въ Грюнвальдѣ? Елена схватилась за эту мысль какъ за якорь спасенія,—гордая Елена, которая хотѣла одиноко, подобно звѣздѣ, свершить свой путь, не заботясь о судьбѣ маленькихъ созданій тамъ внизу, въ жилищахъ людей!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда Освальдъ, возвратившись вечеромъ съ своей безцѣльной прогулки, нашелъ комнату пустую и на столѣ письмо Адольфа, то захохоталъ такъ громко, что старушка, уже двѣнадцать лѣтъ живущая въ сосѣдней комнатѣ, проснулась въ страхѣ.—Мнѣ это все равно! сказалъ онъ,—больше всего удивляетъ меня то, что ей это давно не надоѣло.—И онъ бросился на диванъ; онъ былъ слишкомъ утомленъ и разстроенъ, чтобъ дойти до постели. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вскочилъ съ крикомъ. Онъ гулялъ съ Эмиліей на краю утеса и шепталъ ей нѣжныя рѣчи, вдругъ она полетѣла въ бездну, со скалы на скалу, и ея стоны и крики о помощи долго доносились до его слуха. Долго не могъ Освальдъ отогнать отъ себя ужаснаго образа,—такъ глубоко врѣзался онъ въ его потрясенный мозгъ. Искать забвенія во снѣ тоже было нельзя; хотя слабость и увеличилась, но усталости какъ не бывало. Тысячи мыслей и картинъ мелькали въ его головѣ и онъ не въ состояніи былъ отогнать этихъ видѣній. Онъ могъ лишь машинально слѣдить за толпою этихъ лихорадочныхъ духовъ. Вчерашнія сцены безпрестанно перемѣшивались съ картинами изъ ранняго дѣтства, и высокій господинъ, съ которымъ они ѣхали вчера послѣднюю станцію, вдругъ превратился въ стараго глашатая его города, колокольчикъ котораго имѣлъ такую-же притягательную силу въ лавкахъ, какъ флейта крысолова изъ Г.

Освальдъ силился выйти изъ этого состоянія. Онъ позвонилъ и попросилъ опять развести огонь въ каминѣ. Потомъ

Digitized by Google

ейлъ къ огню и сталъ думать о первыхъ вечерахъ въ Парижѣ, когда онъ въ своей скромной квартиркѣ, въ пятомъ этажѣ дома въ quartier latin, сидѣлъ съ Эмиліей передъ каминомъ и они поздравляли другъ друга, что они наконецъ «у себя дома.» Шутками и поцалуями старались они заглушить грустную сторону своего положенія и строили чудные планы для будущаго. Но изъ золотой, обильной надеждами будущности вышло сѣрое, безотрадное настоящее; шутки замолкли, а поцалуи становились все холоднѣй. Потомъ настали венера, когда Освальдъ, измученный и раздосадованный напраснымъ хожденіемъ по издателямъ, которые «не знали что дѣлать съ его рукописями», возвращался домой и находилъ Эмилію въ слезахъ—въ слезахъ, за которыя онъ долженъ былъ винить себя, одного себя. Потомъ начали возникать тѣ сцены, въ которыхъ раскаяніе въ собственной глупости скрывается за жалобами на измѣнчивость и недостатокъ любви въ другомъ и въ потокѣ язвительныхъ словъ безжалостно разбивается нѣжный цвѣтокъ любви. И всегда Эмилія, съ своимъ добродушнымъ и легкимъ характеромъ, по своему горячо любя Освальда, первая протягивала руку къ примиренію.—Я не упрекаю тебя, говорила она въ такихъ случаяхъ,—и была-бы совершенно счастлива, если-бы видѣла, что и ты счастливъ. Но то, что ты несчастливъ и несчастливъ черезъ меня, вызываетъ у меня слезы.... Правду-ли она говорила? Въ то время Освальдъ сомнѣвался, теперь-же говорилъ ему голосъ, что это было именно такъ и что она никогда не покинула-бы его, еслибы самъ онъ не оттолкнулъ ея отъ себя. Онъ взялъ письмо, которое нашолъ на столѣ, и сталъ смотрѣть на слова:

«Милый, милый Освальдъ»—написанныя дражащей рукой Эмиліи, а потомъ зачеркнутыя другимъ,—и на два пятна на бумагѣ, слѣды слезъ, вырванныхъ разлукой. Освальдъ бросилъ письмо въ огонь и глубоко вздохнулъ, когда пламя жадно охватило его, а тяга вынесла пепелъ въ трубу. Такъ и это прошло, прошло....

И между тѣмъ какъ онъ пристально смотрѣлъ на тлѣющіе уголья, лихорадочные духи снова начали свой безпорядочный танецъ. Прелестнѣйшія лица глядѣли на него съ

Digitized by Google

любовью и вдругъ корчили страшныя рожи; директоръ Клеменсъ и профессоръ Снелліусъ важно вошли и начали дѣловой разговоръ, но тотчасъ-же пустились въ польку; Мелита, Елена и Эмилія носились, увѣнчанныя розами, на свѣтломъ облакѣ, но вдругъ оно потемнѣло, пошолъ дождь и три страшныя вѣдьмы изъ Макбета затрясли своими змѣеобразными волосами.... Такъ прошла долгая, томительная ночь. Когда утренній свѣтъ показался въ окнѣ, привидѣнія начали блѣднѣть. Освальдъ открылъ окно и освѣжилъ холоднымъ утреннимъ вѣтромъ свои пылающіе виски. Это нѣсколько облегчило его; но когда улица начала оживляться, онъ опять затворилъ окно и опустилъ занавѣски: ему хотѣлось-бы ничего не видать и не слыхать изъ ненавистной ему жизни.

Въ отелѣ побѣгъ Эмиліи не произвелъ впечатлѣнія. Единственный человѣкъ, знавшій нѣчто подробное объ этомъ дѣлѣ, не чувствовалъ желанія разсказывать, сознавая себя сообщникомъ. И такъ подумали,—если вообще было время думать о такихъ незначительныхъ вещахъ въ эти тревожные дни, — что дама была сестра, а не жена пріѣзжаго господина, а что увезъ ее потомъ ея мужъ.

Такъ поняла дѣло и полковница Шварцъ, отправляясь на другой день къ Освальду. Г-жа Шварцъ имѣла обыкновеніе лично освѣдомляться о требованіяхъ гостей, которые провели у нея ночь, и заводить такимъ образомъ родъ дружественныхъ отношеній, въ которыхъ такъ нуждалось ея доброе, старое сердце. Къ Освальду-же она шла съ двойнымъ интересомъ. Молодой человѣкъ имѣлъ что-то во взглядѣ и голосѣ, что́ напоминало ей прошедшее время и одно существо, которое она очень любила, и потерю котораго не переставала оплакивать. Ктому-же молодой человѣкъ пріѣхалъ изъ Франціи, родины той прелестной, несчастной подруги, которая вѣроятно и возвратилась туда впослѣдствіи. Впрочемъ бѣдная дѣвушка ни разу не подала о себѣ вѣсти, и едва-ли вѣроятно, что она еще жива теперь. Однако это не мѣшало полковницѣ всякій разъ особенно радоваться прибытію въ отель француза, какъ возможности получить вѣсточку о пропавшей.

Какже удивилась и огорчилась г-жа Шварцъ, найдя

Digitized by Google

Освальда блѣднымъ и истощоннымъ, тѣнью вчерашняго статнаго молодого человѣка. Онъ провелъ дурную ночь? Конечно ужъ должна быть хороша ночь, способная перевернуть такимъ образомъ человѣка! Не послать-ли за докторомъ? Нѣтъ? Ну, чашку крѣпкаго бульона съ яйцомъ? Qu'en dites-vous, monsieur? Старушка поплелась сама за бульономъ, котораго никто не умѣлъ приготовить лучше ея. И стоя въ кухнѣ, она не разъ покачивала сѣдой головою по поводу того, что monsieur Освальдъ — такъ назвался пріѣзжій — такъ хорошо говоритъ по-нѣмецки и кажется такимъ больнымъ и несчастнымъ, что́ еще усиливаетъ его сходство съ пропавшей. У ней навернулись даже слезы и она рѣшилась, подъ опасеніемъ оказаться нескромной, спросить у него о причинѣ его печали.

Съ этимъ намѣреніемъ она воротилась въ комнату молодого человѣка и нашла Освальда все въ прежнемъ положеніи на диванѣ, съ руками скрещенными на груди и глазами странно устремленными на гравюру, изображавшую прикованную къ утесу Андромеду, для спасенія которой Персей летитъ по воздуху съ головою Горгоны.

Онъ замѣтилъ эту картину сегодня на разсвѣтѣ и долго не могъ разсмотрѣть, что́ она изображаетъ. Картина была вычурна, какъ и всѣ произведенія ея времени. Андромеда была слишкомъ мала, почти дитя въ сравненіи съ очень стройнымъ героемъ, который, поставивъ одну ногу на скалу, готовился нанести ударъ чудовищу, смотрящему на него ехидными глазами и раскрывшему страшную пасть. Впрочемъ концепція вообще была не дурная и выполнена съ нѣкоторымъ изяществомъ. Въ особенности выраженіе надежды на дѣтски-прекрасномъ лицѣ дѣвушки и героическій гнѣвъ въ чертахъ юноши переданы были удачно, а ландшафтъ — одинокая скала въ безпредѣльномъ морѣ, на горизонтѣ восходящее солнце, лучи котораго достигаютъ до скалы—отзывался клодъ-лорреновской силой и величіемъ. Освальдъ вматривался въ картину съ какой-то болѣзненной горечью. Прекрасный смыслъ стараго миѳа, что мужество переноситъ того, кто имъ обладаетъ, на божественныхъ крылахъ черезъ моря и земли, что герой ужъ однимъ взглядомъ обезоружи-

Digitized by Google

ваетъ опасность и наконецъ—только для него цвѣтетъ прелестный цвѣтокъ жизни и любви въ пустынномъ, негостепріимномъ морѣ—все это напомнило ему, слабому мечтателю, о томъ прекрасномъ, которымъ онъ уже обладалъ въ жизни, для того чтобы, увы! утратить его въ короткое время навсегда.

Даже и теперь, когда полковница по его просьбѣ сѣла подлѣ него и начала разсказывать о волненіи въ городѣ, о кровавыхъ сценахъ, которыя происходили вчера вечеромъ недалеко отъ нихъ, и жаловалась на дурное время, въ которое все идетъ вверхъ дномъ,—онъ снять устремилъ взглядъ на картину, такъ что она это замѣтила и сказала:

— Да! вотъ она и двадцать пять лѣтъ назадъ была такая-же. Она принадлежала одному изъ вашихъ соотечественниковъ, прекрасному человѣку, которой прожилъ у меня нѣсколько лѣтъ и котораго я любила какъ сестра. Вотъ картина-то тутъ, а онъ....

Тутъ она такъ глубоко вздохнула, что Освальдъ, котораго собственное горе не настолько притупило, чтобы не сочувствовать горю другихъ, спросилъ съ участіемъ:

— Онъ умеръ, не правда-ли?

— Не знаю,—отвѣчала старушка;—онъ отправился по свѣту, чтобы спасти отъ погибели дѣвушку, которую я воспитала какъ своего ребенка, прелестное, милое созданіе; но онъ не вернулся и она не вернулась,—и я оплакиваю эту потерю, хотя теперь прошло уже лѣтъ двадцать пять. Не слыхали-ли вы, monsieur — это очень глупый вопросъ, но вѣдь чего на свѣтѣ не бываетъ—не слыхали-ли вы какъ-нибудь случайно о мадемуазель Мари Монберъ и одномъ господинѣ д'Эштейнъ?

Старушка такъ часто повторяла этотъ вопросъ и такъ привыкла слышать на него короткое «non, madame,» что едва замѣтила отрицательное движеніе Освальда, какъ съ живостью продолжала:

— Я такъ и думала; никто не можетъ мнѣ дать о нихъ вѣсти. Свѣтъ такъ великъ, а людей такъ много; а въ этой большой суетѣ какъ легко затеряться и быть позабытыми двоимъ несчастнымъ!

Digitized by Google

Пріемы старушки при всей искренности отличались такимъ достоинствомъ, впалые, но все еще живые глаза смотрѣли такъ кротко и ласково, а голосъ звучалъ такою добротою, что Освальдъ почувствовалъ къ ней симпатію и попросилъ разсказать нѣсколько подробнѣе о судьбѣ тѣхъ, кого она еще такъ горячо сожалѣетъ послѣ такой долгой разлуки.

Полковница расправила свой передникъ и въ не многихъ словахъ разсказала простую и трогательную исторію.

Мужъ ея, храбрый, но необузданный и грубый человѣкъ, своей расточительностью принудилъ ее самое заботиться о средствахъ къ жизни еще задолго до того времени, когда геройской смертью при Ватерло искупилъ грѣхи жизни. Въ заднемъ флигелѣ этого дома, который теперь весь принадлежитъ ей, она тогда снимала большую квартиру и отдавала отъ себя комнаты. Ей всегда хотѣлось стоять на дружеской ногѣ съ своими «питомцами,» но ни съ кѣмъ это ей такъ не удалось, какъ съ однимъ г-номъ д'Эштейнъ, изъ фамиліи французскихъ выходцевъ, который добывалъ себѣ средства къ существованію уроками родного языка. Monsieur д'Эштейнъ былъ добрая душа, довольно пожилой холостякъ, ненавидѣвшій цѣлый міръ, а между тѣмъ готовый раздѣлить послѣдній кусокъ съ тѣмъ, кто-бы попросилъ его помощи. Обо всемъ у него были свои особенныя понятія, и все-то онъ носился съ планами, способными потрясти весь міръ, между тѣмъ какъ самъ не обидѣлъ-бы мухи.

Monsieur д'Эштейнъ жилъ у ней уже много лѣтъ и сдѣлался ея другомъ, которому она повѣряла свои заботы и нужды, какъ вдругъ однажды пріѣзжаетъ къ нему его родственникъ, полковникъ Монберъ. Полковникъ ѣхалъ въ Россію въ 1812 году и съ нимъ была восьмилѣтняя дочка, прелестное созданіе, которую полковникъ вѣроятно любилъ тѣмъ сильнѣе, что она не пользовалась преимуществомъ законнаго происхожденія и не имѣла никого на свѣтѣ, кто-бы любилъ и берегъ ее, кромѣ отца, да и его войны переносили съ одного конца Европы на другой. До сихъ поръ полковникъ бралъ ее всегда съ собою; но теперь онъ боялся подвергнуть дитя случайностямъ зимней кампаніи, исходъ которой онъ можетъ быть предчувствовалъ, и настоящей цѣлью его посѣщенія

Digitized by Google

было просить monsieur д'Эштейна позаботиться о Мари во время похода; а если-бы полковникъ не вернулся, то вотъ фамильныя бумаги и все его имущество въ векселяхъ и чистыми деньгами,—друзья взглянули другъ другу въ глаза и пожали руки. Полковникъ поцаловалъ свою дочку, обѣщалъ ей вернуться изъ Россіи въ саняхъ на оленяхъ; поцаловалъ еще разъ, сказалъ: adieu, mon cher! adieu, ma petite! сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Полковникъ Монберъ не сдержалъ своего обѣщанія на счотъ оленей. Дочка его ждала-ждала саней и отца и сдѣлалась взрослой дѣвушкой, а ни сани, ни отецъ не пріѣзжали.

Мари сдѣлалась хорошенькой дѣвушкой, такъ что ее во всемъ сосѣдствѣ называли не иначе, какъ красотка-Мари. Она была также и добра, могла радоваться чужой радости и оплакивать чужое горе. Единственнымъ ея недостаткомъ была слишкомъ игривая фантазія, склонность къ необыкновенному, чудесному — наслѣдіе отца, у котораго страсть къ приключеніямъ и фантазія доходили почти до сумасшествія, по словамъ д'Эштейна.

Полковницѣ и д'Эштейну было много заботъ съ этой особенностью характера ихъ воспитанницы; въ особенности д'Эштейну, съ его трезвымъ, сухимъ умомъ, было противно все фантастическое, нераціональное. «Дѣвочка не должна имѣть времени для мечтаній, говорилъ онъ; ей нужно учиться думать и дѣйствовать. Она должна понять, что ей самой придется заработывать себѣ хлѣбъ. Нужно, чтобы въ самой прозаической прозѣ жизни для нея было противодѣйствіе пестрымъ мечтаніямъ. Въ воздушныхъ замкахъ невозможно жить человѣку.» Вслѣдъ за этими правилами онъ составилъ планъ воспитанія для маленькой Мари, цѣлесообразности котораго никогда не могла постичь г-жа Шварцъ, не смотря на все уваженіе къ уму г-на д'Эштейна. Мари должна была носить самыя простыя платья, какъ дочери ремесленниковъ; она должна была учиться всѣмъ домашнимъ работамъ, и когда подросла, д'Эштейнъ довелъ свою послѣдовательность до того, что отдалъ ее въ ученье къ портнихѣ—какъ знать, можетъ быть это очень пригодится ей въ жизни. Полковница только

Digitized by Google

качала головою, но мирилась съ планами monsieur, потому что видно было, что онъ желаетъ добра, а въ особенности потому, что дѣвушкѣ это шло въ прокъ: она съ каждымъ днемъ становилась умнѣе и красивѣе, и въ своемъ ситцевомъ платьицѣ и простой соломенной шляпочкѣ была изящнѣе и важнѣе любой дочери тайнаго совѣтника.

Полковница гордилась дѣвушкой; у ней никогда не было дѣтей, но кажется больше нельзя-бы было любить и родной дочери. Да и развѣ она не была матерью дѣвочки, не холила ее здоровую и не ухаживала за больной? Да и дѣвочка любила ее со всей дочернею нѣжностью. Полковница была порядочно ревнива относительно этой любви (у ней такъ мало было привязанностей въ жизни!) и съ радостью видѣла, что Мари чувствуетъ къ ней болѣе любви и довѣрія, чѣмъ къ своему воспитателю. Но и тотъ былъ не менѣе ревнивъ въ свою очередь; полковницѣ казалось иногда, что monsieur питаетъ болѣе чѣмъ родительскія чувства къ своей питомицѣ, и что его метода воспитанія, заключающая Мари въ тѣсный кругъ домашней жизни, имѣла не одни только педагогическія основанія. Д'Эштейну было въ это время лѣтъ сорокъ,—и ни накого не бываетъ такой простоты, какъ на мудрецовъ. Подозрѣнію этому суждено было оправдаться впослѣдствіи.

Однажды вечеромъ — это было въ воскресенье—monsieur вернулся домой съ Мари изъ парка очень разстроенный. Мари также была взволнована и на ея хорошенькихъ глазкахъ виднѣлись слѣды слезъ. Она тотчасъ послѣ ужина ушла спать, а полковница такъ долго упрашивала monsieur сказать что случилось, что онъ наконецъ удовлетворилъ ее.

Мари и онъ ходили по аллеямъ парка и наконецъ зашли въ кафе, гдѣ онъ хотѣлъ предложить дѣвушкѣ стаканъ лимонада и самъ выпить при этомъ случаѣ ликера. Едва успѣли они сѣсть за столикъ, какъ двое мужчинъ, сидѣвшіе прежде поодоль, подошли и сѣли рядомъ съ ними. Д'Эштейнъ, сидѣвшій къ нимъ спиною, замѣтилъ ихъ только тогда, когда Мари, разговаривая съ нимъ, отъ времени до времени бросала полу-смущенные, полу-любопытные взгляды въ ихъ сторону. Онъ обернулся, чтобы посмотрѣть что тамъ такое. Въ ту-же минуту подошолъ къ нимъ одинъ изъ мужчинъ.

Digitized by Google

Это былъ замѣчательно красивый господинъ — monsieur не могъ отвергать этого, не смотря на свою досаду — высокая, чисто рыцарская фигура, чудная голова, благородное, хотя и нѣсколько истомленное лицо; большіе темноголубые глаза смотрѣли важно и въ то-же время привѣтливо, когда онъ, снявъ шляпу, спросилъ на чистомъ французскомъ языкѣ:— (monsieu и Мари всегда говорили между собой по-французски) «не дозволятъ-ли ему и его спутнику присоединиться къ обществу monsieur и mademoiselle?»—Ну, monsieur былъ самый вѣжливый человѣкъ въ мірѣ, но, по его словамъ, въ особѣ молодого господина было что-то оттолкнувшее его съ перваго раза, и онъ отвѣтилъ коротко и сухо, что онъ и mademoiselle предпочитаютъ остаться вдвоемъ. Это подало поводъ къ нѣсколькимъ рѣзкимъ словамъ и д'Эштейнъ, чтобы положить конецъ дѣлу, всталъ и увелъ Мари изъ сада, сопровождаемый насмѣшками обоихъ кавалеровъ. Съ этого вечера началась значительная перемѣна въ поведеніи Мари. Она, всегда такая веселая, ровная, опустила головку, краснѣла и блѣднѣла, была то вдругъ необыкновенно весела, то смертельно скучна. Ни monsieur, ни полковница не знали что съ нею дѣлать. На бѣду, monsieur заболѣлъ въ это время и болѣе чѣмъ когда-нибудь требовалъ попеченій полковницы, такъ что Мари была предоставлена самой себѣ. Прежде monsieur каждый вечеръ ходилъ за ней въ мастерскую, гдѣ она работала, а теперь приходилось возвращаться одной. Что́ произошло въ это время, въ какія сѣти попалась бѣдняжка, полковница никогда не узнала. Только однажды по-утру, когда она пошла будить дѣвушку, комната оказалась пустою, а на столѣ лежало письмо. Несчастная писала, что причины, о которыхъ она еще не можетъ высказаться подробнѣе, принудили ее покинуть городъ; что она на колѣняхъ проситъ прощенья у своихъ благодѣтелей за то-что теперь по видимому отвѣчаетъ неблагодарностью на всю ихъ любовь и попеченія; но что Богъ дастъ наступитъ день, когда все это горе превратится въ радость.

Этотъ день никогда не наступилъ, а съ тѣхъ поръ на полковницу обрушивалось горе за горемъ. Д'Эштейнъ чуть не сошолъ съ ума, когда узналъ о побѣгѣ Мари, и поклялся

Digitized by Google

страшной клятвой не знать ни отдыха, ни покоя, пока не избавитъ дѣвушку изъ рукъ безстыднаго соблазнителя и лично не отмститъ ему. Д'Эштейнъ способенъ былъ сдержать свое слово. Въ маленькомъ, слабомъ тѣлѣ жилъ энергическій духъ. Это выказалось теперь, когда дерзкая рука разрушила счастіе его жизни. Теперь полковница не могла уже сомнѣваться, что странный человѣкъ любилъ пропавшую дѣвушку со всей страстью, свойственной сосредоточеннымъ натурамъ. Онъ велъ поиски съ неутомимой дѣятельностью и наконецъ добился успѣха. Настоящій слѣдъ былъ найденъ. Куда онъ велъ? этого онъ никогда не высказалъ и вообще держалъ все происшествіе въ глубокой тайнѣ отъ своего друга. Онъ уложилъ въ чемоданъ всѣ нужныя вещи для дальняго путешествія, уѣхалъ, обѣщая черезъ недѣлю дать о себѣ извѣстіе, и вотъ — полковница ждетъ уже двадцать пять лѣтъ, чтобы monsieur исполнилъ свое обѣщаніе.

Погрузившись въ воспоминанія, старушка позабыла, что пришла не съ намѣреніемъ высказать свое горе, а выпытать его у молодого человѣка; теперь ей напоминала объ этомъ блѣдность Освальда, все увеличивавшаяся впродолженіе ея разсказа.

— Но право, вы гораздо сильнѣе больны нежели думаете, милый молодой человѣкъ, сказала она.—Руки у васъ какъ огонь, голова горитъ! Позвольте мнѣ послать за нашимъ докторомъ.

— Пожалуста не дѣлайте этого! сказалъ Освальдъ, стараясь пересилить себя;—я признаюсь вамъ лучше, что не спалъ цѣлую ночь, вѣроятно вслѣдствіе утомительнаго путешествія.

— Такъ лягте по крайней мѣрѣ теперь на нѣсколько часовъ! сказала старушка.—Я знаю: молодость не можетъ обходиться безъ сна, какъ мы старые люди.

— Это я и сдѣлаю, сказалъ Освальдъ; вы увидите, сонъ все поправитъ.

— Дай Богъ! сказала старушка, еще разъ дружески пожимая руку Освальду;—пожалуста не провожайте! я зайду освѣдомиться черезъ нѣсколько часочковъ.

Digitized by Google

Едва успѣла затвориться дверь за полковницей, какъ Освальдъ разбитый упалъ на диванъ.

Чтó онъ слышалъ сейчасъ! Что это продолженіе той самой исторіи, которую разсказывала ему бабушка Клаузенъ лѣтомъ, когда они съ Тиммомъ укрылись у ней отъ дождя, это онъ угадалъ съ перваго слова. Всѣ обстоятельства согласуются совершенно. Совершенно такъ, какъ описывала полковница, смотритъ еще и теперь баронъ Гаральдъ фонъ-Гренвицъ на портретѣ изъ-за широкой золотой рамы; а бѣдную жертву его также звали Маріей, какъ и воспитанницу monsieur д'Эштейна.

Но не это леденило теперь его кровь и заставляло всѣ члены трястись какъ въ лихорадкѣ. Тó было другое, страшное предчувствіе, съ демонической силой поднявшееся со дна души. Или не опять-ли лихорадочные духи начинаютъ свой танецъ среди бѣлаго дня? Не безуміе-ли, что его разгорячонная фантазія превращаетъ monsieur д'Эштейна, учителя французскаго языка, въ его отца, тоже страннаго старика? А прелестная дочь полковника принимаетъ образъ той женщины съ чудно-добрымъ взглядомъ, подлѣ которой онъ ребенкомъ игралъ въ саду за городскою стѣною, между тѣмъ какъ бѣлыя бабочки кружились надъ цвѣткомъ рыцарская шпора...

И все поспѣшнѣе гнались другъ за другомъ безпокойныя мысли. Проснулись давно забытыя воспоминанія; странныя сомнѣнія, съ которыми носился ребенокъ, а потомъ и юноша, опять воротились и говорили: «Вотъ тебѣ наше разрѣшеніе!» Все необъяснимое въ его жизни получало свой смыслъ. Такъ—не старческая слабость заставляла бабушку Клаузенъ находить въ его лицѣ черты барона Оскара и не изъ случайной фантазіи Альбертъ Тиммъ объявилъ: «У васъ совершенно выраженіе лица бароновъ Гренвицей»!

Освальдъ вскочилъ съ дивана и подошолъ къ зеркалу. На него глянуло смертельно-блѣдное лицо съ сверкающими глазами: «Такъ злой духъ все еще не угомонился? Ему мало еще всѣхъ принесенныхъ уже жертвъ? Видно онъ обновляется съ каждой падающей жертвой! Вѣрно вампиръ не можетъ умереть отъ собственнаго ядовитаго взгляда! А пуля?

Digitized by Google

Такъ прямо сквозь високъ въ безпокойный мозгъ—не положитъ-ли хоть она конецъ галлюцинаціямъ? Но это не настоящая смерть, какъ говоритъ Бергеръ; это только замѣна... Что-же наноситъ настоящую смерть, послѣ которой душа никогда уже не воротится къ этому проклятому существованію?..»

Освальдъ вскрикнулъ—чья-то рука схватила сзади его руку и въ зеркалѣ отразилось презрительно-насмѣшливое лицо.

— Ого! сказалъ Альбертъ Тиммъ;—ужъ не собираешься-ли ты на сцену, дотторе, что стоишь передъ зеркаломъ и читаешь монологи, способные кинуть въ дрожь порядочнаго человѣка? Проклятое существованіе? Покажись-ка къ свѣту, душа моя! Дѣйствительно, у тебя престранный видъ! Маленькая Эмилія видно того? Да ты порадуйся лучше, что она убралась прежде чѣмъ сдѣлала изъ тебя тѣнь твоей тѣни! Видишь, я знаю все и знаю еще кое-что, что возвратитъ тебѣ желаніе жить, когда ты меня выслушаешь, меланхолическій датскій принцъ. Но прежде чѣмъ я выложу передъ тобою свои свѣденія, прикажи-ка подать бутылку портвейна или что-нибудь въ этомъ родѣ; сегодня утромъ у меня еще капли не было во рту, и я сухъ какъ треска.

Тиммъ, по своему обыкновенію, не сталъ ждать отвѣта Освальда, а позвонилъ и велѣлъ подать портвейну и устрицъ.— Устрицъ не имѣемъ.— Ну, такъ ступайте въ Мрачный Погребъ, сейчасъ на углу, кланяйтесь фрау Розѣ Папе отъ Альберта Тимма и возвращайтесь на крыльяхъ, юноша съ свѣтлыми кудрями!

Очевидно показаніе Тимма, будто онъ еще не пилъ сегодня, было ложно. Онъ распространялъ вокругъ себя очень чувствительный запахъ спиртовыхъ напитковъ; лицо его было очень красно, а глаза менѣе ясны чѣмъ обыкновенно. Весьма могло быть, что онъ въ эту ночь вовсе не видалъ постели; вся его внѣшность оправдывала это предположеніе. Бѣлье было грязнѣе обыкновеннаго, а сюртукъ не разъ приходилъ въ тѣсныя сношенія съ бѣлыми стѣнами и грязными столами. Обстоятельства Тимма очевидно ухудшились съ того времени, какъ Освальдъ съ нимъ разстался.

Digitized by Google

Онъ и не опровергалъ этого, напротивъ; онъ, не дожидаясь вопросовъ, снялъ покрывало съ непривлекательной картины послѣднихъ мѣсяцовъ.

— Бѣда преслѣдовала меня по пятамъ! вскричалъ онъ, бросаясь на диванъ и протягивая ноги.—Въ ту минуту, какъ я сдѣлалъ открытіе, — о которомъ сообщу тебѣ какъ только принесутъ вино,—ты безслѣдно исчезъ изъ Грюнвальда. На слѣдующій день полиція прервала наше крысиное засѣданіе въ ту минуту, какъ мы сидѣли за фараономъ — я именно и держалъ банкъ—такъ и погибли всѣ мои наличныя, въ которыхъ я тогда въ особенности нуждался, такъ какъ на другой день предстояло платить по векселю. Платить, разумѣется, оказалось нечемъ. Проклятый кредиторъ такъ озлился, что заперъ меня въ тюрьму, гдѣ я и просидѣлъ до нынѣшней недѣли. А освободился я вотъ какъ: мой квартирный хозяинъ, старая бестія, напалъ на остроумную мысль идти къ жиду и погрозить ему, что разскажетъ нѣкоторыя исторіи, которыя... ну, да это въ сторону! Я опять на свободѣ, а вотъ и вино съ устрицами. Сюда, Освальдъ! Составь мнѣ компанію! Да зраствуютъ храбрые мужи! Говорятъ тебѣ, я внѣ себя отъ радости, что нашолъ твою милость. А то я уже приготовился было на долгіе поиски. Ну, вотъ теперь я разскажу тебѣ такую исторію, что ты только всплеснешь руками и просто вылѣзешь изъ кожи отъ удивленія. Да, таки совершенно вылѣзешь изъ кожи! потому что ты долженъ сложить съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго; и все это я подготовилъ тебѣ, безъ всякаго вѣдома и заслуги съ твоей стороны, изъ чистой дружбы. Ну, еще одинъ глотокъ и впередъ исторія!

Тиммъ оттолкнулъ отъ себя раковины съѣденныхъ устрицъ, налилъ стаканъ вина, проглотилъ его, налилъ еще, вытащилъ изъ кармана связку писемъ, положилъ ихъ на столъ, поднялъ руки кверху и смѣясь спросилъ Освальда:

— Что ты дашь мнѣ, mon cher, если я тебя, nolens volens, изъ простого бѣдняка сдѣлаю сыномъ барона, да еще наслѣдникомъ имѣнія, дающаго отъ десяти до двѣнадцати тысячъ годового дохода? Но я вижу, это на тебя слишкомъ подѣйствовало. Не стану больше пытать тебя. Слушай!

Digitized by Google

Бываютъ минуты такого душевнаго настроенія, когда возбужденный мозгъ принимаетъ какъ самое обыкновенное самыя неожиданныя, почти немыслимыя вещи. Такъ было теперь и съ Освальдомъ. Ему вовсе не показалось необыкновеннымъ, что Тиммъ подтвердилъ его предчувствіе, доказалъ ему какъ дважды два четыре, что это не мечта, подкрѣпилъ все документами, совершенно правильными юридически. Тутъ были и бумаги Маріи Монберъ. Настоящее ея имя по матери было Марія Герцогъ; мать была нѣмка, переселившаяся въ Парижъ и сдѣлавшаяся тамъ подругой сердца полковника Монбера. А Освальдъ зналъ и прежде, что Герцогъ была фамилія его матери. Тутъ была—добытая неутомимыми стараніями Тимма и совершенно таинственнымъ путемъ—выписка изъ церковной книги о состоявшемся 1-го декабря 1823 года бракѣ между Амедеемъ д'Эштейнъ, прозваннымъ Штейномъ, и Маріей Елизаветой Герцогъ. А вотъ и копія съ метрическаго свидѣтельства: 22-го декабря 1823 года, у Амедея Штейна и его законной супруги Маріи, урожденной Герцогъ, родился сынъ, названный во святомъ крещеніи Освальдомъ, 23 января 1824 года. Были тутъ и письма барона Гаральда къ Маріи, во время его достопамятнаго пребыванія въ столицѣ весною 1823 года; также и отвѣты самой Маріи; вотъ письмо господина д'Эштейна къ Маріи, написанное тѣмъ-же лѣтомъ, въ которомъ онъ пишетъ ей, что онъ наконецъ открылъ ея убѣжище въ Гренвицѣ; умолялъ ее именемъ всего святого уѣхать съ нимъ; говорилъ, что все приготовилъ къ побѣгу и т. д.

— Видишь, какъ все сходится! сказалъ Тиммъ, чрезвычайно остроумно распутавъ всѣ нити запутаннаго происшествія и соединивъ ихъ въ прочную ткань. Подлинность лицъ можетъ быть тотчасъ доказана документами и свидѣтелями; а свидѣтельство Розы Папе, которая сводила твою мать съ барономъ и потомъ присутствовала при твоемъ рожденіи и крещеніи, можетъ взорвать на воздухъ всѣ каверзы адвокатовъ противной стороны. Хотя Розхенъ и не охотно даетъ показаніе, которое дѣйствительно нѣсколько компромтируетъ ее, но за деньги можно заставить плясать чорта и говорить

Digitized by Google

фрау Розу. Единственная моя забота въ томъ, что ты не поведешь дѣла съ должной энергіей. Признаюсь, что по нѣкоторымъ безумнымъ воззрѣніямъ, которыя ты имѣешь на многія вещи, я вначалѣ подумывалъ, что и вовсе не стоитъ сообщать тебѣ моего открытія, и вслѣдствіе этого закинулъ словцо баронесѣ, которое впрочемъ было принято не такъ благосклонно.

— Однимъ словомъ,—прервалъ его Освальдъ и сдѣлался еще блѣднѣе,—ты хотѣлъ продать свое открытіе баронесѣ и не получилъ требуемой платы?

— Смотрите-ка! сказалъ Альбертъ съ совершенно искреннимъ удивленіемъ. Да въ тебѣ открывается смѣтливость въ дѣлахъ, которой я и не ожидалъ. Ну, положимъ, что дѣло было именно какъ ты говоришь. Это не можетъ помѣшать тебѣ воспользоваться своимъ правомъ. Но, дружочекъ, periculum in mora! Если ты хочешь сдѣлаться не только племянникомъ, но и зятемъ Анны-Маріи, то нужно торопиться. Случилось то, что я предсказывалъ тебѣ еще зимою. Елена дала слово князю Вальдернбергу; офиціальная помолвка будетъ на дняхъ и даже здѣсь. Елена пріѣхала вчера съ матерью и остановилась у старой княгини Летбусъ, въ отелѣ Вальдернбергъ. Только, чтобы выиграть время для нашего дѣла, я подвелъ въ непріятельскомъ лагерѣ удивительнѣйшую мину, которую взорвемъ сегодня-же. Я готовъ прозакладывать голову, что Елена не любитъ князя и сказала бы нѣтъ даже въ послѣднюю минуту, еслибы знала, что ты ея кузенъ и она опять получитъ имѣніе, ускользающее, вслѣдствіе вашего родства, изъ рукъ законнаго супруга. Но что дѣло именно въ такомъ положеніи, она повѣритъ только одному человѣку на свѣтѣ и этотъ человѣкъ ты! Освальдъ, подумай что стоитъ на картѣ! Одинъ смѣлый шагъ —и дѣвушка, которую ты любишь до безумія, какъ ни хитри, будетъ твоею! Состояніе, превышающее твои самыя смѣлыя надежды, будетъ твое! Ты разомъ получишь все, чего другіе добиваются долгіе годы, за что они рискнули-бы жизнью, если-бы только представились шансы за и противъ! Нечаянность творитъ чудеса. Поѣзжай въ отель Вальдернбергъ въ Вильямсштрассе; вели доложить о себѣ молодой

Digitized by Google

баронесѣ. Скажи ей, если нужно даже въ присутствіи матери, не то, что ты хочешь на ней жениться—это уже окажется потомъ само собою—но что ты, по такимъ и такимъ обстоятельствамъ, сдѣлалъ это открытіе и, даю голову на отсѣченіе, если дѣвчонка не бросится тебѣ на шею и не пошлетъ къ чорту своего князя.

Тиммъ ожидалъ, что этотъ планъ, совершенно по его вкусу и который онъ самъ не задумался-бы исполнить, будетъ принятъ щепетильнымъ Освальдомъ только послѣ долгаго колебанія. Какова-же была его радость, когда Освальдъ, сидѣвшій все время закрывъ лицо руками, вдругъ всталъ и сказалъ:

— Ты правъ. Остается только одно средство. Я долженъ самъ идти туда и даже сейчасъ-же.

— Милашка! вскричалъ Тиммъ, вскакивая и съ энтузіазмомъ обнимая Освальда; это первое разумное слово, которое ты сказалъ во всю свою жизнь!

Освальдъ съ содроганіемъ высвободился изъ его объятій, но обрадованный Тиммъ не замѣтилъ этого.

— Оставь меня теперь одного. Ты вѣдь понимаешь, что извѣстіе твое способно поразить человѣка; а мнѣ нужно еще приготовиться къ предстоящей сценѣ.

— Бога ради только безъ лишнихъ умствованій! вскричалъ Тиммъ. Свѣжая рыба самая лучшая! Я боюсь, что какъ только я за дверь, ты припомнишь тысячу всякихъ *но*...

— Даю тебѣ слово, что уйду не позже какъ черезъ часъ. Бумаги вѣдь ты оставишь здѣсь? Онѣ могутъ понадобиться мнѣ при разговорѣ съ баронесой.

Тиммъ бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ. Бумагъ ему не хотѣлось выпустить изъ рукъ. А что если Освальдъ хитритъ, если... но раздумывать было некогда и въ физіономіи Освальда было нѣчто недопускающее противорѣчія — рѣшимость въ крѣпко сжатыхъ губахъ, мрачный огонь въ большихъ глазахъ.—Тиммъ никогда еще не видалъ его такимъ. Передъ нимъ стоялъ уже не прежній нерѣшительный Освальдъ, а сынъ Гаральда фонъ-Гренвица.

— По моему, дѣлай что хочешь, сказалъ Альбертъ, я вижу, что ты рѣшился на самое крайнее. Но, Освальдъ, если иг-

Digitized by Google

ра будетъ выиграна, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, не забудь и того, кто далъ тебѣ карты въ руки.

— Будь увѣренъ, сказалъ Освальдъ, съ особенной улыбкой,—что въ матеріальномъ отношеніи дѣло это принесетъ тебѣ столько-же, сколько и мнѣ.

Это обѣщаніе такъ тронуло благороднаго Тимма, что онъ готовъ былъ еще разъ обнять Освальда! Однако тотъ сдѣлалъ такое нетерпѣливое движеніе назадъ, которое оскорбило-бы всякаго на мѣстѣ Альберта. Но Тиммъ только улыбнулся и сказалъ:—Вижу, что ты уже вошолъ въ новую роль. Не стану задерживать тебя дольше. Прощай, Освальдъ! Обдѣлай дѣло хорошенько! Теперь три часа. Въ четыре я зайду освѣдомиться какъ было дѣло. Пока, до свиданія!

Освальдъ медленно ходилъ по комнатѣ послѣ ухода Тимма; потомъ остановился передъ гравюрой и долго пристально смотрѣлъ на нее. «Поздно!» прошепталъ онъ; «я не могу быть ея избавителемъ, не могу уже освободить ее съ утёса, къ которому приковала ее судьба! Но видѣть ее еще разъ я хочу и хочу очистить воспоминаніе обо мнѣ отъ позора, которымъ вѣроятно заклеймилъ его этотъ негодяй. Пусть она не думаетъ, что я способенъ былъ прибѣгнуть къ недостойнымъ средствамъ. Какъ знать, на сколько этотъ человѣкъ употреблялъ во зло мое имя, чтобы достигнуть своей цѣли.»

Онъ подошолъ къ столу и собралъ бумаги; потомъ принялся одѣваться. Не скоро удалось ему это. Члены его нѣмѣли; онъ долженъ былъ нѣсколько разъ садиться, чтобы дать пройти головокруженію. Наконецъ онъ готовъ. Онъ положилъ бумаги въ карманъ и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ это самое время по немноголюдной улицѣ, гдѣ жилъ докторъ Браунъ, ѣхала карета, стукъ которой вызывалъ къ окнамъ многія любопытныя лица. Это былъ барскій эки-

Digitized by Google

пажъ, запряжонный парою удивительныхъ лошадей и съ большимъ гербомъ. На козлахъ подлѣ кучера сидѣлъ егерь въ блестящей ливреи. Карета остановилась передъ домомъ доктора Брауна, егерь соскочилъ съ козелъ и опустилъ подножку; молодая, очень изящная дама вышла изъ экипажа и быстро прошла черезъ маленькій садикъ къ дому.

— Можно видѣть г-жу Браунъ?

— Не знаю, отвѣчала горничная и бросила робкій взглядъ на бархатное манто и роскошную шляпку посѣтительницы; я пойду узнаю.

— Не нужно, сказала Софи, вдругъ появившаяся у дверей кухни въ длинномъ передникѣ; вотъ я и сама на лицо.

Съ этими словами Софи бросилась къ молодой дамѣ, которая въ свою очередь радостно подошла къ ней.

— Милая Елена!

— Милая Софи!

Софи потащила подругу въ комнату, отстегнула ей манто дрожащими отъ радости руками, сняла съ нея шляпу, взяла за обѣ руки и сказала:

— Ну, позволь посмотрѣть на тебя при свѣтѣ, милая; красавица какъ всегда, удивительно хороша! но такъ блѣдна, серьозна и разстроена какъ мнѣ кажется. Не могу-ли я чѣмъ угостить тебя? Видишь, я еще въ кухонномъ передникѣ.

Елена улыбнулась. Это была болѣзненная улыбка, сдѣлавшая еще мрачнѣе ея серьозные глаза.

— Благодарю тебя, Софи! Я хотѣла только освѣжиться, взглянувъ на тебя. Ахъ, ты не знаешь, какъ я тосковала объ тебѣ!

Дѣвушки говорили другъ другу *вы* до отъѣзда Софи изъ Грюнвальда. Радость свиданія невольно вырвала дружеское ты. Софи замѣтила это только, когда гордыя губки Елены произнесли это мѣстоименіе. Это тронуло ее, въ особенности-же грустный тонъ, которымъ дѣвушка говорила, что тосковала по ней. Это признаніе, котораго конечно не сдѣлала-бы и пансіонерка фрейлейнъ Беръ, очень странно звучало въ устахъ невѣсты князя Вальдернберга.

Все это промелькнуло въ головѣ Софи, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

она, не выпуская рукъ Елены, все глубже и глубже заглядывала ей въ глаза.

— Бѣдная Елена! вырвалось у ней невольно; она почти не сознавала, что говоритъ это.

Но въ сердцѣ Елены это восклицаніе состраданія пробудило всѣхъ скорбныхъ духовъ, которые не покидали ее въ долгую, ужасную ночь и только къ утру забылись вмѣстѣ съ нею въ тревожномъ снѣ. Состраданіе къ себѣ, какого она еще никогда не испытывала, овладѣло ею; слезы выступили у ней на глазахъ и она бросилась въ объятія Софи, пряча на ея груди свое прелестное, блѣдное личико.

— Что съ тобою, дорогая Елена? говорила серьозно встревоженная Софи;—я никогда не видала тебя такою; никогда не думала, что придется увидѣть, тѣмъ болѣе теперь, когда предполагала, что вся твоя жизнь—радость и великолѣпіе.

— Дѣйствительно-ли ты это думала? — спросила Елена, пристально глядя на Софи большими, страдающими глазами.

Софи опустила глаза передъ этимъ взглядомъ. Ей не хотѣлось-бы сказать *нѣтъ*, а сказать *да* не допускала добросовѣстность. Но это колебаніе не долго продолжалось въ этой чистой, доброй, но мужественной душѣ. Теперь или никогда настала минута высказать Еленѣ все, что̀ такъ долго лежало у нея на душѣ.

— Елена,—сказала она, ясно и спокойно взглядывая своими глубокими глазами;—я не могу и не хочу лгать никому, тѣмъ болѣе тебѣ, которую такъ искренно люблю. Сядь подлѣ меня на диванъ, моя душечка, и поговоримъ по душѣ, какъ сестры, которыми мы можемъ сдѣлаться хоть на одну эту минуту. Если-бы ты не хотѣла отъ меня откровенности, то для чего-бы тебѣ обращаться именно ко мнѣ, когда есть возможность обратиться къ столькимъ болѣе блистательнымъ подругамъ? Не правда-ли?

— Говори, говори!—сказала Елена, какъ будто одинъ голосъ подруги уже приносилъ утѣшеніе.

— Ты спрашивала меня,—продолжала ободряясь Софи,—дѣвствительно-ли я думаю, что ты теперь счастлива? Я не думаю этого. Ты не смотришь счастливой. Твое прелестное блѣдное личико сказало-бы нѣтъ, еслибъ языкъ и попытался

Digitized by Google

утверждать противное. Я часто читала на твоемъ лицѣ длинныя, длинныя исторіи, о которыхъ ты, гордая скрытница, не сказала мнѣ ни одного слова. Теперь я разскажу тебѣ что читала, позволишь?

— Говори, Софи, говори!

— Я прочла здѣсь, на твоемъ лбу, что умъ твой удовлетворяетъ только высокое и необыкновенное и то еще не вполнѣ,—а въ твоихъ очаровательныхъ глазкахъ прочла, что сердце твое изо-всѣхъ силъ стремится полюбить. Поэтому и вышло разъединеніе между головою и сердцемъ. Ты хочешь властвовать и любить въ одно и тоже время, а это не выходитъ. Любовь, истинная любовь—а только такую и можно признать любовью — смиренна; она все терпитъ и всему вѣритъ; она не требуетъ ничего, какъ только за одно съ любимымъ существомъ испытывать и радость и горе. Мнѣ выпала на долю такая любовь и потому я знаю что говорю. У меня и Франца одна общая воля. Онъ хочетъ добра и я хочу того-же, и даже разойдись когда нибудь наши мнѣнія, сердца все-таки будутъ соединены, а это примиряетъ все. Всякая радость чувствуется вдвойнѣ, а горе переносится легче. Я испытала это когда умеръ мой добрый папа. Что было-бы со мною, еслибъ подлѣ меня не было моего Франца.

— А у меня не осталось никого когда умеръ отецъ! безвучно сказала Елена.

— Знаю я это, моя душечка, и часто, думая о томъ, какъ ты одинока, какъ подлѣ тебя нѣтъ ни одной души, кому-бы ты могла повѣрить свое горе, я вдругъ бросалась на грудь Францу, и онъ часто не зналъ, что это такъ вдругъ влекло меня къ нему. Ты одинока и теперь, когда рѣшилась выйти замужъ, и что въ тысячу разъ хуже, ты убѣждена въ душѣ, что такъ останется и послѣ; что мужъ никогда не будетъ твоимъ братомъ, другомъ, возлюбленнымъ, передъ которымъ твоя душа могла-бы быть такъ открыта, какъ чистѣйшій горный источникъ, въ который милое ему солнце заглядываетъ до самаго дна.

— Никогда, никогда! вскричала Елена.

— Я знала это,—печально сказала Софи;—но, Елена, еще

Digitized by Google

въ тысячу разъ хуже того, что ты не любя хочешь выйти за князя; — будетъ то, что, сдѣлавшись его женою, ты будешь носить въ сердцѣ образъ другого.

Густой румянецъ разлился по щекамъ Елены, когда Софи твердымъ голосомъ произнесла эти слова и серьозно, съ упрекомъ взглянула на нее своими большими глазами.

— Нѣтъ, моя душечка, не стыдись, что любила его. За это я не порицаю тебя, потому-что онъ человѣкъ недюжинный, одаренный всѣмъ, что̀ можетъ привлечь женское сердце. Я не порицаю тебя и за то, что ты его еще любишь—можно-ли такъ легко вырвать любовь изъ сердца! — Но, Елена, не выходи съ этимъ чувствомъ за князя! Ты не должна рѣшаться на это изъ уваженія къ самой себѣ, изъ уваженія къ нему, если онъ достоинъ уваженія.

— Уже поздно!—сказала Елена, закрывая лицо руками.

— Никогда! вскричала Софи съ страстностью, доказывающей, какъ глубоко потрясена ея душа;—никогда не поздно сознать ошибку, которая обѣихъ васъ сдѣлаетъ безгранично несчастными. Пойми меня хорошенько, Елена! Я говорю не въ пользу того несчастнаго, который, если и былъ когда достоинъ твоей любви, въ чемъ я сомнѣваюсь, то утратилъ теперь всякое право на нее. Я никогда не сочувствовала ему; къ такъ называемымъ блестящимъ свойствамъ я всегда равнодушна, если они не соединены съ добротою сердца, и въ моихъ глазахъ напримѣръ честный, добрый Бемперлейнъ стоитъ въ тысячу разъ выше Освальда Штейна. Но потому что онъ не достоинъ тебя, ты все-таки не должна выходить за другого, какъ-бы онъ хорошъ ни былъ, если къ нему совершенно холодно твое сердце. Развѣ нѣтъ и людей на свѣтѣ, кромѣ Освальда и князя? О, Елена, хотѣла-бы я имѣть краснорѣчіе ангела, чтобы затронуть твое гордое сердце, что-бы ты смирилась наконецъ передъ истиной, чтобы ты пожертвовала всѣми великолѣпіями въ мірѣ блаженству быть въ ладу съ самой собою!

Елена вздрогнула, какъ-будто дѣйствительно ей говорилъ нечеловѣческій голосъ.

— О, какъ ты хороша! вскричала она;—еслибы я могла быть такою!

Digitized by Google

— Можешь, если захочешь!

— Но какъ вырваться изъ этого водоворота? Я дала слово; какъ-же я могу взять его назадъ?

— Поговори откровенно съ княземъ,—сказала Софи, которой этотъ исходъ казался самымъ простымъ и естественнымъ.

— Лучше умереть! пробормотала Елена. Въ эту минуту стукнули въ дверь; вошолъ егерь съ запиской.

— Имѣю честь доложить баронесѣ, что эту записку сейчасъ привезъ верховой изъ княжескаго отеля.

Елена торопливо развернула записку.

— Отъ матери!

Она бѣгло прочла ее и задрожала.

— Что такое, Елена?

— Мама сейчасъ получила извѣстіе изъ Грюнвальда, что братъ вдругъ очень опасно занемогъ. Она должна сейчасъ-же ѣхать туда.

— Бѣдная дѣвушка! вскричала Софи;—какъ ты блѣдна и испугана! Не поѣхать-ли мнѣ съ тобою?

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала Елена;—мнѣ надо ѣхать одной. Прощай, милая Софи! Прощай!

Елена вырвалась изъ ея объятій.

Софи проводила подругу до кареты и сказала въ послѣднюю минуту:—Дай о себѣ вѣсточку, Елева! И если будешь на что рѣшаться, слѣдуй совѣту своего горячаго сердца: оно посовѣтуетъ тебѣ лучше, чѣмъ холодной разсудокъ.

— Будь увѣрена, что я это сдѣлаю! отвѣчала Елена уже изъ кареты.—Прощай!

Дверца захлопнулась. Карета понеслась. Софи смотрѣла ей вслѣдъ до самаго поворота, потомъ пошла назадъ, опустивъ задумчиво голову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Въ одной изъ комнатъ бель-этажа въ Hôtel de Russie, подъ акаціями, вели продолжительный разговоръ Бергеръ и директоръ Шменкель. Шменкель всталъ и Бергеръ тоже.

Digitized by Google

— Такъ вы знаете теперь что вамъ слѣдуетъ говорить?

— Я полагаю, — отвѣчалъ Гаспаръ Шменкель и откашлялся.

— Повторимте-ка лучше еще разъ.

— Пожалуй, что и не мѣшаетъ,—согласился Шменкель.

— Ну, вы скажете, что вамъ очень непріятно, что ввели въ такое затрудненіе княгиню; что сами вы никогда не придумали-бы такого плана, если-бы этотъ — какъ вы его назвали?

— Тиммъ.

— Тиммъ не навелъ васъ на него. Теперь вы надумали, что такой поступокъ не приличенъ честному человѣку, и даете слово княгинѣ, что впередъ ни одно слово объ этомъ дѣлѣ не сорвется у васъ съ языка.

— Съ языка! повторилъ Шменкель, какъ школьникъ, повторяющій урокъ.

— Что-же касается Тимма, то пусть ея сіятельство не безпокоится, и если-бы онъ имѣлъ дерзость явиться къ ней требовать денегъ, пусть велитъ вытолкать его своимъ лакеямъ. Такъ-какъ вы ни въ какомъ случаѣ не будете съ нимъ за одно, то скандалъ, который онъ могъ-бы затѣять, не будетъ имѣть послѣдствій. Теперь запомнили все?

— Полагаю, что теперь пойдетъ дѣло,—сказалъ задумчиво Шменкель.

— А главное, вы не возьмете никакихъ денегъ отъ княгини, ни много, ни мало,—помните это!

— Ладно ужъ! сказалъ директоръ, съ внезапной рѣшимостью надвигая свою шляпу; прощайте, г-нъ профессоръ!

— Прощайте! сказалъ Бергеръ, подавая ему руку;—ступайте и сдѣлайтесь опять такимъ-же честнымъ человѣкомъ, какимъ были всегда.

— А теперь,—сказалъ Бергеръ, когда затворилась дверь за Шменкелемъ,—настала минута свести старый счотъ.—Онъ подошолъ къ бюро и досталъ изъ него ящичекъ и медальонъ Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты въ корридоръ и остановился у одной изъ дверей. Ключъ былъ въ замкѣ. Бергеръ тихонько вынулъ его и постучалъ.

— Entrez! крикнулъ разбитый голосъ.

Digitized by Google

Бергеръ вошолъ.

Тотъ, кого ему было нужно, стоялъ спиной къ двери и усердно оканчивалъ свой туалетъ. Думая, что вошолъ кельнеръ, онъ и не обернулся. Вошедшій оглянулъ всю комнату, безъ шума заперъ дверь изнутри и потомъ остановился молча.

— Что вамъ нужно?—спросилъ графъ, все еще занятый своимъ галстукомъ.

— Свести съ вами одинъ старый счотъ,—отвѣчалъ Бергеръ.

Графъ испуганно обернулся и взглянулъ на блѣдное, строгое лицо Бергера, казавшееся еще строже и блѣднѣе отъ чорной перевязки на лбу.

— Кто вы? Чего вы хотите? вскричалъ графъ.

— Меня зовутъ Бергеръ, а чего я хочу вы уже слышали.

— Если имѣете какой нибудь счотъ на меня, обратитесь къ моему камердинеру. Я не занимаюсь такими вещами.

— Знаю, сказалъ Бергеръ, не измѣняя выраженія лица,— что графъ Малицевскій охотно взваливаетъ на чужія плечи тѣ расчоты, которыхъ требуютъ отъ него лично, даже если эти плечи принадлежатъ и убійцамъ; на этотъ разъ надѣюсь однакожъ, что вы сдѣлаете исключеніе изъ общаго правила.

Съ этими словами онъ подошолъ къ круглому столу посреди комнаты, поставилъ на него ящичекъ и вынулъ спрятанные въ немъ пистолеты.

Графъ смотрѣлъ на все безмолвный и неподвижный отъ удивленія. Однако видъ пистолетовъ привелъ его въ себя. Съ поспѣшностью, которой нельзя было ожидать отъ его лѣтъ, онъ направился къ двери.

Бергеръ загородилъ ему дорогу съ пистолетомъ въ рукахъ.

— Еще одна попытка ускользнуть отъ меня, одинъ крикъ о помощи и я застрѣлю васъ, какъ бѣшеную собаку! Встаньте противъ меня по ту сторону стола; такъ!

— Да это сумасшедшій! бормоталъ графъ, а между тѣмъ самъ дрожа всѣми членами, исполнялъ приказаніе Бергера.

*

Digitized by Google

— Очень можетъ быть! сказалъ Бергеръ съ дурной улыбкой,—но сумасшедшій я благодаря вамъ, графъ. Вы не узнаете меня?

— Нѣтъ! право нѣтъ!

— Можетъ быть; я вѣроятно нѣсколько измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ имѣлъ сомнительную честь видѣться съ вами; я помогу вашей памяти. Не узнаете-ли вы хоть это?

Онъ открылъ медальонъ и показалъ его графу черезъ столъ. Графъ надѣлъ свой золотой лорнетъ и взглянулъ на медальонъ. Это былъ изящно сдѣланный на эмали портретъ прелестнѣйшей дѣвушки въ костюмѣ начала двадцатыхъ годовъ.

— Элеонора! вскричалъ графъ отступая.

— Да, Элеонора! повторилъ Бергеръ, закрывая медальонъ;—и теперь вы, надѣюсь, припомните кто я такой и какого рода счотъ намъ нужно свести съ вами.

Графъ поблѣднѣлъ даже подъ своими румянами; фальшивые зубы его застучали; онъ принужденъ былъ опуститься въ кресло стоявшее подлѣ, такъ какъ не въ силахъ былъ держаться на ногахъ.

Бергеръ наслаждался этимъ зрѣлищемъ.

— Какъ дрожитъ, трусъ! сказалъ онъ,—какъ бьется его гнусное сердце въ пустой груди за сохраненіе остатка безполезной жизни! Жалкій негодяй, у котораго достаетъ мужества лишь на то, чтобы соблазнять невинныхъ дѣвушекъ, и трясутся колѣни, какъ скоро встрѣтится съ мужчиной! Бери скорѣе пистолетъ и положи конецъ презрѣнной жизни хотя отчасти сносной смертью!

— Я не могу! пищалъ графъ.—Сжалься надо мною! Вы видите, я старикъ; мои руки дрожатъ отъ ревматизма; я не могу сдержать даже пера, не только пистолета.

— Такъ вотъ ты каковъ! сказалъ Бергеръ. Внутри, какъ и снаружи, ты только разукрашенная гробница! Въ такомъ случаѣ, оставить тебѣ жизнь можетъ будетъ еще сильнѣйшимъ наказаніемъ?

Бергеръ опустилъ голову и задумался.

Digitized by Google

— Пусть будетъ такъ! сказалъ онъ и убралъ пистолеты. Графъ перевелъ духъ.

— Я тридцать лѣтъ жаждалъ этого часа; я ожидалъ чудесъ отъ сладости мести; но сосудъ, въ которомъ мнѣ ее предлагаютъ, возбуждаетъ во мнѣ тошноту!

Бергеръ сказалъ это какъ-бы самому себѣ. Потомъ онъ поднялъ голову, устремилъ проницательный взглядъ на все еще ожившагося графа и сказалъ:

— Я покончилъ съ вами. Я оставлю вамъ вашу жалкую жизнь, но съ однимъ условіемъ. Сейчасъ-же вы уѣдете отсюда и никогда не вернетесь въ Германію. Я не хочу, чтобы такая гадина дышала воздухомъ моей родины.

— Какъ хотите, когда хотите! лепеталъ графъ.—Я самъ буду радъ выѣхать изъ этой проклятой страны.

Бергеръ положилъ въ карманъ ящикъ съ пистолетами. Вдругъ на улицѣ раздался опять шумъ. Въ одинъ прыжокъ Бергеръ былъ уже у окна. Толпы народа, женщинъ и дѣтей бѣжали изъ подъ акацій. Въ насъ стрѣляютъ! къ оружію! къ оружію!

— Къ оружію! вскричалъ Бергеръ, въ дикой радости простирая руки.—Наконецъ! наконецъ! Благодарю тебя, великій духъ!

Онъ отвернулся отъ окна, схватилъ графа, котораго любопытство подняло съ мѣста, и тряся его съ исполинскою силою, закричалъ:

— Слышишь, трусъ! теперь поплатятся за старые грѣхи ты и тебѣ подобные!

Онъ презрительно оттолкнулъ его, отперъ дверь и бросился вонъ.

Дорогой онъ столкнулся съ офицеромъ, который шолъ въ комнату графа.

Это былъ князь Вальдернбергъ.

— Извините, папа, что я не могу сдержать обѣщанія проводить васъ къ княгинѣ,—сказалъ князь, едва переводя дыханіе.—Вы слышите, что опять началось возмущеніе, и я каждую минуту ожидаю услышать генералъ-маршъ.

Графъ еще не пришолъ въ себя послѣ сцены съ Бергеромъ. Онъ глядѣлъ на князя блѣдный и растерянный.

Digitized by Google

— Что съ вами, папа? спросилъ князь, только что замѣтившій эту перемѣну.

— Убирайтесь вы къ дьяволу съ своимъ «папа»!—вскричалъ графъ, у котораго вырвалась наконецъ наружу вся дикая ненависть, которую онъ долгіе годы питалъ къ сыну своей жены.—Я не отецъ вашъ, не хочу быть вашимъ отцомъ! Если хотите видѣть своего папа, отправляйтесь къ вашей дражайшей матушкѣ, можетъ быть еще и застанете его у ней!

— Что это значитъ, милый папа! сказалъ князь, начавшій опасаться, что графъ сходитъ съ ума.

— «Милый папа»!—презрительно повторилъ графъ;—отлично! превосходно! Но будетъ съ меня этой комедіи. Убирайтесь вы всѣ теперь къ чорту!

Онъ позвонилъ.

— Подавать карету, слышите! крикнулъ онъ кельнеру.—Уйдете вы теперь или нѣтъ, сударь?—обратился онъ князю.

Князь глядѣлъ на графа, какъ человѣкъ, который не знаетъ довѣрять-ли своимъ ушамъ и глазамъ. Вдругъ онъ повидимому принялъ рѣшеніе. Онъ еще разъ взглянулъ на графа, который бѣгалъ вокругъ какъ безумный, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Шменкель медленно прохаживался по Вильгельмштрассе подъ акаціями, заложивъ руки за спину и надвинувъ на глаза шляпу. Передъ нимъ разступались, потому что самъ онъ никому не давалъ дороги и все что-то бормоталъ сквозь зубы. Однако Шменкель былъ и не пьянъ, и не помѣшанъ; онъ только былъ немного взволнованъ и повторялъ урокъ Бергера. Трудное это было дѣло; но Шменкель сознавалъ, что исполняетъ не болѣе какъ свой долгъ, уничтожая комплотъ, въ который затянулъ его хитрый Тимъ. Какое счастье, что онъ вздумалъ открыться профессору! Какъ тотъ

Digitized by Google

умѣетъ говорить! даже морозъ пробѣжитъ по кожѣ. Шменкель всегда говорилъ, что въ профессорѣ есть что-то такое. А что Эцика дочь барона, это вовсе не удивило Гаспара Шменкеля изъ Вѣны. У дѣвочки были всегда такія глазенки, и онъ всегда обращался съ нею особенно хорошо; потому-то и нѣтъ никакого чуда, что баронъ Ольденбургъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ одномъ изъ своихъ имѣній, гдѣ онъ можетъ теперь дожить вѣкъ безъ заботы. Нѣтъ, Гаспару Шменкелю ни у кого не нужно выманивать денегъ; Гаспаръ Шменкель можетъ опять смѣло поднять голову и...

— Чортъ побери, старина, насилу-то вы явились! вскричалъ вдругъ рѣзкій голосъ;—пора-бы уже вамъ и покончить съ своимъ визитомъ.

Говорящій такимъ сердитымъ тономъ былъ Тиммъ. Онъ прохаживался взадъ и впередъ передъ отелемъ Вальдернбергъ, чтобы узнать результатъ переговоровъ Освальда съ баронесой Гренвицъ. Шменкеля онъ разсчитывалъ уже встрѣтить въ это время въ Мрачномъ Погребѣ, гдѣ они условились сойтись, если-бы не столкнулись на улицѣ. Тиммъ не безъ намѣренія послалъ Шменкеля къ княгинѣ цѣлымъ часомъ раньше Освальда. Чтобы свиданіе баронесы съ Освальдомъ принесло надлежащій плодъ, ей слѣдовало сперва прочесть нѣкоторое письмецо, а чтобы дѣйствіе письма не было парализировано, Шменкель долженъ былъ прежде переговорить съ княгиней. Въ остроумномъ планѣ Тимма все держалось одно за другое, какъ колесца въ часовомъ механизмѣ. Потому-то встрѣча со Шменкелемъ такъ и разсердила его.

— Просто можно съ ума сойти! продолжалъ онъ еще раздражительнѣе;—оставь васъ одного на минуту, и вы уже надѣлаете глупостей.

— Ого! Не такъ грубо, пріятель! возразилъ Шменкель, почувствовавшій свое превосходство надъ хитрымъ врагомъ, съ тѣхъ поръ какъ принялъ добродѣтельное рѣшеніе.—А то я могу и заѣхать тебѣ въ шею!

Тиммъ увидѣлъ, что зашолъ слишкомъ далеко.

— Ну, ну! сказалъ онъ мягко,—между друзьями откро-

Digitized by Google

венное слово въ строку не ставится. Идите только поскорѣе теперь, такъ все еще устроится благополучно. Вы были утромъ у графа?

— Нѣтъ, промычалъ Шменкель.

— Да отчего-же, чортъ побери! вскричалъ Тиммъ, у которого опять поднялась жолчь.

— Потому что не хотѣлъ,—упорно отвѣчалъ Шменкель. Потому что вообще не хочу больше имѣть съ вами никакого дѣла!

— Ага! сказалъ Тиммъ,—вамъ хочется одному оцинать перышки? А я за что жогъ руки, загребая вамъ уголья? Нѣтъ, пріятель, мы еще не такъ глупы; за ничего и получите ничего.

— Не хочу я ни одного крейцера изъ грѣховныхъ денегъ! вскричалъ Шменкель;—я скажу княгинѣ, что я честный малый и что ей нечего бояться.

— Видѣнъ лисій хвостъ! сказалъ Тиммъ. Такъ вы хотите немножечко выдать меня? Берегитесь, штука эта можетъ вамъ обойтись очень дорого!

— Я сдѣлаю что мнѣ будетъ угодно! сказалъ Шменкель съ весьма рѣшительной миной и пошолъ дальше.

— Вы не войдете въ домъ! вскричалъ Тиммъ и схватилъ директора за руку.

Отвѣтомъ Шменкеля былъ толчокъ, который отнесъ Тимма на противоположную сторону. Черезъ минуту Шменкель былъ уже въ княжескомъ отелѣ.

Стычка съ Тиммомъ привела его въ героическое настроеніе, отлично подходящее къ предстоящему ему разговору. Потому-то онъ и не сконфузился ни при видѣ блестящей ливреи, ни при роскоши комнатъ, по которымъ проходилъ. Но мужество опять покинуло его и сердце сильно забилось, когда слуга, остановившись передъ послѣдней дверью, тихо сказалъ ему: «Ея сіятельство здѣсь; входите безъ доклада; васъ ждутъ.»—Шменкель провелъ рукой по взъерошеннымъ волосамъ, кашлянулъ, крѣпко прижалъ свою шапку лѣвой рукой, а правой рѣшительно, хоть и осторожно, отворилъ дверь и вошолъ.

Розовый полусвѣтъ охватилъ его и въ этихъ розовыхъ

Digitized by Google

сумеркахъ онъ замѣтилъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна сидѣла передъ каминомъ, топившимся не смотря на теплую погоду, а другая стояла нѣсколько сзади. Обѣ женщины устремили на него испытующій взглядъ. Такой пріемъ заставилъ его все укорочивать и укорочивать шагъ и наконецъ остановиться, не дойдя еще до камина.

— Подойдите поближе, любезный;—сказала дама, стоявшая за кресломъ.

Шменкель сдѣлалъ еще два крошечные шага и остановился, рѣшившись во что-бы то ни стало не приближаться ни на одну линію больше къ этимъ сверкающимъ глазамъ.

— Вы писали третьяго дня къ графу Малицевскому? спросила дама за стуломъ.

— Да, ваша милость.—Шменкелю показалось, будто эти слова произнесъ не онъ самъ, а кто-то на другомъ концѣ комнаты. Это разумѣется не повело къ возстановленію героическаго настроенія, котораго лишили его розовыя сумерки и сверкающіе глаза. Онъ покраснѣлъ и кашлянулъ, чтобы убѣдиться, что именно онъ самъ бесѣдуетъ теперь съ дамами.

— Васъ зовутъ Шменкелемъ? спросила дама изъ за стула.

— Да, ваша милость.

— И вы были въ Петербургѣ двадцать четыре года назадъ?

— Да, ваша милость.

— И бывали въ то время въ отелѣ Летбусъ?

— Да, ваша милость.

— Узнаете вы меня?

Шменкель обратилъ глаза на говорившую еще въ первый разъ послѣ своего появленія и сказалъ, подумавши:

— Кажется, узнаю, хотя и не побожусь въ этомъ! Если-бы это было не такъ давно, я сказалъ-бы, что вы Надежда, камерфрау ея сіятельства, которая прежде носила мнѣ записки и букеты отъ своей госпожи въ гостинницу Чорнаго Медвѣдя.

Надежда наклонилась къ госпожѣ и пошептала ей что-то на ухо, а потомъ вышла.

Digitized by Google

— Не хотите-ли сѣсть, г-нъ Шменкель? сказала княгиня, какъ только они остались одни.

Шменкель сѣлъ противъ нея на кончикъ стула.

— А меня вы также еще не забыли?

Шменкель наклонился, приложивъ руку къ сердцу.

— Почему вы не обратились прямо ко мнѣ? продолжала княгиня тономъ кроткаго упрека;—для чего вамъ было брать въ повѣренные графа? Развѣ я была когда-нибудь неблагосклонна къ вамъ? Развѣ моя вина, что наше послѣднее свиданіе такъ кончилось?

Шменкель хотѣлъ возразить, но княгиня прервала его.

— Если-бы я знала, что вы еще живы и гдѣ вы живете, я совершенно обезпечила-бы васъ и готова сдѣлать это даже въ настоящую минуту, но подъ однимъ условіемъ: прекратите всякія сношенія съ графомъ, не показывайтесь ему никогда, а главное—не осмѣливайтесь встрѣчаться съ княземъ! Пока будете соблюдать эти условія, требуйте чего хотите, и если Александра Летбусъ въ состояніи будетъ исполнить, вы получите все!

Княгиня съ мольбою протянула свои прозрачныя руки; чорные глаза заблистали слезами; розовый полу-свѣтъ оживилъ ея блѣдныя, все еще красивыя черты. Въ широкой груди Шменкеля билось впечатлительное сердце, и смиреніе знатной дамы тронуло его.

— Позвольте мнѣ говорить, сударыня! Я не такой негодяй, какъ вы думаете. Мнѣ никогда и не пришло-бы въ голову написать такое письмо его милости графу, еслибы не надоумилъ меня одинъ скверный человѣкъ, Тиммъ. Я вовсе и не зналъ, что у Гаспара Шменкеля изъ Вѣны есть такой знатный сынъ! Но Тиммъ сказалъ мнѣ: пошевелить кустъ, говоритъ, никогда не мѣшаетъ. Потомъ написалъ мнѣ письмо и самъ снесъ его къ графу. Вечеромъ графъ пришолъ ко мнѣ въ Мрачный Погребъ и сказалъ, что ему будетъ пріятно, если я немножко помучаю вашe сіятельство; но что къ самому князю мнѣ не слѣдуетъ обращаться, потому что тогда пиши пропало! И что я требую ужъ очень много, довольно и четверти суммы; что онъ самъ берется уладить это дѣло съ вашимъ сіятельствомъ, а сегодня я дол-

Digitized by Google

женъ былъ явиться къ нему за деньгами. Ну, вѣрьте или не вѣрьте, ваше сіятельство, княгиня, а Гаспаръ Шменкель изъ Вѣны—честный парень, который не можетъ никому сдѣлать зла, тѣмъ болѣе такой прекрасной дамѣ, которая была такъ добра къ бѣдному Гаспару. А когда ваша милость прислали ко мнѣ и велѣли сказать, чтобы я самъ пришолъ переговорить, я подумалъ: Гаспаръ, ступай къ ея милости и скажи ей такъ и такъ, что она можетъ быть спокойна. Шменкель никогда больше не показется ей на глаза. А что касается денегъ, ваша милость, то Гаспаръ не взялъ-бы ни пфеника даже тогда, если-бы этотъ пфениръ сейчасъ обратился въ гульденъ. Затѣмъ, ваша милость, княгиня, благослови васъ Богъ, а если мы не увидимся больше, то будьте здоровы и не бойтесь Гаспара Шменкеля; онъ ничего не сдѣлаетъ вамъ худого. Цалую ручки у вашего сіятельства.

Съ этими словами онъ всталъ и отвѣсилъ свой самый красивый поклонъ; княгиня была очень тронута.

— Добрый человѣкъ! сказала она дрожащимъ голосомъ.

Ея глаза ласково остановились на эстетической фигурѣ человѣка, который былъ отцомъ ея сына. Изумительное сходство обоихъ въ сложеніи и чертахъ лица исполнило ее грустной радостью. Она подумала о времени, когда этотъ человѣкъ, вхожъ по ошибкѣ и проворству, овладѣлъ если не ея сердцемъ, то воображеніемъ, но въ ту-же минуту нашолъ на нее страхъ, что сынъ можетъ встрѣтить у ней отца,—ея сынъ, гордый, честолюбивый человѣкъ, можетъ узнать, что акробатъ былъ его отцомъ, отцомъ князя фонъ-Вальдерберга.

— Тебѣ нужно уйти! сказала она поспѣшно—вотъ... она сняла съ пальца дорогое бриліантовое кольцо—бери! Я носила его еще и тогда, какъ Надежда въ первый разъ привела тебя ко мнѣ; возьми его на память объ Александрѣ Лебусъ! Теперь скорѣй, скорѣй отсюда!

Она дотронулась до пружины серебрянаго колокольчика. Вошла Надежда.

— Выведи его и постарайся, чтобы никто васъ не видѣлъ.

Надежда схватила за руку Шменкеля, который охотно-

Digitized by Google

бы отвѣтилъ что-нибудь, но до того былъ смущенъ, что не находилъ словъ, и вывела его въ маленькую дверь на лѣво, закрытую ковромъ.

Княгиня въ утомленіи опустилась на подушки своего кресла и закрыла рукою глаза. Она и не замѣтила, что драпировка на право, складки которой уже нѣсколько разъ шевелились во время ея разговора съ акробатомъ, вдругъ распахнулась и вошолъ князь. Она увидѣла его только, когда онъ уже стоялъ передъ нею. Она раскрыла глаза и испустила крикъ ужаса — неожиданное появленіе и мертвенно-блѣдное лицо князя доказывали, что онъ все слышалъ.

— Сжалься, Раймондъ, сжалься! простонала она, судорожно протягивая къ нему руки.

Широкая грудь Раймонда поднялась и опустилась, точно борясь съ ужасной, подавляющей тяжестью; голосъ его крипѣлъ, когда, указывая на дверь, за которою исчезъ Шменкель, онъ сказалъ:

— Дѣйствительно-ли этотъ человѣкъ мой отецъ? —

— Сжалься, Раймондъ, сжалься! Развѣ ты хочешь убить свою мать!

— Лучше-бы тебѣ вовсе не производить меня на свѣтъ, чѣмъ отъ такого отца!

Князь дрожалъ точно въ лихорадкѣ; стонъ, сдержанно отданнійся въ великолѣпной комнатѣ, вырвался изъ его могучей груди.

— Ради всего святого, Раймондъ, выслушай меня; я скажу тебѣ все.

— Что мнѣ еще слушать. Я и такъ знаю слишкомъ много. Графъ выбранилъ меня бастардомъ; я думалъ, что онъ сумасшедшій, а между тѣмъ онъ назвалъ меня настоящимъ именемъ.

Онъ схватился за бокъ — шпага осталась въ пріемной. Глаза его дико блуждали кругомъ, точно онъ искалъ оружія. Мать поняла этотъ взглядъ.

— Раймондъ, Раймондъ, что ты хочешь дѣлать?

— Какъ можно скорѣе положить конецъ этому дѣлу!

— Вѣдь никто никогда не узнаетъ объ этомъ.

— Не узнаетъ? Да кто-же не знаетъ ужь и теперь? На-

Digitized by Google

дешда, грязь, этотъ человѣкъ,—неужели моя честь, званіе, состояніе будутъ зависѣть отъ каприза горничной дѣвки, отъ скромности безкушнаго гостя и отъ произвола уличнаго акробата? Неужели ждать, чтобы мнѣ закричали это на улицѣ?

— Я способна убить тѣхъ людей, которые это знаютъ; пусть умираютъ всѣ, лишь-бы только ты остался живъ у меня!

— Положимъ даже, что эти люди умерли-бы и никто не зналъ-бы тайны кромѣ тебя и меня; положимъ, что и ты-бы умерла, матушка, и тайна осталась-бы только въ моей груди; но даже и тогда я не былъ-бы покоенъ; я скрылся-бы въ самую глубь земли отъ своего позора.

Княгиня закрыла исхудалыми руками свое бѣдное лицо. Но некогда было предаваться безполезному отчаянію. Она слишкомъ хорошо знала своего сына, чтобы понять, что для него это вопросъ жизни и смерти.

— Раймондъ! вскричала она:—ты убьешь не одного себя, ты убьешь и меня. Вѣдь ты для меня все,—и свѣтъ и солнце! У меня не было дѣтей кромѣ тебя. Ты не знаешь, что такое имѣть ребенка и любить его, въ особенности если жизнь сложится такъ ужасно, какъ сложилась моя! Я никогда не любила графа. Да...и какъ я могла-бы полюбить развратника, самымъ постыднымъ образомъ растратившаго свои силы и состояніе. Я сдѣлалась его женой, потому что... ну, потому что этого желали другіе. А я тогда была еще такъ молода, легкомысленна, воспитана въ страшной роскоши и нѣгѣ. Я не была вѣрна графу — также какъ и онъ мнѣ. Ему это было въ сущности все равно, но онъ хотѣлъ пріобрѣсть надо мною власть и принудить меня потворствовать его раздражительности. Онъ давно уже подстерегалъ меня, пока наконецъ ему удалось, не понимаю еще и теперь по какому несчастному случаю или по какой гнусной измѣнѣ, вырвать у меня тайну. Съ той минуты жизнь моя сдѣлалась жизнью подъ топоромъ палача, и она то состарила меня до времени. У меня остался только ты и твоя любовь— единственная отрада въ цѣломъ мірѣ. Если ты лишишь ме-

Digitized by Google

ня и ея, я должна буду погибнуть. Раймондъ, это-ли благодарность за всю мою преданность?

Все время, пока мать искусно перетолковала сочиненіе съ дѣйствительностью, сынъ слушалъ ее съ лицомъ мрачнымъ какъ грозовая туча.

— Дай мнѣ возможность жить, — сказалъ онъ, — и я буду жить. А такъ мнѣ это невозможно. Я не могу жить, сознавая, что въ моихъ жилахъ течетъ такая-же кровь, какъ въ жилахъ моего конюха.

— Развѣ я не твоя мать?

— А развѣ тотъ плебей не мой отецъ?

— Да, Роймондъ; и ему ты обязанъ гордой силой; ему обязанъ тѣмъ, что другіе мужчины кажутся слабыми въ сравненіи съ тобою. Неужели ты лучше желалъ-бы быть сыномъ графа, наслѣдникомъ его болѣзненности, его отравленной крови? И неужели ты думаешь, что этотъ случай единственный, когда вырождающееся поколѣніе возобновляется здоровой кровью пролетаріевъ? Неужели не знаешь ты тысячи подобныхъ исторій въ нашемъ кругу?

— Если такъ, — сказалъ онъ, — то намъ остается только поломать свои шпаги и кинуть въ грязь гербы. Я сохранилъ свою честь безупречной, но долженъ искупить грѣхъ другихъ, пока онъ еще не усилился и пока я безсознательно не погрязъ въ болотѣ. Знаешь-ли ты, что человѣкъ, съ которымъ я боролся третьяго дня подъ анаціями, былъ тотъ самый? — князь указалъ на дверь, въ которую вышелъ Шменкель. — Знаешь-ли ты, что я чуть не обагрилъ своей шпаги кровью того, кто произвелъ меня на свѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ! Мѣра уже слишкомъ переполнилась!

— А твоя невѣста?

Князь вздрогнулъ.

— Елена! прошепталъ онъ, — о Боже мой! Боже мой!

Княгиня замѣтила, какъ глубоко проникла эта стрѣла ему въ сердце. Лучъ надежды мелькнулъ для нея.

— Неужели ты отрѣчешься отъ своего высшаго блаженства? Отталкиваешь отъ себя этого ангела? Неужели ты унизишься передъ нею, гордой и прекрасной? Это невозможно! Ты прикованъ къ жизни стальными и розовыми оковами.

Digitized by Google

Однѣхъ ты не можешь, а другихъ не долженъ разорять.

— Напрасно! сказалъ князь; — не сплять тебѣ словами свинцовой тяжести, которая давитъ вотъ тутъ, — онъ положилъ руку на грудь. — Прощай!

Онъ хотѣлъ идти.

— Раймондъ! вскричала княгиня, вскакивая и обнимая сына; — что ты задумалъ?

— Ничего позорнаго, будь спокойна! сказалъ онъ, осторожно высвобождаясь изъ ея рукъ. — Прощай!

— Ну, ступай, извергъ, и убей... она не могла выговорить; напряженіе отъ двухъ послѣднихъ сценъ было слишкомъ сильно для ея нервъ; она безъ чувствъ упала въ кресло.

Въ эту минуту возвратилась Надежда. Съ одного взгляда она поняла все, что случилось.

— Вы убьете бѣдняжку! — вскричала она, подбѣгая къ княгинѣ. — И къ чему все это? Васъ никогда не выдадутъ.

Князь улыбнулся страшной улыбкой.

— А если ты разскажешь въ бреду, Надежда? Или ты продала княгинѣ даже и свои сны?

Онъ ударилъ себя кулакомъ въ лобъ и бросился изъ комнаты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пробѣгая по пріемной, точно гонимый фуріями Орестъ, князь столкнулся съ баронессой Гренвилъ, которая шла прощаться къ княгинѣ. Онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, когда она пристально поглядѣла на него своими большими сѣрыми глазами. Она сказала что-то, но онъ не слыхалъ. Въ ушахъ у него шумѣло. Онъ издалъ какой-то неясный звукъ, долженствовавшій выражать извиненіе, и бросился вонъ.

Баронесса проводила его мрачнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ какъ Анна-Марія вступила въ этотъ отель, у ней не было ни одной отрадной минуты. Вчерашній пріемъ подѣйствовалъ на нее тяжело. Натянутое положеніе князя, напрасныя попытки княгини напасть на дружескій тонъ, почти явная насмѣшливость, съ которой графъ принималъ и отмѣчивалъ каждое болѣе теплое слово, — все это заставило ее опасаться за будущность Елены. Всю ночь пролежала она безъ сна и, сама не зная почему, пришла къ убѣжденію, что княгиня вѣроятно погрѣшила разъ въ жизни противъ графа и потому переноситъ теперь его тиранство. Можетъ быть эту мысль вселило ей крайнее несходство между отцомъ и сыномъ.

И такъ она встала поздно, въ сквернѣйшемъ расположеніи духа и съ нервной головной болью. Ей было даже пріятно, что Елены нѣтъ дома. Едва уѣхала Елена, какъ принесли два письма, одно изъ Грюнвальда, другое городское. Баронеса распечатала сперва Грюнвальдское. Извѣстіе о болѣзни Мальте исполнило ее невыразимымъ ужасомъ. Съ самаго дня рожденія она боялась за его жизнь и вотъ опасеніе ея оправдывается! А если Мальте умретъ—чего Богъ не допуститъ по своей благости—то, за смертію Феликса, майоратъ перейдетъ къ полковнику Гренвицу, двоюродному племяннику ея мужа, этому нищему, котораго она терпѣть не могла цѣлую жизнь, который кажется такъ и выслѣживалъ майоратъ, какъ щука свою добычу. И этотъ будетъ владѣтелемъ Гренвица! Право ужъ ей пріятнѣе-бы было признать Освальда Штейна сыномъ Гаральда.

Машинально она распечатала второе письмо. Оно было отъ Альберта Тимма.

«Послѣ нашего послѣдняго свиданія вы разумѣется понимаете, что оружіе, которое я употреблялъ *за* васъ, обращено мною *противъ* васъ. Г-нъ Штейнъ увѣдомленъ обо всемъ. Не пройдетъ года, какъ онъ—можете быть въ этомъ совершенно увѣрены—будетъ владѣтелемъ Стантова и Бервальде, а вы, сверхъ того, должны будете еще внести доходъ съ двадцати четырехъ лѣтняго пользованія этими имѣніями, т. е. окончательно разориться. Теперь мнѣ слѣдовало-бы съ злобной радостью потирать руки, но Альбертъ

Digitized by Google

Тиммъ добрая душа и взамѣнъ вашей неблагодарности даетъ вамъ добрый совѣтъ: помиритесь со Штейномъ пока еще не поздно! Лучше половинный доходъ, чѣмъ процессъ, который вы непремѣнно проиграете. Посылаю къ вамъ вашего противника сегодня-же; примите его поласковѣе и, если хотите быть умницей, отдайте за него вашу дочь, въ которую онъ влюбленъ до безумія. Свадьба съ княземъ ни къ чорту не годится, потому что упомянутый князь вовсе не сынъ графа, а одного акробата, и скоро большой свѣтъ будетъ обрадованъ богатѣйшимъ скандаломъ. Впрочемъ воздерживаюсь отъ желанія сообщать вамъ эти подробности, которыя вы вѣроятно также оставите безъ вниманія, какъ и мои прежнія открытія. Можетъ быть, переговоривши съ г-мъ Штейномъ, вы измѣните образъ мыслей, а главное убѣдитесь въ искреннѣйшей дружбѣ, съ которой и т. д.»

Во всякое другое время баронеса увидѣла-бы въ этомъ письмѣ не болѣе какъ попытку Тимма опять утвердиться въ выгодномъ положеніи; но въ это утро настроеніе ея было такъ мрачно, что все, и письмо въ томъ числѣ, показалось ей въ другомъ свѣтѣ. Почему-же и это невозможно въ общей массѣ лжи и обмановъ. Что этотъ Тиммъ знаетъ больше всѣхъ другихъ, дѣло ясное; во всякомъ случаѣ онъ съ необыкновенной послѣдовательностью доказываетъ справедливость своихъ показаній. Да и послѣднее письмо Феликса доказываетъ, что въ самомъ фактѣ онъ ни мало не сомнѣвался.

Обыкновенно столь энергическая женщина на этотъ разъ почувствовала себя подавленной тяжестью всѣхъ этихъ заботъ. А тутъ и Елена, за которой она послала, такъ долго не возвращается! А черезъ часъ идетъ поѣздъ, на который ей нужно попасть, чтобы быть завтра утромъ въ Грюнвальдѣ! И вещи еще не уложены, и неизвѣстно ѣдетъ или остается Елена, и съ княземъ и княгиней она еще не простилась!— Но послѣднее можно вѣдь сдѣлать и въ отсутствіе Елены. Важность событія избавляетъ отъ этикета, да и сама княгиня просила ее вчера приходить во всякое время и безъ доклада.

Анна-Марія поспѣшно отправилась черезъ корридоры въ

Digitized by Google

пріемную, какъ вдругъ дверь въ комнаты княгини распахнулась, вылетѣлъ князь, очевидно страшно взволнованный, и, не отвѣчая ей, побѣжалъ дальше.

— Это однако странно, сказала баронеса.—Тутъ дверь опять растворилась и выбѣжала испуганная Надежда.

— Гдѣ княгиня? спросила баронеса.

— Въ своей комнатѣ. Она больна. На мой звонокъ никто не шолъ и я бѣжала позвать людей.

— Ступайте,—сказала баронеса;—я пока побуду съ ея сіятельствомъ.

Надеждѣ очевидно не понравились это распоряженіе, но не было причины не впускать баронесу. Она побѣжала, а баронеса вошла въ розовой покой княгини.

Княгиня все еще лежала въ креслѣ у камина. Полузакрытые глаза и судорожно подергивающіеся пальцы показывали, что она еще не пришла въ сознаніе.

— Приведи мнѣ сына, Надежда! бормотала она;—онъ не долженъ бороться съ Геркулесомъ; отецъ сильнѣе сына. Видишь, видишь, какъ онъ хватаетъ его и поднимаетъ кверху? теперь онъ броситъ его на землю, къ моимъ ногамъ, вотъ вотъ...

Съ несчастной сдѣлались судороги; она плакала, хохотала и бормотала отъ времени до времени:

— Только чтобы не узналъ графъ,—графъ скажетъ баронесѣ;баронеса скажетъ своей хорошенькой дочери, а дочь не захочетъ выйти за акробата!.. Вотъ онъ идетъ съ разбитой головою.

Ужасный крикъ вырвался изъ груди несчастной. Она вскочила и впилась въ баронесу странными глазами, но тотчасъ снова упала въ обморокъ. Тутъ пришла Надежда съ двумя горничными. Камерфрау очевидно хотѣлось удалить баронесу.

— У княгини часто бываютъ эти припадки,—сказала она очень спокойно, между тѣмъ какъ горничныя уносили больную въ спальню.—Въ это время ее нужно оставлять одну; посторонніе лица дѣйствуютъ на нее дурно.

— Я не стану ее безпокоить, моя милая,—сказала холодно

Digitized by Google

баронеса, — тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно чейчасъ-же ѣхать. Я письменно извинюсь передъ ея сіятельствомъ.

— Что-бы это значило? подумала Надежда, — ужъ не знаетъ-ли и эта больше чѣмъ слѣдуетъ?

Баронеса ушла въ невыразимомъ волненіи. Что̀ она видѣла? что̀ слышала?.. Безумный видъ князя, несвязныя рѣчи княгини, подозрительное поведеніе камерфрау, которая очевидно имѣетъ закулисную роль въ семейной драмѣ,—что̀ подумать обо всемъ этомъ? Что̀ говорить? Что̀ дѣлать?.. Можетъ быть первый разъ въ жизни эта по своему умная и во всякомъ случаѣ энергическая женщина была такъ безпомощна. Но вѣдь земля просто выскользала изъ подъ ея ногъ; вѣдь то, что̀ она считала непоколебимымъ столпомъ ея счастія, подламывалось какъ гнилое дерево! Князь—незаконнорожденный! Столь долгіе годы хранимая семейная тайни готова разоблачиться съ позоромъ! А въ ея собственномъ домѣ развѣ лучше? Сынъ, законный наслѣдникъ имѣнія,—при смерти; незаконная отрасль прежняго владѣльца возникаетъ вдругъ Богъ знаетъ откуда, съ неоспоримымъ правомъ на наслѣдство, которое она съ самаго дня замужества считала своимъ! Гдѣ, гдѣ исходъ изъ этого лабиринта? И что̀ скажетъ на все это Елена? Какъ оскорбится ея гордость при мысли, что бриллiантовый знакъ княжескаго титула (звѣзда) ничто иное, какъ плохое стекло, которое задумается счесть украшеніемъ даже куртизанка.

Въ это время быстро подъѣхала карета. Это Елена. У баронесы забилось сердце, какъ-будто теперь только наступаетъ развязка. Еще минута, и красавица-дочь входитъ блѣдная и бросается къ матери съ страстностью, совершенно непохожей на ея обыкновенно размѣренные, почти холодные пріемы.

— Слава Богу, что ты пріѣхала! сказала Анна-Марія; — я должна ѣхать и хотѣла спросить тебя ѣдешь-ли ты со мною?

— Можешь-ли ты и спрашивать? вскричала Елена; — мнѣ остаться здѣсь и безъ тебя? Здѣсь, гдѣ меня самыя стѣны давятъ!

— Такъ тебѣ здѣсь нехорошо, Елена?

*

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не люблю князя; я никогда не любила его!

И Елена спрятала личико на груди матери. Баронеса была въ высшей степени удивлена. То, что́ говорила Елена, тонъ которымъ она это говорила и ея все проникнутое страстью существо показали Аннѣ-Маріи сердце дочери совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Она смутно чувствовала, что далекіе, высшіе слои жизни оставались до сихъ поръ скрытыми отъ нея и что, не смотря на хваленый умъ, она до сихъ поръ дѣйствовала на-обумъ.

— Зачѣмъ-же ты давала ему слово? спросила она.

— Я не знаю; я была... я не знала что́ дѣлала. Но теперь знаю; я не могу выйти за князя; я должна взять назадъ свое слово; если ты будешь настаивать, чтобы я его сдержала, то я умру.

— А если я не буду настаивать?

Теперь настала и Еленѣ очередь удивляться; она глядѣла на баронесу не понимая.

— Я должна сказать тебѣ, дитя мое, что сегодня по утру сдѣлала открытія, которыя просто ставятъ меня въ тупикъ, и я вижу, что во всемъ этомъ дѣлѣ мы поступали съ большой неосмотрительностью, которая могла-бы тяжело отозваться потомъ.

— Я не понимаю тебя, мама.

— Ахъ, да это просто невѣроятно; у меня самой голова идетъ кругомъ. Я самая несчастная женщина!

И баронеса въ изнеможеніи бросилась на стулъ и горько заплакала.

Елена еще никогда не видала мать плачущей. Этотъ непривычный случай тронулъ ее. Она стала на колѣни и старалась утѣшить мать ласковыми словами, но все напрасно.

— Это еще не все, хотя и этого уже довольно! рыдала Анна-Марія;—намъ также угрожаетъ позоръ!—и поддаваясь потребности высказаться въ критическую минуту во что-бы то ни стало, она въ краткихъ словахъ передала Еленѣ, какія притязанія можетъ имѣть Освальдъ на ихъ имѣніе и что если эти притязанія будутъ подтверждены закономъ, обѣ онѣ останутся нищими...

Digitized by Google

Елена выслушала этотъ разсказъ затаивъ дыханіе. Лицо ея то краснѣло, то блѣднѣло; глаза ея упорно были устремлены на мать; руки судорожно сжимали руки Анны-Маріи.

— Нищими, говоришь ты? лучше это и имѣть чистую совѣсть, нежели среди блеска умирать отъ душевной тревоги! О, мама, я не боюсь бѣдности! Ты часто говорила мнѣ, что была бѣдна до замужества съ папа. Почему-же мнѣ имѣть преимущество передъ тобою? Я не вижу, чтобы богатство сдѣлало тебя счастливой, также и бѣднаго папа; онъ признался мнѣ въ этомъ въ послѣднія минуты. Я сейчасъ видѣла собственными глазами на сколько счастливѣе насъ люди, у которыхъ нѣтъ ничего кромѣ любви; которые ни на что не надѣятся кромѣ собственной силы. У меня есть сила; я могу и хочу трудиться для тебя, если будетъ нужно. Но теперь уѣдемъ отсюда. Ты больна и разстроена; твои руки какъ ледъ, а голова горитъ... Останься здѣсь. Я пойду уложу твои вещи. Не безпокойся ни о чемъ; все будетъ готово въ пять минутъ.

— Нѣтъ,—сказала баронеса;—позволь это сдѣлать мнѣ съ помощью нашей Мари. Тебѣ найдется другое дѣло. Мы не можемъ уѣхать, не простившись хотя письменно съ княгиней, такъ какъ ея болѣзнь, а наши обстоятельства не дозволяютъ иначе. Напиши ей въ короткихъ словахъ, ласково и вѣжливо, не болѣе и не менѣе самаго необходимого.

— Хорошо,—сказала Елена, подходя къ бюро, между тѣмъ какъ мать пошла распоряжаться во внутреннія комнаты.

Едва успѣла Елена взять перо, какъ шорохъ позади ея заставилъ ее оглянуться. Посреди комнаты стоялъ Освальдъ, блѣдный какъ смерть, устремивъ на нее лихорадочные глаза. Елена такъ испугалась, что у ней пропалъ голосъ и она не въ состояніи была сдѣлать никакого движенія. Въ первую минуту она подумала, что видитъ призракъ.

Освальдъ замѣтилъ это.

— Это дѣйствительно я,—сказалъ онъ;—простите за мое внезапное появленіе. Я спрашивалъ баронесу, меня послали сюда.

— Я позову мама,—сказала вставая Елена.

— Останьтесь,—сказалъ Освальдъ;—мнѣ нужно сказать

Digitized by Google

только два слова; вамъ я скажу ихъ охотнѣе и легче, чѣмъ баронесѣ.

Въ появленіи и самой фигурѣ Освальда было что-то такое торжественное, что у Елены не достало духа отказать въ его просьбѣ.

— Не угодно-ли вамъ сѣсть? сказала она беззвучно, опускаясь на стулъ и указывая ему на другой.

Освальдъ сѣлъ.

— Не знаю, сударыня, разсказала-ли вамъ баронеса о нѣкоторыхъ интригахъ, которыми ее преслѣдуютъ и душа которыхъ — г-нъ Тиммъ?

— Сегодня утромъ я въ первый разъ узнала объ этомъ.

— Также какъ и я самъ. И именно это заставило меня прійти сюда. Я не могу вынести мысли, не могъ-бы даже умереть спокойно съ убѣжденіемъ, что вы, фрейлейнъ фонъ Гренвицъ, могли повѣрить, будто я способенъ былъ употребить противъ васъ такія недостойныя средства и такое презрѣнное орудіе. Не потрудитесь-ли вы передать это и вашей матушкѣ?

— Извольте.

— Скажите ей еще, а главное повѣрьте мнѣ сами, что я больше всего на свѣтѣ сожалѣю, что ее когда-нибудь безпокоили по поводу этого дѣла.

— Такъ все это выдумка г-на Тимма?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, отвѣчалъ Освальдъ съ грустной улыбкой; боюсь, что это сущая истина, и вотъ вторая причина, по которой вы меня видите здѣсь.

— Надѣюсь, вы не думаете, что мы станемъ противиться законнымъ требованіямъ?

— Вамъ не будетъ случая дойти до этого; я не чувствую ни малѣйшаго желанія предъявлять эти права. Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не сдѣлалъ-бы этого, а теперь въ особенности.

Онъ обвелъ взглядомъ комнату. Великолѣпіе обстановки болѣзненно напомнило ему гдѣ онъ.

— Теперь въ особенности,—повторилъ онъ;—вотъ бумаги, которыя могутъ служить подтвержденіемъ этой несчастнѣй-

Digitized by Google

шей исторіи. Я желаю, чтобы баронеса сохранила ихъ на случай новыхъ попытокъ со стороны того негодяя.

Онъ положилъ передъ Еленой свертокъ бумагъ, который взялъ у Тимма, и поклонился, собираясь выйти.

— Одну минуту, милостивый государь!—сказала Елена, также вставая;—развѣ вы думаете, что моя мать и я согласимся принять этотъ подарокъ, потому что вѣдь это подарокъ? Что подало вамъ поводъ такъ унизительно думать о насъ?

— Не думаю, чтобы ваша гордость была на этотъ разъ вполнѣ умѣстна, фрейлейнъ. Дѣло идетъ единственно обо мнѣ, чувствующемъ весьма простительное желаніе очиститься отъ гнуснаго подозрѣнія. Безполезно было напоминать мнѣ, что матери Гренвицевскаго наслѣдника и невѣстѣ князя Вальдериберга рѣшительно все равно имѣть какихъ-нибудь двѣ тысячи талеровъ лишняго дохода.

— Обстоятельства не должны имѣть вліянія на наши обязанности;—возразила дѣвушка, выпрямляясь и презрительно надувая прелестныя губки. — Не думайте, что гордость богатствомъ и общественнымъ положеніемъ дѣлаетъ меня столь равнодушной къ вашему предложенію. Сейчасъ мы должны ѣхать въ Грюнвальдъ, гдѣ братъ лежитъ при смерти, а здѣсь на столѣ письмо, въ которомъ я собиралась сказать княгинѣ, что никогда не буду женой ея сына.

Темные глаза Елены сверкали, горячая кровь прилила къ блѣднымъ щекамъ,—такъ удивительно прекрасна она еще никогда не казалась Освальду. И это именно въ ту минуту, когда онъ въ душѣ уже простился съ жизнію, неимѣющей для него ничего привлекательнаго! Именно теперь долженъ былъ явиться ему этотъ высшій идеалъ его самыхъ блистательныхъ мечтаній и не въ недостижимой дали,—нѣтъ, въ непосредственной близости, можетъ быть доступнымъ смѣлому желанію и твердой воли! Зачѣмъ сказала она ему, что не выйдетъ за князя и сказала этимъ вызывающимъ тономъ, если не затѣмъ, чтобы унизить его, слабаго, измѣнника, силою той рѣшимости, съ которой она отказывается отъ великолѣпія, для того только, чтобы остаться вѣрной себѣ!

Эти мысли быстро проносились въ мозгу Освальда,

Digitized by Google

который работалъ необыкновенно живо, подъ вліяніемъ безсонной ночи и лихорадки, и видѣлъ результаты сложнѣйшихъ мышленій точно въ фокусѣ вогнутаго зеркала. Онъ понялъ, что она не сказала-бы ему этого, если-бы не любила его когда-то и даже можетъ быть теперь, и зналъ въ то-же время съ положительнѣйшей достовѣрностью, что они безвозвратно отдѣлены другъ отъ друга всѣмъ что случилось. Потому-то не было ни малѣйшей горечи, а только глубокая грусть въ тонѣ, которымъ онъ сказалъ, не сводя глазъ съ божественно-прекраснаго лица дѣвушки:

— Не будемъ оскорблять другъ друга жесткими словами. Богъ знаетъ сколькими словами остается намъ еще обмѣняться въ жизни! Я въ настроеніи умирающаго и говорю не за себя (у меня нѣтъ больше желаній), но во имя истины, отъ священнаго лика которой я такъ часто отворачивался въ жизни. Елена, я любилъ васъ съ первой минуты, какъ увидѣлъ въ Гренвицевскомъ паркѣ въ тотъ незабвенный лѣтній вечеръ; знаю также, что и вы полюбили-бы меня, если-бы я остался вѣренъ самому себѣ; вы когда-нибудь были-бы моею. Но какъ самъ я измѣнилъ себѣ, такъ и вы отвернулись отъ меня и теперь между нами пропасть, которая никогда не уничтожится. И то, что́ повидимому могло-бы насъ сблизить — открытіе сегодняшняго утра, именно и разлучаетъ насъ на вѣки. Я чувствую: вы никогда не захотите принять отъ меня подарка, какъ вы его называете, а я скорѣе готовъ положить руку на горячіе уголья, чѣмъ протянуть ее за наслѣдствомъ человѣка, сдѣлавшаго мою мать несчастнѣйшей женщиной въ свѣтѣ. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ примиренія, если-бы даже и все прочее было благополучно. А теперь, Елена, прежде чѣмъ мы разстанемся навсегда, исполните мою просьбу — протяните мнѣ руку черезъ пропасть, въ доказательство того, что вы мнѣ прощаете.

Елена опустила руку въ руку Освальда.

Такъ стояли они и глубоко заглядывали въ глаза другъ другу; видѣли всѣ тѣ ясные часы, которые пережили въ аллеяхъ Гренвица, и всѣ пурпурные вечера, въ которые ходили черезъ буковый лѣсъ къ морю,—потомъ не видно стало

Digitized by Google

ничего болѣе, потому-что слезы затемнили дорогія картины.

— Прощай, Елена!

— Прощай, Освальдъ!

— На всегда!

— На всегда!

Освальдъ не прижалъ къ сердцу возлюбленной. Священный ужасъ удержалъ его отъ этого. Онъ чувствовалъ, что время искупленія, которое ему осталось, очень непродолжительно, а заключеніе новой клятвы, выполнить которую онъ не чувствовалъ въ себѣ силы, плохое возмездіе за столько нарушенныхъ клятвъ.

Онъ выпустилъ руку, которую все еще держалъ въ своей, и черезъ минуту Елена была уже одна.

Она еще стояла, не сводя глазъ съ двери, въ которую вышелъ Освальдъ, какъ въ комнату вошла баронесса.

— Пора, Елена; карета подана. Готова ты?

— Да.

— Что это за бумаги на столѣ?

— Такъ онъ не взялъ ихъ назадъ?

— Кто?

— Освальдъ.

— Развѣ онъ былъ здѣсь? Что ему было нужно?

— Проститься. Спрячь къ себѣ бумаги, мама. Онъ принесъ ихъ тебѣ.

— Елена, ты блѣдна и заплакана; что это значитъ? Неужели ты его любишь и я должна потерять послѣднее дитя?

— Будь спокойна; я не оставлю тебя въ несчастіи. Да, а письмо къ княгинѣ. Одну минуту, мама.

Она сѣла и написала нѣсколько строкъ.

— Ну, теперь и это кончено и я опять свободна. Поѣдемъ, мама; я покажу тебѣ, что у меня много силы и мужества для жизни!

И она повела баронесу, которая охотно подчинялась энергіи дочери.

Черезъ минуту обѣ дамы выѣхали изъ отеля Вальдерибергъ, а черезъ полчаса и изъ столицы.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Когда Освальдъ, почти безсознательно, скорыми шагами шолъ по улицѣ, его вдругъ кто-то остановилъ за руку.

Это былъ Тиммъ.

Послѣ встрѣчи со Шменкелемъ Альбертъ долженъ былъ покинуть на нѣкоторое время свой обсерваціонный постъ подъ окнами отеля Вальдерибергъ и отправиться обмыть на сосѣднемъ дворѣ кровь, обильно потекшую изо рта и носа отъ нѣжнаго прикосновенія кулака Геркулеса. Тиммъ былъ разсерженъ, какъ еще никогда въ жизни. Это была ярость охотника, у котораго звѣрь изорвалъ искусно сплетенныя и хитро поставленныя сѣти. Этотъ олухъ Шменкель съ своей дурацкой честностью! Какъ было хорошо онъ его обработалъ, какую золотую будущность показалъ ему, и вдругъ! Да это чортъ знаетъ что такое! Потерять прекрасную, легкую, вѣрную добычу! и изъ-за чего? Изъ какого-то добродѣтельнаго каприза! Что, если и Освальдъ сдѣлаетъ такую-же штуку? Вѣдь этихъ пентюховъ нельзя оставить на минуту. А тутъ эта проклятая кровь не перестаетъ. Какой здоровый кулакъ у этого дикаря!...

Такъ этотъ мученикъ глупой честности не видалъ какъ вышелъ изъ отеля Шменкель и князь и какъ входилъ туда Освальдъ, и едва-едва поспѣлъ во время, чтобы поймать послѣдняго уже на обратномъ пути.

— Эй, баринъ!

— Что случилось!

— Это я желаю спросить у тебя.

— Это ты?

— А то кто-же? Ну, какова сошло? Чай подурачилась старуха?—И онъ хотѣлъ взять Освальда подъ руку. Освальдъ отсторонился.

— Не дотрогивайся до меня! сказалъ онъ,—или я раздроблю тебѣ голову объ стѣну.

— Го-го! сказалъ Тиммъ, отсторонясь въ свою очередь;— кажется, что и этотъ взбѣсился!

Digitized by Google

— Негодная тварь! вскричалъ Освальдъ,—человѣкъ спекулирующій порокомъ и низостью, не встрѣчайся впередъ мнѣ на дорогѣ, или раскаешься!

Освальдъ отвернулся отъ Тимма, который въ первую минуту поблѣднѣлъ, а потомъ разразился безумнымъ смѣхомъ и быстро пошолъ дальше. Ему было все равно куда идти! Онъ шолъ какъ во снѣ и какъ во снѣ мелькало передъ нимъ все, что онъ видѣлъ: любопытныя, но испуганныя лица дѣтей и женщинъ въ окнахъ; густыя толпы народа, очевидно передававшія что-то особенное другъ другу съ криками и жестами; безпрестанные патрули, шумъ, гамъ и звонъ набата. По мѣрѣ того какъ Освальдъ удалялся изъ богатаго квартала, звуки измѣнялись: что-то скребло, стучало и глухо гремѣло, такъ что самые дома вздрагивали.

Однако все это не въ состояніи было вывести его изъ оцѣпенѣнія; скорбь о собственномъ разбитомъ жизненномъ счастьѣ дѣлала его глухимъ и слѣпымъ къ волненію цѣлаго города. Вдругъ на одномъ поворотѣ наткнулся на него молодой человѣкъ въ изодранной блузѣ и весь залитый кровью; онъ изнемогалъ, и Освальдъ поддержалъ его. Въ одну минуту собралась толпа съ воплями и стонами.

— Да возьмите умирающаго у этого господина; онъ самъ едва держится на ногахъ!—сказалъ кто-то, и тутъ-же Освальдъ почувствовалъ, что его сзади трогаютъ за плечо. Онъ обернулся и увидѣлъ Бергера. Душа Освальда пережила такія необыкновенныя волненія въ послѣднія минуты, что онъ былъ подготовленъ ко всему странному и неожиданному. И если былъ человѣкъ, котораго онъ желалъ-бы видѣть въ эту минуту, такъ это именно его другъ, учитель и собратъ по судьбѣ. Освальдъ не спросилъ: какъ? и откуда? Онъ прямо бросился въ объятія отыскавшемуся.

— Хорошо, что ты здѣсь,—сказалъ Бергеръ поспѣшно,—пойдемъ! пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ! У насъ есть дѣло, будемъ работать пока еще день!

Они поспѣшили впередъ.

Съ каждымъ шагомъ они приближались къ самому кратеру революціи, которая разразилась часа два назадъ. Въ этой части города уже готовы были баррикады. Нельзя было

Digitized by Google

ожидать большой устойчивости отъ этихъ импровизированныхъ крѣпостей, потому-что онѣ по большой части состояли изъ опрокинутыхъ телѣгъ, оторванныхъ досокъ и другихъ наскоро натасканныхъ предметовъ, а оружіе ихъ защитниковъ составляли старыя, ржавыя сабли, копья, ружья безъ замковъ и тому подобные инструменты.

Бергеръ останавливался то тутъ, то тамъ; подавалъ совѣты, но всякій разъ какъ Освальдъ хотѣлъ приняться за работу, онъ останавливалъ его:

— Не здѣсь! это только наши форпосты.

Такъ дошли они до Большой улицы, недалеко отъ отеля фрау Шварцъ.

Отель составлялъ уголъ; отъ него шла узенькая улица Швестерштрассе, гдѣ помѣщался Мрачный Погребъ. Въ этомъ кварталѣ все шумѣло и кипѣло.

— Если мы не защитимъ этой улицы, все пропало! озабоченно говорилъ Бергеръ;—на насъ могутъ напасть именно съ этой стороны.

Вообще озабочивала его мысль, что нѣтъ надлежащаго руководителя; вдругъ въ толпѣ показалась высокая фигура.

— Вотъ кто долженъ быть нашимъ предводителемъ; сюда, Ольденбургъ!

Освальдъ присоединился къ баррикадѣ на Швестерштрассе, чтобы не сталкиваться съ Ольденбургомъ. Ему невозможно было встрѣтиться съ человѣкомъ, которого онъ то уважалъ, какъ существо значительно высшее, то ненавидѣлъ, какъ злѣйшаго врага. Старая борьба опять-бы проснулась въ душѣ, а онъ такъ усталъ, такъ смертельно усталъ! Буря вокругъ была колыбельной пѣсонью для его истомленнаго, больнаго сердца, и когда во время аттаки на баррикадѣ пули свистѣли надъ его головою, онъ бормоталъ стихи изъ Донъ-Жуана Ленау:

«Я расплачусь по всѣмъ счетамъ, за бутылки и за сердца, лишь только закроются мои глаза.

«Мое послѣднее дыханіе будетъ искупленіемъ и расчотомъ, ибо оно разрушитъ меня самого и уничтожитъ для меня міръ.»

То-же чувство онъ высказалъ и Бергеру, сидя съ нимъ:

Digitized by Google

на готовой баррикадѣ въ Гертруденштрассе и отдыхая отъ неимовѣрнаго напряженія.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Бергеръ,—это несправедливо. Смерть сама по себѣ не уплачиваетъ никакихъ счотовъ; она разрываетъ неуплаченныя росписки и бросаетъ ихъ подъ ноги кредиторамъ. Но смерть за какое-нибудь великое дѣло уплачиваетъ все.

Онъ схватилъ руку Освальда и, робко озираясь, чтобы удостовѣриться, что ихъ никто не слышетъ, сказалъ:

— Я боюсь жизни, Освальдъ. Безуміе съ его зіяющей пропастью абсолютнаго ничтожества—ужасный исходъ, а также и смерть, отъ которой можно когда-нибудь проснуться. По моему мнѣнію такова смерть самоубійцы; не будь этого, я давно-бы уже разстался съ жизнію. Вѣдь умереть, чтобы избавиться отъ самого себя, гораздо легче, чѣмъ жить для другихъ. Теперь я узналъ это. Я пилъ изъ чаши съ мытарями и грѣшниками, но напитокъ нестерпимо горекъ, Освальдъ! Вначалѣ у меня была еще сила и мужество; послѣ муки безумія даже такая жизнь казалась мнѣ облегченіемъ; но теперь, когда я прожилъ такъ полгода, сила моя сломилась и мужество уничтожилось. Нервы мои не могутъ боолѣе выносить этого. Потому-то я такъ и радовался этому дню. Если сегодня удастся мнѣ умереть, то это будетъ счастье, какого я ожидать не осмѣливался. Да, сегодня мнѣ вообще были удачи. Я отыскалъ самаго стараго и ненавистнаго врага и молодого самаго любимаго друга.

Онъ пожалъ руку Освальда; тотъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Нашли стараго врага? и это вы называете счастьемъ?

Бергеръ въ немногихъ словахъ разсказалъ свою встрѣчу съ графомъ Малицевскимъ и то, что Шменкель, который такъ усердно помогалъ имъ на баррикадѣ, отецъ князя Вальдерниберга.—Пролетарій—отецъ князя, князь—сынъ пролетарія,—вотъ хорошій сюжетъ для современнаго романа, сказалъ онъ съ мрачной усмѣшкой;—особенно для такихъ враговъ дворянамъ, какъ мы съ тобою.

— Я могу разсказать вамъ нѣчто въ pendant къ вашей исторіи,—отвѣчалъ Освальдъ и передалъ Бергеру открытіе, сдѣланное имъ по поводу своего происхожденія.

Digitized by Google

— Это удивительно, очень удивительно! сказалъ Бергеръ.—А ты кажется говорилъ мнѣ, что любилъ Елену?

— Больше жизни!

— И отрекся отъ міра и его радостей для того, чтобы остаться вѣрнымъ своему знамени?

Освальдъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Бергеръ; я не такъ хорошъ и великъ, какъ вы. Она никогда не могла быть моею. Случилось слишкомъ многое, чего-бы она никогда не простила, а въ особенности не могла-бы забыть. Я предпочолъ ей другую и она сдѣлала тоже относительно меня. Именно князь Вальдернбергъ былъ ея женихомъ.

— А теперь развѣ онъ не женихъ ея?

— Нѣтъ. Я засталъ ее готовую выѣхать изъ города. Она во-время вспомнила, что у нея есть въ груди сердце, требованій котораго не утолитъ никакое богатство въ мірѣ.

— Странно, странно! твердилъ Бергеръ.—Оба, сынъ барона въ строю пролетаріевъ и пролетарій въ ряду князей, соперники изъ за любви одной и той-же женщины! И она отвергаетъ тебя, потому что не подозрѣваетъ твоего происхожденія и выбираетъ князя, думая, что въ жилахъ его дѣйствительно течетъ та кровь, которой онъ такъ гордится. Жаль, очень жаль, что свѣтъ не знаетъ и не долженъ узнать этого. Тогда они можетъ быть поняли-бы, что не такъ очевидно различіе между дворянской и мѣщанской кровью!

— Вы сами теперь кажется не придаете вѣса этому различію; я помню время, когда вы считали нравственной невозможностью сдѣлаться другомъ аристократа.

— Ты намекаешь на мою дружбу съ Ольденбургомъ,— спокойно сказалъ Бергеръ.—Говорю тебѣ, Освальдъ, если есть на свѣтѣ человѣкъ, который-бы заслуживалъ любовь и уваженіе, такъ это именно Ольденбургъ. Если-бы могъ кто-нибудь примирить меня съ жизнію, такъ опять тотъ-же Ольденбургъ. Если-бы я когда-нибудь смирился и призналъ другого выше себя, то это былъ-бы никто иной, какъ опять Ольденбургъ. Я знаю, что ты золъ на него, потому что женщина, которую ты покинулъ, нашла наконецъ въ немъ свой идеалъ. Это несправедливо, Освальдъ! Ольденбургъ всегда

Digitized by Google

дружески отзывался о тебѣ. Мнѣ было-бы очень отрадно, Освальдъ, если-бы я могъ примирить васъ прежде чѣмъ навсегда разстанусь съ вами.

— Прежде моя очередь! сказалъ Освальдъ.—Помните, Бергеръ, что вы говорили въ Грюнвальдѣ? «Ты умрешь прежде меня. Большая змѣя живуча, а ты мягокъ, слишкомъ мягокъ для этого грубаго міра.»

— Это было тогда. Послѣдній годъ состарилъ большую змѣю. Но что это?

Шумъ изъ сосѣдней клейпы, лѣстница въ которую была недалеко отъ нихъ, заставилъ обоихъ вскочить съ мѣстъ. Они схватили оружіе и поспѣшили съ другими изъ своихъ людей къ погребу, откуда слышались теперь выстрѣлы. Эти-же выстрѣлы нарушили и минутное отдохновеніе Ольденбурга на баррикадѣ Большой улицы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Альбертъ Тиммъ остался на мѣстѣ послѣ встрѣчи съ Освальдомъ и такимъ злобнымъ смѣхомъ смотрѣлъ въ слѣдъ уходящему, что прохожіе съ удивленіемъ взглядывали на него; потомъ онъ отправился въ противоположную сторону, бормоча ругательства, скрежеща зубами и сжимая кулаки—все это признаки, что самый постоянный юморъ можетъ иногда покинуть своего обладателя. Альбертъ Тиммъ неистовствовалъ и съ своей точки зрѣнія имѣлъ полное основаніе. Положеніе его было прескверное. Долги, которые онъ оставилъ въ Грюнвальдѣ и его окрестностяхъ, не особенно тяготили его—онъ былъ достаточно силенъ для подобной тяжести!—но и наличныя, привезенныя имъ въ столицу, подходили къ концу. Да даже и не говоря объ этомъ, не обидно-ли, что всѣ великолѣпные планы на блестящую будущность, которые создала его дѣятельная фантазія, лопнули точно мыльные пузыри?

Такъ, проклиная себя и весь свѣтъ, прошолъ онъ уже

Digitized by Google

нѣсколько улицъ и очутился въ кварталѣ, гдѣ революція выкинула свое знамя. Онъ радовался этому не изъ какихъ либо симпатій, а по инстинктивному сознанію, что онъ, авантюристъ, неимѣющій отечества, въ то время когда все идетъ вверхъ дномъ, не только ничего не потеряетъ, но еще можетъ кое-что выиграть. Это опять возвратило ему всю его эластичность. Онъ весело крикнулъ съ толпою: ура! и отъ души радовался, что по мѣрѣ приближенія къ Мрачному Погребу — цѣли его путешествія — шумъ и суета увеличивались. Такъ явился онъ на Большую улицу въ ту самую минуту, какъ Освальдъ и Бергеръ входили въ нее съ другой стороны. Онъ конечно замѣтилъ обоихъ, да еще также и Шменкеля, который пришолъ было въ Hôtel garni переговорить съ Бергеромъ, но не почувствовалъ никакого желанія показаться разомъ обоимъ врагамъ и повернулъ въ Гертруденштрассе. Вдругъ кто-то дернулъ его сзади; онъ оглянулся и увидѣлъ своего друга и доброжелателя, достопочтеннаго Іеремію Гутхерца.

— Ну, какъ сошли дѣла? спросилъ мушаръ, успѣвшій уже на столько подружиться съ Тиммомъ, чтобы принимать участіе во всѣхъ его интригахъ.

— Все напрасно! сердито отвѣчалъ Тиммъ. — Труды и безпокойство даромъ, совершенно даромъ! Хотѣлъ-бы я обоихъ этихъ подлецовъ—онъ указалъ на Освальда и Шменкеля — отправить въ преисподнюю.

— Хм! хм! сказалъ мушаръ;—это вы мнѣ разскажете хорошенько. Пойдемте къ Розхенъ; но сперва нужно послушать, что́ говоритъ тамъ безумный профессоръ.

— Развѣ вы его знаете? спросилъ Тиммъ.

— Знаемъ! — Обманутый народъ — очень хорошо!—Къ оружію—прекрасно! подожди! мы съ тобой справимся! Вотъ идетъ еще этотъ длинный баронъ, его пріятель — да здѣсь все ихъ гнѣздо! Всѣ на баррикады! крикнулъ мушаръ и подбросилъ кверху шапку въ знакъ увлеченія. Потомъ онъ схватилъ за руку Тимма и шепнулъ: пойдемте скорѣе отсюда, а то эти ребята еще построятъ баррикаду изъ насъ самихъ!

Digitized by Google

Товарищи протолкались въ Гертруденштрассе и исчезли въ Мрачномъ Погребѣ.

Розхенъ встрѣтила ихъ съ необычайной любезностью.

— Ну, овечки, сколько-то у васъ въ кошелькахъ? Что? хорошо клевало, а?

— Ну, держи языкъ за зубами, да давай скорѣе пива, нужно идти дальше! сказалъ Іеремія.

— Такъ развѣ ужъ и нельзя узнать, какъ насчотъ того? сказала Розхенъ и сдѣлала жестъ, что считаетъ деньги.

Вмѣсто отвѣта, Тиммъ пожалъ плечами и выворотилъ оба кармана своихъ панталонъ.

Розхенъ была холерическая натура и неудача такого исполненнаго надеждъ предпріятія возбудила ея справедливое негодованіе. Выразилось оно цѣлымъ потокомъ ругательствъ, часть которыхъ пришлась и на долю нашихъ пріятелей.

— Ну ужъ докажу-же я толстопузому Шменкелю! вскричала Роза.—Приди-ка онъ опять пить даромъ пиво; я ему такъ укажу дорогу, старому развратнику!

Въ это время, послышался страшный шумъ подъ окнами погреба. Начанали строить баррикаду, чтобы загородить Гертруденштрассе. Тиммъ и Іеремія, украдкой выглянувшіе въ окно, увидѣли Освальда, Бергера, Шменкеля и другихъ за работой. Они отступили дальше отъ оконъ.

— Хорошо, нечего сказать! началъ мушаръ;—мы заперты со всѣхъ сторонъ, и если эти подлецы найдутъ насъ здѣсь, такъ пожалуй убиютъ до смерти.

— Ну, еще не такъ худо! сказала Розхенъ;—я выведу васъ благополучно, пойдемте!

Она привела ихъ въ послѣднюю комнату, и спустилась по нѣсколькимъ ступенькамъ въ нижній погребъ, который служилъ кладовою. На стѣнѣ горѣла газовая лампа. Розхенъ поправила огонь.

— Ну, теперь ступайте вонъ въ ту дверь!—она указала на желѣзную дверь въ стѣнѣ.—Вы выйдете на узенькій дворъ; тамъ поверните на лѣво и черезъ домъ пивовара выйдете на Швеотерштрассе! Прощайте!

— Здѣсь всегда отперто? спросилъ Тиммъ, найдя желѣзную дверь незапертою.

Digitized by Google

— Только сегодня,—отвѣчала Розхенъ;—отсюда носятъ пиво. Сегодня вѣдь эти молодцы пьютъ какъ губки.

Пройдя черезъ дворъ въ домъ сосѣда, а оттуда на Швестерштрассе, гдѣ уже стояли солдаты, наши пріятели переглянулись. Одна и та-же мысль разомъ промелькнула въ ихъ головахъ.

— Славная была-бы ловушка! сказалъ Тиммъ.

— Если хотите помогать, то президентъ не забудетъ вамъ этого. Намъ нужны такіе люди какъ вы. Я уже на всякій случай говорилъ тамъ объ васъ, сказалъ Іеремія.

— А сверхъ того можно славно отмстить этимъ мерзавцамъ!

— Дѣло однако довольно опасное! замѣтилъ Гутхерцъ

— Смѣлость города беретъ! сказалъ Тиммъ;—препотѣшная мысль сдѣлать такой сюрпризъ моимъ милымъ друзьямъ. Если вы не согласны, я все беру на себя.

— Ну, въ такомъ случаѣ идетъ,—сказалъ мушаръ;—посмотримъ, что скажутъ на это господа военные.

Оба отправились прямо къ полковнику Шнабельсдорфу, который держалъ совѣтъ съ своими офицерами. . . . .

Возвратившись въ пивную, Розхенъ застала въ ней Шменкеля съ десяткомъ другихъ рабочихъ, которые собрались отдохнуть тутъ отъ трудовъ. По большей части это были давнишніе посѣтители Мрачнаго Погреба, тѣ люди съ всклокоченными причосками, которые выражали здѣсь по вечерамъ свое недовольство настоящимъ порядкомъ вещей. Шменкель всегда высоко стоялъ во мнѣніи этихъ людей, а теперь, когда они убѣдились, что онъ можетъ не только свободно говорить, но и дѣйствовать, онъ сдѣлался просто героемъ дня.

При такихъ обстоятельствахъ Розхенъ сочла за нужное лучше отложить исполненіе своихъ угрозъ и предоставить красивой Элизхенъ служить гостямъ, а сама сѣла за выручку.

Красивая Элизхенъ въ особенности благоволила къ Шменкелю, который конечно не преминулъ испробовать на ней свои дон-жуановскія способности. Она слышала часть разговора хозяйки съ Тиммомъ и Гутхерцомъ, и ей показалось подозрительнымъ, что они вышли въ заднюю дверь. Элиз-

Digitized by Google

хенъ сочла нужнымъ сообщить это своему возлюбленному, хотя-бы для того только, чтобы доказать, какая Розхенъ фальшивая кошка — истина, повторяемая ею уже не въ первый разъ. Шменкель былъ въ своемъ родѣ сметливый малый и тотчасъ понялъ всю важность словъ Элизы. Онъ смекнулъ, что если въ погребѣ имѣется задняя дверь, черезъ которую можно попасть на Швестерштрассе, и эта дверь извѣстна Тимму и Гутхерцу (которому Шменкель инстиктивно не довѣрялъ), то недурно освѣдомиться заперта-ли теперь эта дверь.

Шменкель спустилъ съ колѣнъ Элизхенъ и передалъ ея разсказъ товарищамъ. Всѣ согласились, что немедленно слѣдуетъ произвести рекогносцировку съ этой стороны. Въ ту минуту, какъ всѣ они схватились за оружіе и подошли къ двери, указанной Элисхенъ, дверь отворилась съ противоположной стороны и въ нее бросилась толпа вооруженныхъ, въ сопровожденіи Тимма и Гутхерца.

Внезапное появленіе штыковъ и выстрѣлы, которые никого не задѣли, исполнили такого паническаго страха нѣкоторыхъ изъ строителей баррикадъ, что они сломя голову бросились черезъ главный выходъ на улицу. Здѣсь встрѣтили ихъ Бергеръ и Освальдъ, привлеченные выстрѣлами, и поспѣшили на помощь Шменкелю. Кладовая сдѣлалась мѣстомъ битвы и положеніе нападавшихъ далеко было не выгодно. Бергеръ, Освальдъ и Шменкель сражались какъ львы Геркулесъ пробился къ самой желѣзной двери и, захлопнувъ ее съ своей исполинской силой, прислонился къ ней широкой спиною.

— Ну, теперь, профессоръ, справляйтесь только здѣсь. Снаружи уже не войдетъ никто, за это ручается вамъ Гаспаръ!

Въ темномъ, тѣсномъ, подземномъ пространствѣ, гдѣ люди боролись какъ дикіе звѣри, ужасъ достигъ теперь своего апогея. Нападающіе защищались отчаянно, но такъ какъ дверь все держалась, не смотря на удары въ нее снаружи, то легко было предвидѣть исходъ борьбы. Однако рѣзня могла-бы продолжиться еще довольно времени, еслибы не подоспѣлъ

Digitized by Google

Ольденбургъ съ свѣжими людьми и нападающія не были принуждены уступить количеству противниковъ.

Когда достали огня, въ погребѣ оказалось двое убитыхъ. Одинъ военный наткнулся на свой собственный штыкъ и вѣроятно умеръ мгновенно; другой статскій еще хрипѣлъ когда его поднимали; у него былъ страшно прошибенъ затылокъ и онъ умеръ пока его переносили. Сначала думали, что это одинъ изъ баррикадныхъ, но никто не узналъ его. Освальдъ также подошолъ къ столу, гдѣ лежалъ мертвый, и пристально вглядѣвшись въ искажонное лицо, съ ужасомъ удостовѣрился, что неподвижная, окровавленная масса была ничто иное, какъ представитель всѣхъ веселыхъ попоекъ, неистощимый каламбуристъ, его buon compagno въ столькихъ безумныхъ ночахъ, тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ недавно разстался въ ссорѣ и ненависти,—Альбертъ Тиммъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На одной изъ наваленныхъ въ кучу бочекъ сидѣлъ Ольденбургъ. Онъ свѣсилъ свои длинныя ноги и выпускалъ густые клубы дыма изъ своей сигары. У него было выраженіе лица человѣка, который взялъ на себя тяжолую отвѣтственность, но не страшится ея. Онъ ни на минуту не усумнился, что въ случаѣ взятія баррикады погибнетъ первый, но не это его заботило; въ душѣ его было даже смутное желаніе смерти. Сладкая и твердая надежда назвать Мелиту своею болѣе чѣмъ когда нибудь отдалилась въ послѣднее время. Онъ не могъ порицать ее за то, что воспоминаніе связи съ Освальдомъ тяжело лежало на ея душѣ и не дозволяло смѣло поднять глаза къ лучшему и болѣе любящему человѣку; но именно потому, что долженъ былъ уважать разлучающее ихъ чувство, онъ и былъ такъ безнадеженъ и безпомощенъ. Онъ не разъ повторялъ про себя слово, которое Мелита умѣла такъ трогательно произносить

Digitized by Google

въ минуты его сильной грусти, слово—терпѣніе!—Но терпѣніе, хотя и божественная добродѣтель, есть добродѣтель женщинъ; болѣе грубая мужская сила не удовлетворяется этой амброзіей. Ольденбурга томила невозможность сдѣлать что-нибудь для своего счастія и только, праздно сложа руки, съ вѣрою ожидать чего-то неопредѣленнаго.

Тутъ началась революція, и Ольденбургъ нашолъ возможность заглушить грызущую его тоску. Ему было пріятно, что Мелита ничего не видитъ. Съ самаго начала постройки баррикадъ онъ послалъ сказать ей черезъ стараго Баумана, что настоятельно проситъ ее остаться въ томъ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ она теперь. Отсылая старика, онъ думалъ: «или мы не увидимся вовсе, или увидимся болѣе счастливыми; теперь слѣдовало-бы только быть здѣсь Освальду и сражаться подлѣ меня и за Мелиту. Исходъ былъ-бы рѣшеніемъ Провидѣнія, и Мелита увѣнчала-бы вѣнкомъ побѣдителя того, кто-бы остался въ живыхъ.

Желаніе его исполнилось. Уже съ часъ Освальдъ трудился подлѣ него, какъ человѣкъ, которому смерть милѣе жизни. Требовалось-ли поправить поврежденіе на баррикадѣ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, или вообще сдѣлать самое трудное, Освальдъ навѣрное являлся, а такъ какъ Ольденбургъ постоянно былъ на опасныхъ мѣстахъ, то они безпрестанно встрѣчались. Впрочемъ какъ только проходила опасность, Освальдъ немедленно удалялся и Ольденбургъ не слѣдовалъ за нимъ, потому что намѣреніе избѣгать именно его было слишкомъ очевидно. Ольденбургу сильно хотѣлось протянуть руку бывшему другу въ этотъ часъ, можетъ быть послѣдній въ ихъ жизни, и сказать, что имъ слѣдуетъ позабыть все, что было прежде, а помнить только настоящее сочувствіе въ общемъ дѣлѣ.

Глаза Ольденбурга слѣдили за Освальдомъ, который стоялъ подлѣ Бергера, у огня разведеннаго караульными. Измѣняющееся освѣщеніе то показывало лица въ яркомъ свѣтѣ, то покрывало ихъ синеватой тѣнью. Это придавало имъ что-то странное, неземное; Ольденбургъ вспомнилъ о тѣняхъ на берегу Ахерона, кивающихъ перевощику....

Онъ всталъ и подошолъ къ нимъ.

Digitized by Google

— Какъ вы думаете, господа, долго мы будемъ наслаждаться этимъ спокойствіемъ?

— Не думаю, чтобы долго; — отвѣчалъ Освальдъ; — они вѣрно готовятъ новыя силы.

— Весьма можетъ быть; а вы какъ думаете, Бергеръ? — Бергеръ стоялъ, скрестивъ на груди руки и не сводя глазъ съ огня. Вдругъ онъ протянулъ руки и заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Чу! вотъ они. Земля дрожитъ подъ ними. Какъ они торопятъ своихъ коней! Вотъ они соскочили. Теперь набивайте чугунныя пасти, пока не лопнутъ, мы...

— Бергеръ! сказалъ Ольденбургъ, положивъ ему руку на плечо.

Бергеръ вздрогнулъ, какъ человѣкъ пробуждающійся отъ глубокаго сна. Онъ въ недоумѣніи осмотрѣлся.

— Что такое? спросилъ онъ, пристально глядя на Ольденбурга.

— Вы утомились отъ чрезмѣрнаго напряженія, Бергеръ. лягте-ка на часокъ. Я велю позвать васъ, когда будетъ нужно.

— Утомился? сказалъ Бергеръ, снова впадая въ безсознательное состояніе; — конечно утомился до смерти; но для этого одного часа мало. Если ужъ спать, такъ заснуть вѣчнымъ сномъ!

Въ это время подошолъ Шменкель, стоявшій на караулѣ, и сказалъ:

— Тамъ дѣлается что-то особенное; кажется теперь придется имѣть дѣло съ пушками.

Бергеръ вскочилъ.

— Пушки! вскричалъ онъ, — не говорилъ-ли я вамъ? Теперь наступаетъ рѣшительный часъ. Вставайте всѣ. Еще одинъ веселый танецъ съ змѣеволосыми фуріями жизни и потомъ вѣчный покой въ прохладныхъ объятіяхъ ночи! Вставайте всѣ!

Это восклицаніе подняло нѣкоторыхъ лежавшихъ у огня, одни схватились за оружіе и отправились на свой постъ вслѣдъ за Бергеромъ; другіе остались лежать и смѣялись надъ напрасной тревогой. Но и ихъ скоро поднялъ на ноги ударъ,

Digitized by Google

отъ которого дрогнули дома и полетѣла картечь на баррикаду.

— Теперь начинается серьозное дѣло,—сказалъ Ольденбургъ, обращаясь къ Освальду. Но мѣсто Освальда оказалось пустымъ.

— Онъ избѣгаетъ меня,—печально сказалъ Ольденбургъ;— а между тѣмъ совѣсть моя чиста; мнѣ не въ чемъ упрекать себя относительно его.

Онъ поспѣшилъ на баррикаду, гдѣ его присутствіе было теперь необходимо.

Къ первой пушкѣ присоединились теперь еще двѣ и почти безпрерывно раздавался громъ и сыпался градъ картечи на баррикаду. Очевидно хотѣли сдѣлать брешь и потомъ возобновить штурмъ. Ольденбургъ, не желая безполезно подвергать жизнь людей опасности, отдалъ распоряженіе стоять какъ можно болѣе подъ прикрытіемъ и не отвѣчать на огонь противниковъ, а беречь выстрѣлы для штурма. Кромѣ того онъ избралъ самыхъ храбрыхъ и приготовился броситься съ ними на наступающаго врага, чтобы дать другимъ время спастись въ сосѣднія улицы.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать эти распоряженія, какъ батарея принялась работать съ новою силою и вдругъ замолкла.

Минута совершенной тишины.

Глубокая тишина и потомъ звукъ множества трубъ, возвѣщающихъ приступъ. И вотъ приближается живая стѣна, одна за другою, неудержимо...

Пока одна часть людей занята исправленіемъ баррикады, другая заботится объ убитыхъ и раненыхъ. Человѣкъ въ бархатномъ сюртукѣ несетъ съ Освальдомъ тѣло того, кто въ первомъ ряду бился какъ левъ и палъ проткнутый штыкомъ.

Ольденбургъ спѣшитъ имъ на помощь.

— Умеръ онъ?

— Да.

Они кладутъ его подлѣ огня на землю.

Ольденбургъ взглянулъ на Освальда, стоящаго на колѣняхъ по другую сторону тѣла, и испугался. Лицо молодого человѣка почти также блѣдно, какъ лицо мертвеца; а глаза остановились какъ у помѣшаннаго.

Digitized by Google

— Боже мой, Освальдъ, вы ранены?

— Боюсь, что да,—отвѣчалъ Освальдъ и упалъ подлѣ трупа Бергера.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Послѣ той ночи уже два раза всходило солнце. Чудесный весенній день стоитъ надъ городомъ. На свѣтломъ небѣ рѣзко вырисовываются великолѣпные дворцы, и золотое утреннее солнце обливаетъ тысячи счастливыхъ людей, разъѣжающихъ по городу въ праздничныхъ экипажахъ.

Ольденбургъ стоитъ подъ окномъ отеля и смотритъ на толпу людей, весело проходящихъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ третьяго дня ночью была баррикада, на которой пало столько жертвъ.

Въ гостинницѣ еще и теперь двѣ такихъ жертвы.

Внизу, фута на два отъ улицы, по которой кишатъ веселыя толпы, лежитъ въ гробу блѣдный человѣкъ; длинная, сѣдая борода скрываетъ глубокую рану на груди, полученную вчера ночью.

А на верху, въ одной комнатѣ съ Ольденбургомъ, лежитъ молодой человѣкъ, тоже смертельно раненый вмѣстѣ съ сѣдымъ мечтателемъ, но молодыя силы котораго все еще борятся съ неумолимой смертью....

Ольденбургъ и Шменкель послѣдніе сошли съ баррикады. Шменкель въ ту-же ночь со слезами разсказалъ Ольденбургу, что офицеръ, убитый на ихъ глазахъ, былъ его сынъ. Ольденбургъ не безъ удивленія выслушалъ безсвязной разсказъ о такой-же безсвязной жизни Гаспара, въ особенности исторію послѣднихъ дней, интриги покойнаго Тимма, тѣло котораго отнесли въ госпиталь, и Іереміи Гутхерца, который руководилъ нападеніемъ на Мрачный Погребъ и первый бѣжалъ при началѣ дѣла, конференціи съ графомъ Малицевскимъ и графиней Летбусъ, и наконецъ то, какъ Тиммъ хвасталъ ему, что можетъ каждую минуту сдѣлать изъ Освальда барона Гренвица.

Digitized by Google

Ольденбургъ зналъ свѣтъ, въ особенности ту среду, въ которой разыгрывались исторіи Шменкеля, и потому не усумнился въ ихъ вѣроятности.

Зналъ-ли Освальдъ о своемъ происхожденіи? Впрочемъ теперь это все равно! Едва-ли смерть способна сдѣлать различіе между сыномъ барона Гаральда и сыномъ учителя Штейна, а Освальдъ принадлежитъ уже смерти.

Это было рѣшено спустя часъ послѣ полученной имъ раны. Только въ это время подоспѣла медицинская помощь въ лицѣ доктора Брауна, который прибылъ на баррикаду вмѣстѣ съ Мелитой. Мелита была еще у Софи, когда Бауманъ принесъ извѣстіе о началѣ штурма и о томъ, что Ольденбургъ командуетъ баррикадой Большой улицы. Мелита тотчасъ рѣшилась отправиться къ Ольденбургу, а Софи тотчасъ увидѣла, что въ то время, какъ тысячи людей жертвуютъ жизнію, Францу не терпится дома, потому не возражала, когда онъ вызвался проводить Мелиту. Старикъ Бауманъ и Бемперлейнъ должны были остаться у Софи и заботиться о ней и о дѣтяхъ.

Путь Мелиты и Франца былъ очень труденъ, большими обходами, не рѣдко съ опасностью жизни, и продолжался нѣсколько часовъ.

Свиданіе съ любимой женщиной тысячекратно вознаградило Ольденбурга за все, что онъ выстрадалъ изъ за нея. Мелита со слезами обнимала и цаловала его въ присутствіи Брауна; не могла на минуту разстаться съ тѣмъ, котораго такъ боялась не застать болѣе въ живыхъ и котораго нашла во всемъ блескѣ гордой мужской силы, почернѣвшаго отъ пороха. Ужъ самъ Ольденбургъ наконецъ шепнулъ ей, что Освальда, смертельно раненаго, отнесли въ гостинницу. Тогда, оставивъ его руку, блѣдная и серьозная, но безъ отчаянія, она сказала, что будетъ ходить за больнымъ какъ сестра.

Съ тѣхъ поръ прошли цѣлыя сутки—вѣчность для тѣхъ, кто не отходилъ отъ постели жестоко страдающаго Освальда. Въ бреду онъ безпрестанно вскакивалъ съ постели, такъ что понадобилась Шменкелева сила, чтобъ удерживать его, и безъ умолку говорилъ обо всемъ, что возникало въ его разго-

Digitized by Google

рячонномъ мозгу. Такъ онъ, всегда сосредоточенный, разсказалъ тайну своего происхожденія и сильнѣе всего удивилъ этимъ добрую полковницу Шварцъ. Бѣдняжка такъ давно тосковала по своей Мари и нашла ея сына только для того, чтобы присутствовать при его смерти. Старушка точно добрый духъ носилась по комнатѣ, и въ тѣ минуты, когда не было дѣла, набожно складывала руки и горячо молила Бога сохранить ей сына ея возлюбленной дочери.

Но уже съ первой минуты не было никакой надежды. Францъ тотчасъ-же объявилъ, что Освальдъ проживетъ не болѣе двухъ дней и то въ самомъ благопріятномъ случаѣ; впрочемъ легко можетъ быть, что передъ самой смертью онъ придетъ не надолго въ сознаніе.

Мелита съ грустью ожидала приближенія этой минуты. Теперь она чувствовала, что любитъ Освальда только какъ несчастнаго брата. Освальдъ ни разу не произнесъ въ бреду ея имени; онъ только все говорилъ о милой прелестной женщинѣ, противъ которой безконечно погрѣшилъ и которая не можетъ простить ему. Это воспоминаніе вызывало у несчастнаго слезы, а Мелита, вытирая ихъ, больше всего на свѣтѣ желала сказать ему, что она ужъ давно простила.

Наконецъ раненый вздохнулъ такъ глубоко, что Ольденбургъ быстро отвернулся отъ окна и подошолъ къ его постели. Но вздохъ этотъ не былъ болѣзненный, это былъ вздохъ груди, освободившейся отъ нестерпимой тяжести. Случилось то, что предсказывалъ Францъ — боль исчезла и съ нею всякая надежда на жизнь...

Пока продолжалось воспаленіе въ ранѣ, несчастнаго мучили страшныя видѣнія. То ужасные гады смотрѣли на него мутными глазами, чудовища грызли зубами его тѣло; то мертвецы, закутанные въ саваны, ходили вокругъ него и вдругъ открывали милое, помертвѣвшее лицо. А пропасть становилась все страшнѣе, ему приходилось проползать въ узкія отверстія, вой демоновъ преслѣдовалъ его и страшно повторялся окружающими утесами—адское пламя кругомъ... Вдругъ онъ услышалъ голосъ: Освальдъ! Освальдъ! и отъ серебристаго звука этого милаго, кроткаго голоса исчезли гады и привидѣнія, умолкъ вой демоновъ. Узкіе, калёные

Digitized by Google

адскіе проходы расширились и обратились въ высокіе своды, которые начали шевелиться и превратились въ величественныя деревья, сквозь листву которыхъ проглядывали солнечные лучи. И опять раздалось: Освальдъ! Освальдъ! и онъ полетѣлъ по направленію голоса черезъ синеватыя лѣсныя мѣстности, черезъ зеленые луга, пересѣкаемые серебряными водяными жилками. И все свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось кругомъ; изъ прохладной тѣни, гдѣ онъ охотно остановился, глазу его предстанилась страна полная цвѣтущей жизни, золотыхъ жатвъ и веселыхъ солнечныхъ лучей. И пока онъ наслаждался этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, на цвѣтущихъ нивахъ, между зрѣлыми колосьями, показались двѣ высокія фигуры. Сначала онъ не узналъ ихъ, но когда онѣ подошли ближе, онъ увидѣлъ, что это Ольденбургъ и Мелита. Онъ протянулъ къ нимъ руки и сказалъ: «Добрые люди, можете-ли вы простить мнѣ?»

Тогда они нагнулись къ нему и онъ почувствовалъ на своихъ губахъ ихъ поцалуи. Ему хотѣлось-бы громко зарыдать отъ блаженства, но не было силы. Пріятная слабость охватила всѣ его члены. Онъ хотѣлъ открыть глаза, но теплая, милая рука опустилась на нихъ; жатвы, поля, солнечное сіяніе исчезли; высокія фигуры развѣялись въ туманѣ; сильнѣе зашумѣлъ лѣсъ, все дальше и дальше уносило его въ прохладную тѣнь, и вдругъ наступила ночь— вѣчная ночь. . . . . .

И опять яркое весеннее солнце два раза всходило надъ городомъ; и опять громадный городъ въ торжественномъ одѣяніи; но цвѣтъ этой одежды мраченъ: справляютъ погребеніе.

Чорные флаги развѣваются на башняхъ и зубцахъ зáмковъ; чорный флеръ видѣнъ на окнахъ; чорнымъ флеромъ покрыты шляпы женщинъ и обвязаны руки безчисленнаго множества мужчинъ, идущихъ по городской площади, гдѣ, между залитыми солнцемъ храмами, стоятъ на эстрадѣ гробы погибшихъ въ достопамятную ночь.—Сто восемдесятъ семь гробовъ — сто восемдесятъ семь умершихъ, въ томъ числѣ дѣти и женщины. Но этимъ не кончилась кровавая жатва. Въ госпиталяхъ и домахъ лежитъ много опасно раненыхъ,

Digitized by Google

изъ которыхъ не многимъ суждено увидѣть опять солнечный свѣтъ.

Вотъ со всѣхъ башенъ раздается торжественный звонъ— это тѣ-же колокола, которые звонили набатъ въ ту ночь...

Церковная церемонія кончена. Начинается погребальное шествіе.

Такого шествія конечно никогда еще не видалъ городъ.

Вотъ замелькали желтые, украшенные вѣнками гробы на плечахъ гражданъ, въ сопровожденіи тысячи народа всякого пола и возраста. На каждомъ гробѣ надпись съ именемъ умершаго. Неизвѣстныя, темныя имена! Кто такой былъ Освальдъ Штейнъ, или Эбергардъ Вольфгангъ Бергеръ?

И такъ тянется непрерывный рядъ медленно и торжественно къ своей цѣли, къ мѣсту за городскими воротами, гдѣ вырыли большую четырех-угольную яму. Носильщики спускаются въ яму, ставятъ гробы и уступаютъ мѣсто слѣдующимъ и такъ до самаго конца.

А тысячи стоятъ кругомъ въ благоговѣйномъ молчаніи. Вотъ раздаются выстрѣлы и народъ молится.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google